6

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

6

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1983

А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ШЕСТОЙ

ПИСЬМА

(1932—1970)

МОСКВА

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1983

Р2
Т26

Составление, примечания
М. И. ТВАРДОВСКОЙ

Под общей редакцией
Ю. Г. БУРТИНА

Оформление художника
Г. ЧЕХОВСКОГО

Т $\frac{4702010200-269}{028(01)-83}$ подписное

ПИСЬМА
1932–1970

БАГРИЦКОМУ Э. Г.

Смоленск, 9 сентября 1933 г.

Уважаемый тов. Багрицкий!

Адрес Ваш этот Вы мне дали, когда я был в Москве.

Пользуюсь им теперь, когда пришла большая нужда. Дело в том, что со времени наших встреч прошло около двух лет. Я всерьез и надолго засел в Смоленске, стал учиться (и в местном институте, и так вообще), абсолютно оторвался от московских миров. Написал за это время поэму «Вступление» (выпустил в Запгизе), тучу всяких очерков и несколько стихов. И вот в чем, собственно, дело, т. Багрицкий. Я Вас очень, очень прошу ответить мне, хоть коротенько, на мое письмо. Я думаю, собираюсь предложить кому-нибудь (издательству) книжку стихов, которая бы подытожила мою, какая она ни есть, работу за 3—4 года. К Вам я обращаюсь прямо, поскольку Вы, говорят, редактируете все выходящие в Москве (в «Советской литературе») стихи. Как вы смотрите на возможность издания моей книжки? Если утвердительно, то буду готовить и присылать незамедлительно. Вообще напишите мне что-нибудь,— буду глубоко благодарен.

Сейчас наудачу посылаю пару стихов, из новых. Стихи без особых хитростей, но, по-моему,— серьезные; если они Вам приглянутся,— дайте их в любое место, где Вы заседаете в редколлегии. Напишите же мне пару строк, в частности — об этих стишках.

Простите, если я очень неожиданно и слишком деловито обращаюсь к Вам.

А. Твардовский

Посылаю и книжку, но без обложки — очень плохая. Книжка сама — конечно — дело уже прошлое.

А. Т.

ЧУКОВСКОМУ К. И.

Смоленск, 18 июня 1936 г.

Дорогой Корней Иванович!

Получил сегодня Вашу книгу. Большое спасибо. С удовольствием перечитаю ее. С первых же страниц я вспомнил и пожалел глубоко, что ничего не записал за своей дочкой, которой уже скоро будет пять лет (она, между прочим, давным-давно знает «дядю Чуковского»). Это, вероятно, все родители чувствуют, читая эти ваши статьи.

«Муравия» уже почти вышла. Я бы Вам охотно послал сигнальный экземпляр, который уже имею, но он на серой бумаге, а я хочу прислать на хорошей. В ближайшие дни пришлю.

Я Вам очень благодарен, дорогой Корней Иванович, за Ваше внимание ко мне. Я часто вспоминаю о Вас, о Вашем письме — и мне всякий раз становится, как говорят, на душе светлей и даже лучше работается.

Привет от жены.

А. Твардовский

БЕКУ А. А.

Москва, 3 июля 1937 г.

Привет незадачливым дачникам!

Большое спасибо за письмо, за память, как говорится. События нашей скромной жизни следующие: Маня родила хорошего парня, а я сдал с грехом пополам экзамен по истории. Завтра-послезавтра уезжаем в Смоленск, вернее, не в самый Смоленск, в под-Смоленск, есть там такая ст. Колодня. Туда просим и писать нам, помечая «до востр.».

Я уже перестал удивляться практичности Бека, но в своем письме он дал мне повод еще раз удивиться. Выходит, что, попав в малярийную местность, он первым долгом озабочен поживиться здесь историей вопроса, показаниями очевидцев и т. д. Молодец, право, но смотри — как бы исследовательский интерес не сыграл с тобой шутку. А толстых, говорят, малярия особенно жестоко бьет.

А с сыном (зовут его Александром) происходит такая вещь. Ввиду бессмысленности обзаведения кроваткой на 3—5 дней нашего здесь пребывания, мы его положили в чемодан, прикрепив поднятую его крышку к стене. Он (сын) вначале прямо-таки вольготно чувствовал, а в последние дни замечаем, что ему уж вот-вот потянуться будет неловко. Поэтому спешим уезжать. Сын, нужно сказать, удачный. Некоторую несвоевременность своего появления он целиком искупает и даже перекрывает своими наличными качествами. Я при моем теперешнем преобладающем настроении (плохом) прямо-таки нахожу в нем утеху.

Новостей общезначимых не знаю.

Большая неприятность: Македонова бьют всерьез, а мне его жалко, настоящий человек, умный и честный, говоря минимально.

Желаю Вам — Ал. Ф. и Л. П. все же использовать свою малярийную зону на сто процентов.

Хорошо будет (если все будет хорошо) встретиться осенью. Видимо, Бек, будем мы с тобой обзаводиться каким-нибудь приютом под Москвой. Я по крайней мере. В общем, обмозгуем накоротке.

Маня кланяется Вам. Просит сообщить, что сын с момента рождения прибавил в весе 400 граммов.

Ваш многосемейный и чадолюбивый друг.

А. Твардовский

Пиши на Колодню.

АБОРСКОМУ А. И.

Москва, 20 марта 1939 г.

Дорогой тезка!

[...] У меня к тебе есть одна серьезная просьба. Ты, кажется, имеешь отношение к переводам туркменских классиков. Там у Вас, по сообщению Стрельченко, приняты и одобрены переводы Иринина Б. («Нужда» и «Акменгли» — кажется). Переводы действительно хорошие, но переводчик (Б. Иринин — Борис Сергеевич Бурштын), хороший человек, мой старый приятель, очень нуждается, перебивается буквально с хлеба на квас. За означенные переводы он не получил еще ни копейки, а этому (как он их сдал) уже два-три месяца. Не сочтешь

ли ты возможным устроить ему деньжонки за эти переводы. Сумма там рублей 150—200. Ты вправе подумать, почему, мол, я, Твардовский, просто не дам ему 150—200 руб., вместо того чтобы затевать долгую переписку? Дело в том, милый, что он мне должен гораздо больше этой суммы и, как человек щепетильный до невозможности, наотрез отказывается принять еще хоть рублевку, страдая (зря, конечно) уже тем, что не может отдать прежнего долга. Для него эта суммишка будет прямо подарком с неба. Так вот если это не будет очень трудно, устрой ему эту штуку. Адрес его такой:

Москва, ул. Фурманова, 3/5, кв. 21
Мих. Вас. Исаковскому для
Бурштына Бориса Сергеевича.

Буду очень рад, если исполнишь просьбишку.

Посылаю тебе по традиции «Сельскую хронику», новую мою книжку, хотя новых для тебя стихов в ней нет.

Жму руку, обнимаю.

А. Твардовский

ЕВГЕНЬЕВУ-МАКСИМОВУ В. Е.

Москва, 18 мая 1939 г.

Уважаемый Владислав Евгеньевич!

Простите меня, пожалуйста, что я ответил не сразу, не мог выбрать свободного часа: выпускные экзамены и т. д. По существу поставленных Вами вопросов могу сообщить следующее.

Некрасова я узнал и полюбил на всю жизнь с детства. Отец мой был человек не только грамотный, но и довольно начитанный, по-деревенски. Году в 20-м он купил на базаре первый том Некрасова (не знаю, какого издания — с портретом в шубе и шапке-боярке). Эта книга у нас в семье была вроде Библии. По вечерам отец раскрывал ее торжественно и начинал читать «с выражением», а мы все — ребята, мать, а то кто-нибудь из соседей — слушали. Очень многие стихотворения мы пели по книге, например, «Коробейников» целиком. Но в этом томе не было «Кому на Руси», эту поэму я прочел спустя много лет, хотя слышал о ней также с детства.

В общем — знакомство мое первоначальное с поэзией Некрасова было неполным, но очень глубоким по впечатлению. Можно сказать, что я с тех пор не перечитывал многих стихотворений Некрасова, я их просто вспоминал, они всегда были, так сказать, при мне.

И ни чем в поэзии я уже не был захвачен с такой силой. Не говорю о Пушкине, которого также с детства знал и любил; но Некрасов мне был как-то *лично* близок, я знал его биографию, знал о его голодной юности и т. д. Я мечтал, что и я так же буду голодать, пробиваться, когда уеду со своими стихами из деревни. Мечты эти, кстати сказать, впоследствии в достаточной мере осуществились, т. е. я и голодал, и безночлежничал, и вообще мытарился порядочно. Но это между прочим. А я хочу сказать, что этот поэт был мне дорог еще как личность, он был моим любимым героем.

Теперь — что касается влияния Некрасова на меня как поэта. Здесь, поскольку меня самого об этом спрашивают, я хотел бы сказать, что влияние это (бесспорное и огромное) не нужно понимать в слишком прямом смысле, т. е. так, как будто для меня не существовало поэзии посленекрасовской, поэзии двадцатого века, Маяковского, а также поэзии западной, с которой, правда, я знаком лишь по переводам. Отдельно я указал бы еще на И. А. Бунина.

Иначе говоря, если бы я только просто взял некрасовские средства в приложении к советской тематике, то это было бы очень скверно и было бы не учебой у Некрасова, а лишь профанацией его поэзии. Но это, кажется, элементарно.

Еще я прошу Вас, уважаемый Влад. Евг., предостеречь товарища, который будет читать доклад о Некрасове и современной поэзии, от этаких возможных сопоставлений: «Некрасов — Твардовский...» Такие сопоставления иногда делаются. И речь не о том, что меня лично это коробит, а о том, что это вообще неверно, вредно, легкомысленно.

Вот примерно и все, что можно сказать в небольшом письме. Развивать же подробно — это значило бы писать статью.

Желаю Вам здоровья и всего лучшего.

А. Твардовский

МИТРОФАНОВУ А. Г.

Москва, ⟨май 1939 г.⟩

Александр Георгиевич!

Ознакомившись со статьей тов. Г. Корабельникова, имею сообщить следующее.

1. Статья очень хороша по тону, *по серьезной пристальности* разбора и выявления характерных моментов *песенной стороны творчества* Исаковского, фольклорных корней его. Но —

2. Она носит обобщающий характер, т. е. говорит обо всем Исаковском, а при этом разбирает лишь *одну* его книгу «Четыре желания». А это лишь часть Исаковского. Нужно было бы хоть в порядке обзора привлечь и другие книги стихов («Провода в соломе», «Провинция» и др.).

3. Хорошо и уместно было бы использовать *статью М. Горького об Исаковском* («Известия», 1928 г.), там он очень верно определяет специфически новое в стихах Исаковского по сравнению с так называемой «крестьянской» поэзией.

4. Статью нужно подчистить стилистически: много *нарочито старомодных оборотов* под Белинского; есть излишнее усердие в пояснении понятного.

Я с удовольствием бы принял участие в доработке статьи (с согласия автора и редакции, конечно), но у меня *еще два экзамена* на душе.

А. Твардовский

ЩИПАЧЕВУ С. П.

Ленинград, 8 марта 1940 г.

Дорогой Степан!

Обращаюсь к тебе с просьбой. Дело в том, что я, по совету товарищей, намерен переводиться в члены ВКП(б) здесь, в нашей редакционной парторганизации. Это мотивируется рядом соображений и одобрено командованием. Я уже написал в партбюро ССП об этом своем намерении.

У тебя я прошу рекомендацию. Думаю, что ты не откажешь, т. к. рекомендовал меня в кандидаты. Впрочем,

это дело душевное, и настаивать или убеждать тебя я не буду.

Живу я и работаю по-прежнему, т. е. уезжаю, приезжаю, пишу. Написал уже несколько томов. Устал немножко, но вообще бодр и здоров.

Как ты живешь? В письме к С. Вашенцеву ты говоришь, что написал и мне письмо, но я такового не получал. Поищи в карманах — может, оно завалялось неотправленное.

Жму твою рабоче-крестьянскую руку.

Привет Елене Викторовне.

А. Твардовский

ВОЛГИНОЙ Т. И.

Москва, 9 января 1941 г.

Уважаемый тов. Волгина!

Н. Н. Асеев передал мне Вашу книгу стихов. Я еще раньше познакомился с ней, но сейчас читал ее как работник издательства. Стихи говорят сами за себя,— они превосходны. Книжку будем, конечно, издавать. Я очень прошу Вас дослать еще стихов, если есть что-нибудь. Хотелось бы, чтоб книжечка была не очень маленькая, тем более что, по-моему, два-три стихотворения из теперешнего ее состава придется, может быть, исключить. Я об этом напишу Вам потом подробнее.

Присылайте же поскорей, если что-нибудь найдется у Вас. Желаю Вам всего доброго.

Сообщите Ваше отчество.

А. Твардовский

КОВАЛЬЧИК Е. И.

Москва, 19 февраля 1941 г.

Уважаемая Евгения Ивановна!

Сегодня в 8 ч. вечера я уезжаю в Ригу. Роман М. Никитина я не успел прочесть целиком, но должен сказать, что достаточно прочесть первые 50 страниц, чтоб убедиться в его полной непригодности к печати.

Это — пустая, претенциозная болтовня, анекдотцы, третьесортная любительская беллетристика.

Я не вправе писать рецензию, т. к. не прочел всей книги, но, уезжая, не могу не поделиться с редакцией, с Вами впечатлением, которое явилось у меня при ознакомлении с первой полсотней страниц рукописи.

Автор, мне кажется, просто не знает, что в основу всякого, а особенно такого большого по размерам произведения должны быть положены какие-то серьезные, жизненно обязательные, существенные вещи. Он только знает, что в «романе» должен быть «герой» (сценарист Марк), что действие романа должно развертываться на фоне более или менее необычной природы (Сибирь, Енисей), что можно рассказывать старые, замшелые анекдоты устами выдуманных, неубедительных «золотоискателей». А чтоб поменьше быть обязанным живой современной действительности — в основу сюжета берется не что-нибудь «обыденное», а, например, какая-нибудь киноэкспедиция, а время действия — 28—29 гг. (!)

Но бог бы с ним, если б не этот язык, не эти потуги на остроумие, не эта дешевая литературщинка описаний, характеристик и т. п.

Впрочем, зачем я так распинаюсь?

Прочтете несколько страниц — все станет ясно.

А. Твардовский

ВОЛГИНОЙ Т. И.

Москва, 15 июня 1941 г.

Дорогая Татьяна Ильинична!

Живу я действительно на даче и очень далеко от города, приезжаю только по субботам. Этим только и объясняется возможная задержка с ответом.

Стихи не очень обрадовали меня (подробно не буду сейчас), лучше других, пожалуй, насчет сына, только там в середине очень досадны какие-то четыре рифмы подряд — «книжки — мышки» и т. д. Стихи сейчас в редакции, высказываюсь по памяти.

Одно, два, может быть (два, может быть!), напечатаем из этих стихотворений, но в вопросе о книжке они, по-моему, не меняют еще ничего.

Но Вы, пожалуйста, не огорчайтесь, не думайте, что люди, которым понравились Ваши стихи, такие дураки,

что требуют от Вас немедленно «новых этапов» и т. д. Ничего подобного. Я, например, знаю даже то, что Вы будете некоторое время испытывать какую-то растерянность. Это все законно. Главное, старайтесь, чтоб время даром не проходило,— читайте, размышляйте, даже белье стирайте. Не так это последнее страшно, Таня, если продолжать помнить о себе как о человеке, с которого и еще спросится.

Слыхал я (сам пропустил, не читал), что Вас ругнули в «Правде» или еще где-то. Учитесь быть только злей в работе от таких штук. Беды тут никакой нет.

Желаю всего доброго. Мои все живы, как говорится, здоровы. Много всяких тяжелых вещей произошло, но сейчас ничего уже как будто.

Мария Илларионовна кланяется Вам.

А. Твардовский

Пишу, простите, очень спешно и плохо — много сегодня отвечать, много читать рукописей и т. д.— все, как у знаменитых людей.

СИМОНОВУ К. М.

11 марта 1944 г.

Дорогой Костя!

Сердечно благодарю тебя за твое письмо, оно меня тронуло и порадовало. В наше время люди забывают иногда о таких простых и нужных вещах, как выражение товарищеского сочувствия работе другого, хотя бы она и была иной по духу и строю, чем твоя.

Мне жаль, что ты знакомился со второй частью «Теркина» в отрыве от первой (никаких вообще «частей» в книге не будет), но я, покамест, не имею другого, кроме первой части издания, к тому же оно уже во многом не соответствует последнему варианту. Буду рад подарить тебе книгу, когда она выйдет более или менее полностью, а пока что хотел бы получить от тебя твою книжку стихов — гослитиздатовскую.

Жму руку. Еще раз спасибо.

А. Твардовский

ИВАНОВУ Т. Ф.

Полевая почта 56210, 2 июня 1944 г.

Уважаемый тов. Иванов!

В стихах «Беларусь зовет» есть неплохие строчки. Описание болотного края дано с хорошим чувством природы и сознательным отбором слов. Для начала, повторяю, неплохо. Жаль только, что в целом стихотворение не отлилось в отчетливую форму.

По одному образцу, понятно, очень трудно судить с определенностью, но похоже, что Ваши опыты не случайный позыв к стихам, а что-то идущее от серьезного влечения. Если есть другие стихи, присылайте, если нет — не торопитесь их писать только для того, чтобы послать в газету, а для «самопроверки» погодите до того момента, когда Вам писать захочется неотложно, независимо — для печати или нет. Тогда пишите. Это первое условие литературного творчества, чтобы не внешняя, а самая внутренняя причина толкала к нему.

Желаю Вам здоровья по излечении раны и всяческих успехов.

А. Твардовский

ГОРДИЕНКО Ю. П.

⟨Декабрь 1944 г.⟩

Тов. Гордиенко!

Вы включены в список участников фронтового совещания поэтов и писателей, о чем еще получите специальное извещение.

Привозите новые стихи.

Потолкуем обо всем здесь.

Привет!

А. Твардовский

БРОНЕВИЧУ Г. А.

Полевая почта 01965-Д, ⟨1944—1945⟩

Уважаемый тов. Броневич!

Ваша «Встреча» не может быть напечатана, т. к. в стихах Вы еще допускаете крайне неловкие выражения и попросту грешите против законов русского языка.

...Встреча эта с девушкой в Смоленске
Над моей кружится головой.

Это очень плохо сказано. Над головой может кружиться птица, самолет, что еще — не знаю, но не встреча, не прощанье и т. п. Можно догадываться, что Вы хотите сказать, но читатель не обязан догадываться. Или — дальше у Вас:

Где ты теперь, та пыльная дорога...

Следуя бессознательному некоему, запавшему Вам в память поэтическому обороту, Вы в этой строчке допускаете явную бессмыслицу. Дорога-то где была, там и осталась, это не девушка, которая, действительно, может уехать в неизвестном направлении и которую, кстати сказать, Вы также очень неудачно наделяете «воинственно-приветливой походкой».

Как видите, одно дело написать стихи на память знакомой девушке, другое — стихи, которые можно было бы напечатать. Не огорчайтесь прямотой оценки, она будет на пользу Вам.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

БЕЗРУКОВУ О. А.

Полевая почта 08601-Н, ⟨1944—1945⟩

Уважаемый тов. Безруков!

Ваше стихотворение «Добьем зверя» свидетельствует о наличии чувства ритма, известной литературной опытности, а местами и об удачном выборе слов и выражений. Например:

Край, напоенный слезою горючей,
Кровью людскою *сполна орошен*,
Край, обнесенный железом колючим,
Вытерпел, вынес, *к свободе пришел*...

Но и здесь, рядом с простыми отчетливыми оборотами, есть неловкие и в отношении грамматики и просто по смыслу. Таковы сочетания: «сполна орошен» (*сполна* можно — оплатить, возместить и пр., но не *оросить*); «к свободе пришел»: речь идет о крае, который оккупирован немцами; но ведь не сам же по себе этот край освободился от оккупации, а у Вас получается именно так: «вытерпел, вынес, к свободе пришел»...

Если присмотреться так же внимательно к другим строфам и строчкам стихотворения, то подобных неловкостей найдется очень много. Я не говорю уже о том, что тема слишком обща, лишена конкретно-поэтического «фокуса» (поворота), с помощью которого Вы могли бы выразить то, что нужно, более убедительно.

С приветом.

А. Твардовский

СЕРЖАНТУ В. БОБРОВУ И МЛ. СЕРЖАНТУ ВОРОБЬЕВУ

Полевая почта 68288, 〈1944—1945〉

Уважаемые товарищи Бобров и Воробьев!

На ваш запрос относительно «Василия Теркина» отвечает вам автор этой поэмы А. Твардовский. Мне кажется, что это не так важно — живое или вымышленное лицо В. Теркин. Гораздо важнее то, насколько правдиво выражены в нем живые черты русского советского воина. Но во избежание ошибочных суждений сообщаю вам, как оно есть: Василий Теркин, литературный герой, конечно, вымышлен мною; но, создавая его средствами вымысла, я имел в виду много действительных, живых лиц, с которыми мне приходилось встречаться на фронте, и старался из отдельных характерных черт представить образ или литературный тип.

Вот вам справка. Но, повторяю, в отношении поэтического произведения этот момент существенного значения не имеет. Важно только — хорошо ли, верно ли действительности изображен Теркин. Хорошо — значит, живой, значит, он «есть на самом деле», а нет — значит, его и нет.

Желаю вам всего лучшего.

А. Твардовский

НОВИКОВУ И. Н.

Полевая почта 92186-Н, 〈1944—1945〉

Уважаемый тов. Новиков!

Я просмотрел целую груду Ваших стихотворений. Ни одно из них не подходит для печати. Что у Вас хорошо

и что покамест плохо? Хорошо, во-первых, то, что Вы пытаетесь со знанием дела говорить о существенном в жизни солдата. Здесь у Вас детали, подробности, отдельные выражения очень ценны. Мало кто из пишущих о жизни солдата досконально знает о том, какие, например, казусы бывают с раздачей пищи и т. п. Хорошо и то, что Вы читали, как чувствуется, Пушкина и вообще классическую поэзию. Но решительно плохо то, что Вы еще слишком наивно «усваиваете опыт» мастеров, механически подражая известным образцам и стремясь сегодняшнее, будничное, фронтовое втолкнуть в рамки классических стихотворных размеров и интонаций.

Возьмем, к примеру, такие строки:

Предвидя долгую разлуку,
Не находил я нужным скуку
Влачить бессмысленно...

Это школьнически-наивное подражание пушкинской манере. Здесь не только интонация не Ваша, но и словарь: «влачить» — разве мы так говорим теперь в жизни?

Или:

При сих словах слезу роняя...

Это «при сих» до того архаично (старомодно), что может вызвать только улыбку, как пародия. Но Вы-то пишете всерьез эти стихи.

Примеров можно было бы привести куда больше, но все равно всего не скажешь в письме, и я не думаю, что Вы сразу же должны теперь начать писать по-новому. Все это не так легко и требует большой, длительной учебы и работы. Печататься Вам покамест рано.

Привет.

А. Твардовский

ЩЕРБАКОВУ Н. А.

Москва, 20 октября 1945 г.

Дорогой Николай Александрович!

Я очень рад, что ты сыскался. Мне о тебе рассказывала Мария Илларионовна, моя жена. Одновременно с этим письмецом к тебе я пишу Прокофьеву,— может, он

чем-нибудь тебе поможет в литературном и житейском плане.

С Тихоновым поговорю о тебе при первой встрече. Мне кажется, он должен хорошо к тебе относиться по старой памяти соратника на поприще создания «старого» «Теркина».

Пока что рекомендую тебе не предаваться унынию, все в конце концов устроится и будет в порядке.

Привет твоей жене и детишкам.

Прости, что пишу так кратко,— это потому, что не хочу откладывать ответ на неопределенное время.

Желаю добра и бодрости.

А. Твардовский

ПРОКОФЬЕВУ А. А.

Москва, 20 октября 1945 г.

Дорогой Саша!

Я очень прошу тебя обратить внимание на судьбу Н. Щербакова, одного из соавторов «старого» «Теркина» и вообще старого армейского поэта. Обстоятельства этой судьбы, должно быть, уже известны тебе. Он был ранен, попал в плен и вернулся теперь домой. Беден он и голоден, по-видимому, показательно. Он мне писал, что в Союзе ему выдали единовременное пособие в 500 р. Но его лучше всего было бы пристроить, как мне кажется, на какую-либо работу литературно-газетного порядка. В этом отношении он — золотой человек, сколько я его знаю, аккуратист, исполнительный и грамотный работник.

Если найдешь возможность сделать что-либо, будет очень хорошо во всех отношениях.

Приветствую тебя и желаю тебе всего доброго в трудах и замыслах.

Твой *А. Твардовский*

КОНОНОВУ А. Т.

⟨январь — февраль 1946 г.⟩

Уважаемый Александр Терентьевич!

Мне прислал свою книжку «Базар», изданную в Челябинске, некто В. Кузнецов с просьбой порекомендовать

ее для переиздания в Детгизе. Книжка, на мой взгляд, того заслуживает. С. Я. Маршак, знающий о ней, того же мнения. Он посоветовал мне направить ее непосредственно Вам. Автор, насколько мне известно, рабочий человек, самоучка, лет 55.

Буду очень рад, если Вы найдете возможным переиздать эту книжечку, а нет — то простите за беспокойство.

А. Твардовский

ГАНАБИНУ И. В.

15 апреля 1947 г.

Дорогой тов. Ганабин!

Ваши три стихотворения я решил напечатать разом в «Литгазете» со своим маленьким предуведомлением. Не обольщайтесь и не придавайте этому особого значения, работайте дальше, думайте, читайте. Между прочим, Вы в своем письме очень интересно рассказываете, как Вы были баянистом, играли на свадьбах и т. д. Не попробовать ли Вам коснуться в стихах и этого, т. е. своей биографии? Словом, нужно расширять круг тематический и идейный. По дополнительно присланным стихам видно, что у Вас есть опасность задержаться на данном этапе писания неплохих, звучных и, как говорится, идейно выдержанных стихов. Я не толкаю Вас, конечно, к тому, чтоб Вы писали «невыдержанные» стихи, но хотелось бы большей, более глубокой «выдержанности».

Желаю успеха (и надеюсь на Ваш успех).

Ваш *А. Твардовский*

P. S. Простите, что пишу так кратко, — такую уйму приходится писать писем!

ФЕДОРОВУ В. Д.

16 апреля 1947 г.

Дорогой тов. Федоров!

Я не хочу Вас огорчать более сдержанной, чем по телефону, оценкой Вашей работы — в ней было и есть много хорошего, взволнованного, прочувствованного. Но, перечитав еще раз ее, я увидел, что с опубликованием

Вам лучше повременить. Слишком много поэтических «шлаков»: неточных слов и оборотов, нечеткости стиха, нарочитой «поэтичности», нарочитого лирического подвывания, если так позволительно выразиться.

Это не поэма, конечно, и пусть не поэма, пусть это будет некая лирическая композиция, беда не в этом.

Побольше дисциплины, поменьше топтания на одном месте, растянутости, бесформенности. Слишком часто меняются ритмы. Впечатление такое, как будто в каждый новый присест Вы писали новым стихом, какой подвернулся под руку. Может быть, это впечатление значительно сгладится, если убрать некоторые куски, не знаю какие, Вам виднее.

Советую так же устранить досадные рифмы вроде: мчит — стучи, опередив — груди и т. п. Это плохо потому, что невольно хочется добавить недостающую согласную: мчит — стучит, опередив — грудив и т. п.

Можно обойтись без эпиграфов. Эпиграфы не из кокетства — дело тонкое и хороши только тогда, когда без них нельзя, что-то утрачивается, а так ни к чему.

Попробуйте сделать вот что. Отложите рукопись на время, займитесь чем-нибудь другим, разлюбите ее по возможности,— тем горячее вернетесь к ней. А когда вернетесь, перепишите всю от руки, по памяти: что забылось — не жалейте, хорошее — не забудется. Это прием, проверенный сотни раз.

Желаю успеха Вам.

А. Твардовский

АЗАРОВУ В. Б.

Москва, 17 сентября 1947 г.

Дорогой тов. Азаров!

Я Вам очень признателен за сообщение отзыва Э. Багрицкого о моей юношеской поэме «Путь к социализму».

Имел ли этот отзыв влияние на судьбу рукописи? Решающее. Попросту, она была издана только благодаря ему. Мне в то время (осень 30 г.), уже отчаявшемуся видеть свое произведение в печати (а я тогда вообще был в тяжелом положении и жил еще в Смоленске и в Москве был приезжим), посоветовали обратиться к Багрицкому. Я поехал к нему в Кунцево, где он меня очень приветливо встретил, накормил, прослушал всю мою по-

эму, и даже ту неловкость, что я ему столько читал, отнимая время, сгладил собственным чтением своих новых стихов — что-то, помнится:

И жаворо́нки (не жаворонки!)
на ветках (?)
Пробуют голоса...

Не будучи поклонником, ни тем более подражателем Багрицкого, всегда с благодарным чувством вспоминал о нем. По-видимому, он обладал и добрым сердцем, и той обширностью взгляда в литературных делах, которая позволяла ему отмечать своим вниманием работу, казалось бы, совершенно чуждую ему по духу и строю.

Еще раз спасибо Вам за Ваше письмо.

Ваш *А. Твардовский*

ТЕЛЕШОВУ Н. Д.

Москва, 9 октября 1947 г.

Многоуважаемый Николай Дмитриевич!

Я только что вернулся из поездки в мой избирательный округ — этим объясняется запоздание моего ответа на Ваше, такое дорогое для меня письмецо.

Сердечно благодарю Вас, Николай Дмитриевич, за сообщение мне отзыва И. А. Бунина о «Теркине» и за Ваш отзыв о нем («Теркине»).

Если бы Вы разрешили навестить Вас, я был бы очень этому рад.

Ваш *А. Твардовский*

ЖИВОТОВУ

26 декабря 1947 г.

Тов. Животов!

Вы просите «сказать правду» о Ваших стихах. «Есть ли в них что-нибудь «этакое», что окрылило бы меня и заставило серьезно работать? Писал я их в разное время и почти играючи, без особого труда».

Неужели Вы думаете, что «играючи, без особого труда» можно достигнуть в поэзии чего-нибудь «этакого»? «Не самообольщение ли это?» — спрашиваете Вы на всякий случай. Конечно. И не только самообольщение, но и большая нескромность, если не сказать больше. Вы

считаете для себя возможным начать «серьезно работать» только в том случае, если в Ваших опытах, сделанных «без особого труда», уже наличествует «этакое», т. е. настоящее, признак таланта. Вы ставите условия. Это плохое начало, оно не сулит ничего доброго. Нужно прежде потрудиться, душу отдать делу самоотверженно и бескорыстно, а потом уже, может быть, спрашивать об «этаком».

Что касается самих Ваших стихов, то они, как и следовало ожидать, интереса не представляют. Это — любительские упражнения на случайные темы и в случайной манере. Почему вдруг «Годунов»? Что прибавляют Ваши строчки о «тоске неотразимой» и прочем к образу Годунова, известному нам по литературе? Стихотворение «Друзья» больше похоже на выражение какого-то личного чувства, больше подходит Вашей биографии, жизненному опыту, но «изумительный звон стаканчика» — не основная, не главная примета лиризма воинской дружбы, а дальше этого, обветшало-есенинского, банального мотива Вы не идете. Такие же строчки, как: «Пусть скучают немецкие олухи у разбитой берлоги своей», и т. п.—это просто-напросто плохо, безвкусно. Наконец, третье стихотворение, набросанное будто бы в стиле Маяковского, с претенциозно выпяченным «Я» — наивное, беспомощное подражание манере, которую Вы не поняли или поняли только внешне, неглубоко. «Я очарован запахом света» — за́умь от стремления выразиться пооригинальнее.

«Говорите, пожалуйста, правду» — пишете Вы в том же сопроводительном письме. Просить об этом — значит предполагать возможность неправды со стороны того, к кому Вы обращаетесь.

Но, как видите, я не пытался смягчить правду и не имею никаких причин делать это.

А. Твардовский

КАУРОВУ

Москва, 3 февраля 1948 г.

Уважаемый тов. Кауров!

Очень возможно, что Ваше стихотворение «На тротуаре» проходило через мои руки, если Вы посылали его на «Литературную газету». И очень возможно, что я на-

писал на рукописи стандартное «не пойдет», а сотрудник газеты так же стандартно сообщил Вам, что «стихотворение не может быть использовано».

Дело в том, что я не имею физической возможности отвечать подробно всем авторам стихов, поступающих на мое имя. Их очень много. Приходится из десятков выбирать единицы.

Названное стихотворение я перечел сейчас и нахожу, что иного заключения я не мог дать. Оно мелковато по содержанию и, не говоря об отдельных неудачных словах и выражениях, отличается какой-то нарочитой жалостливостью тона, слезливостью. Кроме того, никуда не годится концовка. Вдумайтесь:

...Наш сержант...
Свои последние юани
Отдал китайцу *за майора.*

То есть получается, что сержант купил майора у китайца.

И далее:

А он ушел, заморский мистер (?),
Не оглянувшись на калеку,
Чтоб для культуры зубы чистить,
Забыв о чести человека.

Этот пафос обличения империалистической культуры принимает здесь, помимо Вашей воли, юмористический характер,— не говорю уже о синтаксисе построения строфы (согласование второй и третьей строки).

Словом, я говорю об этом только ввиду Вашего подробного письма и Вашего недоумения: «Плохое это стихотворение или хорошее?» По-моему — плохое.

Другие стихи так же не затронули меня новизной выражения большого чувства или мысли. В «Осеннем утре» — нехорошо, что уже осень, «гуси летят на юг», т. е. поздняя осень, а «в поле — ржаное раздолье хлебов налитых». Так не бывает. Поэзия должна быть в высшей степени точна в таких случаях.

Несколько лучше других стихов начало «Праздника».

Как мечталось, как снилось: вот, мол,
Будет день, будет час — и нам
Перед строем объявит ротный:
— Все! Конец! Пора по домам.

Естественная, передающая настроение интонация! Но в самой первой строфе — опять нелады с грамматикой:

В блиндажах на переднем крае,
Там, где только войной звалось. (?)

И совсем плохо дело со второй половиной стихотворения. Например:

И любовь моя почему-то,
Повстречавшись, припав к груди,
Постояла одну минуту
И сказала: «Спешу... Приходи».

Можно догадываться, что она спешит на весенне-полевые работы, но разве Вы не замечаете, что здесь, опять же помимо Ваших намерений, является комический эффект.

Рассказ мне показался слишком узкодидактическим, растянутым и скучным, со стороны языка очень небезупречным.

«Но чем *не* взрослее становился Александр, чем *не* больше он убеждался... тем он больше любил профессию геолога». По-каковски это?

Председателем комиссии по работе с молодыми писателями я в настоящее время уже не являюсь и о порядке вызова людей на конференцию не знаю. Советую Вам обратиться в литотдел ЦК ВЛКСМ (т. Наровчатову).

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

БУРШТЫНУ Б. С.

Москва, 3 февраля 1948 г.

Дорогой Борис Сергеевич!

Я слышал, что ты хвораешь, но всякие дела, поездки и собственное временное недомогание (было нечто вроде рожи) помешали мне, как говорится, изучить этот вопрос непосредственно.

Посылаю тебе копию моего отзыва на переводы «Нарспи», сделанного по просьбе «Советского писателя». Твой перевод у меня, но я его направляю сегодня вместе с В. Ивановским переводом в издательство. Думаю, что дело будет,— я уже не раз говорил об этом с Кирьяновым, но все руки не доходили написать, а тут чрезвычай-

но выгодное для тебя сопоставление, во-первых, а во-вторых — сорокалетие и т. д.

Поправляйся, звони, заходи.

Привет Елизавете Яковлевне и всей фамилии.

Твой *Твардовский*

ТАРАСОВУ

Москва, 4 февраля 1948 г.

Дорогой тов. Тарасов!

Получил Ваши стихи «Матери» без сопроводительного письма. Не знаю, получили Вы мое письмо, где я говорил о прежних стихах.

По поводу этих могу сказать следующее. С литературно-технической, стихотворной, так сказать, стороны они лучше прежних. Но их тон, настроение смущают меня. Откуда у Вас эти чисто есенинские мотивы и даже лексика:

Я таким родился непутевым...

Откуда эта ветхая, истрепанная «надрывность»?

Мне не жаль, что молодость растрачу
Я без подвигов, без громких дел...

Что это за утверждения? Неужели так-таки и не жаль растратить молодость? Я надеюсь, что основной причиной этого беззаботного отношения к молодости является Ваша молодость. Кстати, Вы не пишете, что Вы там делаете в деревне Голубевой, кто Вы, сколько Вам лет. Если я не ошибся относительно Вашей молодости, то большой беды во всем том, что прорывается в последних стихах, еще нет. Просто мне кажется, что это от чтения стихов, а не от жизни. Но уж коль читать, так не одного же Есенина, на которого советую Вам взглянуть со стороны классической нашей поэзии, взглянуть, так сказать, глазами Пушкина, Лермонтова, Некрасова, чтобы убедиться, что поэт он, Есенин, в сущности посредственный. Не влюбляйтесь, пожалуйста, в его кокетливое, самолюбивое нытье (ах, какой я красивый и какой трагичный!) [...]. Да он и не столько пьян, сколько притворяется, что опять же противно.

Я не вдаюсь в подробный анализ присланных стихов, считая необходимым подчеркнуть основной их грех, главную тенденцию, которую Вы усвоили искусственно. И го-

ворю об этом прямо, может быть, резковато, потому что желаю Вам добра, потому что считаю Вас человеком способным.

Привет Вам.

А. Твардовский

СИТНИКОВУ Г. С.

Москва, 25 февраля 1948 г.

Дорогой Георгий Семенович!

Сегодня 25 февраля, а я собирался выехать в Свердловск не позднее 20-го. Разные обстоятельства — то семейно-житейского, то литературно-общественного свойства — одно за другим удерживали и удерживают меня до сих пор в Москве. Однако мне не хотелось бы, чтобы Вы подумали, будто я отказался от своего плана, тем более что в выполнении этого плана мне не обойтись без Вашей помощи, на которую я продолжаю рассчитывать.

Похоже на то, что до Сессии Верховного Совета РСФСР мне уже нет смысла выезжать, если бы я и освободился в ближайшие дни от своих дел и хлопот. На Сессии мы, надеюсь, увидимся и выедем в Свердловск вместе.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш *Твардовский*

ФЕДОРОВУ В. И.

Москва, 10 марта 1948 г.

Тов. Федоров!

Получил новые стихи и кировоградский сборничек. Из Ваших стихов, помещенных в нем, мне большинство известно.

Из новых — лучшее по законченности «Первый прыжок». Хорошо послание М. В. Исаковскому.

Постараюсь из старых и новых выбрать что-нибудь для печати (может быть, для «Знамени»).

Писать легко не приучайтесь,— есть маленькое опасение, что Вы пишете легко и многовато,— стихи новые должны больше отличаться от старых (оставаясь, конечно, стихами *Вашими*).

Привет.

А. Твардовский

СМИРНОВУ

Москва, 10 марта 1948 г.

Уважаемый тов. Смирнов!

Я прочел Вашу «Сказку для больших», прежде чем сопроводительное письмо, и уже мне было ясно, что к написанию этой сказки Вас побудило не просто стремление к литературному высказыванию, а некая серьезная мысль по поводу воспитательного дела, некое Ваше беспокойство, явившееся, должно быть, из личного опыта. Письмо Ваше только подтвердило эти мои соображения.

Буду с Вами прям, как того требуют серьезные вопросы, лежащие в основе Вашего литературного «опуса», как говорят у нас.

«Сказка» в литературном отношении мало затронула меня. Форма подобных иносказаний в литературе — дело, на мой взгляд, отжившее безнадежно. Все эти «значимые» имена — Мирамиры, Душамиры — все это литературно-обветшалые, наивно-претенциозные вещи.

А главное — зачем к ним прибегать, если есть необходимость сказать нечто существенное, жизненно важное. Вы скорее бы достигли своей цели — обратить внимание на известные недочеты, на известные отрицательные черты школьной и воспитательной практики, если бы взяли «быка за рога», т. е. говорили бы прямо о своих наблюдениях, подкрепляли бы свои выводы фактами, конкретными примерами. Нет сомнения, что было бы много естественнее, интереснее, чем прятать жизненное и актуальное, что Вы имеете в виду сказать, в нарочито условную литературную форму.

Почему бы Вам не собрать свои наблюдения педагога, практика и не оформить их в виде каких-нибудь записок, дневника, статьи и не ахнуть все это в ту же «Литературную газету»? Я думаю, что при наличии существенного, серьезного материала такое дело могло бы иметь успех. Попробуйте.

Что же касается, повторяю, литературной стороны, то Ваша «Сказка» не представляет в таком виде интереса.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ЯЦКОВСКОМУ, ВАНЮШКИНУ, ЕРШОВУ

14 марта 1948 г.

Дорогие товарищи!

По поводу вашего письма, пересланного мне редакцией «Красной звезды», могу сказать следующее.

Мысль об экранизации «Теркина» возникала не раз и среди литераторов, и среди кинематографистов. Мне, автору этой книги, не раз предлагали заняться сценарием для кинофильма «Василий Теркин». Однако я должен был уклониться от этих предложений. Формы и методы одного искусства отнюдь не обязательны для другого. Теркин, какого Вы знаете и так высоко оцениваете,— это образ, созданный стихом, словом. В слове, в стихе, в «музыке» этого стиха заключена живость, натуральность Теркина. Это нельзя просто перенести на экран,— там другие, особые законы создания образа. То, что хорошо в чтении, может пропасть на экране. Иными словами, для появления Теркина на экране должно быть заново создано особое, самостоятельное произведение киноискусства. А это покамест не по моей специальности.

Спасибо, товарищи, за ваш интерес к судьбе Теркина, за добрые читательские слова о «Книге про бойца».

Желаю вам всего доброго.

А. Твардовский

БАРЫШНИКОВУ

⟨Май 1948 г.⟩

Уважаемый тов. Барышников!

Стихи Ваши я получил. Признаюсь, они меня очень поразили! Я удивлен был не тем, что читал плохие стихи. Это случай не такой уж редкий, а тем, что передо мной лежала рукопись ученика десятого класса, которому, как он сам напомнил, осталось два месяца до экзаменов, рукопись, пестревшая ошибками, неправильными синтаксическими оборотами и т. д. и т. п.

Как видно из Вашего письма, Вы уже не однажды обращались за помощью и к Исаковскому, и к Фадееву, теперь обратились ко мне.

А почему Вам ни разу не пришло в голову сравнить Ваше стихотворение «Русской женщине» со стихотворением Исаковского на ту же тему, которое Вы к тому же читали. Неужели Вы допускали мысль, что стихи Ваши могут понравиться Исаковскому? Или Вы хотели бы, чтобы он выправил Вам грамматические ошибки?

Ваше письмо наполнено жалобами на отсутствие помощи. Стыдно говорить об этом человеку, который десять лет имел возможность изо дня в день учиться. Но вы, видимо, плохо пользовались предоставленной Вам возможностью. По своей грамотности Вы равпяетесь ученику четвертого класса.

Прося у меня помощи, Вы ссылаетесь на то, что мне в свое время помогал Исаковский. Да, действительно, Исаковский напечатал мои стихи. Однако он не помогал мне в том смысле, в каком понимаете помощь поэта Вы. Он не выправлял мне моих стихов, не подчеркивал ошибок. И опубликовал он мои стихи потому, что их можно было опубликовать. Помощь М. Исаковского заключалась для меня главным образом в существовании его поэзии, его книг. Но и Вы ведь не лишены этого источника помощи. У вас есть полная возможность читать Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Маяковского, М. Исаковского и других поэтов. У Вас была возможность десять лет изучать творчество крупнейших русских поэтов. Не знаю, почему Вы так не ценили этой возможности.

В заключение — один совет. Будьте строже к себе. Относитесь критичнее к своей работе и, прежде чем посылать ее кому-либо на отзыв, подумайте: заслуживает ли она того, чтобы, помимо Вас, на нее тратили время другие люди.

Желаю успехов в учебе.

А. Твардовский

ПАВЛЕНКО А. Ф.

9 октября 1948 г.

Дорогой тов. Павленко!

Мне передали из «Литературной газеты» Ваши стихи, я внимательно ознакомился с ними и порадовался за Вас. По моему впечатлению, человек Вы, несомненно, не случайный в поэзии. Я не могу сказать, что Вы уже,

как говорится, сложившийся поэт. Но есть из чего складываться; есть тема, не выдуманная от желания писать стихи, а та, от которой деваться некуда, если не одолеть ее; есть сердце, не огражденное мелочным себялюбием от других сердец, а открыто обращенное к ним; есть, наконец, желание думать и додумывать для себя до конца, до полной уверенности то, что кажется уже достаточно обдуманным другими, готовым (готового ничего нет в области мысли — все с самого начала проверь).

Я мог бы с легкостью указать Вам на заимствованные Вами интонации (например, Есенин), на не сулящие больших побед увлечения мелкими секретами ремесла, вроде дешевой звукописи («бокам быков» и т. п.), на многие частные погрешности в Ваших стихах.

Но все равно — всего в письме не скажешь, да и всякий консультант Вам все это распишет, может быть, только не сказав главного. Это главное — будьте все больше самим собой,— как ни беспредметно это сказано.

И должен сказать, что Вы лучше всех знаете и угадываете уже, как становиться все больше самим собой.

Еще я хочу Вам сказать, что поэтическая Ваша школа, по-моему, пока что не включила глубоко в свой курс никого, помимо любимых современников. Этого мало. Вы плачете от зависти над стихами Светлова, но это не столь уж высокий уровень требований к себе. Научитесь плакать над Пушкиным, Некрасовым, над большой поэзией, озаряющей своим светом века. Покамест для Вас «старики» будут казаться чем-то уже известным Вам, архаическим, хрестоматийным, покамест Вам будет представляться таинственность «мастерства» современников, перекрывающей их, «стариков», Вы не сможете пахать на большой глубине — это будет мелкая вспашка.

Теперь о Ваших житейских делах. Об институте в этом году говорить поздно (прием закончен), а может быть, об этом именно институте Вам и не стоит горевать. Вы в Армии, а когда демобилизуетесь — видно будет, куда идти учиться,— Вы еще так молоды. Напишите мне подробнее об условиях Вашей жизни в Армии и напишите, от какого (имя, отчество, фамилия, звание, должность) начальника зависело бы сделать эти условия более способствующими развитию Вашей поэтической работы покамест Вы в Армии (перевод, допустим, на должность вроде библиотекаря и т. п.). Я постараюсь написать о Вас и попросить о том, что будет возможно.

Некоторые из Ваших стихов я рекомендую для печати,— куда именно — еще мне неясно, но где-нибудь, надеюсь, устрою их. Вы не бывали в ленинградской «Звезде»? Попробуйте.

Большой привет.

А. Твардовский

ГАФУРОВУ Б. Г.

Москва, 20 марта 1949 г.

Глубокоуважаемый тов. Гафуров!

Большое спасибо за Ваше лестное для меня письмо, за Ваше внимание к моей литературной работе.

Я со всей готовностью принимаю Ваши справедливые упреки по поводу моих «Албанских очерков». Правда, кое-что из тех изъянов, на которые указываете Вы, объясняется внешними обстоятельствами опубликования очерков, но в основном и главном Вы совершенно правы. Мне только хотелось бы еще сказать, что эта работа вообще всего лишь беглые записи впечатлений и наблюдений за недолгий срок моего пребывания в Албании в качестве члена делегации ВОКС. Но я тем более должен ценить Ваш отклик на эту работу и еще раз благодарить Вас.

Ваш *А. Твардовский*

РЯБИНИНОЙ А. П.

Москва, 10 октября 1949 г.

Уважаемая Александра Петровна!

В оставшиеся у меня до отъезда часы я просмотрел эту рукопись Тильвитиса. Это наверняка интересная штука, но даже ознакомиться с нею как следует — дело нешуточное. Я поопасался ее брать с собою в дорогу,— это могло бы обернуться какой-либо случайностью, а, главное, читать ее нужно не в вагоне (где, кстати сказать, у меня будет достаточно хлопот с дальневосточными журналами), а по-кабинетному и с непременной консультацией со стороны автора или вообще литовца — знатока этой штуки и знающего русский язык.

Вот что, к сожалению, пока что могу сказать. А по приезде я согласен возобновить беседу.

А. Твардовский

ЕФРЕМОВУ Ю. А.

Москва, 25 декабря 1949 г.

Дорогой тов. Ефремов!

Вы знаете о моем отношении к Вашим стихам: оно самое доброжелательное. Мне странным представляется, что Вы опять и опять задаете вопрос: «Писать или не писать»? Я обычно говорю, что этот вопрос может решить только сам лукаво вопрошающий, т. к. талант — это воля к творчеству, вера, готовность рисковать всем и т. д. Не может быть такого положения, чтобы кто-то за меня решал, писать мне или не писать. Этак-то слишком легко было бы жить на свете! Да и велика ли была бы честь пишущему, если он пишет, получив твердую гарантию (от кого?)! Но я полагаю, что этот вопрос Вы ставите, просто желая получить поддержку, поощрение. Ведь не бросите же Вы писать, если я скажу: бросьте! А если можете бросить (если могли бы), то уж тогда лучше всего бросить. Словом, дело не в рецензии Гатова (это плохой стихотворец-переводчик) и не в том, что скажу я, а в Вас как таковом. Рекомендацию в ССП я Вам дам.

Привет.

А. Твардовский

МИХЕЕВУ Г. М.

Москва, 24 января 1951 г.

Уважаемый Георгий Михайлович!

Ваше недоумение по поводу совпадения имен героев романа Боборыкина и моей поэмы «Василий Теркин» вполне законно. Я и сам был озадачен, когда после появления нескольких глав «Теркина» в печати мне кто-то из литераторов указал на это совпадение. К стыду моему, я не знал о существовании этого романа Боборыкина и прочел его только после того, как мне сказали о нем. Но это уже не могло остановить моей работы над «Тер-

киным», и вообще я очень мало придаю значения этой истории.

Как же могло произойти это совпадение? Полагаю, что оно явилось следствием того обстоятельства, что «Теркин» вначале (еще во время финской войны) был задуман коллективно и имя героя было предложено не мною, а кем-то из моих товарищей по работе во фронтовой газете «На страже Родины». Возможно, что этот товарищ знал о существовании «Василия Теркина» боборыкинского. Но может быть и так, что это имя пришло не по этой линии. Я помню лишь, что мы искали имя условной сатирически-значимой окраски в соответствии с замыслом того «старого» «Теркина» — фельетонного персонажа. Успех того «Теркина», который создавался коллективом поэтов (Тихонов Н. С., Саянов и др.), побудил меня обратиться к этому имени при ином замысле «нового» «Теркина», моего целиком (в том, «старом», мне принадлежал только зачин, первая главка: «Вася Теркин? Кто такой?» и т. д.).

Вот примерно и все, что могу сообщить в связи с Вашим письмом, единственным из всей массы писем о «Теркине», которое затрагивает вопрос о совпадении имени моего героя с именем героя романа Боборыкина.

Ваш *А. Твардовский*

ПОРМАНУ Р. Н.

Москва, 3 февраля 1951 г.

Уважаемый тов. Порман!

Мой ответ на письмо чистопольских школьников я посылаю с таким запозданием по причине переезда на другую квартиру (письмо долго искало меня в Москве).

Я не могу прислать материалов о моем *пребывании* в г. Чистополе в дни войны, потому что я не пребывал там, а лишь приезжал два раза в короткие, трех- пятидневные отпуска из Армии, где находился все время войны.

Прошу Вас разъяснить это ребятам и передать им мой привет.

Ваш *А. Твардовский*

ВОЙТКО Н. А.

5 апреля 1951 г.

Уважаемый тов. Войтко!

«Муравия» — условное наименование сказочной, фантастической страны, которую ищет на земле герой поэмы. Думаю, что оно происходит от слова «мурава», т. е. трава. Отсюда представление о зеленой стране, об изобилии всего растущего на ней.

Наименование это заимствовано мною из книги Ф. Панферова «Бруски», но и там Вы более подробного объяснения не найдете. Мне думается, что это не должно Вас смущать, ибо, как говорится, дело не в заголовке.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ГУРКИНУ

9 мая 1951 г.

Уважаемый тов. Гуркин!

Писем, подобных Вашему, я получаю великое множество, и хотя мои корреспонденты вправе на меня сетовать, можно понять и мое положение: нет сил, при моей загруженности работой, отвечать одно и то же сотни раз, каждому в отдельности.

Вопросы, затрагиваемые в этих письмах (как и в Вашем — о судьбе «Теркина» после войны, я собираюсь осветить в специальной статье «Ответ читателям «Теркина», которая появится на страницах нашей печати.

Привет.

А. Твардовский

ДМИТРИЕВУ И.

9 мая 1951 г.

Отвечаю на Ваши вопросы:

1. Моргунок — это прозвище одного крестьянина, жившего в той местности, где я вырос. Оно мне показалось подходящим для моего героя.

2. Сталинскую премию за «Страну Муравия» я получил в 1941 г. В учебнике ошибочно указан 1939 г. (тогда еще не были учреждены Сталинские премии).

3. Стихотворение «Новая изба» напечатано в 1925 г.

4. ИФЛИ я окончил в 1939 г.

А. Твардовский

ИЛЬИНУ Я. И.

9 мая 1951 г.

Уважаемый тов. Ильин!

Написать работу о творчестве М. В. Исаковского — намерение хорошее, но Вы должны учесть, что приниматься за осуществление ее можно тогда, когда Вы имеете сообщить нечто новое по сравнению с уже известными работами об Исаковском (в частности, книга «Михаил Исаковский» В. Александрова, получившая хорошую оценку в печати).

Кроме того, Вы не студент, пишущий курсовую или дипломную работу, который может начинать с консультации — как и что ему делать. Вы — исследователь, побуждаемый к своей работе какими-то своими, уже сложившимися соображениями, и консультация для Вас — дело заключительного этапа, т. е. когда Вы уже написали работу, представляете ее для специального рассмотрения.

Библиография работ о М. В. Исаковском приведена в названной книге В. Александрова («Советский писатель», 1950 г.).

Вот примерно все, что могу высказать относительно Вашего замысла.

С приветом *А. Твардовский*

МАССАЛИТИНОВУ К. И.

17 мая 1951 г.

Дорогой Константин Ираклиевич!

К сожалению, принять личное участие в подготовке литературного текста для Вашей сюиты я решительно не смогу,— загружен сверх меры и к тому же не являюсь специалистом в этой области.

Кого посоветовать Вам привлечь для этой работы? Очень трудно сказать. Исаковский болен — не возьмется, Сурков перегружен — мало надежды, что согласится; еще кто мог бы — не знаю. Это — песенники, но они — поэты, а есть «авторы текстов», но их трудно назвать поэтами. При этом многое зависит от Вашего отношения к тому или иному автору. Словом, трудно быть и советчиком в таком деликатном деле. Прошу простить меня и принять мои лучшие пожелания.

Ваш *А. Твардовский*

ТАРАСЕНКОВУ А. К.

20 июня 1951 г.

Дорогой мой инфарктист!

Сегодня я уезжаю в Барвиху, а тебя уже в городе нет — посылаю эту писульку через редакцию. Болезнь моя, по диагнозу некоторых друзей,— отравление г... (литературным). Я просто устал, изнурился от плохих рукописей, от необходимости их читать и печатать (и подписывать).

Я пожил на даче у себя 4—5 дней без этого всего, наедине с хорошими книгами (кстати, спасибо тебе за XIII том Л. Толстого — я как будто вторую «Войну и мир» прочел!), с запахами раннего лета в лесу и в саду, с мыслями о том, что искусство не может пропасть,— и я поздоровел настолько, что, боюсь, прогонят из Барвихи или отправят попросту на работу в подсобном хозяйстве санатория, чему я, право, был бы рад,— по крайней мере не заставляли бы с[...]ть в бутылку.

Словом, я хорошо себя чувствую, собираюсь жить и даже писать. Хорошо бы тебе приехать в Барвиху, а то ведь тюрьма, как рассказывают. Я впервые в жизни попадаю в такое заведение.

Прости, что не прислал тебе стихи: то не было настроения, то не было экземпляра. В «Правде» недели две мне хвалили их, но вижу, что не дождаться напечатания,— под стандарт не подходит — отдал Симонову, наверно, появятся 21.VI. Если черкнешь о них мне — буду рад. Симонов просит снять некоторые строфы, жаль, а придется — не пропадать же всему куску — он ко времени.

Я не курю, а покуриваю, и то сигаретки безалкогольные. Совсем не курить мне нельзя — умру.

Твой *А. Твардовский*

БАРДИАНУ

Москва, 20 июля 1951 г.

Уважаемый тов. Бардиан!

К сожалению, я не могу согласиться с требованием издательства относительно строфы «Василия Теркина»:

Что над страхом *меньше* власти
У того в бою подчас,
Кто судьбу свою и счастье
Испытал уже не раз...

Здесь сказано именно то, что я хотел сказать и что считаю соответствующим правде. С этой строфой, кстати, «Теркин» неоднократно выходил в том же издательстве, как и в других издательствах выходил и выходит.

Ваш *А. Твардовский*

БЕСЕДИНОЙ Т. А.

Москва, 29 июля 1951 г.

Уважаемая Тамара Алексеевна!

Получил Вашу работу «Некрасовские традиции в творчестве М. Исаковского и А. Твардовского». Большое спасибо. Не вступая в большой разговор о работе, с которой я только бегло еще ознакомился, скажу только: мне очень приятно, что творчество моего любимого современника и мое собственное послужило предметом научного рассмотрения в связи с вопросом о традициях великого русского поэта, влияние которых на советскую поэзию несомненно так же, как и влияние традиций Пушкина.

Желаю Вам успеха в завершении Вашей диссертации о «Кому на Руси»,— этой вещью, кстати сказать, я занимался в студенческие годы,— и буду рад ее прочесть.

Ваш *А. Твардовский*

ХАХАЛИНУ Л. А.

Москва, 24 ноября 1951 г.

Дорогой Лев Александрович!

Спасибо за память и внимание. Что касается до Вашей просьбы, то она аналогична просьбам очень многих военных газет, и я вынужден всем отвечать в том плане, что не умею «приветствовать», даже считаю этот жанр в литературе не самым ведущим, но и выступить в ином жанре не имею сейчас возможности: пристрастился к резолюциям, протоколам заседаний, отношениям и т. п. Из образцов этого, последнего жанра и надеюсь составить ближайшие томы моих сочинений, буде потребуется их издать.

Словом, не могу, дорогой Л. А. Сам теперь попрошайка: у всех прошу, всех умоляю, в том числе и Вас: дайте хороший рассказ — озолочу.

Жму Вашу руку.

А. Твардовский

СМИРНОВУ С. С.

Москва, 6 октября 1952 г.

Дорогой Сергей Сергеевич!

Рад за Вас, за Ваше настроение и успехи. Сидите и работайте до последнего дня.

Пусть Вас не встревожит то обстоятельство, что с 1.X я нахожусь в творческом отпуску, а на днях отбываю на юг — в санаторий. Я хотел дождаться Вас, но А. К. настаивал, чтоб я ехал, не теряя золотых дней морского купанья. Действительно, год в основном и главном сверстан, даже план № 1 определяется, примерно хотя бы. А я чувствую себя неважно, читать рукописи не могу, ибо «читаю» их потом во сне,— доктор сказал, что это скверная штука, если не прервать ее переменой обстановки и т. п. Я прочту теперь только повесть Казакевича, наполовину уже мне известную, как было с ним условлено.

А Вы приезжайте в свой срок и без паники принимайтесь за работу (подтягивайте науку, очерк, библиографию, все).

Всего Вам доброго.

Ваш *А. Твардовский*

ИГНАТЬЕВУ А. А.

Москва, 10 января 1953 г.

Многоуважаемый Алексей Алексеевич!

Большое спасибо за Ваш новогодний привет, который, к сожалению, мне передали с большим запозданием.

Примите мои поздравления и самые сердечные пожелания Вам и Вашей супруге в новом году.

Буду рад прислать Вам какую-нибудь свою книгу — как только будет в моем распоряжении порядочное издание.

Еще раз — всего доброго.

Ваш *А. Твардовский*

РЮРИКОВУ Б. С.

14 января 1953 г.

Дорогой Борис Сергеевич!

Посылаю Вам кусок, который я более всего хотел бы видеть напечатанным в газете. С остальными — повременим, чтобы мне не лишиться возможности напечатать разом в журнале имеющиеся главы вещи.

Большая просьба: решайте вопрос поскорее.

Ваш *А. Твардовский*

ЛБОВОЙ Е. С.

Москва, 23 августа 1953 г.

Многоуважаемая Елизавета Семеновна!

Я только что возвратился из длительной командировки. Этим объясняется тот факт, что я до сих пор не поблагодарил Вас за Ваш трогательный подарок. Много раз спасибо, Елизавета Семеновна, спасибо от всего сердца. Я буду хранить эти рукавички и туфли, присланные Вами, как память о добром сердце русской матери, отозвавшемся на строки моей книги.

Желаю Вам, дорогая Елизавета Семеновна, доброго здоровья, светлых дум, многих лет жизни.

Ваш *А. Твардовский*

ФАДЕЕВУ А. А.

14 января 1954 г.

Дорогой Саша!

Я только что из Болшева, куда выехал сразу после нашего утреннего разговора. Болшево — это решительно не подходит ни для меня, ни для тебя, ни — тем более — Маршака. В этом меня даже не старались разуверить тамошние хозяева. Это — деревянные дома, холодные тесные комнатушки без умывальника, запах [...] в коридоре главного входа, режим «общего типа», отсутствие места для прогулок и т. п. Я изложил все это Марии Илларионовне, она одобрила мое решение отказаться от путевки, что я и сделал на месте, оформившись соответствующим образом. Верь моей совести: ты там тоже не уживешь. Конечно, жить можно везде, но к этому должна быть нужда. Все это от литфондовской беззастенчивости: сделали то, что легче. Это не в первый раз и не с одним со мной. Я уже говорил с Косачевской, мы не знали, как с тобой связаться. Позвони ей о своем окончательном решении, чтобы сдать путевки.

Я буду к вечеру — еду на дачу по неотложности дел.

Твой *А. Т.*

ГОРСКОМУ Г. Н.

19 января 1954 г.

Уважаемый Григорий Наумович!

Я с большим интересом прочел Ваше «Письмо читателя». Задержка с ответом объясняется тем, что я находился в длительном отпуску, в частности, был в санатории, куда мне почту не пересылали, т. к. я страдал переутомлением, бессонницей — всем тем, что сопутствует работе, связанной с чтением «штабелей» рукописей. Словом, я прошу меня извинить за то, что так нескоро отвечаю на Ваше «Письмо», в которое Вы вложили немало труда и доброго чувства.

Я не знаю еще, насколько реальна возможность использования «Письма» в печати, но должен сказать, что в нем есть прямо-таки отличные строки, строфы и целые места. Правда, оно содержит в себе много длиннот, мно-

гословия, порой не очень внятного нагнетания слов, как бы некоего «бормотания», что объясняется, на мой взгляд, общим характером импровизированности Вашей стихотворной речи. Импровизатор, будь он хоть бог, вынужден пользоваться «служебными» строчками, чтобы подойти к тем, которые составляют ударную силу его импровизации. Пусть Вас не пугает это слово, я не имею в виду, что Вы просто-напросто сели и накатали эту вещь, но посудите сами: объем ее едва ли меньше моих «Далей», а срок исполнения, с моей точки зрения, уж очень скорый.

Я думаю, что, сократив (резко!) и отжав, как говорится, вещь, сняв с нее налет «импровизации», т. е. серьезно и много поработав над нею, ее можно было бы превратить в горячий и сильный фельетон, в лучшем смысле этого слова. Конечно, речь не о том, чтобы лишить ее лиричности, патетики, т. е. как бы «нефельетонных», в узком смысле, сторон. Вопрос: должна ли она, хотя бы и в таком, мыслимом мною виде, появиться именно на страницах «Н. М.» или еще где, например, в «Литературной газете»?

Есть и другие трудности с нею,— я имею в виду места слишком автобиографические, по-видимому. Но все дело в «доведении» до некоего уровня совершенства. Тогда все становится победительнее и «проходимее». Нельзя острое только задеть кой-как, а уж надо справиться с задачей до конца. Все это, конечно, я говорю в самых общих чертах и смыслах.

Я передал «Письмо» моим товарищам по редколлегии. Это необходимо хотя бы потому, что оно содержит в себе упрек в адрес автора-редактора. Очень хочу, чтобы у нас с Вами что-нибудь получилось реальное в смысле опубликования вещи в доработанном виде. Что будет из замечаний товарищей — сообщим дополнительно.

Жму Вашу руку.

А. Твардовский

КУТОВУ Н. Н.

Москва, 12 сентября 1954 г.

Дорогой тов. Кутов!

Я прочел Вашу поэму (она залежалась у меня, я был в отъезде,— простите) и передал ее редакции «Н. М.»

Впечатление мое такое: есть много симпатичного — строф, строк, но, пожалуй, главная беда, что сюжет уж очень готовый и заезженный, начиная с первых послевоенных вещей. Тут уж нужно было бы исключительное по глубине решение, тогда бы все ничего, но этого я, к сожалению, не увидел у Вас. Желание написать «поэму» сказалось больше, чем необходимость ее написания. Может быть, я резок, но что делать — таково мое впечатление. Помимо всего прочего — обращаю Ваше внимание на крайнюю растянутость вещи, вдвое можно сократить без ущерба для наличествующего содержания.

Редакция свое решение сообщит Вам.

А. Твардовский

ГЕНАЛЬФУ И. Д.

Москва, 18 ноября 1954 г.

Тов. Генальф И. Д.

Вы пишете: «Прошу помочь мне использовать одну из свобод, гарантированных Конституцией, если действительно мне дарована свобода печати».

Я это понял так, что Вы хотели бы напечатать Ваши стихи. Но стихи, к сожалению, слабенькие, «стенгазетные», вроде:

Наша песня льется звонко,
Радость плещет через край.
Эй, родимая сторонка,
Мы приехали, встречай...

Или:

Растворилась дверь читальни,
Повалил холодный пар,
И в избу ввалились парни:
Михаил, Иван, Захар...

Стихи эти просто не могут быть напечатаны, на мой взгляд, по их крайней примитивности с собственно литературной точки зрения, и ссылаться Вам в данном случае на Конституцию — нескромно.

А. Твардовский

ПРОКОФЬЕВУ А. А.

Москва, 16 января 1955 г.

Дорогой Саша!

Прочел в «Н. М.» твою новую вещь, она мне сподобала, как говорят белорусы, порадовала меня тем, что в ней отчетливо прозвучало нечто новое для тебя, именно: свобода от обязательности народной формы куплета (свободный переход фразы из строфы в строфу) при сохранении всей характерной для твоей Музы песенности. Это создает в стихе то, что я называю про себя *течением,* одолевающим ступенчатость, расчлененность строф, создающим *общую* музыку вещи. Очень хорошо, старик, что ты роешь дальше, не стоишь на месте. Тон, настроение вещи хороши отсутствием слезопускания по поводу ушедших дней юности. Это еще Пушкин говорил, что на одних вздохах по утраченной молодости дачу не построишь (излагаю своими словами, но за смысл отвечаю). Тон — мужественный, умудренный, но сердечный и человечный.

Я не могу еще назвать эту вещь, как говорят, этапом в твоем развитии, но что она, несомненно, означает движение вперед, то это утверждаю.

Давай тебе бог доброго здоровья, сил, чтобы их, и при нынешней затрате на административную деятельность, осталось еще достаточно и для сущего дела. Так!

Очень я жалею, что у Браунов я немного подпортил вечер, я им написал извинительное письмецо, авось не век же они будут сетовать на меня,— люди хорошие.

Ухо мое — среднее и наружное — разыгралось по приезде в Москву еще пуще. Вдобавок заболел глаз (доктора говорят — от уха же!) и зуб. Так что я до сих пор еще не выхожу из дому.

Очень, очень благодарю тебя и Настасью Васильевну за все доброе, что мы с фамилией имели от вас в Ленинграде. Всего вам обоим доброго, а, главное, здоровья, ох, как это, оказывается, важно.

Просим не миновать нашей хаты в Москве, не забывать.

Твой *А. Твардовский*

ШАЦКИХ ИВАНУ

Москва, 17 января 1955 г.

Тов. Шацких, то, что названное стихотворение навело Вас на мысль, присущую всякому сознательному человеку с известного возраста,— мысль о смерти, о неизбежности личного конца, о великом и вечном законе природы,— это, по-моему, никакой не пессимизм. Разве можно ценить жизнь, любить ее и делать ее, как подобает разумному существу,— во благо, а не во вред тебе подобным,— не зная, не имея мужественного и здравого сознания ее преходящести, временности? В том-то и сласть и ценность ее, что она одна у каждого, и нельзя ее прожить как-нибудь, спустя рукава. Осознание этого — начало того процесса духовного роста, который формирует зрелого человека, и осознание это пришло бы к Вам и без моего стихотворения — классическая поэзия вся проникнута этим мотивом, решением, так сказать, этого вопроса всякий раз по-своему. А что касается стихов, «которые звали бы человека на большие дела», то не мне, конечно, судить о том, насколько отчетливо в этом направлении звучит моя поэзия. Во всяком случае, я бы не назвал ее зовущей на малые дела. Иной вопрос: насколько *зовуще* она зовет.

Желаю Вам всего доброго

А. Твардовский

КУРЕЛЛЕ АЛЬФРЕДУ

21 января 1955 г.

Глубокоуважаемый тов. Курелла!

Книжка Вашего перевода «Муравии» на немецкий в берлинском издании очень порадовала меня. Во-первых, потому что это первое собственно немецкое издание моей поэмы на немецком языке. Во-вторых, ознакомившись — с помощью друзей — с Вашей вступительной статьей к переводу, я нашел в ней не только очень лестную для меня оценку «Муравии», признание переводчика, что работа над усвоением немецкому языку этой вещи была для него делом радостным, творческим,— не только это, но и ряд общих соображений и положений об идейно-

художественной природе поэмы, которые — сами по себе — очень интересны и значительны.

Благодарю Вас сердечно, дорогой товарищ Курелла, за Ваше доброе отношение к моей работе в поэзии, за Ваш труд, за добрую память.

Желаю Вам всего лучшего — здоровья и бодрости на долгие годы.

Ваш *А. Твардовский*

СИВОДЕДОВУ В. Т.

Москва, 7 апреля 1955 г.

Дорогой Василий Тимофеевич!

Твой брат, с которым я изредка встречаюсь и переписываюсь, сообщил мне все о тебе и твой нынешний адрес, а также то, что тебе нынче исполняется 50 лет.

Трудно вдруг найти верные и вполне подходящие слова по этому поводу, обращаясь к человеку, с которым встречался около четверти века назад и которому не мог подать знака все это время по независящим, как говорится, причинам. Но так или иначе, а я решил написать тебе, поздравить тебя сердечно с этой датой и пожелать тебе во второй полсотне лет всего того, чего ты желал бы себе. Я тоже недалек от этой черты, мне 45, разница вовсе не велика, а когда тебе будет 105, а мне 100,— будет еще меньше.

Шутка шуткой, а действительно, когда-то эта разница была очень значительна, когда я был совсем зеленым, а ты уже взрослым человеком, студентом и т. п.

Не могу забыть твоего доброго отношения ко мне в давние времена моей ранней юности. Был бы рад получить от тебя какой-нибудь отзвук и, насколько это в моих силах, быть полезным тебе.

Напиши, как живешь, как здоровье, женат ли (я уже выдал дочь замуж), читаешь ли, т. е. имеешь ли возможность читать, словом, обо всем, что тебе захочется написать.

Итак, пусть это письмецо будет тебе знаком моей доброй памяти о наших юношеских встречах, моим сердечным приветом в день твоего пятидесятилетия. Пиши.

Крепко жму руку.

А. Твардовский

РАДЗЮКЕВИЧ А. М.

Москва, 9 апреля 1955 г.

Уважаемая Анастасия Митрофановна!

Внимательно прочел Вашу рукопись «Про Васи Теркина жену». В ней очень много от настоящего чувства, от серьезной человеческой мысли, от лично пережитого, от досконального знания «женской доли», «женских мытарств» в годы войны. Вещь написана, как говорится, с душой. И «Теркин» здесь только внешний повод, а все остальное свое, явившееся из потребности высказаться, донести до сознания читателя свою мысль, свою боль, «дать — как выражаетесь Вы — отдушину женским обидам» и т. п.

Все это я говорю Вам не для того, чтобы смягчить то, что должен буду сказать вслед за этим, а просто потому, что это так и есть. И есть не только это существенное содержание, не только доброе намерение изъясниться на бумаге, но и черты, приметы способности (в зачатке) к образному, поэтическому выражению своих чувств и дум: отдельные удачные строчки, обороты речи, мотивы, отдельные «находки».

Все это есть, повторяю, и, однако, вещь не годится для печати, вещь слабая, с точки зрения элементарных требований, предъявляемых к литературному произведению. «Я же совсем не знаю, как надо писать»,— признаетесь Вы в Вашем письме — и это совершенно верно, хотя это Ваше признание сделано не совсем искренне. Оно сделано так, «скромности ради». На самом деле Вы так не думаете, ибо в том же письме, двумя строчками выше, говорите: «В моей вещи *могут быть* (!) художественные недочеты *и какие-то там* (!) писательские изъяны а Вы *потрудитесь их исправить* (совсем, мол, пустячное дело!), вычеркните неудобное или укажите мне».

Все эти Ваши слова свидетельствуют о том, что Вы, будучи уверены в существенности, в жизненности того, о чем повествуете (и тут Вы совершенно правы), уверены и в том, что сумели это выразить (и тут Вы глубоко ошибаетесь, как сотни и тысячи хороших людей, пробующих свои силы в литературе без достаточной подготовки). Вам кажется, что у Вас только *«могут быть»* «какие-то там» «недочеты и изъяны», но Вы это считаете на-

столько неважным, что обращаетесь к писателю, более четверти века отдающему все свои силы литературному труду и знающему по опыту, что этот труд не шутки,— Вы обращаетесь к нему с этаким снисходительным: «потрудитесь исправить». Ведь само словечко «потрудитесь» предполагает легкость, незамысловатость того, что нужно сделать. Дело, конечно, не в том, что это словечко задевает мою писательскую «маститость», а в том, что оно свидетельствует о Вашем ошибочном представлении о литературной работе, как работе легкой. Я вынужден прибегнуть к самому примитивному примеру, чтобы хоть отчасти рассеять это Ваше заблуждение. Представьте себе, Вы беретесь лечить кого-нибудь от серьезного заболевания, не будучи медиком, не зная ничего из той науки, на изучение которой врачи тратят годы и годы, и обращаетесь к опытному врачу с просьбой указать Вам на «какие-то там» «изъяны» в диагнозе и лечении, просите «исправить» Ваши ошибки. Понятно, что Вы, как всякий здравомыслящий человек, никогда бы на это не отважились, хотя бы у Вас и были от природы некоторые задатки того, что при необходимых знаниях и опыте делало бы Вас хорошим врачом. А вот написать «поэму», не умея этого делать, и предлагать ее для напечатания и просить опытного в своем деле литератора «исправить» «какие-то там» «изъяны» — Вы это делаете, ничуть не смущаясь. Не обижайтесь, этот упрек не относится только к Вам лично, а ко всем людям, которые, подобно Вам, в зрелом возрасте пробуют свои силы в области литературного творчества. Им и невдомек, что написать, например, поэму — ничуть не легче, чем излечить человека от тяжелого заболевания, произвести сложнейшую хирургическую операцию и что на это требуется никак не меньше обучения, труда, знаний, прирожденных способностей, опыта. Более того: для поэмы всего этого требуется еще больше, и если опытный врач делает привычные ему вещи, как говорят, с закрытыми глазами, то опытный писатель (вот я, например) каждое новое свое произведение начинает как в первый раз в жизни; про себя могу сказать: чем больше пишу, тем мне мое дело становится не легче, а все труднее.

Почему я все так подробно растолковываю Вам? Потому, что мне действительно жаль, что Вы, по-видимому, человек способный, много чувствующий, разумный и острый, не понимаете того, что описать «женские

мытарства» в годы войны (и не только в годы войны) — дело очень трудное, совсем не такое, что «хвать-похвать» — и готово.

И я обязан быть с Вами совершенно искренним: я не считаю, что этой беде легко помочь, не говорю Вам пустых слов о необходимости «учебы» и т. п., потому что есть такие области деятельности человека, где обучение, прохождение всего начального пути, должно иметь место с самых молодых лет. Поэзия — это такая область, которой человек посвящает всю свою жизнь от начала до конца, всю жизнь без остатка, и при всем этом так часто жестоко ошибается, переоценив свои силы, терпит горчайшее разочарование, уже пройдя бо́льшую половину пути и не имея возможности повернуть обратно, на какой-либо другой путь.

Пишу Вам об этом с такой прямотой еще и потому, что, как видно из Вашего письма, Вы человек не совсем уж такой не искушенный в попытках предъявить миру творение Вашего пера. Вы имели беседу с какой-то писательницей, читали свою поэму в писательской организации, слышали какие-то похвалы и только недоумеваете, почему, мол, нету ходу моей рукописи. «Денег мне не надо, — пишете Вы мне, — но Вы не пожалейте времени» (для исправления Вашей рукописи). Во-первых, о деньгах вообще никакой речи не может быть и то, что Вы от них отказываетесь, отнюдь не облегчает задачи «исправления и напечатания» рукописи, которая для печати не годится. Это в старое время был такой порядок, что начинающим не платили за их вещи, помещенные в печати, и даже (были и такие издатели) брали деньги с самих авторов за удовольствие быть напечатанными. А во-вторых, как же мне не жалеть времени, когда его у меня так мало и когда я знаю,— ведь что-нибудь я знаю в этих делах,— что, потратив его на «исправление» Вашей работы, я не добился бы желаемого для Вас результата.

Я считаю Вашу рукопись интересной как человеческий документ, как пример широко распространенного у нас в народе тяготения к творческому осмыслению своей жизни, своей исторической судьбы и т. д. Но я не считаю ее литературным произведением, пригодным для опубликования, даже если бы я исправил ее многочисленные погрешности.

Рукопись по Вашей просьбе возвращаю, сделав для себя с нее копию для моего архива, где хранятся все стихи и письма о Теркине, получаемые мной.

Желаю Вам всего доброго. Очень хотел бы, чтоб Вы не огорчались слишком, но это уж зависит не от меня.

А. Твардовский

РЫЛЕНКОВУ Н. И.

15 апреля 1955 г.

Дорогой Николай Иванович!

Получил твою книгу, большое спасибо. Взглянул на даты юношеских стихов, отчасти известных мне по первоначальной их публикации, вздохнул о времени быстротекущем. «Милый друг, мы с тобой старики»,— кажется Блок.

Примерно во второй половине июня надеюсь приехать в Смоленск, прихватив с собой Ив. Серг. Соколова-Микитова, у которого я только что отгостил в Карачарове недельку. Ускорь, пожалуйста, ремонт и пуск в эксплоатацию гостиницы в Смоленске. Что тебе стоит?

Желаю тебе всяческого добра. Привет мой Евгении Антоновне и всей твоей семье.

А. Твардовский

КУЛЕШОВУ А. А.

Внуково, 1 сентября 1955 г.

Дорогой Аркадий!

Получил твое письмецо, которому очень обрадовался, т. е. увидел, что ты не намерен долго сердиться на меня.

Я только что вернулся из Карачарова, где немного отдохнул и совсем мало поработал: красот природы много, но дом отдыха оказался столь густо населенным (750 чел.!) и так радиофицирован, что ни в лесу, ни в поле не скрыться. Но о поездке, как всегда, не жалею: там я немного заглянул в Тверскую губернию (с живущим там писателем Ив. Серг. Соколовым-Микитовым), кое-что подсмотрел, подумал — и то добро.

Бегло прочел сейчас твою «Пущу» в «Н. М.». Несомненно, что там есть превосходные строки и целые места, но от суждения в целом воздержусь до более внимательного прочтения и, лучше всего, личной встречи.

Обнимаю тебя, поклон Кс. Фед.

А. Т.

КОНАСОВУ

Москва, 5 сентября 1955 г.

Дорогой тов. Конасов!

Мне очень приятно, что Вы такой внимательный читатель и так заинтересованы в литературном деле, что специальным письмом отмечаете строки из моей статьи, показавшиеся Вам «выпадом» против В. Маяковского.

Но дело в том, что Вам лишь кажется так, будто это выпад. Дополнительным цитированием статьи Маяковского Вы только подтвердили мое положение о «гуле» и «словах». *«Покрытие* этого ритмического гула словами»,— это то самое, о чем я и говорю, т. е. у Маяковского «гул» первичное, «слова» — вторичное, у других, в том числе и у меня, наоборот.

Можно, конечно, бесконечно долго толковать по этому поводу, но сути дела не изменить. А к Маяковскому нужно относиться так же свободно и безбоязненно, как он относился к неизмеримо более безупречным в слове мастерам.

Ваш *А. Твардовский*

ПАНОВОЙ В. Ф.

Москва, 12 сентября 1955 г.

Дорогая Вера Федоровна!

С истинным удовольствием прочел в «Новом мире» Вашу новую вещь (заглавие никакое, нужно подобрать), новую в смысле даже Вашего собственного развития. Это новая и значительная сторона Вашего таланта. Очень рад. Мне кажется, что самый конец вещи чуть вынужденный внешними соображениями, но, может быть, я ошибаюсь. Еще можно было бы сказать, что в двух-трех

местах есть переборчик по линии «детскости» (например, по памяти: она хочет за офицера, но тут их нет, *поедет туда, где есть офицеры* — последнее уж слишком). Но и только. А еще, что запомнил из мельчайших неточностей: рожь *сперва колосится,* а потом цветет, а не наоборот, как у Вас; «нарубил кубометр дров» — рубленые дрова — это хворост, сучья — мелочь, их никто не выкладывает и не считает на кубометры. Ваш мальчик, по-видимому, распилил и *поколол*, располенил кубометр дров. Но это, конечно, замечания «не свыше сапога». А в целом — поздравляю Вас и благодарю за удовольствие, с каким я одним духом прочел «Сережу».

Ваш *А. Твардовский*

ЛЕОНОВУ Л. М.

Москва, 22 сентября 1955 г.

Дорогой Леонид Максимович!

На днях исполняется годовщина со дня смерти критика и литературоведа Владимира Борисовича Александрова (Келлера). Посмертное издание его работ, посвященное различным проблемам истории и теории русской классической и современной, а также западной литературы, готовится к печати в издательстве «Советский писатель». Я не сомневаюсь, что это издание будет весьма значительным явлением в литературе и надолго закрепит светлую память покойного в сознании не только работников нашего круга, но и просто читателей. Говорю так, будучи причастен к составлению и редактированию этой книги как член комиссии по литературному наследию В. Б. Александрова.

К Вам, Леонид Максимович, я обращаюсь с просьбой дать указание Литфонду об установлении на могиле В. Б. (Немецкое кладбище), как это принято в отношении членов Союза писателей, какого-то знака — плиты или камня,— с обозначением имени покойного.

Надеюсь на Ваше благожелательное внимание к этой просьбе.

Ваш *А. Твардовский*

НЕБОГАТОВУ М. А.

Москва, 30 сентября 1955 г.

Дорогой тов. Небогатов!

Спасибо за добрые и, не сомневаюсь, искренние слова Вашего письма относительно стихов в «Огоньке».

Приведенные в письме стихи недурны, но я не могу о них распространяться, поскольку там и моя личность произведена в ранг «великих», что, конечно, Вы сделали по доброте, молодости и сгоряча.

С Вашими другими стихами готов ознакомиться, прошу прислать.

Ваш *А. Твардовский*

АВРАМУ К.

Москва, 1 декабря 1955 г.

Дорогой тов. Аврам!

Мне только на днях сделали перевод Вашего письма (сам я не знаю румынского языка),— этим объясняется задержка с ответом.

Высказать свое мнение об отрывках из Вашей поэмы «Раду Пинтя» я не могу по понятной причине: я не мог их прочесть по-румынски. Делать же подстрочник при большой занятости переводчика, во-первых, хлопотно и долго, а во-вторых, подстрочник дал бы мне возможность судить только о том, о чем идет речь в поэме — о фактическом содержании,— но этого так мало для суждения о поэтическом произведении!

Могу Вам сказать в самом общем смысле — так же, как Вы ставите свой вопрос в письме, что замысел Ваш «создать образ румынского солдата», навеянный «Василием Теркиным», не представляется мне продуктивным, прежде всего потому, что в искусстве не бывает так, чтобы произведение, написанное по уже известному образцу, стало подлинно художественным. У нас в Советском Союзе, в силу популярности «Теркина», существовало и существует много подобных героев, иногда под тем же именем, вроде «Теркин на заводе» и т. п., иногда под сходными фонетически именами: «Протиркин», «Гранаткин», «Бровкин» и т. п. Есть «братья» Теркина, «зем-

ляки», «сослуживцы». И, однако, ни одно из этих произведений не вышло за пределы частного газетного случая, фельетона, может быть, и полезного с точки зрения непосредственно утилитарной, не выросло до масштабов явления литературного, явления искусства.

Во-вторых, опять же говоря в самом общем плане, может быть, и правы те товарищи, которые говорят Вам, что «Раду Пинтя» «рождается в новых социально-исторических условиях», иных, чем те, в которых рождался «Теркин». Конечно, здесь есть опасность, как они Вам говорят, простой «копии» с известного оригинала.

Словом, если бы Вы спросили меня до начала работы, стоит ли ее начинать (хотя поэт никогда не должен ни у кого спрашивать об этом), я бы Вам сказал, что не стоит. Но теперь, когда работа начата, лучше Вас никто не может решить (и не имеет права решить) вопрос о том, продолжать ее или оставить.

Вот все, что по необходимости в общем (но принципиальном) смысле могу я сказать в связи с Вашей просьбой дать совет «в отношении основной идеи поэмы» и мнения Ваших товарищей.

Я Вам ранее послал свою книгу,— надеюсь, получили?

Желаю Вам всего доброго.

Ваш *Твардовский*

ГЕРМАНОВУ А.

Москва, 14 апреля 1956 г.

Дорогой товарищ Германов!

Отвечаю на Ваши вопросы по поводу некоторых мест «Страны Муравии».

1. Мол, ни мне, *ни псу под хвост*. Это из народной поговорки «Псу под хвост», т. е. зря, ни за что, даром.

2. Бывало, скажет в рифму дед —
Руками разведи.

Опять же поговорочное: «Руками развести» — выразить изумление, ахнуть, когда уж и сказать нечего.

3. Самому себе с конем
Позабыться впору.
Будто в гости едешь днем,
Ночью — будто в город.

«Позабыться» Моргунок хочет относительно той неотвязной думы, которая погнала его в далекий и необычный путь. «В гости», «в город» — это обычные вещи, как будто все в порядке, все по-старому.

4. На тринадцатом году...— да, на 13-м году революции.

5. В *монету* весь *одет*.

Это о масти лошади. Серая масть у хороших коней бывает еще как бы в ровных круглых пятнышках; это называлось «монетой» или «яблоками».

6. Цыганское солнце — луна.

7. И шумит *парная* пена. — Парная — теплая, испаряющаяся (речь идет о конской моче).

8. Вот хожу с грудьми пустыми.

За *хорошее* житье, т. е. хорошее здесь в мыслимых кавычках. Хожу голодная, истощенная, ребенка кормить нечем — молока нет в груди.

Перевод в представленном образце, насколько я могу судить, верен размеру подлинника. Мой совет: не гонитесь за *абсолютной* точностью, сохранением мелких подробностей на тех же местах в строке или строфе. Важно ухватить дух и плоть оригинала, а переставить вторую строку, скажем, на место четвертой и наоборот — в интересах высшей точности, т. е. достижения большей выразительности, можно и должно.

Желаю Вам успеха, благодарю Вас за предпринятый Вами труд.

Ваш *А. Твардовский*

БЕЛОВУ Л. О.

Москва, 18 сентября 1956 г.

В редакцию Антологии советской поэзии
Белову Луке Осиповичу

Из намеченных в проспекте «Антологии» моих вещей я бы исключил следущие: «Мать и дочь», «О родине» и «Ты — дура, смерть...» Но я настоятельно просил бы взамен этих вещей включить одну главу из «Страны Муравии» и одну главу из книги «За далью — даль». Иначе моя работа в поэзии будет представлена очень уж однобоко.

Таким образом, вот чем и в каком порядке я хотел бы быть представленным в «Антологии»:

1. «Страна Муравия» (глава IV из поэмы).
2. Про Данилу.
3. Ивушка.
4. Ленин и печник.
5. Переправа (из «Василия Теркина»).
6. Я убит подо Ржевом.
7. Мост.
8. Две кузницы (из книги «За далью — даль»).
9. О юности.
10. Нет, жизнь меня не обделила.

А. Твардовский

КУДРЕВАТЫХ Л. А.

Москва, 21 октября 1956 г.

Дорогой Леонид Александрович!

Направляю стихи молодых поэтов, о которых говорил тебе по телефону.

1. *Борис Шумилов,* комбайнер Б. Мурашкинской МТС Горьковской обл. Его стихи, при всей как бы непритязательности формы, на мой взгляд, отличаются подлинно поэтическим видением живых черт того мира, в котором автор — свой человек, работник.

Стихи можно было бы расположить в таком порядке (если редакция отважится поместить не одно, а три-четыре стихотворения молодого автора):

1) Перед жатвой
2) «Конец уборки...»
3) Дядя Вася
4) Тетя Маша
5) О поэзии.

2. *Игорь Корейша,* студент Таллинского политехнического института (горное отделение). В стихах явные поиски своеобразного выражения, стремление к отчетливости, ритмической и интонационной, словом, что-то есть свое, не с чужого образца взятое, хотя знакомство с образцами, известная культура безусловны. Из его тетрадей рекомендовал бы следующие стихотворения:

1. «Иной поэт...»
2. Утро на берегу

3. Молодое дарование
4. Точная примета
5. Пословицы наизнанку
6. Медицинско-лирическое

Эти четыре стихотворения можно дать вместе.

Я, конечно, намечаю с возможностью выбора, как, впрочем, и в отношении других вещей из этих тетрадей,— можно и там посмотреть.

3. *Владимир Фирсов* — студент Литературного института, молодой (20 лет), хороший паренек, уже печатался по моей рекомендации в «Новом мире» и других местах. Посмотрите его два стихотворения.

Привет!

А. Твардовский

Большая просьба уведомить авторов, если будет что-нибудь отобрано, и возвратить (во всех случаях) тетради.

А. Т.

ВЫХОДЦЕВУ П. С.

Москва, 17 февраля 1957 г.

Дорогой Петр Созонтович!

«Стихотворение неизвестного солдата» — действительно стихотворение неизвестного автора. Я его нашел в литературной почте (стихи и прочее) нашей фронтовой редакции, занимаясь ответами начинающим. Ответить было некому — ни имени, ни адреса. Может быть (уж не помню), оно было как-нибудь неразборчиво подписано, но факт, что имени я не знал и поэтому «присвоил» стихотворение, немножко его поправив, главным образом в смысле грамматики. Так.

Ваше сообщение о нью-йоркском «Теркине» меня очень заинтересовало, если только это точно. Не могли бы Вы как-нибудь узнать название издательства, что-нибудь такое, чтоб легче разыскивать? Я, конечно, достану эту книжку через Иностранную комиссию или через МИД. Тогда дам и Вам ознакомиться. Между прочим, о ней здорово можно было бы написать, если это не абсолютная дрянь в литературном смысле. Только, конечно, не я должен писать.

Желаю добра. Лишнюю фотографию мне возвратили. Идет та, где я в кресле.

Ваш *А. Твардовский*

ФЕРКО МИЛАНУ

Москва, 1 сентября 1957 г.

Дорогой тов. Милан Ферко!

Я буду рад встретиться с Вами в Москве, если этому не помешает предполагаемая моя поездка в Сибирь именно в ноябре. Поездка эта запланирована Союзом писателей, и я уже дал на нее свое согласие. Может быть, Вы меня еще и застанете в Москве,— я не знаю, когда именно мне придется выехать. Однако на всякий случай изложите мне Ваши вопросы письменно,— я постараюсь немедленно ответить на них со всей возможной ясностью. Почерк у Вас отличный, и машинка не обязательна. Рад за моего «Теркина», который благодаря Вам станет доступным словацкому читателю.

Крепко жму Вашу руку.

А. Твардовский

ТУРКОВУ А. М.

Москва, 12 декабря 1957 г.

Дорогой Андрей Михайлович!

Прочел статью с удовольствием, в ней очень много хорошего, лестного для меня и верного по существу. Думаю только, что мотив «трудности» — вещь неперевариамая для нынешних редакторов, тем более что этот мотив выявлен, выделен и вынесен в заголовок.

Я сделал там одно замечание насчет «нетипичности» моргунковского отъезда и прощания: ведь эти годы характерны массовым бегством из деревни в город, на новостройки и т. п., по вербовке и так, с настоящими и фальшивыми справками, с семьями и без них, — словом, это как раз время отъездов и прощаний с дедовскими местами — «переселение народов» — в этом-то, по-моему, и типичность фантастического отъезда Моргунка из родных мест. Но это так — между прочим.

Без «Далей» заметки все же как-то много оставляют после себя белого места,— как будто статья написана 6—

7 лет назад. По-моему, «Дали» не только продолжают все, но и вбирают в себя многое, охватывают, проясняют. Но это опять же — только мое мнение.

Всего Вам доброго.

Ваш *А. Твардовский*

САЦУ И. А.

15 декабря 1957 г.

Дорогой Игорь!

Я только что прибыл и расположился в этом огромном, на 60 номеров Доме, где я с семьей составляю 1/3 населения. Еще только прошелся по городу, поглядел на море, вкусил с дороги часок творческого сна — и вот пишу тебе. И пишу главным образом по поводу того, что здесь нет «Ароматных» и нет схожих с ними «Украинськіх», а запас у меня совсем небольшой. Сделай мне большое одолжение, пришли «блок» (или два) «Ароматных» — *бандеролью.* Делается это так: надо заготовить упаковку, но не заклеивать наглухо (это могу делать только я и лишь в своем почтовом отделении, на базе многолетних отношений) и подойти к окошку, где принимают всякие заказные отправления, в том числе бандероли. Надо, чтобы видели, что́ отправляешь. Для упаковки мне кажется лучше бы всего папку от какого-нибудь подписного издания, а сверху бумагу, которую завернешь по форме и надпишешь. Но ты эти вещи знаешь — ты посылал посылки и т. п. А бандеролью посылают даже туфли. На *Центральном телеграфе* (Горького, 9), говорят, есть окошко, где все сами упаковывают, только заплатить соответствующие пустяки. Сделай, не откладывай по возможности. Конечно, я мог бы попросить это сделать Валю, но она, бедняжка, эти дни ни жива ни мертва: ее напугала та же врачиха язвой желудка, госпитализацией и т. п., и, кроме того, она не сумеет это сделать так, как это может сделать муж зрелый и курящий.

Чувствую себя на первых порах очень приятно, а там, я знаю, будет все в порядке. Чувство отрады, немного грустной, свободы и предстоящего покоя наполняет душу. Приходят всякие мысли, уже в дороге началось в голове нечто хоть предположительно продуктивное. За

кормой С[...] и К°, даже милый каноник П[...], которому я звонил накануне отъезда, — он, слава богу, либо забыл о своем предложении «подумать» о том, чтобы мне «возглавить», либо же он в свое время употребил эту фигуру педагогически, — с целью пробудить во мне честолюбивые мечтания и тем самым поднять дух мой.

Погода, по-видимому, такая здесь и полагается зимой: теплынь (на набережной люди и в пиджаках и даже в рубашках, хотя, правда, есть и в зимних пальто,— это приезжие с севера), дождики, бушевание деревьев в парке — вечнозеленых и еще не сбросивших листвы, как дуб, сирень и другие.

Кланяйся от меня Раисе Исаевне. Привет мой Саше. Поменьше пей водки. Ежели пропьешь эти деньги — прокляну.

Всего доброго, напиши.

А. Т.

В ОТДЕЛ ПОЭЗИИ ЖУРНАЛА «СОВЕТСКИЙ ВОИН»

Ялта, 23 декабря 1957 г.

Направляю Вам стихи офицера А. И. Сметанина, которые он прислал мне. По-моему, это весьма симпатичное подражание «Теркину» выполнено вполне литературно и может быть напечатано на страницах журнала, где когда-то печатался мой «Теркин».

В настоящее время я готовлю к изданию своеобразную книгу: «Стихи читателей «Теркина», в которую войдут наиболее удачные *стихотворные* послания, продолжения и подражания «Теркину», отобранные мною из множества читательских писем с 1942 г., когда начала печататься «Книга про бойца», по настоящее время. Прилагаемые стихи я включаю в эту книгу, но они, как мне кажется, с успехом могли бы появиться и в «Советском воине». Можно им предпослать небольшой редакционный «врез» на основе этого сопроводительного письма. В точности звание автора мне неизвестно, но Вы легко сможете это установить по своей линии.

Не откажите уведомить автора или меня о Вашем решении относительно этого материала.

Ваш *А. Твардовский*

РЕДКОЛЛЕГИИ СТЕНГАЗЕТЫ 9-ГО КЛАССА ПЫРЖОТСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Ялта, 31 декабря 1957 г.

Дорогие друзья!

Ваше письмо, направленное по моему московскому адресу, мне переслали сюда, в Ялту, а время ушло, и я уже не имею возможности поздравить класс с Новым годом через вашу стенгазету.

Конечно, я поздравляю всех вас, всем желаю наилучших успехов в ученье, в частности, в овладении правильной и свободной русской устной и письменной речью. Приятно отметить, что письмо ваше написано вполне грамотно,— я нашел в нем лишь одну ошибку, вернее, описку.

Но вот что мне хотелось бы вам сказать со всей откровенностью. Вы пишете, что «решили выпустить газету с новогодними пожеланиями нашему классу от наших любимых писателей, поэтов, артистов и других знатных людей страны».

Мне кажется, что это не самый лучший способ сделать классную стенгазету интересной и содержательной. Никакой особой доблести не проявит редколлегия, если привлечет для одного праздничного номера газеты две-три «знаменитости»: эти авторы уже давно «привлечены» и без вас, кроме того, их постоянно привлекают различные газеты и журналы. Другое дело привлечь своих авторов, из своих одноклассников, и сделать газету интересной. Это — заслуга. И кто знает, может быть, в их числе есть будущие «знаменитости»?

Если найдете время, подумайте над этим моим замечанием на будущее.

Еще раз желаю вам в новом, 1958 г., и во все последующие годы, здоровья, успехов, счастья.

Ваш *Твардовский*

МИХАЙЛОВУ Н. А.

Ялта, 2 января 1958 г.

Дорогой Николай Александрович!

Я тронут Вашим вниманием и памятливостью в отношении «Теркина». Вы уже как-то при встрече говорили

мне о задаче экранизации этой книги. Но я до сих пор относился сдержанно к этой идее, которая возникала неоднократно и у некоторых работников кино, не видя возможности личного деятельного участия в этой работе. Мне всегда казалось, что Теркин, данный в стихе, в слове, в форме, минующей обычные сюжетные построения, немыслим на экране, где зритель желает видеть цельную историю, выраженную в действиях и поступках таких-то лиц, связанных между собою такими-то отношениями симпатий, антипатий, борьбы и т. п. Казалось, что голос Теркина, переведенный на язык прозаических реплик или монологов, пропадет, что все превратится в цепочку эпизодов, прослоенных видовыми кадрами, в некую хронику фронтовой жизни солдата — и только. Тогда незачем и огород городить. Но если подумать о том, что современное кино способно черт знает что делать, что развитие его форм может быть бесконечно многообразным, то и мысль о Теркине на экране представляется не такой уж фантастичной.

Мне только одно ясно, что нужны два человека, которые были бы увлечены этой задачей: режиссер и актер. Может быть, это даже один человек. Если найдется такой человек, то и моя помощь в деле вполне реальна. Если найдется актер такого обаяния в этой роли, как, например, Бабочкин в «Чапаеве» или Чирков в «Максиме», актер, который лицом, голосом и всей статью своей будет мил зрителю, не сходя с экрана в течение этих полутора-двух часов сеанса, тогда — все! Нет сомнения, что исполнительских талантов у нас много. Тот же Чирков очень был бы хорош, он и читает «Теркина» превосходно, но он, пожалуй, и староват и, кроме того, слишком памятен зрителю как «Максим». Нужен новый, молодой человек, который так бы и стал «Теркиным».

Вот такие мои соображения в самой общей форме. Был бы рад по возвращении в Москву (в конце января) продолжить этот разговор в личной беседе. А может быть, к тому времени выявятся какие-нибудь «охотники» пойти в эту опасную разведку.

Еще раз спасибо за память.

А. Твардовский

ВЫХОДЦЕВУ П. С.

Ялта, 6 января 1958 г.

Дорогой Петр Созонтович!

Одновременно с сим высылаю рукопись «Стихов читателей» в первоначальном, натуральном, только переписанном на машинке виде. Это была нешуточная работа для Марии Илларионовны — извлечь эти 108 стихотворений из массы писем.

Но что это такое — не могу судить по первому (подряд) прочтению их, и годится ли это для издания — не знаю. Там много интересного и даже трогательного: почти все они — это не просто отклик и желание поговорить с автором на его языке, но и своеобразное «заманивание», понуждение автора к продолжению этой книги.

Могу сказать без псевдоскромности, что образец *такого* «контакта» между писателем и читателем, пожалуй, беспрецедентен в нашей литературе, не только в поэзии, хотя бы иметь в виду и такие книги, как «Сталь» Островского или «Повесть» Полевого, — там некие привходящие мотивы и обстоятельства.

Но мне трудно допустить, что при моей жизни я позволил бы опубликовать такие славословия собственной персоне, какими там оснащено каждое почти послание. И, однако, я посылаю Вам все это в нетронутом (как и в отношении длиннот и малограмотности) виде, чтобы не лишить материал его доподлинной натуральности. Посмотрите и отпишите мне о своих соображениях. Льщу себя надеждой, что, безотносительно к возможному изданию этой штуки, она Вам будет небезынтересна.

На редакторов из «Советского писателя» плюньте,— что же было от них ожидать. Только не «умнейте», не забывайте о боге, пусть у Вас что угодно вытопчут, но не свыкайтесь с этим внутренне.

Жму руку.

Ваш *А. Т.*

СМИРНОВУ В. А.

Ялта, 8 января 1958 г.

День памяти Николая Алексеевича Некрасова застает меня в Ялте, где в семьдесят шестом году смертельно больной поэт работал над своей гениальной поэмой

«Кому на Руси...» Вместе с собратьями по перу и всеми читателями и почитателями Некрасова приношу памяти славнейшего после Пушкина поэта родной земли дань глубочайшего уважения, любви, благодарности. Советская поэзия в своих лучших образцах, более чем кому другому из предшественников и учителей, обязана Некрасову. Лично для меня это имя в ряду самых дорогих имен родной русской литературы. Мой горячий привет всем товарищам, отмечающим сегодня память великого русского поэта.

Твардовский

АБАЛКИНУ Н. А.

Ялта, 9 января 1958 г.

Дорогой Николай Александрович!

Посылаю новые стихи «Разговор с Падуном». Они примыкают к тому же сибирскому циклу, что и прежние из печатавшихся в «Правде», но, как мне кажется, более серьезные. Я был бы очень рад видеть их на страницах газеты, но если по каким-либо соображениям они не подойдут, то, как всегда, у меня одна просьба: уведомите меня об этом, чтобы я мог располагать ими.

«От Иркутска до Братска» не портило новогоднего номера, но там есть одна прискорбная опечатка: «Буреломы да горы» вместо «Буреломы да *гари*». Гарь — где прошли таежные пожары. Обидно, что и на редакцию не могу попенять,— сам просмотрел, вычитывая рукопись.

За все — спасибо. Привет соратникам.

Ваш *А. Твардовский*

P. S. Сюда можно и позвонить при нужде — просто спросить Дом творчества Литфонда. Лучше — вечером.

А. Т.

ЧЛЕНАМ ТЕХНИЧЕСКОГО СОВЕТА ПРИ КРАСНОЯРСКОМ ЦЕНТРАЛЬНОМ КНИЖНОМ МАГАЗИНЕ № 1

Ялта, 10 января 1958 г.

Дорогие товарищи!

Благодарю вас за приглашение в Красноярск для встречи с читателями. Должен откровенно сказать, что,

всегда считая лучшей формой общения читателя с писателем книгу и никогда не выезжая с целью публичных выступлений, я вряд ли бы собрался специально для такой встречи в Красноярск. Но так как весной я собираюсь в очередную поездку по Сибири, то готов, пользуясь вашим лестным для меня приглашением, сделать остановку и в Красноярске. Об этом я уведомлю вас поближе к сроку поездки. Прошу только поставить меня в известность, к кому персонально я должен адресоваться, а то на этот раз я был в затруднении: кому из товарищей, подписавших письмо, отвечать мне? Да и адрес неплохо бы указать более точно.

С уважением *А. Твардовский*

ФЕДОРОВУ И. Ф.

Ялта, 21 января 1958 г.

Дорогой тов. Федоров!

Прочел Ваши стихи, пересланные мне сюда из Москвы,— «Песни о солнце и земле». В сущности, это целая и, по-своему, цельная книга стихов. Но вот что я хочу Вам сказать: не начинайте выход «в люди», как Вы говорите в сопроводительном письме, с этой книги. Она покамест лишь свидетельство элементарной литературной грамотности, «набитости руки», даже, может быть, известных способностей и... младенчески безоблачного видения мира, который представляется Вам лишь как объект умиленных восклицаний, неизменной восторженности и обязательного славословия. При этом очень возможно, что все это Вам,— как человеку, живущему в реальной жизни и занимающемуся редактированием районной газеты,— даже и не свойственно. Но Вы еще в том литературном возрасте, когда писание стихов для Вас еще нечто отдельное и особливое от «житейской прозы», когда кажется, что в стихах нужно говорить только о красивых вещах и непременно красивыми словами. Отсюда — весь этот набор древесных пород в «Стихах о природе», — дуб, сосна, ясень, даже пальмы! — долженствующий живописать всяческое цветенье и произрастанье под неизменно безоблачным небом донского края, который (край) берется в его готовой, уже традиционной «поэтичности».

Я надеюсь быть понятым правильно, хотя знаю по опыту, что мы становимся как бы «непонятливыми», когда нам говорят малоприятные вещи.

Я готов отметить некоторые стихотворения, которые показались мне лучше других. Таковы, например, та же «Сосна», «Зерно», «На свете долго буду жить» (лучше бы все-таки сказать: «Хочу на свете долго жить...») и некоторые другие. Но и в них готовая, заёмная «поэтичность» заслоняет доподлинность и натуральность картин, чувств, мыслей. Стремление выразиться покрасивее порой приводит к комическому или пошловатому эффекту, что, конечно, не входило в Ваши расчеты. Вот Вы говорите, что «слезой (материнской) стреляли по врагам»; вот заканчиваете стихи о волейбольном знакомстве такой сентенцией, как «сердце — не мяч». Много таких случаев «переусердствования» по части «художественности». А художественность — она строга, проста, целомудренна и не обязательно — красавица.

Словом, я считаю, что эта книга для Вас должна быть пройденным этапом; если у Вас найдутся силы для этапа иного, отличного от этого в существе, то там можно будет говорить и о серьезном выходе в люди, т. е. в литературу.

Вот все примерно.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

ХАЛИФМАНУ И. А.

Ялта, 22 января 1958 г.

Дорогой Иосиф Аронович!

Книгу я прочел с интересом, она не менее, чем «Пчелы», любопытна и ценна, читатель у нее будет. Но не могу сказать, что даже этот, детгизовский вариант — легкое, увлекательное — на любого читателя — чтение. Нет, книга эта предполагает в читателе некую склонность к исследованию или просто природную любознательность — она не для широкого читателя в том смысле, как иная книга по технике и т. п. Она рассчитана на юношество, если иметь в виду этот главный читательский массив, но увлечены ею будут только одиночкп, вроде какого-нибудь Роберта Шеннона из романа

Кронина «Юные годы». Но таков удел многих прекрасных книг, вовсе не отгораживающихся от мира идей общезначимых, но — по необходимости — книг серьезных. Это — серьезная книга, а не побаски «из жизни муравьев», она чужда дешевой беллетризации серьезного научного материала и, вообще говоря, написана так, что я, например, читатель довольно вредный, не был задет ни одной пустопорожней фразой или чертой «украшательства», подыгрывания на дурной вкус, популярничанья. Я даже, откровенно скажу, я не представляю себе, какой еще может быть та большая книга, экстрактом которой является эта. Но здесь я вообще не судья — я невежда в вопросах биологии.

Но зачем я Вам все это говорю, когда все это Вы знаете много-много раз лучше меня, и речь должна идти о том, каким образом я мог бы Вам помочь? Вот тут Вы мне сами должны помочь. Считаете ли Вы, что имеет смысл написать С. В. Потемкину, с которым я немного знаком? В каком духе лучше написать: как будто я ничего не знаю,— нет, это, пожалуй, не годится. Но если я его просто попрошу заняться лично этим конфликтом издательства с автором и выскажу свое мнение о книге? Подумайте и решите, а я готов сделать все, что будет в моих силах, учитывая, что речь идет не о поэме или романе, не о таком ходовом товаре.

Нет ли у Вас своих предложений? Пишите или телеграфируйте. В Москве я буду только в середине февраля, но и до тех пор, может быть, что-нибудь удалось бы сделать.

Главное — не предавайтесь унынию. Такая великолепная, ажурно-тонкая и точная работа, где бездна общепознавательного и вместе изящного — право же — не может вдруг пострадать по причине чисто внешней (недоговоренность Ваша с первоначальным заказчиком).

Желаю больше и больше уверенности и спокойствия. Рукопись мог бы отослать, но ее захотела прочесть моя жена — задержится на два-три дня.

Ваш *А. Твардовский*

P. S. Заглавие — ох! — нехорошее, «мироприключенческое».

АБАЛКИНУ Н. А.

Ялта, 23 января 1958 г.

Дорогой Николай Александрович!

Большое спасибо за полную текстуальную сохранность «Разговора» в напечатанном виде. Даже опечаток я не приметил ни одной. Может быть, стоило отбить некоторые строфы, но я догадываюсь, что стихи по объему просто с трудом втискивались в отведенное им пространство.

Насколько я могу судить по имеющимся у меня данным, стихи получили хороший резонанс.

Посылаю Вам стихотворение «Еще о Сибири» — заглавие Вам покажется нарочито прозаичным, но просил бы оставить его,— оно не только связывает стихи со всем циклом, но и имеет смысл и окраску, соответствующую отчасти публицистической предназначенности их.

Адрес мой тот же. Если что — звоните, телеграфируйте.

Ваш *А. Твардовский*

ВАНШЕНКИНУ К. Я.

Ялта, 24 января 1958 г.

Дорогой Константин Яковлевич!

Книжку получил, прочел всю подряд, хотя много знал ранее. Должен сказать, что в ней *просто нет плохих стихов*, — в самом мимоходном стихотворении — то зоркость глаза, то мысль, то оборот,— что-нибудь да есть. Словом, что же мне Вам говорить о том, что Вы человек талантливый, думающий, наблюдательный остро, живущий с натуральным вкусом к жизни. Это все так. И книжка как таковая и в целом хороша, ее будут хвалить с полным основанием. Моя ложка дегтя в бочке всеобщего (и моего тоже) признания за Вами всего того хорошего, что налицо,— эта ложка будет только в одном предупреждении, на которое мне дает право возраст. Вот у Вас такой продуктивный 56 год, которым помечено большинство стихотворений (кстати, зачем такой разнобой в датировании: 56 — 54 — 57 — 56 — и т. п.?), но я не нашел, чтобы эта продуктивность была в плане и

духе некоей *генеральной думы,* одержимости каким-то чувством, задачей, поиском,— нет, всего понемногу, но в основном та же очень приятная (покамест!) любовь ко всем житейским цветам и оттенкам, *готовность отозваться на все*, что идет в душу: на снег, на дождь, на прочитанную книгу, прослушанную песенку, подмеченную подробность той или иной картины — и. отозваться хорошо, выразительно, но уже, простите меня, *с некоторой набитостью руки* в малых секретах изготовления «вещиц», не плохих, даже хороших, но все уже на один покрой.

Происходит это еще от молодости, от того, что, может быть, еще «вошь не кусала за потылицу» — *не в буквальном*, конечно, *смысле*. Но и вошь может укусить, а, может быть, и кусала в личном плане, но когда она укусит в плане более *объективном*, будет другое дело.

Один год можно посвятить, как своеобразному дневнику, таким «вещицам»-записям, но дальше — или Вы уже не захотите продолжать эти записи,— тогда — вперед, или же научитесь еще тонкостней и изящней их выполнять, заносить в тетрадь,— тогда дело хуже.

Поверьте мне, я не каркаю, но очень хочу не умилиться, а чтобы у меня дух захватило. Впрочем, все это отношу к Вам именно потому, что считаю Вас безусловно самым талантливым из Ваших литературных сверстников.

Кое-что я почеркал, пометил, но поздно — лень это переносить в письмо,— увидимся как-нибудь — могу провести Вас по этой книжке, которую, повторяю, прочел с удовольствием.

Желаю Вам всяческого добра.

Твардовский

ТРУБИЦЫНУ В. А.

Ялта, 25 января 1958 г.

Дорогой тов. Трубицын!

Спасибо за поздравление и книжку. Книжку я просмотрел, ограничусь двумя замечаниями.

1. Переводы, помещаемые среди оригинальных стихов, «под одну связь» — Вы снабжаете обозначением в

скобках: «Из такого-то»... Это «Из» ставится в том случае, если тот автор, из которого взяты стихи, более или менее общеизвестен, как, например, «Из Гейне», «Из Бернса», «Из Хайяма» и т. п. Кроме того, это «Из» служит указанием, что перевод совершенно вольный.

2. О стихотворении «На побывке». Вам кажется, что если обычную газетную фразу: «Новое отношение людей труда к хлебу» инверсировать в двустишие: «Мне понятно людей труда к хлебу новое отношенье»,— так это будет лучше, но это не лучше, а, пожалуй, даже хуже т. к. содержит в себе претензию на «поэтичность». Но это пустяки. А вот следующая строфа:

Ведь весомые трудодни
Только лодырям не даются...
Люди поняли, что они
Здесь пожизненно остаются.

Оставляю на Вашей совести первые две строчки (весьма плохие и фальшивые), но просто ужасно это слово «пожизненно» во втором двустишии, которое (слово) вместе со всей строкой Вы еще раз закрепляете в конце стихотворения. Неужели Вы не слышите сами, что это слово, чаще всего в русском языке сочетавшееся со словами «каторга», «заключение», «ссылка» и т. п., звучит здесь, где Вы говорите о расцвете колхозной жизни, до крайности бестактно, если не сказать более того.— Язык шутит злые шутки, когда с ним обращаются, скажем, небрежно.

Не обижайтесь, пожалуйста, на резкость моего замечания относительно «На побывке» — это дело слишком серьезное, чтобы его обходить вежливым уклонением. О книжке в целом говорить не буду, потому что основной и наиболее наглядный грех ее в несамостоятельности, а характер этой несамостоятельности позволяет мне на этот раз уклониться от критики ее.

Когда выйдет книжка моя в «Библиотеке современной поэзии» — не знаю точно, но книжка эта, в соответствии с небольшим сравнительно объемом выпусков этой серии, будет состоять из одной избранной лирики. Посылаю Вам то, что есть у меня здесь под рукой,— «Избранное» издательства «Московский рабочий» 1957 г.

Желаю всего доброго.

Твардовский

ПОТЕМКИНУ С. В.

Ялта, 31 января 1958 г.

Уважаемый Сергей Васильевич!

Не посетуйте на меня за то, что в этом письме я прошу Вас вернуться к одному вопросу, который в Вашей издательской повседневной работе, если и помнится Вам среди огромного и разнообразного количества названий книг, листов, листов-оттисков и т. п., то помнится, как вопрос однажды решенный, «дело» о котором передано в архив. Речь идет о книге «Муравьи» И. А. Халифмана, с которым издательство, как говорится, прервало договорные отношения по причине нарушения авторской стороной параграфа 15 типового издательского договора, а именно — передаче автором для издания в Детгизе книги на ту же тему, хотя и меньшего объема и в обработке для детгизовского читателя.

Почему с этим разговором обращаюсь к Вам я, человек, мягко выражаясь, имеющий мало отношения к биологической науке и задачам ее популяризации в той или иной литературной форме? Только потому, что знаю И. А. Халифмана со времени выхода в свет его замечательной и широко известной книги «Пчелы», о которой я ему, помнится, что-то такое написал, как читатель; затем, в бытность мою редактором «Нового мира», познакомился с ним лично, желая привлечь его к сотрудничеству в журнале (имелись в виду, в частности, «Муравьи», над которыми он тогда работал), и раз-другой обменялся с ним книгами с дарственными надписями. Словом, я отношусь к этому литератору с большим уважением и интересом к его работе, что я неоднократно высказывал ему, и естественно, что он ввел меня в курс печальной истории своих, прерванных ныне, отношений с издательством «Молодая гвардия»; и я не мог не проявить интереса к судьбе новой работы этого автора.

Я прочел целиком детгизовский вариант книги и три главы из основной, предназначенной для Вашего издательства рукописи И. А. Халифмана. Я не намерен занимать Вас моей общей оценкой или характеристикой этой работы, не уступающей по своим блестящим литературным достоинствам «Пчелам», получившим единодушно одобрительное признание широких читателей, печати, специалистов. Я лишь хочу сказать Вам, что для

меня очень огорчителен и непонятен отказ «Молодой гвардии» от издания этой книги по мотивам, простите меня, формально-ведомственным и несущественным. Насколько я могу судить, появление в свете детгизовского издания ни с какой стороны не могло бы напортить молодогвардейскому изданию, не только более полному, но и принципиально более совершенному по существу: по объему привлекаемого материала, изложению, стилю. Я даже думаю, что более зрелый, чем детгизовский, читатель, ознакомившись с той книжкой, представляющей только как бы экстракт этой, предназначенной для «Молодой гвардии» книги, может, вполне естественно, захотеть ознакомиться с нею во всей ее полноте замысла и исполнения. А не захочет — не надо — значит, его могла обслужить та книжка, и на здоровье. Речь ведь идет о книге, которая вправе быть представленной в таких двух вариантах,— это не повестушка, наскоро «упрощенная» для Детгиза. Это книга большой познавательной ценности, подарок для молодого (и немолодого, конечно), любознательного читателя, книга научно-популярная, но популярная в высшем и лучшем смысле, без малейшей тени «популярничанья», «подсюсюкивания» или дешевой беллетризации серьезного материала. Да что говорить, работы этого автора — работы того же типа научно-популярных произведений, как, например, книга профессора Морозова «Учение о лесе», как знаменитая «Жизнь растений» К. Тимирязева,— называю, что помню по живому читательскому впечатлению. Я имею в виду письмо, литературный стиль этих книг, сближающий их, при всей специальной предназначенности и собственно научной ценности, с литературой художественной в серьезнейшем смысле.

Все эти и многие другие соображения, которые так и просятся на бумагу, когда думаешь об этой «истории» с книгой Халифмана, заставили меня обратиться к Вам, Сергей Васильевич, зная Вас по весьма приятным и ценным для меня в некое трудное время «договорным отношениям» с издательством «Молодая гвардия», с просьбой пересмотреть этот вопрос. Я не представляю себе дело так, что Вы обязаны лично читать все, что находится в портфеле такого «многораздельного» издательства, но в данном случае хочу просить Вас прочесть хотя бы две-три главы книги Халифмана, взглянуть на это дело без предубеждения. Я совершенно уверен, что этот Ваш труд

не будет неблагодарным. Я настолько уверен в успехе этой книги (успехе — не в смысле литературной сенсации), что, если бы Вы это сочли возможным, готов был бы отважиться написать для нее небольшое предисловие. Нечего и повторять, что я не специалист, но, может быть, мое читательское слово об этой книге будет способствовать привлечению внимания к ней читателя, который, я уверен, будет хорошо вознагражден знакомством с ней. Конечно, если автор не против этого — я ему не высказывал еще этой мысли.

Вот все примерно, что хотел сказать Вам. Буду очень признателен, если найдете время ответить мне. По возвращении в Москву — во второй половине февраля — хотел бы встретиться с Вами по некоторым личным намерениям в отношении издательства.

С уважением *А. Твардовский*

АБАЛКИНУ Н. А.

Ялта, 12 февраля 1958 г.

Дорогой Николай Александрович!

Спасибо за письмо. Я очень рад тому, что отношения с «Правдой» становятся все более дружественными и доверительными.

В «Еще о Сибири» допущена-таки опечатка — уже не по моей вине: в пятой строфе, четвертой строке — *«известный»* вместо *«извечный»*, — очень жаль, ибо это из тех особенно неприятных опечаток, когда некоторый смысл как бы есть, но не тот, который должен быть.

Благодарю Вас за Ваши добрые пожелания моему ялтинскому перу. Что касается «значительного», как Вы говорите, то не мне судить, но мне кажется, что глава «Далей» — «Фронт и тыл», которая у меня сейчас в отбелке, не будет незначительной. Я ее дам поближе к 20-м числам, когда уже буду в Москве, приурочивая ее в какой-то степени к 40-й годовщине армии.

А покамест посылаю Вам еще один сибирский опус. Сюда уже мне не пишите — 16-го выезжаю с чадами и домочадцами.

Всего Вам доброго. Привет товарищам.

А. Твардовский

ДОБРИНУ В. Б.

Москва, 11 апреля 1958 г.

Дорогой Владимир Борисович!

Я готов не только приветствовать, но и всячески поддержать Ваше намерение написать свои «Записки». Только вряд ли Вам могут быть полезны те два-три газетных очерка, посвященные медработникам, что у меня нашлись бы, если покопаться в архиве. Все дело в Вашей памяти, запасе впечатлений и фактов. Конечно, стоило бы Вам прочесть то, что из подобных мемуаров появлялось в печати, например, записки О. Джигурды (она) в «Знамени» — году в 46—47, еще какие-то воспоминания врача — участника обороны Ханко (не помню ни имени, ни названия книги) и т. п. Но главное, повторяю, в Вас самих, в памяти и *остроте потребности* высказаться, рассказать о том, чего, как Вы считаете, другие не знают, но должны знать.

Когда напишется листа 2—3 (страниц 50—60 на машинке), присылайте мне — прочту, помогу — в чем смогу.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ЛАКШИНУ В. Я.

Москва, 10 мая 1958 г.

Дорогой Владимир Яковлевич!

Книжицу Вашу получил,— большое спасибо за нее, за память. Что, вдруг, Вы в Ленинграде? Переехали, живете там? Это, между прочим, важно мне знать и потому, что я, наверно, вновь буду редактировать «Н. мир» и мне хотелось бы иметь Вас в виду как желательного сотрудника. Напишите, что Вы и как.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

ТЕНДРЯКОВУ В. Ф.

Внуково, 22 июня 1958 г.

Дорогой Владимир Федорович!

Как всегда, Вы и в рассказе «Пощечина» улавливаете нечто существенное, жизненное, против чего не поспоришь как против факта. Это драгоценный дар — чувство существенного в жизни, глаз и слух на все, что недоступно глазу и слуху авторов, пишущих не от потребности сказать правду, а из соображений сказать то, что будет «в соответствии» и т. п. Но о данном рассказе я хочу вот что сказать. Авторская речь у Вас слишком близка к языку персонажей: говорите Вы, и размышляет в закавыченных абзацах, скажем, Рыбец — одно и то же по словесной фактуре, насыщенности «живым» речевым материалом, словечками и оборотами.

Это — слабость, и слабость, влекущая за собой другие слабости, уже не «чисто формального» порядка, а самого содержательного. Тут-то форма и показывает, что она, шельма, действительно неотделима от содержания. Вы прячетесь за этой «живой речью» от необходимости дать собственную, с более высокой точки зрения, чем точка Ваших Широковых, Наскоковых и др., оценку излагаемым фактам и поступкам героев, поставить их в ряд с другими, дать им обширный жизненный фон. Это-то куда труднее, чем изъясняться «живой речью» своих персонажей, в этакой «народной» манере.

Вы не хотите сказать, что же из этого всего получается (скажем, из этой ситуации), что привлечен Наскоков Широковым к ответу за пощечину, и оказывается весь «район» с рыльцем в пушку, всем эта история грозит неприятностями и неудобствами. А Вы просто говорите, вот, мол, как оно бывает у нас (и верно, что бывает!), а что к чему, я не знаю, не мое дело.

Фельетонист на Вашем месте, т. е. обратившись к подобной ситуации, знал бы, что сказать в конце, а Вы не знаете. И вот почему. Вы взяли факт в фельетонном наклонении, т. е. отключив его от всего остального, чем заняты герои еще, помимо этой истории, а в конце говорите, что история эта, хорошо окончившаяся. И трудно понять — шутите Вы или всерьез. Как будто бы и всерьез: секретарь райкома у Вас не просто решает не выносить сора из избы, а как бы мотивирует это тем, что Рыбец

много честных людей припутал к своим махинациям — потому, мол, черт с тобой, убирайся вон без суда, исключения из партии и т. п. Тогда имейте мужество сказать, что он, секретарь райкома, тоже «в пушку», он — вершина этой районной круговой поруки антигосударственных деяний. Так бы и сказал, например, Нариньяни, что в деле запутаны и такие-то лица. Но Нариньяни легче: он излагает и оценивает отдельный, данный факт,— он, как говорится, не обобщает. А Вы сидите в данном случае между двумя стульями: я, мол, не обобщаю, [...] но и не говорю, что вся эта история произошла в таком-то действительном районе с такими-то действительными лицами. А тут — либо — либо. Вот как оборачивается безобидная и даже обычно хвалимая форма «живой речи», отсутствие авторского, отличимого от нее языка, языка и стиля его прямой, интеллигентной речи человека мыслящего и формулирующего свои мысли не на уровне своих героев, а на ином, высшем.

Я знаю, что Вы не хотите сказать: так все и обстоит «сверху донизу», хотя именно в этом обвинит Вас критика, если напечатать этот рассказ. Но Вы взяли эту свою ситуацию в полном отключении ото всего остального, что еще, кроме махинаций и рукомойства, делают эти люди,— она взята в фельетонном плане, но фельетон легко справляется с этим: «в то время, как вся наша страна...» и т. д., «есть еще отдельные...» и т. д. Смешение жанровых возможностей у Вас обернулось прямо-таки плачевно. Мне думается, что у Вас все это — издержки роста. Вы о многом хотите и можете рассказать, но рассказывать не умеете еще в полную силу. Ваше сегодняшнее стилевое состояние, если так можно выразиться, сродни тому, что характеризует революционно-демократическую, обличительную прозу Н. Успенского, Эртеля и др. Они много знали, видели, но рассказывали об этом по преимуществу языком своих персонажей, на уровне их мышления. А, скажем, Гл. Успенский имел еще, кроме языка своих героев, очень говорливых, еще и свой собственный, обобщающий, поднимающийся *над*...

Пишу это письмецо на случай, что при нынешней моей занятости, всяческой хлопотней, мне не тотчас удалось бы поговорить с Вами, да и для себя было важно изложить эти соображения на бумаге. Но и на словах мы непременно, если зайдете, так и сегодня поговорим. Мне очень хочется, чтобы Вы меня поняли правильно, что

над рассказом нужно еще поработать не в плане «приглаження опасных моментов», а в плане оснащения всего этого материала на самой высшей основе.

Ваш *А. Твардовский*

ЖУРАВЛЕВУ Т. К.

30 июня 1958 г.

Дорогой Тихон Кононович!

Приступив к работе в «Новом мире», я, естественно, вспомнил о Вас в числе самых симпатичных журналу авторов. Крайне интересно было бы узнать, чем Вы сейчас заняты, т. е. что пишете нового и когда можно было бы ознакомиться с тем, что есть, хотя бы и неоконченным. Хорошо было бы приехать Вам в Москву, прихватив с собой то, над чем работаете. Приезд и кормовые, конечно, оплатим. Напишите мне, пожалуйста, какие у Вас виды на возможность такой встречи.

Жму Вашу руку.

А. Твардовский

БЕРГГОЛЬЦ О. Ф.

4 июля 1958 г.

Дорогая Ольга Федоровна!

Очень, очень рад был получить от Вас письмо,— я сам все собирался написать Вам, но за суетой невыразимой так и не собрался. Простите и сейчас меня: пишу кратко, не отзываясь на общелирические места Вашего письма, хотя в них много интересного для меня, а спеша лишь сказать Вам, что жду с нетерпением всего, что имеете нового и что можете немедленно выслать для поддержания огня в очаге, к которому я приставлен ныне и который дымит, чадит и вовсе затухает.

Я и вся редакция будут рады всему, что пришлете,— будь то стихи или проза, ибо перо Ваше нам известно — перо надежное. Об авансах и пр. не думайте — все это будет в лучшем виде. Высылайте *все*, что будет нового.

Будете в Москве — непременно звоните, заходите.

Ваш *А. Твардовский*

ЭНГЕЛЬГАРДТУ Б. А.

22 июля 1958 г.

Многоуважаемый Борис Александрович!

Боюсь Вас несколько разочаровать, но сообщение П. А. Зайончковского о том, что «Новый мир» как бы уже решил вопрос о печатании Ваших «Воспоминаний», не совсем точно. Мы имеем в виду опубликовать лишь некоторые главы работы,— о большем не может быть речи по условиям нашего журнала, призванного по преимуществу и главным образом печатать современный, актуальный материал. Единственная возможность ознакомить читателя хотя бы с отрывками из «Воспоминаний» — это наш раздел «Дневники, воспоминания, документы». Так обстоит дело. Но мне кажется, Вы не должны пренебречь и этой скромной, на первых порах, возможностью беседы с читателем. А опубликование отрывков мемуаров у нас в «Новом мире» может существенным образом повлиять в разрешении вопроса об издании «Воспоминаний» в целом отдельной книгой. Покамест еще никто в редакции не читал рукописи, кроме меня, пройдет еще немного времени, но Вы ждали больше, подождите еще. Сообщите нам о согласии на опубликование глав (отрывков) рукописи в «Новом мире». Само собой, Вы будете уведомлены о том, какие отрывки мы выберем, и они Вам будут показаны,— возможно, что к Вам приедет из редакции специальный человек по всем этим вопросам.

Вот все, что покамест могу сообщить Вам. Простите, что с таким запозданием отзываюсь на Ваше письмо,— в редакции идут авральные недели.

Ваш *А. Твардовский*

НЕБОГАТОВУ М. А.

Москва, 28 июля 1958 г.

Дорогой Михаил Александрович!

Книжку Вашу давно получил, но просмотреть все не мог выбрать времени,— после назначения меня главным редактором «Н. М.» (журнала «Новый мир») моя личная почта вообще весьма запущена, так как время уходит на неотложные дела, на чтение того, что идет «в номер».

Книжка производит очень симпатичное впечатление, хотя много в ней лишнего, пустякового и малоинтересного — вроде ваших «пародий» или стихов, написанных явно «ко дню». Возможно, что мы дадим в «Н. М.» рецензию на нее. Но писать мне самому не только некогда, но отчасти и неудобно: может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что следы усердного чтения Твардовского на ней (книжке) заметны. Присылайте, если есть что-нибудь новое для «Н. М.».

Желаю всего доброго.

А. Твардовский.

ГИТОВИЧУ А. И.

6 августа 1958 г.

Дорогой Александр Ильич!

Китайскую лирику получил, печатаем ее в одном из ближайших номеров под рубрикой «Новые переводы». Стихи обладают своеобразным очарованием этой древней мудрой и милой поэзии, но не могу не сказать, что некоторая «инерция» передачи этого очарования по-русски есть. И еще: расположению строк в строфах обыкновенных русских стихов Вы придаете слишком большое значение. Но пусть это будет на Вашей совести. Вы, конечно, понимаете — редакции хотелось бы получить и новые образцы современной китайской поэзии. Если что будет, имейте нас в виду.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский.

P. S. Нужно сочинить справочку об авторах самого общего порядка и дать пояснения к именам и некоторым выражениям в тексте. Об этом подробнее Вам напишет Софья Григорьевна.

ГИТОВИЧУ А. И.

Москва, 17 августа 1958 г.

Дорогой Александр Ильич!

Книгу Вашу с дарственной надписью получил,— благодарю. Ответить Вам тем же сейчас не могу: нет ниче-

го под рукой, кроме огоньковской книжечки, которую посылать в таком случае как-то неудобно. В этом году у меня будут еще более солидные издания, тогда и отдарю Вас.

Очень приятно, что Вы не обиделись на меня за намек насчет «инертности», и о ней я сказал, рассуждая «на самом высоком уровне».

Желаю Вам всяческого добра.

А. Твардовский

P. S. Вот что пришло мне вдруг: не взялись бы Вы поразмышлять о китайско-корейской поэзии как с точки зрения поэта-переводчика, так и вообще, в плане, конечно, «свободного полета», т. е. не придерживаясь норм канонической статьи и т. п.? Подумайте, пожалуйста.

А. Т.

КОЛЯСТРУКУ Н. Д.

Москва, 25 сентября 1958 г.

Дорогой Николай Дмитриевич!

Случилось так, что, прочитав Вашу рукопись и подготовившись к беседе с Вами, я не дождался Вас и найти не мог — ни телефона, ни адреса. В письме, конечно, я могу лишь бегло коснуться того, о чем собирался говорить подробно. Так вот — по пунктам.

1. В отличие от «Летописи», которая была от первого лица, в «Приморской стороне» язык и стиль пожиже; видимо, освоение третьего лица повествования, более сложного типа, проходит не без потерь. Письмо в «Приморской стороне», я бы сказал, более «райгазетное», маловыразительное.

2. По содержанию.— Очень плохо, что с первых страниц мы уже видим, что столичный гость в колхозе — Стариков — эгоист и «ревизионист», а проще говоря, человек своекорыстный, пошлый и дурной. Дальнейшие обоснования этой характеристики уже представляются излишними.

3. Кульминационный разговор двух друзей на острове на тему о том, что важнее: работа в колхозе или над диссертацией о Г. Веерте отдает неприятным душком противопоставления «низового» труда — интеллигентному, «народа» — «интеллигенции». Мы, озерские, за тебя отвечаем и т. п.— тут что-то в духе кочетовских «рабочих»,

которые берут на себя ответственность за секретаря горкома («Братья Ершовы»).

4. Есть хорошие картины «островной» жизни, труда животноводов, отдельные черты жизни колхоза, но в целом нет того, что было в «Летописи» — достоверности свидетельства, несомненности того, о чем говорит автор. Словом, беллетристика вместо художества.

Вот примерно по каким пунктам могла идти у нас беседа, но в письме, к сожалению, не могу быть более подробным.

Стоит ли продолжать повесть? Не берусь решить этот вопрос. Во всяком случае, дайте ей немного полежать, подумайте, отойдя от нее немного.

Желаю всякого добра.

А. Твардовский

СИМОНОВУ К. М.

26 сентября 1958 г.

Дорогой Константин Михайлович!

Надеюсь, ты не станешь отказываться от тех слов, коими при передаче мне дел ты обещал журналу свое сотрудничество. Я их хорошо помню, есть и свидетели. Не откажи уведомить: что ты сможешь дать нам в 59 (хотя бы) году. Пусть это будет роман (тогда, пожалуйста, название укажи — для проспекта), пьеса, очерк, статья, «дневник писателя», стихи, воспоминания и т. п.

Очень прошу отозваться.

Желаю тебе всего доброго под ташкентскими кущами.

Твой *А. Твардовский*

СЕРГЕЕВУ В. А.

Москва, 1 октября 1958 г.

Дорогой тов. Сергеев!

Как я уже сообщал Вам телеграммой, в 11-й книжке мы публикуем большой цикл Ваших чукотских стихов. В нем — «Праздник в тундре», про девушку-каюра, «Олени любят соль», про самолет над скалой (я не все заглавия помню, а рукопись в наборе — под рукой нет),

о дружбе с чукчей, который в пургу не дает герою погибнуть, и еще что-то. Словом, это будет серьезным дебютом в большой печати. Стихи мне и моим соредакторам очень нравятся. Мы надеемся, что они будут замечены и читателем и критикой. Мне известно, что некоторые из этих стихотворений печатались в местных изданиях, но оговаривать это обстоятельство при опубликовании их в «Новом мире» я не вижу надобности. А вот просьба: подумайте, нельзя ли найти общий заголовок, например, «Стихи о Чукотке». Если согласны или предлагаете что-нибудь другое — телеграфируйте немедленно.

Если у Вас явятся какие-либо поправки к названным стихам, опять же телеграфируйте, а следом авиапочтой присылайте новые варианты. У меня же покамест нет в этом смысле к Вам претензий.

В ближайшие недели, может быть ко времени съезда писателей РСФСР, мы вызовем Вас в Москву,— мне хотелось бы с Вами поговорить о Вашей работе и т. д. Хорошо, если Вы к этому времени приведете в порядок свое «наследие» в рукописном и печатном виде, еще лучше, если к тому же привезете что-нибудь новое, но не будет — не торопитесь.

Желаю Вам всего доброго, а, главное, здорового спокойствия в отношении всяческих невзгод жизни,— без них не обойтись, дальше они могут быть и еще куда серьезнее, так что нужно к ним привыкать смолоду. Будьте здоровы. Сообщите Ваше отчество. Александр Григорьевич шлет Вам свой привет.

А. Твардовский

БУРТИНУ Ю. Г.

Москва, 5 октября 1958 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Я не читал еще романа Абрамова, но мы имели в виду дать о нем статью или нечто в этом роде. Очень хорошо, что Вы беретесь за это дело. Итак, принимайте заказ на статью и пишите ее, не теряя ни дня. Возможно, что она попадет в первую книжку 59 года.

Если хотите, присылайте мне ее по домашнему адресу, хотя, конечно, это все равно,— мимо меня статья не пройдет. Жду. Желаю успеха.

Всего Вам доброго.

А. Твардовский

БУРАВИНУ А. Ф.

6 октября 1958 г.

Уважаемый Александр Федорович!

Статья «Письма фронтовиков о «Василии Теркине» печаталась очень давно,— с тех пор писем пришло несоизмеримо больше. Но они лежат частью в моем архиве, частью в других местах — и ознакомить Вас с ними не представляется покамест возможным. Этим письмам уделено внимание в моей статье «Ответ читателям «Теркина», которая печаталась в качестве приложения к отдельным изданиям «Теркина» и моим двухтомникам. Но ее под рукой у меня нет. В библиотеке Вы ее можете найти.

Посылаю Вам — за неимением более солидного издания — мою последнюю по времени выхода книжечку в серии «Библиотека «Огонька».

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ФЕДИНУ К. А.

Москва, 8 октября 1958 г.

Дорогой Константин Александрович!

Кроме Вас, некому нынче в нашей литературе сделать это достойнейшее и благородное дело — написать совсем небольшую статью для «Нового мира» в необязательной, вполне вольной форме о завершении издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого как огромном событии отечественной и мировой культуры.

Ни одного слова «агитации», навязывания, уговаривания не употребляю — решите сами, вправе ли Вы отказаться от выполнения этой задачи и будете ли Вы спать спокойно, если уклонитесь от нее.

Das ist alles [1].

А. Твардовский

---

[1] Это все *(нем.)*

ЭЙХЕНБАУМУ Б. М.

Москва, 8 октября 1958 г.

Многоуважаемый Борис Михайлович!

Я очень рад, что на мою телеграмму Вы отозвались согласием сотрудничать в «Новом мире» в 59 г., и сердечно благодарю Вас, тем более что «инцидент» со статьей Вашей о Толстом не мог, конечно, не оставить известного осадка у Вас на душе. Я очень сожалею об этом, но так уже случилось, что в обстановке первых недель работы в журнале у меня самого как-то не дошли руки до этой статьи. Мне было известно, что она «не на тему», т. е. не о завершении Полного собрания сочинений Л. Толстого как событии мировой культуры, а на лишь связанную с выходом этого издания тему. Конечно, это моя, а не кого-нибудь из редакции, вина, но в той горячке, которая происходила тогда в редакции в связи с необходимостью «выйти на орбиту», т. е. ликвидировать ужасное отставание журнала с выходом,— это далеко не единственное мое упущение.

Кстати, А. Г. Дементьев, являющийся сейчас моим заместителем, но еще не порвавший полностью с «Вопросами», говорил мне, что статью Вашу там будут печатать.

Еще раз — спасибо, присылайте нам все, что у Вас будет в «профиле» нашего, т. е. не столь специального, как «Вопросы», журнала.

С уважением *А. Твардовский*

ТРОФИМОВУ И. Т.

Москва, 17 октября 1958 г.

Уважаемый Иван Трофимович!

Мне кажется, все, что Вам требуется для Вашего библиографического справочника, Вы найдете в моей «Автобиографии», «Ответе читателям» и др. материалах, неоднократно печатавшихся в «Приложениях» к моим однотомникам и двухтомникам. Многое можно найти в «Родине и чужбине» и других очерках. Писать же заново автобиографию и прочее я не имею сейчас возможности и, по правде, не вижу в этом необходимости.

С уважением *А. Твардовский*

ЗАХАРОВОЙ Л. Н.

Москва, 21 ноября 1958 г.

Уважаемая Лариса Никифоровна!

Вы пишете, что несколько лет назад уже получали от меня отзыв на свои стихи, и отзыв хоть и неблагоприятный, но прямой, не уклончивый и, так или иначе, внушавший Вам доверие. В расчете на такое доверие я отвечаю и на этот раз на Ваше глубоко искреннее письмо, сопровождающее чуть ли не целую книжку стихов.

С горечью вполне понятной Вы говорите о том, что, мол, годы идут, что Вы уже не так молоды, а все еще числитесь в «молодых», и, хуже того, Вас уже как бы лишают своего внимания и заботы те литературные «инстанции», которым надлежит заниматься собственно молодыми, молодыми по возрасту. И Вы уже говорите не только от себя лично, а и от имени, так сказать, своих сверстников, людей одинаковой литературной судьбы. Вы говорите о том, что консультанты и рецензенты разноречивы и полны профессиональной черствости, что трудно пробиться в большую печать, а между тем печатаются стихи нисколько не лучше Ваших, порой, может быть, даже хуже и т. д.

Все это так, если относить все за счет причин, лежащих вовне, но, может быть, стоит взглянуть на это дело и с другой стороны.

Я просмотрел присланные Вами стихи,— пусть Вас не смущает это слово «просмотрел», которое как бы свидетельствует о небрежном ознакомлении,— многолетний опыт «просматривания» дает мне некоторое право утверждать, что я умею это делать и большой ошибки не совершу, не «просмотрю» в том смысле, что не увижу.

Стихи хорошие, вполне искренние и достаточно умелые, не из тех, когда нужно говорить о неумении, о режущих слух словесных неловкостях. Все так. И тематически все, что вполне законно: преобладание «чисто женской» темы — темы любви, память несвершившегося счастья, горечь утраты и стремление обрести «мир души» в усвоении каких-то иных, кроме минувшего чувства, привязанностей, радости и удовлетворения (в работе, в общении с людьми, которым Вы нужны и которые Вам необходимы), и отголоски душевной боли, и естественное желание и ожидание еще возможного счастья самой любви

(«Как помню я твою заботу» и др.). Касаются стихи и других, более «объективных» тем, подсказываемых действительностью наших дней (лучше «Канун 1959 г.»).

И все это, повторяю, на уровне стихов, которые можно и напечатать.

Но скажу прямо, можно и не напечатать, и беды не будет. Так только и нужно смотреть на это: будет ли беда, большая ли потеря, если не напечатать,— и если нет беды, то и можно с легким сердцем не печатать. И не нужно ссылаться на то, что печатаются порой и худшие стихи,— все бывает, но велика ли честь оказаться не хуже посредственности.

Все это я говорю в объяснение того, что не смог сейчас отобрать для «Нового мира» ни одного из Ваших стихотворений. Вы вправе посетовать и на мою «черствость», но это уж такая наша редакторская доля. Однако Вы можете, по крайней мере, верить мне, когда я скажу, что, по-моему, Вы вот-вот напишете что-нибудь такое, что выйдет из Вашего ряда, явится «новым качеством», и тогда я буду рад напечатать Ваши стихи.

Рукопись возвращаю с некоторыми моими пометками при чтении.

Попробуйте прислать что-нибудь и из Вашей прозы, а новые стихи — само собой.

Желаю успеха.

А. Твардовский

КОЖОВУ М. М.

Москва, 25 ноября 1958 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Очень был тронут Вашим подарком — альбомом байкальских литографий Б. Лебединского с Вашими текстами. Он мне живо напомнил то очарование, которое я испытал, увидев, хотя частично и на короткое время, Байкал, его берега и окрестности.

Рад был бы отдарить Вас, дорогой Михаил Михайлович,— ничего подходящего под рукой нет. Чтобы уж не посылать письмо ни с чем, прилагаю эту книжечку из огоньковской библиотечки — она все же посвящена Сибири, стране, которую я хотел бы считать своей второй (после Смоленщины) родиной в поэтическом смысле.

И вот о чем не премину попросить Вас, Михаил Михайлович: не удумали бы Вы некую байкальскую тему статьи для «Нового мира», статьи вполне научной, но не слишком специальной, словом, рассчитанной на широкий читательский интерес. Я уверен, что это у Вас получилось бы в необходимом «разрезе» общесибирских перспектив и в плане собственно байкальской проблематики. Подумайте, пожалуйста.

Передавший мне Ваш подарок и привет А. П. Злобин сообщил мне, что в Иркутске у Вас вышла большая книга о Байкале. Мы, т. е. «Новый мир», хотели бы дать на нее рецензию, но покамест не располагаем экземпляром. Конечно, найдем, но мне лично было бы лестно получить от Вас эту книгу, если, конечно, это не затруднительно для Вас почему-либо. В долгу постараюсь не остаться: на выходе у меня «Дали» и «Избранная лирика», а в недалеком будущем — четырехтомное Собрание сочинений.

Желаю Вам всего доброго.

Привет всей Вашей семье.

Ваш *Твардовский*

Р. S. Оказалось, что огоньковской книжки нет, но есть уже «Лирика», — ее и высылаю Вам.

А. Т.

ПАУСТОВСКОМУ К. Г.

26 ноября 1958 г.

Мы были очень обрадованы встречей с Вами в редакции после первого чтения «Времени больших ожиданий». Более того, мы с особым удовлетворением вспоминали и ставили в глаза и за глаза в пример некоторым молодым, да ранним Вашу исполненную достоинства скромность, готовность и способность спокойно выслушать даже и не очень приятные редакторские замечания, по-деловому заключить нелегкий разговор согласием «перепахать» еще раз рукопись, сделать все, что необходимо для беспрепятственного ее опубликования.

И нам, право, жаль, что покамест — так уж оно получилось — результаты «перепашки» оказались, мягко выражаясь, малопродуктивными. Да, Вы внесли некоторые изменения в текст повести, кое-что опустили, кое-что

даже вписали, например, странички, призванные разъяснить особое положение Одессы в 20—21 гг. Так Вы, объясняя «тишину» и, так сказать, свое право пользоваться благами этой «тишины», сообщаете, что наступила она вследствие ухода рабочей части населения города на северные фронты и в деревню от голода. Словом, ушли, нету их, нет необходимости их описывать. Согласитесь, что этот прием сходен с тем, что применяют авторы некоторых пьес, удаляя со сцены детей (к бабушке, к тетушке, в деревню и т. д.), мешающих взрослым резвиться на просторах любовной и иной проблематики.

Но дело, конечно, не в этом, а в том, что внесенные Вами исправления нимало не меняют общего духа, настроения и смысла вещи. По-прежнему в ней нет мотивов труда, борьбы и политики, по-прежнему в ней есть поэтическое одиночество, море и всяческие красоты природы, самоценность искусства, понимаемого очень, на наш взгляд, ограниченно, последние могикане старой и разные щелкоперы новой прессы, Одесса, взятая с анекдотически-экзотической стороны.

Не может не вызвать по-прежнему возражений угол зрения на представителей «литературных кругов»: Бабель, апологетически распространенный на добрую четверть повести; юродствующий графоман Шенгели в пробковом шлеме, которого Вы стремитесь представить как некоего рыцаря поэзии; Багрицкий — трогательно-придурковатый, — Вы не заметили, как это получилось, — придурковатый стихолюб и т. п.

И, главное, во всем — так сказать, пафос безответственного, в сущности, глубокоэгоистического «существовательства», обывательской, простите, гордыни, коей плевать на «мировую историю» с высоты своего созерцательского, «надзвездного» единения с вечностью. Сами того, может быть, не желая, Вы стремитесь литературно закрепить столь бедную биографию, биографию, на которой нет отпечатка большого времени, больших народных судеб, словом, всего того, что имеет непреходящую ценность.

Таким образом, Константин Георгиевич, эта «доработка» не позволяет нам считать рукопись пригодной для опубликования в журнале,— если бы мы это сделали, мы навлекли бы на Вас тяжкие (и, увы, справедливые!) нападки критики, да и журнал бы понес серьезный урон, журнал, который, смеем думать, никак не менее других

журналов способен понять специфику художественного изъяснения, индивидуальную особенность письма и т. п.

Мы просим Вас еще раз обратиться к рукописи, не торопясь и не решая вопроса облегченным способом. Мы хотели следующих конкретных авторских «вмешательств» в изложение:

1) Нескольких добрых, не формальных слов о людях труда, налаживающих новую жизнь в Одессе после ухода белых;

2) Решительного сокращения апологетического рассказа о Бабеле, который, поверьте, не является для всех тем «божеством», каким он был для литературного кружка одесситов;

3) Снятия истории с публикацией в «Моряке» [...];

4) Снятия «спора о Родине» в Доме творчества «Переделкино» (там одинаково неправы обе стороны);

5) Устранения в нескольких случаях особо «кокетливых» фраз и абзацев, вроде того, что на первой странице, где цитируются плохонькие стишки Адалис (неужели вы не замечаете этого, например, употребления ею слова «помалу» в смысле «мало», тогда как смысл этого слова другой — постепенно, помаленьку).

Вот и все примерно, дорогой Константин Георгиевич. Мы искренне хотим быть понятыми правильно, мы хотим напечатать Вашу вещь, имея в виду и вообще интерес читателя ко всему, что принадлежит Вашему перу, и, в частности, интерес журнала, который никак не хотел бы утратить и в данном, затруднительном случае контакт с таким автором, каким являетесь Вы.

Не откажите откликнуться на это письмо.

А. Твардовский

ГУДОШНИКОВУ Я. И.

28 ноября 1958 г.

Уважаемый Яков Иванович!

Вашу «Повесть о земляке» мы напечатать не сможем: при очень посредственном стихе такой объем — дело безнадежное. Главная беда вещи — просчет в отношении ритмическом. Различные стихотворные размеры не «освоены» Вами, не стали Вашими,— все время слышишь, угадываешь этот размер отдельно от Вашего содержания:

— Что расселся, Семен, как чахоточный дед?
Все играют, и ты поиграй на...

невольно читается «на мотив» образца:

— Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться...

Несоответствие ритмического письма содержанию вообще разительное:

И как бешеный мечется в воздухе мяч,
Так Наташе и прыгает в руки...

Согласитесь, что динамику игры этот размер передает подобно тому, как бывает в кино при замедленном движении ленты («лупа времени»), когда, скажем, скачущие во весь опор кони еле перебирают ногами.

Точно так же (беру еще пример наудачу) противоречит ритмический строй содержанию в строчках:

Ночь. И зеленые трассы
Режут с кустарника ветки,
Стонут от злости осколки,
«Тигр» за снегами ворчит...

Я не говорю о том, что в приведенных строчках, как и во всей вещи, неблагополучно не только с ритмической стороной («чахоточный дед», осколки, стонущие «от злости»). Недостаточное развитие, так сказать, слуха на стих — главная Ваша слабость. Это сообщает всей поэме впечатление прозаичности, вялости, растянутости и способно уморить самого терпеливого читателя.

Быть более подробным не имею физической возможности, но если Вы захотите меня понять, то Вы из этого моего письмеца можете понять очень важный «секрет». Я бы даже так сказал, что верно угадать, каким размером о чем можно писать,— это все равно, что написать вещь наполовину.

Не огорчайтесь, пожалуйста, прямотой моего замечания — иначе должен был бы кривить душой.

Всего доброго.

А. Твардовский

ЦЫПЛЕНКОВУ С. Г.

Москва, 1 декабря 1958 г.

Семен Григорьевич!

Ваш «Теркин-депутат» написан, может быть, и не хуже других подобных «Теркиных», продолжающих в

различных видах того основного «Василия Теркина», который был написан в годы войны и с тех пор неоднократно переиздавался. Все дело в том, что для печати все эти «Теркины», написанные в подражание «Книге про бойца», уже не представляют интереса.

Однако я собираю этих «Теркиных», что присылают мне мои корреспонденты, и, может быть, мне когда-нибудь удастся объединить их под общим заголовком «Стихи читателей» и опубликовать, конечно, с указанием имен авторов. На всякий случай я оставляю себе и Вашего «Теркина-депутата», а Вам посылаю экземпляр машинописной копии.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

БОНДАРЦУ В. И.

Москва, 10 декабря 1958 г.

Уважаемый Владимир Иосифович!

Я внимательно прочел Вашу рукопись и должен сказать прямо, что во многом она меня огорчила. Человеческий опыт, страдания, испытания действительной своей биографии Вы стремитесь изо всех сил облечь в форму беллетристического произведения, а от этого теряет в достоверности все, что Вы рассказываете. Читатель вправе сомневаться относительно того, что по самой своей сути должно быть представлено ему как факт, документ, свидетельство без скидок на «художественность». И не могу не заметить, что художественность эта сама по себе далеко не первого сорта.

Читателю в данном случае интересно и ценно то, что действительно было на самом деле, а не то, что могло быть, но могло и не быть. Представьте себе, что человек, побывавший на Луне, от которого все ждут точных, фактических, подробных сведений о том, что там и как, вдруг стал бы вместо этого писать роман на материале лунной действительности. Конечно же, мы предпочли бы этому роману достоверный, фактический рассказ о Луне, будь этот роман хоть расхудожественным произведением. Так и в Вашем случае — с той разницей, что Вы не один побывали «на Луне», т. е. есть люди, которые не потерпят малейшей неточности в отношении того, что было ими там пережито. Да и память тех, кто не возвратился от-

туда, взывает к точности, достоверности свидетельства о муках, перенесенных ими, обо всем, что должно остаться в сознании живущих, обращающих ныне свои усилия к тому, чтобы это не могло повториться.

Сейчас мне сказали, что Вы ответили согласием соответственно поработать над рукописью (Ваша телеграмма) [...]. Но и в нынешнем виде рукопись Ваша просто, на мой взгляд, испорчена «беллетристикой», вносимой Вами в фактический материал, и в таком виде она не представляет интереса для журнала. Ваше дело — решить, как с этим быть: освободить ли вещь от «беллетристики», привести ее в соответствие с понятием о жанре воспоминаний военнопленного или искать редакцию другого журнала или издательства.

Вот все, к сожалению, что могу сказать Вам по существу. По частностям я мог бы быть очень подробным, но ведь если Вы не принимаете основное требование редакции [...], то это не имеет смысла.

В случае, если бы Вы решили переработать рукопись в указанном плане, прошу сообщить — не могли бы Вы приехать в Москву для конкретных переговоров.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ПАУСТОВСКОМУ К. Г.

Москва, 2 января 1959 г.

Уважаемый Константин Георгиевич!

Оба экземпляра затребованной Вами рукописи возвращаем.

Мы искренне сожалеем, что редакционные замечания и предложения, изложенные в письме, подписанном мною и А. Дементьевым, вызвали с Вашей стороны лишь вспышку раздражительности, помешавшую Вам увидеть, что мы нисколько не изменили той нашей оценки повести, какую мы высказали Вам при встрече в редакции. Пожалуй, тогда, при личной беседе эта оценка распространялась даже на более обширный круг вопросов, возникающих при ознакомлении с Вашей вещью. И тогда Вы согласились со всем тем, что было нами, т. е. мною, А. Твардовским, А. Дементьевым [...], высказано на словах.

Однако практически Вы почти ничего не сделали, как

это стало очевидно при вторичном ознакомлении с рукописью, ограничившись мелкими, малозначащими поправками. Мы вынуждены были об этом сказать Вам прямо, что вызвало с Вашей стороны столь резкую реакцию [...].

Мы все же, для дополнительной проверки дела, решили еще посоветоваться с членами редколлегии, ранее не читавшими рукописи. Один из них, Б. А. Лавренев, написал отзыв куда более требовательный, чем наше письмо, другой, В. В. Овечкин, также согласился с нашей оценкой. Если Вас интересуют эти отзывы, мы сообщим Вам их,— может быть, они заставили бы Вас еще раз подумать над этим вопросом и, может быть, понять, что редакция искренне желала и желает Вам добра. Если же нет, то тут, как говорится, ничего не поделаешь, и мы не имеем к Вам больше никаких претензий.

С уважением *А. Твардовский*

ЛАВРЕНЕВОЙ Е. М.

Москва, 9 января 1959 г.

Дорогая Елизавета Михайловна!

Сегодня, когда мы все вместе с Вами проводили в последний путь Бориса Андреевича, замечательного писателя, нашего дорогого товарища по работе в журнале «Новый мир», мы обращаем эти немногие строки к Вам — другу и спутнику его жизни. Горе есть горе, и мы не надеемся, что словами можно уменьшить скорбь утраты, но мы всем сердцем желаем Вам твердости духа, здоровья. Ваши усилия еще понадобятся, чтобы выполнить Ваш высокий долг по подготовке к опубликованию литературного наследия Бориса Андреевича. Это необходимо в интересах всей нашей родной литературы.

Примите наше глубокое сочувствие и нашу уверенность в том, что память о Борисе Андреевиче всегда будет жить в сердцах не только его родных и близких и всех знавших его лично, но миллионов признательных ему советских читателей и зрителей.

По поручению редколлегии и редакции журнала «Новый мир»
А. Твардовский

ЛАВРЕНЕВОЙ Е. М.

Москва, 12 января 1959 г.

Дорогая Елизавета Михайловна!

Благодарю Вас за честь, оказанную мне предложением возглавить комиссию по литературному наследию Бориса Андреевича, но полагаю, что по многим соображениям принять это предложение мне было бы неудобно, тем более что вопрос этот все же будет решать Секретариат Союза. По-видимому, председателем будет кто-нибудь из крупных прозаиков или драматургов. А войти в состав комиссии в качестве члена ее я был бы согласен.

Желаю Вам всего доброго.

Прилагаю телеграмму т. Симашко (Шамиса), полученную сегодня редакцией.

Ваш *А. Твардовский*

ШУМАКЕВИЧУ И. Р.

12 января 1959 г.

Уважаемый И... Р...!

Рукописи Вашего романа «Горячие сердца» и повести «Аня» залежались в редакции так долго по той причине, что Вы настоятельно просили, чтобы прочел их непременно я, не передавая никому другому из сотрудников. Просьба эта обычная со стороны молодых (а иногда и не молодых) авторов, присылающих свои рукописи в редакцию. Исходит она из того наивного представления, что будто бы в редакциях все работники, кроме главного редактора, только затем и сидят, чтобы «резать» талантливых авторов, «не пущать» их в литературу. Представление вздорное, но это, между прочим, к слову.

При беглом первоначальном ознакомлении с Вашими рукописями, я, имея в этом деле некоторый опыт, увидел, что о напечатании их не может быть и речи. Занятый чтением материала, предназначенного для очередных книг журнала, я отложил Ваши рукописи на неопределенное время. Я передал их одному из лучших, опытнейших наших рецензентов. Он дал отзыв, исключающий возможность напечатания или «доработки» этих Ваших ру-

кописей, но в целом весьма доброжелательный и подробнейший. Мне отзыв показался весьма убедительным в соответствии с тем впечатлением, какое я получил от рукописей, но я придержал его, вспомнив о Вашем условии, до поры, когда сам смогу прочесть от начала до конца. Так я и сделал теперь в отношении повести «Аня» и не вижу необходимости читать подряд еще и 354 стр. романа, знакомого мне в общих чертах.

Повесть «Аня» — надуманная история «любви с первого взгляда» студентов Алексея Морозова и Ани, их разлуки по причине отъезда Алексея на Дальний Восток, измены его Ане и сближения с Наташей, а затем приезда на место действия Ани, неудачных родов и тяжелой болезни Наташи, самоотверженной заботы Ани о ее ребенке, вспыхнувшей вновь любви Алексея к ней, Наташиной драмы по ее выздоровлении и полной ликвидации «конфликта» благодаря взаимной самоотверженности сторон и намечающемуся сближению Наташи с врачом, излечившим ее от смертельной болезни,— повесть эта, скажу Вам прямо, находится вне литературы. Это беспомощное подражание литературной форме, которое дается с тем большей легкостью, что автор не имеет представления о серьезности литературного труда, пользуется в сюжете, стиле, языке самыми невыносимыми схемами и штампами, просто мало начитан, даже, простите меня, малограмотен.

Таким образом, я увидел, что отзыв нашего рецензента куда более мягко и осторожно оценивает Вашу работу, чем это вынужден сделать я.

Я не имею возможности быть подробным, детально разбирать Ваши рукописи,— это, на мой взгляд, отлично сделано рецензентом.

Вас удивляет, что уже четыре издательства (или редакции журналов) отклонили Ваши вещи, а удивляться-то не приходится. Я не уверен, что Вы смогли бы написать хотя бы небольшой хороший рассказ или очерк,— это очень нелегкое дело,— а тут Вы предлагаете сразу роман и повесть, написанные, по-видимому, одновременно, так как они датированы одним годом и чуть ли не одним месяцем.

Поверьте мне, что не желание обидеть и огорчить Вас (это очень неприятно делать), а, напротив, уважение к Вашей профессии инженера, работающего в одном из отдаленных и суровых районов, которые мне, как и Ваш

Ангарск, отчасти знакомы в личном смысле,— только это заставляет меня быть столь резким в оценке Ваших литературных опытов.

С уважением *А. Твардовский*

КОЖОВУ М. М.

16 января 1959 г.

Дорогой Михаил Михайлович!

Я очень огорчен Вашим огорчением по поводу предполагаемого внесения в свой очерк А. Злобиным подробностей Вашей биографии и совершенно разделяю Ваше возмущение развязностью автора. Но страшен черт, да милостив бог. В очерке действительно были такие подробности (переход Байкала по льду и др.), но они вовремя были начисто выскоблены в редакции, так как, зная Вас, Вашу скромность, я не мог не предвидеть, что это было бы Вам не по душе. Надеюсь, что Вы уже прочли очерк и успокоились. Мне было бы очень жаль, очень неприятно, если бы было иначе.

Что касается Вашего обещания дать статью для «Нового мира», то мы решительно заявляем, что будем терпеливо ждать ее, но все же хоть обещанного и три года ждут, однако получают его. Ждем.

Желаю всего доброго.

За книжку спасибо, хоть она и не моего ума дело, говоря откровенно...

Привет всем Вашим домашним.

Ваш *А. Твардовский*

КАЗАКЕВИЧУ Э. Г.

5 февраля 1959 г.

Дорогой Эммануил Генрихович!

Очень рад был прочесть Ваше обстоятельное и вполне правомерное, несмотря на некоторую его петушистость, простите, письмо с возражениями на «проспект» пожеланий редколлегии в отношении повести. Рад, что Вы без растерянности и столь естественного в подобных случаях авторского закусывания удил, без паники, но во всеоружии сознательного освоения исторического и фактиче-

ского материала способны отстаивать работу свою в тех случаях, где замечания рецензентов и редакторов представляются Вам неосновательными, и, вместе с тем, проявляете великодушную готовность уступить там, где пожелания носят «независимый» от нас характер.

Но мне кажется, я просто убежден в этом, что сейчас менее всего продуктивным было бы продолжение «полемики» по поводу произведения, не ставшего еще литературным фактом, и главным образом потому, что сейчас все решает окончательно и бесповоротно доведение боя до конца, а не развитие его «академического» обсуждения. Я просто уверен, что практически, при соприкосновении пера с бумагой все прояснится и определится со всей очевидностью. И, конечно же, самое малое частное решение того или иного момента в тексте повести— куда вернее и дороже сейчас самых сложных и обширных редакторских или авторских построений общего плана.

Пусть Вас не пугают и не смущают слова нашего письма насчет «практической редактуры»,— речь идет о том, что, возможно, указав на ту или иную строку или абзац, мы скажем Вам: а не лучше ли будет опустить или заменить такое-то слово или фразу, и Вы это сделаете, или же, пристыдив нас явной несообразностью нашего положения, оставите все как было. Речь идет о всяких мелких непредвиденных конкретностях, о которых только и можно говорить конкретно.

Теперь о «порядке следования». Мы хотим печатать повесть в четвертой книге. Для этого необходимо иметь рукопись в окончательном виде в редакции 15.II и крайне желательно, чтобы хоть во втором эшелоне следовал за ней и сам автор.

Если Вы собираетесь еще долго жить в Ялте, то да поможет Вам бог в таковых здравых намерениях, но тогда Вы должны просто выехать в Москву на несколько дней,— как-никак, речь идет об образе Ленина, об отображении в литературе одного из сложнейших и напряженнейших моментов нашей Революции. Если же Вы и без того должны скоро приехать, то тем лучше.

Желаю Вам сил и здоровья как для завершения или, лучше сказать, окончательного «доведения» этой вещи, так и для всякой иной Вашей работы, какою Вы могли быть заняты в эти ялтинские месяцы.

Обнимаю Вас.

Ваш *А. Твардовский*

ИНБЕР В. М.

5 февраля 1959 г.

Дорогая Вера Михайловна!

Мне было чрезвычайно приятно получить Ваше письмо по поводу моего выступления на съезде. Я сердечно благодарю Вас за Вашу столь лестную для меня оценку некоторых моих любимых соображений, высказанных в этой речи по необходимости кратко, в примерной только форме. Я, может быть, и не совсем согласен с Вами в части «обогащения действительности», но это дело нормального литературного разговора, какой мы бы могли повести с Вами. Мне дорого то, что речь моя «задела» Вас и побуждает, как Вы выразились, писать и думать. Вот тут-то, между прочим, я Вас и ухвачу за руку: ведь у нас с Вами уговор, что Вы напишете для «Нового мира» свой «Дневник писателя» — 1,5—2 листа,— уговор, уже имеющий некоторую давность, но, я надеюсь, остающийся в силе. Это — как ближайший минимум — с Вас причитается.

Что же касается Вашего, надеюсь, условного вздоха относительно Ваших «возможностей», то скажу Вам одно: это от лукавого. Он, лукавый, не дремлет, как известно, и под тем или иным благовидным предлогом склоняет нас к откладыванию на завтра того, что мы отлично можем сделать сегодня. Конечно, я не позволил бы себе шутить по поводу беспокоящего Вас повышенного давления, но думаю, что и здесь все наладится, поскольку Вы человек весьма научного склада и дисциплины и не злоупотребляете, как это мне известно, алкоголем и никотином.

Словом, желаю Вам доброго здоровья и настроения, еще раз благодарю за письмо и жду от Вас страниц «Дневника» и всего, что у Вас будет.

Ваш *А. Твардовский*

РОМАНЕНКО В. Т.

7 февраля 1959 г.

Уважаемый Виктор Трофимович!

Ваши соображения относительно целесообразности издания высказываний современных писателей о мастерст-

ве мне представляются вполне дельными. Я советую Вам оформить Ваше письмо в виде заметки или «письма в редакцию» и направить, скажем, в «Литературу и жизнь». Такой материал, мне кажется, мог бы найти место на страницах любой из наших литературных страниц. Мог бы он найти место и в нашем журнале, например, в «Трибуне читателя», но для этого опять-таки письмо нужно было бы переписать, исключив момент обращения лично ко мне.

Возвращаю Вам Ваше письмо.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ЛЕЙМАН В. Д.

7 февраля 1959 г.

С Вашей читательской оценкой романа «Раздумье» Ф. Панферова можно соглашаться или не соглашаться, но относительно Ваших опасений в связи с тем, что роман выдвинут на соискание Ленинской премии, как член Комитета по Ленинским премиям в области литературы и искусства поясняю Вам: выдвижение не есть присуждение.

Выдвижение какой-либо организацией, учреждением или отдельным лицом того или иного произведения на соискание Ленинской премии — дело вполне демократическое, и Комитет здесь не вправе ограничивать инициативу общественности. Другое дело — рассмотрение и обсуждение Комитетом выдвигаемых кандидатур.

Здесь прежде всего нужно иметь в виду, что роман Панферова «Раздумье» не мог по положению быть обсужден Комитетом в нынешнем году, будучи не законченным произведением, а лишь частью трилогии.

А. Твардовский

ТАРНЯГИНУ А. Я.

7 февраля 1959 г.

Уважаемый Александр Яковлевич!

Ничего не имею против включения известных Вам строф частушечного характера из «Страны Муравии» и

«Василия Теркина» в Ваш сборник частушек, но с обязательным указанием источника. В противном случае я буду выглядеть этаким «заимствователем» из кладезя народной поэзии, каковым я не являюсь. В названных поэмах не содержится ни одной заимствованной из фольклора строфы-частушки, хотя, конечно, они навеяны образцами фольклорной поэзии.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

НЕЛИДОВОЙ-ФИВЕЙСКОЙ Л. Я.

9 февраля 1959 г.

Уважаемая Лидия Яковлевна!

Должен Вас огорчить: книга Ваших стихов «Запечатленные мгновенья» и поэма «Невольник чести» как по уровню стихотворной культуры, так и с идейно-содержательной стороны не могут, на мой взгляд, представить интереса для сегодняшнего советского читателя.

С рукописью романа-хроники «В плену небоскребов» я также ознакомился и передал для подробного отзыва одному из наших рецензентов. С выводами рецензии я вполне согласен.

По согласованию с Екатериной Павловной Пешковой я направляю Вашу рукопись и книги ей, так как, может быть, они в единственном экземпляре, и я не решаюсь вверять их почте.

Если у Вас будет что-нибудь еще или если вы попытаетесь извлечь из «Хроники» и обработать отдельные портреты-воспоминания, я готов все это прочесть и буду рад, если подойдет, напечатать в журнале.

С уважением *А. Твардовский*

КУЗНЕЦОВУ В. А.

2 марта 1959 г.

Дорогой Валентин Алексеевич!

Прошу меня простить, но анкет, подобных Вашей, я получаю в последние годы порядочно, и меня даже огорчает немного то, что такие люди, как Вы, предполагают,

будто я в состоянии писать столько раз в отдельности свою автобиографию или заметки вроде «О «Стране Муравии» или «Ответ читателям «Теркина». Конечно же, это просто невозможно. Более того, я не совсем уверен при заполнении многих таких анкет, что это существенно необходимо для работы исследователя или популяризатора моих работ. Мне кажется, что все это дешево стоит: что думал автор, когда приступал к работе над такой-то вещью, каким числом датировано то-то и то-то, в каком издании впервые появилось и т. п. Дешево стоит, мало весит с точки зрения прямой и самой трудной нужды истолкования того, что есть, что стало литературным фактом, объективно существует в сознании читателей, вошло в какой-то мере в духовный обиход народа. А все эти «разыскания», право же, лучше оставить на долю тех, буде они найдутся, «разыскателей», которые будут заниматься этим делом, по крайней мере, самостоятельно, без помощи «объекта» их разысканий.

Может быть, я резковато все это сказал, прошу еще раз извинения, но по-иному отнестись к Вашей «анкете» я не мог.

Будьте здоровы и благополучны.

А. Твардовский

КОТЛОВУ А. А.

2 марта 1959 г.

Дорогой Алексей Александрович!

Различные обстоятельства моей литературно-общественной жизни помешали мне ответить Вам вовремя. Прошу простить великодушно. Я только что возвратился из поездки в свой избирательный округ (Ярославский сельский — некрасовские места) и одному из самых первых отвечаю Вам.

Мне кажется, что в деле перестройки школы, которое предстоит Вам и Вашим коллегам, самое главное, как, впрочем, во всяком новом и трудном деле, это — само деяние, а не те предположения и проекты относительно идеального решения всех встающих при этом вопросов, которыми всегда можно пруд запрудить. Я совершенно уверен, что Вы — с Вашим опытом, любовью к своим ребятам-школьникам и непрестанным стремлением к на-

илучшему решению нынешних задач школы — найдете то, что нужно.

Не одному Вам эти задачи представляются серьезными и нелегкими, но кому же, как не таким людям, как Вы, решать их! Вам все книги в руки. Я лишь позволю себе один совет Вам: не спешите делиться в печати предположениями и проектами перестройки школьного дела на новых началах, а лучше заведите себе некую тетрадочку, вроде «дневника директора школы», и заносите, заносите туда изо дня в день наблюдения, факты, соображения по ходу дела. Такая тетрадь, по прошествии некоторого времени, может приобрести значительную ценность. Я бы заинтересовался ею и как редактор журнала. А если понадобится и Вы не будете возражать, мы могли бы прислать к Вам хорошего человека, который бы на месте помог Вам в литературном смысле или сам написал бы о Вашем опыте.

Будьте здоровы, Алексей Александрович!

Пишите.

А. Твардовский

ФИКСИНУ С. А.

2 марта 1959 г.

Дорогой Сергей Андреевич!

За приглашение и предложение перспектив киргизского гостеприимства — спасибо сердечное, но я только что вернулся от своих избирателей (Ярославль), на днях уезжаю в санаторий,— так что воспользоваться и хотел бы, да не мог и не смогу.

Что касается стихов, то они очень милы, говорю по правде, хороши, но, как говорится, они не в профиле «Нового мира», они более для «Огонька», например, и в этом нет ничего зазорного — я сам печатаю там «чистую» лирику. Если желаешь, я могу их туда передать с подобающей рекомендацией (телеграфируй), а нет, то поступай с ними по своему усмотрению.

Такова доля редактора, что и в отношении старых друзей он порой вынужден быть неуступчивым, но старые друзья, надеюсь, не посетуют. Обнимаю тебя. Привет супруге.

Твой *А. Твардовский*

РАДЬКОВУ И. Ф.

2 марта 1959 г.

Дорогой Иосиф Федорович!

Задержка с ответом на Ваше письмо объясняется моей крайней занятостью после съезда, затем поездкой для встреч с избирателями в Ярославль, где я нынче баллотировался в Верховный Совет РСФСР. Прошу Вас учесть все это и простить мое молчание.

По поводу Вашей просьбы выступить в клубе Волоколамского совхоза прямо скажу, что не обещаю этого: давно уже не выступаю с чтением стихов вообще,— кроме особых, исключительных случаев, вроде нынешних встреч с избирателями, где уж было, как говорится, деваться некуда,— не велят врачи. Кроме того, я всегда считал и считаю, что лучшая форма встречи читателя с писателем — книги.

Но мне очень ценна вторая часть Вашего письма, где речь идет о наших с Вами встречах в давние годы в моих (да и Ваших, пожалуй) родных местах. Да, я очень хорошо помню Вас и даже скажу, что Ваша селькоровская работа тогда имела для меня в известной степени значение образца, примера для подражания. Именно в те годы (середина 20-х годов) я начал печататься в «Смоленской деревне», «Рабочем пути» и других газетах.

Очень хорошо помню и тот случай, как Вы меня подвозили со ст. Пересна, помню даже, что с Вами была Ваша супруга,— но вот, по правде сказать, фразы своей относительно «крыльев» не помню. Все может быть, могла быть и такая высокопарная фраза в 16—17 лет в устах пишущего стихи деревенского парня, кое в чем начитанного, что-то слышавшего.

Со своей стороны добавлю к Вашим воспоминаниям, что помню еще Вашу племянницу (или воспитанницу) Машу Радькову, которой я в те времена посвящал стихи. Если она жива (ведь столько всего пронеслось за эти годы!), то прошу передать ей мой привет.

Посылаю Вам в память старого и дорогого для меня знакомства одну из последних моих книжек,— более «солидного» издания, к сожалению, сейчас нет под рукой.

Желаю Вам всего доброго, дорогой Иосиф Федорович.

Спасибо за Ваше письмо и еще раз прошу извинить мне, что вынужден уклониться от выполнения Вашей просьбы.

Будьте здоровы.

А. Твардовский

КУЧЕРЯВЕНКО В. Т.

3 марта 1959 г.

Дорогой Василий Трофимович!

Спасибо за Ваше письмо, за добрые слова о моей речи на XXI съезде партии.

На Дальний Восток приеду непременно по теплым дням, выеду примерно во второй половине мая.

«За далью — даль» (то, что до сих пор написано) вышла и уже разошлась,— по крайней мере в Москве.

Ваши книги «Перекоп» ушел на юг» и «Сказки страны утренней свежести» я получил, обстоятельства крайней занятости не позволили мне, к сожалению, до сих пор ознакомиться с ними, даже просто отозваться на получение их не смог. Отзываюсь сегодня «Далями», которые посылаю Вам.

Относительно моих воспоминаний об А. А. Фадееве думаю, что время для них еще не пришло, надо еще постареть немного.

Желаю Вам всего доброго.

До встречи во Владивостоке.

Ваш *А. Твардовский*

ЩЕГЛОВУ И. И.

6 марта 1959 г.

Дорогой Иван Иосифович!

Прочитал я внимательно Вашего «Никанора». Буду говорить без обиняков: это вещь вчерашнего дня, хотя отнюдь не хочу ей отказать в некоторых достоинствах языкового порядка, в некоторых частных удачах стиха.

Мне даже кажется, что написана она давно, может быть, в 30-х годах, а теперь только подновлена, «подогрета».

Дело не просто в том, что сюжетная схема слишком напоминает «Страну Муравию» (поиски крестьянином бесколхозных краев):

Не сошелся клином свет:
Где-нибудь колхозов нет...

а в том, что решение вопроса осуществляется на *тогдашнем* уровне понимания и представлений: достаточно вступить в колхоз — и все само собой разрешается, счастье обретается в наглядном целом.

Однако согласитесь, что некоторые из острейших вопросов, занимавших сознание и чувства Никаноров и Моргунков, до сих пор, на пороге 30-летия колхозного движения, еще не решены, а те, что решены,— не в таком виде, как это представлялось многим, в том числе Вам, в свое время. (Возьмите вчерашнюю редакционную статью в «Правде» — «Против вредной торопливости...» — право же, она некий отголосок статьи «Головокружение от успехов».)

Поэма всем своим строем народной притчи, сказа, полусказки возвращает нас к тем словам нашей былой агитации и пропаганды колхозного строя, с которыми мы ныне не можем подходить к крестьянину, между прочим, потому, что он уже давно не крестьянин, он знает и понимает гораздо больше и вернее того, что содержалось когда-то в наших словах.

Возможно, что в свое время, в 30-х годах, поэма могла увидеть свет. Но дожила бы она до наших дней как поэтически действенное произведение? Думаю, что нет. Не тот уровень решения вопроса — заниженный, примитивный, «демьяно-бедновский», если хотите,— уровень, преодоленный уже давно нашей литературой, какова бы она ни была во всех своих слабостях.

Вот так, дорогой И. И. Не посетуйте за резкость отзыва,— кого уважаю, с тем только так, на полную прямоту могу говорить.

Рукопись направляю Вам.

Не забывайте, звоните, заходите.

А. Твардовский

РААБУ ГАРАЛЬДУ

9 марта 1959 г.

Глубокоуважаемый доктор Рааб!

Прежде всего я прошу извинить мне задержку с ответом на Ваше любезное письмо и оттиск статьи, посвя-

щенной вопросу о роли народно-эпических традиций в «Василии Теркине». Я был в отъезде, был очень занят, и, кроме того, мне должны были сделать перевод Вашей статьи, так как мои познания в немецком языке, к сожалению, не позволили бы мне самостоятельно разобраться в ней.

Большое Вам спасибо за статью, за очень лестные для меня слова дарственной надписи и самой статьи, и Вашего письма.

По существу статьи я воздержусь от сколько-нибудь пространных суждений, могу лишь сказать, что книгу П. Выходцева, против которой направлено полемическое острие Вашей статьи, я вообще не считаю совершенной, хотя добросовестность и трудолюбие молодого ученого не могут не вызвать чувства признательности. И говоря еще более «вообще», я не могу не отметить, что до сих пор большинство работ о «Теркине» (в печати и так называемых «кандидатских», отчасти известных мне) призваны как бы оттолкнуть читателя от «Книги про бойца», если предположить читателя, знакомящегося с ней через предварительное посредство этих работ. Но, может быть, я сужу слишком субъективно.

Что касается моих собственных оценок и замечаний относительно «Теркина», то мне, пожалуй, нечего прибавить к тому, что я уже высказал в известном Вам «Ответе читателям» и моей «Автобиографии».

Мне очень хотелось бы отблагодарить каким-нибудь из более «солидных» моих изданий, но ничего под рукой нет, кроме этой небольшой книжки, заключающей в себе главы из неоконченной работы последних лет «За далью — даль» и стихи, примыкающие к ней по «сибирскому» материалу.

Еще раз спасибо Вам.

Жму Вашу руку.

А. Твардовский

МАШКОВУ А. В.

8 апреля 1959 г.

Дорогой Алексей Васильевич!

Стихи прочел и обрадовался: они очень мне симпатичны. Из северного цикла напечатаем «Реченьку»,

«Заполярный дождь», «Если любишь» и «Оленя», если в последнем Вы исправите два местечка:

1. «Покачивались дымками костры»...— ды́мка — это не дымо́к. Вы, вероятно, имеете в виду этакое колебание воздуха, как бы такие струйки,— это хорошо, но нужно точнее.

2. «...*только лишь* из книг».

Словом, стихи незаурядные, настоящие. Меньше мне понравился смоленский цикл. Что будет нового — присылайте.

Прошло так много лет, что, по правде сказать, не помню о наших с Вами встречах, — не обижайтесь, а просто напомните мне. Что и как Вы сейчас? Не нужно ль деньжонок? Мы могли бы Вам дать под стихи. Связались ли Вы со смоленскими писателями? С Рыленковым?

Будьте здоровы.

Пишите.

А. Твардовский

РЕЗНИКОВУ А. М.

8 апреля 1959 г.

Уважаемый Анисим Михайлович!

Ваши «Заметки читателя» получил. Спасибо. Что касается первой из них — по поводу моей речи на XXI съезде КПСС, то она примыкает к обширной почте, полученной мною в связи с этим выступлением. Возможно, что я соберусь написать нечто по поводу этой почты для «Дневника писателя» в нашем журнале. Там, конечно, нашлось бы место и для разговора с Вами по существу затрагиваемых Вами вопросов.

Вторая заметка Ваша — о «Взрыве» Снегова — у нас в «Новом мире» в отделе «Трибуна читателя», к сожалению, не может быть напечатана, — это было бы нескромно со стороны редакции — косвенно хвалить себя. Она могла бы найти место на страницах другого журнала.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ШЕИНУ Г. Г.

8 апреля 1959 г.

Ваши претензии ко мне по поводу отвергнутой редакцией Вашей рукописи несостоятельны. Вы пишете: «Рукопись романа «Русь» я послал Вам, поэту Твардовскому, а Вы даже не полистали ее». Дело в том, что рукопись Вы не адресовали мне лично, сопроводительного письма ко мне не написали, более того, рукопись Вы передали через И. А. Саца. В этом нет ничего зазорного, и редакция, согласно Вашему желанию, передала рукопись на первую рецензию самому И. А. Сацу. Вслед за тем роман был прочитан редактором отдела прозы А. И. Кондратовичем, и на основании двух рецензий было составлено направленное Вам письмо. Вот как было дело. Что же касается меня лично как главного редактора, то я о Вашей рукописи знал лишь из давнишнего (прошлогоднего) письма Б. А. Энгельгардта, рекомендовавшего ее «Новому миру». Помнится, что я ответил Борису Александровичу в том смысле, что вряд ли такой журнал современной тематики, как «Новый мир», проявит большой интерес к роману на дореволюционном материале. Я действительно не читал романа, но отклонение рукописи без участия в каждом случае главного редактора — это дело не такое редкостное,— иначе было бы неизвестно, для чего еще существует редколлегия, отделы редакции и т. д.

Безусловно, Вы, как всякий автор, вправе обращаться ко мне (при несогласии Вашем с заключением отдела) и просить меня прочесть рукопись заново, и я был бы не вправе отказать Вам.

Но, во-первых, Вы меня об этом не просите, а во-вторых, тон и характер Вашего обширного письма — его крайняя развязность, самохвальство (Вы позволяете себе сближать оценку своего романа с оценкой «Войны и мира»!) и оскорбительные выпады не только по моему и сотрудников «Нового мира» адресу, но и по адресу всей советской литературы, — этот тон и характер исключают проявление какого бы то ни было дальнейшего интереса с моей стороны к Вашей рукописи и к Вам лично.

А. Твардовский

ПЕРВОМАЙСКОМУ Л. С.

10 апреля 1959 г.

Меня очень порадовали твои рассказы. Я вообще очень ценю и люблю в поэте-стихотворце способность поэтического изъяснения не только на собственно «поэтическом», стихотворном языке. И, между прочим, эта способность — свидетельство в пользу поэта даже тогда, когда в ней он проявляется с неожиданно другой стороны, как бы даже противоречащей его стихотворному письму.

Рассказ «Любисток» — прелесть по искренности, невыдуманности (по крайней мере, впечатлению невыдуманности, которая, конечно, дороже самой невыдуманности как таковой), прозрачности и целомудренности. Да, это рассказ о том, что дорого душе поэта, что он хочет передать только так, а не иначе, и если это кому-нибудь не нравится, то и пусть, а я это люблю, храню в сердце, это — мое, иным, как есть, оно быть не желает.

Второй рассказ тоже хорош, но где-то во второй половине есть «перебор добродетели», это — когда речь идет уже о чужой теще, заботы о которой возлагаются на героя и без того уже благородного в своей любви к женщине, которая старше его на 10 лет, и ее детям. Да, впрочем, «перебор», может быть, начинается уже там, где болезнь падчерицы, самоотверженность героя в уходе за ней и чудодейственное исцеление больной.

Я, конечно, предвижу, что ты мне скажешь: это все так и было в действительности, это с натуры, невыдуманное, но я лишь повторю тебе то, что уже выше сказал о цене невыдуманности.

Все это я говорю тебе о втором рассказе не к тому, что он не может быть напечатан в таком виде, а к тому, чтобы подчеркнуть преимущества перед ним рассказа о первой любви. Там, между прочим, за исключением одной строчки (о красной ленточке на груди Любы, что как «струйка крови») нет ничего от излишества «живописности», красивословия и сентиментальности, свойственной некоторым украинским писателям. А во втором рассказе это есть и немного сахаринцу есть.

Еще вот что. Кузнец, у которого твой герой стоит на квартире, мне знаком и памятен по твоему изустному рассказу (еще при покойном А. А. Фадееве) о его праздничном обеде и отдыхе под грушей. Это бы мог получить-

ся, как мне кажется, тоже отличнейший рассказ. И так помалу, может быть, завязался некий автобиографический цикл... Но это я уже за тебя начинаю планировать.

Я только по-дружески просил бы тебя, если, конечно, «Дурень» не напечатан еще по-украински, поубавить в нем добродетели (например, можно было бы перевозить к себе в семью не чужую тещу, а свою мать, которая, кстати, уже «приняла» свою необычную невестку; можно было бы обойтись без самолета с больной падчерицей на борту и московских профессоров). Но оставляю это целиком на твое усмотрение.

Жму твою руку, поздравляю тебя и желаю тебе только здоровья,— все остальное зависит от самого тебя.

Твой *А. Твардовский*

ТРЕГУБОВУ А. Л.

13 апреля 1959 г.

Дорогой Андрей Лукич!

Мне кажется, что было бы вполне справедливым включить в план издания серии «Библиотека советской поэзии» книгу С. З. Галкина, крупнейшего современного еврейского поэта-лирика. Не откажите поставить это мое предложение на рассмотрение возможной редколлегии «Библиотеки» или же попросту провести опросом членов редколлегии.

Ваш *А. Твардовский*

ОБОЛЕНСКОМУ С. А.

13 апреля 1959 г.

Многоуважаемый Сергей Александрович!

Прежде всего, прошу простить мне задержку с ответом на Ваши письма и рукописи.

Я внимательнейшим образом прочел одно за другим все стихотворения Вашей книги «Шлак» (название, кстати, весьма неудачное). Конечно, я не буду говорить о литературно-технических изъянах и тому подобных мелочах. Это стихи определенного уровня поэтической культуры, усвоенной не с налету, не в порядке моды, а в ре-

зультате всей жизни, духовного развития, развития эстетических вкусов и пристрастий довольно уже немолодого человека (как я понял, Вам возле 60-ти лет). Более того, эти стихи — не юношеская дань преходящему увлечению, я не спорю, что они некая жизненная Ваша необходимость. Им Вы на протяжении многих лет вверяли свои мысли, чувства, сердечные потрясения и выводы жизненного опыта. Вы их писали в силу искренней потребности, не связывая этого с надеждами на ближайший успех, материальную выгоду и т. п. Все это для меня совершенно очевидно,— Вы не зауряд-начинающий, стремящийся любой ценой добиться опубликования своих стихов и уверенный в том, что этого достаточно для того, чтобы осчастливить человечество и самому быть счастливым.

И я проявил бы неуважение к Вам, покривил душой, говоря о Ваших стихах, если бы начал бы Вам советовать расширить свой тематический круг, поближе встать к современности и т. д. и т. п. Нет, я Вам этого говорить не буду, ибо понимаю, что все это были бы пустые слова в данном случае. Вы всей своей душой, мироощущением, навыком чтения, так сказать, потребления поэзии принадлежите ее минувшему дню. Источник Ваших стихов не жизнь грубая, трудная, сложная и прекрасная сама по себе, не ленинградская блокада, которой в книге посвящено два весьма посредственных стихотворения, даже не Ваша «фатальная», «тютчевская» любовь, нет,— хорошие книги вроде «Дон Кихота», хорошие и, увы, плохие стихи (для Вас есть Тютчев, но есть и Бальмонт). Ваши стихи — отражение с отражения. Мне странно и даже как-то неловко читать стихи, датированные днями ленинградской блокады и посвященные всему чему угодно, но не этим дням. Мне неловко читать Ваши любовные стихи, в которых Вы играете в «последнюю любовь» — потому что я знаю «Последнюю любовь» Тютчева. Ваша поэзия — Ваше частное дело,— вот в чем беда, с точки зрения возможности опубликования Вашей книги. Писание стихов доставляет Вам радость, освобождает Вас лично от груза невысказанных переживаний, облагораживает Ваши помыслы и желания в Ваших собственных глазах, но не более того.

Случилось так, что Вы не из жизни своей, как всякая жизнь неповторимой и особенной, создавали Ваши стихи, а, наоборот, под «ранжир» излюбленных поэтических

форм подгоняли Вашу жизнь, чувства, впечатления, не только не нарушая этого «ранжира», но стремясь именно к его сохранению. Отсюда мое, читательское, ощущение, что все это я уже читал где-то, только там было в первый раз и лучше.

Я знаю, как жестоко я говорю с человеком, доверившим мне «святая святых» своего душевного мира, но я хочу верить, что Вы поймете и меня: я не могу иначе, откровенность за откровенность. Ведь не за консультацией же Вы ко мне обратились, не за мелочными «секретами ремесла», а за мнением, оценкой, судом нелицеприятным и правдивым.

Это, конечно, не все, что я мог бы Вам сказать, но, думаю, что и этого достаточно Вам, чтобы чувство расположения ко мне у Вас сменилось совсем другим чувством. Что делать — такова наша редакторская доля в иных случаях.

Желаю Вам всего доброго и, как Вы мне, прежде всего здоровья, остальное, Вы правы, приложится.

С уважением *А. Твардовский*

ШЕСТЕРИКОВУ М. В.

13 апреля 1959 г.

Дорогой Михаил Васильевич!

Прочел я «Катю», и, должен тебя огорчить, мне она не понравилась. Конечно, я не собираюсь тебе «указывать на недочеты» и т. п., словом, заниматься литконсультацией,— мы с тобой из этого возраста уже вышли,— скажу только одно: проза глушит некоторые кустики поэзии, имеющиеся в этой вещи. Например, электродойка — вещь сама по себе прогрессивная — ей-богу же, не тот предмет в данном случае. «Огонек» был, по-моему, свободнее от прозы, чем «Катя». Повторяю, и здесь есть «кустики» (отступления о кино и др.), но их мало, и они в подчиненном положении.

Не обижайся, пожалуйста, и присылай, что будет нового.

Жму твою руку.

А. Твардовский

ШУМИЛОВУ Б. Х.

17 апреля 1959 г.

Дорогой товарищ Шумилов!

Из тетрадки «новых стихов» я затруднился выбрать что-нибудь для «Нового мира», разве что «Трактористы» в сокращенном виде, но и это без особого чувства находки.

Вы сами хорошо (по смыслу, но не по форме, несколько косноязычной) говорите в стихотворении «Огонь» о том, что писать становится трудней, когда уже некий «аванс» Вам выдан читателем. Действительно, после первых Ваших стихов в печати, стихов непритязательных по средствам выражения, но свежих, так сказать, достоверных по материалу и основному тону, Вы стали метаться туда-сюда, ища новых мотивов, пробуя иные ритмические лады. Это хорошо, это лучше, чем если бы Вы держались за самый первоначальный свой успех и старались идти уже проложенной бороздкой. Но тут Вас ждут еще немалые трудности. Сейчас Вы ищете, пробуете — но еще не нашли. По опыту своему и множеству других примеров я знаю, как не вдруг обретается новая, более глубокая борозда.

В поисках иных для себя ритмических ходов Вы покамест впадаете в готовую колею чужих, связанных с иным содержанием ритмов.

Так, например, стихи «Сверху снова с утра угостило снежком...» или «Вот дано мне на сердце деревню любить...» слишком очевидно зависимы от привычных слуху никитинских «Не пора ль, Пантелей» или «Эх, приятель, и ты, видно, горе видал...». А это не годится. Никакое новое содержание (материал) не пробьется к жизни через чужой, рожденный для другого содержания ритм. Это, конечно, не значит, что Вы должны изобретать новые размеры, как это думают или делают некоторые «новаторы» от стиха. Это значит, что любой классический размер должен быть так Вами «освоен», приведен в соответствие с содержанием, чтобы он даже не напоминал его (этого размера) другие образцы. Это, опять же, нелегко, но это одна из самых существенных, решающих тайн поэзии.

Стихи с юмористической окраской слабоваты, юмор напряженный, несвободный («Незнакомый парень», «След»).

Итак, оставляю в портфеле «запас», стихотворение «Трактористы» в том виде, как оно сокращено мною. Тетрадку возвращаю. Не унывайте, я уверен, что я ничего особо нового против того, что Вы уже сами понимаете, не сказал Вам.

Будьте здоровы.

А. Твардовский

ВОСПИТАННИКАМ ЯСНОПОЛЯНСКОГО ДЕТДОМА № 1

21 апреля 1959 г.

Дорогие друзья!

Сердечно благодарю Вас за приглашение встретиться с Вами. Эта встреча была бы для меня очень приятна по памяти первой нашей встречи, состоявшейся в честь китайских писателей, гостивших в СССР, а также и потому, что она была там же, в священных для каждого писателя и читателя местах — в толстовской Ясной Поляне. Но в ближайшее время, к сожалению, я не могу к вам приехать: подготовка к предстоящему 3-му съезду писателей, а затем давно намеченная поездка на Дальний Восток, словом, до осени у меня нет возможностей взять перед вами такое обязательство.

Очень прошу извинить меня за задержку с ответом.

Желаю вам всем — воспитанникам и воспитателям детского дома — всяческих радостей, здоровья, успехов.

Ваш *А. Твардовский*

КОНЮХОВУ Е. И.

21 апреля 1959 г.

Уважаемый тов. Конюхов!

Я все откладывал ответ на Ваше милое письмецо, надеясь достать где-нибудь хоть «Огонек», где напечатан понравившийся Вам рассказ «Печники», но так и не достал.

Рассказ будет издан в конце года вместе с другими моими прозаическими опусами в книге «Родина и чужбина» (издательство «Советский писатель»). Отдельного

издания не предполагается ввиду малого объема рассказа.

Спасибо Вам. Желаю всего доброго.

А. Твардовский

ОЛЕШНЯГОВУ М. Ф.

21 апреля 1959 г.

Уважаемый Михаил Филиппович!

Не Вы первый обращаетесь ко мне с таким вопросом-предположением,— не Вас ли лично я изобразил в «Василии Теркине», и не Вам первому я должен, к сожалению, сказать, что это предположение ошибочное. Теркин не есть лицо, списанное с натуры, а лицо, как говорится, обобщенное, т. е. взятое из жизни, наблюденное по своим чертам среди многих людей, в данном случае солдат-фронтовиков.

Что же касается Вашего убеждения, что именно я, Твардовский, встречался с Вами в районе Сталинграда 19 ноября 1942 г., когда Вы на какой-то станции играли в кругу солдат на гармошке, то это неправильно. Я в это время был на другом фронте и, кроме того, не мог быть, как Вы пишете, «в темно-синем макинтоше и черной фетровой шляпе», так как я, будучи в ту пору старшим батальонным комиссаром, ходил, конечно, в соответствующей форме.

Но то, что Вы пишете: «Описание личности Василия со мной схоже» — мне приятно знать, поскольку я и стремился к тому, чтобы люди узнавали себя в моем Василии Теркине.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

МАШНЕВУ Л. А.

22 апреля 1959 г.

Дорогой тов. Машнев!

Мне очень жаль, что я, по крайней моей занятости, просто не имею возможности написать для Музея сколько нибудь обстоятельный отзыв о творчестве А. В. Коль-

цова и И. С. Никитина, которых люблю с детства и чье влияние, может быть, испытал в своей литературной работе,— об этом лучше судить со стороны.

Но память А. В. Кольцова по случаю 150-летия со дня его рождения, я думаю, может быть отмечена чем-то более значительным, чем мое только высказывание, а именно: мы намерены дать на страницах «Нового мира» соответствующий материал: статью, рецензию на современную работу о Кольцове — что-нибудь в этом роде.

Может быть, Вы поможете нам в осуществлении этого намерения? Мы с особенной готовностью поместили бы «воронежский» материал. Пожалуйста, сообщите нам о возможности получения такого материала от Вас или кого другого по Вашей рекомендации.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

Н—ову В. А.

22 апреля 1959 г.

Прочел Ваше пространное письмо и почти все стихи,— почти, потому что читать их мне было скучно и нудно. Я лично (а Вы обращаетесь ко мне именно лично, не к главному редактору, как Вы оговорили свое обращение) терпеть не могу этаких упражнений в стихотворном нытье, за которым и подлинной боли не угадывается, а только — интеллигентная привычка, начитанность в стихах,— не самых лучших, вплоть до Северянина,— и самолюбование, недостойное серьезного человека.

Вы спрашиваете: «Может быть, я шел не туда?» Помоему, именно так: не туда и никуда.

Это бы еще все ничего, простилось бы по молодости, но такие вещи, как стихи о солдатах («Сто сорок будущих убийц»), я даже отказываюсь понимать. Мне чужд и отвратителен этот дух «неубийства», чтобы не сказать более, как и мотив «Христа», к которому у нас прибегают обычно от глубокого равнодушия к людям и низкого эгоизма. А «Скрипач» — это старая-престарая сентиментальная мазня, цена 15 коп.

А после этого — вдруг — сахаринистые «Апельсины» и другие «сибирские стихи».

Крайне нехороши Ваши жалобы на «прозябание» в К. и противопоставление его Большой земле, куда Вам хотелось бы «пробиться».

Не касаюсь Ваших признаний относительно Вашей переводческой деятельности и особых приемов продвижения своих стихов на радио под именами известных поэтов.

Рукопись возвращаю.

А. Твардовский

ЛОГИНОВУ И. М.

22 апреля 1959 г.

Уважаемый Иван Михайлович!

Одновременно с этим письмом направляю Вам 500 руб. для приобретения пишущей машинки Брайля. Буду рад, если она поможет Вам в постигшей Вас беде.

Что касается стихов, то должен Вас огорчить: стихи вполне грамотные, но в них слишком отчетливо звучат характерные интонации Исаковского. Для «Нового мира» они не подходят.

Вообще полагаю, что Вам не следует налегать на количественную сторону, а больше заботиться о том, чтобы обрести свой собственный «почерк».

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

ЧУКОВСКОМУ К. И.

27 апреля 1959 г.

Дорогой Корней Иванович!

Простите меня, пожалуйста, за задержку с прочтением Вашего «Луначарского»,— у меня его выхватили из-под рук как раз в тот момент, когда А. Г. Дементьев сообщал Вам о передаче статьи мне.

Сейчас прочел одним духом. Спасибо. Конечно, хорошо и полезно, хотя, по правде говоря, «воспоминания» в собственном смысле в статье не главное. Конечно, печатаем, как с удовольствием напечатаем и все другое, что Вы уделите нам от щедрот Ваших. С «Чеховым» рад

ознакомиться немедленно, но наперед говорю, что тотчас напечатать в «Новом мире» не сможем,— нужно перепаузить после Эренбурга, тем более что юбилейного предлога до 60 г. вроде как нет. Впрочем, об этом договоримся на словах, если позволите завернуть к Вам по пути во Внуково.

Будьте здоровы и многотрудоспособны.

Ваш *А. Твардовский*

ПЕТРОВУ А. П.

25 мая 1959 г.

Уважаемый Александр Петрович!

Должен огорчить Вас: составление и издание словаря рифм представляется мне делом бесполезным, во всяком случае, мне в собственной практике в голову не приходило никогда прибегать к такого рода «пособиям» и не думаю, чтобы это кому бы то ни было оказало помощь.

Конечно, есть люди, которые, может быть, придерживаются иной точки зрения, но моя такова.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

ПАНТЮХОВУ В. А.

19 июля 1959 г.

Дорогой товарищ Пантюхов!

Вы пишите в сопроводительном к новым стихам письме «если плохо, то не отвечайте». Так бы я и сделал, ибо новые стихи Ваши не порадовали меня, но в самом письме есть то, что заставляет меня ответить Вам. Вот уже третий раз за недолгий срок Вы меняете адрес: то Вы в Крыму, то на родине в Смоленщине, то в Казахстане. «Охота к перемене мест» — дело хорошее, особенно в молодости, но боюсь, что именно из-за этой своей «непоседливости» Вы и не получили среднего образования,— Вы, сын учительницы, как мне помнится, т. е. человек из интеллигентной семьи, с которого и спрос должен быть больший. А теперь Вы жалуетесь на судьбу, на то, на се: мол, всюду худо, непорядки,

несправедливости и т. п. Допустим, что все это так, но я должен сказать Вам, считая Вас человеком способным кое на что, что нет на земле таких мест, где бы нас ждали идеальные условия, где бы тотчас, с первого дня, все в нашей жизни пошло бы легко и удобно и т. д. И нужно быть мужчиной, т. Пантюхов, пора быть взрослым человеком, чтобы по-взрослому, а не по-ребячески относиться к трудностям (недоумение и горечь перед несовершенствами жизненного устройства — это тоже трудности, и немалые!), которых не избежать нигде. Так я должен Вам сказать, потому что Ваш тон вызывает меня на это. А это тон плаксивый: вот, мол, я же родился, чтобы жить при социализме, а вы мне ставите такие трудные задачи. Простите, но это тон маменькина сынка, недостойный. Возьмите себя в руки, не поддавайтесь расслабляющей сласти уныния и «разочарования»,— этак далеко не уедешь. А стихи действительно так себе, написаны без большой душевной потребности, а так — чтобы написать что-нибудь. Но и в них есть то «коечто», что заставляет меня заниматься Вами, например, в стихах «На стройке», но мало, вяло и недоработано.

Желаю Вам всего доброго. Будет что новое — присылайте.

А. Твардовский

БУШКО О. М.

1 августа 1959 г.

Дорогой тов. Бушко!

Я внимательно прочел Ваши новые стихи. Мне кажется, хотя я и плохо помню прежние, что в них есть определенный прогресс: бóльшая серьезность замысла, стремление сказать что-то существенное, общезначимое. В этом отношении выделяется стихотворение «Я упреков не слышал...». Его можно было бы и напечатать, но, помоему, спустя столько времени после войны тема «виноватости» уцелевших и живущих перед памятью павших звучит уже несколько натянуто: жизнь идет, и эти «счеты», если они и были возможны когда-то, уже снимает,— напоминать о них — вряд ли на пользу.

И вот что покамест мешает Вашим стихам: рассудоч-

ность, рационалистичность. Думать нужно, без этого нет поэзии, но построениями чисто «головного» порядка не заменить живого впечатления и эмоции, порожденной им.

Возьмем стихотворение «Молоко». Тема или идея его вполне хороша сама по себе: взаимопризнательность людей в коммунистическом труде, в общественном единстве их усилий, деятельности. Но в конкретном образе это у Вас не получается.

...девушка на рынке
молоко подаст мне в теплой *крынке*...

Вслушайтесь в эти слова: «рынок» и «крынка». На рынке молоко продается, и то, что девушка не берет денег с Вашего «лирического героя», выглядит, с одной стороны, натяжкой, фальшивинкой (ведь она *продает* на *рынке* общественное достояние, продукт колхозного труда, и в жизни угостить этим молоком приглянувшегося ей парня она может лишь за свой счет), а с другой стороны: что же тут коммунистического — угостить крынкой молока,— это в деревенском обиходе за сотни лет до коммунизма было вполне обычным делом. И далее, смотрите, слова очень коварны, они выдают Вас с головой: «из крынки» — значит, не «с фермы», где будто бы работает Ваша героиня, там понятия «крынки» нет, там — бидон и т. п., а от своей единоличной коровы — пережиточного, так сказать, обстоятельства в социализме. Иными словами, девушка Ваша поступает совершенно в духе старинной красной девицы, угощающей доброго молодца. Ну и все, но Вы хотите убедить меня, читателя, что речь идет о некоем коммунистическом начале. А я не верю, чувствую фальшь и натяжку. Это — не придирки. Это замечание относительно важности выбора верных слов для каждого случая и относительно важности живого достоверного впечатления в основе, которое нельзя подменить общим, хотя бы и вполне благонамеренным, но «головным» построением.

Не имею возможности быть более подробным, но уверен, что говорю о самом существенном недостатке Ваших стихов, коснувшись лишь одного этого двустишья.

В заключение повторю, что работаете Вы серьезно, не ищете легких путей, размышляете — это хорошо, но вполне хорошо будет лишь тогда, когда это будет сопутствовать живым, «первоначальным» впечатлениям и

чувствам. Без этого далеко Вы не уйдете, и это, может быть, самое трудное в поэзии.

Рукопись возвращаю.

А. Твардовский

ЧЕРТОВОЙ Н. В.

12 августа 1959 г.

Уважаемая Надежда Васильевна!

Роман Ваш я прочел от начала до конца, хотя уже с первой примерно трети прочитанного мне было ясно, что для «Нового мира» он не подходит. В чем дело? В том, что практические вопросы колхозной жизни в канун сентябрьского Пленума ЦК — не материал романа, а его содержание. Я отнюдь не против и таких произведений литературы, которые заняты практическими вопросами жизни, но при непременном условии их сегодняшней актуальности, полной, так сказать, синхронности с текущими событиями. Но освещать сегодня в таком плане события более чем пятилетней давности — это все равно, что опаздывать с выходом журнала на целые годы. Вещь Ваша публицистична, обращена к насущным проблемам сельского хозяйства в засушливом Заволжье, к вопросам специфическим для этих краев (лесонасаждения, снегозадержание, строительство водоемов и т. п.) и общим для всей страны (несовершенства обслуживания колхозов МТС-ами, расстройство и запущенность колхозного хозяйства, инертность изживших себя организационных форм руководства колхозами, гнетущая практика заготовок, закупок и т. п.). Но все это вчерашний день колхозного развития, не потому вчерашний, что теперь всюду было бы полное благополучие, а потому, что и неблагополучие сегодня иное, иные противоречия, присущие новому этапу колхозного хозяйствования. Таким образом, публицистичность вещи утрачивает остроту и целенаправленность. В самом деле, стоит ли сейчас распространяться о крайней невыгодности для колхозов МТС-овской помощи, когда МТС реорганизованы и колхозы становятся владельцами тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Или взять практику заготовок и госзакупок до известных решений по смехотворно заниженным ценам. Это же вчерашний день. Или практика «раскладки» плана заготовок на лучшие колхозы, прак-

тика гибельная для инициативы и трудовой активности колхозников. Опять — вчерашний день.

Иное дело, если бы собственные художественные данные вещи имели бы самостоятельное значение, опирались бы на все эти «вопросы» лишь как на материал, а содержанием имели бы нечто менее преходящее, более историческое в смысле постановки и решения более общих вопросов в жизни социалистического общества и человека. Но этого, к сожалению, не случилось. Роман, к сожалению, исключительно иллюстративен, привязан всеми своими образами к «вопросам», для разрешения которых порой достаточно одного разумного постановления директивных инстанций. Инертность и косность изживших себя методов руководства — Гущин (с перспективой перелома, выправления), Терской, Поветьев. Новые кадры, их неопытность, но хорошая горячность в деле — Крылов, Ганя и др. Все так расставлено, что с первых страниц все наперед известно и, простите меня, скучно до крайности. Я прямо Вам скажу, что как читатель я не прочел бы более двух-трех глав романа, несмотря на мой большой интерес к материалу, к этому участку действительности. Естественно, что я не могу рекомендовать читателю то, что сам читал до конца уже в силу иных, чем простой интерес, обязательств.

Вещь повторяет и концентрирует в себе все характернейшие недостатки так называемой колхозной прозы. Особенно это видно на «распределении» персонажей по признакам их «положительности» и «отрицательности», а также на уныло-хроникальной композиции (день за днем, месяц за месяцем). Так, например, в одной главе герой седлает лошадь, в другой расседлывает, потом снова седлает и снова расседлывает; одна глава начинается словами: стоял июнь, а дождя все не было; другая: стоял июль, а дождя не было и т. д. и т. п.

Стремление написать правильный, идейно выдержанный роман приводит порой к невыносимой фальши и всяческим натяжениям. Глава, описывающая собрание, где снимают с должности предколхоза Бахарева, заканчивается глубокомысленной фразой: «Бахарев сначала сам прошел мимо народа, а теперь народ прошел мимо него». Вы и не заметили, что эта фраза более всего была бы уместна в устах Вашего Поветьева, мелкого чинуши и ханжи. Бахарев как раз и пострадал-то из-за «народа»,

«своего», колхозного люда, односельчан, ради которых он впутался в противозаконную сделку (приобретение леса «левым» путем), которая явилась единственной, в сущности, причиной его снятия с должности.

Не имею возможности входить в подробный анализ рукописи — главное я сказал, имея в виду автора не «начинающего», а опытного, вполне квалифицированного. Эта опытность и квалифицированность определили литературную, стилистическую опрятность, построчно править, можно сказать, нечего, рукопись, как мы говорим, вполне «наборная». Больше того, отдельные страницы, характеристики, портреты (Ганя, тетя Оля, Надежда, Гущин и др.) написаны хорошо. Но безотносительно к основному греху романа — иллюстративности — всего этого мало для романа. Да романа, собственно говоря, и нет. Нет даже сколько-нибудь развернутой истории любви (нельзя же считать за такую историю разрыв Крылова с неизвестной нам и потому неинтересной Ириной или «наклевывающуюся» симпатию Гани к Крылову).

Но непростительными для опытного литератора являются такие «нарушения» законов художественного повествования, как подача изнутри мыслей и чувствований персонажей, коих мы видим лишь глазами главного в данном случае персонажа.

«А новичок не так уж прост»,— подумал Гущин» (это в первой главе, где Гущина, и его кабинет, и дом РК, и весь город Чаплино мы видим лишь глазами нового здесь человека — Крылова). Вы не имеете права говорить о том, что Гущин «подумал», потому что это все равно, что Крылов бы знал, что именно подумал Гущин в данную минуту. Почему это «закон», почему его нельзя нарушить? Потому что тогда утрачивается для читателя иллюзия жизненной достоверности происходящего: «Ах, так это все сочинение!» — вправе сказать читатель, и интерес его к чтению «сочиненного» остывает.

Мог бы я и еще многое сказать Вам, но думаю, что нужды нет — Вы и так все поймете, если душа окажется открытой для того, что я уже сказал здесь. А нет — так добавлением деталей, примеров тут не поможешь.

Рукопись возвращаю. Не сердитесь, если можете.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

АРДЕНСУ Н. Н.

17 августа 1959 г.

Уважаемый Николай Николаевич!

Прочел Вашу повесть «Достоевский у смертного порога» не без интереса. Действительно, написано это хорошо, умело, с тонким знанием и чувством письма Достоевского, но все же это не более как стилизация, изящная подделка. Когда я читал, меня не покидало ощущение, что я это уже читал ранее, что это для меня не новость, а повторение чего-то уже известного. Правда, я органически не переношу «биографический жанр». Мне всегда казалось странным и совершенно непродуктивным что-либо беллетристическое о Толстом, Достоевском, Пушкине, Лермонтове. Они себя написали так, как никогда никому уже не написать, а главное, не нужно.

Совсем непонятным для меня является Ваше определение повести, как «написанной на основе... романа». Простите, но это звучит как-то до крайности неловко.

Дата стодесятилетия со времени разгрома кружка Петрашевского — дата, что называется, не круглая, так что и это обстоятельство по журнальным условиям не может оправдать появления в «Новом мире» Вашей повести.

Рукопись возвращаю.

А. Твардовский

ВОЛОШИНУ В. А.

20 августа 1959 г.

Уважаемый Вадим Архипович!

Ваша готовность «с одинаковым удовлетворением услышать и «да» и «нет» в отношении Ваших рассказов о Чехове сама по себе свидетельствует о невысокой самооценке написанного. Не имею оснований разубеждать Вас, хотя могу сказать, что рассказы написаны грамотно, стилистически опрятно,— их можно бы и напечатать и, наверное, их охотно напечатают в будущем году, по случаю столетия со дня рождения А. П. Чехова.

Но дело в том, что писать рассказы из жизни великих писателей (это я не первому Вам говорю и

повторяю) — занятие безнадежно пустое, ненужное. Великие писатели, в их числе А. П. Чехов, описали себя, свою эпоху и свою среду с несравненно большим знанием предмета, чем кто бы то ни было другой после них, не говоря уже о таланте и преимуществах сказанного впервые перед сказанным вторично, повторением известного. По самому Чехову, документам и свидетельствам современников я, читатель, знаю гораздо больше того, что Вы мне сообщаете в своих рассказах о писателе. Они для меня лишь свидетельство о том, что Вы тоже читали Чехова, его письма и общественные высказывания о нем и что Вы хороший, интеллигентный читатель с развитым вкусом, чувством стиля, наконец, любовью к Чехову. Но все это, простите меня, еще не делает читателя писателем. Литература не может происходить из самой же литературы. Хорош был бы Чехов, если бы он писал рассказы из жизни своих любимых писателей, стараясь воспроизвести их письмо, стиль и т. д. Я хочу сказать, что Чехова-то и не было бы. Вот все примерно, что могу сказать о Вашей рукописи. Я не к тому веду, чтобы Вы поняли все это, как мое «нет» в отношении Ваших литературных возможностей. Почему бы Вам не попробовать написать что-нибудь не из жизни знаменитого писателя, а просто из жизни, той, которая всего ближе и интереснее Вам?

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

КОЧЕТКОВУ В. И.

24 августа 1959 г.

Дорогой Виктор Иванович!

Книжечку получил, спасибо. Я ее прочел, есть очень симпатичные стихи, но скажу прямо, что некоторая ровность (чаще говорят о неровности) книжки в целом создает не совсем благоприятное впечатление. Тем более что заключительное стихотворение

...фельдмаршальского жезла
В литературном ранце не ношу —

как бы и оправдывает такую очень уж непритязательную ровность. Если мечтать стать Шекспиром, то хоть К[...]

будешь, а если на К[...] равняться, то и К[...] не получится. Конечно, нельзя мечтать стать чем-то, это и не нужно, и вредно, но мерить свое иным, вершинным мерилом необходимо.

Еще должен сказать, хотя и не мне бы говорить об этом, что зависимость Вашего стиха, ритмов и пр. от известного поэта очень видна с первого же взгляда. Это нужно преодолевать.

Не берите такие пустопорожние, не имеющие ни цвета, ни запаха, ни звона слова, как шевелюра, силуэт, контур и т. п. И не нужно острить — «дятел-терапевт», «молния-редактор» и т. п. Это немного под раннего Исаковского и вообще стоит 15 коп.

Будьте здоровы. Новые стихи присылайте в «Новый мир».

Жму руку.

А. Твардовский

УШАКОВУ Н. Н.

25 августа 1959 г.

Дорогой Николай Николаевич!

Не гневайтесь на меня, пожалуйста, но стихи о международных вагонах, вчерашнем комфорте путешественника, уступившем место иным средствам передвижения, мне не понравились. Конечно же, Вы автор, который вправе сам решать, что ему печатать и что не печатать, но верьте мне, что опубликование этих стихов принесло бы Вам одни неприятности. Здесь так легко сказать об апологии привилегированного существования, о «барском» отношении к действительности («Из окна вагона, да еще международного»!) и т. п. А главное — на мой взгляд — не из чего терпеть неприятности. Стихи — так себе.

Хочу верить, что отклонение этих стихов не причинит серьезного ущерба добрым отношениям журнала и автора и тем более нашим с Вами издавна приятным (по крайней мере для меня) отношениям.

Будьте здоровы, присылайте, пожалуйста, все, что будет нового.

А. Твардовский

КУЧЕРЯВЕНКО В. Т.

26 августа 1959 г.

Дорогой Василий Трофимович!

Большое спасибо за память и внимание, особо за V том Арсеньева, который, правда, еще не дошел до меня, но, конечно, дойдет и сделает полным подаренный Вами комплект.

Относительно памятника В. К. Арсеньеву во Владивостоке, как и относительно установления бюста-памятника А. А. Фадееву в Чугуевке (о последнем я уже провел подготовительную разведку в Секретариате), прошу Вас совместно с М. Н. Самуниным написать мне, как секретарю Правления Союза, как бы формальное напоминание: мол, согласно устной договоренности во время пребывания в Приморье и т. п.

Я почти на 100 % уверен, что это дело выйдет.

Кстати, если не затруднит Вас, напомните мне фамилию, имя, отчество секретаря Чугуевского РК КПСС, с которым мы встречались в Шмакове, а также фамилию старушки Ефросиньи Авдеевны, с которой мы беседовали там, и имя-отчество-фамилию врача санатория, что сопровождал нас на Уссури.

Желая хоть чем-нибудь отдарить Вас, посылаю «Теркина» в новом и, как все говорят, весьма хорошем издании.

Будьте здоровы. «Дневники» Арсеньева ждем (комментируйте, пожалуйста, поподробнее).

А. Твардовский

ХИКМЕТУ Н.

31 августа 1959 г.

Дорогой Назым Хикмет!

Я давно уже прочел «Двух упрямцев», мнение у меня сложилось о них такое, что я хотел проверить себя и дал прочесть еще кое-кому. Этим объясняется задержка с ответом, в чем прошу извинения.

Вот что могу сказать относительно Вашей новой пьесы: это, как говорится, постройка облегченного типа. Не буду гадать, что тут относится за счет соавторства В. Ту-

ляковой, но Ваши прежние вещи, так или иначе, отличались большей глубиной замысла, идейного содержания и большей (внутренней) оригинальностью формы.

Любовь молодой женщины к пожилому и больному ученому, и любовь не из-за его денег, квартиры и т. п., а из-за него самого,— все это хорошо, допустимо, но, право же, очень уж исхоженная тропа, да и решение неглубокое, отчасти даже слащавое, простите меня. Не спорю, что пьеса эта может иметь успех в постановке, но это, как я полагаю, не пьеса для чтения.

Не думаю, что я вправе обучать Вас, как писать пьесы (прежде всего, сам этого делать решительно не умею), быть непрошеным советником, а просто говорю, что для «Нового мира» вещь не подходит.

Если можете, не обижайтесь на меня, мне (и нам, редакции «Нового мира») очень дорого Ваше сотрудничество в журнале, и я не таю надежды, что отклонение этой рукописи не послужит к ухудшению наших добрых отношений.

Желаю здоровья и всего доброго.

Ваш *А. Твардовский*

ГЛАЗКОВУ Н. И.

23 сентября 1959 г.

Уважаемый Николай Иванович!

«Василий Теркин на Луне», хотя и выполнен вполне в стиле «Теркина», для печати не годится, так как, по смыслу стихов, во-первых, здесь он еще *не* на Луне, а во-вторых, очень уж незавидна его перспектива, как это дано у Вас, и недаром из всех бойцов только он и соглашается на такой «загробный» полет,— он по природе своей без большой нужды — из-за одних наград — на такое дело не пойдет.

Оставляю рукопись, если не возражаете, в моем архиве «Теркиных». Привет.

А. Твардовский

ХВАТОВУ В. В.

2 ноября 1959 г.

Уважаемый Василий Васильевич!

Ваше «смущение» по поводу будто бы не рифмующихся второй и четвертой строк в песне «Отшумела рожь густая», на мой взгляд, неосновательно.

...На войне в краю любом...
...Ваше счастье и любовь...

Созвучие окончаний этих строчек не принадлежит к «новонайденным» в современной поэзии и бытует во многих стихотворениях наравне с другими подобными рифмами-ассонансами. Времена, когда «любовь» можно было рифмовать лишь со словами «кровь», «вновь» и т. п., давно прошли, и я, во всяком случае, не вижу оснований изменять эти строчки в стихотворении, много раз мною напечатанном и включенном в Собрание сочинений.

Ваше дело отказаться от всего стихотворения в целом, но тогда уж я просил бы не печатать и весь цикл, в котором есть и другие, не претендующие на совершенство песни.

С уважением *А. Твардовский*

УХСАЮ Я. Г.

25 ноября 1959 г.

Дорогой Яков!

Прочел твою автобиографию с интересом и раздражением. Вот в чем дело вкратце. Как автобиография специального назначения, это, может быть, несколько растянуто и местами чуточку нескромно. Но из этой штуки, по-моему, можно сделать отличную статью в жанре «записок писателя» (для «Нового мира»), если еще немного поработать. А именно,— прежде всего,— начинать не с Адама, не с истории чувашского народа, а, например, с отца, родственных связей с К. Ивановым — основоположником чувашской поэзии. Истории коснуться только там, где ее по-своему излагает твой отец (но не его словами, а своими, как это у тебя и намечено в одном абзаце).

Второе. Писать не историю своей жизни, а историю своей поэзии. Так это у тебя в основном и есть. Но не нужно сводить старые житейские счеты (1937 г. и т. п.), а сводить идейные, художественные счеты с различными этапами своего развития как поэта. У тебя хорошо насчет Кирсанова и др., но дальше ты все комкаешь. Конечно, детали быта — детали времени, не нужно очищать свои воспоминания от таких замечательных «примет времени», как поп-суфлер, эпизод с часами и галстуком-бабочкой и т. п.

Наконец, нужно взять себе еще на месте подходящего редактора. Ты страшно небрежен в русском языке, в обращении с фактами, именами: например, Мих. Юрина, своего покровителя, ныне здравствующего, ты упорно называешь Юркиным.

Если ты касаешься «Страны Муравии», то зачем тебе врать, что она была встречена поэтами известного лагеря холодно и пренебрежительно. На первом московском обсуждении поэмы ее взахлеб хвалил Пастернак, Вера Инбер и др. Первой статьей о ней по выходе из печати была статья Асеева, в которой он писал (в 1936 г.), что, мол, если бы у нас была литературная премия, то Твардовский — первый кандидат. Это только к слову, потому что в «Новом мире» о Твардовском тебе мы не дадим распространяться.

Подумай, да, не пускаясь в споры (я все равно не смогу их вести сейчас — уезжаю), поработай и присылай это дело (в любом объеме) в редакцию, где статью уже будут ждать для отдела «Дневник писателя».

Желаю всяческого добра.

Твой *А. Твардовский*

ПОПОВУ А. И.

⟨Ноябрь 1959 г.⟩

Уважаемый Алексей Иванович!

Я ознакомился с «драматической поэмой» Т. Лондона «Василий Теркин», представленной мне автором.

Не считая возможным входить в сколько-нибудь подробный анализ этой работы, со всей ответственностью заявляю, что это беспрецедентный образец недопустимого об-

ращения с текстом литературного произведения, название которого обозначено на титульном листе рукописи, беззастенчивого искажения его, смешения и хаотического нагромождения обрывков разнородных произведений одного автора с привлечением частей произведений других авторов и, наконец, собственных, принадлежащих перу Т. Лондона «связок».

О «доработке» или «исправлении» этой рукописи, на мой взгляд, не может быть речи.

Однако из печати мне известно, что названная работа уже принята к постановке некоторыми театрами. Я решительно протестую против этого и прошу Вас принять все необходимые меры к предотвращению такой возможности.

Не откажите уведомить меня о принятых Вами мерах в связи с этим моим письмом.

С уважением *А. Твардовский*

МАКЕДОНОВУ А. В.

7 декабря 1959 г.

Дорогой Адриан Владимирович!

Я не мог собраться написать тебе по причине сборов в Америку, куда должен был отправиться этими днями, причем в качестве руководителя нашей делегации, так как К. Федин заболел и решительно отказался лететь. Теперь случилось так, что поездка откладывается, по крайней мере, до января, и я спешу тебе хотя бы вкратце ответить.

Мне очень по душе постановка вопроса об Исаковском как новаторе и в своих пределах первооткрывателе, чье место в советской поэзии на поверку куда значительнее, чем то, какое обычно отводят ему, называя его «поэтом-песенником» (почти как Ошанина или Фатьянова). И статья твоя хорошая, дельная, как говорили в старину. Конечно, объем ее немыслимый для журнала, и ты хорошо сделал, что предвосхитил наши редакционные стремления, наметив места, которые можно было опустить и по-твоему. Мы даже с лихвой осуществили эти твои предположения. Прежде всего, не скрою, к этому понуждал твой грех некоторой растянутости, длиннофразии, повторений, каковые письму статьи сообщают

стиль поверхностно выправленной стенограммы речи. В изустной речи оно, может быть, и хорошо, что это как бы импровизация, но в статье, бог свидетель, это уже невозможно. Ты скажешь, конечно, что и Белинский импровизатор (со всеми чертами этого стиля), но все же время другое, век атома, и, как *ни хоти*, даже проза приобретает в лучших своих образцах большую сжатость, экономность, энергию по сравнению и с не превзойденными во всем остальном стариками.

Второе — места, посвященные главному редактору. По заведенному с самого начала порядку все относящееся к нему, вплоть до перечислительных упоминаний, у нас вычеркивается. Этот порядок приобрел уже такую инертную силу, что самому мне уже не приходится и заботиться о соблюдении его — мои соратники обеспечивают его в первую очередь. И это правильно, особенно если учесть, среди каких мнений и пониманий живем. И так не оберешься демагогии (в данном, например, случае) на тему о том, что «Новый мир» не признает никого, кроме своего редактора, да земляков, да Маршака. На это можно бы и плевать, но тогда действенная, утверждающая, принципиальная сила статьи об Исаковском понесла бы значительный урон. Я тебе даже так скажу, что мне приятно, что ты там говоришь обо мне в связи с Исаковским, и приятно будет увидеть эти места восстановленными при издании статьи, скажем, в будущем твоем сборнике, но здесь — нет.

Далее. Все, что написано свежей машинкой в рукописи, четче, лучше, яснее подклеенных страниц какой-то другой рукописи, более «общей», и там пришлось сколько возможно унять тебя. Конечно же, куда лучше бы все было, если бы ты мог зайти в редакцию, «с листа» познакомиться с тем, что пришлось редакции сделать (в стилистических мелочах даже), или хоть бы иметь достаточно времени, чтобы послать тебе рукопись на дочистку самому, но очень хотелось поместить статью в этом номере по благовидному случаю, а то ведь и повода не придумаешь: старик ушел целиком в личную [...] жизнь, ни черта не пишет, новых книг ожидать нечего.

Мне показалось (я все же не имею и сейчас времени, чтобы все это проверить наглядно — уезжаю в Барвиху на месяц), что в письме ты лучше и отчетливее

сформулировал самую суть «Осеннего вальса» и вообще всей позиции Исаковского, чем это сделано тобой в статье. Опять же — расстояние и время мешают это дело уточнить и выправить без тебя под боком.

Много в твоем письме правильного, разумного и продуктивного (Гете), но много и того, что называется «пых-пых — пара слепых» [...].

Спасибо за статью, за память. Пиши и пиши и присылай. Только не ограничивай себя уж одним земляческим горизонтом.

Будь здоров!

А. Твардовский

ЮШКОВУ

Москва, ⟨декабрь 1959 г.⟩

Прошу передать всем лицам, подписавшим телеграмму, что я ничего не могу изменить в моей оценке инсценировки Лондона, послужившей основанием для запрещения этого спектакля в театрах республики. Вопрос считаю давно решенным.

Твардовский

ШМИДТ В.

13 января 1960 г.

Уважаемая Вера Шмидт!

(Так как Вы не сообщаете Вашего отчества, это обращение носит несколько угловатый характер.)

Стихи не только вполне литературно приемлемы, но и очень симпатичные мне чем-то. Однако скажу прямо,— Вы об этом меня и просите в своем письме,—что появляться Вам вдруг в печати с такими стихами, не содержащими в себе ничего нового по отношению к традиционной русской лирике и целиком ей принадлежащими по форме, стилю и тону, не стоит. Они как будто из других времен доносятся до слуха. Я не берусь, конечно, советовать Вам: берите, мол, новую тематику, учитесь тому-то, пишите так-то и т. п. Все это можете решить и выбрать для себя только Вы сами.

За стихи, посвященные мне, спасибо!

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

Простите, что отвечаю с таким запозданием,— долго находился вне Москвы.

БАНТЯ ЕУДЖЕНУ

14 апреля 1960 г.

Уважаемый товарищ Еуджен Бантя!

Мне очень приятно было узнать, что Ваше издательство намерено выпустить сборник моих стихов в переводах на румынский язык. Предложенное Вами название книги «Фронтовая хроника», по-моему, вполне годится. Впрочем, если книга озаглавлена просто «Стихи», беды нет, но первое, конечно, лучше.

Предисловие написать я не смогу — не только по недостатку времени, но и потому, что считаю такое предисловие со стороны автора излишним. Это лучше сделать от редакции или переводчика или же обойтись без всякого предисловия.

Благодарю Вас за внимание. Задержка ответа на Ваше письмо объясняется тем, что я только вчера возвратился из поездки в Англию.

С уважением *А. Твардовский*

ПЕТРОВУ А. П.

28 апреля 1960 г.

Ваш Словарь русских классических рифм был передан мне только на днях, так как я находился в длительном творческом отпуску и заграничной командировке.

Должен Вас огорчить: Словарь, на мой взгляд, не имеет ни научного, ни практического (в литературной работе) значения. Во всяком случае, лично я никогда в жизни не испытывал надобности в такого рода пособии.

Раздражительный тон Вашего вторичного письма понятен, так как Вы много и понапрасну затратили труда на свой Словарь, однако я не могу нести ответственность за постигшую Вас неудачу.

Рукопись возвращаю.

А. Твардовский

ПОСТУПАЛЬСКОЙ М. И.

3 мая 1960 г.

Уважаемая Мария Ивановна!

Повесть Вашу прочел с интересом, но должен сказать прямо, ее литературные достоинства я оцениваю более сдержанно, чем мои товарищи по редакции. «Клинический» материал ее — особой трудности и, на мой взгляд, почти противопоказан искусству. Однако Вам удалось во многом преодолеть эту трудность и написать интересную и полезную вещь, посвященную особому, «скрытому» участку действительности, где в особых специфических условиях идет нелегкая и благородная борьба за человека — за его физические и душевные права на жизнь.

Повесть печатаем в *восьмой* (августовской) книжке. Очень хотелось бы переменить название. «Ракитушка» — это все же какой-то отголосок «Задушевного слова» и, так сказать, тянет за собой, концентрирует кое-какие не вытравленные до конца элементы сентиментальности в стиле и содержании повести. Вы имеете возможность подумать несколько дней относительно названия и сообщить нам.

Что касается «второй части», или «второй книги», скажу без обиняков, что, если бы даже не было единодушного отклонения ее редакцией по соображениям художественного качества, я не счел бы возможным по журнальным условиям печатать ее в «Новом мире», тем более что, по-моему, *данная* тема здесь исчерпывается вполне.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ФЕДОСЕЕВУ И. А.

3 мая 1960 г.

Уважаемый Иван Александрович!

Я узнал из печати, что Вами сделана скульптура «Василий Теркин», экспонирующаяся на Международной выставке. Из редакции «Горьковской правды» мне сообщили, что она исполнена в мраморе, хотя фотографию прислали мне только с пластилиновой.

Мне очень приятно, что мой Василий получает еще одно воплощение в искусстве.

Посылаю Вам в знак моей благодарности за Ваш труд мастера последнее иллюстрированное издание «Теркина».

Когда это будет возможно, я хочу просить Вас сделать для меня копию этой скульптуры в гипсе и, конечно, заплачу — сколько будет стоить — за эту работу.

Будьте здоровы.

Ваш *А. Твардовский*

ПЫШКО Л.

3 мая 1960 г.

Тов. Пышко!

Прочел Ваше стихотворное возражение на мои стихи «Две Оки». Я рад, что они, эти стихи, так сказать, пробудили в Вас патриота сибирской Оки, вызвали горделивое чувство за свои родные места и подвинули на возражение мне. Это ваше стихотворение можно было бы и напечатать, если бы не слишком очевидная зависимость его от интонаций «Теркина».

Пришлите что-нибудь другое.

Желаю успехов.

А. Твардовский

ИБРАГИМОВУ Ф. К.

26 мая 1960 г.

Глубокоуважаемый Ферезулла Казимагомедович!

К великому сожалению, на Ваш запрос могу сообщить только следующее. Моя статья «Красноармеец Саид Ибрагимов» была опубликована в июле 1941 г. в газете Юго-Западного фронта «Красная Армия». Я написал ее на основе короткой беседы с Саидом Ибрагимовым во фронтовой обстановке где-то в районе г. Канева. Ни номера войсковой части, ни полевой почты у меня не сохранилось, да вряд ли я и имел их (№ части в печати не указывался, а номера полевой почты, насколько помню, были введены позже).

По-видимому, «Дагестанская правда» перепечатала эту статью из «Красной Армии» — больше она мною нигде не печаталась и не издавалась.

Мне очень жаль, что я так мало могу сообщить Вам о Вашем сыне Саиде Ибрагимове, о котором у меня осталась только такая память.

Желаю Вам всего доброго.

С уважением *А. Твардовский*

ВАЙНБЕРГУ И. И.

26 мая 1960 г.

Дорогой товарищ Вайнберг!

Мои пожелания по части оформления книжки «Статьи и заметки» следующие:

1. Ничего «художественного» — ведь это брошюра, а не книжка новелл.
2. Все наборным шрифтом.
3. Не выделять фамилию автора более крупным, чем заглавие книжки.
4. Никаких факсимиле!
5. Никаких заставок, рисованных заголовков и т. п. по тем же соображениям, что в п. 1. Все наборным!
6. Как можно проще, скромнее. Странно, что вообще издательство поставило перед собой такую задачу — художественно оформить книжку статей.

Это мои решительные пожелания.

А. Твардовский

КРАСНИКОВУ А. Г.

4 июня 1960 г.

Дорогой Александр Гаврилович!

Мне было очень приятно получить от Вас письмо, и не только потому, что память фронтовых встреч для меня, как и для всех людей моего поколения, вообще дорога и священна, но и потому, что встречу с Вами в период, когда Вы еще были «комбатом без звания» на участке обороны Вашего батальона в феврале 42 г. под Щиграми, я до сих пор помню во всех подробностях.

И больше того: у меня сохранылась об этой встрече запись в моем блокноте. К сожалению, я только недавно обнаружил ее у себя,— поэтому первое издание моей книги прозы «Родина и чужбина», куда включено кое-что из моих дневников военных лет, вышло без этой записи. Но книга эта скоро выйдет вторым изданием, где Вы найдете две-три странички, посвященные нашим с Вами встречам и беседам, как я записал их в ту пору и почти без всяких изменений включил в это второе издание своей книги, предполагая, скажу откровенно, что, может быть, Вас уже и нет на свете, поскольку ничего не слыхал о Вас все эти годы. Надеюсь, что в этих страничках ничего не будет для Вас неприятного. Буду рад прислать Вам эту книгу, как только она выйдет из печати (месяца через два).

В Москве летом меня трудно застать, хотя я, конечно, с удовольствием встретился бы с Вами,— я обычно уезжаю на длительные сроки. Но на всякий случай позвоните.

Желаю Вам, дорогой Александр Гаврилович, всего доброго, здоровья и счастья.

Спасибо за память, за Ваше письмо.

А. Твардовский

КОЛЛЕКТИВУ РАБОТНИКОВ 248-го ОТДЕЛЕНИЯ СВЯЗИ г. МОСКВЫ

27 июня 1960 г.

Дорогие товарищи!

Среди многих приятных для меня приветствий по случаю моего пятидесятилетия и награждения меня орденом Ленина я по-особому тронут был словами привета от работников 248-го отделения связи, через которое приходит, пожалуй, самая значительная часть корреспонденции, поступающей в мой адрес.

Вместе с тем мне приятно отметить как клиенту этого отделения, нередко пользующемуся его услугами, всегдашнее внимательное и предупредительное отношение работников, исключающее возможность какого-либо недовольства или претензии.

Спасибо, дорогие товарищи, за ваше поздравление и добрые пожелания. Позвольте и мне взаимно пожелать

всем вам вместе и каждому в отдельности всего самого лучшего на работе и дома, доброго здоровья и счастья.

Ваш *А. Твардовский*

КОЗЛОВУ И. Т.

18 июля 1960 г.

Дорогой Иван Тимофеевич!

Направляю к Вам смоленского писателя Ефрема Михайловича Марьенкова с повестью «Вдалеке от больших городов», выходившей в Смоленском издательстве несколько лет назад, имевшей неплохую прессу и ныне заново отработанной, в значительной мере дописанной автором.

Большая моя просьба — обратите внимание на эту работу. Автор — человек безусловно талантливый и взыскательный к себе. Мне кажется, что эта повесть с успехом может быть издана «Советским писателем», но это, конечно, дело Вашей редакции. Важно прочесть рукопись поскорее; дать бы ее только серьезному и добросовестному человеку на прочтение.

Буду очень рад, если дело получит надлежащий оборот.

А. Твардовский

БЕДРИЦКОМУ Д. В.

23 июля 1960 г.

Уважаемый Дмитрий Васильевич!

Стихи Ваши производят в общем приятное впечатление. Чувствуется, что привлекают Вас хорошие образцы поэзии, что Вы внимательно читали Пушкина, Тютчева, Фета, кое-кого из современников.

Но в отношении содержания, наполнения строк и строф мыслью, рождающейся из соприкосновения с живой жизнью,— остается, как говорят, желать большего. Покамест что Ваши стихи и, скажем, Ваша работа арматурщика — разные, не соприкасающиеся миры. Отсюда отсутствие того, о чем Вам было бы обязательно нужно, необходимо написать. Ведь осень, хотя бы и

«Болдинская», — это не открытие, это дают книги, стихи. И нужно знать, что от одной любви к стихам поэзия не возникает, хотя она, конечно, опирается, как всякое искусство, на собственный предшествующий опыт. Но тот опыт, т. е. прекрасные создания ее в прошлом — они возникали не из одних только книг, но из жизни. Уменье угадать поэзию в повседневной «непоэтической» действительности — может быть, главный и труднейший «секрет».

Присылайте — что будет у Вас нового.

Желаю удач.

А. Твардовский

РУМЯНЦЕВУ

27 июля 1960 г.

Товарищ Румянцев!

Я внимательнейшим образом прочел Ваше письмо ко мне и письмо Президиуму ЦК КПСС, в копии направленное Вами мне для ознакомления, и вынужден огорчить Вас.

Конечно, то, что Вы при несчастных обстоятельствах в молодости потеряли зрение — большая беда, которая не может не вызвать сочувствия. Но мне кажется, что, пожалуй, не меньшей бедой Вашей является Ваша необычайно развившаяся пагубная страсть к сочинению всяческих заявлений, жалоб, «обличений» и т. п. с сохранением копий,— страсть, поглощающая Ваши силы уже в течение не одного десятилетия. В самом деле: Ваши письма буквально начинены ссылками, упоминаниями стольких лиц, учреждений, организаций, причем все без исключения эти лица и коллективы, по Вашему утверждению, только тем и заняты, чтобы возвести на Вас напраслину, обидеть Вас, урезать Ваши права и т. д. У Вас, по Вашим словам, недоброжелатели везде, вплоть до ЦК КПСС, все они стремятся помешать Вам осуществить Ваш замысел повести (к этому, в конце концов, сводятся все Ваши претензии).

А для написания повести Вам, как Вы в наивности своей полагаете, не хватает только «соавтора», которого прикрепили бы к Вам, и улучшенных жилищных условий.

Я не спорю, что улучшить Ваши жилищные условия нужно, и надеюсь, что это будет сделано Мосгорисполкомом во внимание к Вашей инвалидности. Но связывать это с «замыслом повести» нельзя, неправомерно, нескромно. Никому еще на свете под «замыслы» не предоставлялись квартиры, секретари (или «соавторы») и пр. И, главное, инвалидность, сама по себе, к сожалению, не есть еще определяющее условие творческой деятельности. Нужно еще многое другое, между прочим, природные данные, талант. А этого у Вас, насколько можно судить хотя бы по Вашему обширному (15 стр.) письму, даже признаков нет,— говорю Вам прямо и решительно на основании моего многолетнего литературного, в частности, редакторского опыта. Более того, Вы — человек, простите меня, недостаточно грамотный, хотя и сообщаете, что учились в вузе и даже в аспирантуре. Овладение элементарной культурой письменной речи — вот первоначальная задача, с которой Вам необходимо было бы справиться, если уж помышлять о литературном труде. Я понимаю, конечно, что в Вашем возрасте и при отсутствии зрения даже эту задачу нелегко разрешить, но что же говорить о «повести» — здесь Вам не поможет никакой «соавтор» (это вообще странная, крайне неловкая претензия, которую, к сожалению, поддерживают в Вас, по Вашим словам, и некоторые литераторы).

Я далек от того, чтобы разделять с некоторыми Вашими противниками обвинение Вас «в связях с Берией» на основании одного ответа на Ваше письмо в этот адрес; я не знаю и не могу знать, насколько справедливы обвинения Вас в оклеветании многих десятков лиц (хотя Вы лишь выражаете готовность опровергнуть эти обвинения на основании «копий и подлинных документов»),— словом, я не могу и не хочу входить в Ваше чудовищное по размерам бумажное «хозяйство» (ведь иные письма Вы сопровождаете 49-ю копиями). Но мне ясно одно, что в орбиту своей «эпистолярной» деятельности Вы ввели огромное количество людей, Вы всех налево и направо обвиняете, наделяя всяческими оскорбительными определениями. Вас уже все чураются — Вы сами об этом говорите. Мне ясно, что никакое личное несчастье,— само по себе заслуживающее сочувствия со стороны всех,— не дает права на такое поведение, каким Вы отравляете жизнь множеству людей, заставляете по-

такать Вам в Ваших несообразных и нескромных претензиях.

Это возрастает до масштабов общественного явления, выглядит некой язвой, вызывает протест, и у меня была даже мысль ответить Вам через печать, чтобы раз и навсегда положить конец Вашему кляузничеству, Вашей непомерной страсти к «обличениям», непомерным требованиям особого внимания к собственной персоне «начинающего писателя». Но я подумал, что, может быть, Вы еще сами способны осознать и внутренне осудить недостойное гражданина, коммуниста свое поведение,— поэтому отвечаю Вам лично. Если Вы хотите моего совета, то он только один: бросьте в печку Ваши «копии», прекратите Вашу неприятную «переписку», живите честно и скромно. Если же это не в Ваших силах, если это развилось в некую болезнь, манию, то тут уж я ничем не могу помочь.

А. Твардовский.

ПЕТРОВУ В.

5 августа 1960 г.

Дорогой товарищ Петров!

С интересом прочел Ваши стихи,— в них безусловно наличествуют данные, говорящие о Вашем не случайном влечении к поэзии.

«Свадьбу» и «Поминки» можно бы и напечатать, но жаль, что они в одной ритмической (не без Блока!) интонации. Можно бы и «Высоту» напечатать, но нужно поправить два-три места и снять никчемушную разбивку строчек.

Всего бы лучше, если найдется, добавить еще что-нибудь и вместе с исправленными этими стихами прислать заново.

Ваш озорной прием с присылкой старых стихов главного редактора «Нового мира» в редакцию и отклонение их литконсультантом не должен всерьез убеждать Вас в том, что якобы все дело в том, кем стихи подписаны, и т. п.

Желаю успехов. Присылайте стихи, озоровать больше не следует.

А. Твардовский

НЕБОГАТОВУ М. А.

19 августа 1960 г.

Михаил Александрович!

Использование такой исключительно индивидуальной с исчерпывающей полнотой прозвучавшей в классическом произведении неповторимой формы, как онегинская строфа,— дело безнадежное. Это хорошо понимал уже М. Ю. Лермонтов, не случайно взявший в свое время эту строфу лишь для «Казначейши» — произведения особого ряда.

В дальнейшем все попытки использования этой формы «всерьез» естественно не имели успеха.

В наши дни эта форма своей обманчивой легкостью привлекает лишь очень наивных людей. Жаль, что и Вы поддались этому соблазну. Как бы Вы ни исхитрялись, все равно поэма Ваша звучит пародийно, и тем самым «серьезное» ее содержание погашается.

Советую Вам воздержаться от опубликования ее в печати, если даже будет такая возможность.

Не огорчайтесь, бывает.

А. Твардовский

РОМАНОВИЧУ С. А.

19 августа 1960 г.

Уважаемый Сергей Александрович!

К сожалению, ожидаемой Вами «большой радости» письмо мое Вам не принесет.

Бывает так, что изложить пережитое словами, способными волновать других, не удается тому, кто полон этим пережитым. Рукописей, подобных Вашей, я получаю порядочно. Основная беда их авторов в том, что, пережив личную трагедию, они очень часто бывают не в силах подняться над только личным, взглянуть шире, найти в своей судьбе образ трагедии, по крайней мере, целого поколения наших людей.

Так именно дело обстоит и у Вас. Вам трудно оторваться от личного потрясения, жестокой обиды, огром-

ной боли,— все это понятно. Но заставить меня, читателя, разделить с Вами эти чувства Вы не можете,— не получается. Описание момента обыска и ареста под Вашим пером не вырастает в картину, которая бы трогала читателя, испытавшего или не испытавшего что-нибудь подобное. Мне кажется, что все это я уже читал, слыхал, знаю, и ничего здесь нового для меня нет. Именно потому, что Вы заняты исключительно самим собой, актом несправедливости, коснувшейся только Вас лично, Ваш личный случай не приобретает художественной индивидуальности, сливается со множеством таких историй, представляется заурядным. Это трудновато понять, но речь идет об одном из главных законов искусства. В искусстве личное, не теряя своей индивидуальности, выступает как выражение общего, отнюдь не в смысле однотипности. Научиться этому, скажу прямо, очень трудно, вряд ли и возможно в Вашем возрасте.

То, что Вы не идете в осмысливании пережитого дальше лично пережитого, сказывается в том, например, что поэма Ваша как бы обращает упрек ко всем, кто не был репрессирован, к тем, что «грелись на пляже в солнечных Гаграх». Мало того, что этот упрек несостоятелен, несправедлив по существу, но он отталкивает читателя,— Вы как бы кичитесь перед ним теми испытаниями, какие выпали случайно на Вашу, а не на его, читателя, долю. Но нельзя же рассчитывать на понимание и сочувствие лишь тех, кто пережил сходную с Вашей судьбу.

Может быть, Вы напрасно выбрали стихотворную форму. Стих Ваш весьма несовершенен, несет в себе отголоски разных влияний (то Есенин, то Маяковский), воспринятых чисто внешне. Едва я начинаю читать «осени морда брызжет слюной», я, читатель, уже плохо верю, что Вы мне расскажете что-нибудь дельное, значительное. Не должен человек щеголять такими дешевыми «красотами стиля», если он собирается говорить о том, что у него болит. Ни к чему, конечно, «Заратустра» (рифма люстры), «Мефистофель» (конечно, профиль), «тога на бедрах (!) Катона» и т. п. Немыслимо, чтобы человек, прощаясь с женой в час ареста, называл ее (вслух или мысленно): «Милая! Лунная!» Словом, Вы, не замечая того, то и дело впадаете в пошлость и вычурность, и это тяжкий грех.

Может быть, Вам лучше было бы попытаться изложить пережитое просто в прозе, по крайней мере, это сообщило бы ему большую серьезность и достоверность.

А. Твардовский

ПАНОВОЙ В. Ф.

Нижняя Ореанда, 11 сентября 1960 г.

Дорогая Вера Федоровна!

Прочел одним духом (получил только вчера — вчера же и прочел) Ваши «Белые ночи»,— конечно же, хорошо, интересно и ко времени. Правда, вещь, в отличие от других Ваших вещей, не обладает большим многоголосьем, несколько обужена, но, боже упаси, я этим не хочу сказать, что она слабее других. Она такая, какая есть, какая на этот раз получилась. Это благородно, публицистично в лучшем смысле и в души западает со всей силой неслучайности и этого Вашего выступления.

Позволю себе просить Вас об одном: снимите в жанровом обозначении добавку «диспут». Ей-богу, не нужно. Всякий раз, когда я вижу такие обозначения с добавками вроде «повесть-памфлет», за этим угадывается какая-то авторская неуверенность, стремление упредить нежелательное заключение, направить оценку по должной линии, а Вам это ни к чему. Что это не «пьеса» — пусть. Это и не сценарий, хотя приемов и этого жанра в ней достаточно — пусть. Все сколько-нибудь стоящее в искусстве является в нарушение привычных жанровых представлений, форма только и возможна при нарушении «формы».

Но если уж Вам очень хочется — оставляйте, но, по-моему, это не так солидно будет. Вам, Пановой, незачем оговариваться, прикрываться стыдливыми ограничениями жанра.

С Махровым не знаю, как Вы поступите, но ведь Вам же нужен «следователь», нужна катастрофа Валерика. Наверно, Вы знаете — так и делайте.

Немножко натянута и не совсем убедительна в житейском плане сумма 12 тысяч. Это много. Такому пшюту — за глаза — 2-х тысяч хватило бы на его узкобрючные расходы. Тут что-то не того-то.

Куда Вам послать рукопись?

Там, в Коктебеле, мои молодые с моим внуком. Если они осмелились уже познакомиться с Вами, передайте им, пожалуйста, привет.

Ваш *А. Твардовский*

КРОТОВУ И. М.

4 октября 1960 г.

Дорогой Иван Матвеевич!

Я давно прочел Вашу «Деревню Карды», но что-то помешало мне ответить Вам в свое время. Теперь я вновь просмотрел это стихотворение и вот что могу сказать о нем.

Оно по настроению и интонации примыкает к обширно представленной в нашей поэзии «лирике родных мест» — «Анна Снегина» и другие вещи Есенина, отчасти Исаковский, отчасти «Поездка в Загорье». У Вас есть строчки симпатичные, свидетельствующие о некоторых данных поэтического оформления своих впечатлений, но в целом слишком очевидна зависимость от названных образцов, хотя время, приметы его у Вас другие — самые сегодняшние.

Что же касается, так сказать, идейной стороны, то Ваши лирические сетования по поводу того, что в родных местах мы бываем чаще в качестве «гостей», чем «хозяев»,— это все опять же дань традиционному в поэзии мотиву, который никак уже не согласовать с объективной, исторически прогрессивной картиной. «Назад, в деревню Карды, к земле-матушке» — этот лозунг в расширительном толковании не может звучать с жизненной убедительностью для представителей всего, скажем, Вашего поколения, которому достаточно дел и задач и за пределами «деревни Карды». И Ваша собственная судьба — не живое ли подтверждение этого? А если бы она, Ваша личная судьба, и противоречила этому, то опять же это не закон.

Все это в целом сообщает Вашему стихотворению, при очевидной его искренности, характер некоторой наивности, сентиментальности и упрощения.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

АКСАКОВОЙ Т. А.

20 октября 1960 г.

Многоуважаемая Татьяна Александровна!

Простите великодушно, что с таким запозданием отзываюсь на Ваше письмо и тем более на Ваши «Воспоминания», вторую часть которых, правда, я прочел совсем недавно, на днях.

Что я могу сказать о Вашей рукописи? Прежде всего, я прочел ее (и 1-ю и 2-ю части) с живейшим интересом, местами даже с волнением, какое способна вызвать искренняя «исповедь сердца», история человеческой судьбы, хотя бы и совершенно далекой для тебя, далекой в том смысле, что эта судьба Ваша и Вашего поколения, класса, сословного круга предстает моему восприятию как бы в некой полуреальности мира, известного мне лишь по книгам, по литературным отголоскам истории.

Но не стану уклоняться от необходимости сказать Вам по чистой правде, что рукопись эта не могла быть рассматриваемой мною с точки зрения интересов журнала, который я редактирую, и что она не может, на мой взгляд, стать объектом рассмотрения и с точки зрения другого издания. Это не значит, что материал Вашего повествования сам по себе «запретный» в условиях нашей печати — достаточно указать на книгу А. А. Игнатьева, известного Вам не по-книжному.

Но дело в том, что Ваша «семейная хроника» — *семейная* в смысле слишком прямом, в отличие от известных произведений этого жанра русской литературы, которые, так сказать, притворяясь «семейными», на самом деле имели более широкое общественное значение. Ваши воспоминания — это как бы изустные воспоминания в кругу близких Вам лично людей, встречающихся после долгой разлуки, или собеседования с милыми Вашему сердцу тенями прошлого — опять-таки тенями узкого, личного круга.

Я не ставлю Вам в упрек эту ограниченность объективного звучания Вашей вещи и тем более не думаю учить Вас, как следовало бы, мол, по-иному их строить. Вовсе нет. Но я говорю, что эта ограниченность ви́дения

и осмысления мира, в котором совершились величайшие перемены, сделавшие Ваш «малый мир» лишь отголоском истории, определяет и ограниченную литературную ценность Ваших записей.

Вместе с тем, говоря Вам эту невеселую правду, так же по правде, а не вежливости ради, хочу отметить, что записки Ваши составляют не только несомненную ценность «человеческого документа», свидетельства из первых уст, но и в смысле собственно литературном характеризуют Вас как человека с несомненными задатками повествовательного дара.

Словом, они — труд не напрасный и на что-нибудь да пригодятся,— не сейчас, так еще когда-нибудь,— войдя в тот обширный фонд мемуарной литературы, который даже в рукописном своем существовании является частью нашей культуры и сохраняет неотъемлемую ценность документов эпохи.

И, повторяю, я прочел их с большим интересом, благодарю Вас, Татьяна Александровна, за них, хотя многое и многое в них было для меня по-человечески чуждым или наивным.

Относительно Вашего переводного труда могу сказать лишь, что, насколько мне известно, предпринимать его без предварительных гарантий со стороны издательства было бы делом рискованным — в смысле практическом, материальном. Таким издательством является Издательство иностранной литературы,— оно, как большинство наших издательств, конечно, государственное, а Госиздата, простите меня, не существует уже около четверти века. В случае, если у Вас ничего другого не останется, передайте Ваш перевод мне,— я могу посоветоваться относительно его судьбы с кем-нибудь из сведущих людей.

Рукопись Ваша (две папки) будет находиться на хранении в редакции «Нового мира», в любое время Вы можете затребовать ее по почте или непосредственно, обратившись туда к Софии Ханановне Минц, моему секретарю.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ЛЮТОВУ В. И.

9 ноября 1960 г.

Дорогой тов. Лютов!

Мне очень жаль, но я могу только подтвердить мой прежний отзыв о Ваших стихах. Вы напрасно думаете, что я «не способен быть таким сухим и равнодушным к любым стихам, какими бы недостатками они ни изобиловали». К плохим стихам я не только могу быть равнодушным, но и просто нетерпимым, потому что, на мой взгляд, плохие стихи — это то же, что плохие, скверно сшитые сапоги, плохо выпеченный хлеб, тупой нож и т. п.— с той еще разницей, что шить сапоги, выпекать хлеб и т. д. можно научить любого, а писать хорошие стихи научить нельзя,— этому можно только научиться.

Вы негодуете на редакции, присылающие Вам отрицательные ответы и не дающие, мол, конкретного совета, как дальше работать над стихами и совершенствовать их. Но, дорогой тов. Лютов, в этом лишь сказывается наивность Ваших представлений об этом трудном деле. Не письма из редакций, не консультанты и даже не «знаменитые мастера» учат мастерству в поэзии, а великое множество книг, долгие годы труда — и то при наличии особых данных от природы.

Вы пишете сравнительно грамотные в литературно-техническом смысле стихи, имеете понятия о стихотворном ритме, рифме и т. п. Но таких стихов пишется страшно много, и авторы их, подобно Вам, недоумевают: в чем дело, почему не печатают (а их, к сожалению, иногда и печатают)?

Писать стихи — занятие не возбранное никому, но немедленно связывать с этим занятием надежды и претензии на печатание, на заработок, на известность — дело опасное, способное принести большие огорчения, разочарования и даже озлобление.

Вы просите меня «сделать обстоятельный разбор хотя бы одного первого стиха» (нужно было сказать «стихотворения», стих — это одна строчка). В стихотворении речь идет о возвращении с охоты.

С ружьем и *сумою*, от *дичи тяжелой*... Строчка эта написалась, как сама хотела, а не как Вы хотели бы ее написать. Посмотрите, какие неловкие, случайные, неподвластные Вам слова в ней. У охотника не бывает

«сумы», у него — ягдташ или что угодно еще, но не «сума» — «с сумой за плечами» ходят нищие или бродяги («По диким степям Забайкалья»). «От дичи тяжелой» — Вы хотите сказать, что сума от дичи тяжела, а читается, что дичь тяжелая...

Должен ли я строку за строкой разбирать все стихотворение? Нет. Если Вы поймете несостоятельность одной этой строки, то Вы уже многое поймете, а нет, так Вам ничто не поможет.

Возьмем сразу главную, центральную *строфу* стихотворения.

И радость мою не смущает ненастье,
И рад я охотничьей страдной поре.
Ведь это простое рабочее счастье
Немеркнущим светом взошло в Октябре.

Поверьте мне, если сами этого не способны почувствовать, что «рабочее счастье» и «Октябрь» приторочены здесь к настроению охотничьей радости очень неловко, фальшиво, и, таким образом, «содержание» получается жалкое, несостоявшееся.

Но все это мог бы Вам сказать любой интеллигентный, начитанный человек, даже не имеющий к литературе прямого отношения. Занозив палец, Вы рветесь непременно к «профессору», тогда как с этой бедой легко может справиться любая медсестра, а «профессор» к тому же далеко не всегда имеет возможность принять Вас по такому делу.

Отвечаю Вам так подробно только потому, что Вы усомнились в моей оценке Ваших стихов и нашли мое первое письмо «загадочным». Ничего загадочного, тов. Лютов. Литература — дело непростое.

Стихи в соответствии с Вашей просьбой возвращаю.

А. Твардовский

НАЗАРОВУ Б.

9 ноября 1960 г.

Дорогой тов. Назаров!

С огорчением вынужден подтвердить Вашу догадку относительно того, что статья «О природе современного театра» по своему характеру не совсем подходит для «Нового мира», хотя прочел ее с интересом, и, мне

кажется, она вполне толковая в своем плане. Дело в том, что она занята слишком *внутренними* вопросами театрального искусства, и, конечно, ей бы самое место в журнале «Театр». А для нашего читателя она не может быть заменой освещения *самих* явлений этого искусства. Надеюсь, что Вы не сочтете это отпиской, подобной той, что получили из «Театра». Мы будем рады ознакомиться с любой Вашей работой на более широкую театральную тему.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

К—КО В. Г.

13 ноября 1960 г.

Уважаемый Владимир Григорьевич!

Помочь Вам «утвердиться в сознании необходимости своего дела» не берусь, так как речь идет о поэзии, и в решении такого вопроса никакая помощь извне неправомерна и невозможна. Если Вы действительно считаете «стихи делом своей жизни», то кто же лучше Вас может знать, что это именно так. Слишком легко было бы жить в литературе, если бы можно было бы предварительно заручиться свидетельством о том, что дорога эта избрана правильно. Здесь гарантий не бывает, а если они кем-нибудь и даются, то горе тому, кто на них полагается, не решив вопроса о подлинности своего призвания на свой страх и риск. Вы не хотите «ходить в ранге областного поэта». Отлично, не ходите. К этому Вас никто не может принудить.

Наконец, Вы пишете: «Я просто хочу убедиться: нужны ли мои стихи людям... Вы (то есть я), как никто другой, можете помочь мне в этом». Нет, в этом помочь Вам могут только сами люди, очень много людей, т. е. читателей, и пытаться заменить их — это было бы слишком самонадеянно и просто нескромно с моей стороны.

Что касается Ваших стихов, то они не произвели на меня впечатления сколько-нибудь значительной новизны или самобытности, а вернее сказать, и это самое главное — впечатления необходимости их появления на свет божий, их подкрепленности чувством и мыслью, которые

неотложно нуждались бы в «самовыражении». Известный уровень литературной опытности — это еще очень мало для того, чтобы претендовать на «повышение ранга» в поэзии.

Вот все, к сожалению, что могу сказать Вам.

А. Твардовский

ГЕВОРКОВОЙ Э.

21 ноября 1960 г.

Эльмире Геворковой

Давно собираюсь откликнуться на Ваше хорошее, взволнованное и раздумчивое письмо, но я очень завален делами, рукописями и почтой, так что не обижайтесь и на краткость этого моего ответа.

То обстоятельство, что я, как Вы отметили, по возрасту гожусь Вам в отцы, позволяет мне говорить с Вами в несколько поучающем тоне, хотя, по правде, в таких делах или вопросах, как душевные смятения, поиски и мучения молодости, поучения мало чего стоят.

Одно я Вам хочу сказать: то, что Вы в свои 19 лет — душа думающая и «взыскующая града» — это очень хорошо, и, не дай бог, не спешите стать довольной, успокоенной, все понимающей и уравновешенной «средней» душой.

Я не скажу Вам, что завидую Вашей молодости и Вашим трудностям внешнего и внутреннего бытия,— это было бы лицемерием,— моя молодость была очень трудной, и я знаю, что иные трудности способны и молодость отравить во многом. Но я не желаю Вам легкой жизни, не говорю, что все переживаемое Вами — пустяки, все, мол, обойдется, а там пойдет все хорошо и гладко. Нет, дальше будет все труднее по-своему, как по-своему мне сейчас много труднее, чем в моей трудной молодости. Но человек затем и человек, чтобы находить в себе силы одолевать трудности и обретать в этом, может быть, главную радость жизни.

Ничего Вам не советую. Делайте все, что делаете: работайте, учитесь, читайте, размышляйте, пишите Ваш дневник и все прочее. И будьте веселой, не чурайтесь юмора — в нем столько спасительной силы. Не отчаивайтесь от неудач, от приступов уныния и неверия в свои

силы (без них не живут настоящие люди!), но приучайтесь от всего лечиться делом, каким бы то ни было, по делом, хотя бы чтением, хотя бы работой по дому, да ведь у Вас есть дело, которого оставлять нельзя: Ваша производственная и общественная работа, подготовка к экзаменам в университет и изучение языков.

Наставления мои приобретают характер тех общих фраз, которых Вы, может быть, менее всего ждали бы от меня, но прошу мне поверить, что я не «отписываюсь» от Вашего письма, а отношусь к Вам сердечно и серьезно и очень хочу, чтобы Вам было хорошо.

Будьте же здоровы и счастливы — счастливы тем, что юность Ваша по-серьезному ставит Вам свои трудные вопросы,— значит, считает Вас способной отвечать на них, как говорится, с достоинством и честью.

Еще несколько слов.

Вы пишете о своих планах или намерениях написать вдруг книгу о своем поколении, о себе, написать «просто», без выдумки и «прикрас», «как в жизни». Скажу Вам по секрету, что мы все в 19 лет были готовы написать такую книгу «просто», «как в жизни», и нам казалось, что для этого нам только недостает времени. И только с годами мы понимали, что от этих пленительных замыслов до их осуществления 100 тысяч верст труднейшего пути. Нужен жизненный опыт, знания, мастерство, нужно много чего, о чем Вам толковать еще рановато. Попробуйте написать не книгу, не роман или повесть, а всего лишь картинку, очерк окружающей Вас жизни, людей, обстановки, и Вы увидите, как это страшно трудно, как на бумаге получается вовсе не «просто» и не «как в жизни». Словом, с этим я бы не советовал Вам торопиться. Приналягте на более реальные задачи, которые стоят перед Вами, а там видно будет.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

АУЭЗОВУ М. О.

19 декабря 1960 г.

Дорогой Мухтар Омарханович!

Я внимательнейшим образом прочел рукопись перевода Вашей повести «Выстрел на перевале Караш-Ка-

раш» после того, как телеграммой уведомил Вас о невозможности ее рассмотрения с точки зрения № 1 «Нового мира». Причиной же, которая заставляет нас вообще воздержаться от опубликования повести на страницах журнала, является не одно то, что повесть посвящена давней дореволюционной действительности, хотя и это, скажу прямо, немаловажно, если учесть особые журнальные требования и естественный интерес русских читателей в первую очередь к современной теме в казахской литературе.

Но дело в том, что, как мне кажется, Вы, обратившись к своему раннему произведению спустя тридцать три года, хотя и переписали его, как Вы сообщаете в своей телеграмме, на семьдесят процентов, не смогли, однако, существенно изменить его сюжет и характер письма, или стиля, отдали, так сказать, дань тогдашнему уровню казахской прозы, которая за эти десятилетия в Вашем же лице шагнула несоизмеримо далеко.

Я вполне понимаю, что «Караш-Караш» может быть Вам особо дорог, и вполне допускаю, что он может и на русском языке быть издан, скажем, в составе Вашего Собрания сочинений или отдельной книжкой, но в журнале эта вещь выглядела бы несколько странно и даже, может быть, невыгодно для Вас, Мухтар Омарханович.

К этому не могу не добавить, что перевод, на мой взгляд, оставляет желать, как говорится, много лучшего. Я, конечно, не могу судить о его точности в отношении казахского оригинала, но русский язык я знаю порядочно и со всей ответственностью могу сказать, что русский-то переводчик знает его плохо. Он, например, может сказать «запорю», когда речь идет о ноже, а «запороть» по-русски означает засечь (плетьми или розгами). Он может написать «Лови ветер в поле» вместо «Ищи ветра в поле» (это идиоматическое выражение, означающее: не найти). Он усиленно русифицирует казахскую речь, употребляя всякие «пошто», «кажись», «сколь», «поделом» и т. п., что явно во вред национальному колориту вещи. Зачем переводить слово «аллах» и насыщать речь героев повести излишне русскими: «боже мой», «бог все видит», «богу угодно» и т. п. Также очень не к месту вульгарные, полублатные словечки вроде «бражка» (в смысле шайка, банда), «волынить» (в смысле тянуть, затягивать). Примеров слишком много, я старался такие случаи словесного неряшества или

невзыскательности переводчика отмечать в тексте (красный карандаш), но, конечно, всего не отметил. Словом, где бы эта вещь ни печаталась, мой Вам добрый совет, Мухтар Омарханович, дайте перевод на доработку квалифицированному, хорошо знающему русский язык литератору.

Я знаю, что письмо мое Вам будет малоприятно, но степень моего искреннейшего уважения к Вам обязывает меня говорить о деле без обиняков и околичностей.

Я надеюсь и даже верю, что наши добрые отношения остаются прежними. И, со своей стороны, еще раз подчеркиваю, что «Новый мир» будет и впредь рад видеть Ваши произведения на своих страницах в любом жанре и роде.

С глубоким уважением *А. Твардовский*

СЕМЕНИХИНУ В. П.

19 декабря 1960 г.

Глубокоуважаемый Валерий Петрович!

Прошу простить меня великодушно, что я так долго оставлял без ответа такой серьезный и ценный отклик на мою речь на учительском съезде, каким является Ваша статья.

Дело в том, что я был в затруднении относительно того, как мне с нею поступить, будучи редактором журнала, для которого она Вами предназначалась. Первое, внешнее, но все же существенное неудобство опубликования Вашей статьи на страницах «Нового мира», как Вы понимаете, состоит в том, что статья в значительной своей части защищает мои позиции в той полемике, которая наметилась в выступлении журнала «Литература в школе». Но этим, в конце концов, можно было бы пренебречь, если бы в обоих главных положениях статья была безупречна с объективной точки зрения.

Здесь приходится сказать, что работа Ваша, как отметил не только я, но и мои соредакторы, при всей большой ценности ее как выступления педагога-практика, к тому же, что называется, владеющего пером,— при всем этом отдает известную дань и «пережиточной», «методической» догматике, наивным рецептам упрощенного, якобы и облегченного преподавания литературы.

Словом, статью в ее данном виде опубликовать не представляется возможным. Если Вы не возражаете, она может быть частично, «выборочно» использована нами в отделе «Трибуна читателя» в ряду других откликов на мою речь. Скорее всего отклики эти от редакции или от моего собственного имени будут сопровождены некоторыми вступительными строками.

Передавать же Вашу статью другому журналу, как Вы, надеюсь, понимаете, мне попросту неудобно.

Откликнитесь, пожалуйста, согласием или несогласием Вашим на возможность такого использования в журнале Вашей работы.

С уважением *А. Твардовский*

КОВАЛЕНКО Б. И.

19 декабря 1960 г.

Глубокоуважаемый Борис Игнатьевич!

Мне было очень приятно получить от Вас письмо не только потому, что оно явилось одним из откликов на мою речь перед Всероссийским съездом учителей, но главным образом потому, что я хорошо помню Вас и очень признателен за доброе Ваше участие в моей судьбе в давние годы ранней юности.

И мне прежде всего хотелось бы принести Вам свои извинения по поводу искаженного в тексте моей речи Вашего отчества. Как это случилось, сам не знаю. Может быть, я оговорился (речь не была написанной) и не исправил в стенограмме своей ошибки. Во всяком случае, дорогой Борис Игнатьевич, ошибка эта мною теперь исправлена и в тексте речи, помещенной в 4-м томе моих Сочинений. Вы, конечно, остаетесь Игнатьевичем, а не Ивановичем.

Из печати и от некоторых своих белохолмских сверстников (например, братьев Сиводедовых, с которыми я изредка переписываюсь) я давно уже знал о Вашей большой научно-педагогической работе, о Ваших успехах и был очень рад за Вас, человека, с достоинством и честью носящего это высокое звание.

Желаю Вам, дорогой Борис Игнатьевич, доброго здоровья и сил для новых замыслов и трудов.

Вашей семье также — мои лучшие пожелания.

Ваш *А. Твардовский*

ОРЛОВУ В. Н.

13 января 1961 г.

Дорогой Владимир Николаевич!

Для меня, конечно, нет вопроса: нужно ли издавать Осипа Мандельштама, безусловно нужно (и не только, может быть, в «Библиотеке»). При всем том, что поэзия его — образец крайней «камерности», что вся она, так сказать, из отсветов и отзвуков более искусства, чем жизни (вернее, жизни, преломленной через разнообразные «стекла» искусства, книжных впечатлений индивидуальности, всецело принадлежащей миру «чужих снов»), она остается и образцом высокой культуры русского стиха XX века, благородной отточенности формы, и несет в себе неотъемлемое индивидуальное содержание, пусть обуженное, пусть не столь богатое. Словом, она была и есть, ее обходить нельзя, и более того: то, что такие поэты, как О. Мандельштам, М. Цветаева, Н. Гумилев и Б. Пастернак, у нас долго не издаются, вовсе не полезно, в частности для молодой поэзии, которая порой слышит звон, да не знает толком, где он и каков на самом деле. Об этом я говорил в одной своей официальной записке.

Все это для меня совершенно ясно, когда я имею в виду О. Мандельштама, которого знал по книге его, выходившей где-то в конце двадцатых годов. Для меня, например, эта книжка хоть и не была каким-то «откровением», как явления русской или западной поэзии иных масштабов, но должен сказать, что и она — часть той поэтической школы, которую я проходил в юности, и я отмечаю это с самой искренней признательностью.

Я совсем не знал до рукописи, присланной мне из «Библиотеки», Мандельштама неопубликованного, того, который представлен во второй части этой рукописи.

И должен признаться, что эта часть стихотворений Мандельштама производит на меня впечатление гораздо меньшей значительности, несмотря на то что в них как будто явственней и «признаки века», и отголоски личной печальной судьбы поэта. Странное дело, но Мандельштам этой поры гораздо темнее и замысловатее прежнего. Попросту — я бы не взялся истолковать недоумевающему читателю многие из этих стихотворений, а редактор, вообще говоря, должен быть хотя бы про себя

в готовности к такому элементарному истолкованию: что про что?

Назову наудачу такие стихи, как «На мертвых ресницах Исакий замерз»; «С миром державным...»; «Я не хочу средь юношей тепличных...» (первая строфа ясна, дальше — мрак); «Еще далеко мне до патриарха...»; «Возможна ли женщине мертвой хвала?..» (может быть, указать — о ком речь?); «Голубые глаза и горячая лобная кость...» (Андрей Белый?); «От сырой простыни...» (что такое: «захлебнулась винтовка Чапаева»?); «Где связанный и пригвожденный стон?..»; «Я скажу это начерно, шепотом...» (2-я строфа — не понять); «На меня нацелилась груша да черемуха...» (знакомая есенинская интонация, а что про что — бог весть); «Я смотрел, отдаляясь, на вьюжный восток» (нужно знать биографический момент, а то опять же не добраться ни до какого смысла); «Куда мне деться в этом январе?..»; «Еще не умер ты...»; «Эта область в темноводье...» (вроде бы и понятно, да — нет) и т. п.

Боже упаси, я не говорю, что эти стихи нужно снять, я даже испытываю некоторую неловкость, что приходится сознаваться в своей непонятливости, но я таки не понимаю подобных стихов. Это все уж настолько субъективно и «личностно», что, кажется, порой написано без малейшей озабоченности тем, будет ли что доступно пониманию какой-либо другой душе, кроме авторской. Я далек от того, чтобы усматривать в этих стихах некую «тайнопись» неблаговидного политического толка (хотя, конечно, иные читатели будут стремиться разгадать здесь нечто написанное «между строк»), но просто, повторяю, как редактор я бы лично затруднился такие стихи представить читателю, не будучи в готовности объяснить их объективный смысл.

Сложны и темноваты и многие другие стихи этой неопубликованной части наследия Мандельштама, но я взялся бы объяснить, изложить поэтическое содержание таких, например, стихотворений, как «Рим»; «За Паганини длиннопалым...»; «Вооруженный зреньем узких ос...»; «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...»; «Батюшков»; «Мастерица виноватых взоров...» и т. п.

Может быть, особая осложненность и внутренняя притемненность при внешней будто бы отчетливости стихов этого периода объясняется отчасти особым, болезненным состоянием психики автора, о чем говорят люди,

знавшие его в последние годы его жизни. Это тоже нужно иметь в виду. Во всяком случае, мне кажется, что для непосредственного редактора—составителя книги будут не лишними и эти мои «недоуменные» замечания. А в целом, повторяю, никаких сомнений, что книгу нужно издавать.

А. Твардовский

ГОПНЕР С. И.

13 января 1961 г.

Уважаемая Серафима Ильинична!

Редакция «Нового мира» очень признательна Вам за представленную Вами возможность ознакомиться с рукописью воспоминаний покойной Е. Д. Ворошиловой. Несомненно, что рукопись эта, даже и в таком, к сожалению, незавершенном виде, представляет ценность, как «Странички жизни» человека, прошедшего долгую жизнь рука об руку с одним из выдающихся деятелей нашей партии и государства Климентом Ефремовичем Ворошиловым. Не исключено, что эти воспоминания в целом или в какой-то своей части могли бы найти место и на страницах нашего журнала. Однако редакция не может с определенностью сказать сейчас о времени осуществления такой возможности.

Дело в том, что и мемуарные материалы такого историко-революционного порядка по положению должны быть, как говорится, «визированы» в соответствующих научных инстанциях. Но, кроме того, и это, пожалуй, самое важное, редакция не смогла бы опубликовать эти воспоминания без разрешения К. Е. Ворошилова, строгая скромность которого не позволяет нам думать, что такое разрешение мы легко получили бы. Во всяком случае, все это требует времени, и вопрос об опубликовании «Страничек» остается покамест открытым, и об окончательном его решении в том или ином смысле Вы будете уведомлены.

Мы оставляем рукопись за редакцией, если, конечно, Вы не имеете возражений. Во всякое время она может быть Вами затребована и будет доставлена Вам в полной сохранности.

От себя лично прошу принять мою большую благодарность за Ваш чрезвычайно лестный для меня отзыв о моей литературной работе.

С глубоким уважением и пожеланиями Вам доброго здоровья *А. Твардовский*

ДОЛБИЛОВОЙ Н. К.

25 января 1961 г.

Уважаемая Нина Кузьминична!

Ваше письмо, пришедшее вместе с письмом Ваших учеников, членов литературного кружка школы рабочей молодежи, затрагивает такую обширную и серьезную тему, что, конечно, я не берусь ответить на все поставленные Вами вопросы. Могу сказать только одно, что как бы ни были велики трудности и всяческие неустройства в деле воспитания и обучения Ваших ребят, как бы ни были остры их вопросы к Вам по поводу неустройств и недостатков в постановке обучения, Вы, конечно, правильно поступаете, не уклоняясь от этих вопросов, не замазывая их и не считая их «запретными», а пытаясь в меру сил давать на них ответы. Иной путь — путь умолчаний или казенно-равнодушных объяснений не может повести к добру, то есть к доверию учеников к учителю, к укреплению авторитета преподавателя и руководителя, а без этого немыслима настоящая работа.

Я понимаю, что очень мало облегчаю этими моими словами Ваши каждодневные трудности, но Вы не должны себе представлять дело таким образом, что эти трудности — явление, присущее только Вашей школе № 17. Отсюда ясно, что, только слишком переоценивая мои возможности, можно думать, что я в силах устранить все эти непорядки.

Вы правильно делаете, что по специально молодежным вопросам обращаетесь к «Комсомольской правде». Я же, разумеется, без Вашего разрешения не сделал бы Ваше письмо достоянием печати, а в данном случае и не имел этого в виду

Вот примерно все то по необходимости немногое, что могу сказать в связи с Вашим письмом.

Желаю Вам и Вашим подопечным всего самого доброго.

С уважением *А. Твардовский*

РАДЕВСКИ ХРИСТО

3 февраля 1961 г.

Дорогой Христо!

Очень рад, что Вы намерены издать мои избранные стихи на болгарском языке. Спасибо!

Направляю Вам рукопись сборника, составленного по Собранию сочинений. Конечно, этот подбор стихов — только мое пожелание, на которое Вы представили мне возможность. И Вы как составитель и редактор вольны сделать необходимые, по Вашему мнению, замены, изъятия или дополнения.

Писать автобиографию специально для этого издания, простите, я не могу — возьмите мою «каноническую», а если она велика, то сделайте, пожалуйста, по ней небольшую биографическую справку.

Еще раз благодарю за память и внимание.

Посылаю Вам одновременно мою книгу «За далью — даль».

А. Твардовский

КУЧИНСКОМУ Е. Ю.

26 февраля 1961 г.

Дорогой товарищ Кучинский!

Из присланных мне С. Я. Маршаком Ваших стихотворений я отобрал для «Нового мира» следующие: «О моряках» (Г. Волкову), «О море» («У моря есть одно людское свойство...»), «Северная бухта», «Учан-Су», «Марине» и, может быть, «Поделиться мне с мамой тайной».

Что мне хотелось бы Вам сказать о стихах в целом? Они очень располагают к себе и обещают развиваться в добром направлении. Думаю, что в отношении содержания Вам не следует застревать надолго в «юношеской романтике» (я молодой, влюбленный, хороший, немножко взбалмошный, но посмотрите, какой в общем милый!). Смелее продвигаться в сторону, так сказать, объективной темы. В отношении формы Вас уже коснулось поветрие моды — рифмовка слишком уж отдаленная по созвучию слов, когда рифмы, как пуговицы на одной нитке, еле

держатся. Этим увлекаться не следует, это новаторство (Евтушенко и др.) поверхностное, дешевое и недолговечное.

Проблески юмора — драгоценное обещание в Ваших стихах, но юмор не должен идти на пустяки, только на одни забавные четверостишия и «миниатюры». Юмор особенно хорош в соседстве с большим и серьезным содержанием. Впрочем, юмор — тоже содержание или, как говорится, подлинный юмор — дело серьезное, искусство высокое.

Если имеете что-либо дослать к циклу, пусть это будет и не «морские» и не «юношеские» стихи — присылайте.

Будьте здоровы.

А. Твардовский

ГАРКУШЕ А. Т.

12 апреля 1961 г.

Уважаемый Александр Тимофеевич!

Ваша оговорка в сопроводительном к поэме письме: «Это — не Шаляпин» — только подчеркнула несомненность темы именно Шаляпина. Тема не запретная, но, вообще говоря, когда пишутся стихи или даже повести, романы о великих людях искусства, то они (произведения) выглядят весьма бледно в сравнении с теми могучими образами, которые порождены в нашем представлении этими людьми искусства.

Мне кажется, что это напрасный труд,— я имею в виду не только Вашу поэму, но вообще такие вещи, так называемого «биографического жанра». Жизнь, живая и грубая, не выявленная в искусстве — вот истинно благодарный материал искусства, а не «отражения с отражения». Само искусство не может порождать явлений искусства.

Написана вещь в основном грамотным, «профессиональным» стихом, но не более того.

Желаю Вам успехов в разработке материала, который жизненно ближе Вам, чем эмигрантский Париж.

Рукопись возвращаю.

А. Твардовский

САХНО Ф. И.

12 апреля 1961 г.

Уважаемый Феодосий Иванович!

Я охотно посылаю для «Шевченковской комнаты» Недригайловского района мои книги с дарственными надписями (Собрание сочинений в 4-х томах) и отдельное издание «Гайдамаков» в моем переводе, но что касается поддержания будто бы возникшего в Вашем районе «коммунистического метода пользования книгами», то здесь я нахожусь в некотором смущении. Дело в том, что в своей речи на XXI съезде КПСС я недвусмысленно высказался по вопросу о личных библиотеках, как таком виде «частной собственности», который не противопоказан коммунистическому быту (см. эту речь в 4-м томе Собрания сочинений). Мне лично кажется, что затея, сущность которой изложена в Вашей заметке «Слово о книгах», нежизненная, надуманная и носит отчасти характер газетной шумихи. Иное дело — оказать помощь существующим у нас библиотекам, привлечь к пополнению их фондов «резервы» личных библиотек и т. п. Словом, я не считаю целесообразным это предложение «поддерживать через Союз писателей», как Вы предлагаете, или иными путями. Повторяю: это мое личное мнение.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

АБРАМОВУ А. М.

17 апреля 1961 г.

Уважаемый Анатолий Михайлович!

Простите, что отвечаю с такой задержкой во времени — тому причиной было мое длительное отсутствие (был в санатории), затем переезд на новую квартиру, перепахавший все мое бумажное хозяйство, а также каждодневная суета быстротекущей жизни.

Я вполне разделяю Ваш взгляд на читательские суждения о литературе как на существенную часть того, что в целом мы называем «критикой». Правда, и здесь не все чисто и не все ясно: бывают письма поразительные

по глубине и верности оценки литературных явлений, бывают казеннообразные, стандартные «отклики», к каким приучают людей газеты, «организуя» от времени до времени подобный материал, бывают просто глупые и т. д., но в целом этот поток нельзя не принимать во внимание.

Писем я получаю со времени появления в печати «Теркина» очень много. Более того, «Теркин» вызвал еще и большую массу стихотворных посланий, подражаний, «продолжений» и т. п. Одно время я стал было подбирать этот «фольклор», но потом как-то запустил. «Дали» вызвали подобный же поток писем и стихов. Корреспонденция эта очень разная, хотя главная, решительно преобладающая количественно масса ее — похвалы и приветствия. Но есть всякое, вплоть до анонимок оскорбительного и хулиганского характера. Главный приток писем по «Далям» относится ко времени моего опубликования заключительных глав, поэтому они у меня в приличной сохранности и доступности.

Конечно, я не против того, чтобы открыть Вам доступ к этим письмам, и даже думаю, что они будут для Вас небезынтересны. Но есть один деликатный момент — это возможность использования Вами их в печати. Я не могу [...] публиковать их по своему или чьему-нибудь выбору. Это, мне кажется, более удобно делать *после*, если кому понадобится. Но об этом мы поговорим на словах. И, наконец, самое главное: не приезжайте ради этого специально, это может меня поставить в неловкое положение, а Вас ввести в протори времени и капитала. Будет оказия приехать — звоните, заходите, но не специально.

Дайте что-нибудь и для «Нового мира».

Ваш *А. Твардовский*

МЕТОДИЕВУ ДИМИТРУ

17 апреля 1961 г.

Дорогой товарищ Методиев!

Я очень жалею, что в Ваш приезд в Москву я находился в санатории и мы не увиделись с Вами. Давно собирался Вам написать, но отвлекали всякие обстоятельства. Я не жалею о том, что уже поздно писать какое-

либо предисловие к болгарскому изданию «Далей», так как я считал и считаю, что предисловие это не нужно: книга так много и часто разъясняет сама себя в авторских отступлениях, обращениях и т. п., что совершенно, по-моему, исключает необходимость сопровождать ее еще дополнительными разъяснениями. В таком же смысле я отклонил и предложение чехов написать предисловие к их переводу.

Я очень тронут Вашим предложением приехать на отдых в Болгарию. Это было бы действительно чудесно — и отдохнуть, и посмотреть страну спустя столько лет после первого знакомства с нею. Но я в большом затруднении относительно сроков. Дело в том, что жена моя по состоянию здоровья в слишком жаркое время не смогла бы находиться на юге. Сообщите, пожалуйста, Ваши соображения насчет времени, которое было бы наиболее удобным и для Вас.

Благодарю Вас сердечно за Ваш труд по переводу «Далей» на болгарский язык, за Ваше внимание и добрые предложения.

Будьте здоровы!

Ваш *А. Твардовский*

ВЛАДЫКИНУ И. И.

27 мая 1961 г.

Уважаемый Иван Иванович!

Мне кажется, из переписки с Н. Д. Телешовым у меня ничего существенного нет. Помню, Н. Д. сообщил мне (в копии) письмецо И. А. Бунина о «Теркине», сопроводив его несколькими своими словами благожелательного порядка об этой книге. Я его, конечно, поблагодарил за это сообщение, и мы с тех пор стали знакомы, кажется, поздравляли друг друга по случаю годовых праздников. Однажды в день рождения Н. Д. мы ездили вместе с К. В. Воронковым поздравить его (была там маленькая неловкость, что мы «округлили» его возраст, кажется, до 85, тогда как ему было 83 или в этом роде, но все обошлось хорошо — отпраздновали).

Вот, кажется, и все. Бумаги же мои со времени недавнего переезда на новую квартиру находятся в таком труднодоступном виде, что, право, не решаюсь Вам обе-

щать найти в них что-либо. Впрочем, я думаю, что это и не так важно.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

РАЗГОНУ А. М.

Москва, 29 мая 1961 г.

Дорогой Аркадий Михайлович!

Прочел Ваше хорошее, задумчивое и отчасти грустное письмо. Пожалуй, оно и не могло не быть несколько грустным,— память фронтовых лет отпечатлелась в Вашей душе, как, впрочем, и у всех, кто обладает этим странным и довольно обременительным аппаратом — душой,— отпечатлелась особым, непреходящим образом. Сколько я знал людей из нашей литературной или журналистской братии, для которых война была страшна только тем, что там можно вдруг быть убитым или тяжело раненным. А потом — как с гуся вода. Для них война прошла тотчас по ее окончании. Они ее «отражали», когда это требовалось по службе, а потом стали «отражать» послевоенную жизнь, как ее полагалось отражать по уставу мирных лет. Но — бог с ними, представителями этого животного племени,— это я отвлекся, тронутый Вашим письмом.

Мне очень дорого, что Вы — мой, так сказать, однокашник по фронту, прошедший тем же путем, только с неизмеримо большей «выкладкой» (это я говорю совершенно искренне, ибо терпеть не могу, когда литераторы и журналисты, прошедшие войну в этом качестве, говорят «я воевал» и т. п.). Мне очень приятно, что при чтении книги «Родина и чужбина» у Вас не явилось противительного чувства: не то, не так, не о том. Конечно, «Родина и чужбина» — это не более как «страницы записной книжки» вперемежку с некоторыми статейками и очеркишками, которые я печатал в своей фронтовой газете. Спрос с нее не может быть особо строгим, но все же спрос искренности и правдивости — один для всего, что выходит из печати. Я рад, что Вы, человек, имевший наибольшее право предъявить моей книге такой спрос, нашли, по-видимому, что книга выдерживает такую проверку.

Что касается грюнвальдского эпизода, то я совершенно согласен с Вами, что он у меня описан весьма приблизительно. В Грюнвальде я был спустя два-три дня после трагедии, никого из переживших ее я не видел, а мне нужно было «отозваться» на это событие по условиям фронтовой газеты, хотя бы в самой общей «пропагандистской» форме. В таком виде, как она была в газете, эта статейка и помещена в книге, чтобы не миновать этого эпизода по соображениям несовершенства формы изложения.

Может быть, Вы захотели бы мне помочь восполнить недостаток достоверности и фактичности этих страниц книги, развив несколько то место Вашего письма, где Вы говорите, что «трагедия в Грюнвальде происходила несколько не так, как это описано у Вас». Я бы мог просто подключить к своему тексту при новом издании это Ваше свидетельство, за Вашим именем, примерно так, как это сделано мною во втором издании в отношении комбата Красникова и «албанского мальчика». Был бы Вам очень признателен, но не понуждайте себя, если не захочется.

«За далью — даль» Вы, конечно, получите, как только выйдет (скоро) новое хорошее, иллюстрированное (Верейский!) и наново выверенное и отчасти исправленное издание в «Советском писателе». Покамест же посылаю Вам «Родину и чужбину», хоть она у Вас и есть. Откликнитесь письменно или по телефону. (К-4-39-88 — это служебный, секретарь знает, где я и как меня найти.) Был бы рад с Вами встретиться.

Ваш *А. Твардовский*

P. S. Экземпляр Вашей газеты возвращаю — для Вас это, конечно, бесценный листок, и пусть он хранится у Вас, тем более что он, наверно, из комплекта.

ЛУНАЧАРСКОЙ Н. А.

2 июня 1961 г.

Дорогая Наталия Александровна!

С интересом прочел Вашу рукопись. Должен сказать, что из ряда иных современных мемуаристов Вы очень выгодно выделяетесь тем, что, как говорится, владеете

пером, культурой непринужденной и четкой русской литературной речи.

Правда, наши возможности опубликования такого рода материалов ограничены весьма скромным разделом «Дневники, воспоминания», и мы можем напечатать только одну главу «Луначарский-читатель» (может быть, назвать бы по-другому?).

Глава, посвященная главным образом Сандро Моисси, скорее всего нашла бы место на страницах журнала «Театр».

Глава о Маяковском, составляя необходимую часть книги в целом на наш взгляд, для журнальной публикации несколько неудобна: многое в ней является уже известным, а то, что принадлежит собственно Вам, пожалуй, слишком субъективно (в духе «культа Маяковского»).

Мы обратились к Игорю Александровичу с просьбой подготовить главу к печати.

Желаю Вам доброго здоровья.

А. Твардовский

ФОНСКОЙ С. И.

29 июня 1961 г.

Дорогая Серафима Ивановна!

Мне передал И. А. Сац странички Ваших воспоминаний об А. И. Куприне. С литературной стороны, должен сказать, они почти безупречны, т. е. после малой стилистической правки могли бы быть отправлены в набор. Но беда в том, что (конечно, от Вас это уже никак не зависело) Вы освещаете такой период жизни писателя, когда, скажем прямо — старость не радость! — налицо было угасание интеллекта, детский лепет, старческая слезливость и т. п.

Мы (редакция) решили, что опубликование этих Ваших страниц не было бы прибытком памяти этого писателя, хотя известная историко-литературная ценность их, этих страниц, нами не отрицается, и они должны быть сохранены для истории. Рукопись могу возвратить, могу направить в Государственный литературный музей, как Вы пожелаете.

Видит бог, Серафима Ивановна, перед Вами не лукавлю, говорю то, что думаю.

С неизменным уважением и симпатией

Ваш *А. Твардовский*

Ч—ОВУ А. П.

4 июля 1961 г.

Дорогой тов. Ч — ов!

Вы напрасно обращаете ко мне упрек насчет романов, «в которых все гладко»,— я их не писал.

Относительно трудностей с устройством на работу после несчастья, пережитого Вами, могу лишь сказать, что они в московских условиях вполне понятны: людей Вашей специальности, по-видимому, достаточно — иначе никто бы не считал основанием для отказа Вам в приеме на работу судимость в прошлом, да еще снятую.

Выводы Вы должны сделать сами.

Во всяком случае, Вы переоцениваете мои возможности, предполагая, что я в силах предписать, что ли, «чтобы было так, как написано в романах», а не так, «как есть в действительности».

Кстати сказать, в романах молодые люди чаще всего уезжают на периферию — на целину, в Сибирь, на Дальний Восток и там обретают простор для применения своих сил и способностей.

Почему бы, например, Вам, молодому, не обремененному семьей человеку, не поехать на периферию, где Ваша специальность, конечно, нужней, чем в столице.

Желаю Вам всяческих успехов.

А. Твардовский

А—НУ Б.

20 июля 1961 г.

Дорогой товарищ А — н!

Мне очень неприятно говорить Вам то, что я вынужден сказать по поводу рукописи Вашего «романа в стихах», но поскольку Вы в сопроводительном письме просите именно меня высказаться о нем и связываете с этим

высказыванием «все свои надежды», я не счел себя вправе просто передать эту рукопись кому-нибудь из работников редакции. Между прочим и потому, что Вы наверняка не поверите другим товарищам, станете жаловаться на них, как это обычно делается, сетовать на «бюрократизм», «зажим талантов» и т. п. Впрочем, может быть, Вы и мне не поверите, но так или иначе я обязан сказать Вам все по-прямому.

Первая книга романа в стихах «Вспаханная залежь», представленная 441-й строфой (онегинской, т. е. 14-строчной) — это, как Вы сообщаете, лишь одна шестая задуманной Вами «эпопеи». Уже один объем вещи — устрашающий. Известно, что в литературе чаще всего такие широчайшие «полотна» являются следствием неумения справиться с малой задачей, неумения написать небольшое стихотворение или рассказ, очерк, простую корреспонденцию. Именно тому, кто не умеет возвести простого деревенского сруба избы, представляется легким и возможным построить многоэтажный дворец со всеми сложнейшими архитектурными задачами.

Ваш случай для меня совсем не новость: десятки и сотни таких «эпопей», написанных в детской самонадеянности создать нечто равное «Евгению Онегину» или «Войне и миру», пришлось мне на моем литературном веку рассматривать и возвращать (или не возвращать) их авторам.

В своем письме Вы настоятельно и подробно опровергаете возможные сравнения Вашей строфы с онегинской, и напрасно делаете это. Никому в голову не придет сравнивать «Вашу» беспомощно-подражательную строфу с пушкинской. Да, «Ваша» строфа в точности воспроизводит «конструкцию» строфы онегинской (в смысле чередования строк с женскими-мужскими окончаниями):

А	Б
Б	Б
А	А
Б	Б
А	Б
А	А
	Б
	Б

Но это доступно любому школьнику, «проходившему» «Онегина» по программе. А по существу стиха Вы эту «конструкцию» заполняете беспомощными строчками, лишенными отчетливой смысловой связи, которые

выглядят как пародия, что, конечно, не входило в Вашу задачу.

Любви восторженные думы
Не перестали волновать
Ум зрелый, но давно угрюмый
И неспособный забавлять
Надеждой легкой и стыдливой
Мечтанье девушки красивой
О том, что нет теперь в крови
Животворящего любви
Невыносимого страданья,
Причуд веселых и простых,
Довольно нежных и живых;
Что нет теперь уж упованья
Приметам (?) девственной души
В сей упоительной глуши.

Не вижу необходимости построчно разбирать и «анализировать» эту «Вашу» начальную строфу,— поверьте мне на слово, что это безнадежно плохо, смешно до жалости. А не хотите — не верьте. Я потратил некоторое время на ознакомление с Вашей рукописью, чтобы Вы не потратили годы на эту пустую затею, желая Вам добра. Но вольному — воля.

Рукопись возвращаю.

А. Твардовский

ФОМЕНКО В. Д.

Барвиха, 8 августа 1961 г.

Дорогой мой, добрый и умный и, вообще, чудный
Владимир Дмитриевич!

Отозваться на Ваше грустноватое письмо обязывала меня, конечно, не Ваша странная заключительная фраза, что отвечать, мол, не нужно, а самый характер и тон письма прежде всего. Мне все, все понятно: это думы и настроения человека, измученного, измочаленного многолетней, сложной и кровно обязательной работой, который переживает самый страшный период, когда работа, по крайней мере в ее определенной и значительной части, окончена, опубликована и когда кажется, что потери и недосмотры зияющие, ужасные и что все далеко не так, как это виделось, представлялось заранее, издалека. И еще не хлынул поток отзывов и откликов печати и читателей, который пусть себе причиняет новые раны раздражения и огорчений и т. п., но старые заволакивает

неким целящим илом. Так что я знаю очень хорошо, что по прошествии короткого времени Вы будете чувствовать себя по-иному и носить это авторство в другом настроении. Имейте в виду, что большинство лучших читателей еще не начали читать вещь Вашу, ожидая окончания — есть также люди, что ни за что не начнут читать, если видят, что «продолжение (или окончание) следует». Однако в литературной Москве многие уже прочли, кто один, кто два, кто уже и все три части, и отзывы повсюду я слышу, должен сказать, те самые, что я и ожидал, старый волк литературной биржи: значительно, неожиданно, по-настоящему глубоко и серьезно, жаль, что еще не конец, и т. п., и т. д.

Сейчас здесь в Барвихе читает Маршак, читатель, может быть, самый взыскательный и умный из наших современников-литераторов. Читает медленно, влипчиво, и явно заинтересовался, а он, как я хорошо знаю, редко что читает из современных поделок до конца. Это я Вам сообщаю не для подогрева, а по чистой правде. Не сетуйте и на меня, что я не сосредоточился вновь при встрече с Вами на Вашей вещи,— это не уйдет, но я — редактор, я свое сказал Вам уже, когда вещь была принята, и еще не успел нарадоваться, что такая вещь в году пришлась, а кроме того, мне уже самому интересно, что другие скажут, ибо такие вещи, как Ваша, — большая редкость в редакторской жизни и их обычно принимаешь как бы за свои собственные, т. е. словно сам написал, а о своих вещах, о себе иной раз следует и воздержаться говорить.

А еще самое главное — поезжайте отдыхать — хоть к черту в пекло. Я здесь с М. И., Оля в Коктебеле с подружкой (выдержала экзамены, принята), в первый раз в жизни поехала без папы-мамы далеко от дома. М. И. кланяется Вам, она только что приступила к чтению Вашего романа.

Обнимаю.

Ваш *А. Т.*

МУШТА Г.

Санаторий «Барвиха», 10 августа 1961 г.

Простите, не помню Вашего отчества, а Вы в своем письме его мне не напомнили,— поэтому вынужден обойтись без обращения.

Вам не удалось встретиться со мной (я последнее время почти не бывал в редакции), но это не беда, хотя, конечно, я рад был бы видеть Вас и беседовать с Вами. Не беда — в смысле Вашей задачи встретиться со мной, чтобы получить мое одобрение Вашему труду, посвященному моей работе в литературе. Я давно уже сознательно и непреклонно принял за правило, что я менее всего судья в этом вопросе, и наотрез отказываюсь выносить свои мнения или оценки в такого рода случаях. Я даже привычно употребляю в таких случаях несколько форсистую по форме, но совершенно правильную по сути дела фразу: вообразите, что я уже давно умер,— как бы Вы тогда поступили с работой обо мне? Но дело даже не в этом, а в том, что суждения автора о своих писаниях — вещь весьма условная и малонадежная. Единственно верным источником и предметом для рассмотрения и выводов о творчестве любого писателя является лучшее из написанного им и приобретшего уже, так сказать, объективное существование. Здесь автор более всего является самим собой в самом существенном смысле, а то, что он может добавить к этому «на словах», недорого стоит,— верьте мне — это так! К этому еще можно добавить, что участие автора в судьбе того, что о нем пишут,— дело, на мой взгляд, вообще не очень удобное в смысле этическом.

Желаю Вам всяческого добра и успехов. Если будете писать, напомните, пожалуйста, Ваше отчество.

Ваш *А. Твардовский*

СТРАШУНСКОЙ А. А.

Санаторий «Барвиха», 10 августа 1961 г.

Я очень хорошо помню Вас, редактора первого моего «Собрания сочинений в одном томе», но вот отчество Ваше не могу вспомнить (старею!), а Вы его не указали ни в письме, ни в тексте обратного адреса, в связи с чем я и вынужден был обойтись без обращения.

Должен Вам прямо сказать, что редакция журнала в значительно меньшей степени, чем издательство, предоставляет возможность просто заработать, хотя бы и человеку, как Вы, — высокой литературной квалификации. Здесь еще требуется особая набитость руки, особая па-

мятливость относительно порой мелких фактов газетно-журнальной литературной жизни, большая, чем где-нибудь, напряженность политического внимания и, уж по крайней мере, хорошее знание всего, что печаталось на страницах этого журнала не только за месяцы, но за годы. Еще важна «специализация», например, по части историко-литературной, критико-литературоведческой, какой-нибудь из национальных литератур и т. п. Без этого трудно мне представить, что бы такое вдруг могли Вам заказать у нас.

Однако попытка — не пытка. Попробуйте зайти с этим письмом к моему заместителю Алексею Ивановичу Кондратовичу (когда будете в Москве), заготовив что-нибудь вроде «встречного плана», предложения своих услуг по какой-то определенной линии (редактирования, рецензирования). Я позвоню т. Кондратовичу о Вас и Вашем намерении. Меня в редакции не будет еще долго (до ноября), но, может быть, и до моего появления там у Вас что-нибудь получится.

Желаю Вам всяческого добра.

С неизменным уважением и доброй памятью

А. Твардовский

МАРГУЛИСУ Е. С.

Санаторий «Барвиха», 14 августа 1961 г.

Уважаемый Ефим Самойлович!

Вряд ли Вы могли бы найти человека, менее меня сочувствующего идеям и практике «эпопеизации» былин. Я давний и убежденный противник таких затей, и, следовательно, обращаясь ко мне со своей просьбой об оказании Вам помощи в продвижении Вашей «Ста́рины про Владимира Красно Солнышко...», Вы можете получить только подтверждение тех мнений, которые Вам уже приходилось слышать.

Не Вы первый беретесь за эту работу по «пересозданию» былин. Соблазнительная легкость этой задачи равна ее безнадежности. Это все равно, что пытаться превратить, например, разорванную в геологические времена цепь горных отрогов в цельный единый горный хребет или гряду островов, вроде Курильских, в материк. Да и — зачем? — вот что главное. Нужды в этом никакой

нет. Былины обладают определенной (и очень высокой!) художественной ценностью как подлинные произведения устной поэзии, как памятники этого искусства. Искусственное объединение их, а значит, и присочинение каких-то «связок» и изъятие каких-то «не монтирующихся» частей — все это не более как фальсификация, хотя бы и с самыми добрыми намерениями и любовью к этой поэзии.

У меня лично такого рода «опыты» не вызывают никакого интереса, чтобы не сказать больше того.

Конечно, никто не вправе запретить Вам заниматься этими опытами «эпопеизации», но сколько-нибудь серьезного литературного значения они иметь не могут.

Вот все, к сожалению, что могу сказать по поводу Ваших затруднений с продвижением в печать Вашей работы.

С уважением *А. Твардовский*

КАЮМОВУ З.

Санаторий «Барвиха», 14 августа 1961 г.

Дорогой товарищ Каюмов!

Спасибо за Ваше поздравление и добрые пожелания.

Письмо Ваше прочел с интересом, между прочим, и потому, что оно во многом подтверждает мои знания и представления о неустройствах сельской жизни в некоторых районах страны, в частности, в той же Смоленской области. Кроме того, письмо Ваше показывает, что Вы человек серьезный, думающий, занятый большими проблемами народной жизни, несмотря на свой недуг, который, надеюсь, недолго будет держать Вас в своих тисках, ибо Ваш мощный союзник — Ваша молодость — обязывает к непреклонной борьбе с ним.

Ваши пожелания мне относительно «экономическо-философского произведения» вполне дельны, и как пожелания осветить эти вопросы на страницах «Нового мира» (кое-что в этом направлении журналом уже делалось и делается) я их принимаю. Но чтобы заняться этими вопросами самому по-серьезному, я должен был бы бросить то, что делаю, не успеваю доделать и что считаю не менее важным, чем что-либо другое. Иными словами, я отнюдь не страдаю бестемьем, мне есть что писать на

большее количество лет вперед, чем я, может быть, проживу на свете. Но я отягчен многими попутными с литературной работой делами и заботами: журнал, обширная почта, общественные и иные обязанности.

Насчет недорогого портативного радиоприемника: я попытаюсь поручить кому-нибудь подыскать и переслать Вам его, но это не может быть слишком быстро исполнено,— бывает, что именно в столице таких простых и нужных вещей не найти. Словом, попытаюсь.

Желаю Вам спокойного и полного выздоровления.

А. Твардовский

ГАВРИЛИНУ Д. А.

14 августа 1961 г.

Уважаемый товарищ Гаврилин!

Ничего предосудительного в Вашей просьбе я, конечно, не нахожу. Все дело в том, что денежная часть Ленинской премии, присужденной мне в этом году, в самый день присуждения назначена мною для передачи целиком моему родному Починковскому району Смоленской области на культурное строительство и для этого сохраняется мною в неприкосновенности. В настоящее время уточняется объект (то ли школа, то ли клуб), на строительство которого предназначены мною эти деньги. Согласитесь, что как бы я ни сочувствовал благородному желанию Вашего коллектива, принимающему такое активное участие в строительстве новой школы, я должен предпочесть мои родные места, где я рос, учился в начальной школе и где к тому же ужасные последствия войны до сих пор еще дают о себе знать. Тем более, повторяю, дело это уже решенное.

Желаю Вам и всему коллективу учителей всего самого доброго.

С сердечным приветом *А. Твардовский*

ДУШКОВОЙ-ЛИЗАНЦЕВОЙ К.

4 сентября 1961 г.

Дорогой товарищ Каролина Душкова!

Благодарю Вас за взятый Вами на себя труд по переводу «Родины и чужбины» на чешский язык.

Отвечаю на Ваши вопросы:

1. Название книги желательно сохранить мое, т. е. «Родина и чужбина». «Повествование», мне кажется, не подходит, т. к. книга моя — это не повесть, не роман, а именно «страницы записной книжки».

2. Предисловие, по-моему, не нужно. Разве только издательство от себя сообщит чешским читателям некоторые сведения об авторе этой книги и о том, что печатается она не полностью. Кстати, мне кажется, что рассказ «Печники» стоило бы поместить, ведь речь в нем идет о майоре Советской Армии в первые послевоенные годы, так что он отнюдь «не противопоказан» марке Военного издательства.

3. Название мыса Кальхольцер-Хакен латинскими буквами Вы можете написать сами, но зачем это Вам? Если бы даже название было неточным, это не имеет значения.

4. «Дрыгва» — белорусское слово, означающее топкое болото, трясину (не дерево!). «Белошивцы» — Вы правильно поняли — это «полицаи», носившие такую форму.

5. Новых вещей для пополнения этой книги у меня, к сожалению, нет.

Еще раз — спасибо.

А. Твардовский

ГЛЕБОВУ А. Г.

4 сентября 1961 г.

Уважаемый Анатолий Глебович!

Ваша заметка в «Рабочем пути», копию которой Вы мне прислали, собственно и есть постановка вопроса о закреплении памяти Е. М. Михайловой, талантливого самородка смоленской деревни, патриотки, принявшей смерть от руки фашистов. Но дело, мне думается, не столько в сооружении памятника (время у нас скупое на мемориальные сооружения), сколько в том, чтобы создать памятник, который имел бы более широкое значение, а именно — в написании хорошего очерка-портрета Е. М. Михайловой, в котором образ ее предстал бы ярко и убедительно. Если Вы взялись бы за такой труд, это было бы очень хорошо, и, в случае удачи, наш журнал

охотно представил бы свои страницы для опубликования этой работы.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

ЗАВЬЯЛОВОЙ Т. Д.

5 сентября 1961 г.

Уважаемый товарищ Завьялова
(имени-отчества Вашего, простите, припомнить не мог, а Вы в письме не указали)!

Я вынужден Вас огорчить: издание однотомника покойного М. С. Завьялова в издательстве «Советский писатель» — дело маловероятное. Прошло так много лет с той поры, как Михаил Сергеевич вступал на литературный путь, трагически прерванный в самом начале, и трудно представить, чтобы тематика и проблематика его произведений, написанных на тогдашнем уровне мастерства, привлекла сейчас читателя. Что же касается издательских рецензентов и редакторов, то с уверенностью можно сказать, что их заключения по данному вопросу будут отрицательными, и опровергнуть их было бы невозможно: иное время, иные требования. И я, при всем моем уважении к памяти Михаила Сергеевича, не мог бы отстаивать перед издательством «Советский писатель» Ваше предложение.

Возможно, что в Смоленском издательстве Ваше предложение встретило бы более радушный прием, поскольку речь шла бы о писателе-земляке: попытайтесь обратиться туда.

С уважением *А. Твардовский*

НИКИТИНУ Е. И.

16 сентября 1961 г.

Дорогой товарищ Никитин!

Ваше письмо от 3 июля, в связи с изменением моего адреса, шло ко мне дольше обычного, а потом ожидало в числе других неразобранных писем моего возвращения из санатория, где я находился весь август. Этим объясняется задержка с моим ответом.

Теперь по существу Вашего письма. Я отнюдь не забыл о том, что редакция «Красного маяка» явилась одной из организаций, выдвинувших мою книгу «За далью — даль» на соискание Ленинской премии. Помнится, что я выражал свою признательность «Красному маяку» вскоре по получении известия об этом приятном для меня факте. Не скрою, что я ждал после присуждения мне Ленинской премии и приглашения посетить Ваши края. Согласитесь, что без приглашения в гости являться не принято. Теперь, если считать Ваше письмо приглашением, лучшее время уже упущено. До XXII съезда, делегатом которого я избран, остается уже очень мало времени. Едва ли успею побывать в родных местах, на Смоленщине, где стараюсь бывать ежегодно. А после съезда — дело уже совсем к осени, много будет разных хлопот и работ. Думается, что лучше бы отложить нашу встречу до теплых дней будущего года, чтобы иметь возможность посмотреть ваш край в весенне-летнем уборе. Таким образом, если у Вас нет других предложений, то так и запишем, до весны 1962 г.

Посылаю «Красному маяку» новое издание «Далей».

Ваш *А. Твардовский*

КОЗЬМИНУ М. Б.

Москва, 20 сентября 1961 г.

Дорогой Мстислав Борисович!

Я нахожусь в отпуску, в Москве задержался лишь по неотложным делам и вряд ли буду на месте вплоть до начала работ съезда. Поэтому к заседанию редколлегии «Библиотеки советской поэзии» могу лишь высказать свои соображения по «Списку заявок», присланному мне Вами («действующего списка» в «предложении» не оказалось — поэтому могу в отдельных случаях попадать впросак).

Мне кажется, что нужно пополнить «Библиотеку» именами поэтов, означенных в «списке»:

1) В. Бокова, К. Ваншенкина, Е. Винокурова, Б. Ручьева, В. Шефнера, А. Чивилихина, С. Наровчатова, С. Орлова.

2) Отсутствующих в «Списке заявок»: А. Коваленкова, Р. Казаковой, Е. Евтушенко, Б. Корнилова, П. Васильева, В. Федорова.

3) «Стариков»: В. Рождественского, С. Городецкого, С. Обрадовича, А. Пришельца, П. Радимова, М. Зенкевича.

4) Можно рассмотреть (во вторую очередь) вопрос о включении в серию А. Решетова, П. Шубина, В. Тушновой, Л. Татьяничевой, П. Кустова, А. Кудрейко, Н. Брауна, Д. Климова.

Разумеется, это только примерно, список мой может быть и сжат и расширен, смотря по обстоятельствам издательского порядка и т. п.

Необходимо окончательный список представить на утверждение Секретариата Союза писателей СССР.

А. Твардовский

МУХИНОЙ-ПЕТРИНСКОЙ В. М.

4 ноября 1961 г.

Дорогая Валентина Михайловна!

Посылаю Вам для сведения копию моего письма, направленного первому секретарю Саратовского обкома КПСС тов. Шибаеву А. И.

Не могу себе представить, чтобы все в Вашей жизни осталось по-прежнему (главным вопросом я считаю для писателя жилье, возможность работать в человеческих условиях) — остальное все дело минучее.

Напишите мне, какое будет, если будет, «движение воды» с этим делом.

Выбросьте из головы мысли о прикреплении к Московской писательской организации и т. п. С кем не хотите общаться в Саратове, с теми и не общайтесь. Думайте о главном — работе. Все остальное приложится.

Желаю Вам всего доброго!

А. Твардовский

СОКОЛОВУ Е. Н.

4 ноября 1961 г.

Дорогой товарищ Соколов!

Я с большой готовностью выполнил бы Вашу просьбу о подтверждении факта Вашей работы в смоленских

газетах и журналах, но, к искреннему моему сожалению и даже неловкости, я не могу вспомнить в числе многих моих друзей, земляков и знакомых «фотолитературного корреспондента» Евгения Николаевича Соколова,— убей бог, не могу!

Помогите мне в этом, напомните мне какие-либо подробности, случаи наших встреч, может быть, я вспомню Вас и тогда готов буду написать то, что требуется Вам для оформления пенсии.

А всего проще обратиться Вам в редакцию «Рабочего пути», где есть старые и постоянные сотрудники, журналисты, например, Илья Иванович Киселев, который наверняка всех помнит, кто работал в этой газете.

Прошу простить меня, но я по совести не мог ответить иначе, хотя бы Вам это и показалось, как Вы выражаетесь в своем письме, «зазнайством от успехов». Должен сказать, что память у меня хорошая, и я, например, помню, хотя почта у меня весьма большая, что Вы уже обращались ко мне с письмом и что я Вам отвечал в таком же духе, как и на этот раз.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

КУБЫШКИНУ М. П.

9 ноября 1961 г.

Дорогой Михаил Павлович!

Хотя в «Новом мире» весьма трудно появиться тому, что бывает отмечено признаком «под Твардовского», мы на редколлегии решили сделать для Вас исключение. Влияние «Далей» на Вашу стихотворную речь очевидно, но у Вас много того, что подсмотрено своим глазом, что заимствовано больше от той действительности, которая питала «Дали», чем от самой книги. Хочется думать, что внешняя зависимость, похожесть Вами будет преодолена, а зоркость и слух к жизни разовьются.

Но над этим своим наброском Вы должны поработать. Я примерно почеркал Ваш текст, на худой конец можно было так и пустить, но лучше Вы сами перебелите все это, пропустите через себя еще раз, может быть, придут и новые удачные строки и подвернется замена неудачных строк и слов.

В двух-трех местах я обращаю Ваше внимание на как бы технические погрешности: нельзя новую строфу, четверостишие или двустишие делать того же «пола», что последняя строка предыдущей строфы, четверостишия, двустишия. Почему? Постарайтесь догадаться сами, а не догадаетесь, поверьте тому, что подсказывают великие образцы: «Онегин» (весь Пушкин!), «Горе от ума», там эта дисциплина музыки строжайше соблюдена. В наши времена в стихах на этот счет полный разврат, но этому следовать не нужно. Между прочим, в «Далях» Вы не найдете *ни одного случая* нарушения этого закона.

«Клим» Вам не нужен, не нужно вовсе в Вашей картине путейского рабочего дня собственное имя — без этого легко обойтись. Не знаю, может быть, обойтись и без «бритвы»,— подумайте,— не длинновато ли и не «литературновато» ли?

Пожалуй, озаглавить бы лучше «У нас в Сибири» или в этом роде, а «Рабочий день» скучно, невыразительно. Вот примерно и все. Поработайте и присылайте.

Желаю успеха.

А. Твардовский

Болотное — это станция? Поселок? Укажите.

ИСАКОВУ И. С.

⟨Между 8 и 13 декабря⟩ 1961 г.

Дорогой Иван Степанович!

Думаю, что мне нет необходимости говорить Вам о том, как высоко я ценю Ваши работы, Ваш редкий дар рассказчика, феноменальное знание своего материала и высоконравственное, так сказать, подоснование, всегда присутствующее в Ваших «историях».

Поэтому я могу без обиняков сказать Вам, что рассказ о «мешочниках» несколько разочаровал меня,— он еще не выпекся как следует, не свершился. Первая его беда — крайняя растянутость, от которой читатель может закиснуть,— растянутость, происходящая от неотчетливости замысла, от его как бы раздвоенности.

История эвакуации двух тысяч людей из осажденного и обреченного города (почему бы не сказать прямо — Севастополя?) через узкое, опасное морское дефиле тех дней сама по себе могла представить интерес для

читателя,— только, по-моему, не следует так долго готовить ему — читателю — нечто, что должно произойти, если Вы знаете наперед, что ничего не случится, корабль «проскочит» и все.

Здесь много хорошего, достоверного и характерного для тех грозных трагических дней — в целом и в деталях, но есть и «излишества», и «украшательство».

Но Вы эту историю решили осложнить «чисто беллетристическим» приемом введения в дело двух этих «мешочников», то ли жуликов, то ли шпионов, то ли милых нашему сердцу «сотрудников», а потом оказавшихся вон какими чудесными людьми, героями, самоотверженными и благородными до мармеладности.

Простите меня, но здесь фальшь прет трубой, хотя бы Вы мне говорили, что ничего не придумано, все вот так и было на самом деле. «Мешочники» с их миллионами советских денег и ценных бумаг, конечно же, имели полномочия и должны были немедленно по прибытии на корабль разделить с командованием ту колоссальную ответственность за эти суммы, которая обременяла их,— да, да, и потребовать помещения, и охрану, и т. п., как бы они ни остерегались обеспокоить сон «гостей» корабля. И уж во всяком случае — немыслимое дело совать из рук в руки полусонному старпому «страховую премию» в виде тысячных пачек денег,— это уж из старинных романов с внезапным наследством, таинственными сокровищами и прочими такими вещами. Вам лучше, чем мне, известно, что такие дела «актируются», оформляются официально и расчеты вовсе не обязательно производятся наличными, и не старпому в этих деньгах расписываться — они принадлежат кораблю, если уж существует такой порядок.

Впрочем, я вдаюсь в фактические детали, в которых, может быть, и трудно оспорить то, что могло быть, случиться в конкретном случае. Я говорю об общем впечатлении: не верю, а если не верю, так интерес теряю.

Кстати, сюжет спасенных в дни войны ценностей, как вещь соблазнительная для беллетриста, уже неоднократно проигран в нашей литературе, например, у Б. Полевого («Золото») и др.

Словом, дорогой Иван Степанович, если и удастся спасти этот рассказ совместными усилиями автора и редакции, то ценой решительного сокращения (может быть,

наполовину!) и «переформирования» в целом. Я еще не знаю мнения [...] других редакторов.

Ну, на первый прием, пожалуй, хватит с Вас. Простите.

Ваш *А. Твардовский*

КУЛЕМКИНУ А. Ф.

21 декабря 1961 г.

Уважаемый Александр Федорович!

Буду с Вами совершенно откровенен: вопросы современной фольклористики в том смысле, как они понимаются Вами, не могут заинтересовать редакцию «Нового мира». Что же касается меня лично, то я давний и убежденный противник так называемого «современного фольклора», всяческих «коренных поворотов» в нем и, в частности, идей «обучения и воспитания мастеров современного народного творчества» — «частушечников», «сказителей» и т. п. В эпоху всеобщей грамотности, широчайшего распространения печати, радио, телевидения, в эпоху развитой «письменной» литературы все эти обращения к формам «былин», «сказов» и проч. мне представляются искусственными, навязанными живой жизни и потому неправомерными.

Не имею возможности быть подробным в деталях и частностях этой проблематики, но главное и основное здесь в неверном и вредном противопоставлении «народного» творчества частушечников и других «ненародному» творчеству поэтов и писателей, слово которых пользуется широчайшей популярностью в народе. Достаточно знать, что мастерству современной устной (будто бы устной!) поэзии обучает поэт Иван Доронин, на работу которого ссылаетесь Вы, чтобы увидеть, что дело тут не чистое, ибо чему доброму может научить человек, некогда числившийся в поэтах, давным-давно ничего сам не пишущий и обучающий ныне «народному творчеству»?

Прошу простить мне резкость, но я не хочу с Вами лукавить: предложенные Вами материалы «Новому миру» решительно не подходят. Рукописи возвращаю.

Вам же лично желаю доброго здоровья и всего самого лучшего.

А. Твардовский

БЕГИШЕВОЙ Е. М.

4 января 1962 г.

Уважаемая Елена М. (Вы не указали своего отчества полностью,— вынужден обращаться так)!

Спасибо за Ваше большое, благожелательное ко мне, до крайности интересное письмо.

Правда, мне кажется, Вы немножко мудрствуете в своих догадках, сближениях и «параллелях». Но это — Ваше дело, — все равно письмо свидетельствует о живом и активном интересе к поэзии.

Простите, что, заваленный почтой, рукописями и т. п., отвечаю Вам так коротко и не вступаю в «полемику» с Вами.

Н. Матвееву я уже приметил, попрошу ее дать стихи для «Нового мира».

Всего Вам доброго.

А. Твардовский

САХНО Ф. И.

5 января 1962 г.

Дорогой тов. Сахно!

В отношении распространения книги, расширения круга читателей и т. д. всякое деяние — благо, и я вовсе не против той формы этого деяния, которую пропагандируете Вы. Но я против того, чтобы называть этот опыт «движением», поменьше «движений» — побольше дела.

Не могу не иметь в виду и того, что среди армии книголюбов, людей во всех отношениях достойных, встречаются и такие, что не любят давать книги на прочтение из своих личных библиотек. И пусть эта черта лично мне, как и Вам, не симпатична, но понуждения или осуждения этих людей не должно быть. Здесь мы касаемся того, что близко понятию «свободы совести».

Вот поэтому я и уклоняюсь от того, чтобы выступать в печати по поводу Вашего опыта.

Вырезку из газеты согласно Вашей просьбе возвращаю.

Желаю Вам успеха и благополучия.

А. Твардовский

МАКСИМОВУ Н. И.

6 января 1962 г.

Дорогой Николай Иванович!

Книгу получил, спасибо.

В отношении пьесы должен Вас огорчить: она мне решительно не понравилась с *литературной* стороны. Сам я пьес никогда не писал, в сценических особенностях дела не считаю себя знатоком и воздерживаюсь от суждений в этом плане.

Я дал прочесть Вашу пьесу одному из опытнейших и серьезных наших редакторов т. Архангельской, отзыв которой прилагаю. Скажу прямо, что моя рецензия, если бы я имел время ее написать, была бы резче. Уж очень это хоженые тропинки, готовые положения и легкие решения.

Будем рады получить от Вас какой-нибудь другой материал — рассказ, очерк в особенности. Возможности напечатания пьесы у нас вообще крайне ограничены.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

МИТИНУ М. Ф.

10 января 1962 г.

Дорогой товарищ Митин!

Совершенно согласен с Вами, что стишки Эйдлина «Перышкин почивает», хоть они и опубликованы в «Правде»,— стишки плохонькие, а строчки «Я сын погибшего на фронте орденоносного отца» — просто бестактные, оскорбительные в отношении павших за Родину.

Но время уже ушло, возвращаться к этому прошлогоднему «опусу» не имеет смысла, а, кроме того, на каждый чох не наздравствуешься. Давайте скажем, как Чапаев: «наплевать и забыть».

Жму Вашу руку и желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ПОЛИКАРПОВУ Д. А.

⟨Конец января 1962 г.⟩

Дорогой Дмитрий Алексеевич!

Обращаюсь к тебе от имени редколлегии со следующей просьбой. Тяжело заболел С. Н. Голубов (инфаркт легкого). Для оказания ему неотложной и, может быть, единственно спасительной помощи необходимо 5 ампул бутадиона (рецепт я прилагаю). Если найдешь возможным помочь известному писателю и члену редколлегии «Нового мира», будем все тебе очень благодарны.

А. Твардовский

САВЕЛЬЕВУ М. П.

8 февраля 1962 г.

Дорогой товарищ Савельев!

То, что Вы называете поэмой, это, может быть, лишь некий конспект поэмы, в котором подзаголовки [...] заменяют собственно поэтическое изложение.

Поэма Вам явно еще не по силам, Вы еще просто недостаточно утвердились в стихе — не Вы его, а он Вас ведет как попало. Смены размеров и якобы сознательные ритмические перебои производят впечатление несобранности, аморфности поэтического повествования, беспомощности.

Вы увлечены еще так называемой «образностью», стремлением тотчас уподобить всякий названный предмет, явление, понятие другому предмету, явлению, понятию. Я подчеркнул эти места, может быть, не все. Все это — вчерашний день поэтических поисков. И это так мешает выявиться Вашей теме в истинной трагичности ее — все эти «украшательства» речи мешают восприятию читателя.

Не говорю Вам, как «доработать» Вашу поэму, потому что, мне кажется, ее нужно не доработать, а написать заново.

А. Твардовский

ФРИЗМАНУ Л.

5 марта 1962 г.

Уважаемый тов. Фризман!

Мне очень приятно было получить Ваше письмо в связи с моей речью о Пушкине и по душе мысли, высказанные в нем. Большую «аргументированную статью на эту тему» «Новый мир» вряд ли сможет сейчас поместить. Но, во-первых, *возможно,* мне удастся опубликовать Ваше письмо в ряду других писем в связи со «Словом о Пушкине», а во-вторых, не попытаться ли бы Вам написать что-нибудь на собственно современную тему? Писать Вы можете — это, по крайней мере, вполне очевидно.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ПОЛОНСКОЙ К. А.

7 марта 1962 г.

Вы очень справедливо ставите вопрос о внимании к памяти и работам покойного В. П. Полонского. К сожалению, Ваше напоминание о дате его смерти пришло к нам только 10 февраля, т. е. тогда, когда февральский номер журнала уже вышел в свет.

Но одно дело — отозваться на эту дату соответствующей статьей и заметкой, другая — более серьезная задача — поднять вопрос об издании лучших работ из литературного наследия В. П. Полонского. Этим редколлегия «Нового мира» и намерена заняться.

Посылаю Вам копию моего письма в Секретариат Союза писателей СССР по этому вопросу. О результатах Вы будете уведомлены.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ЖУКОВУ Г. А.

Барвиха, 3 апреля 1962 г.

Дорогой Георгий Александрович!

После нашей с Вами встречи на Пленуме я, как Вам известно, выехал с делегацией в Италию, где пробыл две

недели, и только третьего дня получил из редакции Вашу рукопись. Этим объясняется задержка с ответом.

Первое, что я хочу сказать,— спасибо за авторскую обязательность: обещанное было выполнено.

Умоляю Вас: откажитесь от общего заглавия «Рассказы о хороших людях». Оно пресное и незазывное. Все равно что фильм с указанием, что он посвящен «положительному герою». Я уже не говорю о том, что Ваши «хорошие люди» уж слишком по-разному хорошие, чтобы подвести их под крышу этого заголовка,— не спасает и Ваше предуведомление.

Первый очерк (о Шестерикове) нужно оставить под прежним заглавием «На Аландских островах». По письму он лучше всех — это великолепная русская проза (в первой особенно половине очерка). Очерк может быть напечатан вне какого-либо приурочения его к дате и т. п.

«Встреча на Лазурном» для нашего журнала не годится. Это отличный газетный репортаж, но печатать его в журнале спустя двенадцать лет после событий, о которых идет речь, не имеет резона.

«Анри Бесстрашный» мог бы быть и напечатан, если поубавить в нем фразеологии, принадлежащей моменту, но он кончается тем, что Анри осужден на 5 лет. Но это пятилетие уже позади. А что с героем? В данном случае нельзя читателя оставлять в недоумении.

«Жолио-Кюри», простите, мне кажется, уже читал где-то. Это бы ничего, если он даже печатался частично, но весь очерк нужно переводить в прошедшее время: у Вас Жолио-Кюри руководит, учит, ставит задачи и т. д., все в настоящем времени, как будто он еще живой. И опять же в очерке очень много того, что нельзя назвать «страницами тетради», т. е. записями для себя — это уже читается с трудом.

«Лумумба» хорош вполне,— в печати, пожалуй, не было в такой полноте его портрета. Может быть, возникнет необходимость сделать строчечную (в одном-двух случаях) правку, с Вашего, конечно, согласия.

Итак, как говорится, «в чистоте» мы печатаем два отдельных очерка «На Аландских островах» и «Жизнь и смерть Патриса Лумумбы».

Хорошо было бы добавить хоть несколько строк о нынешнем положении в Конго и, в частности, о судьбе Гизенги.

«Анри» и «Жолио-Кюри», на мой взгляд, нужно переработать, избавить их от прикрепленности к газетной странице тех лет.

Надеюсь, Вы не усмотрите в моем отборе какой-либо нарочитой привередливости. Мы были бы очень рады наладить с Вами постоянные добрые отношения автора с журналом. Еще раз спасибо.

С уважением *А. Твардовский*

МЕЙЛАХУ Б. С.

Барвиха, 6 апреля 1962 г.

Глубокоуважаемый Борис Соломонович!

Большое спасибо за книгу и письмо. Книгу я при всей моей нынешней загруженности рукописями и т. п. все же, начав просматривать, прочел в два-три приема почти насквозь. Это работа серьезная, сосредоточенная на самых существенных вопросах творчества Пушкина. Я не имею возможности сколько-нибудь подробно высказываться о ней сейчас, не хочу даже отвечать на Ваши прямые вопросы (скажу лишь, что наблюдения и заключения Ваши очень дельны, не мелочны, хотя, Вы сами понимаете, они не могут быть «реставрацией» доподлинного процесса мышления художника в работе, они — примерная схема), не буду, чтобы не халтурить по поводу такого предмета.

Что же касается «еще одного совещания», в котором Вы приглашаете меня принять участие, скажу прямо: я не сторонник такого рода мероприятий. Ведь это такая материя, в которой дай бог в напряжении единоличном или в удачно развившейся узкой беседе добыть «искру», а не то что в обстановке совещания. Конечно, я, может быть, не прав, но я предпочитаю совещания «немые» — через книги, статьи и размышления не на трибуне,— там все мы волей-неволей становимся грубее, глупее и примитивнее, чем мы даже есть на самом деле.

Ваш *А. Твардовский*

МИРОНОВУ В. А.

18 мая 1962 г.

Уважаемый Василий Алексеевич!

Простите, что отвечаю с такой задержкой — долго вовсе не занимался почтой, не бывал в редакции. И скажу прямо, на письма, подобные Вашему, отвечаю редко и, если отвечаю, то в том смысле, что, мол, очень это легкий путь — спросить самого автора, что и откуда взялось и что означает. А как же, говорю еще в таких случаях, быть потом, когда автора не будет? Или уже тогда и неинтересно все станет? Кроме того, Вы, как все, делаете ошибку, предполагая, что автор «лучше всех знает» «историю создания», и т. п.

Однако на сей раз отвечаю фактической ссылкой на первоисточник замысла стихотворения «Ленин и печник». Это, не помню какой, сборник рассказов и воспоминаний о Ленине. Среди них я прочел и рассказ некоего печника, крестьянина Горок или ближайшей деревни. Там, насколько помню, вся схема этой истории встречи его с Владимиром Ильичем так и изложена. Сразу по прочтении был сделан набросок (38 г.), к нему я просто вернулся в 40 г., когда во время финской войны жил в Ленинграде и «Ленинградская правда» попросила дать что-нибудь к Ленинским дням. В этой газете и напечатано было стихотворение в первый раз.

При перепечатках и переизданиях вносились кое-какие поправки.

Вот все, что могу сообщить Вам.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

БЕРЕЗОВСКОЙ С.

31 мая 1962 г.

Дорогой товарищ Березовская!

Прочел Вашу заметку насчет родовых женских окончаний в словах, обозначающих профессию, общественное положение и т. п. в современном обществе.

Вы справедливо указываете на одну из тех «неувязок» в современном литературном языке, которые порой

способны даже раздражать сколько-нибудь взыскательный к родной речи вкус.

Действительно, «врач вошла», «судья сказала» и т. п.— это ужасно, и нередко вертишься-изворачиваешься, чтобы найти выход в таких случаях. Но Вы напрасно связываете это с так называемым вопросом о неполноте «женской эмансипации» у нас, будто бы находящую здесь выражение. Женщина-врач оскорбится, если ее назвать врачихой (хотя за глаза называют и без всякого оттенка пренебрежительности). Назовите старшего повара Макарову поварихой — она обидится. Наконец Вы, автор (не авторша же!) заметки, указываете в своем письме, что Вы «научный работник» (не работница!) и «старший научный сотрудник» (а не старшая научная сотрудница). И далее, Вы из принятой у нас ложной скромности не указали своего имени-отчества (хотя ко мне обращаетесь по имени-отчеству), и я вынужден обращаться к Вам, как и к мужчине: «Дорогой товарищ», ибо такое незыблемое слово нового общества, как товарищ, не поддается «размораживанию» его мужского окончания (полублатное «товарка» не в счет). Вот Вам и «ретроградская практика торможения развития женских родовых окончаний»!

По-видимому, дело в том, что закрепление мужской формы окончаний в рассматриваемых случаях связано с подчеркиванием значительности, степени уважения и т. п. На это нельзя смотреть ни с «женской», ни с «мужской» точки зрения. (Никакого ущемления равноправия здесь нет и в помине.)

Простите, что отзываюсь на Вашу просьбу так кратко.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ФИНКЕЛЬШТЕЙНУ Е. А.

14 июня 1962 г.

Благодарю Вас, профессор, за очень лестное для меня письмо Ваше по поводу стихотворения «Слово о словах».

Что касается возможности «широкого обсуждения» этого стихотворения, то, во-первых, я тоже не знаю, «как

это может быть организовано в широком масштабе», а во-вторых, и это главное, ко всяким такого рода «организованным» «широким обсуждениям» отношусь весьма сдержанно, усматривая в них, может быть, одну из форм «траты слов» и «краснословья».

Письма, подобные Вашему, какие вызвало это небольшое стихотворение, отнюдь не являющееся, как говорится, шедевром, для меня лучшее свидетельство, что и мое слово — это дело, и в этом лучшее для меня удовлетворение.

Еще раз — спасибо.

С уважением *А. Твардовский*

ФЕДОРОВОЙ М. И.

18 июня 1962 г.

Дорогая Мария Ивановна!

Очень прошу Вас понять мой ответ не как простую отписку: мне трудно, просто невозможно решить вопрос об издании на русском языке повести Вашего покойного мужа, так как я не только этой повести, но и никаких других работ его не знаю.

Во всяком случае, здесь необходимо мнение и оценка людей, знающих якутский язык. Я не знаю, обращались ли Вы в Якутский Союз писателей. На русском языке повесть могла бы выйти в Якутске легче, чем в Москве, где опять же потребовалось бы заключение и консультация якутских товарищей. Может быть, Вам обратиться к такому крупнейшему якутскому писателю, как Николай Мординов, за помощью в этом деле. Если бы Н. Мординов дал положительное заключение по этой повести, то это очень облегчило бы ее дальнейшее прохождение.

Конечно, Вы можете прислать мне подстрочник непосредственно, но я боюсь, что это будет не к выгоде дела. Подстрочник — это одно, а оригинал другое. Так, например, русский перевод самого заглавия повести — «Неувядаемые ветви» звучит неловко (вянут или увядают листья, цветы, но *не ветви*).

Взвесив все это, присылайте.

Вот все, к сожалению, что могу сказать Вам.

Примите мое искреннее сочувствие и самые добрые пожелания.

А. Твардовский

АЛЕКСЕЕВУ А. Ф.

18 июня 1962 г.

Дорогой Алексей Федорович!

К сожалению, я не принадлежу к числу «больших писателей», которые «с большим удовольствием» помогают аспирантам и дипломникам писать работы об их (этих больших писателей) творчестве.

Не обижайтесь, но это слишком легкий и малопродуктивный способ написания дипломной работы или даже диссертации о таком-то писателе — спросить такого-то писателя, что он думает о том-то и том-то, как оценивает то-то и т. д.

Вопросы, поставленные Вами, думается, не имеют серьезного значения для Вашей работы, кроме, может быть, первого: «Признаете ли Вы и в какой мере влияние традиций Маяковского»? Но вопрос этот неясен: влияние — на кого? На поэзию вообще? — Да, признаю, конечно. На меня? — Нет.

Как видите, такие ответы не много Вам дадут, а отвечать распространенно — это значит писать за Вас соответствующий раздел Вашей работы. А как же быть, если бы меня уже не было в живых? Тогда Вы взяли бы другую тему? Обидно.

Еще раз — не обижайтесь, но думать нужно — худо ли, хорошо — самому. Все, что Вам нужно для работы, Вы найдете в моих книгах, в частности — в статьях.

Желаю успеха.

А. Твардовский

НИКОЛАЕВУ Ю. И.

18 июня 1962 г.

Дорогой Юрий Иванович!

Первое, что хочу заметить Вам как человеку молодому и неопытному в некотором смысле: обращаясь к одному

писателю, не следует жаловаться на нечуткость и невнимательность к Вам со стороны других писателей. Поймите, что этим самым Вы как бы заранее адресуете ко мне все те упреки, которые ныне обращаете к товарищам Долматовскому и Солоухину.

Теперь о самой Вашей поэме «Ради тех, кто живет». Поскольку Вы высказали готовность твердо встретить «суровый беспощадный суд», говорю вам по-прямому: вещь слабая, не для «Правды». Хотя там тоже печатаются нередко весьма слабые вещи (это уж привилегия «именитых», и пусть она Вас не соблазняет).

Все дело в том, что Вы, человек очевидно способный, взялись — как говорится — рубить дерево не по себе. На поэму у Вас еще силенок мало. Вы даже плохо представляете себе, что такое поэма. Это не просто изложение некоего факта в большом количестве зарифмованных строк.

Факт (если только это факт, взятый из жизни, в чем я сомневаюсь), положенный в основу Вашей поэмы, мог быть описан в небольшом стихотворении: вдова солдата, погибшего где-то на Сахалине, отправляется на жительство туда к могиле мужа, и там вырастает ее сын, становится моряком и женится на хорошей девушке, которой эта вдова передает свое белое подвенечное платье (как будто у нас обычное дело — обряд венчания!). Но это Вам кажется очень «поэтичным».

Этот факт Вы развертываете в последовательном изложении в стихах на 19 страницах машинописного текста. Отсюда — масса слабых строк, многословие и прозаизмы, несмотря на всяческое стремление автора к «поэтичности», плохо совмещающейся с жизненной правдой. И если в небольшом стихотворении эта сюжетная натянутость могла бы выступить более приглушенно, то в нынешнем объеме вещи она выступает с особенной невыгодой для Вашего замысла.

Вы еще очень бедны стихом, он у Вас носит то некрасовский оттенок самого подражательного толка:

Мать и сын на толкучке распродали
Небогатые вещи свои...
Повздыхали соседки, поохали,
А когда провожали ее... —

то сбивается на иные заемные интонации (например, пляска в конце).

Очень жалкое впечатление производят составные рифмы (вроде «по-флотски их — матросские», «наутро их — неуютная», «на лад шла — младший» и т. п.).

Но все это, как говорится, мелочи, и не на них бы останавливаться, но боюсь, что именно на них нужно обратить внимание. Можно было бы еще сказать Вам об «узловом» моменте поэмы, где вдова, поселившаяся в далеком краю и встретив участливое и сердечное отношение подходящего человека «средних лет», отказывает ему в союзе из «чувства долга» перед памятью погибшего мужа.

Это так фальшиво, нежизненно, что, читая, испытываешь то чувство неловкости, которое всегда сопутствует восприятию чего-то нарочитого, надуманного.

Я лишен возможности быть более подробным — каждый день и час меня ждет большое количество непрочитанных, стоящих «на очереди» рукописей, и я, рискуя навлечь на себя любой упрек, ограничусь этими замечаниями. Впрочем, Вы просили написать Вам «хоть несколько слов».

Желаю Вам по возможности спокойно отнестись к моей оценке поэмы и очень советую потрудиться еще на подступах к этому жанру, отработать свой стих «на малом поле».

Всего Вам доброго.

А. Твардовский

ЯНОЧКИНОЙ Н. П.

18 июня 1962 г.

Дорогая Нина Павловна!

Я с большим интересом прочел Ваше письмо и стихи, очень жалею, что Вы не застали меня, будучи в Москве,— в письме, конечно, все получается скупее и беднее, чем в изустной беседе.

Но главное, что мне хотелось бы сказать Вам, это то, что я искренне рад за Вас, за Вашу настоящую победу над судьбой и обретение, в сущности, новой судьбы.

То, что по состоянию зрения прервалось Ваше школьное обучение на седьмом классе, обернулось такой интенсивной школой самообразования, которая просто вызывает восхищение. Вы овладели культурой письменной речи, чувством стиха, как я понял, знаете немецкий,

весьма начитанны в поэзии, а кроме того, Вы уже стали музыкантом-специалистом, преподавателем музыки и намерены продолжать музыкальное образование.

Просто сказать, Вы молодец, дорогая землячка.

Я не буду подвергать Ваши стихи сколько-нибудь подробному анализу,— в большинстве они такие, какие пишутся в Вашем возрасте, т. е. и подражательные, и наивные, и не обретшие еще своего самостоятельного звучания. Отмечу лишь, что лучшими из них представляются «Благодарность», «Я пойду за тобой повсюду»; и особенно «Раздумье», в котором личная тема выражена с большим достоинством, тактом и подлинным, не заемным из литературы чувством. И Вы правы в том, что этой личной теме дали прозвучать однажды и не повторяете всякий раз как единственно занимающую Вас тему. Этим Вы, естественно, сузили бы диапазон своих поисков.

Но вот что я хотел бы сказать Вам относительно того, что Вас тревожит, и что Вы пытались выразить в стихотворении «Две страсти», и о чем говорите в своем письме.

Я думаю, что Вам не следует сейчас делать выбор — музыка или поэзия. Музыка — это уже Ваша профессия, сегодняшняя Ваша доля труда в обществе, наконец, Ваш хлеб, а поэзия, по крайней мере — покамест, это еще лишь горячее влечение, душевная потребность, как, впрочем, и музыка, и Вы еще с нею не можете связывать прямых жизненных намерений.

Будущее покажет и само собой определит окончательный выбор, но Вы не должны еще отказываться от одного в пользу другого, тем более что все это так связано: Ваши стихотворные опыты сопутствуют музыкальным занятиям, порой прямо из них вытекают, как, например, в Ваших песнях, которые с литературной стороны довольно банальны, но, видимо, очень послушны мелодии («Зоренька вечерняя»).

Итак, дорогая Нина Павловна, вот Вам вкратце мое «честное, принципиальное и дружеское мнение», высказать которое Вы просили меня.

Если Вы в Москве бываете хотя бы проездом, как Вы пишете, прошу всякий раз звонить (сл. Б-4-39-88 и дом. Б-7-42-00) и заходить.

С большим сердечным земляческим приветом

А. Твардовский

ГЕРМАНОВУ А.

19 июня 1962 г.

Дорогой Андрей Германов!

Простите, что задержал с ответом, и не обижайтесь, пожалуйста, но писать обращения к болгарскому читателю по поводу выхода первого издания моей книжки на болгарском языке я *не буду*. Дело не в занятости, а в том, что я считаю такого рода обращения совершенно излишними и даже нескромными. И не *Вам первому* отказываю в написании такого рода сопроводительных к своим стихам строк.

«Более новый (относительно) снимок» постараюсь подыскать, хотя не гарантирую, что снимок будет самых последних дней,— это хозяйство у меня запущенное, снимки случайные.

Очень признателен Вам за Вашу такую большую работу по доведению моих стихов до болгарского читателя.

Крепко жму Вашу руку.

Книгу Вашу получил — спасибо за лестную для меня дарственную надпись.

Ваш *А. Твардовский*

КРОЛОВОЙ

19 июня 1962 г.

Дорогой товарищ Кролова!

Мне очень приятно, что темой своей дипломной работы Вы взяли мою поэзию в чешских переводах. Однако я, к сожалению, мало чем могу быть Вам полезен в этом деле, так как чешского языка, как, впрочем, и других иностранных языков, не знаю и потому лишен возможности судить о достоинствах и недостатках чешских переводов моих стихов и поэм.

Отвечаю на Ваши вопросы.

Мой взгляд на художественный перевод вообще кратко изложен в моей статье «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» (см. 4-й том моего Собрания сочинений или 3-й том Собрания сочинений С. Маршака). Добавить

к тому, что там сказано, можно было бы бесконечно много, но все же самая суть там изложена.

Собственно говоря, там же содержится и мой ответ на второй Ваш вопрос — точно или свободно нужно переводить.

Можно даже сказать так, что *точным* может быть только *свободный* перевод, а перевод *буквальный* никогда не может быть точным в существенном.

Думается, что переводить меня вообще очень трудно, так как язык моих стихов весьма часто отклоняется от «нормативного» литературного языка, несет в себе много трудно переводимых оборотов, в том числе идиоматических. Стих мой сложен, несмотря на видимую «простоту», насыщен интонациями разговорной живой речи — все это весьма трудно для перевода.

Быть переведенным (и не испорченным!) с русского на другой язык — большое и редкое счастье, какого неизвестно сколько ждать. Что говорить о нас, смертных, когда и Пушкин еще, как мне известно, ни на французском, ни на английском или немецком не имеет своего Маршака (я имею в виду конгениальные переводы С. Маршака из Бернса).

Особенно трудно переводить меня, как мне кажется, именно на славянские языки — здесь близость этих языков бывает очень обманчивой и ставит перед переводчиком дополнительные трудности. Это я знаю по опыту моих переводов Т. Г. Шевченко на русский («Гайдамаки» и др.).

Вот, пожалуй, и все, что могу сказать Вам по вопросам, поставленным в Вашем письме.

Добавлю еще, что, по моему мнению, как, впрочем, и по мнению наших лучших мастеров художественного перевода, в первую голову — Маршака, знание языка оригинала, конечно, необходимо для переводчика, но еще большее значение имеет знание им *родного языка.*

И, наконец, переводчик *поэзии* должен быть *поэтом,* хотя бы в собственных оригинальных стихах он и не был бы ярок, но обладал бы способностью поэтического проникновения в самое существо переводимого им оригинала.

Все это, конечно, не открытия.

Желаю Вам успеха в Вашей работе.

А. Твардовский

ДЕМЕНТЬЕВУ А. Г.

Внуково, 5 августа 1962 г.

Дорогой Александр Григорьевич!

«Воронского» я прочел, очень жалею, что не успел повидаться с Вами перед отъездом, но суть-дело вкратце излагаю.

Мне кажется, что Вы напрасно чуть ли не всю первую половину статьи посвящаете уточнениям, датированию и всяческой «документализации ошибок» Воронского, прежде чем сказать, что же это был за литератор, в чем ценность его писаний и ныне. А Вы уж так тщательны относительно даже его пренебрежительного, что ли, отношения к «пролетарским организациям», т. е. РАППу, каковой был ликвидирован, кажется, прежде, чем был репрессирован Воронский.

Я думаю, что Вы могли бы быть менее «обязательны» в изложении именно этой стороны литературной деятельности Воронского, а то и во второй части, где Вы говорите о нем добрые слова, отмечаете талант, вкус, эрудицию и т. п., все это предстает как бы вынужденным: реабилитирован, мол, человек, можно его и добрым словом помянуть, но — ни боже мой — не забыть ни одной из его «ошибок». Получается как бы так, простите, что Вам более с руки была бы совсем другая задача. Однако реабилитирован и Авербах, например, а попробуйте составить сборник его «правоверных» работ и предпослать им вступительную статью!

Не ясно ли, что Воронский со всеми его большими и малыми, действительными и мнимыми ошибками и заблуждениями дороже и ближе нам всего «воинствующего» «напостовства» и «пролетарства».

Я бы начал статью попросту словами о том, что имя Воронского в представлении нынешнего читателя связано, мол, с такими-то «концепциями» и т. д. Но, мол, его литературное наследие во всей полноте мало кому известно теперь, а оно интересно не одними своими слабизмами, которым мы в своем месте уделим внимание, но в первую-то голову тем-то и тем-то ценным, что в нем заключено и о чем в первую очередь у нас идет речь. И тут развернуть как бы литературный портрет этого критика-коммуниста. А потом — из песни слова не выкинуть — об ошибках, об «интуициях» и «подсознательностях»

и пр., причем я бы и там сказал, что многое вызывалось логикой литературной борьбы, полемическими заострениями, азартом, без которого, увы, не бывает ни полемики, ни критики.

Но ученого учить — только портить. Вам виднее, а я лишь высказываю непосредственно читательские впечатления. Можно на них, по Чапаеву, наплевать и забыть.

Желаю Вам всего доброго.

Хорошо бы, если бы Вы мне сразу телеграфнули, что рукопись доставлена Лебедеву. А если что не так, то и черкнули бы мне в Коктебель.

А. Твардовский

ДАНИЛЮКУ Г. С.

3 января 1963 г.

Дорогой тов. Данилюк!

Вы намерены написать свои воспоминания о пережитом в годы репрессирования. «Приемлема ли,— спрашиваете Вы,— такая форма (от первого лица) изложения?» Не только приемлема, но, пожалуй, это единственно возможная форма мемуаров, воспоминаний. Второй Ваш вопрос: «Что можно и чего нельзя описывать?» Этот вопрос может быть решен только самим автором той или иной работы, а в воспоминаниях менее всего возможны были бы такие ограничения извне «от энтелева до сентелева».

Относительно возможностей опубликования Ваших воспоминаний, до ознакомления с рукописью, можно сказать лишь одно: эти возможности в журнале современной жизни, каким является «Новый мир», весьма ограничены.

Вернее всего Вам ориентироваться на издательство, выпустившее первую часть Ваших записок.

С уважением *А. Твардовский*

МАКСИМОВОЙ А. М.

3 января 1963 г.

Глубокоуважаемая Алиса Михайловна!

Я совершенно с Вами согласен, что ворошить некое почти полувековой давности высказывание покойного

Владислава Евгеньевича о «Двенадцати» Блока Вл. Орлову не следовало, даже в «безымянной» форме. Но это дело его, Вл. Орлова, совести. Искать на него «управу» в данном случае не приходится, попросту невыгодно для памяти В. Е. и для его близких. Иное дело, если бы Вл. Орловым была возведена напраслина, если бы слов, сказанных некогда Владиславом Евгеньевичем, вовсе не было. Но они были и быльем поросли, поднимать их еще раз, по-моему, не следует. Между прочим, и потому не следует, что сейчас о принадлежности этих слов В. Е. Максимову знает лишь ничтожное количество «специалистов», а если их вновь повторять в порядке защиты доброго имени покойного ученого, то они лишь станут достоянием куда более широкого круга читателей. А для чего это нужно?

Скажу по себе: я с месяц назад читал книжку Орлова,— мне и в голову не пришло (а я ведь читатель не совсем рядовой), что речь там идет о В. Е. Максимове.

Мой Вам добрый совет — не искать способов «призвания к порядку» В. Н. Орлова, предать это дело забвению. Повторяю, что я вовсе не на стороне Орлова в данном случае.

С уважением *А. Твардовский*

P. S. В соответствии с Вашим пожеланием я показал Ваше письмо и этот мой ответ на него А. Г. Дементьеву. Он того же примерно мнения, что и я.

А. Т.

ХОДЖАЕВОЙ М. И.

9 января 1963 г.

Уважаемая Мария Ионикиевна!

Я прочел Вашу повесть «Все настоящее — трудно». Должен Вас огорчить: для печати она не подходит. К сожалению, не всегда наше «личное, глубоко выстраданное» становится столь же значительным и для других, как для нас самих. Не скажу, чтобы рукопись Ваша страдала явными погрешностями против общепринятых законов письменной речи,— в этом смысле она, может быть, даже слишком «правильна» и «вполне литературна». Но это скорее личный человеческий документ, чем произведение художественное.

Я не думаю, что дело можно поправить выполнением «указаний редактора» и читательских «критических замечаний», которые Вы прилагаете.

Очень часто бывает так, что нашу способность восхищаться художественным произведением мы принимаем за способность и создавать художественное произведение.

Рукопись возвращаю.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

КОВАЛЕВОЙ М. В.

21 марта 1963 г.

Уважаемая Майя Владимировна!

Простите, что отвечаю на Ваше хорошее, умное, душевное письмо с таким запозданием. Почта у меня очень большая, и при наличии основных моих обязанностей по журналу и пр. (а еще иной раз я вспоминаю, что я — писатель, и пытаюсь что-то писать), мне никогда не удается выйти из задолженности перед своими корреспондентами. Скажу также, что письма, подобные Вашему, т. е. затрагивающие многие сложные вопросы литературы в связи с жизнью, — письма, ответ на которые приходится часто откладывать до «свободной минуты»,— не редкость. Словом, винюсь, но, может быть, заслуживаю снисхождения.

Отвечать Вам «казенно, общими фразами» не хочу и не буду, а ответить пространно, обстоятельно — это нужно было бы написать бог весть сколько, куда более, во всяком случае, Вашего обширного письма.

Кроме того, согласитесь, что ставить хорошие, правильные вопросы несколько легче, чем давать на них ясные, исчерпывающие ответы. Слишком легко было бы жить на свете, если бы было иначе. Кроме того, наставительно-поучающий тон, почти неизбежный в таких случаях, противопоказан мне: сам так же примерно, как и Вы, живу, работаю, читаю, размышляю, порой недоумеваю, ищу ответов на «проклятые вопросы», ошибаюсь, наверно, но в уныние не впадаю, как, впрочем, и Вы, судя по Вашему письму.

Не желая Вам польстить и тем самым уклониться от ответов по пунктам, скажу, что Вы не менее моего знаете

и понимаете сами, что к чему в нашей жизни. Ни одной фальшивой ноты, расслабленного «смятения души» я не усматриваю в Вашем письме. Вы честный, думающий по-партийному человек, не уклоняющийся от личной ответственности за все, что проходит сквозь ум и сердце. И давай Вам бог сил и здоровья.

Не могли бы Вы мне прислать копию того письма Н. К. Крупской к Вашей матери, о котором Вы упоминаете? Кстати, то, что в нем говорится, по Вашему изложению, имеет прямое отношение к теме нашего разговора,— в нем, этом разговоре, также есть опасность впасть в болтовню.

Благодарю Вас за Ваши добрые чувства к советской литературе и моей работе, в частности. Жму вашу руку.

А. Твардовский

ЗАЙДЕНШНУР Э. Е.

1 апреля 1963 г.

Глубокоуважаемая Эвелина Ефимовна!

Очень тронут Вашим дорогим для меня подарком — томами «Войны и мира», вышедшими с Вашими столь многочисленными исправлениями ошибок прежних изданий. Конечно, Вы очень преувеличиваете в дарственной надписи мою скромнейшую роль в появлении в свет этого освобожденного от искажений текста великой книги, но за добрые чувства, за память — спасибо.

Желаю Вам доброго здоровья и успешных трудов.

Ваш *А. Твардовский*

ПОЧЕРНЯЕВУ А. И.

1 апреля 1963 г.

Дорогой товарищ Почерняев!

Вы заблуждаетесь, полагая, что для выполнения Вами курсовой работы «Синонимы и перифразы в «Василии Теркине» «недостаточно иметь перед собой только текст поэмы». Вам кажется, что для этого надо еще «иметь под рукой черновик работы поэта, со всеми (даже мельчайшими) пометками, исправлениями». Ничего этого Вам не

нужно, и ни один из Ваших научных руководителей ничего подобного не потребует от Вас, студента.

Что же касается меня, то я не только считаю излишним знакомство с черновиками поэмы для написания курсовой студенческой работы, но обычно отвечаю и авторам кандидатских диссертаций, желающих для пущей учености привлечь «черновые варианты» и «разночтения», отвечаю, что им вполне достаточно «иметь перед собой только текст поэмы». Не поймите меня так, что мне жаль расстаться с таким сокровищем, как эти «варианты» и «разночтения»,— просто-напросто я их не сохраняю.

Желаю успеха.

А. Твардовский

УЧЕНИКАМ 10-го КЛАССА ТЕЛИШСКОЙ СРЕДНЕЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ, ЧЛЕНАМ КРУЖКА РУССКОГО ЯЗЫКА

1 апреля 1963 г.

Дорогие друзья!

Прежде всего простите меня, что отвечаю вам с таким запозданием,— ваше письмо долго ожидало меня в Москве, а когда я возвратился из отпуска, то очень нескоро собрался ответить — корреспонденция у меня очень большая.

Мне очень приятно и дорого, что вы, ученики болгарской школы, так любите мой родной язык, нашу русскую литературу и даже уделяете внимание моим книгам. Благодарю вас сердечно.

Я также был бы рад познакомиться с вами, но для этого, конечно, придется подождать подходящего случая. В 1947 г. я был в Болгарии, может быть, соберусь еще раз посетить вашу прекрасную страну.

Вместо рассказа о себе, о своей жизни и работе (это очень трудно было бы сделать в письме) посылаю вам свою книжку «Статьи и заметки о литературе», в которой вы сможете найти ответы на главные из поставленных вами вопросов.

Желаю вам всего самого доброго.

Ваш *А. Твардовский*

ПЕТЕРУ МИХАЮ

24 апреля 1963 г.

Дорогой Михай Петер!

Статью Вашу прочел с большим удовольствием, как очень редко что из написанного о моих писаниях. Спасибо. Нет, нет, это действительно не «мертвый инвентарь эпитетов, метафор и прочих языковых средств», это именно «рассмотрение формы в естественном и неразрывном единстве с содержанием».

Ваши «троякие» опасения, по-моему, напрасны. «Незваным гостем» при разговоре поэта с читателем филолог отнюдь не является. Наоборот, мне кажется, что он более желанный участник этой встречи, чем «специалист», т. е. литературовед, конечно, если он не дуб, каковые встречаются и там и там. Мне, по крайней мере, как-то тоже более импонирует внимание филолога, т. е. человека, который хоть что-то знает в предмете по существу.

И, наконец, я считаю, что человек нерусского языка, усвоивший этот язык так блистательно, как Вы, вполне может рассчитывать на успех в исследовании произведений русской поэзии. А язык наш Вы знаете поистине здорово, до щегольства («мои опасения *трояки*» — этак не всякий и русский, из молодых особенно, выразится!).

Мелочь, соринка: Вы не поняли, что такое «весенняя клюква». Это, конечно, клюква нормальная, осенняя, но собранная весной слаще, когда перезимует под снегом. Но этого выражения могли не понять и тысяча тысяч русских.

Еще раз благодарю и желаю успеха. Мне очень приятно будет прочесть Вашу работу в целом. Из русских работ обо мне Вам известна книжечка Маршака. Поинтересуйтесь,— если нет в Венгрии,— могу прислать.

А. Твардовский

Ал. Григ. кланяется Вам. Надеюсь достать Вам 2-й том Собрания сочинений.

А. Т.

КОВАЛЕВОЙ М. В.

24 апреля 1963 г.

Уважаемая Майя Владимировна!

Второе Ваше письмо тоже хорошее и правильное письмо человека, по праву и по долгу берущего на себя

ответственность за все и вся перед лицом людей, с которыми работает и живет человек, которому и нелегко подчас, но он сам избрал эту нелегкость.

Может быть, только не нужно противопоставлять «письма» «живым людям», ибо и я, например, имею дело не с одними письмами, а, кроме того, письма пишутся живыми людьми, такими, как, скажем, Вы, и это обязывает не меньше.

Сообщите, пожалуйста, публиковалось ли, передавалось ли Вами куда-нибудь письмо Н. К. к Вашей матери. Если нет и если Вы не против, письмо это можно было бы опубликовать в печати с сопроводительным письмом от Вас.

Желаю всего доброго.

А. Твардовский

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ВОЕННЫЙ ВРАЧ» ПОЛКОВНИКУ МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ А. ШИБКОВУ, ПОДПОЛКОВНИКУ МЕДСЛУЖБЫ М. КАРАСЕВУ, МАЙОРУ А. БУСЫРЕВУ, ЛИТСОТРУДНИКУ Н. КВИТКО

24 мая 1963 г.

Благодарю Вас, дорогие товарищи, за присланные мне №№ газеты «Военный врач», с материалами, относящимися к памяти врачей—героев Грюнвальда. Возможно, что мне удастся сослаться на эти материалы при новом издании книги «Родина и чужбина», где помещена известная Вам моя статья о грюнвальдской трагедии.

Ваше намерение «восстановить и сохранить память о погибших в Грюнвальде товарищах» достойно всяческого одобрения.

С уважением *А. Твардовский*

КОТОВУ М. П.

6 июля 1963 г.

Дорогой Михаил Поликарпович!

Книжку «В мастерской стиха Твардовского» получил, большое спасибо за память и за Вашу работу, которая,

конечно, была вызвана симпатией и доброжелательностью к автору рассматриваемых в ней стихов и поэм.

Но не обижайтесь на меня — не Вам первому говорю я это: я не судья в таких случаях. Я решительно воздерживаюсь от каких-бы то ни было оценок статей или книг, посвященных моей литературной работе,— они пишутся не для меня, и мои мнения и суждения здесь не могут быть объективными.

Посылаю Вам в порядке «обменного экземпляра» новое издание моей книжечки «Статьи и заметки о литературе».

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

БРОДОВИЧ М. Я.

16 августа 1963 г.

Уважаемая Мария Яковлевна!

Ваше предложение относительно издания миниатюрными книжечками отдельных произведений классиков не может вызвать принципиальных возражений. Однако нужно учитывать, что такие издания, образец которых Вы мне прислали, имели большой спрос в пору, когда народному читателю были недоступны не только полные собрания сочинений классиков, но и однотомники избранных или отдельные издания крупнейших произведений. В наше время — иное дело. Наш читатель любит книгу «посолиднее», которую по прочтении можно поставить на полку своей небольшой личной библиотечки. Думаю, что этим главным образом объясняется то, что на книжном рынке у нас мало и редко появляются тоненькие книжечки, содержащие в себе одну какую-нибудь небольшую по объему вещь вроде «Моцарта и Сальери».

Книжечку Вашу возвращаю, поскольку она, по-видимому, имеет для Вас ценность как память о первом знакомстве с великим творением А. С. Пушкина.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

КИСЕЛЮ А. Т.

10 сентября 1963 г.

Уважаемый Александр Тарасович!

Организация школьного «литературного архива» дело, по-видимому, хорошее, поскольку оно затеяно с любовью и широким пониманием педагогической задачи. Но скажу прямо, что прямое участие самих современников-литераторов в такой форме «организации собственной посмертной славы» мне лично не представляется столь же оправданным. Не обижайтесь, я не первому Вам отвечаю в таком духе на подобные Вашей просьбы. Книги, какие нашлись у меня под рукой, посылаю.

Старые открытки с моим портретом очень, на мой взгляд, плохие, но они принадлежат Вам, поэтому возвращаю их. Фотография, на которой я, Луконин и Эм. Казакевич,— кажется, в Комсомольске-на-Амуре,— как раз хорошая, ее подписываю.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

В СЕКРЕТАРИАТ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

12 октября 1963 г.

Направляю на рассмотрение Секретариата полученное мною письмо пенсионера Аникина и другие материалы, касающиеся вопроса о доме-музее С. Есенина. Думаю, что отмалчиваться Секретариату здесь негоже, нужно решить этот вопрос, выделить, может быть, комиссию для поездки на место и т. д.

А. Твардовский

ХЕЙФЕЦУ Б. С.

4 ноября 1963 г.

Уважаемый тов. Хейфец!

Мне очень приятно, что «Теркин на том свете» понравился Вам и что Вы начали перевод его на еврейский язык. Но если такое намерение и даже частичное осуще-

ствление его — несомненное свидетельство Ваших симпатий к поэме, то симпатии еще не гарантия качества перевода. Я судить об этом, конечно, не могу по незнанию еврейского языка, но если бы я и мог найти такого знатока, способного судить о качестве Вашего перевода, то я не стал бы этого делать: я здесь в известном смысле лицо заинтересованное и всегда решительно уклоняюсь от роли «делопроизводителя собственной славы».

Лучше всего Вам послать свой перевод в редакцию журнала еврейской литературы «Советская Родина» (на еврейском языке).

Желаю успеха.

Рукопись перевода возвращаю.

А. Твардовский

КУРОЧКИНУ О. Р.

4 ноября 1963 г.

Дорогой Олег Ростиславович!

Ваша рукопись «Теркин в Сакском производственном управлении» для журнала или издательства не может представить интереса, поскольку это не есть самостоятельное художественное произведение, а лишь прямое подражание общеизвестному «Теркину», построенное на местном материале. Таких подражаний или «продолжений» «Теркина» существует очень много, и с литературной стороны они имеют интерес особого рода — как свидетельство популярности «основного» «Теркина» в читательских кругах и, так сказать, его вторичной жизни в форме, приспособленной к конкретным фактам жизни. Это как бы современный письменный фольклор, если можно так выразиться. Нередко эти подражания и переделки «Теркина» даже печатаются на страницах многотиражек и тому подобных изданий. Но это не меняет дела в смысле литературной оценки таких «Теркиных», как вообще не меняет, в сущности, дела большая или меньшая «набитость руки», литературно-техническая грамотность, владение стихом, как говорят (у Вас, например, все довольно бойко и грамотно).

Поверьте, что мне не доставляет удовольствия говорить Вам эти малоприятные вещи, но что же делать, если человек прислал 25 страниц стихотворного текста, имея

какие-то надежды на «реализацию» этой рукописи,— не отмолчаться же попросту? В таких случаях (и они не редки!) я стараюсь хоть вкратце откликнуться. И будьте уверены, что не первому Вам (и наверняка не последнему) я говорю такие жестковатые слова, хотя предпочел бы, чтобы их говорил за меня кто-нибудь другой.

Наконец, в Вашем «Письме Теркина к А. Твардовскому» говорится:

Может быть, письмо в стихах
К истине пробьется
Может, кто-нибудь в верхах
Нами вдруг займется.

Таким образом, Вы как бы ограничиваете свою задачу желанием только обратить внимание «верхов» на всяческие непорядки и неустройства в вашем производственном управлении. Но я должен сказать прямо, что Вы тем менее можете добиться реальных результатов, чем дальше будете от делового и точного изложения фактов, обозначения дат, цифр, названий местности. И нет необходимости в таком случае (в случае обращения к печати, к тем или иным органам управления) прибегать к стихотворной форме — она мешает изложению фактов, достоверности, документальной точности.

Рукопись Вашу я оставляю в моем «теркинском» архиве, где у меня хранятся такого рода отклики на книгу о Теркине — старом и новом. Возможно, что когда-нибудь эти материалы смогут быть частично или полностью опубликованы в каком-нибудь специальном издании.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ЛИСЯНСКОМУ М. С.

4 ноября 1963 г.

Дорогой Марк Самойлович!

Вы предполагаете, что стихи Ваши «Памятники» и «Ах, как все спешат оправдаться» не могут быть напечатаны по идейно-политическим соображениям. Я в них не нахожу ничего в этом смысле «криминального». Но дело в том, что стихи сами по себе, простите меня, так себе. Все, что в них говорится, уже было сказано, и покрепче. И уж заодно отмечу, хоть я не придаю решающего зна-

чения рифме (рифма хороша, которая не фиксируется как таковая), но жаль, что Вы так усиленно налегаете на «евтушенковскую», нарочито непритязательную рифмовку (ответственно — естественно, сохранить — похоронить, постаменты — аплодисменты и т. п.). Во-первых, нарочитая непритязательность уже не есть непритязательность — такие рифмы невольно фиксируются уже не как изысканные, а как слишком уж обедняющие словарь стиха. Во-вторых, и сам Евтушенко, мне кажется, уже отходит от этой мнимой невзыскательности в рифме,— он уже учуял, что это перестало быть «новацией». И, в-третьих, плохая рифмовка обнаруживается при отсутствии яркого, резкого, значительного содержания, мысли.

Впрочем, обучать Вас уму-разуму Вы меня не просили, и, как говорится, ученого учить — только портить.

Желаю Вам всего доброго.

Будет новое — присылайте.

А. Твардовский

ПАВЛОВУ И. В.

5 ноября 1963 г.

Уважаемый Илларион Васильевич!

Среди множества писем, получаемых мною от читателей по поводу «Теркина на том свете», Ваше, если не ошибаюсь, единственное, в котором содержится совершенно неожиданный для меня и, как я думаю, не заслуженный мною упрек.

Вы пишете, что в перенесении образа Теркина в условный «загробный мир» Вы усматриваете некий оттенок неуважения к священной памяти солдат и офицеров, павших в боях за Родину в годы минувшей войны.

Я решительно отклоняю этот упрек, так как в этой поэме-сказке речь идет, конечно же, не о павших, а о живых с мертвой душой, каких мы достаточно встречаем еще и теперь, после развенчания культа личности, в нашей действительности. Против них и направлено острие моей сатиры, и смешивать эту тему с темой, относящейся к памяти героев, отдавших жизнь за наше дело, за нас и наших детей, не следует и нет никаких оснований.

Я могу сказать, что суровой и скорбной теме подвига погибших я посвятил немало отдельных лирических стихотворений, в том числе такие, как «Я убит подо Ржевом»,

«В тот день, когда окончилась война», а также многие строфы и главы в старом «Василии Теркине» и других поэмах. И даже здесь, в этой сатирической поэме, не о «манекенах», как говорите Вы, идет речь, когда Теркин со своим «другом» видят

...тот отдел, что обозначен
Был армейскою звездой.

Вот они, эти строки, посвященные памяти павших, выделяющие всей своей тональностью и строем стиха лирическую тему из гротескно-сатирической в этой поэме:

Лица воинов спокойны,
Точно видят в вечном сне,
Что, какие были войны,
В их вместилися войне.
Отгремел их край передний,
Мнится им в безгласной мгле,
Что была она последней,
Эта битва на земле,
Что иные поколенья
Всех пребудущих годов
Не пойдут на пополненье
Скорбной славы их рядов...

Я глубоко уважаю Ваши родительские чувства, чувства отца, потерявшего сына на войне, и потому, конечно, особо обостренные в отношении памяти тех, кто не вернулся с фронта великой войны. Но среди моих корреспондентов, читателей «Теркина на том свете», Вы, конечно, не единственный, чье сердце хранит такую память, и, однако, никто еще из них не поставил мне в упрек того, о чем пишете Вы в своем письме.

Я хочу надеяться, что при повторном прочтении моей поэмы у Вас рассеется это первоначальное впечатление, ибо мне совсем не безразлично, что хотя бы в одной душе мой стих вызвал такой неожиданный и странный отзвук.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ПЛУЧЕКУ В. Н.

16 ноября 1963 г.

Дорогой Валентин Николаевич!

Мне доставило большую радость Ваше письмо, в котором сообщается о серьезных намерениях Театра сатиры

в отношении «Теркина на том свете». Я подчеркиваю — серьезных, так как в намерениях несерьезных, скоропалительных, словом, в «сценических композициях» по заведенному и безнадежному образцу уже нет недостатка. То, что Вы говорите о стремлении Вашего театра дать сценическую жизнь самому стиху, языку этой вещи, мне очень по душе и позволяет думать, что Вы, во всяком случае, ищете там, где что-то положено.

Благодарю Вас и желаю Вам и всему коллективу театра успеха в этом добром начинании.

Ваш *А. Твардовский*

РОМАНОВСКОЙ Н. И.

4 декабря 1963 г.

Уважаемая Нина Ивановна!

Вы очень хорошо сделали, что сами прислали мне стихи Вашей ученицы, так как мне легче Вам, чем непосредственно автору, сказать о них то, что я единственно могу сказать.

Эти стихи еще не означают сколько-нибудь определившегося призвания, наличия поэтического таланта — они целиком еще бессознательное увлечение способной девочки, целиком принадлежат ее возрасту. Здесь ничего указать нельзя наперед, но скорее всего можно предположить, что они пройдут с возрастом, и очень хорошо, что сама Наташа Еремеева не связывает с этими своими стихотворными упражнениями на заданную тему (не имеющими покамест ничего общего с поэзией) серьезных жизненных намерений в смысле выбора профессии и т. п. Пусть идет не на медицинский, так на филологический, на какой угодно — все хорошо, но не следует этой успевающей ученице, завтрашней студентке, внушать какие-либо надежды на ее уменье быстро и, как Вы сообщаете, без помарок излагать тему сочинения в стихах. Именно эта легкость — прямое свидетельство несерьезности этих опытов в смысле собственно литературном.

Я надеюсь, что Вы найдете наилучшую форму тактичного разъяснения этих моих слов Наташе Еремеевой о ее стихах и поддержите ее на том серьезном пути, который она избирает. По-английски я не знаю, но не думаю, чтобы ее английские стихи были лучше русских — вообще

это может лишь засчитываться как успешное овладение английским языком.

Благодарю Вас за добрые Ваши слова о моих писаниях.

Желаю всяческих успехов.

А. Твардовский

ГРЕЧАНОМУ А. И.

18 декабря 1963 г.

Уважаемый Алексей Иванович!

Мне очень приятно, что Вы не пожалели труда и перевели «Теркина на том свете» на украинский язык. Буду рад ознакомиться с Вашим переводом, хотя знания мои по части украинского языка не таковы, чтобы со всей определенностью судить о качестве Вашей работы. Оказать же Вам помощь «в реализации этого хорошего начинания» я, по понятным причинам, обещать Вам не могу,— лицо заинтересованное.

Присылайте.

А. Твардовский

СИНЕЦКОМУ В. К.

18 декабря 1963 г.

Уважаемый Валентин Ксенофонтович!

Появление «Теркина на том свете» отнюдь не противоречит моим словам в «Ответе читателям» о том, что продолжения «Василия Теркина» писать я не буду. Об этом, между прочим, еще раз сказано в самой нынешней поэме, где объясняется, почему автор не может вопреки всем пожеланиям «приписать» своего героя одному какому-нибудь «ведомству» или «отрасли»: «отраслевого» или «ведомственного» «Теркина» я не писал и писать не собираюсь.

Если иному читателю не ясно, что нынешний Теркин заключает в себе многие «ведомства» и «отрасли», что образ «Теркина» взят в противопоставлении его тем сторонам действительности, которые ему представляются

«мертвечиной» и отвергаются им как чуждые ему,— если это недостаточно ясно читателю, значит, автору не удалось в полной степени это выразить.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ПОРМАНУ Р. Н.

19 декабря 1963 г.

Уважаемый Рем Николаевич!

Статья «Деятельность советских писателей в Татарии во время войны» для журнала «Новый мир» не может представить интереса. Раздел, относящийся к «деятельности» главного редактора журнала, любопытен, наблюдения Ваши верны в основном, но публиковать это при мне — опять же мне представляется неудобным.

Рукопись возвращаю.

А. Твардовский

ЕВСТРОПОВУ Н. Т.

23 декабря 1963 г.

Уважаемый Николай Трофимович!

Мое стихотворение «Отец и сын», впервые напечатанное в газете Юго-Западного фронта «Красная Армия», помещено во втором томе моего Собрания сочинений (Гослитиздат, 1959, стр. 51) вместе с предпосланным ему кратким изложением факта встречи маршала С. М. Буденного с конармейцем Иваном Александровичем Трутневым и его сыном Алексеем.

С Трутневыми я не встречался, не знаю об их судьбе ничего, но мне кажется, что Вы ошибаетесь, предполагая, что речь в стихотворении идет о комиссаре полка (отце) и комиссаре отдельного кавалерийского дивизиона (сыне). Лицам таких званий не было нужды хлопотать о зачислении их в Действующую армию.

Вот все, к сожалению, что могу сообщить Вам по поводу этого стихотворения.

А. Твардовский

СОЛОМАТИНУ И. И.

23 декабря 1963 г.

Уважаемый Иван Иванович!

Ваше письмо с вырезкой из райгазеты получил, спасибо. Статья Ваша кажется мне вполне профессиональной, а Ваши наблюдения относительно внутренней идейной связи моих книг просто могут представить определенный интерес. О «Доме у дороги» писали вообще мало сравнительно с «Теркиным» и «Далями», и уже одно это указывает на самостоятельность Вашего выбора и определенных пристрастий в литературе.

Еще раз — благодарю, поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю всяческого благополучия.

А. Твардовский

НАРОДНОМУ АРТИСТУ СССР БАБОЧКИНУ Б. А.

27 марта 1964 г. Телеграмма

Примите, дорогой Борис Андреевич, по случаю Вашего славного шестидесятилетия, мои горячие поздравления и пожелания по-прежнему цвести Вашему могучему, истинно народному таланту — славе советского искусства. Особый поклон Вам за «Теркина».

Ваш *Твардовский*

ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ ИНТЕРНАТА № 2 В г. ИЖЕВСКЕ

13 апреля 1964 г.

Дорогие друзья!

Мне очень жаль, что я не смогу приехать к вам и вместе с вами принять участие в день рождения В. И. Ленина в закладке аллеи дубков. Идея эта очень хорошая — отметить этот день посадкой деревьев. Думаю, что и выполнено это будет не как-нибудь, а по-настоящему, с любовью и соблюдением всех необходимых условий для того, чтобы дубки принялись и не захирели. Значит,

нужно не только посадить хорошо, но и обеспечить уход за деревцами, поливку, охрану от повреждений и т. д.

Поздравляю вас с этим великим днем, с добрым вашим намерением отметить его достойнейшим образом и желаю вам всем всего самого доброго.

Ваш *А. Твардовский*

СИВОДЕДОВУ Г. Т.

27 апреля 1964 г.

Дорогой Георгий Тимофеевич!

Прошу извинения, что отвечаю кратко — измучен почтой до крайности.

За книгу «Всесоюзное совещание историков» спасибо. Она мне уже известна в общих чертах, и на нее редакция «Н. М.» намерена отозваться соответствующим образом, поддержав все то положительное, что содержится в этих выступлениях.

Поздравляю тебя и твою семью с Первомайским праздником, желаю всего доброго.

А. Твардовский

ВОЛКОВОЙ В. В.

27 апреля 1964 г.

Уважаемая Валентина Васильевна!

В Вашей книге «Ленин в Горках» на стр. 83—84 частично изложено предание, записанное со слов одного крестьянина деревни Горки, об этом указано в примечании к книге «Творчество народов СССР» (издательство «Правда», 1937). Но кем записано и является ли эта запись дословной или отчасти «обработанной» — неизвестно. Кроме того, мне помнится, что этот самый крестьянский рассказ я читал не в этой роскошной книге, а в другом издании, другого формата и меньшего объема и помнится, что там был автор (или авторы),— вроде книги Мирер и Боровик «Рассказы рабочих о Ленине».

Не смогли бы Вы мне сообщить что-нибудь об этом? Меня это очень интересует в связи с многочисленными запросами читателей об источниках моего стихотворения

«Ленин и печник», написанного на основе этого самого «рассказа крестьянина дер. Горки».

Был бы Вам очень признателен.

С уважением *А. Твардовский*

ЭРЕНБУРГУ И. Г.

19 мая 1964 г.

Дорогой Илья Григорьевич!

Я еще и еще раз перечитал главу, посвященную Фадееву, и, к сожалению, решительно не считаю возможным ее опубликование в «Новом мире». Мотивы свои я высказал Вам на словах, могу лишь повторить здесь, что Фадеева Вы, конечно, не желая того, рисуете в таком невыгодном и неправильном, на мой взгляд, свете, что, напечатав ее, я поступился бы дорогой для меня памятью друга и писателя. Это же относится и к отдельным строчкам о Фадееве, разбросанным там-сям в рукописи (стр. 243, 285, 358, 418).

Предложенная Вами «связка», которую Вы заключаете в скобки на стр. 187, соглашаясь опустить главу, не может быть принята,— это немыслимое дело — указать, что здесь опущена глава, которая не нравится редактору журнала,— это курам смех.

Подумайте и Вы еще раз, Илья Григорьевич, о том, как выйти из этого затруднительного положения.

С уважением *А. Твардовский*

КОЗЛОВУ Ф. С.

11 июня 1964 г.

Уважаемый Федор Сергеевич!

Прислать Ваш исторический очерк можно, конечно, и мне, т. е. в «Новый мир», но наперед могу сказать, что надежд на опубликование очерка о деревенском детстве эпохи до 1905 г. в нашем журнале, обращенном главной своей стороной к кипучей современности, почти никаких. А пролежать у нас рукопись на прочтении может весьма долго в ожидании своей очереди.

В Смоленске Вы могли бы обратиться к известному поэту, председателю местного отделения Союза писателей Рыленкову Николаю Ивановичу,— кстати, родом он из рославльских мест и недавно опубликовал страницы своих воспоминаний о рославльской деревне в годы перед первой мировой войной и в пореволюционные годы.

Еще можно обратиться к смоленскому же писателю и рославльскому крестьянину по происхождению — Шурыгину Василию Федоровичу. Работает он, кажется, в краеведческом музее, и Ваша рукопись составила бы для него специальный интерес.

Вот все, что могу посоветовать Вам.

С уважением *А. Твардовский*

ИВАНОВОЙ Т. Ф.

5 августа 1964 г.

Уважаемая Т... Ф...!

Все несколько сложнее, чем Вы себе представляете, в отношении изыскания литературного заработка. Ваши «1500 закладок» вряд ли можно обратить в дело (в смысле опубликования в печати цитат из печатных книг). Точно так же «наброски о творчестве Чехова (для детей)» — где это можно напечатать? Может быть, в журнале «Литература в школе», но и то я не уверен. Во всяком случае, «Новый мир» не может предоставить места таким слишком специального назначения работам.

А между тем письмо Ваше, особенно в первой части, где речь идет о Вашем опыте работы с художественным произведением в классе на уроке и до урока, свидетельствует о Вашей серьезной подготовленности, знаниях, вкусе и, по-видимому, способности писать. Но опять-таки это дело очень не вдруг дается, и иной строчкогон, гораздо менее Вас знающий и любящий литературу, но, как говорится, набивший руку, соответствующий заказ (рецензия, заметка и т. п.) выполнит без труда, а Вам пришлось бы попробовать и раз, и два, и десять раз, прежде чем получится то, что требуется. Словом, начинать очень трудно и рассчитывать на скорый успех в смысле заработка — надежда явно несостоятельная.

В № 7 «Нового мира» обратите внимание на читательское письмо библиотекаря Травкиной — это, в сущности,

небольшая статья, написанная совсем не профессионалом-критиком, но очень дельно и грамотно. Может быть, Вам для начала попробовать выступать с чем-то в этом плане? Например, написать о Вашей практике преподавания литературы. Подумайте. Только, пожалуйста, не думайте и не говорите так, что Ваша судьба сейчас зависит от меня,— это наивное преувеличение,— как видите, все не так просто.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ЖИРМУНСКОМУ В. М.

14 августа 1964 г.

Глубокоуважаемый Виктор Максимович!

По словам И. С. Маршака, Вы выразили согласие написать небольшую вступительную статью к публикуемой нами подборке переводов покойного Самуила Яковлевича из Вильяма Блейка. В бытность Вашу в Москве я пытался связаться с Вами по телефону, но неудачно. Этим письмецом я хочу подтвердить наше (редакции «Нового мира») желание получить именно от Вас такое вступление.

Мне незачем говорить Вам о том, что должно быть в этом предуведомлении читателя о В. Блейке, о котором он или ничего, или совсем мало знает.

Не откажите.

Заранее признательный Вам *А. Твардовский*

ШЕЙКО А. И.

25 августа 1964 г.

Уважаемый Андрей Иванович!

Вы просите «довести до ума» Ваше стихотворение «Ветер с юга», предполагая, что из него «могло бы получиться нечто вроде послереволюционного «Буревестника». Далее Вы, великодушно уступая авторство этого предполагаемого Вами «гимна Революции», говорите, что «задача довести до ума» это стихотворение становится «общественным делом».

Простите меня, но все это очень наивно и нескромно. С «Буревестником» Горького Ваше стихотворение имеет лишь то общее, что оно попросту подражает ему ритмически, а в целом представляет собою набор беспредметно восторженных слов, не имеющих ровно никакой литературной ценности.

Предлагаемая далее в вашем письме разработка темы «параллельного сельского хозяйства», опять же мыслимая Вами в соавторстве с кем-нибудь из опытных литераторов, на мой взгляд, не представляет интереса, по крайней мере—для журнала «Новый мир».

Не думаю, чтобы такие писатели, как Л. Иванов или В. Овечкин, работающие над проблемами развития сельского хозяйства и являющиеся серьезными знатоками этого материала, нуждались в помощи человека, который, как Вы сами сообщаете, в молодости работал один год в сельском хозяйстве, а теперь интересуется этими вопросами, как «любитель-болельщик», не имеющий к тому же «времени для чтения беллетристики» и даже не знающий, «кто из сотрудников журнала пишет сейчас о сельском хозяйстве».

Вот, к сожалению, все, что могу Вам сказать по поводу ваших «конструктивных» предложений.

А. Твардовский

РОМАНОВУ В. П.

6 октября 1964 г.

Дорогой Владимир П. (Вы почему-то не указали своего отчества полностью)!

Организация школьного клуба любителей литературы — дело хорошее и к тому же широко распространенное в школьной жизни.

Но согласитесь, что начинать это дело с вербовки «почетных членов», своего рода свадебных генералов,— это как-то неловко. Сперва должен быть клуб и просто члены клуба, а потом уж, по мере надобности, можно заиметь и почетных.

И второе: стоит ли начинать это дело в столь явном отрыве от жизни «простой и грубой», обращаясь к названиям, отдающим не первого сорта книжной романтикой — «Бригантина», «Алые паруса». И это в глубине края,

полного своей романтической красы, где даже одно название деревни — Таганай звучит своеобразной музыкой Сибири.

Воля Ваша, но я не могу одобрить этого намерения. Может быть, другой писатель, напр., К. Паустовский, был бы иного мнения, но раз уж Вы обращаетесь ко мне, прямо говорю: мне не нравится.

О стихах не буду говорить подробно,— для «Н. М.», по крайней мере, они еще слабоваты.

Не обижайтесь.

Желаю Всего доброго Вам и Вашим 495-ти.

А. Твардовский

УРАЛЬСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ № 532

16 ноября 1964 г.

Дорогие друзья!

Я хотел бы избежать общих и банальных слов, которые почти что неизбежны в таком случае, когда молодые люди, выпускники школы, просят почтенного товарища напутствовать их на пороге в большую «взрослую» жизнь. Мне думается, что это по праву и по долгу своему куда лучше сделают те старшие товарищи, которые подводят вас к этому порогу,— ваши учителя, которым вы в первую очередь и непосредственно обязаны всем, с чем вы покинете школу. А мне позвольте ограничиться моим горячим пожеланием всем вам доброй дороги в жизни, успехов и счастья.

Посылаю вам мою книгу «За далью — даль»,— пусть она останется в школе в память вашего выпуска.

Ваш *А. Твардовский*

КОТЛОВУ А. А.

1 февраля 1965 г.

Дорогой Алексей Александрович!

Трудно мне быть советчиком в отношении надписи на памятнике павшим, воздвигаемом в Луховке. Эта надпись не должна, мне кажется, прийти извне,— Вы, конечно же, найдете ее сами, исходя из знания местной жизни, на-

циональных (мордовских) оттенков народного представления о подвиге земляков и т. д.

Тем более я не могу рекомендовать что-нибудь «из себя». Мне даже кажется, что вовсе не обязательно там должны быть стихи. Может быть, просто: «Вечная память героям, павшим за свободу и независимость Родины»?

Впрочем, не буду подсказывать, ибо, повторяю, здесь Вам книги в руки.

Спасибо за письмо. Мой привет Вашей семье и товарищам по работе.

Ваш *А. Твардовский*

ДЕНИСЕНКО Г. И.

17 февраля 1965 г.

Уважаемый Григорий Иванович!

Ваши литературные опыты в виде маленьких рассказов или «заметок», как Вы их называете, на мой взгляд, покамест еще не представляются удачными. В них слишком выпячивается «тенденция», как бы из опасения, что читатель не поймет, что к чему. А читатель теперь сообразительный и требует к себе иного отношения: чтобы его не считали простачком. В чисто описательной части у Вас встречаются удачные штрихи, детали («белая ость битого стекла» — после бомбежки; «слышно было, как часы на самолете стучали» — «тишина в ожидании боевого взлета», и т. п.).

Но, помимо излишней дидактичности Ваших зарисовок, еще очень портят погрешности в языке («рассказали друг другу *за годы,* в которые не виделись») — это, по-моему, оборот, свойственный украинскому языку или даже тому южнорусскому смешанному говору, где можно, например, слышать: «Я за вами скучаю...». И еще: когда Вы описываете то, в чем не весьма осведомлены, описания эти наивны и аляповаты в своей «красивости». Например, об игре пианиста: «Пальцы его рук стали выплясывать по клавишам. Сказочные сплетения звуков образовывали южные музыкальные узоры, которые вызывали огоньки удовольствия в глазах присутствующих».

За фотографию Вашего брата Миши и Антона Фомченкова — спасибо. Это были мои друзья. С Фомченковым

я встречался и после войны, приезжая на родину в Починковский район, где он тогда был секретарем райисполкома.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

МАКВЕЮ ГОРДОНУ

31 марта 1965 г.

Дорогой Гордон Маквей!

Простите меня, что не ответил Вам сразу. Тому причиной не только моя страшная занятость, загруженность почтой, но и то, что я решительно уклоняюсь от ответов на вопросники, подобные Вашему. Мне кажется, что в моих книгах содержатся ответы на все вопросы относительно моих эстетических пристрастий более объективные, чем те, какие могут быть даны по каждому частному случаю. Вам не обязательно читать все эти книги, но возьмите одну: «Статьи и заметки о литературе» («Советский писатель», изд. 2-е), и она Вам многое сделает ясным.

Что касается конкретно Есенина, отвечаю кратко: я не испытал его влияния, разве что в самом раннем бессознательном возрасте, когда только что начинал писать. Его лирический дар я признаю, но не склонен преувеличивать его значение, влияние на развитие нашей поэзии. Для меня в юношеский период куда большее значение имел Михаил Исаковский с его реализмом в изображении деревни (об этом Вы могли прочесть в моей «Автобиографии»), хотя сам Исаковский в то время как раз был под заметным влиянием Есенина. Так бывает!

Простите, но не имею возможности быть более подробным.

Желаю Вам успеха в Вашей работе.

С уважением *А. Твардовский*

ГОРДЕЕВОЙ Л. Н.

31 марта 1965 г.

Уважаемая Лилия Николаевна!

Приехать в Палех для встречи с учащимися Вашей школы я, конечно, не смогу,— не обижайтесь, я *всем* отказываю в подобных случаях.

Написать Вашим ребятам «наставление» или «поучение», мне кажется,— это было бы, простите, чем-то фальшивым: человек, не знающий ни особых условий, ни даже общего «профиля» спецшколы, поучает, как следует там учиться и как себя вести, чтобы все было хорошо. Согласитесь, что это что-то не то.

Наконец, Вы просите, чтобы я прислал «говорящее письмо» на тему о том, как был написан «Василий Теркин». Но зачем я буду записывать то, что уже много раз печаталось? Неужели это нельзя прочесть по книжке, если это кому-нибудь интересно? Кстати, только что вышла книжечка, как раз та самая, высылаю ее Вам.

Еще раз простите меня, но я очень, очень занятой человек, мне некогда диктовать «говорящие письма», да я и не вижу в этом такой уж необходимости.

Желаю Вам и Вашим ученикам всего самого доброго.

А. Твардовский

БЛИСКОВСКОМУ З. Д.

31 марта 1965 г.

Уважаемый Зундель Давыдович!

Благодарю Вас сердечно за Ваше умное и доброе письмо,— не будь оно обращено ко мне, я бы его рассматривал как отличную, содержательную статью для печати.

И спасибо большое за прекрасный подарок — книги о Сибири Дедлова и Дж. Кенанна. К стыду моему, я их прежде не читал, зато теперь проглотил одним духом.

Простите, что в данный момент мне нечем отдарить Вас — нету под рукой даже приличного издания «Далей». Словом — за мною. Еще раз спасибо.

А. Твардовский

НЕСМЕЯНОВУ А. Н.

31 марта 1965 г.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Мне очень памятно наше с Вами заочное знакомство, когда Вы любезно согласились отрецензировать статью И. Зыкова о новом здании МГУ. И мне приятно, что Вы вспомнили об этом.

Автор стихов, присланных Вами, человек несомненно начитанный в поэзии, знающий и западных поэтов, возможно даже не по переводам, обладающий чувством природы стиха и способный порой на хорошо уловленную деталь (например, дятел, забивающий гвозди по шляпку, и др.).

Но мне кажется, что стихи его не обладают в полной мере той необходимостью и незаменимостью высказывания именно в этой странной и даже противоестественной (по Л. Толстому) речевой форме, которые отличают подлинную поэзию от ее подобий. Здесь многое от любви к стихам, от привычки пользоваться ими в своем духовном обиходе. Поэтому часто не он, имярек, а отголоски его любимых образцов поэзии (Блок, Пастернак, может быть, Мандельштам).

Словом, по-моему, [...] прав, что покамест не публикует своих стихов. Может быть, это можно будет сделать, когда их наберется побольше и будут более широкие возможности выбора.

Во всяком случае, способность к изъяснению своих чувств, настроений, наблюдений природы в стихах украшает личность ученого такой суровой отрасли, как химия. Если бы я в четверть того, что он знает и может в поэзии, знал и мог в химии, я бы просто зазнался.

По многолетней привычке я что-то черкал, помечал на рукописи. Может быть, в данном случае я должен был этого не делать,— простите.

А. Твардовский

УЧЕНИКАМ ТОКМАКСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 3

31 марта 1965 г.

Дорогие друзья!

Очень бы не хотелось огорчать Вас, но вы ставите передо мной совершенно невыполнимую задачу: написать *для вас* большую обзорную статью о советской поэзии. Во-первых, у меня нет для этого времени, во-вторых, если бы оно нашлось, я бы спешил закончить то, что начал по своему желанию, а не стал бы писать эту статью, и в-третьих, если бы уж стал ее писать, то не посылал бы ее вам в виде рукописи, а опубликовал бы ее в журнале, и она бы сама собой дошла до вас и других читателей.

Что же делать? — спросите вы.— Мы так любим поэзию, хотим знать о ней все, что возможно, как же нам быть?

Могу ответить только так, что нужно читать, следить за журналами, сопоставлять различные точки зрения, оценки, беседовать, спорить, выявлять свое отношение к тому или иному факту поэзии, наконец, думать.

Было бы очень легко (и неинтересно) жить, если бы любую группу вопросов можно было разрешать, обратившись к тому или иному лицу: «Напишите нам...»

Прочтите, например, в № 1 «Нового мира» мою статью «По случаю юбилея». Может быть, какая-то часть ваших вопросов отпадет сама собой.

Не обижайтесь на меня, пожалуйста, но иначе ответить вам я не могу.

Желаю вам всего самого доброго. Увлекаясь проблематикой современной поэзии, не забывайте, однако, что школу нужно окончить прилично по всем предметам,— в первую очередь в этом желаю вам успеха.

Мой привет вашей учительнице Александре Васильевне.

Ваш *А. Твардовский*

БАБОРЕКО А. К.

18 апреля 1965 г.

Дорогой Александр Кузьмич!

Спасибо большое за предоставленные мне материалы по Бунину, каковые возвращаю в целости. Спасибо за «Арсеньева» и другие Ваши дары.

Я непременно имел в виду просить Вас прочесть мою статью и рад, что Вы согласились это сделать, но, просмотрев ее сейчас, решил покамест не давать ее Вам,— там еще много пустоток и длиннот,— надо еще посидеть. А затем, конечно, представлю ее на Ваш суд, хотя, конечно, у меня не могло быть никаких монографических претензий, и с этой стороны к ней подходить не нужно.

Она сдана в редакцию Гослита, чтобы там поверили в ее реальность.

Еще раз спасибо.

Ваш *А. Твардовский*

МИРОНОВУ В. Б.

8 июня 1965 г.

Уважаемый Вениамин Борисович!

Отвечаю на Ваши вопросы:

1) Какие я имею поощрения и награды? — Два ордена Ленина, ордена Отечественной войны I и II степени, орден «Красная звезда», Ленинская премия — за поэму «За далью — даль», Государственные премии за поэмы «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги».

2) Картину «Отдых после боя» (по поэме «Василий Теркин») написал ленинградский художник Юрий Непринцев.

3) Наиболее удачными главами «Василия Теркина» можно считать «Переправу», «Два солдата», «Бой в болоте», «Отдых Теркина», «Смерть и воин», «От автора» (первая и заключительная).

4) Что следует «почерпнуть ученикам в «Книге про бойца»,— на этот вопрос мне удобнее не отвечать. Вы — педагог и воин — сделаете это лучше меня.

С добрыми пожеланиями Вам и Вашим ученикам

А. Твардовский

КОВАЛЕНКО Е. Г.

8 июня 1965 г.

Уважаемая Евдокия Григорьевна!

На Ваш запрос относительно номера в/части, где мы с Вами служили во время войны, я не мог сразу ответить, так как сам не помнил этого номера. Я обратился к художнику Верейскому О. Г., которого Вы, конечно, помните, и он мне сообщил, что в разные годы были разные номера, а именно:

1) в 1941—42 гг.: полевая почта 736, п/ящик 26;

2) в 1943—44 гг.: полевая почта 55563.

И был еще один номер, в какие годы, точно не мог сказать и Верейский, скорее всего в конце войны: п/почта 15205-К.

Вот все, что могу Вам сообщить. Если этого недостаточно для Ваших хлопот о пенсии, напишите мне — укажите точно срок Вашей работы в редакции (Вы, кажется, были вольнонаемной?) — с какого года и месяца по какой год и месяц. У меня сейчас нет под рукой адреса полковника Баканова Николая Александровича, но я с ним свяжусь,— он должен знать все в точности.

Желаю Вам доброго здоровья и успехов в Ваших хлопотах.

А. Твардовский

СОЛНЫШКИНУ П. Т.

25 июня 1965 г.

Уважаемый Петр Трофимович!

Вы ставите меня в крайне затруднительное положение, прислав мне стихи тяжело больной, прикованной к постели Доры Зильберберг.

Я надеюсь, что Вы это сделали без ее ведома, но если она знает об этом, то положение осложняется. Стихи-то слабенькие, о напечатании их в «Новом мире» не может быть речи, а рекомендовать их, как Вы просите, «куда-нибудь», поймите, это получается нехорошо: сам не печатает, а другим рекомендует. Солгать же автору, похвалить эти стихи — это не только не в моих правилах, но думаю, что это недопустимая вещь со всех точек зрения.

Словом, ставлю Вас в известность, что я писать автору не буду.

А. Твардовский

ПИЧ ЕВЕ-МАРИИ

26 июня 1965 г.

Уважаемая Ева-Мария Пич!

Конечно, я вспомнил о встрече с Вами в г. Хемнице в 1951 году, где Вы как переводчица помогали нам, советским писателям, беседовать с немецкими товарищами.

Что касается возможности опубликования в «Н. М.» статьи о влиянии Достоевского на Томаса Манна, то прежде всего необходимо ознакомиться с этой работой. Боюсь лишь, что объем диссертации не по нашим возможностям. Но тема очень интересна (я лично очень люблю Т. Манна, как и Достоевского, и непременно прочту Вашу статью). Присылайте.

С уважением *А. Твардовский*

МАКАРОВУ О. Б.

20 сентября 1965 г.

Уважаемый Олег Борисович!

Внимательно прочел Ваше пространное, убежденное и искреннее письмо. Уже по одному тому, что это письмо содержит в себе существенные критические замечания по статье «О Бунине», оно заслуживает особого внимания. К сожалению, не имею физической возможности входить в подробности, ограничусь двумя самыми необходимыми возражениями Вам.

1. При всей моей любви к Бунину, которого обожал в моей литературной юности и от которого позднее получил восторженный отзыв о моем «Теркине», я не принадлежу к «секте бунинистов», безоговорочно, апологетически оценивающих каждую его строку. Мне не трудно понять, откуда у Вас и Ваших сверстников такое молитвенное, «культовое» отношение к этому художнику, но разделить это отношение я не могу.

2. «Спор» идет в неравных условиях. Моя статья напечатана в журнале, пользующемся пристальным вниманием всех и понимающих и непонимающих, обращена к «граду и миру», а Ваше письмо к одному мне — без обязательств, без той ответственности, которая была бы, если бы Вы свои возражения высказали мне в печати. Конечно, это не лишает письмо его ценности собственно эпистолярного документа, и я благодарю Вас за этот нелицеприятный читательский отзыв. Вы наверняка могли бы написать что-нибудь для печати. Может, попробуете?

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

БЕЗРУКОВУ Л. М.

20 сентября 1965 г.

Дорогой товарищ Безруков!

Спасибо за Ваше хорошее письмо,— из всех писем по поводу статьи «О Бунине» оно — что называется — с прибылью: с большим удовольствием прочел отрывки из писем Вашей матушки. Очень яркое свидетельство богатства, гибкости, безбоязненности относительно нового и старого в живой современной народной речи. Правда, мне показалось, что это не письма «малограмотной крестьянки», как Вы сообщаете, а скорее записи со слов ее, сделанные опытной рукой «собирателя». Даже и в этом случае — интересно, ценно. Но если я ошибаюсь — и это подлинные эпистолярии, то не подобрать бы Вам побольше этих кусочков (а лучше дать копии полностью) и прислать нам со своим кратким «сопровождением». Не говорю наверняка, но вполне возможно, что мы бы тиснули такой материалец. Попробуйте.

Оттиск статьи посылаю Вам. Вы почему-то не указали своего имени-отчества, поэтому лишен был возможности именовать Вас, как положено по-русски.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

ТЕРЕХОВОЙ Е. Н.

11 ноября 1965 г.

Глубокоуважаемая Екатерина Николаевна!

Большое спасибо за Ваше доброе письмо о моих стихах в девятой книжке «Нового мира». Я принимаю с признательностью это слово вдумчивого и взыскательного читателя, потому что Ваше вступительное замечание о том, что эти стихи «не вершина» для меня, не оставляют ни малейшего сомнения в Вашей искренности и прямоте.

Не стоит Вам говорить в отношении себя о «последней черте»,— покамест так ясен Ваш взгляд и так широк и бескорыстен интерес к жизни, к искусству — все хорошо и давай Вам бог еще долго и долго сохранять этот духовный уровень.

С уважением *А. Твардовский*

КЕЛДЫШУ М. В.

5 января 1966 г.

Глубокоуважаемый Мстислав Всеволодович!

Редакция «Нового мира» в одном из ближайших номеров журнала предполагает опубликовать неизвестную ранее статью Д. И. Менделеева «Какая же Академия нужна России?». Эта статья, продиктованная Д. И. Менделеевым в 1882 году и остававшаяся нерасшифрованной более 80 лет (она записана особой, ныне устаревшей системой стенографии), представляет, по нашему мнению, исключительный интерес и содержит в себе замечательные мысли по поводу того, что нужно для расцвета науки в России.

Статья представлена журналу профессором Б. С. Мейлахом, который исследовал ее историю и подготовил к печати.

Редакция просит Вас, глубокоуважаемый Мстислав Всеволодович, сопроводить статью Менделеева своим предисловием и высказать свое мнение о ней и о соотношении предложений и прогнозов Д. И. Менделеева с сегодняшними задачами Академии наук СССР. Зная о Вашей крайней занятости, мы допускаем, что Ваше выступление может быть и совсем кратким (но, разумеется, его объем оставляем полностью на Ваше усмотрение). Однако в любом виде оно представляло бы большой интерес для читателей.

Не откажите в любезности сообщить свой ответ на нашу просьбу.

Прилагаю экземпляр статьи Менделеева.

С глубоким уважением *А. Твардовский*

М—Р Ц. Г.

21 января 1966 г.

Уважаемая Цецилия Григорьевна!

Хотя Ваше письмо «циркулярное», т. е. с одинаковым текстом для многих адресатов, и на такие письма я обычно не отзываюсь, все же, поскольку речь идет о Лермон-

тове, отвечаю по необходимости кратко, иначе вовсе не соберусь.

Мне кажется, что затеянная Вами анкета о Лермонтове, которую Вы предлагаете «виднейшим писателям», в данное время не имеет такой целесообразности, какою оправдывалась анкета К. Чуковского относительно Некрасова в десятые — двадцатые годы. В ту пору К. Чуковский как бы заново открывал Некрасова, чья поэзия и личность были заслонены «новейшими» именами и явлениями поэзии, оттеснившими великого поэта революционной демократии на задний план как нечто принадлежащее лишь своему времени (что это было не так, явствует хотя бы из того, как поэзия Некрасова сказалась на крупнейших поэтах XX века — Блоке и Маяковском).

С Лермонтовым дело никогда не обстояло в таком роде. Наоборот, известно широко распространенное среди молодежи (дореволюционной, гимназической, да и советской) с необходимыми оговорками подчеркивание предпочтения Лермонтова Пушкину.

Теперь же, когда недавнее 150-летие Лермонтова, так широко отмечавшееся, подняло огромный вал всевозможных исследований и работ (в том числе множество беллетристических), посвященных творчеству и биографии Лермонтова и т. д., Ваша анкета мне представляется малопродуктивной. Разве есть необходимость доказывать, что Лермонтов — великий продолжатель Пушкина, великий предшественник Некрасова в поэзии, предтеча Л. Толстого в прозе.

Так мне кажется. Говорю об этом, чтобы Вы не думали, «что неизвестному человеку никто не ответит» из невнимания или равнодушия к поэзии Лермонтова.

С уважением *А. Твардовский*

ЛЕОНИДОВУ Л. Д.

21 января 1966 г.

Уважаемый Леонид Давыдович!

Простите, что так задержал с ответом, но я все не мог собраться прочитать Вашу книгу «Рампа и жизнь»,

которую Вы мне любезно презентовали в бытность мою в Париже.

Теперь я ее прочел и, поскольку Вы просите меня «ответить совершенно откровенно» относительно возможности переиздания Вашей книги в СССР и высказать свое личное впечатление от нее, хотя бы оно было и «не очень лестным» для Вас, я так и поступаю.

Книга читается не без интереса, в ней есть любопытные детали артистического быта, удачные зарисовки людей русской сцены, некоторые черты истории артистической эмиграции и т. п. Книга не содержит в себе явно антисоветского злопыхательства, правда, нет в ней и «лояльности». Любовь к родной земле, к России ограничивается воспоминаниями веселой и беззаботной молодости человека обеспеченного, который мог себе позволить удовольствие жить в излюбленном мире театра, в среде артистов, связать свою судьбу с ними.

Но главное, пожалуй, в том, что по самому характеру Вашего жизненного опыта в искусстве Вы говорите не об искусстве, не о его природе, загадках, особенностях, но ближайшим образом — о формах и методах сбыта искусства, преподнесения его тому или иному театральному залу. И здесь Вы — на высоте своего антрепренерского мастерства, находчивости, интуиции. Но задача «сбыта» искусства в нашей стране настолько не актуальна (было бы что «сбывать», а спрос безграничен!), что, боюсь, выпуск в свет «Рампы и жизни» у нас — дело маловероятное.

Вот примерно все, что могу Вам сказать.

С уважением *А. Твардовский*

ЧЕРНОВУ Ю. М.

15 февраля 1966 г.

Дорогой Юрий Михайлович!

Вынужден Вас огорчить.

В стихотворении «Неудача» Ваше содержание заслоняется чуждой ему интонацией.

Неудача моя, неудача,
Никуда не уйти от тебя, —

вслушайтесь:

Голова ль ты моя удалая, —
Долго ль буду тебя я носить.

И когда в концовке Вы утверждаете:

Неудача моя, неудача, —
Ты ступенька к удаче моей, —

то «музыка» этого двустишия находится в резком несоответствии с этим утверждением,— тут энергия и решимость к труду и преодолению неудачи только в «словах», а «музыка» другая — вялая, унылая.

Это один из самых трудных «секретов» поэзии — соответствие музыки содержанию. Он Вам здесь явно не дается.

«Записная книжка» также мертвенна ритмически, напоминает множество каких-то сходных стихотворных мотивов.

«Белые стихи» рассудочны, описательны и не глубоки. Может быть, только одна строчка о желуде:

Могучий дуб до срока дремлет в нем, —

обладает каким-то поэтическим зарядом.

Белые стихи не должны легче писаться, чем рифмованные, наоборот, в них отбор и постановка каждого слова требуют куда большей строгости, выверенности. Но главное, главное — значительность, *необходимость* содержания,— без этого — просто проза, расположенная не сплошным честным текстом, а в порядке стихотворных строчек. Простите, не имею возможности быть более подробным.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

КРАСИЛЬЩИКУ С. И.

1 марта 1966 г.

Дорогой Семен Иосифович!

О Николае Дорошевиче у меня сохранилась самая хорошая и светлая память,— славный был человек, уже, как и я, великовозрастный по сравнению со средним студенческим уровнем, серьезный и добрый.

Память о нем мне еще дорога и тем особым обстоятельством, что он был одним из трех коммунистов, рекомендовавших меня в партию в 1938 г. Все это так, но для очерка-портрета этого маловато за давностью времени

и утратой всяких связей с ним по окончании ИФЛИ. Да и обращаться к мемуарному жанру я еще воздерживаюсь.

Мог бы я еще сказать, что не очень сочувствую идее издания такого сборника, посвященного лишь памяти товарищей как бы «лицейской» корпорации (мало ли институтов, так же точно простившихся со многими своими выпускниками и неокончившими студентами), да уж не буду.

Не обижайтесь, пожалуйста.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

КОСОЛАПОВУ В. А.

8 апреля 1966 г.

Дорогой Валерий Алексеевич!

Не имея возможности принять участие в заседании по Собранию сочинений С. Я. Маршака 9 апреля, в дополнение к прежним моим устным и письменным заявлениям по этому вопросу — сообщаю:

1. Считал и считаю, что план посмертного издания Сочинений С. Я. Маршака должен придерживаться принципов прижизненного четырехтомного издания в смысле состава и расположения материала.

2. Объем первого посмертного издания не должен быть более 6 (шести) томов (против четырех томов прижизненного, законченного в 1961 г.), которые вполне могут, на мой взгляд, обнять все наиболее значительное из написанного в последние годы или опущенного автором при составлении прежнего издания.

3. Постепенное выявление путем публикаций в периодике или отдельных изданий других ценных работ покойного поэта может позволить при переиздании данного собрания дополнить его еще одним, двумя и т. д. томами.

Э. С. Маршак мною поставлен в известность относительно моего окончательного мнения.

Ваш *А. Твардовский*

КЛИМОВСКОЙ М. А.

4 июня 1966 г.

Уважаемая М... А...!

Запросов по поводу «Теркина на том свете», подобных Вашему, я получаю очень много,— ответить всякий раз каждому корреспонденту в отдельности — дело почти невозможное.

Я надеюсь сопроводить третий том моего нынешнего пятитомного Собрания сочинений, где помещается эта поэма, специальной статьей примерно в таком плане, как мой «Ответ читателям «Василия Теркина».

Во всяком случае, Вы правильно понимаете, что в «Теркине на том свете» не один «смех» (хотя и смех; человечество, по Марксу, смеясь расстается со своим прошлым; смех — начало победительное) и не одна сатира,— там есть и лирика, и даже патетические мотивы. Спектакль Театра сатиры, поставленный по поэме, очень хорошо выявляет эти различные стороны «Теркина на том свете». Если будет возможность, оказия, очень советую посмотреть этот спектакль,— правда, до конца сезона остается только июнь.

Фото посылаю.

Желаю Вам всего доброго, уверен, что Вы и без моей помощи (автор в таких случаях, вообще говоря, не помощник) справитесь со своей задачей.

С уважением *А. Твардовский*

БЫКОВУ В. В.

Пахра, 8 июня 1966 г.

Дорогой Василий Владимирович!

Только на днях мне удалось прочесть Вашу речь на съезде белорусских писателей, хотя наслышан о ней я был уже давно и не могу не выразить Вам своего искреннего восхищения тем достоинством, с каким Вы выступили в столь трудный для Вас (и нас, «Н. М.») момент. И как великолепно, что не о себе, не только не о себе в общепринятом плане («только теперь я понял...» и прочее), но и ни с какого боку. Дельно, значительно, по-взрослому. Да, именно так стоит сейчас вопрос: либо

литература, либо некое подобие ей, прикладного, иллюстративного значения.

Если бог сподобит услышать три-четыре таких речи на предстоящем съезде, то, хоть я не считаю, что на съездах делается литература, какой-то благотворный поворот обозначится непременно.

Крепко жму Вашу руку. С большим интересом жду любой Вашей страницы не только как редактор, но как читатель, хотя эти мои слова не означают апологетического отношения к Вашей последней вещи целиком. Но мои претензии к ней, собственно, ко второй ее половине,— претензии чисто литературного порядка, которые, однако, не могли послужить к постановке вопроса о том — печатать или не печатать повесть в «Н. М.», то есть, конечно, печатать.

Крепко жму Вашу руку, желаю всего самого доброго. Что будет — хотя бы и не столь объемное, хотя бы и не «чисто художественное» — присылайте.

Ваш *А. Твардовский*

БЕЛОВУ В. И.

9 июня 1966 г.

Дорогой Василий Иванович!

С большим удовольствием прочел «Привычное дело» в «Севере». Очень хорошо, густо и без обиняков в отношении жизненной правды. Порадовался за Вас искренне,— ведь и в том, что мы отклоняли, были «зерна», но эта вещь — решительный подъем по сравнению со всем прежним. Можно было бы пожалеть, что повесть напечатана не в «Новом мире», но, пораздумавши, нахожу, что, может быть, это даже лучше, что она напечатана в другом журнале [...].

Очень хороша многодетная супружеская пара Африканыча и Катерины с ее бедами и трудностями, с подлинной человеческой любовью.

Параллельная женской судьбе судьба коровы близка айтматовскому повествованию о коне и человеке, но, конечно, вполне самостоятельная. Вообще примечательный это мотив.

О «Привычном деле» будет отклик на страницах «Нового мира».

Жду чего-нибудь новенького, пусть небольшого по объему, но не подгоняю, не тороплю.

Жму Вашу руку.

А. Твардовский

РОТТУ В. А.

9 июня 1966 г.

Уважаемый Виктор Александрович!

Повесть Ваша, Вы говорите, «написана потоком сознания». Не знаю, если этот «поток» означает сбивчивую, перепрыгивающую с одного на другое речь, заставляющую читателя с напряжением догадываться, что про что,— тогда, может быть, это и есть стиль «модерн», «поток сознания», о котором Вы что-то слышали. Но у меня впечатление иное: вещь написана языком той газеты, где работает Ваш герой, или, вернее, тем обиходным журналистским «трепом», который, к сожалению, так характерен для этой среды («вкалывать» и т. п.).

Далее. Вы говорите, что «речь в повести о самом корне наших сегодняшних бед». Неясно, какие именно беды Вы имеете в виду, но «борьба» Вашего героя, молодого журналиста, циника и карьериста по призванию («В областной газете труднее в партию поступить»), против бюрократических порядков, сложившихся в редакции, против ненавистного редактора, любовные томления героя и всяческие «затемнения» его психики — все это не производит впечатления, что речь идет о «корне», о чем-то существенном.

Для «Нового мира» повесть решительно не подходит.

Не спешите браться за «объемные» вещи, напишите рассказ, очерк — не для газеты, для большого серьезного журнала, потренируйтесь «на малом поле», научитесь владеть авторской речью, а не «потоком» — все это дешевка.

Желаю успеха.

Рукопись возвращаю.

А. Твардовский

ПЕТЕРУ МИХАЮ

13 июня 1966 г.

Дорогой Михай!

Получил Ваше письмо и статью «О рифме». То и другое очень было приятно прочесть, еще раз почувствовать, что Ваша первая работа о моих вещах — не случайный эпизод в жизни ученого филолога. Очень рад, что томик лирики наконец-таки выйдет и на венгерском. Ваше внимание к этому изданию — залог, по крайней мере, безупречности перевода. Спасибо, спасибо!

Не собираетесь ли в Москву? Будете — звоните, заходите. М. И. Вам кланяется, также Александр Григорьевич.

Будьте здоровы.

Ваш *А. Твардовский*

РАБОТНИКАМ ПОЧИНКОВСКОГО РАЙОННОГО ДОМА КУЛЬТУРЫ—ТОВАРИЩАМ ПАРАМОНОВУ, ВРУБЛЕВСКОМУ, ВОЛОДЧЕНКОВОЙ, КУЗНЕЦОВОЙ

18 июля 1966 г.

Дорогие земляки!

Благодарю Вас сердечно за выражение добрых чувств к «Теркину». Что же касается Вашей просьбы написать для вас «мирную небольшую биографию Теркина» в форме небольшой поэтической инсценировки, то, право же, вы переоцениваете мои возможности, полагая, что это для меня задача, не представляющая особого труда. Дело в том, что инсценировок я не пишу,— это меня инсценируют, как, например, К. Воронков, написавший инсценировку «Василия Теркина», по которой и создан спектакль, идущий в ряде театров,— без особого, впрочем, успеха.

Далее. Насчет возможности написания «мирного Теркина» я подробно объяснялся с читателями в моей статье «Ответ читателям», неоднократно печатавшейся. На случай, если она вам неизвестна, посылаю ее отдельное издание.

Некоторые пояснения на этот счет вы найдете и в моей поэме «Теркин на том свете», которую также посылаю вам.

Вот, к сожалению, все, что могу сказать по поводу вашей просьбы, изложенной, надо сказать, в весьма своеобразной литературной форме.

Желаю вам всяческих успехов.

Кстати, отчество мое Трифонович, а не Трофимович.

Ваш *А. Твардовский*

БУШКО О. М.

27 июля 1966 г.

Уважаемый Олег Михайлович!

Простите, пожалуйста, что так задержал с ответом. С рукописью Вашей ознакомился сразу же по получении, но мне не хотелось выносить ей окончательный приговор единолично. Я передал ее моему заместителю А. И. Кондратовичу, отзыв которого прилагаю.

Что касается моего личного мнения, то вот оно. В Вашем повествовании об отце есть ценные страницы, освещающие, например, такой момент подготовки Октябрьской революции, как работа «Солдатской правды» в период после Февраля, армейская обстановка, настроения, брожения и т. п.

Но мне показалось, что, хотя Ваше отношение к биографии отца делает Вам честь как сыну, все же нельзя, по-моему, комментировать документы — прямые и косвенные — этой биографии так, как если бы речь шла о Марксе и Энгельсе. Это производит невыгодное впечатление, тем более что нельзя сказать, чтобы все стороны, все факты биографии отца характеризовали бы его безупречно.

Еще раз — извините за задержку ответа.

Рукопись возвращаю.

А. Твардовский

ОСТРОВСКИ А.

9 декабря 1966 г.

Многоуважаемый пан Островски!

Благодарю Вас за «Дали», изданные Вами в переводе Л. Левина на польский.

Внешне книжка очень хороша — оформлена со вкусом и чутьем к тому, что оформляет.

Судить о переводе я, несмотря на мою фамилию, восходящую к образам польской мифологии, к сожалению, не могу. Но у меня есть друзья, знающие польский, и один из них — А. М. Марьямов — уже сказал мне, что перевод весьма хорош, чему я очень рад.

Еще раз спасибо.

Ваш *А. Твардовский*

ТКАЧЕНКО И. И.

9 декабря 1966 г.

Уважаемый Иван Иванович!

Ваши сведения о том, что «Надя Кутаева воспета в одном из стихов А. Твардовского», не совсем точны: у меня есть очерк «Надя Кутаева», написанный в 1942 г., зимой, и напечатанный тогда же во фронтовой газете «Красная Армия». Теперь его можно найти в моей книге «Родина и чужбина» (Собрание сочинений, т. IV).

Еще о Кутаевой могу сообщить, что года два назад она писала мне из Бреста (БССР), просила помочь в отношении квартиры,— я по этому вопросу писал в разные инстанции,— кажется, дело устроилось.

Очерк о Калитве — хорошая мысль. Попробуйте. Только нужно иметь в виду, что для журнала надо писать не так, как для райгазеты,— поосновательнее. За образец делового очерка я бы советовал взять, например, очерки Ю. Черниченко, печатавшиеся в «Новом мире» — «Русская пшеница», «Промысел — помощник». Или очерки И. Зыкова, в разное время печатавшиеся у нас.

Желаю успеха.

А. Твардовский

КИПКО Ю. В.

9 декабря 1966 г.

Уважаемая Юлия Витальевна!

Вопрос Ваш относительно того, считаю ли я «темп и интонацию компонентами ритма» и т. п., носит несколько

отвлеченный характер, и я, по совести, не имею интереса к таким вопросам.

Что же касается того, что «о Бунине почитать нечего», то Вы ошибаетесь: возьмите нынешнее Собрание сочинений И. А. Бунина, там, кроме моей статьи, много других — сопроводительных к каждому тому, в частности, очень хорошие статьи О. Михайлова. Кстати, и Бунина почитаете, которого, как Вы сами говорите, знаете «плоховато и даже совсем нехорошо».

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

БАЗИЛИССКОМУ А. И.

20 декабря 1966 г.

Уважаемый Александр Иванович!

Я согласен с Вами в том, что жертвы первой мировой войны не заслуживают забвения и что в той войне, хотя она не была народной, были, конечно, многие примеры героизма русского солдата и были образцы искусства русских военачальников (например, Брусиловский прорыв и наступление). Эти примеры и образцы, разумеется, могут быть по праву отнесены в истории к страницам нашей воинской славы.

Но столько прошло уже времени и столько есть примеров образцов народного героизма в гражданской, Великой Отечественной войнах и столько еще есть незаслуженно забытых имен эпохи революции, столько «неизвестных солдат», отдавших за нее жизнь. И неудивительно, что память подвигов и жертв той войны уже заслонена ближайшей по времени и значению памятью подвига и жертв народа, и, повторяю, памятью неполной, не всеобъемлющей. Живые больше думают про живое — таков уж закон жизни. Но история, конечно, ничего не забывает, и в ее книге рано или поздно всему находится свое место. Между прочим, несколько лет назад была издана книга воспоминаний генерала Брусилова,— в городской библиотеке Вы ее сможете найти и прочтете с интересом.

Вот примерно все, что могу сказать по поводу Вашего письма.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

БАХТИНУ В. С.

11 января 1967 г.

Уважаемый Владимир Соломонович!

Большое спасибо за книгу.

Скажу по правде, с тех пор как частушка пережила свой период фабричного массового производства, я к ней охладел.

«5—10 страничек об И. С. Соколове-Микитове» я написал в свое время (предисловие к одному из его изданий) и, по-честному, затруднился бы теперь — не только за крайним недосугом — что-нибудь добавить к ним, тем более что и сам Иван Сергеевич с тех пор ничего не добавил к своему наследию.

Словом, если хотите — возьмите те странички, только нужно взять их не из двухтомника, а, кажется, из однотомника, там короче и лучше.

А нет — так и нет.

Желаю Вам всего самого доброго.

С уважением *А. Твардовский*

МИХАЛЕВИЧУ А. Ю.

11 января 1967 г.

Уважаемый Анатолий Юрьевич!

Обнаружил Ваше письмо, затерявшееся у меня среди бумаг.

Очень мало могу Вам помочь в отношен и материалов о боевых действиях Днепровской флотилии под Каневом в 1941 году.

Действительно, вместе с С. Голованивским я был на одном или двух из кораблей флотилии примерно в августе 41 г. Результатом этого в печати был мой очерк об одном геройском старшине, напечатанный около этого времени в газете Юго-Западного фронта «Красная Армия». Его Вы легко сможете найти с помощью редакции этой газеты Киевского военного округа (она называется теперь как-то по-другому).

Еще могу Вам указать человека, проведшего в составе одного из экипажей флотилии все время до трагических дней ее гибели. Это московский критик и литературовед Лифшиц Михаил Александрович. Адрес его: Моск-

ва, В-311, ул. Строителей, д. 6, корп. 4, кв. 43, тел. АВ 9-03-36.

Вряд ли у него сохранились какие-либо документы, фото и т. п.,— он выходил из окружения, был ранен, скитался по лесам. Но, может быть, у него есть какие-нибудь записи, которыми он мог бы с Вами поделиться.

Желаю Вам всяческих успехов по организации музея в Каневе.

А. Твардовский

КРИВЕНКО И. С.

22 февраля 1967 г.

Глубокоуважаемый Иван Степанович!

Получил Ваше славное письмо, очень рад за Марьенкова, за его многолетний труд и за Вас, нарисованного им с такой любовью и почитанием.

Копию Вашего письма направили Марьенкову — порадовать его — и сообщили ему Ваш адрес. Адрес же Марьенкова Ефрема Михайловича следующий: Смоленск, ул. Коненкова, 4, кв. 63.

Желаю Вам доброго здоровья.

С уважением *А. Твардовский*

МАРЬЕНКОВУ Е. М.

22 февраля 1967 г.

Дорогой Ефрем Михайлович!

Спешу тебя порадовать — пересылаю письмо Кривенко И. С., как видишь, от тебя еще не получил, а от героя уже весточка.

Напиши ему не откладывая.

Твой *А. Твардовский*

БАРУЗДИНУ С. А.

9 марта 1967 г.

Дорогой Сергей Алексеевич!

Очень прошу верить мне, что отзываюсь на Ваш призыв платонически не по причине какого-либо нерасполо-

жения к «Дружбе народов» или к Вам лично (между прочим, не могу не отметить, что журнал с Вашим приходом делает заметные шаги к тому, чтобы, как Вы говорите, войти полноправным членом «в семью толстых журналов»).

Все дело в том, дорогой Сергей Алексеевич, что пишу я последние годы непростительно мало,— и последние месяцы практикуюсь лишь в жанре докладных, объяснительных и иных записок,— и то, что изредка нацарапается, тотчас находит место, естественно, в «Новом мире». Так что, откровенно, буде и появится у меня что-нибудь, конечно же, у меня оно будет выхвачено из рук моими товарищами по «Новому миру».

Иное дело, если все сложится в таком смысле, что мои непосредственные обязательства перед «Новым миром» отпадут.

Но я не думаю, чтобы Вы заранее хотели заполучить меня сотрудником «Дружбы» в таком варианте.

Желаю Вам и Вашему журналу всяческих успехов и благополучия.

Ваш *А. Твардовский*

ЖИЛКИНУ Л. И.

9 марта 1967 г.

Уважаемый Леонтий Иванович!

Найти сейчас журнал «Западная область» за 31—32 гг., в котором, как Вы пишете, был напечатан мой очерк о колхозе «Восход», вряд ли возможно,— по крайней мере, у меня его нет. В Смоленске искать — нечего и пытаться,— там ведь и областная библиотека, где, наверно, был комплект «Западной области», сгорела во время войны.

Можно лишь обратиться в Ленинскую библиотеку в Москве, но это сложно и Вам не по силам.

Да мне думается, что не так уж важен тот очерк для написания истории колхоза. Важнее свидетельства, воспоминания старожилов, ветеранов колхоза, кто еще остался в живых.

Желаю Вам доброго здоровья и всяческого благополучия.

А. Твардовский

БЛИНОВОЙ Е. М.

9 марта 1967 г.

Глубокоуважаемая Елизавета Михайловна!

Книгу получил, большое спасибо. Мы на нее отзовемся в «Новом мире».

Письмецо Ваше живо напомнило мне смоленские времена, когда мы встречались с Вами в Запгизе. Между прочим, в первом томе моих сочинений помещены некоторые маленькие стихотворения, написанные в те времена по Вашему заказу для «Краевой книги». Рад был бы презентовать Вам это издание, но решительно лишен такой возможности. Располагаю сейчас лишь последним изданием «старого» «Теркина», коего и посылаю Вам.

Желаю Вам, Елизавета Михайловна, доброго здоровья и всяческого благополучия.

Ваш *А. Твардовский*

ИСАКОВИЧ И. В.

9 марта 1967 г.

Дорогая Ирина Владимировна!

Конкретных замечаний по списку «Октябрь в советской поэзии» не делаю. Но отдает ли себе отчет составитель, что стремление подбирать вещи, где Октябрь выражен в заглавии или где речь идет исключительно о дате Революции, не может не привести к перегрузке сборника вещами, имеющими уже только исторический интерес, обветшалыми, а иной раз и такими, что и в свое время не звучали в полную силу поэзии? Я выражаюсь так осторожно, потому что понимаю всю сложность задачи и все сопутствующие обстоятельства.

О стихах, представляющих меня в этой книге.

Я бы не включал слабое стихотворение «Октябрьское письмо» (его не найти даже в нынешнем моем Собрании сочинений), также «Отчизне».

Можно было бы включить, кроме «Дороги дорог», «Новую землю», «О юности», «Песнь о Москве», даже «Молодость» (все это есть в первом томе пятитомного Собрания).

Это, конечно, лишь мои пожелания относительно дополнения, но относительно исключения — требование.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш *А. Твардовский*

КАШИРИНУ Л. В.

13 марта 1967 г.

Дорогой товарищ Каширин!

Писать Вы, по-видимому, будете, есть признаки того, что уже определяет манеру письма: краткость, резкость, иногда емкое сравнение, деталь. Но беда в романтизме, в «приподымании» жизни над нею самой. Почему имя героя Прон? «Романтизм». Ибо где же Вы услышите в жизни в наши дни такое имя? Прону около сорока, он родился, когда произвол попа был исключен, а какие же родители могли дать такое имя в советское время. Только родители вроде Самгинских. Но из таких семей в плотники не выходили.

И далее. Всеобщее обожание Прона бабами Вы относите за счет его кудрей, глаз и т. д., тогда как идете по кровоточащему быту послевоенной «обезмужичевшей» деревни, касаетесь трагических страниц вдовства, женского одиночества, надломленных судеб. Опять же — «романтизм». «Романтизм» Ваш еще можно было бы определить как литературщину — тяжкий грех молодого писателя.

Пораздумайте, не торопитесь, поищите себя в самом себе. Попробуйте справиться с жизнью без приподымания ее и украшения «ветками рябины». Кстати, «демоническая» блудница Анка — тоже дань литературщине.

А. Твардовский

ШИНКУБЕ Б. В.

16 марта 1967 г.

Дорогой Баграт Васильевич!

Простите меня великодушно: давно уже прочел «Скалу», но, день за днем собираясь написать Вам обстоятельное письмо, все откладывал, а теперь пишу в

предотъездной суете — завтра вылетаю в Рим — и уже где там обстоятельность,— хотя бы вкратце.

Только вчера, кажется, закончилась длинная серия мытарств с журналом: прошло обсуждение журнала на Секретариате Союза, утверждены представленные мной новые члены редколлегии (Ч. Айтматов, Е. Дорош, М. Хитров — из «Известий»). Авось еще потянем, поработаем.

Так вот о поэме. Я прочел внимательно — строка за строкой — всю рукопись — и для «Нового мира» выбрал было «Вступление» и главу «Кольчуга». От предложенных Софьей Григорьевной глав я должен был отказаться. Дело вот в чем — в самых кратких чертах.

Я считаю слабой стороной поэмы ее сюжетную усложненность, иногда приобретающую авантюрно-романтический характер, как, например, в главе «Кабардинский князь». Такой сюжет, вообще говоря, более под силу прозе. Стих, вынужденный служить целям повествовательного изложения столь сложных ситуаций, теряет в весе, становится амузыкальным, местами перегружен словами служебного значения. Конечно, я не знаю, что тут от оригинала, что от перевода, но вряд ли только от перевода,— однако дело сделано, я не считаю возможным переделывать вещь в основе. Кроме того, печатать отрывки, извлеченные из переплетения различных сюжетных ходов, может быть и оправданных в целом, не представляется мне выгодным.

Но, к сожалению, оказалось, что и «Вступление», которое мне особенно понравилось, печатается в «Дружбе». Придется ограничиться «Кольчугой», с указанием в сноске, что поэма печатается в «Дружбе».

Говоря о переводе, не могу не отметить некоторые странности. Например, глава называется «*Слесарь* Яков», но в тексте и набор инструментов, и все, что Яков делает, решительно показывает, что он столяр или плотник, но отнюдь не слесарь. Это нужно будет исправить для отдельного издания. И еще: несколько раз упоминается «наган», а потом — вдруг «два пистолета» из-под монашеской рясы. Но ведь это 905 год, какие же «два пистолета»,— т. е. оружие давних времен?

Это все я указываю мельком и наскоро, но не могу не удержаться, не отметив неловкостей, каких, может быть, не одна и не две найдется. И они тем более досадны, что вещь во многом обладает большими поэтическими

достоинствами — природа, народно-поэтические элементы и т. п.

Простите, дорогой Баграт Васильевич, кончаю. Моя просьба: сразу уведомите нас о согласии на публикацию названных отрывков, и тогда они поспели бы в *майскую* книжку.

Обнимаю Вас. Поклон мой Тамаре Константиновне.

А. Твардовский

ПОРШНЕВУ Б. Ф.

16 марта 1967 г.

Глубокоуважаемый Борис Федорович!

Работу Вашу я прочел одним духом сразу же по получении. Слов нет, написано это блестяще, увлекательно, доказательно, но бесплотно. Грубо говоря, не хватает одного хотя бы ногтя, который бы действительно принадлежал снежному человеку. Когда Вы приобщаете «к делу» образы античной мифологии и народных поверий, все это остроумно, логично, но, простите меня, некий адвокатский налет в этой системе доказательств имеется: оправдать во что бы то ни стало, оглушить, задавить сознание присяжных, загипнотизировать их. И, действительно, будь в конце вещественное доказательство — ноготь, победа полная. А так — нет. Журнал наш не может себе позволить роскошь опубликования такой вещи, пусть и занимательной, но очень далекой от насущных вопросов современной жизни.

Конечно, вина моя, что я не написал Вам тотчас, приношу мои извинения, но, во-первых, дочь мне сказала (или Вы написали?), что Вы уезжаете надолго за границу, а во-вторых, над журналом в это время проносились такие «цунами», что я попросту подзабыл о Вашей рукописи, как и о многом другом, полагая, что Вам она уже возвращена с тем моим устным заключением, которое я сделал в редакции. Словом — так.

Пишу наскоро, заехал в редакцию перед отъездом в Италию.

Рукопись возвращаю, книгу также. Если можете, не сетуйте — злой воли здесь не было.

С уважением *А. Твардовский*

ШЕВЕЛЕВОЙ Г., БЛИЗНЮКУ А., ВИНИЦКОМУ Е.

3 апреля 1967 г.

Дорогие друзья!

Ничего не имею против вашего замысла «написать героико-романтическую музыкальную комедию «Василий Теркин». Собственно, никакого разрешения у меня запрашивать не нужно: «Теркин» давно уже не принадлежит мне.

Никаких ограничений и условий Вам не ставлю, но, во-первых, прошу не рассчитывать на мою помощь и, во-вторых, оставляю за собой право в случае искажения духа и смысла моей книги в вашей специфической интерпретации решительно помешать вам в ее осуществлении.

Буду рад Вашей удаче, победителей не судят, но полагаю, что задуманное вами дело не так просто и не вдруг сулит успех.

Однако не буду охлаждать ваш порыв.

Желаю всего самого доброго.

А. Твардовский

Г—НУ А. Б.

13 апреля 1967 г.

Дорогой А... Б...!

Отвечаю предельно кратко, чтобы не откладывать,— отложишь — потом не соберешься — такова моя жизнь.

1. Письмо очень хорошее, разумное и светлое — при всей резкости отдельных оценок, суждений, соображений. Жаль, что в таком письме — вдруг невыносимая гадость относительно противозачаточных средств как залога высоконравственной жизни молодых людей Вашего поколения. В одном месте Вы высказываете опасения (не совсем бессознательные)[1] насчет возможного в будущем типа «спортивного кретиноида». Так вот для него, этого типа, только и не хватает Ваших «абсолютных противозачаточных», чтобы, не опасаясь никаких последствий, заниматься «этим делом» в широчайших масштабах [...].

[1] Вероятно, описка. Скорее всего было: безосновательные. — *Ред.*

Будем надеяться, что это у Вас сорвалось. Но немало неприятного и в Ваших литературных пристрастиях вроде предпочтения Лескова Л. Толстому. Все это от преизбытка юношеской образованности. Ваши завышенные оценки зарубежной русской литературы весьма простодушны и происходят, как Вы сами в другом случае справедливо говорите, более от запретности этого плода. Уж если Бунин очевидным образом увядал (молодой Бунин — это июньский луг в цветах, а поздний — сено из той же травы, да еще отчасти и подмоченное и вновь пересушенное), то думать, что эпигон Зайцев нечто подарил миру,— нет, увольте. Но все это, думается, взбрыкивания молодости — пройдет.

Рассказы мне решительно не понравились: от них веет не «прохладой могил», а холодом литературщины и опять же преизбытком образованности. А жаль,— способность писать — налицо, чувство предметного мира есть, уверенность рассказчика, свобода изложения. Но жизни, той трудной, и грубой, и сложной, и единственно стоящей внимания художника, которой Вы касаетесь в письме,— в рассказах ни синь пороха! То Набоков, то Андроников [...], то «Темные аллеи», то что-то еще, но все слышанное, хоженое. Решимость писать и ради этого идти на все — хорошо, но пусть это не будет только «желанием быть испанцем», т. е. влечением к столь красивой профессии.

Если потребность писать не является из необходимости, неотложности собственного изъяснения по серьезному или так или иначе заветному поводу, то это может привести лишь к ремесленности, пусть даже высокоразвитой, изящной, оснащенной «современными» средствами выражения, но только к ней, а не к художеству, как его понимали Л. Толстой, Гете, даже Т. Манн, называвший русскую литературу *святой*.

Вот примерно все, что могу покамест сказать Вам. Будет новое — присылайте непременно. Рукописи рассказов возвращаю.

Желаю всяческих успехов и благополучия.

Насчет словаря — посоветуемся в редакции,— конечно, лучше бы это в «Литературную газету».

А. Твардовский

ИЛКУ ПАЛУ

1 июня 1967 г.

Глубокоуважаемый товарищ Илку!

Я очень и очень тронут Вашей памятливостью, Вашим повторным письменным приглашением отдохнуть на Балатоне (это же приглашение от Вашего имени передал мне Анатоль Гидаш при встрече на нашем съезде).

Встречи с Вами, т. Ацелем и другими товарищами в Будапеште были для меня чрезвычайно приятны и оставили самую хорошую память. Я надеюсь, что они еще не раз повторятся.

Но разрешите мне несколько позднее ответить Вам со всей определенностью относительно моего приезда в Венгрию на август, так как все это связано, в первую очередь, с состоянием здоровья моей жены, которое, как говорится, оставляет желать много лучшего, а также с моими журнальными и иными делами, находящимися в крайне напряженном положении. Я напишу Вам во второй половине июля.

Большое спасибо за Ваше доброе внимание.

Мой привет т. Ацелю, А. Гидашу и всем добрым мадьярам.

Ваш *А. Твардовский*

СЕМЬЕ ЧМЕЛЕВЫХ

2 июня 1967 г.

Уважаемые
Вадим Михайлович,
Надежда Ивановна,
Валентина Тарасовна!

Мне передали из редакции «Литературной России» ваше письмо с лестным для меня приглашением быть крестным отцом вашего сына и внука, которого вы решили назвать Василием в честь героя «Книги про бойца» Василия Теркина.

Я сердечно поздравляю вас с новорожденным, охотно принимаю ваше предложение быть его советским крестным отцом и посылаю на его имя новое издание «Василия Теркина». Вырастет,— может быть, прочтет.

Будьте все здоровы и счастливы. Буду рад узнать, как себя ведет мой крестник. Пишите.

Ваш *А. Твардовский*

КУРСЕНКО С. А.

15 июня 1967 г.

Уважаемая С. А. (Вы почему-то не указали своего имени-отчества)!

Я был и растроган и огорчен одновременно тем, что Вы были вынуждены предпринять такой египетский труд, как переписка от руки моей книги «За далью — даль». Но, к сожалению, я не мог Вам послать вместе с обоими «Теркиными» и эту мою вещь: кроме моего рабочего, нету ни одного экземпляра и достать невозможно. И я решил, впредь до нового переиздания «Далей», послать Вам экземпляр «Роман-газеты» с этой вещью,— экземпляр испорченный какой-то случайной надписью и потому завалявшийся. Но все же, подумал я, это лучше, чем переписывать такую махину от руки.

Желаю Вам всего самого доброго.

С уважением *А. Твардовский*

ВЕРОВЕНКО О. В.

9 августа 1967 г.

Уважаемый тов. Веровенко!

К сожалению, ничего, кроме того, что сказано в эпиграфе к стихотворению «Отец и сын», взятом из газет, сообщить Вам о Трутневых не имею. Из каких газет взят этот эпиграф — не помню,— скорее всего из газеты Юго-Западного фронта «Красная Армия», в которой я тогда работал.

С уважением *А. Твардовский*

АБРАМОВУ Ф. А.

29 августа 1967 г.

Дорогой Федор Александрович!

Пишу Вам под свежим впечатлением только что прочитанной Вашей рукописи. Всего, конечно, я не скажу в

этом письме ни в смысле ее значительнейших достоинств, ни в смысле некоторых недостач и слабостей, но не могу просто пребывать в молчании впредь до встречи с Вами, которая, полагаю, должна состояться в ближайшее время.

Я давно не читал такой рукописи, чтобы человек несентиментальный мог над нею местами растрогаться до настоящих слез и неотрывно думать о ней при чтении и по прочтении.

Словом, Вы написали книгу, какой еще не было в нашей литературе, обращавшейся к материалу колхозной деревни военных и послевоенных лет. Впрочем, содержание ее шире этих рамок,— эти годы лишь обнажили и довели до крайности все те, скажем так, несовершенства колхозного хозяйствования, которые были в нем и до войны и по сей день не полностью изжиты.

Книга полна горчайшего недоумения, огненной боли за людей деревни и глубокой любви к ним, без которой, вообще говоря, незачем браться за перо. Конечно, многое в тех нечеловеческих трудностях деревенского бытия, которых Вы касаетесь, можно отнести за счет местных, северных условий, но так же, как нельзя во всем винить одну войну и все ею объяснить, так и «местные условия» не покрывают всего.

Книга населена столькими прекрасными по живости и натуральности своей людьми, судьба которых не может не волновать читателя,— они, эти люди — и старики, и дети, и юноши, и женщины, и редкие мужчины среднего возраста невольно воспринимаются как его, читателя, деревенская родня, сверстники и друзья, оставшиеся *там* по многосложным обстоятельствам. Незабываемы картины первого возвращения кормильца Михаила с лесоповальных и лесосплавных работ с гостинцами и подарками оголодавшей и охолодавшей вдовьей семье. Здесь впервые обрисовывается с исключительной сердечностью и нежностью образ Лизы (как-то не хочется называть эту чу́дную девушку-девочку Лизкой), который еще развернется потом с необычайной, щемящей привлекательностью в картинах проводов ее Михаилом в лес, с обучением по дороге тяжелому, недевичьему искусству управляться с топором; в ее новогоднем посещении семьи, наконец, в отчаянном ее замужестве «из-за коровы».

Да и не одна Лиза,— я начал с нее, потому что она — истинное открытие художника, и человеческое обаяние этого образа просто не с чем сравнить в нашей сегодняшней литературе. Но я не хочу сказать, что другие образы написаны слабее — «матерь» (лучше все-таки в именительном падеже — мать), ребята-близнецы, председательница Анфиса Петровна, «поп» Мошкин, жуликоватый и «прожиточный», но и симпатичный, вопреки, может быть, намерениям автора, Егорша,— не буду всех перечислять,— не статью пишу,— даже на редкость сильно показан первый секретарь райкома, на долю которого в литературе обычно выпадает роль «бога из машины». Замечательно, что этот фанатик «выполнения плана», страшный тем, что он не откуда-нибудь извне, а здешний, знающий труд земляков, «бессердечный бурмистр, окаменевший в инертных понятиях, всецело зависящий от указаний», при ближайшем рассмотрении тоже человек.

Словом, в книге есть то, что делает книгу явлением — образы людей, явившиеся в ней во плоти, которых не спутаешь с образами других книг.

Почему я не начал с Михаила? Потому что в нем, можно сказать, главном герое, мне чудится, при всем том, что и он живой и натуральный парень,— чудится некая неуловимая навеянность литературного порядка (Григорий Мелехов).

Но бог с ней, с навеянностью, существеннее другое. Михаил Ваш — авторская проекция «идеального героя», молодого человека, вопреки всему не теряющего привязанности к земле, к деревне, беззаветного труженика ее, вознаграждаемого одними бедами, лишениями, просто муками мученическими. Скажу так: такая проекция — невозбранное художеству дело, через нее, действительно, можно показать невозможность в реальности такого жизненного выбора. Но тогда герой должен быть куда более интеллектуален, идеен, а в этом смысле он у Вас беден до крайности. Люди его возраста, сужу по себе и своим сверстникам, жадно тянутся к книге, к учению, к познанию, к выработке некоего мировоззрения. И одной его замордованностью семейными и колхозными обязанностями нельзя объяснить полнейшее его безразличие ко всему, что за пределами малого житейского, «конского» его существования. Вы уж перехватываете через край, показав, что он даже имени Есенина не слыхал. Но если

он живет расчетом, как не дать погибнуть семье, оставшейся на его попечении после гибели отца на фронте, то удерживающее его на земле колхозной чувство долга могло еще действовать во время самой войны, а уж после войны, простите меня, читатель не может поверить, что находятся еще дураки, убивающиеся за пустопорожний трудодень, имея возможность по самой крайности заработать хотя бы в леспромхозе 10 руб. в день, т. е. 10 килограммов хлеба, которых он и в месяц не зарабатывает в колхозе. Соображения о том, что, мол, кто же будет землю пахать, в таких случаях несостоятельны — речь идет о жизни его горячо любимых близких, да и о собственной молодости, которая тоже и есть хочет, и хочет приодеться, и т. д. Противопоставление ему веселого пройдохи Егорши, доведенное до разрыва дружбы, неправомерно: парень как парень,— рыба ищет, где глубже... И когда этому противопоставлена некая «власть земли», тяготеющая над Михаилом, то — как хотите — здесь Вы, правдолюбец без кавычек, вступаете в фальшь, в неправдоподобие, короче говоря, здесь выход только в том, чтобы, показав всю неизмеримую степень терпения Михаила, привести и такого энтузиаста к необходимости обратиться к «верному куску хлеба», т. е. кинуться туда, куда кинулись до него многие и многие подлинные энтузиасты. Или же он должен увидеть другое небо после таких-то решений.

Это — что касается главной идейной пружины книги. Теперь два слова предварительных (об этом мы будем говорить подробно при встрече) о письме, о «компонентах» вещи.

Главная беда ее — главная ее недостача, не дающая ей встать во весь рост, так сказать, вполне выдающегося произведения — недостача автора в ней, попросту — авторской речи, его суждений, сопоставлений, его, авторского уровня мышления, наконец, его, авторского языка.

Нельзя быть на мыслительном уровне своих героев, знать не знающих ни о чем, что лежит за околицей их деревни,— Ваш герой, например, побывал в Архангельске, так и то это Вы провели, как говорится, «за сценой», не решившись показать ему город, иную, чем его собственная, жизнь, людей, отношения.

Нельзя все время обходиться без своих слов, излагать обстоятельства дела диалогами и монологами героев, а их психику показывать посредством так назы-

ваемых внутренних монологов, приема общедоступного и дешевого.

Но чур! Не буду об этом в письме, мне жаль, что в этой части Вы еще в общей колее нашей литературы, посвященной народной жизни. Разве можно было, скажем, написать «Казаков» без Оленина, без его размышлений, без его «духовности» в сопоставлении с полнокровием и гармоничностью «простых людей»?

Я о языке сказал не для порядку. Вещь пестрит языковыми сорняками. Наименьшее зло — местные слова и речения, но и тут нужна мера: «задоски» — ладно, но «подпахивать» пол — невозможное дело. Но куда хуже со словечками и оборотами современного советского «сленга»: даже в косвенной, т. е. авторской речи, «вкалывать», «сочковать», «ишачить», «снимать стружку», «распекай» (существительное!), «строгач» и т. д., и т. п.

Ужасны эти южнорусские «сколько можно», «пацаны», «видик», «приветик»...

«Переживать» — без объекта переживания, т. е., например, можно сказать «тяжело переживал утрату», но нельзя просто так: «он в это время сильно переживал». Или: «ее сняли с председателей» — пусть бы в прямой речи — репликах героев, но в авторской, простите меня, это недопустимо. «Боевитость», «треп» и т. п. Без нужды Вы в написании иных слов следуете и фонетическому принципу: «охвата», «прикрасно», «впротчем», «опеум» и т. п.

Имейте в виду, что я такой враг подобной языковой неразборчивости, что Вашей вещи нужно было иметь действительно замечательные достоинства, чтобы эти «речения» не отвратили меня от нее. Но и об этом — на словах надеюсь сказать подробнее и доказательнее.

А покамест — радуюсь за Вас и поздравляю «с полем» и уверен, что Вы еще во многом «доведете» вещь до бо́льшего совершенства, главным образом за счет сокращения «внутренних монологов» и служебных (для изложения) диалогов и монологов.

И еще скажу: мужайтесь — вещь не получит «зеленой улицы», впереди еще много будет всякого. А в общем Вы — молодец.

Будьте здоровы.

Ваш *А. Твардовский*

КНЯЗЕВУ К. А.

18 сентября 1967 г.

Глубокоуважаемый Константин Андреевич!

Статью прочел я и прочли редакторы отдела науки и политики,— она всем понравилась. Надеемся ее опубликовать, с небольшими, может быть, сокращениями и «косметической» литправкой. Разумеется, мы пришлем Вам на просмотр корректуру. Спасибо. Спасибо и за приглашение приехать в Братск,— не премину воспользоваться им, как только немного буду посвободнее. Уведомлю Вас особо.

С глубоким уважением *А. Твардовский*

ЛАСКАРЖЕВСКОМУ Н. И.

25 сентября 1967 г.

Уважаемый Николай Иосифович!

Ваше письмо я направил в редакцию журнала «Литературное наследство», подготавливающую в настоящее время том, посвященный жизни и творчеству И. А. Бунина. Ваши воспоминания, а также все материалы (фото, письма и т. п.), относящиеся к И. А., полагаю, представят прямой интерес для этого издания. Редакция наверняка обратится к Вам по всем этим вопросам.

Можете и вы, так сказать, встречным порядком обратиться с предложениями к главному редактору «Литературного наследства» Макашину Сергею Александровичу (Волхонка, 18/2).

С уважением *А. Твардовский*

ЧУРБАКОВУ П. П.

6 октября 1967 г.

Уважаемый Павел Петрович!

Мне передали Ваше письмо относительно моей публикации в «Известиях» — «История одного стихотворения».

Благодарю Вас за сообщенные Вами сведения о печнике Бендерине и его встречах с В. И. Лениным и прошу, если это Вас не затруднит, сообщить дополнительно:

1) Откуда и давно ли Вы знали печника?

2) Не припомните ли Вы его имя-отчество?

3) Куда и зачем (и на чем — на извозчике, трамвае?) ехали Вы с Бендериным через Красную площадь?

4) Немного подробнее о себе: возраст, профессия, давно ли живете в Севастополе?

Посылаю Вам мое стихотворение «Ленин и печник», в связи с которым была сделана мною публикация в «Известиях».

А. Твардовский

КНЯЗЕВУ К. А.

10 октября 1967 г.

Дорогой Константин Андреевич!

Спасибо за письмо, за подтверждение Вашего приглашения, которым воспользоваться велик соблазн, но в ближайшие дни не смогу — держит одна неотложная работа, хотя хочу искренне посмотреть нынешний Братск. Словом, нагряну, уведомив Вас телеграммой.

Очень приятно узнать, что и в Братске есть люди, читающие Блока — одного из моих любимых поэтов.

Статья, конечно, ни в праздничном, ни в предпраздничном номерах не сможет пойти — думаю, что в 12-м сможем дать ее. Верстка будет Вам выслана в свое время.

Еще раз — спасибо. До встречи в Братске (или в Москве), будете — сигнализируйте по телефонам: Б 7-42-00 (дом.), К 4-37-61 («Н. М.»).

Ваш *А. Твардовский*

КУЛЕШОВУ А. А.

Пахра, 28 декабря 1967 г.

Дорогой Аркадзе!

Поздравляю, обнимаю тебя, желаю поменьше общаться в Новом году с эскулапами и соответствующими заведениями.

Вот что мне пришло на мысль как-то: ты должен засесть за автобиографическую повесть,— ты мне кое-что

рассказывал о своем детстве, помнится, там есть великолепные эскизы, например, как ты жил мальчонкой один в хате и т. п. Уверен, что получится. Для затравки почитай «детство» Толстого, Горького, Короленко, Герцена, даже Рыленкова.

Поклон и добрые пожелания твоим близким.

А. Т.

ГРОМОВУ В. А.

8 января 1968 г.

Дорогой Владимир Алексеевич!

Как-то так случилось, что Ваша книжка и сопроводительное письмо затерялось в «отвалах» моей почты,— простите, пожалуйста, столь запоздалый отклик на них.

По поводу появления моих ранних стихов в орловских газетах могу сообщить следующее.

Летом 1928 г. мы с Сергеем Фиксиным, смоленским поэтом (ныне живущим в г. Фрунзе, КиргССР), совершали поездку «с целью изучения жизни и быта», как было, помнится, указано в нашем мандате от Смоленской комсомольской газеты «Юный товарищ» (или «Юный пионер») по маршруту: Москва — Брянск — Орел — Курск — Харьков — Симферополь — Севастополь.

Так как, имея наше командировочное удостоверение, мы командировочных, конечно, не получали, то в названных городах мы делали остановки с целью заработка. В Брянске на нефтебазе перекачивали вручную нефть из железнодорожных цистерн в баки, в Севастополе работали «кто куда пошлет» на экскурсионной базе, и во всех этих городах еще сбывали свои стихи в местных изданиях. В Орле, помнится, нас встретил и приветил некто М. Корнеев, если не ошибаюсь. В городе мы пробыли не более суток, ночевали в Доме крестьянина. Пожалуй, лучше все это помнит Фиксин (адрес в писательском справочнике). Если это Вас интересует, напишите ему.

Посылаю Вам в порядке, так сказать, «обменного экземпляра» свою книжицу «Из лирики этих лет».

Желаю Вам всего самого доброго.

Вырезку пересылаю М. В.

Ваш *А. Твардовский*

ВОЛГИНОЙ Т. И.

5 февраля 1968 г.

Дорогая Татьяна Ильинична!

Получил Ваше доброе письмо и очень симпатичные фотографии Ваши со внучкой, вызвавшие, между прочим, живейший интерес моей пятилетней внучки, которую тоже зовут Ириной.

По поводу Вашего слишком заблаговременного намерения завещать мне свое литературное наследие хочу Вам предложить вот что. Не попробовать ли Вам отобрать из той «особой папки» несколько вещей, которые Вам хотелось бы показать мне еще до того, как Комиссия по Вашему литературному наследию приступит к работе?

Право, Вы ничего не теряете. А вдруг там окажется и что-нибудь подходящее для «Н. М.»? Ничего наперед, конечно, не могу обещать и гарантировать, но буду рад, если что понравится, напечатать.

Подумайте.

Не сердитесь на меня за предельную краткость моего ответа, могу и вовсе не ответить — почта у меня бесконечная и неизбывная.

Желаю Вам и Вашей семье всего самого доброго.

Ваш *А. Твардовский*

P. S. Посылайте стихи прямо на редакцию, я живу постоянно на даче, на городской квартире бываю редко, словом, будет ближе к делу.

А. Т.

ДОМУ КНИГИ г. ЖУКОВСКИЙ Я. М. ПАРХОМОВСКОМУ, Н. И. КУРЕНКОВУ, Л. П. ЕМЕЛЬЯНОВУ

21 февраля 1968 г.

Дорогие друзья!

Большое спасибо за ваше приглашение принять участие в конференции читателей «Нового мира». Нам очень дорого такое благожелательное внимание к журналу,— говорю это от имени редакции и от себя лично вполне искренне.

Однако мы бы предпочли встретиться с читателями г. Жуковский, когда перед ними, как и перед всеми нашими читателями, мы сможем выполнить некоторые памятные им наши обязательства.

Если к тому времени,— надеюсь, что оно уже не за дальними далями,— у вашего Дома книги и «Клуба любителей книги» не погаснет интерес к «Новому миру», можно будет вернуться к этому разговору. А покамест — не взыщите.

Еще раз спасибо.

А. Твардовский

ГЛОТОВУ В. И.

Москва, 21 февраля 1968 г.

Дорогой Василий Иванович!

Поздравляю тебя с 50-летием нашей Армии от себя и от имени солдата, чье изображение, которым он, между прочим, обязан твоей «ряшке»,— на обороте.

Автор — пусть его стареет,
Пусть не старится герой!..

Обнимаю тебя.

Твой *А. Твардовский*

ТИМШИНУ А. Т.

28 марта 1968 г.

Уважаемый Алексей Трофимович!

Выполнить Вашу просьбу относительно того, чтобы «врезка» к публикации очерка М. Горького «О единице» в № 11 «Нового мира» за 1960 г., написанная не мною, была теперь помещена в Вашем сборнике за моей подписью, разумеется, не могу. Я никогда не подписываю того, чего не писал сам.

За приглашение «Н. М.» побывать «в гостях» у «Социалистической Якутии» спасибо, но по редакционным обстоятельствам мы в ближайшие месяцы не расположены, как говорится, гостевать: дай бог «дома» справляться со своими задачами.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

СОЛОВЬЕВУ Г. А.

8 апреля 1968 г.

Уважаемый Геннадий Арсентьевич!

Пишу Вам как член Комиссии по литературному наследию Елены Феликсовны Усиевич.

Как бы Вы отнеслись к вопросу об издании однотомника работ Е. Ф. Усиевич (на основе вышедшего несколько лет назад ее последнего прижизненного сборника)? Составление и вступительную статью готов взять на себя М. А. Лифшиц (тоже член Комиссии).

Не откажите в любезности известить меня о Вашем решении.

С уважением *А. Твардовский*

БЕЛИКУ А. П.

9 апреля 1968 г.

Уважаемый Александр Петрович!

Ваш ответ А. Лебедеву не может представить интереса для читателей, далеких от внутрилитературных споров и тяжб, поскольку он, не обладая целостностью или определенностью содержания (в отличие от статьи А. Лебедева), перенасыщен скрупулезной сверкой цитат, имеющей целью отчасти самооправдание, отчасти стремление «навести тень» на статью, критикующую, между прочим, Вас, и намекнуть на ее якобы «кодовый» смысл. Все это может представить интерес для 10—15 человек, приобщенных непосредственно к литературно-критической «кухне».

Печатать ее мы, разумеется, не будем. Никакой «договоренности» относительно ее написания у нас с Вами не было: я лишь предпочел увидеть Ваши претензии к редакции и статье Лебедева изложенными на бумаге их изустному изложению.

Не вижу необходимости и теперь в «живой беседе» с Вами,— лучше Вам поговорить с Лебедевым, а нет — так просто опубликовать ответ ему в каком-нибудь другом издании.

С уважением *А. Твардовский*

ИСАКОВИЧ И. В.

12 апреля 1968 г.

Уважаемая Ирина Владимировна!

Возвращаю Вам оба тома поэзии 20—30-х годов, прочитав статью Паперного и просмотрев стихи. Паперным по моим замечаниям сделаны необходимые уточнения в преамбуле к обоим томам и кое-какие поправки в тексте статьи.

Вообще говоря, издание это мне совсем не нравится: авторы представлены не в целостном своем избранном, а лишь частично,— читатель вряд ли будет удовлетворен и теми объяснениями, которые сделаны (а не было даже их!). Всех случаев небрежности и безграмотности я, конечно, не мог указать,— мне этим решительно некогда заниматься,— но чего стоят хотя бы такие перлы, как «военные сражения» в заметке об Алтаузене!

А что делается с Мандельштамом?

Приняты ли во внимание мои соображения и замечания?

С уважением *А. Твардовский*

КУНИНУ В. В.

19 апреля 1968 г.

Уважаемый Владимир Владимирович!

В назначенный день я ждал Вас, но Вы не пришли. Таким образом, не моя вина, что ответ задержался.

Поскольку я узнал, что рукопись Ваша под другим заглавием уже побывала в редакции и была отрецензирована И. А. Сацем — о чем Вы, между прочим, почему-то не сочли нужным уведомить меня,— буду предельно краток.

Написана вещь, как говорится, профессионально, даже с избытком профессиональности (композиция вещи заставляет чуть ли не предполагать, что Вы разрезали страницы рукописи и, поменяв куски местами, склеили — этак более «модерново»!). Повествование ведется бойко, уверенно, оно нашпиговано множеством правдивых деталей в мелочах, но, увы, в главном и основном,— что про что? — оставляет в недоумении, как и заглавие «...И медные трубы». Первоначальное заглавие «Неделя очень

длинных дней», хотя оно тоже на западный образец, более оправданно.

Словом, рукопись по письму, как у нас говорят, наборная, т. е. нечего править, но печатать ее в «Новом мире» не хочется.

В остальном я согласен с рецензией И. А. Саца, исключая ее несколько резковатый и безапелляционный тон.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

КАПЛАНУ Б. С.

19 апреля 1968 г.

Уважаемый Борис Соломонович!

Разумеется, я не только согласен на составление передачи по Стране Муравии (на это вряд ли нужно испрашивать мое согласие), но и рад буду, если не получится слишком скучно.

Правда, мне не совсем ясно, что такое «максимальное сохранение авторского текста», и, хотя не имею в виду приложения своих рук к этой передаче, все же не будет лишним с Вашей стороны — показать мне, что и в каком виде останется там от «авторского текста».

Желаю удачи!

С уважением *А. Твардовский*

СИВОДЕДОВУ Г. Т.

Пахра, 27 апреля 1968 г.

Дорогой Георгий Тимофеевич!

Очень тронут твоими бескорыстными разысканиями относительно фактов моей биографии. По-видимому, ты прав, а я посдвинул кое-что в своей «автобио», написанной впервые добрых 20 лет назад. По совести говоря, не думаю, чтобы это имело какое-нибудь существенное значение — в «Рабочем пути» или «Смоленской деревне» было опубликовано стихотворение «Урожай» с портретом

«селькора-поэта», но все же лучше быть точным, особенно в отношении дат, времени, если оно указывается. Я привык почему-то считать, что первое мое стихотворение «Новая изба» было напечатано в 24 году в «Смоленской деревне». Я, между прочим, никогда его не видел, но что оно было напечатано — знаю точно,— за него был выписан гонорар — 2 руб. 40 коп. Я просил разыскать эти стихи, но в «Смоленской деревне» за 24 год их не нашли. Должно быть, они появились в 25 году. Придется проверить, если будет нужда, а нет — так действительно пусть это останется на долю «ученых» вроде А [...].

Во всяком случае, повторяю, я признателен тебе за твои дотошные сведения, изложенные в письме.

Рецензию присылай, об этом нечего было и уговариваться заранее. Только учти, что в журнале не специальном, а «общем» необходимо быть и вполне «на уровне» в смысле научном и непременно доступном среднему советскому интеллигенту — учителю, инженеру, офицеру и т. п. Нужно иметь в виду, что, как правило, читатель «общего» журнала не имеет возможности прочесть всякое рецензируемое на его страницах издание,— нужно, чтобы он из самой рецензии получил представление — что про что. Иными словами — это должна быть информация о самом факте такого издания, его научной ценности и т. п.

Не делай меня своим курьером, как это делают многие авторы, направляющие материал, предназначенный для журнала, непременно ко мне на домашний адрес,— посылай прямо в журнал, в сопроводиловке можешь указать, что я тебе заказал эту рецензию. Впрочем, если хочешь, присылай на дом, но этот путь длиннее — на городской квартире я бываю редко, иной раз, и будучи в городе, не заглядываю.

Поздравляю тебя с Первым мая, желаю тебе и твоим близким всяческого благополучия. Насчет старости — что ж: не «скоро будем стариками», а уж являемся таковыми. Бывало, читаешь в книге: «Это был еще крепкий старик, лет под 50...» — и как будто так и надо. А у нас с тобой этот возраст позади. Так-то, старый хрен! — от хрена слышу...

Твой *А. Твардовский*

БРЕДЕНКО К. Е.

21 мая 1968 г.

Дорогой Каленик Ефремович!

Не мне, конечно, судить о достоинствах Вашего перевода «Теркина на том свете» на украинский, но мне приятно, что эта вещь побудила Вас к такому труду.

Посылаю Вам в знак моей благодарности отдельное издание этой поэмы.

Если у Вас есть другой экземпляр Вашего перевода, я бы оставил этот в своем теркинском архиве. Если нет — черкните в редакцию,— рукопись будет Вам выслана.

С добрыми пожеланиями *А. Твардовский*

ЯШИНУ А. Я.

Москва, 25 мая 1968 г.

Дорогой Александр Яковлевич!

Я совсем недавно узнал о Вашей болезни и перенесенных и переносимых Вами тяжелых испытаниях. Но теперь я знаю обо всем этом со слов товарищей, навещавших Вас в больнице,— Симонова и Левитанского. Они рассказали мне о том, с каким стоицизмом и поистине солдатским терпением Вы прошли через изнурительные вмешательства хирургов в жизнь тех областей нашего организма, о которых мы меньше всего думаем, пока здоровы.

Мне хочется сказать Вам, что я со всей искренностью чувства отношу к Вам мое восхищение Вашим мужеством и непокорством беде и что я горячо желаю Вам силы духа и тела для окончательного одоления болезни, подстерегшей Вас так коварно. Я не для красного словца говорю о силах духа, ибо глубоко уверен, что за ними решающее слово.

Сохраняйте же, дорогой тезка, эти силы при себе, не давайте им ослабеть ни на минуту,— я знаю, что это не легко, но не мне Вас учить, что легких путей выхода из беды не бывает: она берет большой выкуп. У всякой беды такая манера, особенно же у такой, как нынешняя Ваша.

Вам есть за что бороться: Ваш яркий самобытный талант находится в поре зрелости и еще много чего может подарить людям.

Будьте же крепки духом, остальное приложится.

Ваш *А. Твардовский*

Мой поклон Вашей супруге.

ЧЛЕНАМ КЛУБА «ЮНЫЕ КОММУНАРЫ» (ШКОЛЫ ИМЕНИ Г. С. ТИТОВА, ЯРОСЛАВЛЬ)

11 июня 1968 г.

Дорогие друзья!

Все, что я мог бы сообщить Вам по интересующему Вас вопросу, в сущности, изложено в том моем стихотворении из цикла «Памяти Ленина», которое, по-видимому, и явилось поводом Вашего письма ко мне.

Более подробное и автобиографическое фактическое изложение обстоятельств моего вступления в 1924 г. в комсомол я оставляю для своих мемуаров, с написанием которых еще не хочу торопиться.

Желаю Вам всяческих успехов и радостей.

Ваш *А. Твардовский*

КАПЛАНУ Б. С.

10 июля 1968 г.

Уважаемый товарищ Каплан!

Во избежание резких слов по поводу того, что Вы называете «приемлемым рабочим вариантом» сценария по «Стране Муравии», вынужден ограничиться безоговорочным снятием моего имени и заглавия моей поэмы, привлеченных автором этого непостижимого для меня сочинения.

А. Твардовский

ЕРМОЛАЕВОЙ Л. И., ШУШКОВСКОМУ Ю.

15 июля 1968 г.

Дорогие друзья!

Очень тронут вашим сообщением и «документацией» о «Далях» на сцене Театра поэзии во Дворце культуры

нефтяников в Омске. Лишен, к сожалению, возможности судить о том, что получилось, но думаю, что, поскольку затея родилась из добрых чувств к этой моей книге, не могло получиться совсем плохо.

Большое спасибо. Успеха!

А. Твардовский

ПАУСТОВСКОЙ Т. А.

6 августа 1968 г.

Уважаемая Татьяна Алексеевна!

Направляю Вам это письмо, каким-то образом оказавшееся в моей почте.

Думаю, что и такому свидетельству — пусть безымянному, но несомненно искреннему — найдется место среди откликов, вызванных особым чувством к любимому писателю.

Позвольте пожелать Вам здоровья и сил, столь необходимых Вам для выполнения Вашего долга в отношении памяти Константина Георгиевича.

С уважением *А. Твардовский*

СЫТНИКОВУ

6 сентября 1968 г.

Дорогой товарищ Сытников!

На Ваш призыв откликнуться на статью доцента В. Костомарова о всемирном распространении русского языка и о необходимости нечто предпринять «для подчеркивания его нужности», к сожалению, должен ограничиться одним замечанием по поводу самой статьи как таковой.

Она не только стилистически, но и лексически, и всячески ужасна с точки зрения того языка, о котором идет речь.

Я подчеркнул наиболее аховые случаи неправильного словоупотребления («шрифты» вместо «печати»; в «книгоиздательстве» вместо «в книгоиздательском деле» и

т. п.), невозможные обороты и выражения, но вряд ли все.

Странно: такой предмет статьи и такое название газеты, где она напечатана.

А. Твардовский

СМОЛЕНСКОМУ ОБКОМУ КПСС

27 сентября 1968 г.

Не имея возможности в эти дни принять участие в торжествах по случаю 25-летней годовщины освобождения Смоленска и области от немецко-фашистских захватчиков, сердечно благодарю за лестное для меня приглашение и горячо поздравляю дорогих земляков со славным праздником — частью общей славы нашей великой Родины.

Примите от вашего земляка, любящего сына земли смоленской, пожелания новых успехов в труде: на полях, заводах и стройках во имя коммунизма.

Ваш *Александр Твардовский*

ДЕМЕНТЬЕВУ А. Г.

Сухуми, 17 октября 1968 г.

Дорогой Ал. Григ.! Очень жаль, что не мог выслушать твои замечания на словах,— по пометкам, может быть, не все и понял. Однако увидел, о чем и ранее догадывался, что статья растянутая, рогозливая и не во всех основаниях твердая. Насчет, например, «читателей, не читающих стихов», я уже теперь не совсем так думаю, как тогда, когда впервые высказал это броское определение. Кажется, это подправил. Из рекомендованных тобой текстовых перемещений сделал лишь одно — стало, кажется, лучше. Исправил почти все мелочи словесные и фразеологические, принял все, кроме ужасного словечка «зачастую», предложенного тобой. Это уж, прости, для меня хуже матерного.

Словом, кое-как домучил и послал С. Х. Очень прошу тебя: посмотри правленые места и, если что сочтешь решительно неудачным, зачеркни и поставь что-нибудь среднетерпимое.

Не называть известных поэтов — старших современников Исаковского, думаю, нехорошо. Ведь речь идет лишь о степени прикосновенности к деревенской теме — со всеми реверансами. Пусть уж будет так, тем более что статья-то уже и в «Н. М.» напечатана так, и в первом томе Исаковского.

Попроси у С. X. «Советскую Россию» от 13.X.— там очень знаменательное место есть в одной статье — к сведению и руководству [...].

Живем хорошо, море в двух шагах, номер генеральский, многолюдно, но не тяготит — военные люди, служаки,— никто тебя не знает, и ты никого за малыми исключениями.

Была ли, нет Лидия Гавриловна у нас, — поклон ей и Ел. Андр.,— но Володю я предупредил, и две штуки толя (или рубероида) там ждут ее.

Будь здоров, не забывай захаживать в редакцию, чтобы они там не очень сиротливо себя чувствовали.

Обнимаю. Твой *А. Твардовский*

СИВЕРСКОМУ Ю. И.

26 ноября 1968 г.

Дорогой Юрий Иванович!

После того, что написано о войне и солдате [...] Эм. Казакевичем, Г. Баклановым, Василем Быковым и др., где все, как говорится, из первых рук, все добыто собственным опытом воина, нельзя писать о войне и солдате понаслышке и по книгам.

Во всяком случае, рассказ Ваш «Солдат Сидоров» — вещь слабая, ученическая, но уже и не без манерности некоторой,— для печати не годится. Если захотите прислать что-нибудь другое, направляйте прямо в отдел прозы редакции «Нового мира».

А. Твардовский

МАДЗИГОН Т. М.

26 ноября 1968 г.

Уважаемая Тамара Михайловна!

Не хотел бы оставлять впечатление невнимательности к Вашей настоятельной просьбе принять участие в Дне

поэзии Казахского университета, хотя он уже и миновал. Ваше письмо было отправлено мне, когда я, уйдя в отпуск, уже был вне Москвы, — этим и объясняется запоздание моего ответа.

Но специальных Дней поэзии я не люблю и участия в них не принимаю, полагая, что все дни для настоящей поэзии равны. Что касается «чего-нибудь нового и еще не опубликованного» из моих стихов, то, возможно, Вы сможете прочесть что-нибудь в № 11 «Нового мира», к сожалению, очень запаздывающего в последнее время.

Желаю Вам и Вашим друзьям всего самого доброго.

А. Твардовский

КОЛОДИНОЙ Л.

18 декабря 1968 г.

Мне очень жаль, но я ничего не могу Вам сообщить о том, от кого я слышал рассказ о подвиге Ивана Громака, кроме того, что это было в день освобождения Смоленска осенью 1943 г. у переправы через Днепр.

Прошло 25 лет, и каких лет! Было столько встреч, лиц, бесед, записанных и незаписанных. Неудивительно и запамятовать что-нибудь.

Желаю всяческих успехов Вашим историографическим разысканиям.

А. Твардовский

ЕРОШЕНКОВУ Г. Г.

18 декабря 1968 г.

Дорогой Георгий Григорьевич!

Мне очень жаль, но я вынужден Вас огорчить: в поэме «Ляхово» волнует больше всего сообщение, предпосланное ей в виде эпиграфа, о ляховской трагедии — сожжении села (а не *деревни*, как пишете Вы) гитлеровцами вместе со всем его населением.

Стихи же Ваши по поводу этого исторического факта выглядят весьма натянуто и, простите меня, фальшиво, точно причитания плакальщицы, приглашенной со стороны на похороны.

Больно мне, люди, больно!
Ох, как мне больно, люди!
Сердце мое, точно птица,
Бьется, на волю стучится.
Вижу веселые лица
Юношей счастливой доли,
Девушек вижу веселых
В скверах райцентра и селах...
и т. д.

Согласитесь, что этак можно нанизывать строку за строкой — где рифмуя, а где и просто так — без конца.

Лучше бы Вам попытаться собрать все, какие возможно, свидетельства — изустные и иные — об этой трагедии, записать рассказы знакомых, родственников погибших из соседних сел и деревень, найти какие-нибудь документы в областном архиве. Это бы имело известную ценность и было бы делом, достойным памяти замученных. Попытайтесь.

Желаю успеха.

А. Твардовский

ПЕТРОВУ Е. А.

18 декабря 1968 г.

Уважаемый Евгений Александрович!

Скончавшийся в январе 1968 года известный писатель Валентин Владимирович Овечкин оставил после себя большое литературное наследство.

Комиссия по литературному наследию писателя просит включить в план Вашего издательства на 1970 год книгу избранных произведений В. Овечкина объемом 25 печатных листов. Составителем такой книги мог бы стать писатель Колосов Михаил Макарович, который хорошо знает творчество Овечкина и который много лет не только лично знал, но был дружен с В. Вл. Овечкиным.

Надеемся, что Вы поддержите нашу просьбу об издании избранных произведений замечательного писателя.

Председатель Комиссии по
литературному наследию В. Овечкина
А. Твардовский

КОЖОВОЙ О. М.

20 декабря 1968 г.

Глубокоуважаемая Ольга Михайловна!

Только что, разбирая почту по возвращении из отпуска, увидел Ваше прискорбное сообщение.

Примите мое и моих товарищей по редакции сочувствие по поводу кончины Михаила Михайловича, о котором у всех нас осталась и надолго останется самая добрая память.

Я знаю, что слова бывают излишни и бесполезны, но все же хочу пожелать Вам с твердостью духа пережить эту большую утрату.

С уважением *А. Твардовский*

УЧЕНИКАМ 7-го «В» КЛАССА ПОРШУРСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ (УДМУРТИЯ)

26 декабря 1968 г.

Дорогие друзья!

О моих детских и школьных годах, о том, как я стал писателем, вкратце рассказано в моей «Автобиографии», которая, как вы сообщаете, вам известна.

Более подробно обо всем этом я, может быть, напишу, когда буду совсем старым и больше мне нечего будет писать.

Придется вам, как и другим ребятам, пишущим мне письма, подобные вашему, подождать.

Согласитесь, что у меня не хватило бы ни времени, ни сил (даже если бы я забросил всякую другую работу) на то, чтобы по заказу каждой школы вновь и вновь описывать свою жизнь.

Сердечно благодарю вас за подарок — альбом «На земле Удмуртской».

Посылаю вам для стенда в Ленинском зале вашей школы комплект плакатов «Писатели — лауреаты Ленинской премии», среди которых вы увидите и плакат, посвященный мне.

Желаю вам всего доброго.

Ваш *А. Твардовский*

АРУТЮНЯНУ А. О.

26 декабря 1968 г.

Дорогой товарищ Арутюнян!

Прежде всего прошу простить меня за задержку с ответом. Она объясняется тем, что я находился в длительном отпуску и по возвращении не вдруг мог справиться с накопившейся почтой.

Я действительно был знаком с покойным Иваном Степановичем Исаковым, дважды или трижды навещал его и пользовался его радушным гостеприимством у него на квартире, слушал его замечательные рассказы (как жаль, что не записал их подробно по свежей памяти!).

Но этого, конечно, недостаточно для того, чтобы написать статью для сборника, посвященного памяти И. С. Исакова.

Получал я от него и письма — они сохранились, но найти их в моем не очень упорядоченном архиве — целая задача. Однако постараюсь и, что найду, буду рад представить в Ваше распоряжение.

Очень советую Вам обратиться к бывшему ответственному секретарю редакции «Нового мира» [...], который был у нас от первого до последнего выступления Ивана Степановича на страницах журнала его «ведущим редактором» и в настоящее время готовит к опубликованию дневники его периода гражданской войны [...].

Мне кажется, он мог бы написать интереснейшие воспоминания об Иване Степановиче [...].

Желаю Вам успеха в Вашем труде.

С уважением *А. Твардовский*

ПОЗДНЯКОВОЙ Г. И.

Москва, 29 декабря 1968 г.

Уважаемая Генриетта Ивановна!

Не беру на себя судить, насколько правомерны Ваши «параллели» в мотивах моей поэзии,— объект исследования в таких случаях, вообще говоря, не судья. Могу лишь сказать, что они, эти «параллели», не представля-

ются мне натянутыми, может быть только чуть-чуть, кое-где.

Составлением фольклорных сборников никогда не занимался, разве что числился в каких-нибудь редколлегиях.

Желаю Вам в Новом году всяческого благополучия.

С уважением *А. Твардовский*

ЗЕЛЕНИНУ П. Т.

30 декабря 1968 г.

Уважаемый Петр Тимофеевич!

Должен сообщить Вам, что Ваш брат Иван Тимофеевич ошибается, полагая, что я вместе с ним «участвовал в боях в направлении населенного пункта Борки», о которых говорится в моей книге «Василий Теркин». Он имеет в виду какое-то другое лицо. Я не был рядовым и не мог прийти «на пополнение» в часть, где служил Ваш брат. «Борков» на протяжении фронта было множество, и «Борки», о которых идет речь в моей книге,— наименование *собирательное,* условное.

Так обстоит дело.

Поздравляю Вас и Вашего брата с наступающим Новым годом и желаю Вам обоим всяческого благополучия.

С уважением *А. Твардовский*

КОТЛОВУ А. А.

30 декабря 1968 г.

Дорогой Алексей Александрович!

Я хочу просить Вас прочесть статью А. Лебедева «Школьная эстетика», намеченную к опубликованию в «Новом мире», и сделать свои замечания, исходя из Вашего многолетнего педагогического опыта.

Известны ли Вам издания по «школьной эстетике», критикуемые автором статьи? Между прочим, ближайшее из них относится к 1966 г., а есть и 20-летней давности. Действительно ли они сохраняют свою «директивную» силу поныне? Может быть, Вы можете назвать другие методические пособия для учителя по предмету литературы? Как Вам вообще нравится постановка

вопроса А. Лебедевым? Он литератор, а не педагог и, возможно, не представляет в достаточной реальности положение с преподаванием литературы.

Не ограничивайтесь ответом на эти вопросы, излагайте свободно и откровенно свои взгляды на дело. Для нас это будет очень ценно при окончательном решении вопроса о статье А. Лебедева.

Постарайтесь по возможности сделать это не откладывая, поскорее, но, конечно, не торопитесь, обдумайте статью, посоветуйтесь с коллегами, может быть, Вы даже в соавторстве с кем-нибудь из них напишете Ваш отзыв, хотя это вовсе не обязательно.

Не откажите.

Желаю Вам, Вашей семье и Вашей школе всяческих радостей в Новом году.

А. Твардовский

СЕМЕНОВУ НИКОЛАЮ

⟨1968 г.⟩

Дорогой товарищ Семенов!

Я получил «Теркина» в Вашем переводе на болгарский с Вашей надписью. Еще ранее издательство «Народна култура» прислало мне 3 экземпляра этой книги.

Конечно, я лишен возможности судить о переводе, но до меня доходят свидетельства болгарских друзей о том, что перевод превосходный, и мне остается сердечно и дружески благодарить Вас за труд, предпринятый и успешно исполненный Вами.

Крепко жму Вашу руку.

Не откажите передать Симеону Русакиеву мою признательность за добрые слова его предисловия к болгарскому «Теркину».

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш *А. Твардовский*

СИМАНОВИЧУ Л. Г.

2 января 1969 г.

Уважаемый Леонид Георгиевич!

Спасибо Вам за добрые слова Вашего письма и фотокопию бунинской открытки, где упоминается его преды-

дущее письмо Н. Д. Телешову, в котором он дает прямую оценку «Теркину» (весьма высокую),— она мне была сообщена в свое время самим Телешовым и неоднократно цитировалась в печати.

Об этой же открытке я тоже слышал, но видеть ее — не видел. Любопытно, откуда у Вас оказалась ее фотокопия?

Посылаю Вам «Василия Теркина» и фотографию, «Сборник» *всех* моих «стихотворений и поэм» содержится лишь в Собрании сочинений,— его Вам послать не имею возможности даже я, автор, за отсутствием экземпляров.

Желаю Вам всего доброго.

А. Твардовский

«КРАСНЫМ СЛЕДОПЫТАМ»

21 января 1969 г.

Дорогие ребята!

Выполняя вашу просьбу сообщить вам «как можно больше» о Григории Пулькине, боевому подвигу которого было посвящено мое стихотворение, могу лишь представить копию записи из моей рабочей тетради, где почти дословно изложено все, что мне рассказал о себе Г. С. Пулькин во время нашей беседы с ним в марте 1940 года в 28-м КАП (корпусном артполку).

К сожалению, никаких других сведений об этом герое у меня пока нет.

Буду рад, если мое сообщение поможет вам в ваших разысканиях.

Желаю всем вам всяческого благополучия.

А. Твардовский

ТАРАСОВУ А. Ф.

Кунцево, 4 марта 1969 г.

Дорогой Анатолий Федорович!

Письмо Ваше мне было доставлено сюда, в больницу, где я по случаю небольшого перелома ноги пребываю уже близко к месяцу,— уже все в порядке.

Конечно же, я буду рад предоставить то немногое, что у меня найдется интересного для Карабихи. Во-первых, что касается экземпляра «заветной книги» — первого тома «Полного собрания стихотворений Н. А. Некрасова» (1909 г., типография Суворина, по-видимому, издание), расстаться с ним я покамест воздержался бы, но, конечно, его можно будет сфотографировать (это — моя забота) с моей давней, 30-х годов надписью — что за книга и т. п. Во-вторых, я подарю Карабихе оба тома *этого же* двухтомника в издании 1914 г.

И по собственной инициативе могу предложить оригинал моей студенческой работы о «Кому на Руси жить хорошо». Работа, конечно, вполне ребяческая, но в свое время я с ней выступал на Некрасовской сессии ИФЛИ.

И еще кое-что, может быть, подберу.

Все это я привезу сам в Карабиху, куда давно собираюсь, но уже нынче по теплым дням, т. е. в ближайшее время, непременно приеду. Правда, из больницы я выйду еще в гипсовом «сапожке», но скоро уж и это снимут.

Перед тем как выехать, телеграфирую или позвоню Вам, чтобы знать, что Вы на месте.

С добрыми пожеланиями и сердечным приветом

Ваш *А. Твардовский*

МАРЬЕНКОВУ Е. М.

11 марта 1969 г.

Дорогой Ефрем Михайлович!

Видит бог, что я хотел бы тебе всячески споспешествовать и что мне всегда очень нравился эпизод из «Записок краскома» с мужиком на сосне, но, согласись, очень уж это известный эпизод (мне кажется, он не один раз был уже в печати), и, кроме того, «очерк», исторгнутый из некоего контекста, выглядел бы на журнальных страницах весьма сиротливо.

Попробуй устроить его в каком-нибудь «топконогом» журнале вроде «Огонька».

Задержка с ответом объясняется тем, что я только что вышел из больницы, где находился по случаю повреждения ноги, которая и сейчас еще в гипсе.

Желаю добра. Будет что новое — присылай.

Твой *А. Твардовский*

МАНАЕВУ А. М.

17 марта 1969 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Должен Вам разъяснить, что Вы не могли меня встретить в районе Монастырщины или Мстиславля в 1941 г.— я находился в это время на Юго-Западном фронте.

Но «Теркина» я Вам посылаю и весьма тронут Вашими добрыми словами о нем. Посылаю и маленькую книжечку лирики.

Литература обо мне довольно большая, но под рукой есть только эта книжка Рощина,— в ней много неточностей и пустых слов, но все же, может быть, она будет интересна.

Желаю Вам всяческого благополучия.

А. Твардовский

БУБНОВОЙ В. Д.

27 марта 1969 г.

Дорогая Варвара Дмитриевна!

Прочел Ваши странички воспоминаний: изящно, тонко, безупречно по письму, но еще не предвещает ничего дальнейшего в смысле содержания, по крайней мере — я не улавливаю.

Не начать ли с Японии?

Только нужно, чтобы читатель знал, «почему, по какому случаю» Вы вдруг отправляетесь в Японию. А дальше все будет интересно: и природа, и погода, и встречи, и бытовые подробности.

Постараюсь послать Вам японский № «Курьера» — может быть, будет небезынтересно Вам.

Будьте здоровы и пишите, пишите.

К вопросу о моей ноге больше не будем возвращаться — порядок.

А. Твардовский

ХАХАЛИНУ Л. А.

8 июня 1969 г.

Дорогой Лев Александрович!

Я с интересом прочел Ваши пробные к «главной книге» записки о первых днях войны. Это вполне, как говорится, профессионально, в смысле близости к стилю, словарю и готовым фразеологическим оборотам, какие были в ходу во фронтовой печати. Для «Нового мира», скажу прямо, это не находка, но, например, для «Журналиста» наверняка подойдет, если бы вы захотели опубликовать этот отрывок как таковой.

Что касается Вашего замысла «главной книги» (у кого из пишущих его нет!), то здесь Вы должны быть готовым к немалым трудностям. О войне уже так много написано, в том числе много написано хорошо, что этого нельзя не учитывать. Нельзя не учитывать и того, что война «глазами журналиста» — аспект весьма не новый. Тем более что, насколько я могу судить по нашему с Вами совместному пребыванию в поезде «Красноармейской правды» (под командованием незабвенного полковника Миронова), там Вы уже не сбивали немецких самолетов. Но это так, к слову, поскольку Вы имели в виду предложить Ваши записки в целом «Новому миру» [...].

Но белый свет не клином сошелся на «Новом мире», и я не хотел бы расхолаживать Вас в отношении Вашего замысла. Давай Вам бог!

О моем литературно-общественном бытии Вы, полагаю, вполне можете судить по печати и изустным отголоскам. В житейском смысле у меня все, как и у вас: две дочери, два зятя, два внука. Живу постоянно на даче в Пахре, между прочим — по соседству с известным Вам Орестом Верейским *.

Рукопись на всякий случай возвращаю.

Желаю Вам здоровья и всяческого благополучия.

А. Твардовский

---

* Видел его сегодня, вспоминали Вас. Он шлет Вам свой сердечный привет. — *А. Т.*

КУЛИЕВУ К.

1 июля 1969 г.

Дорогой Кайсын!

Цитирую письмо твоего болгарского переводчика Н. Христозова:

«Считаю своей обязанностью послать Вам книгу Кайсына Кулиева в моем переводе на болгарском. Я встретился с этой мудрой поэзией на страницах «Нового мира» и поэтому испытываю глубокое уважение не только к самому К. Кулиеву, но и к Вашему журналу.

Мы обменивались письмами с тов. Кулиевым, но в последнее время, в течение почти года, не получаю от него никакой вести. Может быть, переменил адрес? Конечно, я не могу утруждать Вас помочь мне в этом деле, но буду крайне признателен Вам, если при случае покажете тов. Кулиеву его книгу. Мне достаточно знать, что он увидит свой сборник на болгарском».

Выполняю просьбу Христозова и надеюсь, что ты найдешь время написать ему (его адрес: Болгария, София, ул. Бряст, 11. Николай Христозов), а также мне.

Обнимаю.

А. Твардовский

ПАНКИНУ Б. Д.

17 сентября 1969 г.

Дорогой Борис Дмитриевич!

Сразу же по ознакомлении с Вашей великолепной статьей об Абрамове пытался дозвониться до Вас — все неудачно, наконец узнаю, что Вы больны. Уж не опять ли Вы в больнице, не с ногой ли? Если, не дай бог — там, звоните, пожалуйста, мне в «Н. М.» (294-57-04).

Звонил Вам и по домашнему телефону — никого.

Так или иначе, хочу сердечно поблагодарить Вас за доброе, благородное дело — статью о Пряслиных. Я так

рад за Абрамова, человека — мало сказать — талантливого, но честнейшего в своей любви к «истокам», к людям многострадальной северной деревни, и терпящего всяческие ущемления и недооценку именно в меру этой честности. Авось теперь его хоть в «Роман-газете» издадут — до сих пор открыто отстраняли, предпочитая «филевскую прозу».

Крепко, крепко жму Вам руку, здоровому или болящему, спасибо большое.

Конечно, даже при сочувственном отношении к «Зимам и летам» Вы могли (и это уже было бы немало!) ограничиться заказом статьи кому-либо, но Ваша дорога́ тем особым поворотом темы «положительного героя», до которого вряд ли внешний автор дотянулся бы.

Будьте здоровы и веселы.

Искренне Ваш *А. Твардовский*

ВАСИЛЬЕВУ Н. Ф.

27 сентября 1969 г.

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Редакция «Нового мира» с удовольствием опубликовала очерк Г. Лисичкина, где немало и тепло говорилось о Вас,— в частности, о том, как много и интересно Вы думаете о таких насущных вопросах нашей жизни, как специализация сельскохозяйственного производства, проблемы управления хозяйством и подготовки специалистов, новые задачи, которые возникли в сферах идеологии и культуры в результате индустриализации страны. В личной беседе Г. Лисичкин рассказывал о Вас еще больше и горячее, чем написал.

Прекрасно отдаю себе отчет, как загружено Ваше время и как трудно Вам отрывать часы, чтобы собраться мыслями за письменным столом. И все же обращаюсь к Вам с просьбой: если выдастся время, может, сочтете возможным написать для «Нового мира» публицистическую статью. Не предлагаю каких-либо определенных тем. Что продумалось законченнее, что уже, как говорится, само просится на бумагу, о том и пишите.

Если для меньшей затраты времени пригодится по-

мощь профессионально пишущего человека, с радостью командировали бы к Вам корреспондента.

Буду очень признателен, ежели сочтете это предложение осуществимым.

С искренним уважением *А. Твардовский*

СИТНИКОВУ В. И.

3 октября 1969 г.

Уважаемый Василий Иванович!

Принимая на просмотр либретто к сценарию «Василий Теркин», я предупредил Вас, что мало понимаю в этих вещах. Но должен сказать теперь, по ознакомлении с рукописью, что, пожалуй, и Вы не более моего разбираетесь в этом специфическом жанре. Во всяком случае, мне ясно одно, что если *в книге* «Василий Теркин» должно быть, что читать, то в фильме должно быть прежде всего, что смотреть. И не всякий эпизод поэмы может быть эпизодом фильма. А Ваша работа — лишь свидетельство внимательного чтения поэмы и симпатии к ней. Сценарием это, по-моему, не может стать. Я не говорю уже о совершенно недопустимом использовании стихов поэмы в «разобранном» виде, т. е. с нарушением ритмики, строфики и т. п.

Коротко: я не могу рекомендовать это либретто в качестве основы сценария (оно таковым не является) для фильма «Теркин».

Рукопись возвращаю. Не сетуйте на меня — я не первому Вам говорю такие слова по сходному поводу.

А. Твардовский

ТРОФИМОВУ И. Т.

22 октября 1969 г.

Уважаемый товарищ Трофимов!

В списке «Писатели Смоленщины», мне кажется, пропущен Сергей Страдный (может быть, это псевдоним), выступавший в некоторых смоленских изданиях совместно с М. В. Исаковским, рано умерший.

Еще был в 30-х годах Степан Курдов, журналист, тоже выступал со стихами.

Других замечаний не имею.

Будьте здоровы.

А. Твардовский

ВАСИЛЬЕВУ Н. Ф.

23 октября 1969 г.

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Спасибо за добрые слова по поводу публикаций нашего журнала об экономике сельскохозяйственного производства.

Особенно признателен Вам за согласие поддержать эту заинтересованность живым делом и выступить у нас со статьей.

Конечно же, я никак не намерен торопить Вас, но, пользуясь Вашими же сроками, позволю себе напомнить о нашем уговоре: весною будущего года.

С искренним уважением *А. Твардовский*

НЕЙКЕНУ Л. Л.

23 октября 1969 г.

Уважаемый Леопольд Леонидович!

К сожалению, ничего не могу сообщить Вам об обстоятельствах гибели и месте захоронения М. Чумандрина, Б. Левина, С. Диковского, так как я в войне с Финляндией 1939—40 гг. находился на Карельском перешейке, а названные товарищи — на Ухтинском направлении, где я никогда не бывал.

Также ничего не знаю о месте и времени гибели Н. Отрады и А. Копштейна.

П. Н. Лукницкий по явному недоразумению адресовал Вас ко мне с таким запросом.

С уважением *А. Твардовский*

P. S. Извините, но слово *поиски* нехорошо употреблять в форме единственного числа.

А. Т.

БУБНОВОЙ В. Д.

28 октября 1969 г.

Дорогая Варвара Дмитриевна!

Должен Вас огорчить: «эссеи» покамест не развертываются в рассказ, сколько-нибудь захватывающий содержанием.

Вы не обязательно должны описывать Февральскую революцию, но если уж описывать, то не начиная с «трагической» фигуры городового, как-то заслонившей и то немногое, что Вы могли рассказать.

Ревель — умолчание о том, зачем Вы очутились в 22 г. в Ревеле.

Лондон — очень скупо и скудно, и, простите, малоинтересно.

Еще раз простите, но советую Вам перечитать «Былое и думы» — не в видах подражания, конечно, но хотя бы для затравки.

Пишу на ходу, надеюсь, что Ефим Яковлевич отпишет Вам подробнее и, может быть, поощрительнее.

Мария Илларионовна кланяется Вам.

Будьте здоровы, не сетуйте на меня.

А. Твардовский

ТУЛИНУ В. Ф.

22 ноября 1969 г.

Дорогой Василий Федорович!

Я получил и просмотрел вкупе все Ваши стихи, среди которых были и те, что я видел ранее. Вот что я Вам должен сказать теперь, по необходимости кратко, без построчного разбора. В предыдущем письме я сказал, что Вы уже достигли известного литературно-технического уровня, но беда в том, что выше этого уровня не поднимается ни одно из присланных стихотворений. Таких стихов можно писать очень много, вообще говоря, это дело совсем нетрудное для мало-мальски способного, грамотного, начитанного в стихах человека. Но поэзией это назвать нельзя. К примеру, много есть людей недурно поющих или играющих на каком-нибудь инструменте в

семейном кругу и даже выступающих на самодеятельной сцене, но очень редки случаи, когда это самодеятельное искусство становится явлением искусства в большом смысле. Вы сейчас в стадии этого самодеятельного искусства: пишете стихи, похожие на стихи, их даже можно напечатать или прочесть с эстрады,— все это очень хорошо. Но Вы должны решить для себя сами: достаточно ли с меня этого? Может быть так, что достаточно,— ничего зазорного в этой приверженности к писанью стихов нет, наоборот, это всячески поощряется как проявление возросшей культуры и т. п. Все дело в том, что покамест это нельзя считать поэзией. Новые Ваши стихи ничего не добавляют к тому, что Вы дали в первом засыле мне, и я покамест ничего не могу добавить к тому, что уже сказал Вам. Количество здесь не имеет значения. Более того, можно сказать, что чем больше одинаковых по качеству стихов, тем сомнительнее переход к иному качеству.

Я советую Вам не спешить присылать новые стихи до тех пор, покамест Вы не почувствуете, что пишете решительно по-иному и что прежние Ваши вещи, т. е. теперешние, уже самого Вас не удовлетворяют. Сказанное не мешает Вам быть тем, чем Вы являетесь в обиходе своей жизни личной и культурно-общественной, т. е. писать песни для хора, стихи для местной печати и т. д. Дело само покажет, сможете ли Вы подняться над «самодеятельным» стихотворчеством,— этого решить наперед никто не может.

Рукопись стихов возвращаю.

А. Твардовский

КЛЕЙМЕНОВОЙ Л.

12 декабря 1969 г.

Дорогая Люда Клейменова!

Вы пишете: «Бросить физику? Но ведь я ее очень люблю. Не читать книг? Но я буду себя чувствовать совершенно ограбленной. А как все это совместить? Я не знаю».

Я тоже, конечно, не знаю и притворяться волшебным душеустроителем не могу, но мой возраст, опыт дает мне право предположить, что, возможно, выговорившись в

своем откровенном письме-исповеди, Вы почувствуете известное облегчение и то, что, в сущности, уже не так остро нуждаетесь в душеустройстве извне.

Если я ошибаюсь, напишите мне коротко. Физику, во всяком случае, не бросайте — кто-нибудь поднимет, как говорится.

Желаю Вам полного (или хоть частичного) освобождения от «напряженности» вставшей перед Вами дилеммы.

А. Твардовский

АБАШИДЗЕ И. В.

Москва, 21 января 1970 г.

Дорогой мой Ираклий Виссарионович!

Прости великодушно, но не по забывчивости или небрежности отзываюсь на твое новогоднее приветствие с таким опозданием: все из-за каждодневной суеты сует (в которой я пребываю уже не дни и не месяцы — целые годы). Спешишь управиться с неотложной почтой, оставляя на завтра, на потом и т. д. необходимость отзываться на добрые слова друзей, «своих», тех, которые не осудят тебя немедленно, поймут, учтут, думается,— и в результате выглядишь перед ними невежей, или гордецом (с чего бы!), или обиженным, как в случае с тобой.

Меня просто, как заноза в сердце, обеспокоила фраза в твоей новогодней открытке — не обижен ли я тобой? Мне хочется прокричать тебе в Тбилиси: нет, нет, дорогой Ираклий, но, может быть, наоборот, ты имел основания обидеться на меня, по крайней мере недоумевать по поводу моего отсутствия на твоем вечере,— это вполне возможно, но это требует разъяснений, которые не вдруг могут быть понятны,— оставим это, прошу тебя, до нашей встречи.

Словом, не ты у меня, а я у тебя в долгу, но я льщу себя надеждой, как говаривали в старину, сквитаться с тобой.

Теперь одна к тебе претензия: мы с тобой всегда, с первого нашего брудершафта в 1940-м (30 лет!) были на «ты». Меня больно задело твое одностороннее «Вы» в твоем помянутом приветствии,— как будто ты от меня

уже отстраняешься. Нам, старикам (с этого года уже официально в данном звании), не пристало это.

Поэтому, как хочешь, но я тебя не хочу переводить в друзья, с которыми бы я сносился на «Вы», а остаюсь твоим другом без этой заградительной формы обращения.

Обнимаю тебя, дорогой друг, будь здоров и благополучен, сигнализируй о приезде в Москву — непременно увидимся. Привет супруге и всем близким.

Твой *А. Твардовский*

ОРЛОВУ С. А.

21 января 1970 г.

Уважаемый Серафим Андреевич!

Прошу прощения, я не помню, чтобы Вы именно ко мне обращались с письмом по поводу «Русского Бернса»,— писем-циркуляров, писем-анкет и т. п., выполненных типографским способом, столько приходится получать!

С Робертом Бернсом, которого люблю издавна, со времен, когда мне впервые попала в руки Гербелевская антология «Английские поэты», соприкоснулся я в литературном смысле через мою рецензию на переводы С. Маршака, в свое время напечатанную в «Новом мире». Она нравилась С. Я.— он включил ее в свое первое Собрание сочинений. Затем она была «поглощена» моей статьей о поэзии С. Маршака, предназначавшейся в качестве вступительной к посмертному изданию Собрания сочинений С. Я., но по обстоятельствам не вошедшая в него (оно вышло вообще без вступительной статьи), и, таким образом, я могу указать только № «Нового мира» (№ 2, 1968 г.), в котором она опубликована, и, может быть, смогу прислать отдельный оттиск ее.

Вот, собственно, все, что я имею сообщить Вам в связи с Вашим письмом от 14.I.70.

Желаю Вам доброго здоровья и всяческого благополучия.

А. Твардовский

БУРТИНУ Ю. Г.

Пахра, 21 мая 1970 г.

Дорогой Юрий Григорьевич!

Я только на днях узнал о постигшем Вас большом горе и, поверьте мне, знаю, что такое потеря матери даже в более зрелом возрасте, чем нынешние Ваши годы.

Не буду говорить полых слов или утешать Вас чем-нибудь,— это рубеж, за которым Вы почувствуете себя в другом возрасте. Но «нужно жить и выполнять свои обязанности», а их у Вас немало, потому что с Вами ум и талант. Верю в Вас!

Мне лишь было огорчительно, что Вы, вместо того чтобы обратиться ко мне, обратились в [...] Литфонд со своей нуждой в горькую минуту, который не постеснялся оговорить возвратность ссуды, взятой Вами.

М. б., Вы воспользуетесь возможностью хотя бы немедленно возвратить эту ссуду? Я к Вашим услугам, дорогой Юрий Григорьевич. Отзовитесь письмишком или телефоном (227-42-00 — гор. кв., там я редкий гость, но мне передадут — дочь Ольга или зять Володя). На дачу звонить (почти) безнадежно, но попытайтесь: 246-16-52, доб. 360.

Обнимаю Вас.

Ваш *А. Твардовский*

ТУРКОВУ А. М.

Пахра, 5 июля 1970 г.

Дорогой Андрей Михайлович!

Не следует сетовать по поводу «волшебных изменений», постигших Вашу статью в «Неделе»,— снявши голову, по волосам не плачут.

Спасибо сердечное Вам за все, что в статье уцелело, и за то все, чего в ней и быть не могло по не зависящим от Вас причинам. И заодно за то, что Вы еще 10 лет назад бабахнули обо мне в «Известиях». Буду рад, если и к 70-летию моему — буду ли я или не буду жив к той

поре — Вам не придется пожалеть об этих и иных Ваших добрых словах о Вашем покорном слуге (какие были прекрасные обороты письменной речи в старину!).

А. Твардовский

КИПКО Ю. В.

Москва, 7 июля 1970 г.

Дорогой товарищ Кипко!

Очень жаль, что Вы, не указав своего имени-отчества, лишили меня возможности обратиться к Вам, как принято в русской письменной речи, я даже не знаю, мужчина Вы или женщина.

А между тем письмо Ваше хорошее, тронувшее меня сердечностью, и безукоризненное во всех отношениях.

Благодарю Вас за добрые Ваши слова по случаю моего шестидесятилетия, за приглашение приехать в донбасские края,— правда, не обещаю в ближайшее время.

Направляю в библиотеку Пятой школы мою только что вышедшую книгу, которую я затруднился надписать лично Вам по причине, изложенной выше.

С уважением *А. Твардовский*

КНЯЗЕВУ К. А.

Москва, 12 августа 1970 г.

Дорогой Константин Андреевич!

Человек предполагает, а бог располагает: не смог выбраться в июне, в июле, не смогу и в августе.

Простите, но сложилось так, что день за днем отодвигалось решение о поездке в Братск, да и в Смоленск, а сейчас нужно ехать с женой в санаторий,— она серьезно больна, а без меня не поедет. И все не так просто по нынешним временам.

Посылаю Вам две мои старые поэмы в новом издании. Примите их как задаток под приезд автора.

Ваш *А. Твардовский*

ПЛЕСКАЧЕВСКОМУ М. Г.

28 августа 1970 г.
Пахра — Десна

Милый мой Миша!

Перечитал твое прекрасное письмо,— дошла до него очередь (веришь ли, только сейчас, в конце августа, справляюсь с юбилейной почтой, наконец-то иссякающей!).

Вообще должен сказать тебе, дорогой пенсионер, что [...] почта была со всех сторон невероятная. Собственно, не имея оснований жаловаться на недостаток внимания со стороны читателей в течение двух-трех десятилетий, я нынче ощущаю объем своей популярности.

Тут еще по времени совпало дело с моим уходом из журнала — просто *бяда*, как выражался Лев Николаевич. И, конечно, в таких случаях самые добрые друзья, как ты, остаются напоследки,— свои, подождут, мол! Прости, пожалуйста.

Отзываюсь я (телеграммами — в особых случаях, книжками большей частью, письмишками — по необходимости куцыми и однотипными, фотографиями) на одно из 20 примерно посланий, но и то ужасно много. Раскланиваюсь, раскланиваюсь — аж до боли в пояснице.

Посылаю тебе, дорогой Миша, двухтомничек, вышедший к юбилею, хотя все в нем тебе известно до строчки.

Не думаешь ли показаться в столице нашей Родины? Звони на городскую квартиру — там Оля или зять скажут, где и что я. С 15 сентября, кажется, буду в Барвихе, но и в этом случае тебе скажут, как туда доехать, и все такое.

Не задумал ли ты по пенсионному нынешнему своему положению удивить мир каким-нибудь злодейством, вроде мемуаров, что ли? Надо бы, Миша! Обидно, что ты единственный, пожалуй, из всей моей многочисленной

родни подлинно интеллигентный человек, да плюс еще журналист, писучий человек, не накатаешь чего-нибудь хотя бы из опыта бакинских лет.

Впрочем, это как ты захочешь, корысти у меня редакторской уже нет, а ты мне и без мемуаров мил и дорог, какой ты есть. Хочу только верить, что перечисленные тобой недуги ты преувеличиваешь. Отдохнешь, оклемаешься, как говорят пьяницы, и само собой потянет тебя на некое действие.

Обнимаю тебя, дорогой мой.

Привет всем твоим домашним.

Твой *А. Твардовский*

ЧУКОВСКОЙ Е. Ц.

Москва, 14 сентября 1970 г.

Уважаемая Елена Цезаревна!

Не знаю, смогу ли написать о Корнее Ивановиче что-нибудь именно сейчас, хотелось, по примеру самого К. И., отнести эту задачу на более поздний, собственно мемуарный период.

Но если в архиве К. И. сохранилась копия (дело маловероятное) его письма ко мне, датированного июнем или июлем 1936 г., был бы счастлив получить ее.

О том письме я пишу К. И. в ответ на его июньское 1969 г. письмо,— копию последнего прилагаю.

С уважением *А. Твардовский*

МАТВЕЕВОЙ В. А.

Москва, 17 сентября 1970 г.

Уважаемая В. А. (не указав своего имени-отчества, Вы лишили меня возможности обратиться к Вам, как положено по-русски)!

Примите мое искреннее соболезнование в связи с кончиной матери Вашей, Неёловой Зинаиды Герасимовны.

Разумеется, Вы,— даже по прямому праву наследования,— можете оставить у себя присланную мною книгу с дарственной надписью на имя Зинаиды Герасимовны.

Желаю Вам всего доброго.

С уважением *А. Твардовский*

ПИСЬМА М. В. ИСАКОВСКОМУ

⟨Июль 1932 г.⟩

Дорогой Михаил Васильевич!

Эта вещь напечатана в «Наступлении». Напечатать ее в Москве,— *такова задача.* Я обращаюсь к Вам с просьбой прочесть эту штуку и сообщить мне о ней с точки зрения пригодности в «Земле Советской». Если она подойдет, я сейчас же ее *перепишу на машинке* (так показывать, пожалуй, неудобно, хотя я не считаю преступлением печатать вещь в *союзном* журнале после *провинциального*) и вышлю ее. Вдвое же было бы отрадней узнать из Вашего сообщения о пригодности ее в *таком* виде и о *возможности получения некоторой суммы. Но* на последнее я даже не возлагаю надежд, хотя опять же *преступного здесь не было бы ничего.*

Основное, чего я прошу,— *срочного ответа.* Дело в том, что, если я не получу от Вас ответа, я вынужден буду заключить договор на издание поэмы Виницким, а этого до слез не хочется. Условия... знаете какие? Так вот, очень прошу прочесть, и если Вы будете в принципе не против поэмы, то и посодействовать реализации ее на страницах «Земли Советской». Поэма третий месяц лежит в одном ужасно толстом журнале, но по случаю перестройки оттуда молчат. Я уже махнул на это дело рукой.

В общем, жду ответа, жду результата прочтения вещи.

Где Вы теперь работаете? Что пишется? С чем пьете чай и, вообще, что дают в вашем закрытом распределителе, а если ничего не дают, то почему?

А. Твардовский

Адрес выбирайте любой:
Смоленск, Дом Советов
Орготдел облика, ком. 75

редакция «Западной области»
или
Смоленск, ул. Кашена,
дом 1, кв. 9

Жду, как из ружья, т. к. 1-го поеду в отпуск в Пречистенский р-н, где и буду сидеть.

17 августа 1932 г.

Дорогой Мих. Вас.

Неделю-две тому назад я послал в адрес «Земли Советской» поэму. В переписанном на машинке виде. Ежели не считаете затруднительным, то — пламенная просьба — позвоните туда и сообщите редакционным бабкам (там есть такие!) свое мнение об этой вещи. На переписку истрачен двадцать один (21 р.) руб. 50 коп. Будет до слез обидно, если это не возместится.

Прошу и жду уведомления.

А. Твардовский

Смоленск, 26 января 1935 г.

Дорогой Мих.!

Большое спасибо. Стих мне еще более понравился. Думаю, что где-нибудь в «эпопее» моей он найдет место, а не найдет, и так хорошо. Очень редки стихи этого уровня *такой* цельности, законченности и закругленности. Поэтому крайне занятный кусочек из стихов о челюскинцах все же не имеет и приблизительно равной ценности.

В «сферах» — ничего особенного. Подписал я договоришко с Новосельским. Грустно. Ездили мы к Прасолову — я, Оськин и Марьенков. В общем очень хорошо. Ты бы, побывав на том вечере (пятилетие колхоза; вечер длился 8—9 часов подряд), не пожалел.

Приступаю снова к Никите. Был порядочный перерыв из-за всяческих хозяйственных дел.

С литконсультацией тебе определенно тяжко и нужно искать какие-то пути облегчения. Просто объяви начальству, что занят творческой работой.

Желаю всего прекрасного. Привет Лидии Ивановне.

Маруся пишет тебе отдельно, но в целях рационализации вкладывает свое письмо в мой конверт.

Александр Т *.

---

* Не «Александр III», как можно прочесть, а просто Александр Т., т. е. Твардовский. Курсив наш (*А. Т.*).

Смоленск, 18 февраля 1935 г.

Дорогой Михвас!

Спасибо за книжку; только нужно было все же подписать, а то так я буду думать, что это мне из консультации «Крестьянской газеты» прислали.

То, что у тебя сейчас рабочее настроение,— приятно знать. Вылезай как-нибудь из консультации и пиши все, что бог на душу положит. Сторожа непременно пришли,— ибо в Москве я буду, кажется, не так скоро.

О себе имею сообщить следующее. Пишу поэму, дальше все трудней, но в общем как будто ничего. Стремлюсь закончить первую часть. С Новосельским (вообще с Гизом) — возня. Есть там Маковский, политредактор. Безнадежен. Есть такие строчки в старой моей поэме «Вступление»:

Колхоз — понимаю — нужно...
Против сказать не могу...
А сам, соглашаясь наружно,
Душой — на своем берегу.

— Это двурушничество,— заявил полит,— и я не могу в момент, когда и т. д., позволять протаскивание двурушничества.

Потребовал зарезать это место. Новосельский вступился, не знаю, чем кончится. Тяжело.

Есть у меня сейчас серьезная неприятность. Горбатенков, находясь на курсах молодых писателей, распространяет среди людей, знающих меня, лживые и мерзостные слухи. Будто бы меня исключили из института, будто бы я хлопочу о возвращении родителей из ссылки и тому подобное, чего я и во сне не видел. Ну, что с ним делать!.. Хуже всего то, что от всякой сплетни остается известный осадок, если даже сплетня и опровергнута.

О поездке не забываю. Думаю, что обойдется без кабалы. Возьмем мы деньги на худой конец у Завьялова.

Привет супруге!

Маня тебе, вероятно, напишет сама.

Ал.

P. S. Я имел приглашение из этого альманаха, но как-то не соберусь послать — нечего. Что есть — то печаталось...

Ал.

Смоленск, 25 февраля 1935 г.

Любезный Михайло!

Благодарю за стихи и книжку с надписью. Теперь, поскольку чин твой указан полностью, думаю — не обозначить ли его на конверте, чтобы письма шли без задержки!..

А вот что серьезно. Стих, по моему мнению (то же говорит Маня),— настоящий стих. В нем не «места хорошие есть» (весь он хорош), а есть *одно место нехорошее,* и оно, я думаю, является причиной твоего суждения о всем стихе. Это место начинается строкой «Мысли метались — туда и сюда...» — все рассуждение и объяснение того, что он не побежал с поста— плохо, просто излишне. Вместо трех строф ты поставишь здесь одну строфу (ей-богу, легко!), и хватит. Повествование от первого лица страшно облегчает задачу. Одно удачное выражение — и все на месте. По-моему, нужно здесь выразиться в каком-то таком духе, что вот, мол, не побежал он, *сообразив,* что неспроста горит именно его изба; его осеняет быстрая, недоговоренная догадка... (Тебе известно, конечно, что такие поджоги в действительности сплошь и рядом делались с целью отвлечения сторожа с поста.) И это не будет фальшью. И человек предстанет выше, замечательнее,— т. е. как человек, в голове которого в такой момент мелькает мысль прежде всего о счастье людей, отданном ему под охрану. И скажет он об этом просто, обычно. Это, конечно, все у меня получается длинно и, может быть, неубедительно для тебя, но я говорю об этом со всем убеждением.

Если тебе навернется вскоре такое исправление этого места (хоть какой-нибудь вариант) — пришли его в письме. Стих в Смоленске можно сразу реализовать в «Рабочем пути» или «Колхозной газете». Сообщи мне свою волю, и я его занесу в редакцию.

Еще. По-моему, заглавие лучше бы «Биография жизни». Именно так говорится: биография жизни (здесь достаточно «колорита»), а «география» — это уже слишком. По-моему.

Стихов в Альманах надумал послать.

А к тебе вот какая горячая просьба: пришли мне частушек, какие знаешь или сам сочинил. После объясню — для чего. Авторского права ты не потеряешь над ними. Пришли — как можно больше.

Живы-здоровы. Приезжал бы ты как-нибудь?.. Серьезно. Может, в Беларусь соберемся. Кстати, сборник наш там, говорят, вышел, но ни денег, ни авторских экземпляров не шлют.

Привет Лидии Ивановне.

Ответствуй.

А. Твардовский

Смоленск, 25 апреля 1935 г.

Дорогой Мишель!

Письмо (да еще спешное!) из «Красной нови» я получил. Выходит, что ты в этом деле непосредственно повинен. Спасибо тебе. Я только думаю,— и в таком духе ответил редакции,— что нужно закончить первую часть. В письме в «Красную новь» я даже не говорю, что это «первая часть». Про себя я думаю сделать эту первую часть так, чтоб она совершенно свободно могла жить без второй, хотя я и оставляю за собой право писать вторую.

Заодно о «легкомысленности». Конечно, речь в крайнем случае может идти о нескольких строчках, где я сбиваюсь (и я эти места оставил условно) на юморок, а не об общем тоне. Общую «веселость» поэмы ты объясняешь, по-моему, абсолютно правильно. По этому поводу я даже пугну тебя цитатой из Маркса.

«История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда несет в могилу устарелую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия... Зачем так движется история? Затем, чтобы человечество *смеясь* (подчеркнуто не мной, а Марксом) расставалось со своим прошлым». Мне это место очень нравится, оно как-то страшно много объясняет и в жизни, и в литературе.

С Панферовым я поступлю очень просто: я в предисловии (коротеньком) прямо напишу, что в основу сюжета положен такой-то эпизод из книги Федора Панферова. А «Бруски» — не годятся по многим соображениям...

С Завьяловым все безусловно устроится, по 300 р. мы получим от него, да по 300 — своих возьмем, если все будет хорошо.

Сейчас я, кажется, поеду (после праздников) в один большой колхоз в порядке союзной работы по созданию книги о людях наших колхозов. Заниматься я там буду в основном и главном писанием поэмы, ибо колхоз знакомый, на собирание материалов для очерка потребуется минимум времени.

Выедем мы с тобой, вероятно, числа 25 мая. Мне бы лично хотелось перед тем заскочить в Москву. Ну, это посмотрим.

Я послал в «Известия» свою «Плясовую». Если сочтешь удобным, то звякни как-нибудь им,— мол, получали ли такие стихи? Но не считай эту просьбу обязательной.

Маня кланяется тебе. Я кланяюсь твоей жене, чего и вам желаем.

Ал.

Поспеши писнуть до праздника.

А.

Смоленск, 29 апреля 1935 г.

Дорогой Михась!

Это второй вариант письма. Я сперва начал было плакать в жилетку * под влиянием глупого настроения, посетившего меня как раз в этот вечер, когда пришло твое письмо. Но не будем портить жилетку.

Итак. Я с удовольствием поеду в Менск при двух условиях:

1) если, конечно, пригласят;

2) если поедешь ты.

Колхоз — не помеха. Ибо, во-первых, я и полагаю пробыть там до половины мая, а во-вторых, до сих пор никак не соберусь еще выехать: представь — в Смоленске нет ботинок, обуться нечем. (Это, кажется, по-одесски получилось.)

---

* Твою (*А. Т.*).

Работаю над поэмой, но плохо из-за внешних обстоятельств: предпраздничная суетня и беспорядок в комнате, утомительные и, может быть, бесполезные переговоры с Обллитом и т. п. радости.

Очень хорошо, что тебе пишется «общая лирика». Не поленись, выпиши в письме строчки, какие есть.

А напишем-ка мы с тобой как-нибудь какую-нибудь потешную штуку! Вроде сказки, вроде чего-то такого. А не напишем, так хоть помечтаем как-нибудь, может быть, во время поездки.

«Литгазета» сватает тебя, видимо, неспроста: вероятно, был глас свыше. Ты не отказывай ей, обещай дать что-нибудь, если сейчас нечего.

А ты кем в «Словаре писателей» — членом каким-нибудь или просто ревнителем?

В Московию я хочу приехать *до* Минска и *до* поездки в деревню (совместной).

Если не лень, то черкни — письмо еще захватит меня в Смоленске.

Ал.

Приветы — само собой.

А.

Рибшево, 7 мая 1935 г.

Дорогой Михась!

Итак, я — на лоне. Живу в хате-лаборатории среди всяческих экспонатов; когда-нибудь на досуге опишу убранство своего жилища в стихах. Настроение очень хорошее. Люди живут и работают хорошо. Много даже внешних перемен. Вчера я катался на лодке по огромному озеру, которого год назад не было и в помине! Чудесно.

Хату-лабораторию (какие два слова соединяет тире!) отапливает дед-огородник; он же и спит на печке, укрываясь древним тулупом. Представления о времени года — чужды ему. Живу с комфортом, даже электрический свет имеется. Одно плохо — папиросы паршивые, а хороших из Смоленска не захватил. В колхозе две грузовых и одна легковая машина. А также есть жеребцы, кобылы и т. п.

Погодка хорошая. Ты б не так плохо сделал, если бы надумался приехать сюда, хотя бы позже. До Ярцева —

железной дорогой, от Ярцева до Духовщины — на «автобусе»-грузовике — от Духовщины до Рибшева на легковой вроде «Антилопы». Помысли об этом, но безотносительно к этому — черкни сюда, буду сердечно благодарен. Приветы.

Александр

Адрес такой: п/о Рибшево, Пречистенск. р-н, Зап. обл., колхоз «Память Ленина».

⟨15—16 мая 1935 г.⟩

Дорогой Мих, из колхоза я приехал, но — увы — лишь затем, чтобы отправиться на 10 (десять) дней в лагеря. К тому же из деревни я приехал с больными глазами (открылось нечто скверное), так что, если даже я буду освобожден от лагсбора, то неделя уйдет на примочки и каплепускания. Погода покамест скверная.

Руштуйся (собирайся) к концу месяца.

Еще раз кланяюсь!

Ал.

P. S. Прости, что пишу на этих фиговатых листках, ничего другого под руками нет.

В ближайшие дни — либо из лагеря, либо из дому — напишу по-настоящему.

Ал.

Смоленск, 30 мая 1935 г.

Дорогой Михась!

Вчера я сдал по списку «пять предметов» — гимнастерку, брюки, фуражку, обмотки, ремень — старшине роты и благополучно отбыл восвояси. Прошу заметить, что в перечне «предметов» нет обувной единицы. Дело в том, что ходил я в собственных ботинках, кои ранее были разбиты, но не добиты, как говорится. Этому вопросу мы уделим внимание ниже.

Письмо, посланное тобой в Рибшево, я получил (его переслали в Смоленск), посылку — также, за что очень благодарен. Теперь вот какие дела. Я жду тебя, чтобы ехать в с. Оселье. Я даже думаю так (если ты не возражаешь), что, может быть, мы поедем только к тебе, а ко мне, в Загорье, как-нибудь в другой раз. Почему я

так думаю — объясню на словах, хотя ничего страшного тут нет,—просто в целях большей концентрированности впечатлений... Вообще об этом — поговорим...

Пока ты приедешь, я сделаю мелкие делишки, освобожусь для мыслей и разговоров чисто творческого порядка и буду готов. Но здесь начинается то самое «ниже», которое оговорено выше.

Миша! Я — босиком. Хожу в тапочках, как Павел Васильев ходил в Иркутске. В Смоленске никаких образцов современной обуви, ничего кожаного, просто ни одной подметки, ни в одном магазине нет. Если бы ты совершил подвиг и, направившись в Мосторг, по вопросам, связанным с поездкой, завернул бы в обувной отдел и купил бы желтые или черные ботинки или полуботинки 43 номера (ношу обычно № 42, но заглаза лучше взять 43), я бы тебя озолотил. Деньги я не посылаю сейчас, ибо их сию минуту (утро выходного дня) нет, а достану завтра-послезавтра, в общем, приедешь — сразу выплачу. Миша, прости, что обременяю тебя такого рода поручением, но иного выхода нет, мне и ехать не в чем будет. Конечно, если у тебя не окажется денег или что-нибудь помешает обуть меня, все равно приезжай, будем на месте через Завьялова добиваться внедрения в какие-нибудь сверхзакрытые учреждения или склады.

Это письмо спешное и по форме, и по существу. Прощай, пока.

Твой униженный проситель *Ал.*

Смоленск, 27 июня 1935 г.

Дорогой Михась!

Письма твои получил, спасибо тебе за них. После твоего отъезда было, понятно, грустновато. Между прочим, дни, проведенные в Глотовке, сейчас для меня окрашиваются в сугубо поэтические тона. Право же, неплохие дни, разговоры, «флигель» и порции «социального зла», сдобренные дружески-шутейным настроением. Это мы как-нибудь вместе повспоминаем.

Теперь по существу затронутых в письмах проблем.

Редакциям я сказал о твоем намерении прислать стихи в ближайшее время, но, Миша, уверяю тебя, ты не имеешь никаких оснований считать себя обязанным, торопиться и, вообще, много думать об этом. С «Рабочего

пути» довольно обещания, а в «Наступлении» люди свои и, как можешь сам представить, относятся к тебе очень богобоязненно. Если не ошибаюсь, тебе навеки установлены 3 р. за строчку. Не спеши и не волнуйся.

Андреев до сих пор не отпечатал твою (а наша совместная разбилась в негативе) фотографию и говорит, что она не очень удачна. Завтра посмотрю и выясню возможность ее помещения в книге. Шемашне же отпечатал только пробные пока. Высылаю их тебе (2).

Что касается твоего предложения, то, хотя оно мне очень нравится и вполне устраивает, сейчас приехать не могу — нету денег. Числа пятнадцатого приеду, если не возражаешь, с большим удовольствием, ибо будут деньги.

Кстати о деньгах. Антропос мне не дал до сих пор остальных 150 р., из коих я не замедлил бы прислать тебе 50. Завтра-послезавтра, вероятно, даст.

Теперь одна к тебе просьба. В очередном письме к Лидии Ивановне ты, вместе с приветом от нас, запроси ее о *Хосте,* т. к. именно в Хосту едем и мы. Что за Хоста, есть ли возможность работать, *дают ли комнаты* семейным членам, таковы примерные пункты запроса. А потом уж ты сообщишь нам.

Привет от Марьи Ларионовны.

В следующем письме пришлю частушки, как я свел вместе с твоей и моей записи.

Всего тебе доброго. Чтобы не тосковать, пиши письма подлинней, опиши, например, в художественной форме, дачную неприятность, постигшую тебя. В общем — пиши, Мишуня.

Ал.

Смоленск, 5 июля 1935 г.

Дорогой Михаил Васильевич!

Обращаюсь к тебе по вопросу, связанному с процветанием вверенного мне дела.

1. Нельзя ли через тебя или при твоем споспешестве заполучить некоторое количество (экземп. 100—300) твоей книжки? Если можно, то как это сделать?

2. Мы говорили с Завьяловым о *переиздании* этой книжки здесь, в Смоленске. Как ты смотришь на это дело? Согласен ли ты подготовить «просмотренное и дополненное издание»? Я думаю, что общая часть останется

неприкосновенной, а ты лишь расцветишь книжку примерами «местного масштаба» и т. п.

Ответствуй.

Ал.

P. S. Прости, пожалуйста: 50 р. я послал тебе почтой — не имел 3 р. на телеграф, а до послезавтра ждать — еще хуже.

А.

Смоленск, 5 июля 1935 г.

Любезный Михайло Васильевич!

Сегодня, послав тебе второе письмо (насчет твоего «курса теории литературы»), получил одновременно два (2) твоих письма, из коих одно спешное. Я очень благодарен тебе за твои хлопоты в «Колхознике». Твое сообщение радует меня весьма и укрепляет дух мой премного.

Высылаю «Перепляс». Просмотри его, пожалуйста, и сделай, какие найдешь нужными, исправления.

Поэму, ей-богу, заканчиваю и числа 15—17-го прибуду с ней в твое распоряжение, в Москву. Наклевывающаяся возможность показать ее (поэму) Максиму — дело страшно важное по очень серьезным и честным соображениям. Это долго писать.

Сегодня почти решен вопрос о переиздании твоего «курса поэтики». Запиши себе в памятную книжку 500 р., поступающих, вернее, имеющих поступить «с куста».

Деньги «Рабочий путь» тебе выслал. Телеграфом. Вот-вот вышлет Антропов 1800 р.

Бедный Михась! Как представлю себе, что сидишь ты там и варишь свои роковые яйца, так слеза набегает. А яйца роковые вот в каком смысле. Они очень отяжеляют голову и угнетают дух. Мы вместе с супругой моей, Марьей Ларионовной, взываем к тебе во имя советской поэзии: откажись от своих яиц, не губи свой талант.

Шутки шутками, а нужно тебе бросать яйца, всяческую сухомять и обедать хоть через день в хорошей столовой.

Всего тебе лучшего.

Ал.

Смоленск, 7 июля 1935 г.

Дорогой Михась!

Сердце кровью мое облилося, когда я прочел твое последнее письмо. И хуже всего то, что деньги-то у тебя потенциально есть. Сегодня Антропов мне сказал, что тебе выписаны *1800* руб. в окончательный расчет, но нет «подписи» — т. е. нет Новосельского, а Маковский не имеет «подписи». Из-за этого все дело задерживается.

Далее. Я почти договорился (мне пообещали) с «Рабочим путем» о переводе тебе телеграфом гонорара за «Ненависть»,— новых стихов они еще не получили.

Далее. Сегодня телеграфом перевожу тебе 50 р. на «пропитание».

В Москву собираюсь упорно. Жажду выпить с тобой «карданашки», проехаться по метро и потолковать о превратностях судьбы.

Новости: 1) Я стал литконсультантом СП. Работенка при честном отношении к ней необременительная. Работаю 2 ч. ежедневно. 300 р. в месяц. Тяжело только то, что рукописи скопились от трех месяцев («наследие» Курдова и др.); 2) Тебя сделали зав. стих. отделом «Наступления» (пока заочно), что тебе принесет рублей 300 без особых забот.

Пишу из Союза, а здесь даже клочка бумаги нет путного.

В общем — живи, мужайся, все должно быть благополучно.

Жду ответа, как птичка лета.

Низовой автор

Смоленск, 10 июля 1935 г.

Дядя Миша!

Почта стала работать чудесно. Письма твои я получаю назавтра по отправлении. Не знаю, как доходят мои.

Письмо это пишу тебе по поводу того, что сегодня, 10-го числа, по плану я должен был вчерне закончить поэму. Но не закончил, осталось написать целых полглавы — и очень важных полглавы. Между прочим, в поэме не будет того пожара, о котором я тебе рассказывал. Решил без пожара обойтись. А хочу поэму закончить

хорошей свадьбой, но после свадьбы еще будет пролог. Свадьба пишется очень трудно. Опасно впасть в тот легкогазетный тон описания этого торжества, который уже есть в литературе (у Безыменского).

Письмо это начато дня два тому назад, с получением твоей открытки. Вчера получил письма.

Не думай, что огорчаешь меня сообщением о «Переплясе». Мне так и казалось, что он не поправится.

Вот, ежели удастся показать Максиму поэму, это было бы очень хорошо. И мне почему-то верится, что она ему хоть немного понравится.

О билетах не толкуй. В Смоленске их взять, по-моему, гораздо легче (на Москву, на Москву!), чем в Москве.

Приеду не раньше 17-го, ибо Новосельского нет, а без него денег нет. А без денег, сам понимаешь, радостей бытия нет.

Обедай, обедай, Михайло! Укрепляй плоть, а дух сам знает, что ему делать.

Прости сегодняшнюю краткость. Спешу в баню, а то будет очередь.

Твой *Ал.*

P. S. Мария Ларионовна также кланяется. Успей, пожалуйста, написать мне еще до моего приезда. Изменились ли там мои жилищно-бытовые условия (я хочу сказать, по-прежнему ли ты один?).

А.

Смоленск, 16 июля 1935 г.

Дорогой Миша!

Вопрос об издании твоего «курса поэтики» записан в приказе. Между прочим, я, прочев ее внимательно, убедился, что никаких «местных примеров» там быть не может. Все примеры — как примеры.

Дело стоит только за одним: за разрешением «Крестьянской газеты». Мы, конечно, можем послать туда бумажку, попросить их дать разрешение. Но это долго и скучно, ибо они могут почему-либо отказать. Вот я и прошу тебя, как доброго, поговори ты там с кем-нибудь и возьми такую бумаженцию: не препятствуем т. Исаковскому в деле переиздания данного труда. Если же ты почему-либо сочтешь это дело неудобным для себя, тогда мы будем действовать «официйно».

На сем кончаю письмо.

В Москву приеду, может быть, 20-го, не раньше, ибо денег нет ни звука.

Обнимаю тебя.

Ал.

Смоленск, 19 июля 1935 г.

Дорогой дядя Миша!

Не суждено, видимо, пожить нам вдвоем в твоей холостяцкой квартире.

Во-первых, нет Новосельского — нет денег. Правда, я мог бы продолжить аванс под «Муравию» по «Наступлению», но, ах, для этого нужно читать вещь, вообще длительная история. Я хотел бы получать деньги под поэму (морально я уже чувствую какое-то право — закончил вчерне), но не давать ее редакторам в руки до окончательной отделки, покраски и побелки. Я мечтаю о том, как по дороге в Хосту куплю в Москве две хороших тетрадки, и в одну из них перепишу собственноручно (это в Хосте) всю поэму, занося каждое слово, каждую строчку с чувством и толком. Я не превозношу свою поэму, я чувствую, что она в целом, может быть, далеко не то, что о ней думают друзья и доброжелатели и что сам я думал о ней в процессе писания, но хочется сделать ее сколько можно лучше. Во-вторых (см. «во-первых» — выше), нужно собираться в дорогу, а денег опять-таки нет. Я думал приехать в Москву, побыть там, встретиться кой с кем, и вернуться в Смоленск, а потом уже ехать на юг. Теперь это так не выходит. Придется лишь перед Хостой побывать, сколько удастся по пути. Постараюсь выехать дня на два раньше Мани, а она приедет с обоими билетами вслед. Даже если и я буду ехать прямо в Хосту, то все же, говорят, в Москве могу сидеть трое суток.

Книжку Вашу, профессор, издает Запгиз, а Союз лишь берет на себя закупку всего тиража.

Сегодня это дело оформим.

Получил ли ты завьяловское «официйное» письмо со всякими предложениями?..

Унываешь ты, Миша, совсем напрасно. Кто ни читал твои отрывки из «Степана Тимоф—ча», кому я ни рассказывал замысел твой — все в восторге.

Я, к слову, хочу тебя предупредить, что, по слухам, «Большевистский молодняк» затевает чего-то насчет твоего прославления, но, кажется, глупо затевает, по-газетному: письмо Горькому о том, что тебя замалчивает критика или что-то в этом роде... Правда, Горбатенков сейчас в отъезде, но ты имей это дело в виду. Я тебя просто ставлю в известность, ничего тебе не разъясняю, ибо заранее уверен, что ты будешь против этой кампании.

Твой благодетель *А. Т.*

Ты еще успеешь написать мне в Смоленск.

Смоленск, 24 июля 1935 г.

Миша, приезжаем мы в Москву утром тридцатого. Может быть, двадцать девятого. Но скорее — тридцатого. Говорят, что в Москве можно быть два дня. На эти дни падают все заботы и хлопоты: плацкарта, покупки, читка поэмы, которую я думаю устроить в узком кругу лиц. Тарасенков пишет мне, что он говорил с Сурковым о поэме и тот собирался прийти на читку. Так я и думаю, что хорошо бы ее почитать у тебя, если ты не против, или у того же Тарасенкова. Хорошо бы заловить Серебрянского. Если у тебя есть телефон его, поговори с ним, пожалуйста, на эту тему. Скажи ему, что я буду в Москве, значит, 30—31-го.

С деньгами — беда. В Запгизе обещают, но не крепко. Может быть, Миша, я попрошу их часть денег перевести вслед или передо мной — в Москву, на твое имя. Ты не пугайся.

Еще одно дело. Из Москвы собиралась приехать ко мне свояченица (другая). Тогда бы мы с Маней остановились в ее комнате. Но она не приехала. Выходит, что Маня-то там может остановиться, а я нет — там, кроме свояченицы,— ее подруга, которая тоже должна была приехать на дачу. В общем — я клоню к тому, что, хотя ты уже будешь не холостяк, мне придется вторгнуться в твою хату. К Тарасенкову я не хочу — жена мне его не нравится.

Новосельский все подробно рассказал мне о Хосте. Ехать стоит. Кстати, он пытался там ухаживать за Лидией Ивановной, стихи свои читал, в общем, очаровывал ее. Допроси последнюю.

Злоключения с твоими деньгами, Миша, это — рок. А против него не попрешь. Спасибо скажи, что хоть концы нашел.

Если письмо это получишь 26-го, даже 27-го, отвечай, ибо твои письма обычно, в большинстве, приходят в Смоленск на второй день.

Имею к тебе много речей, но оставляю до встречи.

Юный классик *А. Твардовский*

Смоленск, 19 сентября 1935 г.

Дорогой Миша!

Спасибо, большое спасибо от меня и от Маруси за ту радость, которую нам доставила твоя поэма. Мы читали ее и вслух, и про себя, хваля тебя и радуясь за тебя, нашего дорогого старика. Я сегодня же сходил с поэмой к Македонову, прочел ее ему, и он мне горячо наказал передать тебе, что вещь ему очень-очень понравилась, а конец — в особенности. Конец, действительно, это было самое трудное — и это самое трудное замечательно удалось тебе. Пойман нужный высокий тон, который позволил сказать о тысячу раз известных вещах свежо, задушевно и пафосно. Благодаря концу вся вещь поднялась много выше, чем она была без конца, хотя это будто бы все отдельные, самостоятельные «песни». И вот, Миша, мне хочется (это просто необходимо!) указать в этой очень компактной поэме, где нет ничего лишнего в смысле композиционном и т. д.,— на несколько строк, которые не должны ее засорять и которые при общей отделанности, добротности поэмы — особенно заметны. Вот эти строки, на мой взгляд:

1. Июньские ветры густые
стекают с высоких *небес*...

Это, Миша, сказано не в духе всей поэмы, среднеизысканно, типично для многих современных стихов: такую строку без труда придумает и Осин.

2. Выносят ребята на улицу
радости полный кувшин...

Режь меня, но это не годится. В чужих стихах ты это сам забраковал бы. Я не сомневаюсь, что ты сам видишь такие строки в поэме, но их порой трудно устранить. Придется все же.

3. ...быстрее, чем птица небесная...
...летят поезда...
Вагоны проносятся мимо,
сверкая, как радость далек
Вагоны проносятся мимо
и тают в тумане, как сон.

Первые две строчки так себе, чуть-чуть сомнительны. Вторые — четыре — не в тоне поэмы. И вообще средневолжские.

4. Про то, как врагу-притеснителю
последняя служба отслужена...

Чуточку не того. Для «обнаружена» можно легко подыскать рифму («дружная» — работа или что-нибудь в этом роде).

5. Откройте окошечки светлые
нуждой затуманенных глаз...

Честное слово, Миша, это плохо. И легко заменить:

Вставайте, сермяжные пахари,
вечно голодные,
Настал та-та-та-та
какой-то там час...

Или что-нибудь в этом роде.

Вот и все. А хороших строк так много, что хоть всю поэму выписывай. Такие вещи, как: «Вставайте, живые и мертвые...» — это, Миша, в холод бросает. Тихий, бледнолицый друг мой, откуда ж у тебя такой голосище?!. Меня за живое забирает, я разобьюсь в лепешку, добиваясь чего-нибудь в этом роде, ибо это как раз слабое место мое, не умею «от себя» полновесно выразиться.

Из общих, менее обязательных (конечно, и эти не «обязательны!») замечаний имею следующие, выражая одновременно и мнение Македонова.

В конце «Запева» (кстати, не нужно ни этого подзаголовка, ни тем более последнего — «На кладбище») нужна, по-моему, одна строфка, песенно-беспредметная какая-то, чего-то не хватает...

Еще вот что. Не разредить ли чуть-чуть прием-оборот: «про ту ли, на той ли» и т. п. Если счистить это в одном каком-то месте, остатние будут звучать лучше даже.

«Батраки и батрачки» употреблены два раза, а, по-моему, должно только одни раз.

Может быть, зарезать предпоследнюю строфу. Она вроде как размазывает «книгу». Не знаю.

А в общем — «хорошо написал старик». Македонов говорит, что вот-де нынче появятся в советской поэзии две настоящие вещи: твоя и моя. Пускай нам будет худо, Миша! Но я должен сказать, что моя вещь не имеет ни одного такого места, как твоя последняя песня.

Маня еще что-то думает приписать тебе. Сегодня она приписала чего-то насчет финансовых неудовольствий, без моего ведома, в письме, отправленном тебе до получения «Степана». Вообще — это четвертое письмо, которое я тебе пишу по приезде из Москвы. Что делать, я не знаю. Рыков окончательно запустил дела.

Твое желание пока подержать поэму под спудом очень хорошее. В «Наступление» ты всегда ее дать успеешь, и, вообще, место себе под луной эта вещь найдет легко.

Напиши, согласен ли ты с моими замечаниями. Я почему-то думаю, что согласен.

Итак, мы с божьей помощью написали две поэмы. Я даже хочу, чтоб ты чуточку подождал печатать свою, я днями свою заканчиваю. А то ты всю славу, причитающуюся на мужицкую поэзию, и все деньги заберешь, а я тогда — страдай из-за тебя!..

К сему Ваш покорничий слуга: *Алексашка Трифонов*

P. S. 20.IX. Утро. Вот еще что:

1) Мне кажется, нужно всюду в конце выбросить «же»: «Вставай же...» Будет сильней:

«Вставай, Степан Тимофеевич!..» —

а ритм приобретет большую энергичность. «Же» оставь только в последнем случае, в последней строфе.

2) Может быть, тебе где-нибудь удалось бы сказать об этом человеке, которого ты зовешь по имени-отчеству, что при жизни никто его так и не называл.

Ал.

Смоленск, 24 сентября 1935 г.

Дорогой Миша!

Получил твое письмо со стишком *. Не знаю, как быть, что ты не получил моих трех писем. Попытаюсь кратко изложить их содержание.

1. Призываюсь я 8 октября.

---

* Отдам в «Рабочий путь». Очень кстати — «День мира» (*А. Т.*).

2. Встретили меня в Смоленске очень неприязненно, точно обидел каждого в отдельности. А теперь доходят слухи до меня, что между собой они всячески поносят мою поэму, организуя «общественное мнение». На это я плевал.

3. По вопросу о брате я тебе написал целое письмо, но излагать его я не могу еще раз. Дело в целом сводится к тому, что все это похоже на правду, так как он ведь утаивал от меня и то, что он женат. Писем я от него не получаю. Мне очень горько [...].

По поводу отзыва А. М. о твоей поэме могу сказать, что это очень-очень хорошо. Мне и радостно, и чуточку завидно, чтобы сказать правду, но завидно по-хорошему, Михаил, этак грустно-радостно-завидно.

Поэму твою я читал еще Ефрему, кой даже прослезился (прослезился, впрочем, и Македонов (!). Во время чтения подошел И. Кац и запланировал ее именно в 1-й номер.

Насчет твоего предложения «спариться» — выражаю полную мою готовность, но не знаю, как редакция. «Муравию» я все доделываю. Написал новую главу о Фролове, дающую как будто удачно образ «положительного героя». Теперь осталось подчистить «Свадьбу». Устал я от нее (поэмы) — страсть! Теперь очень нескоро я возьмусь писать что-нибудь длинное.

Очень хотелось бы и даже надо увидаться, поговорить. Пиши, когда приедешь, а не приедешь, то, может быть, я приеду, когда пошлю поэму и ответят мне. Приезжал бы ты!

Когда я пишу тебе, стараюсь писать буквы крупней и невольно подражаю тебе в почерке. Это я давно заметил.

Все кланяемся, любим тебя и рады за тебя. Миша, пойдем-ка мы с тобой как-нибудь к Максиму Горькому чай пить!

Твой призывник *Ал.*

Привет дому твоему, жене твоей.

Смоленск, 25 сентября 1935 г.

Миша!

Это добавление к только что посланному мною письму. Я об этом думал, но забыл написать. Дело вот в чем: мне

кажется, что хорошо было бы, если бы ты, когда представится возможность, в соответствующей форме спросил у Крючковой, будет ли А. М. иметь против того, чтобы поэма моя печаталась, принимая во внимание, что-де автор проделал и делает над ней большую работу и т. д. Можно даже сказать, что вот, мол, ее и принимают к тому же в журнале, можно даже сказать — в каком. Иначе я боюсь того, что пусть поэма и будет напечатана, а Старик ахнет ее по макушке. Ты подумай, Миша, как лучше. Если сочтешь, что это неудобно, то так мне и напиши, я положусь на твои соображения, ибо я не только не настаиваю на этой просьбе, но даже опасаюсь — не получилось бы еще хуже. Выскажись по этому вопросу в очередном письме.

А. Т.

Смоленск, 28 сентября 1935 г.

Дорогой о. Мисаил!

Благодарю тебя за письмо, за ласку. Отвечать попытаюсь пунктуально.

Подкопы под меня ведет О[...] и К°, но дело это не заслуживает внимания и обсуждения. Мы сможем найти более занятные темы для своих эпистолей. Написал же я тебе об этом в прошлом письме просто от грусти, под настроение, так сказать.

В Смоленск тебе все же следовало бы приехать, хотя видимых причин и нет. Но — стой! — есть: совещание беллетристов, которое будет на днях. Это я завтра подначу Завьялова. Деньги у тебя в Смоленске будут. Сегодня напечатан «Урок географии» в «Рабочем пути», к сожалению, не могу послать с этим письмом вырезку. В «Наступлении» № 8 тебе стоит 96 рублей за стихи «Последний луч на горизонте тонет...». Это я видел собственными глазами.

Самое интересное, что я тебе сообщу в этом письме, следующее (может быть, это тебе и неприятно): твой сюжет «мельника и попа» использован в одной английской народной балладе «Король и аббат». Это я сегодня напал на нее в сборнике Гербеля «Английская поэзия». Король ставит аббату три вопроса, из коих только один отличается от твоего: не «Сколько звезд? — спрашивает король», а «Сколько дней ему нужно, чтобы обскакать Землю

кругом?» Ответ: скачи вслед за солнцем, и через 24 часа обскачешь. Роль мельника здесь выполняет пастух. Сюжет этот, видимо, принадлежит к числу так называемых «бродячих» сюжетов, известных в разных странах. Это, конечно, не препятствие для тебя. Если захочешь познакомиться с этой балладой — четкий почерк Марии Ларионовны к твоим услугам. А ты нам непременно пришли начатки твои, очень интересно, в каком духе это у тебя идет. Читал ли ты сказку «Еремин клад» Незлобина? Я сам всей не читал, но по отрывкам знаком. Ничего, читать приятно.

Получил ли ты мое дополнительное к предыдущему письмо? Сообщи, пожалуйста. Мария Ларионовна шлет тебе окрыленный привет. А я — Лидии Ивановне. Сегодня получил напоминание из «Красной нови».

Не забывай, отче, ближнего своего! Пиши, присылай «Попа».

А. Трифонов

P. S. *Утро 29.IX.35*

По твоему примеру «для творческой зарядки» пишу утром, дописываю начатое вчера письмо. И грустно мне, и хорошо в то же время: закончил я поэму. Частные доделки и переделки, конечно, будут, но в основном — конец! Грустно потому, что вижу, что поэма не ах, и приходится расстаться с тем приподнятым настроением, которое порой охватывало в процессе работы. Это вроде расставания с юностью — наивной, неразумной и самоуверенной, но все же неповторимой. А хорошо от мужественного сознания того, что если я понимаю, что поэма не ах и чем она не ах, значит, я напишу еще что-нибудь лучше этой поэмы. Ведь это было бы жутко, если б мне казалось, вопреки объективной истине, что произведение мое прекрасно по всем статьям. Нет-с, лучше уж не нужно этого самообмана. Я когда-то высказал самому себе такую мысль, что пусть я умру, не сделав ничего замечательного, я, по крайней мере, первый буду знать об этом сам.

По всем этим вопросам, конкретно — о поэмах и т. д.— поговорим по душам перед тем, как придется нам расстаться на год, а может быть — на два.

А жизнь все же хороша, отец Мисаил!

Ал.

P. P. S. В дополнительном к предыдущему письме я писал тебе вот что. Не считаешь ли ты возможным спро-

сить через Крючкову, разрешает ли А. М. печатать мне поэму, поскольку, мол, такая возможность мне открывается и *поскольку автор* сугубо поработает еще над вещью, учтя и т. д.?..

Миша, посоветуй, подумай, как лучше. Я только чувствую, что если А. М. вдруг стукнет меня в статейке, то я буду обращен в пепел и прах.

Смоленск, 2 октября 1935 г.

Дорогой Михвасий!

Пишу по срочному делу. Я тут, к слову, показал твоего «Степана» запгизовским чинам. Срочно пиши о согласии включить его в сборник колхозной самодеятельности (или в сборник о лучших колхозах), а мы уже тут договорились, чтобы тебе так же срочно, вслед за тем, выслать 60% (из расчета по 3 целковых за строчку). Итак, жду твоего письма. Они тут еще затевают издать «Степана» отдельной книжечкой, но это уже дальнейший разговор.

Твое письмо по поводу моего дополнительного письма получил. Удовлетворен и согласен.

Гони спешный ответ насчет «Степана».

Деньги, деньги, деньги!..

Вагон денег у тебя будет, отец Мисаил!..

Ал.

Смоленск, 4 октября 1935 г.

Дорогой Миша!

Получил твое осеннее письмо, но еще не получил ответа на мое спешное. А колесо истории вертится: сегодня уже, кажется, Новосельский переводит тебе деньги. Разъясняю: это не то, как пронесся было слух, что ты отдал бы поэму в «Большевистский молодняк», где тебе заплатили бы гроши, а в то же время лишили бы возможности печатать ее в другом месте (ну, может, и не лишили бы, но все же подпортили б). А здесь — другое дело. Поэма пойдет в сборнике, который выйдет не ранее первого квартала 36-го г. А денежки-то тут как тут, как с куста. А за комиссию я с тебя взыщу не менее бутылки карданахи. Сегодня же, говорят, посылают авторские твоей

книги. Жду оной от тебя с ближайшей почтой. По существу твоего запроса имею сообщить следующее. 8-го октября я иду в комиссию. При всех результатах — я возвращаюсь домой и живу штатским человеком «впредь до особых распоряжений». Так что дорога твоя из деревни, где будет скучать Лидия Ивановна, лежит прямо в Смоленск,— и жду я тебя страстно и нетерпеливо.

Пусть тебя не смущает наличие баллады о попе и царе. О Фаусте, кроме Гете, писали 3—4 поэта. Сообщи, когда примерно, по твоему расчету, ты приедешь в Смоленск.

Живи и процветай на радость советской литературе, не поддавайся влиянию осенних дней.

Перо ужасное, поэтому пишу отвратительно.

Марья Ларионовна кланяется тебе и учиняет пироги к твоему приезду.

Некрут

Смоленск, 16 октября 1935 г.

Дорогой Михайло!

Что это за напасти в самом деле? Опять, выходит, два письма пропало, ибо ты пишешь, что нет от меня писем, а я числа 7-го послал одно и после 8-го другое, где сообщал о результатах призыва (год отсрочки по болезни сердца).

Переписывать эти письма вновь, перелагать их как-нибудь — сил нет, ибо они не столь фактические, сколь лирические.

Поэтому, разреши, буду писать новое. Книжку получил, большое спасибо. Только я хотел получить коричневую, но это, понятно, не так важно.

До сих пор жду откликов из «Красной нови», откуда мне писали, что Ермилов (окончательное слово) приедет только 17-го, а покамест читают, перечитывают средние и низшие чины.

Живу очень плохо. Денег нет. Не работается, конечно, т. к. слишком велик был период напряженнейшего писания, к тому же приуныл я, почувствовав вдруг, что поэма не классическая. А мне страсть как хочется быть классиком. Давно собирался.

А тут писем от тебя нет и нет. Пережил в общем тя-

желые, неплодотворные дни. Писательская общественность по-прежнему косится на меня.

Осин сразил всех письмом Горького, в котором превозносится будто бы (не знаю точно) его поэма-частушка.

Умер Кеша в Симферополе, о чем я тебя уже извещал.

Деньги (рублей 700) ты получил за «Степана», который пойдет в сборнике «Колхозной самодеятельности», что не причинит тебе никаких неприятностей, т. к. сборник выйдет в 1936 г., и то не вдруг.

«Мельника» я тебе очень посоветовал бы не печатать покамест. Разговор о нем я откладываю до встречи, коей жажду.

Если ты окончательно не соберешься сюда, то тогда, вероятно, приеду я — в конце месяца, по делам поэмы, которая к тому времени, полагаю, будет прочитана и Ермиловым.

А тебе-то чего ж унывать? По жене молодой? Не надо. Разлука укрепляет любовь,— кажется, есть такой афоризм. Привет ей, твоей супруге, врачующей поколение социализма.

Пиши! Твои письма доставляют мне (или, вернее, нам) большую радость, ибо живем мы одиноко и грустно. Маруся тебе кланяется.

Ал.

А все же мы выпьем с тобой, Миша!

17 октября 1935 г.

Дорогой Миша!

Получил твое письмо о постигшем тебя несчастье. Мы с Маней горячо сочувствуем тебе и жалеем тебя, но ты не предавайся унынию, это, вероятно, ненадолго.

На днях я получу деньжонок и приеду в Москву (числа 20-го) по своим делам и буду рад разделить твое одиночество, если так можно сказать.

Писем тебе длинных писать не буду. Не пиши и ты, лежи и философствуй по возможности в оптимистическом духе.

Мне жалко, что я не могу сегодня же выехать к тебе, но ничего, дело двух-трех дней.

Ефрейтор запаса *Ал.*

⟨22 октября 1935 г.⟩

Дорогой Михась!

Я тебя надул. Мне не удалось выехать в Москву этими днями. Еще нет письма из «Красной нови» — видимо, теперь придется ожидать (не долго) ермиловского решения (окончательного). А тут у меня нижеследующие неприятности. «Наступление» ликвидируется. В связи с этим, хотя еще нет официального извещения о ликвидации журнала и, по всей вероятности, до конца года он просуществует, редакция (Мандрик с Кацем), не предупредив меня ни единым словом, расторгла договор на «Муравию», передав на взыскание аванса (около 1000 р.). Я заявил, что это несправедливо, горячился, ругался — все напрасно. Новосельский вступился за меня, определив их действия как неправильные, и сказал мне, что я, несмотря на расторжение, должен сдать им рукопись — и буду, мол, прав. Рукопись у меня не приняли в самой безобразной форме. Я никогда в жизни не терпел такого оскорбления. Я плюнул, решил уплатить 1000 р. и больше с ними не разговаривать. Но осадок ужасный. Самым лживым образом они привязались к тому, что, дескать, срок истек, но — сукины сыны! — ни единым словом не предупредили меня, наоборот, за неделю-две перед тем Мандрик говорил: «Не торопись, не к спеху...» Планировали мою поэму в декабрьский номер. В общем, прости, что утомляю тебя этой историей, хотя, честное слово, не в силах удержаться. Когда поправишься — напиши им по этому поводу свое мнение; я с ними вновь затевать дело не намерен, но пусть им хоть стыдно станет немного.

Михась, родной, черкни мне пару строк — будешь ли ты в Москве в конце месяца, ибо я выеду числа 28—29-го.

Ура! Не один ты, я тоже растеплил сердце Маковскому. Он хвалит мою поэму на всех перекрестках.

Сегодня-завтра вышлю тебе свою книжку. Она очень [...], но я все надеюсь, что за будущие книги мне простятся теперешние.

Получил письмо из «Всходов», от Случевского. Горячо приглашает, пишет об успехе твоей книжки у всходской публики. Ей-богу, съездим как-нибудь.

Беспартийный брат твой *Ал.*

5 ноября 1935 г.

Дорогой старик!

Дела мои как будто утряслись. Вчера подписал договор на всю поэму в целом (1-я ч.). По 2 р. строчка. Сегодня, кажется, получу наличными 500 р., но купить что-нибудь уже вряд ли смогу — толкучка.

Тут меня вызывали в Союз по вопросу об устройстве моего вечера. Это будет числа 20 ноября.

Относительно твоих дел — никакого течения воды я не мог заметить. Голодный, видимо, считает, что он позвонил и этого достаточно. Миша! Умоляю тебя: сходи сам — один раз! — к Марченкову, поговори раз — я глубоко уверен, что все обойдется хорошо.

Прости меня: я зажился у тебя, хотя и было неудобно. Поверь, что ничего не оставалось делать — только ждать.

Еще просьба: в день приезда напиши мне подробно о поездке и самочувствии, обо всем. Маня, в письме, шлет тебе привет.

Александр

Смоленск, 9 ноября 1935 г.

Дорогой Михаил!

Не знаю — приехал ли ты, но пишу в дополнение к записке, оставленной у тебя на столе. Все примерно так и вышло, как я писал. Договор подписал, но договор невеселый: по 2 р. строчка. В счет первого аванса выписали мне 500 р., но бухгалтерия дала только 200. Остальных — жду. Поэму нужно дорабатывать, но, собственно говоря, ничего толком мне не указали; это уже я сам раскапываюсь.

«Рабочий путь» опубликовал наш перевод, затеряв первую строчку, как видишь (вырезку посылаю). Это же стихотворение в переводе Светлова (не лучше, чем наш) напечатано в октябрьском № «Известий» под заголовком «Песня большевика».

«Большевистский молодняк» напечатал полностью твоего «Степана». Не знаю, имеют ли они разрешение от

«Колхозника». Коль это обойдется без тревог, то для тебя живая польза — лишних 300 р. Дали они примечание не очень скромное, это нехорошо, да и то обойдется.

Маня кланяется, дочка тоже.

Ал.

<u>К сведению</u>

1) Каржанский (звонил) просит к себе вечером 6-го, тел. Е 4-67-05.

Смоленск, 17 ноября 1935 г.

Дорогой дед!

Ты, видимо, опять не получил моего письма, где я высказывался о появлении «Степана» в «Большевистском молодняке»... Мне казалось, что они достали разрешение от «Колхозника». Теперь, новое дело: «Степан» появляется в райгазете «Ярцевский ударник» — с той же сноской насчет «крупнейшего за последние годы явления советской поэзии». По-моему, ты должен одернуть «молодняковцев», ибо такие анонсы ничего, кроме плохого, принести не могут. Не нужно это!

Грустный тон твоего письма, увы, всецело согласуется с моим настроением. Тяжело так, как никогда, кажется, не было тяжело. Поэма опротивела до чертиков, доделывать сил нет, а нужно доделывать. [...]

Прости, Миша, что пишу кратко и грустно. Приду в порядок — напишу длинней и веселее.

Твой верный *Ал.*

Смоленск, 20 ноября 1935 г.

Дорогой Мишенька!

Получил письмо с песней. Песня ничего, но чуточку длинновата. В письме я долго не мог разобрать слово «моча». И Маня не могла разобрать. А потом я вдруг догадался по контексту. Анализ мочи — это, может быть, даже излишние мудрствования врачей. Они же не от триппера тебя лечат. Но ты терпи, черт с ними.

Живется и мне тоскливо. Замучила меня «Муравия». Надоела страшно, а бросить без конца (недоволен я концом) нельзя. Обсуждение поэмы проводить будет областной сектор Союза писателей совместно с «Красной новью». Я хочу сделать это поскорей, чтобы больше не возвращаться к поэме — так или иначе. Зависит срок от меня: когда я пришлю в Союз рукопись. Думаю, что на днях.

«Красная новь», хотя и заключила договор и дала в общей сложности руб. 800 аванса (это еще не все, конечно), все же, говоря откровенно [...]. Это я тебе подробно объясню на словах.

Грустные вещи мне не хочется писать тебе, ибо этим ты и сам богат. А веселых — мало. Утряслось дело с «Наступлением». Даю им несколько глав. Запгиз думает издать мое челюскинское стихотворение отдельной книжицей. Нужно дорабатывать его. Работы много лежит, работается мало. Нервозно, тревожно как-то. Это все в связи с «Муравией».

Миша! Мне бы доставило радость помочь тебе чем-нибудь. Я готов сделать все, что могу, но могу я, действительно, очень мало. Скольким хорошим людям я вкратце объяснял твое положение, но удивительно, до чего все это бесследно проходит. «У всех свои несчастья,— сказал один человек, которого я очень уважал.— Вот Уткина за границу не послали — он переживает...»

Но, дорогой писатель, рассчитывай на меня всегда и в любом случае. Скоро у меня должно быть много денег, пока же нет. Консультация не отнимает у меня много времени, но ходить туда надо, а хуже всего, что ни одной рукописи отдать кому-нибудь я не могу.

Из новостей.

* Состоялся вечер лирики Осина и Рыленкова. Я не ходил, т. к. указанные авторы [...] не здороваются и т. п. Кстати, откуда-то проник слух, что Горький меня выругал. Скорее всего, это заключение из моего рассказа (невеселого по тону) в сравнении с тем, что Осин письмо получил от самого А. М.—ча.

* Идет без шумного успеха пьеса Завьялова, а он уверяет всех, что с шумным успехом. Это шутка, конечно, но, по правде, пьеса хотя скучна, но все ж пьеса.

* 24-го именины моей дочери Вали. Просим участвовать в юбилее,— как обычно пишут белорусские писатели.

* Сегодня я получил открытку о том, что я действительно принят в члены смоленского Дома искусств.

* * *

Не забывай, пиши, хоть по скольку можешь.

Твой *Ал.*

P. S. Ефрем — сукин сын, но, кажется, всерьез думает исправиться. Он пристал ко мне, чтобы я ему дал записку к тебе. Я дал, смеху ради, но смех, видимо, плохой, так как деньги ему нужны, будет просить и у тебя. Я ему дал, что мог.

P. P. S. В «Правде» напечатан «Новый Минск», но стоит там одна твоя фамилия. Так мне и не пришлось появиться на страницах центрального органа.

А.

Смоленск, 29 ноября 1935 г.

Многотерпеливый друг мой Михаил сын Васильев!

Хоть ты и больше меня понимаешь в медицине, но, видимо, познания не приносят тебе душевного покоя. Меньше б ты понимал — меньше б думал о всяческих взаимосвязях органов внутреннего сгорания, а следовательно, меньше терзался бы. Шутки шутками, а и говоря серьезно, не следует тебе слишком углубляться в этих вещах. Я уверен, что, поживи ты спокойно месяц-другой, ты поправился бы,— все само собой должно проходить. Ученейшие люди говорят, что чем меньше фиксируется внимание на вечных недомоганиях, тем верней проходят они.

Что же касается семейно-бытовых дел, то ты напрасно опасаешься, что тебе «не к лицу» высказать совершенно справедливую обиду и возмущение. Очень к лицу — и не только высказываться, а заявлять в общественном порядке. Правда, народ, от которого все зависит,— довольно выдержанный в дубовом духе, и его не вдруг прошибешь,— но это уже другое дело.

Если б, Миша, не был ты так угнетен собственными неприятностями, я бы порядочно поплакал в твою жилетку, ибо мироосязание у меня скверное. Стыдно сказать,

работаю очень мало, тревожусь, терзаюсь, боюсь за поэму, постылое свое детище. Все ее хвалят, а мне теперь порой кажется, что не обманул ли я всех, не окажется ли вдруг, что поэма так и не будет напечатана в «Красной нови», а выйдет только в Запгизе, и окажется, что она совсем-совсем плохая, и попадется книжонка Горькому, и объявит он меня на всю Россию щелкопером и мазуриком... И т. д., и т. п.

Но потом я одумываюсь и, серьезно рассуждая, нахожу все эти опасения не столь обоснованными. И хочется мне сказать тебе, от всей души и сердца заявить тебе, земляку и поэту, другу и старшему товарищу, что, честное слово, Миша, все мы переживем и живы будем. И не будь этой твоей хвори, все было бы не так уж плохо. Ну, пусть мы не можем попасть в классики, пусть нам обидно порой, но, во-первых, если говорить в отношении тебя, то, хотя ты и не ездишь за границу, хотя ты и как будто на третьих ролях состоишь, я не встречал ни одного из почтеннейших писателей, кого я знаю, кто бы отозвался о тебе неуважительно. А есть вещи и более солидные — читательское мнение. На днях я дал твоего «Степана» (полоса «Ярцевского ударника») одному тут коммунисту — Локтеву, если помнишь. Человек он очень-очень понимающий и отозвался о поэме горячо и похвально. Кстати, он болен уже много месяцев подряд, но — удивительный человек — читает, интересуется всем.

О том, что мою фамилию не пропечатали, я тебе, Миша, сообщил для смеху. А насчет гонорара — я согласен буду лишь на треть оного, ибо стих наполовину переведен целиком тобой, да и во второй половине доля моего участия незначительна. Я не скромничаю, Миша, и лишь стараюсь приблизиться к истине. В «Рабочем же пути» я получил свою половину — рублей 50, кажется.

Отдавать ли песню в «Рабочий путь»?

Тут я слышал, что тебе опять звонят молодняковцы. Ты с них деньги требуй за беспокойство. Сколько дали они за «Степана»?

Послал я окончательный текст поэмы в Союз писателей. Жду ихних рассуждений. Хочу, чтоб вечер был поскорей, чтоб все это кончить. А то Новосельский грозится выпустить «Муравию» в первой половине января. Почему нет «Колхозника» с моим стихом? Это, правда, хорошо. А то я боюсь, что увидит «Красная новь» этот

отрывок и будет дебоширить. Ну да я решил плевать на них. На днях даю отрывок в «Рабочий путь».

На днях же думаю от тоски съездить к нашей льняной стахановке — Лобасовой. Это мне пригодится для «женской» поэмки строк в 150, которую теперь задумываю, хотя и плохо верю, что смогу что-нибудь написать. Ты пиши мне без задержки, ибо я очень скоро вернусь из командировки, если поеду, и если не поеду — тем более.

Маня горячо кланяется тебе. Перешли наш общий привет Лидии Ивановне.

Твой мрачный друг *Ал.*

P. S. А что интересно говорят смоллитераторы? Не в Москве ли устроился Зиборов?

Смоленск, 8 декабря 1935 г.

Дорогой Мих!

Приехал я из Сафоновского р-на. Здесь меня ожидали всякие письма. Они в большинстве — приятные. Настроение несколько поднялось. Но из «Красной нови» пишут, что, мол, вечер лучше отложить, пока не будет написана вторая часть. Надоели мне эти разговоры. Решил я написать им твердо и определенно, что поэму я считаю законченной, что вечер буду устраивать, и никаких. И написал. Написал в мягких и вежливых словах, но, повторяю, решительно.

З[...], выходит, дурак, что, собственно, можно было заключить и раньше. Лирики не зашли к тебе,— ты об этом не печалься. Македонов (я тебе раньше говорил) человек понимающий и очень хорошо настроенный по отношению к тебе. И потом он очень упорный и не отстанет от того же Суркова, пока не добьется своего.

Был я у Софьи Лобасовой, знаменитой стахановки-«льняницы». Говорят, она будет награждена орденом. Свидание, вернее — знакомство, с ней окончательно укрепило меня в мысли писать женскую поэмку. Кажется, она будет в песнях. Размер — не больше твоего «Степана». Когда напишу — еще не знаю. Отрывок же из «Мужичка», конечно, слабоват для «Колхозника».

Прости, Миша, что пишу сегодня кратко. Спешу в редакцию «Рабочего пути» по очень серьезным делам, связанным с Лобасовой. Придется громить райначальство.

Твой верный *Ал.*

Смоленск, 14 декабря 1935 г.

Дорогой Миша!

Спасибо за вырезку, за сочувствие и т. д. Правда, письмо пришло, когда я уже видел рецензию, но все же приятно. Рецензия мне очень нравится, и не тем, что хвалит меня (в этом она как раз «перегибает»), а тем, что уж очень она искренняя и серьезная. Я хотел бы такую рецензию иметь на «Муравию».

В Смоленске рецензия «произвела впечатление». Новосельский ликует, многие меня поздравляют, а «друзья-лирики» делают вид, что они «Известий» принципиально не читают.

К слову сказать, на днях тут Завьялов попытался согнать в поэтическую секцию нашу братию, ничего из этого не вышло. Разодрались еще более. Стыдно и горько писать тебе об этом, но и я не лучше других был (все были выпивши) и много сказал такого, о чем жалел после. Подробно покаюсь, когда увидимся.

А увидимся не раньше 20-го, т. к., по сообщениям из Москвы, вечер мой перенесен на 21-е, если еще не перенесется.

Дела твои очень радуют. Я говорю главным образом о книге в Гослитиздате. Это большая победа,— так и нужно считать, ибо дело здесь не в деньгах (да и деньги хорошие!), а в серии. Это — серия «Библиотека современных поэтов». В этой серии выйдет (с вышедшими уже) не более 10 поэтов.

Составлять книгу, если можешь, подожди до моего приезда — займемся вместе.

С Лидией Ивановной, видимо, дело тоже устроилось. Итак, выходит, что наименее занятой писатель у нас А. Горький.

Маня кланяется тебе, одновременно составляя «беседу» с тобой для «Рабочего пути». Ты не протестуй — это дело нужное и полезное.

Значит, до 20-го еще есть время перекинуться по одному письмишку. Сообщай, хоть вкратце, твои новости дня. Между прочим, как у тебя сейчас с капиталом? По каким руслам и достаточно ли обильно притекает он в твое хранилище?

Еще раз спасибо. Еще раз повторяю, что дела твои начинают шагать победным маршем.

Твой *Ал.*

Смоленск, 17 декабря 1935 г.

Дорогой Михась!

Я получил телеграмму, подтверждающую, что обсуждение поэмы моей состоится 21 декабря. «Выезжайте»,— гласит телеграмма в конце. Я думаю выехать либо под 19-е, либо под 20-е. Одновременно едут Завьялов, Долганенков, Новосельский. У них свои дела, но одним разом они едут и на вечер.

Значит, увидимся, может быть, раньше, чем придет это письмо.

Высылаю тебе продукт творчества М. Гореловой.

Насчет моего вторжения на твою кушетку — не сумлевайся. Мне, понятно, дадут место в гостинице. Видеться мы все равно будем ежедневно.

В момент прибытия — позвоню, если пропустишь извещение по радио.

Твой *Ал.*

Смоленск, 1 января 1936 г.

Дорогой Мишуня!

Разреши поздравить тебя и Лидию Ивановну с наступившим Новым годом. Прости мне мое вчерашнее мрачноватое письмо. Я не учел, что оно придет как раз 1 января и окажется несоответствующим долженствующему настроению этого дня.

Вчера, подвыпив в Доме искусств, мы со Смолиным и др. пытались позвонить тебе, но телефонистка, видимо, имела специальную инструкцию насчет подобных попыток в эту ночь.

Сегодня у меня день трезвенности и семейного счастья. Ходили с дочкой в музей, сейчас идем на елку — в Дом искусств.

Всего тебе самого лучшего в этом 36-м году!

Пиши!

Ал.

Смоленск, 16 марта 1936 г.

Дорогой Миша!

Получил твое назидательное письмо. Целиком с ним согласен и спешу одновременно успокоить тебя, что все

не так страшно, как могло тебе показаться из моего письма, написанного в один из самых тяжелых моментов хандры. В такие моменты даже немножко клевещешь на себя. Но в основном сигнал твой верен. Я и сам пришел к тем же выводам: нельзя тратить время и здоровье на бессмысленные, уныло-однообразные «мальчишники». Тем более не могу делать этого я, человек, к которому с доверием и дружбой относятся хорошие люди, коммунисты. Потеряй я это доверие и расположение — я погиб как муха. И я прихожу к этому выводу очень серьезно. Я еще не начал работать как следует, но вот уже третий день совсем не выхожу (консультация закрыта, т. к. штатная единица консультанта не утверждена на 36-й г.), пытаюсь писать, а не выходит — просто читаю, в общем, работаю. Я верю, что «настоящее настроение» придет именно таким путем, если будешь сидеть, сидеть, работать. По этому поводу разреши мне процитировать тебе одно высказывание Беранже (ты, может быть, знаешь, это в «Литературной учебе» была статья Н. Славятинского), он обращается к одному поэту, у которого творческий упадок: «В вас не чувствуется *одержимости сюжетом...»* (Это страшно верно сказано, но, к сожалению, этой одержимости ждешь-ждешь иной раз — и не дождешься.)

Но ты послушай, что он говорит дальше, этот песенник: «Ваши замыслы растекаются, а за то время, которое вы тратите на приготовления, первое впечатление улетучивается; прибавьте к этому некоторую склонность к лени, и вы убедитесь, что, быть может, именно в этих затруднениях и в вашей неуверенности вам следует искать причины вашего теперешнего расположения духа. Наконец, я думаю, что вы не работаете не потому, что упали духом, а упали духом потому именно, что не работаете. Работайте же, работайте быстрее, все равно над чем... Если у вас нет сюжета, пишите, что только что открыта новая планета и там происходит то-то и то-то...»

Я не собираюсь писать о новых планетах, но совершенно честно отдаю себе отчет в том, что, может быть, придется написать подряд несколько средних, «проходных» стихов. А иначе не подойдешь к «одержимости» сюжетом. Гуляй хоть год,— сам сюжет тебя нигде не «одержит».

Теперь вот какие вопросы. Я жду со дня на день извещения о курсах. Что-то нет и нет. Может быть, курсы

есть, но у нас телеграмма затерялась? Не поленишься, звякни (3-10-76) Чесноковой. Пусть она скажет, насколько отложены курсы, будут ли они вообще. В соответствии с этим я и буду располагать своим ближайшим временем. Если курсы отложены надолго (свыше месяца), то тогда мы определенно поедем в Дом творчества, будем творить.

Так-то мне приезжать без повода в Москву не хочется, а вот если решим твердо ехать — сразу явлюсь. Написал я тут один горестный стишок, присылаю тебе его для сведения.

Привет мой Лидии Ивановне! Пусть она поправляется быстро и неуклонно.

Александр

Вятские Поляны, 14 апреля 1936 г.

Дорогой Миша!

Сегодня я (с одним попутчиком) после долгой торговли еду на Уржум. Стараюсь не думать о трудностях дороги (120 км., грязь, пароход через неделю). Уже совсем было решил отправиться назад, но почта не принимает посылкой чемодан. Договорились с татарином за 300 р. (с двоих). А сразу у нас запросил 500!

Назад буду, вероятно, только с пароходом, т. е. недельки через $1^1/_2$.

Помяни, Мишенька, мою грешную душу, ежели зальюсь или как иначе сгибну где-нибудь. На свечи я тебе оставил, кажется.

Александр

P. S. Может случиться, что телеграфирую насчет денег: переводи телеграфом: Русский Турек, Киров. край, до востребования мне (имя, отч., фам.).

А. Т.

Смоленск, 11 мая 1936 г.

Дорогой Мих!

Получил сегодня твое письмо, которое ты решился написать на генеральской бумаге и послать в губернаторском конверте. Оказывается, все устраивается прекрасно.

Сегодня Маня едет в Москву, вы, вероятно, приедете вместе числа 15-го или 16-го. Она тебе позвонит.

Относительно характера наших с тобой занятий в деревне — целиком согласен, что просто прожигать время не следует. Я возьму кое-что (немецкую книжонку), а кроме того, на месте можно будет многое найти. «История партии» — она и мне нужна, мы могли бы вместе позубрить, но, пожалуй, эта учеба широко не развернется.

Основное назначение поездки — жизнепознавательное и отдыхательное. Если там мы будем иметь подходящее жилье, то просидим хоть месяц — это будет очень хорошо.

Теперь собирай манатки, готовься!

Ал.

Смоленск, 14 июня 1936 г.

Дорогой граф!

Праздники действительно прошли, но иначе ж и быть не могло. Праздники тоже утомляют, хотя переходить от них к будням всегда тяжеловато. Я, кажется, втягиваюсь в работу, хотя объективных стимулов мало. Написал одно лириковатое стихотворение. Окончательно подступаю к своей женской поэмке (не пугайся названия — не больше 300 строк будет).

Написал очерк об олимпиаде; когда напечатается — пришлю тебе.

Рецензию Адалис прочел только на днях. Она ничего, но мне не нравится, когда говорят «молодой поэт». Идите вы к [...], тридцатипятилетние поэтессы, с этой терминологией. Молодой по возрасту — это к делу не относится; молодой по мастерству — зачем печатать, зачем писать о таком молодом. В общем, одно огорчение. Больше никаких отзвуков на поэму не слышно. А это связано и с моими угасающими надеждами на квартиру. Дом специалистов успешно заселяется без моего участия. Завьялов так выразительно молчит на эту тему, что я и не собираюсь с ним заговаривать. Заговаривать с кем-нибудь еще — тем более.

Конституция волнует, но и подавляет. Ощущение собственного отставания угнетает. И, между прочим, теперь, когда как бы узаконивается моя автобиографическая тема,— что-то отпало. С одной стороны — другие

темы за эти годы стали ближе, с другой — теперь и жук и жаба будет писать на эту тему. Не хочу встревать.

Олимпиада — не знаю когда будет, но в свое время сообщу тебе и, думаю, что тебя вызову сюда по линии, например, комитета искусств.

Семынина я не читал, но прочту непременно. Привет ему. Если у тебя есть «Литгазета» с рецензией Адалис — пришли мне ее, т. к. у меня нет «Литгазеты», а названный номер совершенно таинственно исчез из комплекта в Доме искусств и в библиотеке «Рабочего пути».

Будем, Мишенька, пока работать — худо ли, хорошо, а там немножко и отдохнем, когда либо ты приедешь, либо я к тебе. Я не пью ни капли все эти дни и пока не собираюсь. Ждал Ницера, взял бутылку «Абрау» — стоит до сих пор. Если ничего не случится — достоит до твоего приезда. Привет от Мани.

Привет графине.

Ал.

Смоленск, 23 июня 1936 г.

Дорогой Миша!

Вот и пришли эти дни, когда ни за что нельзя было взяться, думалось и чувствовалось об одном. Я перечитывал «Мои университеты» и др. А в день, когда гроб стоял в Колонном зале, я уехал с книгой на дачу и там провел весь день. Меня искали — нужно было ехать в составе делегации в Москву,— но не нашли. Получилось нехорошо, но я лично и не хотел ехать. Ехать была мысль в первый день, когда пришла весть, чтоб застать еще тело, увидеть лицо, а смотреть на урну — тяжело и обидно.

Судя по тому, что ты не ответил на мое письмо, ты очень, особенно тяжело переживаешь смерть А. М. Ладно, Миша, не надо особенно вдаваться в тоску. Покойник этого не любил. Работа — самая достойная память о нем.

Пиши, что ты сделал, что делаешь и т. д. Я написал три стихотвореньица. Очерк об олимпиаде уже напечатал в «Рабочем пути». Прислать не могу — у меня 1 вырезка. А вот возможно, что мы скоро увидимся — тогда прочтешь. Тут 6 июля в Новозыбкове будет пятидневник белорусского искусства! Я уже имею приглашение (он назначался на 24-е — потом отложили). Если ты и не

имеешь почему-либо такового — ехать тебе обязательно нужно. Без тебя я не хочу ехать, мне просто неловко будет — среди белорусских письменников — человеку, не переводившему их. А ты там просто незаменим. Понятно, тебе ни о чем заботиться не надо, все будет сделано без тебя.

Как с обменом партбилета?

Завтра приезжает в Смоленск моя мамаша с чадами. Дня два уйдет на утряску семейных дел. Потом опять за работу.

Так давай, Миша, проедемся немного. Ведь мы, собственно, и собирались еще разок съездить куда-нибудь.

Привет твоим ближним.

Александр

Кобрин, 19 октября 1939 г.

Дорогой мой Михаил Васильевич, уважаемая Лидия Ивановна!

Если б вы знали, какую большую радость доставило мне письмо мужа и любезный поклон супруги, моих друзей, вы бы — ничего бы вы, конечно бóльшего не сделали, но и этого слишком много для меня! Ей-богу, Миша, это вроде того, как сегодня я, прибыв с лейтенантом Горбатовым в Кобрин и отчаявшись найти что-нибудь курительное в пределах редакции, наняли извозчика (балогулу) с подвязанной щекой и поехали версты за три от города на базу военторга, где на наш трепетный и опасливый вопрос: «Нет ли папирос?» — вдруг: «Каких вам? Есть «Казбек» и дешевле». И через минуту у нас в карманах по сотне папирос, каких мы не курили уже, кажется, много лет. Это сказка. Так и письмо твое. Первое я получил от своей жены, твое было вторым. После этого вдруг все стало таким близким — и Москва, и друзья, и всякое. Спасибо, милый. Эти излияния не следует понимать, конечно, как некое выражение сумеречных настроений. Просто в течение месяца я не имел ни строчки ни от родных, ни от друзей, не мог ничего переправить в гражданскую большую печать и т. п. Между прочим, последней возможности я еще лишен, вернее сказать, нужно проявлять массу энергии и изобретательности, чтоб добраться до единственного телеграфа, который может

передать только в Минск, а письмом, если что посылать, то они, кажется, идут еще довольно небыстро.

Видишь, как долго не могу приступить к существенной части письма,— разболтался от радости. А существенное вот в чем. Мне даже трудно выразить то чувство, которое я испытывал здесь, при различных обстоятельствах, слыша твои песни. Они здесь поются, как и там, — по всей стране нашей. Я об этом уже писал Марии моей Илларионовне, еще не имея твоего письма, т. е. не имея повода для комплиментов, если тебе угодно подозревать меня в этом. Одним словом, заявляю тебе с чувством дружеской зависти: твой голос здесь слышнее, чем чей-либо из нас, и ты, больной и слабый телом человек, находишься и находился на самых передовых позициях фронта и, так сказать, оружие твое не ржавело в бездействии. (См. дальше.)

Вот это я тебе и хотел сообщить со всей ответственностью. Между прочим, песенка твоя (завтра будет в «Часовом Родины») уже мелькала в местных газетах. Я ее даю с примечанием насчет музыки. Поставил, что музыка Захарова. Мне Маня писала.

Миша, если ты будешь мне писать (я здесь до 10 ноября), т. е. если ты будешь иметь такую возможность по своему нездоровью, то сообщи, кто у нас в парткоме сейчас и что там нового — вкратце. Я ведь заходил, уезжая, говорил, что уезжаю на месяц, а теперь, согласно телеграмме ПУРа, остаюсь до 10.XI. Хочу им об этом написать, т. е. парткому. А то мне Маня сообщает, что приходят извещения, как будто я и не уезжал. Забыли живого человека — могу я пожаловаться.

В Кобрин (городок меньше Бреста, почти местечко) я переехал вчера. Сегодня с Горбатовым (он все время был строевым командиром, а теперь отозван для работы в редакции) сняли квартиру, две, три, четыре комнаты, т. е. просто живем в огромной квартире зубного врача Когана и не имеем доступа только в спальню его жены, к чему и не стремимся. Такова жизнь с одной стороны.

С другой — работа, поездки, тысячи замечательных встреч, фактов, впечатлений. Об этом не буду покамест,— в беглом письме идут под руку лишь банальные фразы. Это все я расскажу постепенно. Сейчас не забыть бы ответить тебе по мелочам. Стихи Фиксина мне попались на глаза в «Красноарм. правде». Они мне понравились, и я их включил в сборник, который прилагаю.

Разве так важно, что поэт территориально не на фронте? А стихи — из первых, что появились,— не последние.

Крепко жму твою руку, низко кланяюсь Л. И. и приветствую всю семью Исаковских. Б. Горбатов просит написать тебе одну фразу: «Катюша» занимала города». [...]

Привет!

А. Твардовский

(Большое спасибо, друзья мои, что не забываете Маню.)

P. S. Если будешь писать, пришли Горбатову привет, чтобы я мог указать ему на соответствующую строчку письма. Он очень одинокий, в рядах уже 4-й месяц, а в Москве у него невеста — и ни строчки.

Когда я получил сегодня твое и жены (сразу 3) письма — он чуть не заплакал. Парень хороший.

Кобрин, 3 ноября 1939 г.

Дорогой Миша!

Во-первых, горячо благодарю тебя за исправление стихов. Я просто очень рад, что они попали тебе и прошли через твои руки. Я не имел возможности, но думал послать телеграмму: «Случае неясности текста просите исправить Исаковского». Оказалось, что и без телеграммы так оно получилось.

Большое спасибо, родной.

Во-вторых, я слыхал от Мани, что ты опять подвергаешься своим ужасным мучениям. Пустые слова утешения и ободрения я говорить не хочу, но просто прошу тебя по-дружески: крепись, Миша. Не падай духом, не пускай злую змею уныния во внутренние апартаменты, выражаясь образно. Я приеду — там будет видно.

В-третьих, спасибо тебе за стихи. Одно мне очень понравилось («Встреча»), и оно сегодня же пойдет в газету, а другое («Наказ») немножко запоздало. «Белосток» — это уже здесь история. Но, может быть, и это напечатаем — покажу редактору. Вырезку пришлю.

Еще — вот случай, который позабавит тебя в твоем кабинете. В день выборов депутатов в Народное собрание (я, между прочим, был в Белостоке на собрании — впечатление можно сравнить только с первым днем после перехода границы), так вот, в дни выборов один поп не стал

служить обедню. Идемте, говорит, сперва отголосуем, а потом помолимся. И сам во главе прихожан пошел на участок. А там церковный хор исполнял «Интернационал» и вторую революционную песню, известную ему,— «Катюшу». Но, говорят, получилось так по-церковному, что кто-то из наших счел даже необходимым вмешаться.

Ну, всего лучшего. Желаю хорошо провести праздники. Крепко обнимаю. Привет мой Л. И. и всему семейству.

А. Твардовский

P. S. Привет от Б. Горбатова.

Ленинград, 3 марта 1940 г.

Дорогой, славный друг мой Миша!

Спасибо тебе за письмо, спасибо, что не забыл. И прости мне, что я не столько за делами, сколько от какой-то нехорошей забывчивости и неорганизованности до сих пор не написал тебе сам. А вспоминал я тебя много раз, вспоминал постоянно в поездках на фронт, потому что всюду тебя поют («Комсомольская», «Катюша» главным образом). Пусть здесь песни не занимают городов в столь буквальном смысле, как это было на Западе Украины и Белоруссии, но все ж ты должен знать, что твое поэтическое слово живет здесь, составляет часть этой действительности. А это — много.

Я слыхал, что ты жил в Барвихе, слыхал, что поправляешься в целом, но твое сообщение о том, что ты некурящий, как-то кольнуло меня: уж как-то трудно мне даже представить тебя без папироски. Обидно, что человек, и без того отказавшийся от многих радостей жизни, и покурить не может. Но, ясное дело, раз это требуется для здоровья — держись стойко.

Милый Миша, вчера, когда я получил твое письмо, я сидел над материалом в полосу, который идет сегодня. А мне так хотелось немедля отписать тебе и какие-то хорошие вещи сообщить, и письмо оно совсем готово в голове, но некогда было писать. А сегодня все куда-то пропало. Знаешь, как бывает со стихами. Так вот, родной, письмо мое не будет стоять на высоком художественном уровне.

Живу я хорошо. Втянулся. Езжу непрерывно, приезжаю сюда только затем, чтоб выписаться, отоспаться,

отогреться и отмыться. Люди, с которыми за эти месяцы довелось встретиться, и все, что привелось увидеть, сделали из меня почти совсем другого человека. Короче говоря, мне открылся новый, необычайно суровый и вместе с тем очень человеческий, дружный и радостный мир. Я рад, что он стал доступен и понятен мне. Красную Армию я полюбил так, как до сих пор любил только деревню, колхозы. И, между прочим, очень много схожего. Мне кажется, что армия будет второй моей темой на всю жизнь.

То, что ты видел в печати из моих стихов,— это случайные и не лучшие, конечно, вещи. 2—3 стихотворения я написал здесь более подходящих. Но, само собой, все это делается в спешке и под углом прямой газетной задачи. А — буду жив да здоров — после войны напишу что-нибудь.

Слыхал я, что у нас новый партком. Если ты был на перевыборах и знаешь, кто там избран,— напиши. А то оторвался я как-то. Членские взносы плачу здесь, а состою в организации в Москве, в ССП.

Увидишь Бурштына — передай ему мой самый душевный привет. Я виноват перед ним — не ответил на одно его письмо, которое он прислал мне в Белоруссию (это было накануне моего отбытия оттуда). Скажи ему, что 3 месяца назад, когда я уезжал сюда, я надписал для него «Страну Муравию». Так она и лежит, потому что он ни разу за это время не позвонил М. Илл., а позвонил бы — и книжка б у него была уже в сундуке.

Кланяюсь Лидии Ивановне и Наталье Ивановне, приветствую Алика. Для него специально посылаю тебе одно из наших изданий. Между прочим, на фронте этот Вася Теркин (он идет в газете — сериями) имеет ни с чем не сравнимый успех. Его считают за живого человека.

Крепко обнимаю и целую.

Александр

Ленинград, 8 марта 1940 г.

Дорогой друг Миша!

Я, по совету товарищей, буду переводиться в члены ВКП(б) здесь, в нашей редакционной парторганизации. Об этом я уже написал в парторганизацию ССП. Одновременно обращаюсь к тебе с просьбой дать мне

рекомендацию. Делаю это с легким сердцем, т. к. ты же меня рекомендовал и в кандидаты. Прошу так же и у Щипачева. Третью найду, наверно, здесь.

Вот моя к тебе просьба. Если будет возможность — не задержи.

Жму твою руку, желаю доброго здоровья.

Привет твоим близким.

А. Твардовский

Адрес прежний.

23 февраля 1941 г.

Дорогой Миша!

Пишу тебе из Таллина, куда прибыл вчера из Риги. Хотя я приехал не как турист, но невозможно уберечься от впечатлений,— очень много интересного, невиданного.

Конечно, это лучше рассказать потом. Покамест я пишу тебе только, чтоб у тебя было письмо из Прибалтики на эстонской бумаге.

В Риге, в ресторане гостиницы «Рим», где мы останавливались, танцуют фокстрот (или что-то подобное) под твою «Комсомольскую прощальную» — и так по-латышски медлительно и сонно, как будто в воде танцуют.

Миша, вряд ли я тебе привезу какой-либо существенный подарок, т. к. цены наши и ассортимент примерно тот же. В Риге, например, тетрадок я не нашел. Но не унывай — найдем где-нибудь, будет на чем записывать новые творения.

Лидии Ивановне — привет.

Твой *А. Твардовский*

Еще я тебе напишу с места моей работы.

А. Т.

26 февраля 1941 г.

Дорогой Миша!

Пишу тебе из г. Вильянди, где живу в двухэтажной деревянной гостинице «Метрополь» с печным отоплением, тазиком и кувшином для умывания и ночным горшком под кроватью. Работается хорошо (по линии задания), много интересного, но я все время вспоминаю

о своих московских грехах, например, о «Песне об урожае», которую вчерне отдал Захарову. Если ты будешь ему звонить, то попроси его не запускать эту песню, хотя бы он уже написал музыку, т. к. я собираюсь улучшить ее текст. Это моя просьба.

Писать мне не нужно, т. к. я все время в движении, а письма идут, говорят, довольно медленно. Привет Лидии Ивановне.

А. Твардовский

Ялта, 4 апреля 1941 г.

Дорогой Миша!

Моя подпись была в числе подписей на глупой курортной открытке, посланной тебе из Симферополя. Но я этим самым не считал свой долг по отношению к другу выполненным.

Пишу тебе в четвертый день пребывания здесь. Погода хорошая, но в комнате еще довольно свежо. Писать еще хорошенько не начал — перевел поэмку (окончил) Франко. Такую работу можно и в пальто делать.

Людей здесь очень мало, дружить особо не с кем. Ближе других ко мне Вас. Кудашов, прозаик тебе известный. Он шлет тебе «теплый, южный привет» (его слова).

Миша, очень плохо без хороших папирос. Все дрянь какая-то: «Кавказ», «Крым» — и курить еще ⟨больше⟩ хочется.

Если вдруг захочешь написать мне несколько строк, то я буду очень рад, т. к. письма здесь получать особо приятно.

Привет Лидии Ивановне и Борису Сергеевичу (получил ли он деньги в «Красной нови»?).

Твой *Александр*

Ялта, 8 апреля 1941 г.

Милый Миша!

Ты так добр, что на одну ту глупую открытку отозвался целым хорошим письмом, которое доставило мне большое удовольствие. Не знаю, получил ли ты уже письмецо мое, которое я послал в первые дни отсюда,— оно, правда, малоинтересное.

Я, кажется, начал хорошо работать. Соблазны — они, конечно, имеются и здесь. (Между прочим, я все-таки выпиваю здесь крайне редко и мало.) Но работать можно. Одно плохо, что, за отсутствием в столь раннее время знаменитостей на юге, я и мои товарищи являются объектами самой произвольнейшей эксплуатации фоторепортеров и пр. Но, кажется, уже это кончается. Скамейки, перетасканные с мест, можно уже поставить, где стояли.

Природа меня не очень здесь трогает. Что-то не то и не то.

Очень рад, что ты взялся переводить пьесу. Это хорошо потому, что не изнурит тебя, даст заработок и будет полезно в смысле расширения опыта. Я думаю, что ты еще и сам напишешь пьесу.

Еще в заключение я хочу тебе сказать, Миша, что глубоко верю в твою общую поправку здоровья. Иначе и быть не может. Ты за лето поздоровеешь, отдохнешь. А я тебя, Миша, люблю все больше и уважаю все крепче (прости, наоборот). Мне просто радостно знать, что у меня есть такой друг, как ты. Не сочти это за пустые слова. Я по грехам своим часто не достоин твоей дружбы. Но все же стремлюсь тоже быть таким, как ты, хорошим человеком. У меня даже почерк похож на твой. Это уже, конечно, шутка, но сказанное всерьез остается в силе.

Сейчас я кончаю письмо. Над душой сидит Василий Кудашов, с которым мы должны идти на почту и который кланяется тебе и шлет тебе опять «солнечный, южный привет».

Все лица, поименованные тобой в письме, с удовлетворением приняли твой поклон и кланяются тебе снова.

Миша, Миша, а что делается на свете! Покуда это письмо дойдет, может быть, уже черт-те что будет.

Привет мой Лидии Ивановне, Бурштыну, Семынину, которого грубо и глупо обругали в «Комсомольской правде».

Твой *А. Твардовский*

Ялта, 12 или 13 апреля 1941 г.

Дорогой Миша, число я просто не помню, ибо календаря в комнате нет, а ходить узнавать к товарищам — не хочется мешать «в творческое время».

Миша, вчера я был растроган твоими закрытыми пакетами. Спасибо, но не делай больше этого. Ибо папиросы выкуриваются скоро, а потом еще горше возвращаться к ялтинским. Но как заботу друга — ценю бесконечно.

Относительно Бурштыновых опасений не знаю, что тебе и сказать. Я на днях только послал некоторое письмецо Ковальчик, писать вслед, покамест еще не зная, отложен его перевод или нет,— как-то неподходяще. Могу тебе одно сказать (дело тут не в Бурштыне, ему и говорить этого не нужно), что, если они там после меня снимут что-нибудь из того, что я отобрал, я их проучу. Т. е. просто и благородно заявлю, что работать я не стану, если так. Я не мальчик, что мне Ковальчик!

Правда, это все касается меня, а не Бурштыновых трехсот, которые выдать ему мне обещали твердо. Но, прямо говоря, у меня нет других способов воздействовать на них. Я даже не могу показывать наперед, что опасаюсь за свой отбор переводов. Я должен дождаться хамства, чтоб реагировать на него. Вот что-то в этом стиле только и могу я тебе сообщить. Если б я был на месте — может быть, удалось бы что-нибудь придумать половчее.

Миша, мои радостные известия о погоде ты теперь забудь. У нас холод самый поганый. Пишу в пальто. Написал одну главу (вчерне), но еще без конца. Привет Лидии Ивановне.

Александр

P. S. Сейчас вроде придумал, как быть с Бурштыном. Я сниму свой перевод, т. к. это только отрывок, а у меня теперь вся штука переведена. Я ее и дам потом, когда будет настоящий юбилей — это в июле — в августе, кажется. Таким образом, переводов станет меньше, и все будет хорошо. Пошлю телеграмму.

А. Т.

Ялта, 21 апреля 1941 г.

Дорогой Миша, о получении денег я тебя уведомил тотчас телеграммой, краткой лишь потому, что я опасался быть расточительным за счет твоей доброты. Но теперь я хочу добавить несколько слов к ее тексту.

Дорогой друг, я был искренне растроган. Только ты мог так сделать, т. е. немедленно отозваться на призыв о помощи и выразить ее в сумме, па двести рублей превышающей просимую. И если сказать совсем откровенно, то где-то в глубине души я так и предполагал, вернее — предчувствовал. Двести рублей не оказались, понятно, лишними, т. к. я прихватываю пару дней к своей путевке, должен внести пай за машину, да еще оплатить свое участие в одной культурно-просветительной поездке, да еще заплатить за стирку бельишка. Опять же бритье, папиросы («Чапаев» — 4. 50), брынза, буза и т. п.

Хотя ты можешь на основании этого перечня расходов заподозрить меня в излишествах, но — клянусь честью — они не характеризуют мой здешний быт, что подтвердится двумя новыми, написанными здесь (правда, вчерне), в условиях холода и никотинного голодания, главами «Теркина».

Правда, может быть, они не создадут переворота, не войдут в золотой запас и т. д. Об этом будем судить после.

Я страшно рад, что работа над переводом Леси тебя не разочаровала. Грешен, боялся я, что вдруг это окажется чем-нибудь тягостным, не приносящим удовлетворения. А это просто счастье. Перевод — перевод и есть, но вникание в подлинно поэтический текст — само по себе — может быть источником радости и пользы. Только не налегай сильно вначале, не изнуряйся. И да пребудет стабильным твое настроение от этой вещи.

Что тебе написать о местном народе? Люди в основном милые, приветливые — Каверин, В. Шишков, Гехт, Гайдар, Дерман, Раскин, дамы (в меньшинстве). Есть и [...] вроде некоего Э [...] И [...] — литератора, больного желудком и очень гордого этой благородной болезнью.

С отъездом Жарова бильярд закрыт на ремонт. С приездом В. Б[...] перестали собираться в гостиной, т. к. вышеобозначенный старичок портит радиолу из соображений тишины и спокойствия. Поразительная штука: орден он носит под пиджаком, па вязаной фуфайке и не на левой стороне груди, а на уровне пупка. И еще: уши у него заткнуты газетной бумагой. В подходящую минутку расскажу тебе кое-что из созерцательной деятельности этого Иудушки Головлева. У меня к нему ни злобы, ни опасения, а прямо-таки живейшее любопытство. Особь!

Второй день мы не слышим радио, а газеты, кроме местной, приходят на третий день. Страшно подумать, что покамест я писал свои две главки — что-чего произошло на свете.

Лидии Ивановне — горячий привет. Никогда не забуду того, что своим пребыванием здесь я обязан в значительной мере и ей, нашедшей, что жить мне здесь не противопоказано. На этом длинном слове разреши и закончить письмо.

Жму твою аристократическую руку.

Ал.

Ялта, 23 апреля 1941 г.

Любезнейший Михайло Исаковский,
Не мнишь ли ты, что белыми стихами,
Достойнославным ямбом пятистопным,
Владеешь наравне с Шакеспеаром
(Как наши прадеды переводили,
Транскрипцию наивно соблюдая),
И Пушкиным, и многими другими,
Чьи имена доныне чтит народ?
Оставь гордыню, жалкий подражатель,
Тебе ль доступен склад высокой речи,
Подсказанной классическою Музой
Великим из великих? Нет и нет.
Иль думал ты, что я, как льстец придворный,
Начну хвалить незрелый, кислый плод
Ума, что не был осенен наитьем
(Иль вдохновеньем подлинным), а просто
Явился из обманчивой мечты
Стареющего праздно графомана,
Который за свои пятьсот дукатов,—
Отпущенных притом взаймы — и только! —
Поэту, чьи стихи, как сам сказал ты,
Известны даже и на телеграфе,—
За злата звон хотел снискать признанье,
Хотел купить нелицемерный отклик,
Похвальных слов, восторга сладкий яд?
Ты многое не принял во вниманье,
«Ты просчитался здорово, старик»,—
Сказал бы я. И жалок твой удел:
В потомстве глухо упомянет критик,

Что, выражаясь попросту, на свете
Жил некто Исаковский Михаил.
Владел стихом он наравне с известным
Лоханкиным Васисуальем из...
Из повести «Двенадцать стульев» Ильфа
Покойного, в соавторстве с Петровым.
Лоханкин сей обычно обращался
К своей супруге, кажется, Варваре,
Да, именно Варваре, со стихами,
Подобными той длинной, но — увы! —
Незвучной и невыдержанной в ритме
Штуковины (как молвят в просторечье),
С которою, забыв и стыд, и срам
И лучшие поэзии преданья
Оставив, ты в письме к лауреату
Осмелился однажды обратиться...
На этом я окончу свой ответ.
Мне холодно, окоченели члены
И все дрожат. И тянет почему-то
Меня под своды залы ресторанной,
На набережной города, где я,
Наверно, пропущу сегодня двести
Иль триста грамм. Аминь и богу слава!

А. Т.

Ялта же, 27 апреля 1941 г.

Дорогой Миша!

Письмо мое белостиховое написано было слишком спешно. Отсюда его малая высокохудожественность. А твое, по правде говоря, очень неплохое. Ты правильно уловил, что в такой штуке должны быть и лирические строчки, пейзаж и т. п. Я читал его некоторым здесь товарищам — очень тоже понравилось.

Основное, что хочу сообщить тебе теперь,— это то, что я решил-таки остаться еще на десять дней. С одной стороны — обидно уезжать, не покупавшись как следует в море (не считать же то, что я один раз сунулся в море, зашел по срам, выскочил и побежал в кафе «Интуриста», где быстро предотвратил опасность простуды). С другой стороны, возвращаться без чего-либо законченного неловко перед собственной честной юностью, в пору

каковой я почти всегда что-нибудь привозил из любого дома отдыха. Правда, случалось, не привозил, но редко.

Погода — переменная, но все ж укрепляется в сторону хорошей. Цветет вовсю сирень. И хоть пахнет не так сильно, как наша, все же если внюхаться утром, когда она в росе, холодненькая, то вдруг напомнится нечто такое знакомое и дорогое до слез, чего уж, казалось, и на свете нет. Я, конечно, мог бы в знак благодарности своей к врачу Лидии Исаковской наломать здесь ей целый веник сирени — хоть белой, хоть синей,— но по почте не пошлешь, как папиросы из Москвы.

Возможно, что отсюда я полечу на самолете. Но еще неизвестно, как там с билетами. Железнодорожные билеты достаются совершенно легко.

Миша, передай еще мой привет Б. С. Бурштыну-Иринину, скажи, что я ему еще напишу. Утешь его, сколько возможно, относительно дел.

Крепко жму твою руку. Думал вот, что буду произносить скоро у тебя или у меня какой-нибудь первомайский тост, но решил уж погреться еще немного. У вас ведь еще, наверно, и почки не распустились?

А. Твардовский

10 февраля 1942 г.

Дорогой Мишенька, бесценный мой друг!

Вот и прибыл я на место службы, прибыл со всякими приключениями, но речь не о них. Я спешу поблагодарить тебя за твое доброе письмо, мне даже совестно, что по недостатку времени и по известному рассеянию я не уделил тебе столько времени, сколько было бы нужно. Может быть, и разочаровал тебя легкомыслием. Сегодня едет человек в Москву, там он кинет это письмишко вместе с письмом Марии Илларионовне. Кстати, не забыть бы в спешке: я не написал ей в письме, что мне в Москве определенно обещан отпуск творческий, может быть даже двухмесячный. Это — государственное мероприятие, проводимое не только в отношении меня, а ряда лиц — в целях создания произведений, которые бы... и т. д.

Миша, стихотворение твое я передал Ковальчик в Москве, оно будет напечатано, понравилось. Что же касается того, что ты дал для моей газеты, то оно пропало

с моей полевой сумкой, украденной в клубе. Об этом при случае — подробности расскажет М. Ил., которой я писал.

Сегодня в баню, а завтра-послезавтра на фронт. Начинаю все сначала. Очень все-таки хорошо, что побыл в Чистополе. Крепко обнимаю тебя, родной. Привет Лид. Ив., Нат. Ив. и друзьям, каковых имеешь.

А. Т.

Москва, 17 мая 1942 г.

Дорогой друг Миша!

Спешу тебе сообщить, что все сделал, кроме *вручения* Хесину найденных документов, ибо Хесина нет — он у вас, в Чистополе. Нашел я у тебя все, что нужно: договор (на розовой бумаге), письма, о которых ты говорил. Я их переписал, вернее, сделал им опись и жду Хесина, чтоб вручить их лично ему. Если мне придется выехать,— я отдам их в аппарат ВУАП.

Что касается бутылки с шампанским,— таковой не обнаружено. Домоуправ Фролов робко предложил мне взять у тебя бутылку чернил, но я таковые еще имею.

Забрал я и рукопись «Лесной песни». Если доведется приехать в Чистополь,— привезу, тут никакого труда нет, если ж не придется самому в ближайшее время,— пусть полежит у меня. В Чистополе ты все равно ее не издашь отдельной книжкой.

Занятное и трогательное сообщение я получил от смоленских партизан,— об этом тебе подробнее при случае расскажет М. Ил.

Заходила ко мне на днях жена Ефрема, она, оказывается, так и работает в «Красноармейской правде» — газете Западного фронта, где, может быть, придется работать и мне. У нее дочь — 18 лет. Дочь Ефрема — невеста!

В «Известиях» познакомился с Белявским, это наш земляк, корреспондент «Известий», человек — сразу не поймешь, но к тебе относится с нежностью и уважением, как, впрочем, очень многие.

«Балладу о Москве» — не суди. Это газетная штука, скорее всего то, что в основе ее лежит, — мною не поднято поэтически.

Из твоей книжки я исключил с пожелания Ярцева «Получилось очень кстати» и «Все хорошо».

Привет Лидии Ивановне.

Твой *Александр*

Москва, 17 января 1943 г.

Милый Миша, пишу тебе накоротке, касаюсь основных вопросов. Первое — это относительно Кулешова. Ты можешь потихоньку ужимать вещь, где очень уж захочется, ибо и он еще не считает вариант окончательным. Но работать над ней нужно. Она будет иметь успех, принесет тебе барыш. Да и сама вещь стоящая.

Приехал Захаров, рассказывал, как чудесно удалось переправить посылки в Чистополь. Хороший они народ, пятницкие!

Между прочим, для него и тебя будет приятно узнать, что «И кто его знает...» переведен на английский язык. Маршак говорит, что перевод замечательный, и знатоки песенного дела предполагают, что песенка обойдет Англию и США, т. к., помимо всего прочего, необходимо учитывать интерес ко всему русскому в этих странах.

Твое беспокойство относительно мнимого беспокойства, причиненного якобы тобою, лишено всяких оснований. По совести сказать, мною и Фадеевым сделано и дано слишком мало, чтобы мы могли приписывать себе заслугу оказания внимания и т. д. Основное это доля хора и его забота о доставке.

Миша, терпи до весны все, что бы ни пришлось. Весной все вы приедете.

Привет мой Л. И., Н. И., Алику.

Александр

4 декабря 1943 г.

Дорогой друг Миша!

Третьего дня я послал тебе письмо, но нет полной уверенности, что оно дойдет: почта уже была упакована, дал его «дополнительно» незнакомому человеку, который обещал дать ему ход в пути. Кратко повторяю, что писал я о Марьенкове. Не можешь ли ты послать ему от

меня еще рублей 300. Я очень хотел бы это сделать, но денег у меня здесь нет. Если не очень затруднительно — будь друг — сделай. Напоминаю адрес: Татищево, Саратовской обл., до востребования.

Я ему уже написал, передал его письмо как реликвию его жене и дочери, которая на днях родила девочку. С ними здесь большие хлопоты. В поезде их держать не хотят, комнату достать уже почти невозможно. Обещают, дело тянется.

Живу я, Миша, скудной трудовой жизнью, очень похожей на твою чистопольскую. Об этом я подробнее говорю в том письме, что уже послал тебе. Пишу, но мало радуюсь написанному. Порой очень одиноко на душе, кажусь иной раз себе таким умным, что и поговорить не с кем: все дураки вокруг. Вроде того получается. А проще сказать — устал. В сущности, третий год я пишу, как линотип, ничего, кроме неприятностей, от начальства не последовало за сей период. Не то, говорят. А я знаю, какое «то» требуется, да не выходит у меня то «то». Однако дух мой бодр и готов к новым длительным испытаниям.

Страшно хочу в Москву, словно не был там несколько лет, а приедешь, наверно, тоже не все так хорошо, как начинает казаться здесь.

Крепко обнимаю. Поклон Лидии Ивановне и всему дому. Привет друзьям — Фадееву, Маршаку.

Твой подполковник *А. Т.*

3-й Белорусский, 30 июля 1944 г.

Дорогой мой Миша, прости меня, что я до сих пор не собрался тебе написать. В Смоленске мы разминулись с тобой на день. А с тех пор у меня пошла жизнь совсем иного порядка. По внешним признакам передвижения, усталости и т. п. это напоминает мне первое лето, только по существу все совсем иное. Я счастлив, что своими глазами вижу этот заключительный этап того, что так перегрузило мою душу в своем начале. Я, может быть, и не в силах сейчас же найти для всего этого соответствующие слова выражения на бумаге, я пишу всякую газетную всячину, но это меня даже не удручает сейчас. Я к тому, что период этот иногда меня настолько замордовывал физически, что не было сил

собраться написать даже жене. Поверь, что это так. Я только последние дни немного осел на одном месте, а то $^3/_4$ суток проходили на колесах. И это бы ничего, если б не требовалось писать в газету, иногда в состоянии предельной усталости. Напишешь то, что в номер безотлагательно, а потом уж и сил нет писать что-либо. Так, несмотря на то, что я обогатился тетрадями (я не забыл моего старого друга, для него у меня есть тетрадь, какой он еще не имел), мои личные записи очень скудны. Вот это все в объяснение моего неписания. А тебе большое спасибо за твое письмо, так радостно было узнать твою руку на обрезанном и вновь склеенном конверте. Поздравляю тебя и Лидию Ивановну, а также и Наталью Ивановну с переездом на новую квартиру. Приятное соседство,— вот бы не война, так в гости можно ходить друг к другу по два раза в день. Я надеюсь, что еще у нас будет время использовать эту возможность, и, может быть, очень скоро. Дела идут нечего говорить, как хорошо. Ты сам все знаешь, хотя бы по салютам, которые тебе наблюдать теперь особенно удобно с балкона новой квартиры. Кстати, кланяйся Захарову и др. при случае (я подумал о твоих затруднениях с переездом и вспомнил о нашем хоре).

Миша, будь ты спокойнее относительно всяческих вокальных совещаний и выступлений. Все это переливание из пустого в порожнее, и нужно это только тем, кто тебя привлекает. А коль ты уж привлекся, то будь еще более спокоен относительно того, что и как там скажешь — все будет хорошо, как бы ни сказал. Я одно время здесь (до наступления) волею судеб сделался знаменитым докладчиком и убедился, что докладывать мы можем не хуже других.

Крепко тебя обнимаю, дорогой друг, очень хочу поскорей встретиться с тобой, очень рад буду каждой твоей строчке.

Привет всем твоим домашним.

Твой *А. Твардовский*

26 марта 1945 г.

Дорогой друг, нас разделяет такое пространство, а наши письма так разнятся во времени, что даже странно читать о том, что ты сидишь в валенках, и отвечать

тебе тотчас на письмо, сидя у открытого окна мансарды и слушая, как в побуревших и полиловевших ветках сада чирикают и пиликают всякие немецко-фашистские птички.

За письмо тебе большое спасибо. Оно пришло вдруг после того, как я тебе писал нечто жалобное. Может быть, что ты даже еще не получил.

Великая трудность написать отсюда связное и содержательное письмо. Многое неудобно для почты, а многое как-то здесь не переваривается, не складывается (во что может что-нибудь сложиться, что переваривается,— вот фраза!).

Тебе, как грамотному и понятливому человеку, ясно, конечно, что мы — не я с редакцией, а войска фронта находимся сейчас в сотнях километров от большой войны, от линии фронта. Правда, маленькая война от этого не перестает быть войной. На днях я был там, где она происходит (сегодня, кажется, кончается), и разницы не заметил, кроме того общего отличия, что характеризует вообще всякое завершение ликвидации окруженной группировки.

Что с нами будет потом, когда с этой язвой будет покончено,— неизвестно. Гадания, предположения, одно ясно, что были б зубы, а хлеб будет.

Пишу я довольно много, но все не так, как хотелось бы. Редакционные огорчения, о которых пишет мне М. И., не очень задевают меня. Пусть выйдет стихотворение немного не таким в данном издании, как хотелось бы, но, подумаешь, есть из-за чего огорчаться!

Рассказа на тему о том, как ты меня редактировал, я писать не буду, но в мемуарах, если доживу до старости, отмечу то, что могу тебе сказать и сейчас: мою благодарность за эту драгоценную помощь, которая так облегчает на всякий случай, обеспечивает, т. е. дает некий минимум беспечности относительно того, как там и что. Без этого я изошел бы. Тем более искренне мое спасибо, что я отлично понимаю, как муторно и невкусно править чье-то, когда нужно сидеть над своим. Но у тебя, Миша, это так хорошо получается, что я диву даюсь. Честное слово, как ты исправишь, так и хорошо будет.

Читал в «Правде» статью о тебе. Что она в «Правде» — хорошо, но что сама по себе плоха — это плохо. Опять про скромность, народность. Тон какой-то непри-

ятный. Может быть, во мне говорит один из твоих критиков, но, может быть, я прав и по существу. Впрочем, все это не должно тебя трогать, да и не трогает, я думаю.

Ну, что ж, Миша милый, покамест я на этом закончу. Есть о чем с тобой мне поговорить, есть, но лучше (не из соображений лени) об этом подождать до встречи.

Обнимаю тебя. Поклон Лидии Ивановне, Наталье Ивановне.

Твой *А. Твардовский*

Адрес тот же.

Малеевка, 19 ноября 1952 г.

Дорогой Миша!

Обнаружил в бумагах твое письмо, что ты мне передал в Москве, прочел его, и захотелось черкнуть тебе две-три строчки. Мне жаль, что ты как бы очень серьезно огорчился выходкой выкондрючника,— как будто это какая-либо угроза теперь. Как он ни выкондрючивай, дела его кепски. Мне кажется, что трудности, что есть сейчас у нас, у всех серьезных людей в литературе,— они в нас самих, внутренние больше, чем внешние. Инерция саморедактирования на корню — страшное дело. Но оно не может быть безнадежно непреодолимым. Так я полагаю.

Миша, неизменная горячая просьба к тебе: дай в 53-м г. что-нибудь в стихах или прозе или в переводах для «Н. М.». Не ленись пройтись дальше чуточку, чем через площадку своей квартиры.

Лидии Ивановне поклон!

А. Твардовский

27 декабря 1957 г.

Дорогой Миша! Прими наш, т. е. мой, М. И. и Оли, ялтинский новогодний привет, будь здоров и по возможности счастлив. Адрес я твой знаю не твердо, но уверен, что высокий класс работы наших органов связи обеспечит доставку. Елка на открытке — московская, а здесь

хоть и есть новогодние елки, но ходят люди в пиджаках и плащах.

Мы живем хорошо, трудимся, все здоровы. Обнимаю тебя.

Твой *А. Твардовский*

Рим, 18 марта 1962 г.

Дорогой Миша, вспомнил я, что ты мне как-то прислал такую открытку, и решил приветствовать тебя таким же образом. Был я опять в тех же городах, что и прежде,— в этом смысле не много нового, очень устал от всяческих «мероприятий» — скоро (22. III) в обратный путь.

Твой *А. Т.*

Кунцевская больница, 23 февраля 1969 г.

Дорогой Миша!

Я был очень тронут твоим письмом, поступившим ко мне в эту знакомую тебе обитель. Спасибо, дорогой друг. Ты лучше моего знаешь, как бывает невесело под этой кровлей. Что касается моей ноги, то все дело в том, что я проявил беспечность или самомнение, полагая, что у меня и так, без всяких докторов, все поправится. Поэтому переломанную косточку пришлось ставить на место,— встала ли она точно на свое место — не знаю, но мне уже сделали так называемый сапожок, и я могу уже потихоньку ступать на эту ногу. Ох, нет худа без добра: я узнал за эти несколько дней, какое великое преимущество две ноги против одной. Казалось, при двух ногах на все беды и невзгоды можно плевать. И еще приходится признать, что врачи кое-что понимают в таких случаях, как мой. Учтем на будущее.

Здесь я, между прочим, прочел твое продолжение «Страниц», прочел, и маленько почеркал, не нарушая, конечно, не только смысла, но и стиля твоего, а лишь погасив кое-где явные излишества в пояснениях понятных и без того вещей.

Навещать меня, конечно, не нужно: это тебе трудно, а встретиться мы лучше сможем, когда я в своем «сапожке» перееду отсюда на дачу.

Возможно, это будет скоро: в «сапожке» отпускают домой, и, по прошествии срока, нужно будет приехать сюда разуваться.

Так что я сейчас не буду тратиться на замечания и соображения по тексту «Страниц» твоих, а только скажу, что в целом все хорошо получается и я рад, что писать ты их начал по моим мудрым советам, что следовало бы отметить в виде какого-нибудь документа, чтобы будущие исследователи не затруднялись.

И еще: я подумал, что, помимо прямого назначения этой вещи для взрослых читателей, она будет находкой для Детиздата — нынешним ребятам полезно будет знать о детстве и юности поэта — ровесника века.

Кажется, все покамест. Не отвечал тебе, т. к. забыл адрес почтовый. Сегодня посылаю с оказией. Поклон мой Антонине Ивановне.

Обнимаю тебя.

Твой *А. Т.*

Здесь мы вместе с Олей — на одном этаже. Она часто навещает меня и сейчас шлет вам с Антониной Ивановной свой привет.

А. Т.

9 июня 1969 г.

Дорогой Миша!

Я прочел и, можно сказать, вычитал заключительную часть твоих «Страниц». Очень все хорошо. Я лишь повычеркнул кое-где слова или строчки — всего очень немного, едва ли наберется на одну страницу текста — на мой взгляд излишние и ненужные вовсе. Есть за тобой грех — пояснять то, что читатель уже вполне понял, или начинать фразу праздными оборотами: «справедливости ради следует сказать» и т. п.

Если ты захочешь что-нибудь из вычеркнутого восстановить, можешь это сделать, но думаю, что не стоит. А так все хорошо, и хорошо, что к концу не хуже, а лучше, чем в начале и середине.

Будь здоров, обнимаю тебя.

Держи связь с Софьей Ханановной.

Твой *А. Т.*

Москва, 3 ноября 1969 г.

Дорогой мой Миша!

Позволь поздравить тебя и Антонину Ивановну с праздником и пожелать, чтобы все было у вас благополучно не только в праздники.

Стали мы с М. И. трижды дедом и бабкой: родился у Оли мальчик, назвали Алешей.

Дачное мое житье было бы вполне хорошо, если бы не так часто, к сожалению, ездил в город, в редакцию, где всякий раз меня ожидают невеселые дела и изнурительные хлопоты. Впрочем, бог с ними.

Отовсюду слышу добрые слова о твоих «Записках». А. Г. Дементьев написал большую рецензию на твою книгу статей в «Советском писателе». Идет в «Н. М.».

Обнимаю тебя.

Твой *А. Т.*

29 апреля 1970 г.

Дорогой Миша!
Дорогая Антонина Ивановна!

Взаимно сердечно поздравляю вас с Первомайским праздником. М. И., разумеется, присоединяется.

Миша, насчет *машинописи — не относится к тебе.*

Жду новых глав.

Твой *А. Т.*

ПИСЬМА С. Я. МАРШАКУ

Ялта, 18 августа 1938 г.

Дорогой мой друг и наставник!

Все время собирался написать Вам, пришла «Литгазета» с Вашим Бернсом,— откладывать дольше некуда. Как хорошо, как все до последней строки прочно, полно поэзии! Прошло столько лет, как писал Бернс, а Вы вдруг взяли и возвратили его песням первоначальную их силу и свежесть. Я очень рад, что по праву нашей дружбы могу обнять Вас, а вместе с тем — как мне грустно стало, когда я прочел все эти стихи теперь, в целом. Дело в том, что я все больше страдаю от своей тоскливо-повествовательной манеры, давно хочу писать иначе, но все еще не могу. Прочел Ваш цикл — и это было каким-то последним ударом. Похоже, что я до сих пор учился у какого-нибудь Краба или у другого попа, а не у тех, у кого следует. Но хватит об этом. До отчаяния я далек, я порядочно знаю себя и верю, что смогу писать лучше и лучше, верю, что выйду из кризиса прежде, чем самый кризис заметят со стороны. Покамест с увлечением занялся Тарасом Григорьевичем. Это просто счастье сейчас для меня. Помимо тех стихов, что я перевожу для Детиздата, я взялся, т. е. дал согласие перевести для Гослитиздата «Гайдамаков». Увидеться с Вами я должен буду непременно, чтобы получить несколько указаний насчет Шевченко. Das ist seher wichtig! [1] (Имейте в виду: мы тоже иностранные языки знаем!)

Всего я здесь написал покамест два оригинальных стихотворения *, мало порадовавших меня по вышеуказанным причинам, и перевел строк 200 Шевченко. Еще

---

[1] Это очень важно (*нем.*).

* Одно — под впечатлением событий на Дальнем Востоке. *(А. Т.)*

думаю написать одно большое стихотворение и перевести строк 300. Настроение в общем хорошее. Никогда так жадно не жил, не чувствовал так тепло солнечное и всевозможные запахи. Пойдешь к морю, ляжешь на теплых камушках, лежишь, кости расправляются, здоровеешь, постигаешь, вопреки застарелому предубеждению, великие блага южной природы, моря и т. д. А то ведь я был подобен одному панферовскому герою, который приехал в Крым, сплюнул в море и сказал недовольно, недоумевающе: «На кой шут воды столько? Опять же — горы эти... Зачем?..»

Деньги идут главным образом на поездки туда-сюда. В поездках очень много приятного, хотя очень дорого. Непременно съездите на Ай-Петри, когда будете здесь. Там наверху — ровно, тихо и прохладно, как в России в августовский денек, немножко грустно, но так мило, что кажется, остался бы там.

Если не очень заняты — напишите пару строк. Напишите, когда будете в Москве, когда собираетесь быть. А может, какие новости есть? Кланяйтесь от меня Вашей жене и домочадцам. Жена моя кланяется Вам.

Жму Вашу руку, обнимаю Вас крепко. Поменьше спешите, не спешите, живите потише!

А. Твардовский

P. S. А иные здесь говорят, что Вы исправляете Бернса, потому что очень хорошо получается. Где, мол, так ему, шотландцу!

Кумач молодец, только зря думает (это, ей-богу, чувствуется), что он прямой наследник Бернса и Беранже. Это он напрасно.

Москва, 8 октября 1938 г.

Дорогой мой Самуиль Яковлевич!

Элик говорил, что у Вас болят зубы, — хуже этого ничего нельзя представить себе на курорте,— и я опасался тревожить Вас какими-либо вопросами и запросами. Оставим все это до Вашего приезда. Сообщаю лишь, что в поэтическую хрестоматию мы у Вас берем *«Двадцатилетнего»*,— решили «детских» вещей вообще не включать, чтоб не огорчать наших читателей, которые себя считают людьми взрослыми (старшие классы). Если Вы почему-либо запротестуете,— телеграфьте, ука-

зав одновременно вещи, которые желательно для Вас видеть в хрестоматии.

С хрестоматией этой, вообще говоря, не здóрово получается: имен много, стихов мало — пестрота. Как Вы там живете, когда не болят зубы? Пишете ли? Приятно ли было видеть гимназические места? Или по-стариковски равнодушно проходите их и ругаетесь, что лестниц много и тяжело подниматься?

Шучу, шучу! Уже и пошутить нельзя!

Я закончил *вчерне* перевод «Гайдамаков». Местами, ей-богу, не хуже самого Шевченко, но местами очень пресно, особенно где ямбы.

В Москве затевается журнал стихов и поэтической критики. Один я против выступал, и меня затукали. Нет, одно то, что журнал этот исходит в идее от Кирсанова и Асеева, заставляет меня не верить в это дело.

Ждем Вас: я, Андроников, многие хорошие люди.

Тут появилось несколько хороших стихотворений (кой-где в печати), талантливых, но захламленных невероятно. Хорошо бы этим поэтам пройти через Ваши руки, а нет — то хорошо бы Вам написать что-то о современной поэзии для утолкования добрых понятий в головах молодых поэтов. Это неизбежно, нужно писать Вам такие вещи, нужно учить и поучать, и польза будет великая. Не все ж Вам в детских календарях создавать стиль. Это дело полезное, но далеко не самое большое для Вас, мягко выражаясь.

Обнимаю Вас, дорогой мой Самуиль Яковлевич, желаю здоровья и бодрости, желаю хорошо отдыхать. Писать письма Вы не любите, поэтому не настаиваю: захотите — напишете, а нет, так ладно.

Ваш *Александр Трифонов*

Жена и дочь кланяются Вам.

А. Т.

Москва, 12 октября 1938 г.

Дорогой Самуиль Яковлевич!

У нас великое горе: умер наш сынок Саша. Мы только что вернулись из Смоленска, хоронили его, там он умер от дифтерита. Первая телеграмма о том, что он заболел, пришла в 10—11 часов 10-го, а вторая, что умер, — в 12 часов. Бабушка не решилась уведомить нас

при первых признаках болезни, а уведомила, когда он был уже в больнице. Скончался он в ту же ночь.

Дорогой Самуил Яковлевич, нет сил передать, что пережито за эти дни. Меня просто убивает мысль, что мы потеряли нашего дорогого мальчика из-за проклятой неустроенности, когда мы вынуждены были то того, то другого ребенка оставлять вдалеке. А с другой стороны — лучше б я бросил и «Гайдамаков», и все, но не оставлял бы Сашу в Смоленске (оставался он там всего 12 дней), в Москве он бы уцелел. А там его уморили в больнице (теснота, невнимательность,— положен он был в коридоре).

Жена так убита горем, что еле ходит. Она словно предчувствовала; приехала из Смоленска с Валей (думали, вот-вот квартира, либо что-нибудь) и все плакала, мучилась, что Саня остался, а я говорил ей: потерпим еще, подождем. А вышло, что увидели мы его только в гробике. День этот на всю жизнь — как гробик заказывали, как хоронили и прощались с ним.

До свидания, дорогой С. Я.

А. Твардовский

Малеевка, 21 января 1939 г.

Здравствуйте, Самуил Яковлевич!

Перед отъездом я звонил Вам, но, видимо, Вы были заняты очень: телефон все время выключался (снимали трубку).

Приехал я сюда на месяц покамест, а там как бог даст — может быть, и больше поживу, если будет хорошо. Собираюсь здесь готовиться к госэкзаменам и — по мере возможности — пописывать. В частности, работаю сейчас над одной вещицей (о печнике, который делал печку Ленину в Горках, — по рассказу одного горского жителя, напечатанному). Компании, покамест, нет хорошей. За стеной — рядом Р. Акульшин терзает балалайку и напевает свои сугубо простонародные песенки. По вечерам он устраивает целые концерты. Поет ничего, но уж очень старательно подчеркивает «местный колорит», противно искажает слова и вообще пересаливает.

Живет здесь Федин К. А., величественно-добрый дядя.

Приезжайте, если хотите отдохнуть, походить, поскучать с приятностью. У Вас ведь зачетов нет — не нужно

и другими делами перегружаться. Подумайте-ка на эту тему. Со станции возят в легковой машине. Да Вы можете и из Москвы прямо приехать на машине. Если надумаете — телеграфируйте. Буду встречать.

Привет Софье Михайловне и сыновьям.

Крепко обнимаю.

Ал. Трифонов

Остафьево, 27 мая 1940 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Третий день живу здесь, начал вовсю работать — пока над начатыми или недоделанными вещами. Кажется, идет дело. Рад, как заяц.

Жена и дочка бродят по парку, несмотря на очень поганый холод. Холодно-то, наверно, и в Барвихе. К тому времени, когда ты соберешься сюда, погода, понятно, будет иная.

Прочел в газете, что ты избран в учебно-методический совет при Наркомпросе. Смотри, Самуил Яковлевич, как бы тебя в Палату мер и весов не выдвинули. Без шуток, не соглашайся ты, дорогой мой писатель и друг, на многие эти должности и звания. Или — еще лучше: соглашайся, если пристают, но не ходи, не езди на заседания. Мне грустно думать, что вот я — стоило мне уехать из Москвы — свободен от всяческих организационных и общественных излишеств (у нас и в парторганизации так рассматривают — уехал, значит, уехал), а ты вряд ли спокойно усидишь в своей Барвихе.

Желаю тебе доброго здоровья и новых строчек.

Не обижайся на меня за Кашубу. Все я понимаю, но тут уж заехало одно за другое.

Жена и дочка шлют тебе свой привет.

А я крепко жму руку. Около 7. VI буду в Москве. Всего доброго.

А. Твардовский

Москва, 22 ноября 1940 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Дорогой — не для проформы, а действительно дорогой.

Всякий раз, как ты уезжаешь, либо я — всякий раз — и с каждым разом все острее — чувствую это: дорогой

ты человек, Самуил Яковлевич! И не для одного меня. Только для меня особенно. Настолько я привык жить и думать вместе с тобой, что просто безлюдно становится, когда тебя нет. На днях, например, мне показали стихи одной, совсем неизвестной, поэтессы,— настоящие. Я думал и думаю об этих стихах и страшно боюсь, что они тебе не понравятся, хотя, думаю, понравятся наверняка. Не может быть, чтоб не понравились, — очень все от жизни, от хорошей души, от неподдельного чувства. Это я все к тому, что мне тоскливо без тебя, старый, мудрый еврей. Думал было я приехать в Ленинград, но командировка расстроилась по *общим* причинам, а ехать просто так я не могу — слишком много дела (а делаю мало). Я вроде чеховского писателя, который завел стол, прибор и прочее и видит, что писать-то он мог только в проходной комнате на подоконнике. Меня угнетают мои новые жилищные условия, которые я уже и в анкетах обозначаю как «хорошие». Все это, конечно, мура́, изящные, психологические объяснения простого положения: не сильно пишется.

Но ты уже пропускаешь строчки, глядишь в конец письма: что я тебе сообщу относительно рассказов? «Экипаж малышей» я закончил, отдал на машинку. Скажу прямо: для взрослых это — среднегазетный очерк, для детей — просто не годится. Думаю не посылать тебе его в Ленинград, а показать здесь, когда приедешь ты и Тамара Григорьевна, которой привет мой. Вообще все я сделаю: напишу, перепишу, еще напишу,— будь спокоен.

Посылаю тебе статейку о нашем Кашубе из «Вечерней Москвы».

Может быть, издадим ее книжечкой. Мне говорили, что она планировалась для библиотеки «Огонек». Может быть, и в другое место устроим. Обсудим.

Крепко обнимаю.

А. Твардовский

⟨Между 11 и 20 марта 1941 г.⟩

Дорогой мой Самуил Яковлевич!

Я тебе сегодня не мог утром позвонить, а днем, Софья Мих. сказала, звонить тебе неудобно. Я собираюсь приехать к тебе, о многом поговорить, посоветоваться. Но покамест, к несчастью, не выходит. Полон дом хво-

рых и больных. Марья Илларионовна недомогает, младшая дочка, как еще составная ее часть,— также. Ничего, конечно, серьезного, но много счетом: Валя не ходит 3-й день в школу по причине простуды, заболел и племянник мой, приехавший вместе с тещей на время нахождения Мани в родилке. Один я бодр и крепок среди этого домашнего лазарета. Пишу, перевожу (Франко), немного читаю.

Очень любопытствую, что ты насочинил там. Как только разгрузится хата от больных,— приеду к тебе.

Поклон мой Софье Михайловне и еще раз спасибо за внимательность и пр.

А. Твардовский

P. S. Ботинки получил. Подробности можешь узнать при желании у Ник. Ник.

Симферополь, 1 апреля 1941 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Первый раз в жизни вижу это: выехал — ночью был снег, вьюга, проснулся — показались проталины, а сейчас сижу у симферопольского вокзала и чуть не плачу от волнения. Чудесное весеннее утро, мягкое и нежное. Зелень. Как подумаю, что ты там сидишь да охаешь над своими хрестоматиями, так аж жалко тебя, старика.

Говорят, в Ялте будет еще лучше.

Кланяются тебе Жаров, Сурков и Вас. Кудашов, с которым я ехал и сейчас сижу в тени на асфальтовой площадочке вокзала.

Привет мой Софье Михайловне.

Работать, вероятно, буду отчаянно.

Вся зима отсюда кажется полупустой.

Обидно за себя.

А. Твардовский

22 декабря 1944 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Поздравляю тебя и твоих всех с наступающим Новым годом. Желаю высоких урожаев. Думал, что Новый год буду встречать в Москве, но выходит иначе. Перемен в жизни пока не предвидится. Семью Брауде я навестил

три раза, живут они сносно и ничего, работенки не просят. Кое-какие пустяки им сделал, кое-что обещал. Крепко жму твою руку, поклон Софье Михайловне.

Твой *А. Твардовский*

Коктебель, 16 июня 1957 г.

Дорогой Самуил Яковлевич! Приехали твои невестка и внук, рассказали, что ты никуда не уезжал, коптишься в городе,— решил тебе написать несколько строк. Очень я жалею, что за суетами и праздной унылостью околопленумских дней не сумел послушать твои заметки и все, что у тебя там подкопилось. Прошу прощенья, но, если ты и простишь, не перестану себя ругать, ибо речь идет не о нормах вежливости, а о серьезном. Теперь — не знаю, может быть, опять разъедемся с тобой — мы здесь (т. е. я, М. И. и Ольга) до 30. VI. А там придется задержаться ввиду запущенности разных дел в Москве и на даче. Но если застану еще тебя по приезде, непременно хочу встретиться с тобой. А почему бы тебе не грянуть сюда? Море теплое, солнце южное, немноголюдно, воздух как раз для твоей прокуренной груди (по себе чувствую), словом — стоило бы. Конечно, тебе лучше видно. До скорой встречи, дорогой, добрый друг мой, крепко тебя обнимаю и хочу застать тебя вполне здоровым и веселым.

Твой *А. Твардовский*

Ялта, 16 декабря 1957 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Вот я и в Ялте со своей фамилией, расположились хорошо: дом агромадный, а жильцов столько, что мы втроем составляем немного не треть всего населения. Дом роскошный, не без излишеств и украшательства и не без глупостей, но так здесь мне поначалу хорошо — безлюдно, тихо, спать можно с открытой на балкон дверью. Погода с перемочками, но теплая, на набережной гуляют люди не только в пиджаках, но и просто в рубашках, правда, есть и в шубах с воротниками и в шапках,— это люди, приехавшие с севера, не захватившие плащика или демисезонного пальтишки.

Тишина, тишина, только иногда зашумит парк, но так успокоительно и дремотно, что только приятно. В окнах — море на большую даль, оно даже слышно, когда разбушуется. Словом, мне здесь очень покамест по душе. Особенно как вспомню, что за кормой — все столичные радости литературной жизни.

Конечно, хорошо бы тебе так вот отдохнуть, поспать хорошенько без зелья, подышать. Но боюсь тебя сильно завлекать, т. к. есть здесь и минусные для тебя условия: далеко до моря — ходить ты, понятно, не сможешь, нужно брать такси, но это ужé не то. Столовая на горе еще выше, туда ты тоже не доберешься со своей одышкой. (Конечно, тебе принесли бы в номер, но это уже — больница.) Далее. Насчет серьезной медпомощи — во всяком случае, наблюдения — этого ничего в доме нет, нужна уже организация этого дела извне. Погода, говорят, здесь такая и будет,— обычная зимняя южная дождливость и т. п. Я не испытываю от этого никаких неприятностей, но как ты будешь на это реагировать — не знаю.

Номер бы дали тебе лично люксовый — из двух небольших комнат — и еще номер для секретаря — с этим здесь все в порядке, даже если предположить, что после Нового года будет прилив творческих масс.

Вот примерно и все, что я хотел тебе сообщить относительно местных удобств и неудобств, поскольку ты выказывал намерение спуститься сюда, в Ялту. Но прежде всего ты, конечно, должен занять новую квартиру — это важнейшее житейское дело, которое нужно осуществить в первую очередь.

Буду рад, если ты среди своей суеты и т. п. черкнешь мне пару строк, но не считай это обязательным, не обременяй себя еще этими обязательствами вежливости: мы люди свои.

Очень хочу, чтобы у тебя, хоть бы по прошествии юбилейных тревог, было поспокойнее на душе и чтобы ты не спешил все время куда-то, а жил более по-человечески. Желаю тебе, дорогой друг, всего этого и сверх того всего, чего тебе нужно или хочется. Обнимаю тебя. Привет мой Тамаре Григорьевне и твоему штату.

Твой *А. Твардовский*

Ялта, 22 декабря 1957 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Хочу тебя поздравить с наступающим Новым годом, пожелать тебе всяческого благоденствия, а больше всего здоровья на этот и все последующие годы. Посылаю тебе фотографию — это меня здесь снимали для «Курортной газеты»,— вот я и решил иллюстрировать эту цидулку к тебе.

Живу хорошо, если б не тревога за Валю, у нее нашли нечто вроде язвы желудка, положат в больницу, как только будет место. А остальные члены моей семьи чувствуют себя по прошествии нескольких дней отдыха и спокойных занятий хорошо.

Я надеюсь, что твоя юбилейная сессия наконец закончилась и ты сможешь мне черкнуть несколько строк. Если вышел первый том, то господь увидит твою доброту, если ты пришлешь мне экземпляр.

Крепко обнимаю тебя. Очень хотелось бы посидеть с тобой, обговорить то, се,— здесь я не общаюсь ни с кем, да и не с кем (кажется, это пишется вместе?). «На свете много прекрасных вещей и кроме счастья...» — эти слова любил повторять Жуковский, как сообщает Ф. И. Тютчев в одном из своих писем. Я, между прочим, взял сюда Тютчева, но он мне уже не кажется столь титаническим, как прежде, хотя, конечно же, чу́ден и силен.

Твой *А. Твардовский*

Ялта, 30 декабря 1957 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Получил второе твое письмо, где ты усматриваешь некоторую грустцу,— нет, это так только, ибо чувствую я себя хорошо, здоров вполне, гуляю по горам и долинам и т. п. Начал понемногу разматывать запутанный и перепутанный клубок мыслей и настроений последних лет и, кажется, нить высвобождается, вытягивается. С Валей, слава богу, все не так уж страшно: мы с ней говорили по телефону и все время имеем письма. Кстати, она молодчина по своей ученой части: недавно, с большим успехом, прошел ее доклад на ученом совете. Я очень рад.

Спасибо тебе за добрые слова, за память обо мне. Ты хорошо понимаешь, что и мне без тебя — это без очень многого в моей жизни. Есть вещи в искусстве, которые ты знаешь один на свете. Их не знают даже те люди, которые, может быть, превзошли бы тебя и ученостью, обширностью знаний и многообразием жизненного опыта. В этом смысле ты — душа незаменимая, и давай тебе бог здоровья. Плюнь, наконец, на все и переезжай на новую квартиру: хоть адрес и телефон на некоторое время будет не так известен.

Обнимаю тебя, иду кормить уток на море. Деньки стоят золотые, вроде нашего октября.

Твой *А. Твардовский*

Ялта, 7 января 1958 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Получил твое письмо, датированное уже 58-м г., большое спасибо, что не забываешь. Диву даюсь, как ты успеваешь среди своей *колготни* еще и мне писать и отмечать похвалой те посредственные стихи, что были в «Правде». Кстати, ах как неприятны опечатки, когда получается не полная и очевидная бессмыслица, а как бы все в порядке. «Буреломы да горы» — это вместо: «Буреломы да гари». Гари — это где проходили лесные пожары, одна из характерных картин глухой тайги. А «буреломы да горы» — плохо уже и потому, что в сущности не однородные понятия и, кроме того, горы могут быть и не в тайге. Кроме всего — это единственная строфа в стихотворении, в которой 1-я и 3 строчки оказались незарифмованными. Конечно, все это пустяки, но, странное дело, мне так не хотелось бы, чтобы добрые люди думали, что я такую плохонькую строчку написал, хоть, может быть, плохих строк там и без того достаточно.

Живу я по-прежнему,— в трудах и разумных удовольствиях, каковыми являются прогулки у моря, по морю, по городу и окрестностям. Еще вечером, когда совсем устаю, играю в подкидного в паре с дочерью против своей супруги и еще одной дамы — с переменным успехом.

Написал вчерне довольно большой рассказ, начатый как-то давно уже, но все откладывавшийся. Написал еще кое-какие стихи. В аккуратности содержу почту, т. е.

отвечаю всем — авторам и др. людям — в тот же день. Удумал и кое-что более серьезное, но что выйдет — не знаю. Словом, доволен внешними условиями моего здешнего бытия и хочу его продлить подольше. Намерений и затей вообще достаточно, но как-то мало дня, глядь-поглядь — и нет его. Читать и то не успеваю порядочно. Прочел, правда, презанятную книжку, может быть, знаешь ее, должен знать,— это «О зверях и людях» Карла Гогенбека, знаменитого торговца зверями (мировая фирма) и основателя, кажется, круппейшего в Европе зоосада где-то в Штелингене. Если случайно не читал, попроси, чтобы тебе ее достали — не пожалеешь. Автор надутый и самодовольный немец, но точен, делен и знающ.

Любопытные доходят новостишки из столицы — о собраниях, выборах, забаллатированиях и пр. Все-таки хорошо, вещие сны С[...] не совсем сбываются. Но особенно хорошо, что все это вдали,— и бог с ним со всем.

Не дури-ка ты, старый привередник, с квартирой, занимай поскорее. Поближе хочешь к сыну? Как будто вы с ним пешком ходите друг к другу. Право же, переезжай и устраивайся на новом месте.

Крепко обнимаю тебя и желаю тебе всяческого добра, в котором ты нуждаешься, а в котором не нуждаешься, того и не желаю.

Твой *А. Твардовский*

Ялта, 12 января 1958 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Не было ни гроша, да вдруг алтын у меня, — так получилось. До телефонного разговора с тобой я звонил в бухгалтерию Гослита, сказали, что все деньги перед новым годом переведены на сберкассу, ничего не могут сделать, звоните, мол, Пузикову [...], но я настоятельно просил просто сказать Пузикову, что был такой звонок от меня, правда, я не надеялся, что будет толк, — потому-то и обеспокоил тебя просьбой о деньгах. И вот вчера приходит телеграфный перевод из Гослита на 5000 — столько я и не просил, а сегодня от тебя почтовый на 3000,— ялтинская почта в ужасе — у нее столько денег не бывает за день. Но так или иначе — большое спасибо

тебе, я был спокоен, зная, что деньги у меня будут, а про Гослит и свое чувство некоторой обиды на отказ просто забыл.

Я живу по-прежнему, т. е. хорошо, а вернее сказать — так, как и должен бы жить наш брат нормально: утренние часы на работу, послеобеденные на прогулки и городские дела, вечер на чтение, пение и т. п.

Мария Илларионовна выезжает послезавтра в Москву: Валю положили-таки в больницу, и хотя ничего ужасного как будто бы нет, но кто-то из нас должен побывать там, посмотреть, как и что, и лучше всего, конечно, это сделать матери. Потом она вернется сюда, и мы все вместе будем здесь до примерно середины февраля, если не будет каких помех. Ольга поправляется, посвежела, занятий мы ей никаких, кроме немецкого языка, не навязываем покамест,— уж очень птичьей конституции существо, пусть отдохнет.

Я привык к Ялте, может, это потому, что все же когда-то был здесь до войны, что здесь этот очень нравящийся мне по простоте и разумности постройки и оборудования дом А. П. Чехова и, наконец, по твоим рассказам,— так что я ее как будто знаю с самого начала века. Очень ее портят, по правде сказать, бесполезные вывески [...]. Я, например, помню восклицание моей Вали, ныне ученой куда более своего папы: «Папа, две ошибки в одном слове!» Слово это было «оптика». Так что эта невинная на первый взгляд штука ближайшим результатом имеет порчу языка детей которые так-таки не знают и украинского и делают невольные искажения русского: рыба — риба и т. п. Не подозревай меня в шовинизме,— редко кто так любит и ценит чудесную музыку украинского языка, как я, но это дело мне не нравится. И делает это дело не национализм, а тот же бюрократизм, всего лишь. Но будет об этом.

Если ты все еще хвораешь, то опять же прошу тебя: не затрудняйся ответом. А понадобится что срочное, поговорить или что — можно даже и позвонить сюда без труда: 16-31. Ехать тебе сюда в эту пору, я теперь ясно вижу, нельзя: очень переменчива погода, мне ничего, но другие чувствуют, а ты наверняка не годишься. Пожалуй, если уж выбирать, то лучше тебе Барвиху взять.

Ну, будь здоров, дорогой Самуил Яковлевич, еще раз тебе спасибо.

Твой *А. Твардовский*

⟨Июнь 1958 г.⟩

Дорогой Самуил Яковлевич!

Направляем тебе гранки «Заметок». Если сочтешь совершенно необходимым внести или изменить что-нибудь в тексте, то делай это, умоляю, немедленно и в самом минимальном объеме, ибо, как ты знаешь, исправления будут вноситься уже в готовую верстку. Крайне желательно было бы, чтобы ты воспользовался какой-либо воскресной оказией и направил прочитанную корректуру Розалии Ивановне, а мы бы забрали у нее в понедельник утром.

Всего тебе доброго. Поклон Т. Г.

Твой *А. Твардовский*

16 июня 1958 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

С твоими статьями все в порядке, твои поправки все внесены, кроме них еще сделаны ничтожные поправки отделом критики, например, исправления в тексте цитат. Впрочем, все это тебе на словах подробно расскажет Калерия Николаевна, зав. отделом критики,— она непосредственно вела наблюдение за твоим материалом в корректуре, верстке и сверке. Все уже в печати, так что дальнейшая «работа над текстом» исключена впредь до издания отдельной книгой. И едет к тебе К. Н. только с тем, чтобы успокоить тебя относительно точности и тщательности выполнения всех твоих пожеланий. Она, между прочим, покажет тебе экземпляр верстки с моими пометками,— они несущественны, я их оставляю только так — для твоего сведения, а вносить их не стал, так как это задержало бы ход дела в производстве, имея в виду необходимость согласования с тобой этих незначительных, мелкостилистических замечаний.

Очень было бы хорошо получить от тебя вторую порцию «Заметок» для № 8, если это возможно сегодня, ибо уже завтра было бы поздно,— ты знаешь наше отчаянное положение с выходом журнала.

Стихи мы не будем давать непосредственно вслед за статьями,— это было бы нам крайне невыгодно: часом с квасом, а порой с водой.

Желаю тебе от себя лично и от имени всего коллектива хорошо отдыхать и работать.

Крепко обнимаю тебя.

Твой *А. Твардовский*

29 июля 1958 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Направляю тебе, как было условлено:

1) оригинал статей;

2) машинописный экземпляр рукописи;

3) авторский седьмой книги «Нового мира»;

4) мой и всей редакции привет и признательность за материал, столь важный для 9-й книги;

5) некоторое частное соображение главного редактора и его ближайших сподвижников. А именно: места о Твардовском необходимо опустить если не целиком, то на 80—90 процентов. Конечно же, ты восстановишь, как я надеюсь и желаю, эти места при издании статей отдельной книгой в Собрании сочинений. Но в «Новом мире» нельзя решительно,— я это обдумал хорошо. Нельзя мне уподобиться Федору Ивановичу, который на страницах своего журнала называет себя классиком через посредство своих ближайших сотрудников. Это одно, а другое в том, что нельзя создавать прецедент для людей беззастенчивых, поступающих по принципу: «Я тебя похвалю (или напечатаю), а ты меня». Их удерживает от этого лишь сложившаяся, может быть отчасти и лицемерная, но просто необходимая традиция воздержания от таких приемов. Вот так, Самуил Яковлевич. Поверь, что не мелочная опаска, не лицемерие понуждает меня к этим изъятиям в «Заметках», а лишь трезвое и здравое чутье обстановки, литературного окружения, всяческих переплетов. Мы наметим, как и где сделать эти купюры, и ты сможешь сам сделать все это с минимумом потерь по существу.

Всего тебе доброго. Кланяйся Тамаре Григорьевне.

Твой *А. Твардовский*

Москва, 3 февраля 1961 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Посылаю два тома и комплект моего четырехтомника, надписанного на титуле 1-го тома. Квиты? Будь здоров и бодр, дорогой друг.

Твой *А. Твардовский*

Еще прилагаю книжку А. Туркова — полистай, если захочешь.

А. Т.

Москва, 14 февраля 1962 г.

Дорогой мой Самуил Яковлевич!

Совсем уж собрался побывать у тебя, как вдруг вспомнил, что к 6 ч. должен быть неотложно в Ленинском комитете, где без меня не будет кворума. Такая моя жизнь — юбилеи, похороны, заседания, вызовы и т. д., и т. п.

Все же на неделе непременно навещу тебя, *когда будет тебе удобнее*,— пусть Элик мне скажет.

До свидания, дорогой друг, не скучай по возможности, поправляйся.

Обнимаю тебя.

Твой *А. Т.*

14 марта 1962 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Не знаю — дома ли ты уже или еще в узилище. Вспоминаю тебя под небом Флоренции, правда, серым и дождливым. Жизнь обычная для меня в любой загранице: томлюсь недугом безъязычья, обрекающим меня на немоту и глухоту. Я только зрячий вне страны родной. Этого бывает мало. Завидую моим соотечественникам, умеющим не только спросить ключ от своей комнаты.

Будь здоров, дорогой друг. Обнимаю тебя.

Твой *А. Т.*

Москва, 14 сентября 1962 г.

Дорогой мой Самуил Яковлевич!

Только что собрался я написать тебе, как позвонил Элик, рассказал о тебе, сообщил, что будет звонить тебе в Ялту, и тем самым отчасти возместил мне то, чего я за долгие сроки твоего отсутствия был лишен. Каюсь, это же обстоятельство как бы и помешало мне выполнить сразу мое намерение написать тебе: я слишком много пишу писем обязательных по службе и долгу, так что порой выбрать время для письма по дружбе и чувству бывает трудно.

Я очень, очень рад, что ты поправляешься, что эти месяцы пошли тебе на пользу физически и морально (Элик сообщил мне, что ты много работал).

Я просил его передать тебе и прошу теперь сам, чтобы ты не беспокоился насчет каких-либо неполадок с печатанием твоих «Четверостиший»,— все будет в полном порядке — не первый год тебя печатаем.

И еще прошу: присылай все, что у тебя есть нового,— мы были бы рады еще в этом году предоставить тебе любое количество страниц для любого жанра, в котором к этому времени будет продукция твоего пера.

Обнимаю тебя, желаю еще и еще здоровья.

Твой *А. Твардовский*

17 сентября 1962 г.

Дорогой Самуил Яковлевич!

Большое спасибо за стихи. «Четверостишия», конечно, теперь выглядят куда солиднее, среди новых особенно хороши о водопаде и об источниках поэзии.

Думаю, что к Блейку (ко второй именно строфе) хорошо было бы слепить примечание о конкретном современном поводе этой сатиры (о тех художниках, которые...). Иначе последняя строфа звучит как прямое утверждение решающей роли «высокого качества кисти».

Запускаем это все в ноябрьскую книжку — твой юбилейный месяц.

Твои замечания о молодой поэзии, конечно же, в любом виде найдут место у нас. Ты прав: не нужно говорить о задачах «молодой» (такой не бывает!), но о задачах поэзии как таковой.

Еще раз спасибо.

Копии стихов высылаю.

Обнимаю.

Твой *А. Твардовский*

ПИСЬМА И. С. СОКОЛОВУ-МИКИТОВУ

Москва, 2 ноября 1953 г.

Дорогой, милый Иван Сергеевич!

Это — «Рассказы о детстве» — очень, очень хорошо, прочел с истинным удовольствием, но этого так мало, чтобы начать печатание. Это только экспозиция, как говорится, преддверие какого-то большого повествования. Я уверен, что оно будет, но начать только этим невозможно.

Спасибо за Ваше умное и такое доверительное письмо. Какой Вы настоящий и серьезный художник!

Любящий Вас *А. Твардовский*

Москва, 16 января 1955 г.

Дорогой, добрый Иван Сергеевич!

Так жалко мне, что, имея возможность побыть с Вами лишний часок, я не воспользовался ею,— по пустякам сущим закудрявился, ушел от бедных Браунов. Если можете извинить меня, то пусть тому способствует мое среднее ухо, которое и до нынешнего дня мучит меня, осложнение и т. п., конъюнктивит правого глаза, боль в правых зубах — я до сих пор не выхожу, имею дело только со врачами, что опять же само по себе удручает до крайности. Словом, виновен, но, смею надеяться, заслуживает снисхождения.

Прочел по приезде Ваше доброе и такое лестное письмо,— спасибо, спасибо, дорогой Иван Сергеевич! Я очень рад, что свое впечатление от Вашей «Теплой земли» высказал до того, как прочел это письмо, а то показалось бы, что я под воздействием, так сказать, в ответном порядке говорил Вам свои слова. Хотя это, конечно, пустяки, между серьезными людьми такие условия высказываний не должны иметь силы.

Очень прошу Вас просигналить мне, когда будете в Москве (по пути в деревню или так).

Крепко, крепко жму Вашу большую и отечески добрую руку. Поклон мой Вашей супруге *.

Ваш *А. Твардовский*

---

* Лидии Ивановне, если мне не изменяет память в связи с моим средним ухом. Прямо так назвать не решился.

А. Т.

Москва, 5 сентября 1955 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Вот я уже который день дома, во Внукове (мои переехали в город — Оля пошла в школу), а все еще живу близкой и приятной памятью наших с Вами карачаровских прогулок, уховарений, лучше сказать, ухоедений, разговоров и пр.

Верно, я с очень хорошим чувством вспоминаю все то время, особенно нашу поездку, жаль, конечно, что все проходит на этом свете и не может не проходить. Но это все так. А я хочу Вам сообщить, что, будучи сегодня в издательстве «Советский писатель», наверное узнал от зам. главного редактора Ив. Тим. Козлова, что книга Ваша («Избранное») крепко стоит в плане, ее кто-то там подбирает и должна она пойти чуть ли не в *сентябре* — именно этот месяц был назван. Вас они уведомят, чтобы Вы могли просмотреть подборку и заключить договор и получить 50 процентов — об этом я тоже спросил для ясности. Таким образом, Вам предстоит быть в Москве в некотором недалеком времени. Напоминаю мой телефон: Г 1-79-13. Я на даче, но приезжаю, а если меня и не будет, то моя машина привезет Вас сюда, во Внуково. Ухи, может быть, и не будет, просто сказать — рыбы такой нет, но что-нибудь найдется же! Но я не этим Вас завлекаю, а сердечно желаю видеть Вас у себя и чтоб Вам было хоть вполовину того, как мне у Вас, хорошо и свободно.

Мой поклон Лидии Ивановне.

Также прошу передать мой привет Борису Петровичу.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 11 октября 1955 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Так жаль, что встреча у нас с Вами, в сущности, не получилась: я оказался плоховат в тот день, а потом Ваш отъезд в связи с болезнью внука. Я не хотел Вас беспокоить в эти дни и, кроме того, ждал, что вдруг все там у Вас наладится и Вы вновь приедете (Вы ведь и залог оставили — свой кисет у меня). А теперь прошу — откликнитесь: как и что там. Надеюсь, что беспокойство Ваше было преувеличенным.

Я живу научно, хотя, сказать правду, так совпало, что после похорон у М. В. еще не вдруг отряхнулся тогда, плохо переношу эти церемонии,— дня два еще болел.

Перед Вами мне очень совестно и очень хочется загладить каким-то образом свою провинность. Будьте великодушны, Иван Сергеевич, откликнитесь хоть парой строк, как говорится, хоть сообщите о делах и видах на ближайшее будущее. Когда Вас ждать в Москве?

Лидии Ивановне мой низкий поклон. М. И. кланяется обоим вам.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 15 декабря 1955 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Как мне стало грустно, когда я увидел, что остался на Клинском вокзале один. После таких чудных дней байбачьих нужно было опять ехать в Вавилон, а тут и электричка ушла, а следующая через час-полтора. А тут и ресторан закрыт на ремонт. Беда! Выпил с горя в каком-то фанерном ящике стакан перцовки, такой холодной, что казалось, всего в ней и есть, что градусы холода, и, дождавшись поезда, поехал в пустом и хладном вагоне.

Живу в хлопотах и заботах, за эти дни накопилась опять почта. Пишу Вам эти малосодержательные строки просто затем, чтобы перекликнуться с Вашей доброй душой! В Ленинград ранее января вряд ли смогу приехать. Крепко обнимаю Вас, низкий поклон Лидии Ивановне, привет внуку (мы сами таковых имеем).

А. Твардовский

Москва, 8 января 1956 г.

Дорожайший Иван Сергеевич!

За делами и за бездельем (но, свидетель бог, не за пьянством — в новом году еще и не нюхал!) дотянул я до пленума,— завтра начнется с 10 часов утра канитель. Но мысль о Ленинграде не покидает меня, это мое твердое, реальное намерение, только теперь уж нужно отбыть пленум, а то Сурков съест. Думаю, что числа 15-го я приеду (или выеду).

Здесь меня удерживало еще желание как-нибудь закончить наконец труднейшую главку «Далей» — в некотором варианте я читал Вам это в Карачарове. Кажется, добил.

Борис Петрович прислал мне писульку, из которой я впервые узнал, что у него был аппендицит (нет худа без добра — теперь, наверно, окажется, что печени у него нет никакой).

Дома у меня так себе. Маленький человек занял большую квартиру почти всю без остатка. Пройти на кухню или куда — нагибайся, как под сучьями и ветвями густого сада, под развешанными всюду пеленками. Боже мой, роту солдат обуть (в смысле портянок) — столько этих пеленок. Но ничего не поделаешь — научное воспитание. Я только думаю, что я в свое время не посмел бы с[...]ть в такую хорошую материю,— терпел бы!

Я очень часто, дорогой Иван Сергеевич, вспоминаю Вас в соприкосновении с друзьями-москвичами. Кстати, Казакевич собирается в Ленинград тоже около этого времени.

Итак, надеюсь застать Вас в Ленинграде, побыть там с Вами, сколько придется, а там видно будет.

Крепко обнимаю Вас, дорогой Иван Сергеевич, не поддавайтесь хандре, когда она подступает, помните, что у Вас есть любящие Вас и верящие в Вас друзья.

Ваш *А. Твардовский*

Лидии Ивановне — низкий поклон, внуку привет от дедушки Твардовского, который считает, что всех внуков нужно от времени до времени сечь — для их же пользы.

А. Т.

Москва, 2 февраля 1956 г.

Вот беда, дорогой Иван Сергеевич, никак не соберусь в северную Пальмиру — то то, то другое. Проезжала, звонила Лидия Ивановна, обещала позвонить на обратном пути, но что-то не слышно. А я через нее и хотел уж Вам объяснить ситуацию. Сейчас мне позарез нужно закончить одну штуку, а она все не дается, а телефон напоминает, что я ее пообещал, что ее ждут. Морозы, которые вот уж с неделю стоят в Москве, усложнили быт — холодно за столом, посидишь-посидишь — и давай бегать по комнате. Сегодня как будто чуть полегче стало, окна немного оттаяли, а то мой эркер был запушен совсем по-деревенски.

Такие дела, дорогой Иван Сергеевич. И все же я не оставляю мысли о поездке, может быть, еще удастся вырваться хотя бы на несколько деньков. Простите меня, что я Вас ввожу невольно в беспокойство. Не сердитесь, пожалуйста.

Ваш *А. Твардовский*

Санаторий им. Горького (МИД)
17 апреля 1956 г.

Дорогой мой Иван Сергеевич!

Пишу Вам из санатория имени Горького (МИД), где уже третий день. Оказалось, что это санаторий, а не дом отдыха, но, слава богу, порядки здесь либеральные, [...] комната хорошая, тихо и свободно. Санаторий этот недавний, отстроен только в августе прошлого года, на нем еще печать новизны, еще остатки стройматериалов вокруг в березово-елово-сосновом парке того же типа, что в Карачарове. Место это знаменито тем, что в лесу неподалеку старая дача фабриканта Четверикова, у которого гащивал А. М. Горький и, будто бы, писал здесь «Врагов» и еще что-то. Прогулки здесь могли бы быть хороши, но, как везде, не пройти за пределы культурной территории — все раскисло. Должен сказать, что дни, проведенные в Карачарове, оказали на меня благоприятнейшее действие: измерили у меня давление — норма! Так что байбакизм тоже бывает на пользу, как и умеренность в потреблении антисклеротических средств.

Пища здесь, конечно, не то, что свежий лещ на курином бульоне, однако ничего. Соседство частично приятное за столом (М. А. Лифшиц, живущий здесь уже порядочно), но, правда, две дамы еще за тем же столом, вкупе 120 лет примерно, изнуряют разговорами о весе, стуле, желудочном соке. Я уж говорил М. А., что если б нам случилось остаться с этими дамами на необитаемом острове и пришлось бы их любить, я, пожалуй, попытался бы вплавь добираться до материка. Но пребывание за этим столом — временное дело, как и пребывание в санатории, как и вообще на земле. Поэтому я переношу и это соседство философически — примиренно.

Пишу Вам, Иван Сергеевич, все эти пустяки просто так, чтобы напомнить о себе и чтобы Вы, Ваше Блаженство, тоже мне что-нибудь отписали.

Уговор наш в силе — о перемещениях своих в пространстве уведомляйте меня без перебоев. Я также. Если будете в Москве, сообщите М. И. свой телефон, если он будет, я Вам позвоню, тут городской телефон.

Поклон мой низкий Клавдии Георгиевне и Борису Петровичу. Вашему тезке и его супруге не кланяйтесь — недостойны.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 26 июля 1956 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Прибыл я несколько дней назад из поездки, где очень умотался, конечно, но доволен. Здесь меня ожидало Ваше письмо, не заставшее меня уже в Москве. Очень, очень хочу Вас видеть. Если Вы на месте, то телеграфируйте мне на городской адрес в двух словах, — я бы подъехал. Обстоятельства отодвигают несколько поездку в Смоленск, но план ее в силе. Поговорим. Простите, что пишу на ходу, ждет М. И. в машине, а на даче ждет нас с утра одна-одинешенька Оля.

Поклон мой Лидии Ивановне, Борису Петровичу, Клавдии Георгиевне и всем добрым людям. Жду сигнала.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 6 сентября 1956 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Мелькнули Вы, как некое видение, и исчезли. Не знаю, где Вы и что. Мне передали Вашу записочку, но в ней Вы не дали ни адреса, ни телефона, а только «дом, где было пальто». Я все ждал какого-нибудь сигнала, а потом решил, что Вы уехали на юг, но уже должны были бы вернуться. Пишу в Карачарово, авось — здесь. Откликнитесь, я теперь целиком в городе, т. к. мои воротились и Оля уже ходит в школу.

В Смоленск я все же поеду, хоть и ушли наиболее красные дни. Ничего, может быть, развиднеет к осени, тогда и поеду. Если у Вас не остыло желание быть моим попутчиком, то, милости прошу, уведомите — без Вас я не уеду. Так или иначе, отзовитесь. Пишу эти строки так, на всякий случай, может быть, Вас там и нет — в Карачарове, но чтобы начать розыск.

Кланяйтесь Лидии Ивановне и др.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 14 сентября 1956 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Оказывается, Вы в Ленинграде, а я Вам писал в Карачарово и ждал отклика. Вчера попытался позвонить Вам в Ленинград, но никого в квартире не было (около 6—7 ч.).

Я все же собираюсь на днях поехать в Смоленск, уже собрался было выехать в субботу, но по разным обстоятельствам отложил дня на три. Видно, Вы уж не сможете составить мне компанию, а может быть, сможете? Вот бы хорошо было, я бы Вас подождал — и катнули бы. Смотрите, как лучше.

Жизнь я веду неяркую, делаю все что-то такое малопродуктивное: читаю чужие рукописи, занимаюсь какими-то набегающими сбоку делами, готовлю переиздания собственных трудов, а в смысле нового чего-нибудь только-только начинаю, пробую засохшее перо.

Мне кажется, Вы неплохо удумали — засесть одному в городскую квартиру, как в пещеру, и без помех пожить, отдохнуть от дачи и проч. и, может быть, настрочить что-нибудь этакое. Давай Вам бог!

Если вдруг надумаетесь ехать со мной, давайте сразу знак. А нет, так уж нет, поеду один.

Крепко обнимаю Вас, дорогой Ив. Сер.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 15 декабря 1956 г.

Дорогой Иван Сергеевич, батюшка! Как я рад был получить от Вас весточку! Я, помимо всего иного, чувствовал себя крайне виноватым, что пропустил Вас в Москве (мне сказала М. И., что Вы звонили, когда я водил медведя, а потом уже искать было поздно и где — неизвестно). Так что Ваше письмо пришло мне как некое прощение, облегчение и очищение.

Сейчас я с особенной силой чувствую, как мне дорога Ваша дружба, Ваша доброта и мудрость. И мне так жаль, что настроение у Вас, по-видимому, подгуляло. Конечно, болезнь мальчика, то, другое — все это так, но насчет «дряхлости», простите меня, Иван свет Сергеевич, не верю и не желаю верить. Просто бывает такая полоса, ее нужно перенести, как грипп,— и только. Нет, мы еще увидим небо в алмазах, Иван Сергеевич. По-моему, тут главное — недостаточность светового дня, хотя, впрочем, могут быть и другие причины (за ними не станет)!

Очень, очень хочу Вас видеть и надеюсь увидеть хоть в Москве, хоть в Ленинграде (возможно, что на каникулы мы опять приедем в Ленинград), а того лучше в Карачарове. Правда, в жизни редко так бывает, чтобы хорошее повторялось, но я как вспомню наши бдения у камелька, наши завтраки и прогулки, «творческие сны» и посиделки у Б. П., то так мне всего этого хочется опять. В Малеевке я не досидел срока, стало тяжко, внешние воздействия нарушили некоторый установившийся было мир души — словом, нырнул под волну. И покамест я под ней — пропустил Вас, плавно и пристойно устремлявшего свою лодию мимо.

Спасибо, Иван Сергеевич, за письмо, за добрые Ваши слова, за память. Пишите ради бога, когда собираетесь в Москву, как складываются дела.

Лидии Ивановне мой поклон. М. И. кланяется Вам (изо всех моих друзей она наиболее почитает Вас, хоть

Вы и курящий) и Лидии Ивановне. Будьте веселее, дорогой друг.

Ваш *А. Твардовский*

Посылаю для порядка огоньковскую книжечку.

Москва, 14 февраля 1957 г.

Куда же это годится, дорогой Иван Сергеевич, что Вас там режут на операционном столе, Вы постельный больной, а я ничего не знаю! Нет, никуда не годится. Я-то думал, что Вы либо в творческом сне, либо в трудах неусыпных, а Вы — вон что. Да и теперь-то Вы толком не пишете, что с Вами. Из того замечания, что Вы не годитесь теперь для заседания в течение некого срока, я могу сделать только крайнее заключение, что у Вас вырезали геморрой. И это — слава богу, если только так, а то ведь иные причины, не позволяющие заседать, бывают.

Словом, я рад получить от Вас хоть эти несколько строк, но очень хотел бы, чтобы Вы написали поподробнее, чтобы мне не гадать — что там с Вами.

Что касается меня, то я живу тусклой добродетельной жизнью и очень много заседаю, т. к. соответствующая часть тела у меня вполне здорова. В Смоленск собираюсь по теплым дням, когда уже установится погода, зелень войдет в полную силу и я уже посажу или вырублю что-нибудь на внуковском своем хуторе.

Еще и еще повторяю, что буду рад иметь Вас своим спутником. Слышал я, что частью уже пущена новая гостиница,— значит, нет нужды ютиться кое-как у родни (это можно, и будут радехоньки, но не так хорошо для пожилых джентльменов).

Если Вы все еще слабы — не пишите (и я-то хорош — не черкнул Вам за это время), приедете в Москву — информируйте.

Желаю Вам, дорогой друг, поскорее поправиться, воспрянуть духом и телом — и в дорогу.

Поклон мой Лидии Ивановне, привет Саше.

Все мои кланяются Вам.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 4 мая 1957 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Очень рад Вашему отклику, одно нехорошо, что Вы так-таки и не пишете, что с Вами в смысле здоровья,— что такое «на четвереньках хожу»? Конечно, я не настаиваю, если это дело сугубо приватного, как говорится, свойства.

Я живу тихо-скромно, возделываю мой сад, пересаживаю прутики и кустики с места на место, зачем — неизвестно. Уж так сложилось: зимой я способен решительно расстаться со Внуковом, присмотреть себе что-нибудь другое, даже и присматриваю, а чуть земелька отойдет, влезаю в бездну невидимых миру, порой даже семье, жене собственной (не то что зятю и дочерям), хлопот и работ, когда и закурить иной раз забываю по часу и более. Есть тут, правда, еще одна причина: нежелание делать то, что делать мне положено и за что Советская власть кормит меня и все мое племя булками и колбасой,— лень-матушка. Что угодно готов делать: копать, корчевать, таскать корзины с навозом и т. п., даже ходить в магазин делать покупки и т. д.— только бы не писать, только бы найти повод уклониться от прямых обязанностей. Словом, лень-матушка имеет немало защитительных приемов и уловок.

Май (до 20.V) буду в Москве и Внукове, потом М. И. и Оля (у нее нехорошо со здоровьем — гаймориты какие-то, болеет часто) поедут в Коктебель, может быть, я тоже с ними поеду, если не случится помехи. А потом — либо поеду опять на Восток, если буду вполне готов для этого, либо ограничусь поездкой на Селигер, в которой очень рад был бы Вашему участию,— мы ведь собирались с Вами еще когда!

Вот покамест все, дорогой Иван Сергеевич. Если Константин Александрович уже приехал к Вам, поклонитесь, пожалуйста, ему от меня. Желаю Вам всего доброго. Поклон Борису Петровичу.

Ваш по гроб жизни *А. Твардовский*

Коктебель, 10 июня 1957 г.

Дорогой мой Иван Сергеевич! Пишу Вам с берегов теплого моря, из райских кущей курортного юга, где пребываю с М. И. и Ольгой вот уже 10 ден. Я давно не

бывал в таких местах — с довоенного времени,— и оно хорошо, но и грустновато: ищу — принюхиваюсь и прислушиваюсь — отголосков и запахов тех, что все время были в памяти, а их вроде нет, потому что я уже дед, седой и плешивый дурак, все еще чего-то желающий, чего нет больше. Кстати, на днях мне исполнилось 47 лет, дату эту я, конечно, промолчал, но дошлая сестра-хозяйка взяла на заметку паспортную дату и подсунула мне на стол букет отличных роз,— они стояли два дня, а сегодня их уже убрали. Но это все пустяки. Опять очень жаль, что Вы прошмыгнули сквозь Москву, не показавшись мне, а я очень хотел Вас видеть. Я не знаю, где Вы и что Вы (не в больнице ли, как предполагали?), в Карачарово пишу наудачу. Если Вы там и по времени увидите, что письмо дойдет (я здесь до 24-го), черкните мне — буду очень рад. Собираюсь непременно увидеть Вас хоть в Карачарове, хоть где. Между прочим, видели Вы в «Литгазете» рецензию на Вашу книгу последнего издания? Хоть автор [...] больше стремится «образованность свою показать», но все же хорошо, что отзыв безоговорочно положительный: авось для дальнейшего пригодится.

Жарко, Иван Сергеевич, писать трудно, клонит в творческий сон или тянет в воду, так что простите — кончаю.

Кланяйтесь Лидии Ивановне, Борису Петровичу и всем карачаровцам. Жду Вашей весточки.

Весь Ваш *А. Твардовский*

Москва, 2 июля 1957 г.

Дорогой Иван Сергеевич! Только-только прибыл я из Коктебеля, спешу в двух словах сказать Вам, что очень хочу Вас видеть — в Москве, в Карачарове, даже в Ленинграде. Но не тотчас, а немного погодя — завал всякой всячины образовался, — деньков через десяток. Напишите, когда будете в Москве, чтоб я мог Вас тут поймать. Если же обстоятельства держат Вас в Ленинграде, то спланируем Ленинград — есть поводы.

Я чувствую себя хорошо, как давно не чувствовал, чего-то даже пишется, по крайней мере — там писалось,

завязывалось. Желаю Вам поскорей разделаться со свищом, и мы еще увидим небо в алмазах.

Крепчайше обнимаю Вас.

А. Твардовский

Все мои горячо приветствуют Вас.

Внуково, 27 июля 1957 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Который раз собираюсь Вам написать — и все нет той определенности, с которой можно что-то написать,— живу до крайней степени неопределенно, выжидательно. Уже с неделю, как я имел честь вдруг беседовать с высшим лицом. Оно сказало, что беседа еще продолжится на неделе, о чем я буду уведомлен, — вот я и сижу, жду, каждый день в городе сижу на квартире, жду сигнала, уходя куда-нибудь, оставляю кому-нибудь точные координаты своего местопребывания на случай того же сигнала — так условлено с помощниками лица.

Правда, в городе я все равно бывал бы каждый день по иной нужде: начал разрубать квартиру на две части, отчаявшись разменять ее с помощью Союза и, в частности, К. А. Ф., который хоть и рад бы и готов, да оробел вроде,— это я только так, к слову.

Итак, сижу, наблюдаю за работами по разрушению того, что было мною же сооружено по непредвидению того, что дочка вырастет и выйдет замуж и т. д., достаю кирпич, цемент и пр. baumaterialen[1] — правдами и неправдами, больше неправдами — через злато. Это состояние — наблюдение за стройсуетой, хлопоты, ухищрения и т. п. очень мне знакомы и даже издали противны, но, во-первых, нельзя же оставить их, молодых, без помощи, а во-вторых, странное дело, все это в известной степени затягивает, приносит пустяковые, в сущности, но значительные на данный момент радости и огорчения, заставляет мобилизоваться, соображать и т. д.

А в целом — это тоже состояние неопределенности и ожидания. Таким образом, дорогой Иван Сергеевич, иного содержания в моем письме не ищите, кроме этого, как и почему я все не соберусь не только навестить Вас, но и написать толком. Не говорю уж о том, что начавшаяся

[1] Строительные материалы *(нем.)*. — *Ред.*

было в Коктебеле работа опять прервалась,— дело не дело, а запаса покоя нет, и трудно взяться за что-нибудь, зная, что у тебя нет свободного от неожиданностей дня впереди.

Поплакался — будет! Настроение у меня при всем этом до странности хорошее. Идет дождь — пусть дождь, можно надеть резиновые сапоги, жара — пусть, можно искупаться если не в реке или в море, так под душем в городе и здесь. Работа стоит — у бога дней много (хотя, между нами, не так у него их много!). Так и живу. Вспоминаю Вас ежедневно, и мне очень отрадно, что есть у меня такой славной души дорогой человек, старик-красавец! Кстати, лень искать по справочникам — не близко ли у Вас и 70?

Поклон низкий Лидии Ивановне. Мои все Вам кланяются и вспоминают Вас всегда хорошо.

Привет Борису Петровичу.

Ваш весь *А. Твардовский*

Москва, 10 ноября 1957 г.

Дорогой, дорогой Иван Сергеевич!

Наконец-то отыскался Ваш след, затерявшийся во времени от последней нашей встречи.

Одесса Вас увела в одну сторону, а меня Италия в другую, да еще тут болезни, то, се,— как обычно,— и у меня, конечно, нет оснований упрекнуть Вас хотя бы в малой степени,— сам хорош! Но очень меня огорчает Ваше дополнительное недомогание. Боюсь, что надо Вам заняться этим хозяйством по-серьезному, — тут Малеевкой не отделаться, потому что, насколько я знаю, лечебная сторона там не очень серьезная (все остальное хорошо). Ведь вот С. Я. Маршак справляет 70-летие, спит по ночам с медсестрой (не в смысле, конечно, амурном), а днем по два-три раза выступает с речами и стихами и желает растянуть юбилей подольше, несмотря на все трудности, хлопоты и т. д. Учитесь!

Мне, между нами говоря, выпала честь быть председателем комиссии по проведению этих праздников, но об этом — потом. Это я только к слову, в связи с вопросом о недугах и т. п.

Заодно уж уведомляю Вас, что в поездке, собственно, в полете была и со мной неприятнейшая история: доле-

теть долетел, а вышел из самолета и потерял сознание, потом немного полежал в гостинице,— только и всего, но услужливая молва [...] представила это дело в Москве, а главное, М. И. так, что лучшего и желать невозможно: допился, мол, до спазмов и т. п. По прибытии в Москву я видел на лицах многих моих доброжелателей плохо скрываемое разочарование: а нам, мол, говорили, что то-то и то-то, так было интересно. Право, Иван Сергеевич, такова уж жажда сенсации, это даже не по злу.

Вам же, человеку, которому могу сказать все, как на духу, скажу, что [...] по глупости не взял в дорогу малой скляночки, хоть были все возможности, а, честное слово, 100 г. коньяку — и ничего бы со мной не было. Но это, повторяю, между нами, гусарами,— другим не понять. Простите, что много болтаю о себе, но эта история так или иначе дошла до Вас, так пусть будет и моя версия — для сравнения.

Дорогой Иван Сергеевич, давайте устроим Вам юбилей. Теперь, обогащенный опытом проведения подобных мероприятий (это кончится еще только 18.XI — вечером в Колонном зале), я Вам устроил бы такую роскошную жизнь! Только не отклоняйте мою кандидатуру в председатели Вашего юбилея. Уж чего-чего я Вам не устрою: и выставки, и выступления с крыши ГУМа, и музыку, и всякие картонки и сувениры. Будьте благонадежны.

Собираюсь я с семьей (М. И. и Олей — она нынче в отпуску от школы по заключению врачей) поехать в ялтинский дом, где, говорят, очень удобно и комфортабельно даже, а главное — на отлете от Москвы, где, я вижу, ни один день не принадлежит мне полностью,— не то, так то, и все таскают и дергают,— так я долго не выдержу.

На праздники ездили мои молодые в Ленинград, я им говорил, чтобы позвонили Вам, но они наотрез отказались, боясь беспокоить, что я внутренне и одобрил.

Очень, по чести и совести говоря, хотел бы я с Вами побыть, позюкать, как говорили у нас на родине, да не в окружении ближних, а так — на полной свободе. Но, видимо, вряд ли это удастся в ближайшее время, поскольку я уже уехал бы 15.XI, если бы не маршацкий фестиваль. Уеду, должно быть, к I.XII, а сколько там пробуду — не знаю. А может быть, Вы надумались бы в Ялту — посидеть, посочинять, а? Ей-богу, в этом есть резон. Так было бы славно. Я бы Вас засадил за большое

сочинение и сам бы сидел, как обычно делаю, в монастырской обстановке. Впрочем, Вам все это виднее. Крепко Вас обнимаю, дорогой друг, истинно дорогой мне человек! Привет Лидии Ивановне и внуку.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 7 декабря 1957 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Глянул сейчас на дату отправления Вашего последнего письма ко мне — 25.XI — ужасно: ведь я его получил дня три назад! Теперь я и не знаю: застанет ли мое письмо Вас дома или же Вы будете уже в больнице. Но так или иначе — пусть. Нужно было бы мне позвонить в Ленинград, узнать, как там и что, да сам прихворнул — и не просто, а в разгар маршаковских торжеств,— просто сил не было даже на это. Как оно получилось, не буду Вам рассказывать сейчас, но получилось. Сейчас я совершенно здоров и очень, очень хотел бы, чтобы и Ваше серьезное, по-видимому, нездоровье сошло поскорей с Вас или, лучше сказать, вышло из Вас. По последнему Вашему письму я заметил, что Вы несколько подупали духом, а не надо, Иван Сергеевич, не надо поддаваться, ведь это все он, нечистый, старается,— ему-то самая сласть, когда мы предаемся унынию и думаем, что все праздники кончились, остались одни будни. Нет, мы еще увидим небо в алмазах, Ив. С.! Мы с Вами еще не только посидим у камелька, покурим за рюмочкой, обсудим проблемы войны и мира, межпланетных сообщений и перспектив искусства, но и предпримем какое-нибудь занятное путешествие. Все-таки ничего нет лучше родной земли с ее погодами, временами года, с ее красой и грустью, теплом, дождями и грозами, всяческим растением и цветением.

Мне очень было приятно, что Вы оком старого мастера различили среди множества пустоцветов Солоухина с его прелестными «Проселками». Я-то считаю, что за последнее время ничего подобного попросту не читал в журналах. Я ему сказал в свое время, что работа эта мне очень понравилась, отметив, правда, некоторое преизбыточное наполнение очерков «разнотравьем», так что порой немножко попахивает «определителем растений», и

отметив некоторую нарочитость стиля и языка местами, например, где о старине — там «сей», «оный» и т. п. Но это все от молодости, а главное есть: непритворная любовь, емкое любопытство до всего, отвращение к общепринятым у литмошенников фразам, приемам, поискам и «открытиям».

Я при случае непременно скажу ему о Вашем отзыве — он будет очень рад, и это так ценно, чтобы у нас завязывалось хоть помаленьку давно утраченное, разбазаренное свойство литературы, чтобы в ней старые и молодые интересовались друг другом, взаимно радовались хорошему.

В Ялту я все же еду, хоть это и не бог весть как меня манит в смысле края, времени года и т. п. Но главное в том, что туда я могу поехать с М. И. и Олей, которая, как я Вам, кажется, сообщал, нынче в отпуску от школы по состоянию здоровья. Обе они нуждаются просто в отдыхе (М. И., кроме того, очень плоха по части сердечно-сосудистых и иных дел, хоть и не выкурила в жизни ни одной папиросы, не выпила рюмки вина). Так как там будет две комнаты, то мешать они мне не будут и все будет хорошо, хотя бы так, как в Коктебеле. Еще скажу Вам по секрету, что в это время будет в Москве проходить самумный период отчетно-выборных и др. многостепенных собраний, пленумов, комитетов, комиссий, секций, коллегий — им же несть числа, и от одного этого спастись (а тут не спасешься) уже благо! Но это Вы никому не говорите, а то, не дай бог, дойдет до моих руководящих друзей — осудят и накажут.

Милый и мудрый Иван Сергеевич, очень мне хочется сказать Вам, как я Вас люблю и уважаю, как высоко ценю Ваш талант, Ваш ум и сердце, как мне все понятно и дорого в Вас, честнейшем, красивейшем русском человеке, судьба которого не побаловала удачами на пути, но не сломила, нет, я знаю, что она не подмяла Вас и не подомнет.

Поправляйтесь, отдыхайте, вздумается и будет охота черкнуть мне — черкните, не утруждаясь и не считая это обязательным по долгу вежливости,— мы с Вами можем строить отношения и без этих условностей. Обнимаю Вас, дорогой друг.

Ваш *А. Твардовский*

Ялта, 22 декабря 1957 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Как Вы живы, как здоровье? Надеюсь, что Вы не надолго оккупировали больничную койку и будете уже дома, когда придет эта цидулька. Если так, то прошу черкнуть мне — как и что.

Я живу хорошо. Дом огромный и малолюдный, телефон почти не существует,— чего больше нужно? Одна у меня тревога, что разболелась моя старшая — что-то желудочное, вроде язвы,— кладут ее в больницу, как только будет место, на месяц, говорят. А так уже все было хорошо: Оля и М. И. заметно отдохнули и печать утомления, недомогания, отмечавшая особенно М. И., потихоньку сходит. Я кое-что сочиняю, не ставя себе пожарных задач с первых дней, т. е. не спешу. Очень здесь тихо и спокойно.

Забыл, кажется, написать Вам, что мое давнее намерение написать нечто к Вашему Собранию сочинений (или о нем) остается в силе и на это можно вполне положиться. Собираюсь об этом написать Владыкину.

Посылаю Вам фотографию, чего я вообще не делал почти никогда, но тут меня снимали для «Курортной газеты» и репортер всучил мне по дешевке несколько штук, так уж решил послать Вам да, может быть, еще двумтрем человеко-единицам.

Поздравляю Вас, милейший Иван Сергеевич, с наступающим, а также Лидию Ивановну и весь Ваш дом. Будьте здоровы и веселы. У меня сейчас каникулы, но на Новый год подниму за Ваше здоровье стопочку.

Ваш *А. Твардовский*

Ялта, 2 января 1958 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Получил Ваше эпистолярное произведение в трех частях. Очень рад, что все же Вы дома, а дома, как известно, и стены помогают.

Начнем с дела. Предисловие для детгизовской книжки я могу написать хоть сейчас; нужно только, чтобы они (Детгиз) попросили меня об этом. Вы им черкните, что, мол, Твардовский готов написать, он давно об этом говорил, он имел в виду другое издание, а о вашем (дет-

гизовском) не знал. И я это сделаю без каких-либо затруднений, мне это будет только приятно. И Вы правы — писать нужно не много, кратко и завлекательно. Я даже думаю теперь, что такого рода издание более нуждается не в предисловии, а в статье, развернутой рецензии, которая бы появилась по выходе такового. И это опять же можно сделать (напр., в «Правде»). Но это мы еще решим, а в Детгиз напишите тотчас, даже напишите так, что б они мне телеграфировали заказ. А мне — к письму — приложите копию содержания этой книжки, чтобы мне знать, что там будет из большого однотомника. А не выходит ли Ваша книжка в Смоленске?

Теперь о жизни текущей. Здесь я пробуду, наверно, до 25 января, так как в конце месяца мне нужно быть по семейным обстоятельствам в Москве. А потом я сразу намерен уехать в Смоленск, где теперь есть новая гостиница и можно устроиться и пожить там именно в гостинице, о чем я давно мечтал. Вот, может быть, соберемся? Во всяком случае — в Москве мы в конце января или начале февраля можем вполне увидеться.

Если писать что-то наклевывается — пишите, не думая о том, что старое, что молодое, отдавайтесь этому желанию безотносительно к возможному успеху или неуспеху,— это верное дело, если просто желание написать о том, что хочется написать, главная побудительная сила в деле. Кройте, Иван Сергеевич, не стесняйтесь формой, не заботьтесь ни о чем,— все будет. Пусть даже это будет совсем начерно, отрывочно, как говорят, фрагментарно — все равно это дело.

Новый год я встретил в необычной обстановке южной зимы — 31.XII было до 24° на солнце и до 15° в тени. Теплынь, перемочки, туманы. Пошли мы, т. е. я с семьей и еще одна пара живущих здесь художников, в ресторан «Южный», где заказали столик. Смех и грех! «Можно заказать поросенка?» — «Можно, только повар пьян, не станет он заниматься, а шницеля он днем заготовил — берите шницеля».— «Ну, выпейте с нами рюмочку».— «Вы шутите, я и так еле на ногах держусь». (Это девица-официантка!), ну и т. д. в таком роде. Я давно не пил, но выпил без удовольствия,— ни компании настоящей, ни беседы,— так, для формы только. То ли дело... гм!.. Не буду себя вздрючивать.

Отголоски московских литературных новостей долетают, и, поскольку я за пределами непосредственной

досягаемости, это даже интересно — кого «прокатили» и т. д. Не дай только бог вверзиться самому в эту кашу.

Вот, кажется, и все покамест.

Представьте, я сам думал посмотреть могилу Вашей дочери, только я думал, что это здесь, на городском кладбище, где я когда-то был. Обязательно побываю.

Кланяйтесь Лидии Ивановне от меня. М. И. и Оля шлют ей тоже, как и Вам, свой поклон: ведь в моей своенравной семье Вы пользуетесь безусловным и высшим признанием, хотя по убеждениям Вы и не являетесь трезвенником.

Обнимаю Вас, дорогой Иван Сергеевич.

Будьте здоровы и, по возможности, веселы.

Ваш *А. Твардовский*

Ялта, 18 января 1958 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Мне хотелось поскорее Вас успокоить насчет гослитиздатовского заказа, и я послал Вам в Малеевку телеграмму, но, может быть, Вам не все там ясно. Я получил письмо от зам. главного редактора Ленинградского отделения издательства Сидорова с просьбой написать предисловие для двухтомного издания Ваших сочинений. Я тотчас ответил телеграммой: согласен, мол, укажите сроки представления рукописи и желательный ее объем. Ответ получил телеграммой же: сдать рукопись нужно в марте, объем — по моему расположению. Таким образом, дело это вполне реальное и не далекое по времени. Я нашел здесь покамест только первый том издания 50-го г., но мне обещали достать и второй,— я, конечно, хочу перечесть все подряд, чтобы не опираться на одну только память, хотя должен сказать, что писать такие вещи нужно именно по памяти, по тому живому впечатлению, какое книга способна в тебе оставить. Это все равно как и писать о стихах: не нужно закладок, выписок,— что хорошо, то ты должен помнить и, если нужно, процитировать по памяти: это же и есть первое свидетельство живучести того, о чем ведешь речь. Я живу по-прежнему, минул уже месяц моего здешнего пребывания. М. И. третьего дня отправилась на недолго в Москву,— там Валя наша заболела и лежит в больнице. Правда, уже известно, что ничего серьезного как будто нет (подозре-

ние было на язву) и лежит она в отличной загородной больнице-санатории (еще по моей линии — в виде временного обслуживания, а то уж ее по справедливости открепили от кремлевских заведений, а муженек еще не достиг), поправилась в весе, очень довольна, продолжает работу — двое в палате. Но так или иначе — мать решила съездить, посмотреть, как и что. Она вернется, и мы еще пробудем здесь по крайней мере до середины февраля. А Вы, должно быть, на месяц в Малеевку? Вот, может быть, как раз и съедемся в Москве и повстречаемся.

Дорогой Иван Сергеевич! 28 января у меня семейная дата — день рождения М. И. и Оли — они в один день родились, что значительно упрощает орг- и прочие расходы. Так как мы будем отмечать этот день здесь, никого из друзей не будет, было бы хорошо очень, если бы Вы чуть-чуть поздравили именинниц. Простите, что прошу об этом, но я знаю, как им будет приятно.

Желаю Вам, дорогой охотник, самого доброго самочувствия в Малеевке. Эти места для меня памятные по давним, еще довоенным годам и по недавним (был в прошлом году, но не дожил сроку [...]).

С Вами этого не случится, я уверен.

Ваш *А. Твардовский*

Ялта, 19 января 1958 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Между прочим, я сегодня был в Ливадии, где нашел Корнева Н. Е. и с ним побывал на могилке Вашей дочери. Могилка с зимы была, по словам Корнева, в разрушенном состоянии (цемент, положенный в мороз, не взялся и кое-где раскрошился, потрескался), в частности, была разрушена надпись. Теперь она восстановлена, как и вся могилка, самим Корневым, но мне кажется, что она несколько неудачно составлена, вернее, нанесена на цементе, когда раствор еще был мягким. Слово «Иринушка» разделено *пополам* знаком креста — так что обе половинки читаются неудобно и не вдруг понять. Фамилия написана без соединительного тире или двух черточек,— получается как бы две отдельные фамилии. Наконец, стоит сбоку как-то одно число «1924» без указания, что это дата рождения. А даты смерти просто нет.

Покамест я здесь, Иван Сергеевич, все это можно привести в полный порядок, я так и договорился с Ник. Егорычем,— это, действительно, славный парень,— он все сделает, но нужно, чтобы Вы написали мне точно и четко всю целиком желательную надпись — с именем и датами и расположением слов. Я все остальное сделаю, прослежу, чтобы было грамотно и красиво,— для меня это не составит труда, т. к. я намерен побывать там еще не раз — посмотреть дворцы и т. п.

Чтобы не затягивать это дело, т. е. поскорее получить Ваши указания, я и пишу об этом отдельно, не дождавшись ответа на мое письмо, уже посланное ранее в *Малеевку* (я немного не уверен в адресе).

Желаю Вам всего доброго, больше всего здоровья. Пишите, как и что у Вас там получается с отдыхом или работой. Я начал между делом и бездельем перечитывать Вас, и опять так хорошо повеяло родным, очень настоящим и душевным. Статья у меня уже складывается в голове, и, поближе к сроку, я ее накатаю в два-три сеанса. Конечно, покажу Вам, прежде чем посылать в издательство.

Ваш *А. Твардовский*

Ялта, 6 февраля 1958 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

После Вашего письма с указаниями насчет оформления могилы я не был еще у Николая Егоровича, и вот почему. Я решил прежде разузнать, как, что и где делается все в таких случаях. Я подумал, что просто переправить надпись, наложив еще слой цементного раствора, это будет плохо, некрасиво и недолговечно. Плохо потому, что Н. Е.— человек не специальный, нанести надпись он может лишь очень примитивно. Некрасиво — потому что знак креста на этом узком бортике выглядит, как знак «плюс» и слишком близко к буквам имени. Недолговечно — потому что все это кустарщина, самодельство,— опять все расползется, деформируется. Словом, нужно сделать скромно, но благопристойно и прочно. Для этого нужно (все это я вызнал и изучил постепенно и до конца) установить на могилке так называемый наголовник — камень в виде геометрической фигуры, которую я попросил начертить для Вас мою Ольгу, но у

ней тоже плохо получается. На этот наголовник, вернее в выемку, которая вырублена на скосе его, вмонтируется мраморная доска с *высеченной* на ней надписью. Я смотрел такие надгробия и все что нужно расспросил и даже сколько это будет стоить (всего около 200 р.— я при деньгах, это для меня не составит ни малейшего затруднения).

Я бы все это сделал и прислал бы Вам фото, но дело то особое, может быть, Вы не хотите так, как я могу сделать,— поэтому и пишу Вам. Речь, повторяю, идет не о памятнике, а о простейшем и скромнейшем, можно сказать, стандартном надгробии. Если не это делать, так тогда уже делать памятник, плиту и т. п., т. е. вполне монументальное нечто. Но покамест, мне кажется, лучше всего, приличней и надежней будет эта форма. Итак, для того, чтобы Ваше согласие застало меня здесь и я мог бы все заказать, все сделать и присмотреть за выполнением (это все между дел, в мои прогулочные часы), прошу Вас, если Вы согласны в основном с предложением, телеграфировать мне односложно: мол, согласен. Если же у Вас какие-либо особые на все это взгляды и намерения, то пишите письмом. Во всяком случае, я прошу Вас иметь в виду, что мне было бы просто приятно выполнить для Вас эту малую дружескую услугу, если вообще это слово применимо. Так что прошу не стесняться какими-то там соображениями о моей занятости и т. п.

О других вопросах не пишу сейчас, скажу только, что в письме Вы говорите о своем творчестве, об истоках и характере его — очень верно и толково. Еще бы я не понимал, что Вы не «путешественник», или «бывалый человек», или там «Илья-Муромец» и т. п.!

Жму руку, обнимаю. Телеграфируйте.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 22 апреля 1958 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Пишу Вам не письмо, а писульку, т. к. Вы сообщили, что скоро будете в Москве проездом и, конечно, мы увидимся, а на словах лучше обменяться и новостишками, и мыслишками. Сижу в крайней неопределенности бытия: давно должен был дать ответ на предложение о «Новом

мире», а дать его некому. Дело в том, что Поликарпов свалился опять и был с работы увезен в больницу, а высшая инстанция уехала в Польшу с миссией, известной Вам по газетам. А по Москве уже пройти нельзя: все знают, все спрашивают,— беда! Думал я еще махнуть на месяцок в ту же Ялту, но от этой мысли пришлось отказаться. На днях, может быть с 1 мая, переедем на дачу — там уже есть чем заняться. Я и туда боюсь спешить, потому что очень от стола отвлекают всякие преобразования в саду и по двору. С начальством гослитовским не встречался, но встречусь, и все будет в порядке. Может быть, мы вместе с Вами побываем у Владыкина — проще будет. Словом, приезжайте и не исчезайте вдруг, как это иногда бывает с Вами, загадочный человек.

Лидии Ивановне — мой поклон.

М. И. и О. А. также кланяются Вам и Лидии Ивановне. А я Вас крепко обнимаю и желаю поскорей видеть.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 30 апреля 1958 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Спешу хотя бы суммарно осветить некоторые вопросы, возникающие из Вашего письма.

1. От Ленгиза я ничего еще не получил в смысле напоминания, а между тем я, можно сказать, уже приступил к работе над предисловием. Уже с неделю, среди всяческих дел и сует, перечитываю Ваш однотомник «На теплой земле» и, должен сказать, вновь и вновь испытываю глубокое и доброе чувство, какие вызывает только неподдельный поэтический дар. Но об этом я не буду сейчас,— побережем для статьи. Словом, я и не собирался отказываться от статьи по каким-либо внешним причинам — занятости и т. п. Меня одно немного смущает, что, собственно, статья эта для двухтомника не нужна, т. е. нужна чиновным душам, а не кому другому. Но пусть так, пусть польза ее будет в том, что двухтомник скорее выйдет в свет. А что Вы в моей «рекомендации» перед читателем не нуждаетесь, это мы с Вами давно знаем. Итак, статья — первоочередная моя задача на ближайшие *дни*.

2. Вся канифоль насчет неприсуждения премий по литературе и кино — безобразие. Кажется, удастся отстоять (так ведут себя добрые люди покамест) прерогативы Комитета и святость тайного голосования (там оно действительно тайное). Что касается упоминания моего имени как возможного кандидата на премию — чистая демагогия и зловредный ход: я *не выдвигался* и *не мог* быть выдвинутым в этом году по статуту Комитета. Это известный прием привлечения честного имени для бесчестной надобности.

3. Очень жаль, что Вас так одолевают житейские тяготы, дорогой Иван Сергеевич! Между прочим, не обижайтесь, чтобы не обидеть меня, но я хочу Вам сказать, что мог бы в *любое* время в *любом* размере ссудить Вас деньжонками впредь до сбора урожая. Без малейшего напряжения, ибо я весьма богат, но еще не стал скуп.

Обнимаю Вас, дорогой друг, будете ехать — непременно сигнальте: где Вы. Поклон Лидии Ивановне.

А. Твардовский

Москва, 28 июня 1958 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Получил Ваше карачаровское письмо, рад, что Вы не ругаете меня за предисловие, хотя вижу, что оно Вас не весьма обрадовало. Но ничего не поделаешь — оно писалось в такой трудный, муторный период жизни,— собирался я долго, а сосредоточиться на выполнении задачи со всей силой и полной мерой, видимо, не смог. Однако если предисловие выполнило хотя бы функцию практически-материального значения в деле издания двухтомника, и то — хлеб.

Теперь, Иван Сергеевич, услуга за услугу, как говорили наши предки. Поскребите у себя чего-нибудь для «Нового мира», для «Дневника писателя», например. Там — полная необязательность в смысле формы и содержания, «свободный полет»: мелькнула мысль, наблюдение, соображение — вот и занесено на бумагу, отделено черточкой от последующего и т. д.

Наверно, у Вас есть хоть что-нибудь с зимы, не может быть, чтобы не было. А уж как я нуждаюсь сейчас в поддержке со стороны такого пера, как Ваше, об этом и говорить не приходится. Подумайте, дорогой и добрый

друг, пожалуйста, прикиньте,— всякое даяние поистине благо.

Всего Вам доброго. Поклон мой Лидии Ивановне, а так же новому академику. Собраться-то я к Вам соберусь, но не вдруг, не на ближайших неделях.

Будете в Москве, знайте, что я каждый день в редакции с часу дня. В редакции же Вам скажут, где я, если я буду не на месте.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 30 июля 1958 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Получил телеграмму, подписанную Вами и Борисом Петровичем. Большое спасибо. Рад был бы тотчас воспользоваться возможностью посетить Карачарово, но 2.VIII уезжает М. И. с Олей в Коктебель,— я должен их отправить и т. п. Кроме того, бог послал забот с новым издательством и журналом, к коим я, по-видимому, буду иметь касательство. Короче, я приеду 4 или 5 августа, позвоню, если сумею, а нет — не взыщите — нагряну так. Если Вы, Иван Сергеевич, не имели в виду сидеть в Карачарове до этих дней, то, пожалуйста, уведомите, я поступлю в соответствии с этим. Если не двигаетесь, то и не отвечайте ничего,— я буду знать, что Вы на месте. Вот и все, что необходимо оговорить, а на большую тематику в письме сейчас нет времени да и не расчет: о чем же будем толковать при встрече?

Поклон мой низкий Лидии Ивановне, Борису Петровичу и всем, всем добрым карачаровцам.

Ваш *А. Твардовский*

19 августа 1958 г. Телеграмма
Карачарово.

Намерен приехать машиной субботу. Поговорите Борисом Петровичем возможности двух коек. Привет всем карачаровцам.

Ваш *Твардовский*

Москва, 9 октября 1958 г.

Дорогой мой (и наш вообще) Иван Сергеевич!

Ах, как мне захотелось от Вашего письма заявиться к Вам в Карачарово, навестить Вас на Вашей вилле, переночевать там, попить чайку (ну, может быть, и еще чего-нибудь), поговорить, т. е. наболтать Вам чего-нибудь, т. к. Вы-то больше покуриваете да погмыгиваете,— это у нас с Вами и называется «поговорить». Но беда в том, что вот уж, кажется, все налажено, журнал выходит, очередная книжка сдана, план 59-го г. в основном сделан, ан нет, не выходит еще так, чтобы захотелось — поехал. Это возможно только в случае — не дай, господи,— закрута,— тогда как-то все нипочем. А так — нет. К тому же Вы знаете еще одну мою слабость: борьбу против «зеленого друга» — спускаю потихоньку осинку за осинкой, в свободный часок выскочив на дачу. И точно так же, как Вы, не знаю, зачем я это делаю — разреживаю сад, корчую осины, очищаю от нижних веток дубки, вырубаю орешник, глушащий мои культурные насаждения. Наверно, не могу уже без этого — жить или не жить мне во Внукове. Между прочим, я все собираюсь в Спас-Клепики, это где-то южнее ваших мест, км. в 200-х от Москвы, там озера, озера и лес. Там дом отдыха «Известий» — один-одинешенек в глуши, вдали от железнодорожных и морских путей. Там я хочу побывать, а потом, может быть, пожить с месяц, а ежели понравится, поставить там маленькую «финку» и бывать, когда захочется. Все это, конечно, мечты, но неужели же я так и проживу всю жизнь, не пожив у воды,— с детства об этом мечтаю, и все не удается.

Дел у меня, действительно, бездна. Журнал покамест съедает все мое время, мой приусадебный участок (в литературном смысле) все время в полном забросе. А ведь, как известно, этот участок в жизни колхозника порой играет не «подсобпую», а главную роль. Ведь даже в материальном смысле новомирский трудодень дает мне ничтожную часть того, что по инерции идет мне еще с приусадебного участка. А я туда уже почти не заглядываю: собрание сочинений не могу подготовить, засесть за него,— это дело, конечно, не то, что писать новое, но требует порядочного напряжения памяти, соображения, расчета, т. е. работы кропотливой и длительной, особенно в отношении первого и четвертого томов. Что еще изо

всего этого получится — не знаю, но делать нужно. Вот разделаюсь с этим «собранием», подведу итог — и примусь, «е. б. ж» писать всерьез, не торопясь и не рассеиваясь,— силы уж не те, чтобы и водку пить, и «руководить», и писать,— могу делать лишь что-нибудь одно, но последнее особенно запустил.

Вот мы и «поговорили», т. е. я заболтался, а Вы, горюн мой дорогой, читаете и погмыгиваете через трубку. Если задержитесь еще в Карачарове, уведомляйте, авось я еще ахну к Вам в один дождливый день русской осени. А нет, то не минуйте меня бога ради хоть в Москве.

Ваш любящий *А. Твардовский*

Привет сердечный Борису Петровичу.

А. Т.

10 октября 1958 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Помнится, Вы писали мне, что Вам понравился В. Солоухин («Владимирские проселки»). Вот Вам случай реализовать Ваши благожелательные к молодому беллетристу соображения об этой книге: напишите нам — в самой необязательной форме — страничек пять (можете сколько угодно, хоть 25) по поводу этой книги. Как это было бы хорошо и полезно во всех смыслах. Посылаю Вам книгу Солоухина — из нашей библиотеки.

Если Вы еще задержитесь в Карачарове до 17 октября, то мы с Александром Григорьевичем Дементьевым намерены посетить Вас в Вашем Монрепо,— кстати, и статейка (назовите, как хотите) будет уже у Вас готова. Итак, к труду, Иван Сергеевич!

А. Твардовский

4 ноября 1958 г.

Многажды дорогой Иван Сергеевич!

Еще одну книжку посылаю Вам на такой же вольный отзыв, как и заметка о Солоухине, которая всем у нас очень понравилась. А этого Зыкова Ивана Максимовича Вы, прежде всего, прочтете с удовольствием,— это дельнейший, знающий и беспретенциозный автор. И учтите: об этой книжке не было ни одного отзыва, таким обра-

зом, Вы явитесь первооткрывателем его. Не поленитесь, не откладывайте, сделайте, дорогой Иван Сергеевич, это Вам зачтется не только на том свете, но и на этом.

Больше ничего не пишу на этот раз. Будьте здоровы. Поклон Л. И.

Ваш преданный *А. Твардовский*

Москва, 10 апреля 1959 г.

Иван Сергеевич, батюшка!

Вчера читал мне Ал. Григ. Ваше письмо, где Вы, между прочим, так беспокойно спрашиваете обо мне, и я за голову схватился: я считал, что я не то чтобы ответил на Ваше письмо, но вроде как бы ответил, т. к. при получении его решил, что до первого апреля совсем недалеко, пожалуй, письмо разминется с Вами, едущим через Москву в Карачарово, и уже считал, что все в порядке. Вот так, Иван Сергеевич, ей-богу, не вру — так. А тут получилось, что я совсем свинья: получил письмо и книги с дарственной надписью — и молчит. Правда, если говорить уж всю правду, был тут у меня некий период, когда я «тянул проволоку», но не в такой уж мере, чтобы забыть Вас, дорогой друг.

Из того же письма к Ал. Григ. я узнал, что у Вас новая хреновина — с глазами. Очень это неприятно, но думаю, что все же это не «аксаковский» случай,— это Вы уж для «художественности» ввернули.

Очень рад, что Вы согласились написать нам об Аксакове С. Т., жаль, конечно, что свою доброту Вы делите поровну на нас, «Огонек» и «Литжизнь» — эта, последняя, совсем уж того не стоит [...].

Телеграфируйте или напишите, когда будете направляться сюда,— я бы очень не хотел упустить Вас по какой-либо оказии из виду, когда будете между Москвой и Карачаровом.

Обнимаю Вас, дорогой Иван Сергеевич, жду. Поклон мой Лидии Ивановне.

Весь Ваш *А. Твардовский*

Внуково, 3 августа 1959 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Я только что возвратился из своей сибирско-дальневосточной поездки, еще и в городе не был. Пишу Вам, чтобы узнать, где и что Вы, здоровы ли.

Много раз собирался написать Вам из дальних краев, но самолеты, автомашины и торпедные катера с их скоростями, постоянное почти присутствие людей, куда-то тебя торопящих, и пр., и пр.— все это едва оставляло минутку, чтобы известить коротенько семью о том, что, мол, жив-здоров. Так и не собрался, в чем винюсь, несмотря на приведенные выше смягчающие вину обстоятельства.

Не собираетесь ли в Москву, Ив. Серг.?

Как Лидия Ивановна и потомок?

Привет мой всем. Мои кланяются Вам. Мы на даче — я, М. И. и Оля, которая заметно поправляется. Жду Вашей весточки. Простите, пишу на ходу, ждет машина, с которой сейчас еду в Москву, в омут моих обычных дел, встреч, заседаний и др. радостей.

Обнимаю Вас.

А. Твардовский

5 декабря 1959 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Человек предполагает, а бог располагает: ящик, выдвигавшийся и задвигавшийся уже неоднократно, вновь задвинулся до поры. Американская сторона высказалась в смысле нецелесообразности прибытия делегации в дни рождественских каникул, когда ей не может быть уделено достаточно внимания. Мы (по крайней мере, я) обрадовались и возблагодарили бога в душе за то, что своим рождеством он дал нам отсрочку. Таким образом, делегация предположительно (пожелание американцев) выедет в январе, а мне кажется, что и мы со своей стороны должны сделать теперь некоторую заминку с выездом — любезность за любезность.

Этот последний месяц моего «творческого» отпуска я намереваюсь провести в Барвихе, чтобы хоть малость пописать да и подготовиться к той же поездке, почитать.

Наш с Вами уговор насчет Карачарова остается в силе. Я уверен, что еще в январе будут всякие торможения, и я смогу выбраться в Ваше «Monrepos», о чем прямо-таки мечтаю за сутолокой быстротекущих дней жизни нынешней.

Рецензия Ваша пошла в набор. Очень бы хорошо было, если б Вы настругали «Дневник» — какой ни есть — к приезду в Москву. Но, конечно, это не заказ, не понуждение, а лишь пожелание, идущее от всей нашей редакции, относящейся к Вам с неизменным расположением и любовью (а как иначе к Вам можно относиться?). На днях как-то заговорили мы с К. А. Ф. о Вас и проговорили долго. Я, признаюсь, подкинул К. А. мыслишку о перевозе Вас в Москву (если бы Вы согласились на более скромную квартиру, чем в Ленинграде), он покряхтел, не зная еще силы своего нынешнего влияния. Об этом поговорим еще, если эта мысль не потухла в Вас. Сверхтрудного ничего тут нет.

Обнимаю Вас, дорогой И. С., кланяюсь Лидии Ивановне, мои все кланяются.

А. Твардовский

Малеевка, 17 декабря 1959 г.

Милый, дорогой Иван Сергеевич!

Опять же, человек предполагает, а бог делает посвоему. Барвиху мне хотелось получить 10.XII, дали на 15.XII (это время я немного подымил, правда), а саму выдачу, в конторе уже, отнесли на 21.XII. Я, чтобы не торчать в Москве эти дни и не сбиться ненароком с пути добродетели, решил поехать сюда, в Малеевку, взяв на 10 дней, чтобы уж в Барвиху отправиться после праздников — числа 3—4. А может быть, здесь приживусь, так и вовсе останусь здесь, уклонившись от Барвихи,— очень уж не хочется «лечения», т. е. жаден я на свою мочу и прочее болезненно (до того, что сказать стыдно — не люблю быть объектом «исследований»). Здесь с ходу вник в дело, и, кажется, пошло, давно уже кипело, а хуже нет, как уже и перекипит. Дай бог, ибо дело идет по части того моего «Теркина», которого мне зарезали в 54-м г. и к которому я пытался вернуться в 56-м г., но по непонятным для меня обстоятельствам дело не пошло. А теперь вроде как пошло, и это было бы для меня таким счастьем: я не о том говорю, чтобы «подправить» его, а «довести». Если для себя доведу, то пусть себе дураки не печатают (на это и надежда слабая), все равно мне будет хорошо: напишу, перепишу и в сундук положу — лежи!

Вспоминаю о Вас, дорогой Иван Сергеевич, все с большей к Вам любовью и пониманием того, что Вас донимает. Иной раз кажется, что, несмотря на некоторую разницу возраста, мы с Вами люди как бы одного поколения. Есть вещи, которые могут быть понятны только нам с Вами, хотя и редко мы встречаемся и в разговорах говорю-то, собственно, я, а Вы только умно и чутко молчите — за редкими и всегда приятными исключениями.

Сюда мне не пишите, лучше на Москву, ведь я буду там скоро. По приезде постараюсь Вам позвонить — будет ясно, когда мы сможем встретиться.

Простите, что пишу на таком клочке — вдруг бумага оказалась в одной половине записанной, а переносить на новый лист как-то уж не хочется.

Обнимаю Вас крепко, дорогой друг, и очень хочу, чтобы Вам было лучше! О насущном не заботьтесь — это мы что-нибудь удумаем,— это не так сложно, как многое другое в жизни, для того минимума счастья, без которого жить нельзя.

Поклон мой Лидии Ивановне.

Ваш *А. Твардовский*

Барвиха, 12 февраля 1960 г.

Дорогой Иван Сергеевич! Шлю Вам в Карачаровскую пустынь, а также старцу-академику, там же спасающемуся от греховных сует Вавилона, мой низкий поклон и самые щедрые пожелания насчет здоровья, бодрости духа и пр.

Я, кажется, застряну в Барвихе еще недельки на две, т. к. я расписался здесь, возомнил, что вижу берег моих «Далей», и на этом основании дерзнул обратиться к Е. А., пасть в ноги и просить освободить меня от предстоявшей мне с неизбежностью поездки за океан. Представьте, я был понят там, как надо, и мне было предоставлено выбрать, что мне более выгодно в смысле работы, а в Америку, мол, можно съездить и по теплым дням или позднее как-нибудь, когда будет охота и время. Я возликовал, хотя и понимаю, что этой просьбой возложил на себя нешуточные обязательства,— все равно — пан или пропал, а лучше уж дело делать, а не летать «обедать» за 10 тысяч км и т. п. Словом, я за работой, которая временами как бы даже успешно подвигается

вперед и сулит мне радость рассчитаться наконец с этими «Далями», растянувшимися на добрых 10 лет. Правда, в кассе еще могут посмотреть на мои купюры и не принять их к уплате, но и то не беда на самый худой случай. «Теркина на том свете» покамест отложил, имея в виду, что заключительные главы «Далей» — если пройдут — пробьют ему дорогу. Таким образом, я уже вряд ли Вас застану с К. А. или одного в Карачарове в конце, скажем, февраля, а очень бы мне хотелось побывать у Вас и пожить денек-два личной жизнью. Но пишу я Вам в надежде, что Вы откликнетесь (на городской адрес) и скажете, что еще посидите там, — то-то бы приятно мне было в предвкушении этой малой экскурсии. Но — нет, так нет. Во всяком случае, будучи в Москве — позвоните: М. И. (она уедет 13-го отсюда) или Оля скажут Вам мой здешний телефон (сейчас не могу сказать — переезжаю в другую комнату и другой коридор), а Вы, может быть, позвоните, может быть, и заедете сюда (на моей машине).

И еще вот что, Ив. Сергеевич. Вы как-то чудесно рассказывали об одной своей поездке в Ясную Поляну, и там были какие-то попы, и все это было так интересно и значительно по смыслу, что мне казалось — вы пересказываете некоторую свою запись. Если записи нет, то ее нужно произвести, т. е. написать все, как Вы рассказывали (я понимаю, что это не хвать-похвать), и дать в «Н. М.» для толстовского номера (он будет осенний, но деньжонки я бы Вам выслал немедленно). Сядьте-ка, дорогой И. С., завтра же утречком и напишите, как бог на душу положит, а там видно будет — что убавить, что прибавить. Это может получиться очень политично и исторично — с этими попами, которые кормятся там возле беспоповской могилы Льва Н — ча, наподобие того, как подстерегали его раскаяние в Остапове и, кажется, еще в Гаспре. Все!

Еще раз кланяюсь Вам и Константину Ал — чу, а также Борису Петровичу. Вашему сторожу не кланяюсь, так ему и скажите.

Обнимаю Вас крепко. Ах, забыл сказать, что здесь же пребывает С. Я. Маршак (Mr. Marchak), обучавший меня одно время english'y, но это тема особая и обширная,— свят, свят, рассыпься.

Ваш *А. Твардовский*

М. И. кланяется Вам и К. А.

Москва, 25 июля 1960 г.

Дорогой мой Иван Сергеевич!

Хотите верьте, хотите нет, но я уже больше месяца не пишу Вам, даже на письма не отвечаю по столь странной причине, как мои сборы к Вам, которые теперь, кажется, зашли в тупик, т. е. приехать в ближайшее время я уже не смогу.

Вот ведь как получается: уже скоро месяц, как я в отпуске, но я сижу в Москве (и на даче, но приезжаю почти каждый день) и почти каждый день бываю в редакции, увязаю в делах, в переписке, в суете. Конечно, я бы все это оборвал однажды, но тут серьезнейшая история с Олей, с ее попытками поступить в некий вуз или даже не вуз, а училище,— нечто художественное. Это задача по нынешним временам адски трудная, одни экзамены она сдала, даже прилично, но по конкурсу не прошла из-за отсутствия производственного стажа, а по ее здоровью я не могу послать ее на стройку или на целину — это по чистой правде. Словом, на днях это выяснится, и тогда мы уже втроем уедем куда-нибудь (либо Крым, либо что), т. к. отдельно я уже не смогу уехать. М. И. нуждается в передышке от кухни и прочего, не говоря о самой Ольге.

Очень мне жаль, Ив. Серг., что не удалось мне побывать у Вас, поговорить, погулять в тишине, насколько тишина вообще где-нибудь возможна.

Правда, я думаю, что сейчас у Вас нет недостатка в гостях. Конст. Ал. там уже, должно быть (поклон мой ему!), там же должен быть, как я понимаю, и генерал Ваш любимый, а сегодня узнаю вдруг, что и Н[...] с маменькой едет к Вам же. Боюсь, Ив. С., что уже и многонько для Карачарова.

Крепко обнимаю Вас, милый друг, желаю Вам по возможности покоя и труда. Договор можем с Вами заключить когда угодно,— я и это дело откладывал до встречи, желая выяснить объем (предварительный!) и вместе с Вами сочинить «заявку».

Сочините ее сами, как сможете, и присылайте в «Н. М.» [...] — я сегодня же скажу, чтобы они тотчас Вам оформили договор.

Будьте здоровы. Поклон мой Лидии Ивановне, Б. Петровичу и всем добрым карачаровцам.

Ваш по гроб жизни — *А. Твардовский*

Ялта, Н. Ореанда, 20 сентября 1960 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Знаю, что Вы были в «Новом мире» и зарезали там теленка, очень рад буду, если он Вам пойдет на пользу хоть в малой мере. Очень надеюсь, что Вы (без спешки и напряжения) потихоньку пишете и что мы будем печатать нечто Ваше в журнале, хотя бы во второй половине года.

Живу я и здесь вроде бы и хорошо, но малопродуктивно: едва успел вычитать некоторые свои корректуры да кое-что прочесть, хвать, а уже и срок пребывания в этом дворце с отдельным не только двухкомнатным номером, но и отдельным морем, по соседству с такими же хуторскими участками — кончается. В конце сентября буду в Москве — туда и черкните мне о себе что-нибудь.

Не откажите передать К. А. мой меморандум и сообщите мне потихоньку — можно объявлять «Костер» в первой книге? Я боюсь, что К. А. уже настолько привык переносить печатание романа с года на год, что так его и опубликует по кусочкам весь. Я уж не гонюсь за «Правдой», но пусть бы он собрался дать нам то, что есть, хотя бы и напечатанное.

Помогите, если можете, дорогой Иван Сергеевич.

Крепко обнимаю Вас, очень хочу Вас видеть. Привет Л. И. и Б. П.

Ваш *А. Твардовский*

Н. Ореанда, 23 сентября 1960 г.

Дорогой Иван мой Сергеевич!

Получил Ваше письмецо (с припиской К. А.) в день, когда отправил Вам и К. А — чу свои листки. Вчера же направился на прогулку в сторону Ливадии и Ялты, куда раньше не ходил, но и без Вашего напоминания собирался сходить под конец, чтобы посмотреть могилу, которая в какой-то степени и для меня не чужая. Не только потому, что это дорогая и родная могила для Вас, моего доброго и драгоценного друга, но и потому, что я ее уже знал и помнил по 58-му году.

И мне было приятно увидеть ее в полном, очень трогательном порядке — под заметно подросшими кипарисами, усаженную ирисами и бересклетиками (кажется,

не ошибаюсь, что именно бересклетиками) и более того,— я просто поразился,— очевидно поливаемыми, ибо растения выглядели свежими, а не захиревшими от суши на этой зольно-каменистой грядке. Приятно, конечно не то слово, но я затрудняюсь подыскать слово для того чувства, что вместе с грустью было там у меня при виде этих признаков чьего-то догляда за этими насаждениями.

Я, к сожалению, начисто забыл имя и фамилию того садовника, которому несомненно принадлежит честь и бескорыстная заслуга этого присмотра, а то бы я его разыскал на Ливадии и поблагодарил бы от Вашего и Л. И. имени. Но так — неловко спрашивать о человеке, которого и назвать не можешь. Но у Вас наверно сохранилась где-нибудь запись его имени и адреса и Вы ему напишите сами.

Послезавтра мы отсюда уезжаем, так, наверно, и не дождавшись конца шторма, который грохочет уже одиннадцатый день. Должен сказать, что это — странная вещь — угнетает, ждешь, когда же утихомирится эта грозная активность стихии. Я думал, что это только со мной, но оказалось, что и наш врач, здоровенный хохол Прохоренко, живущий здесь уже не один год, томится и говорит, что уж сам не свой, ни за что взяться не может. Словом, это несколько подпортило наш отдых, сегодня я даже не решился лезть в море, хотя до сегодняшнего не пропустил ни дня — невозможно: 7 баллов, даже повреждения на пляже, поломка многих сооружений и убытки санаторию.

Константину Александровичу спасибо за его приписку, но в отношении моей просьбы могу лишь повторить: пусть уж 60-й год прошел, но 61-й нужно открыть «Костром».

Обнимаю Вас и К. А — ча, желаю всего самого доброго. Поклон Л. И. М. И. кланяется.

Ваш *А. Т.*

Москва, 17 марта 1961 г.

Дорогой мой Иван Сергеевич!

Не виделись мы с Вами, кажется, уже лет двести, и не помню уже, кто из нас первым умолк на столь длительный срок в эпистолярном смысле. Но дело, конечно, не в счетах — прежде всего, я сам жил все это время ка-

кой-то странной жизнью (осень и зиму на даче — в качестве сторожа таковой, потом больше месяца в Барвихе, где немножко писал), жизнью, наполненной ежедневной суетой, когда едва остается минутка на неотложные — часто по каверзным мотивам — случаи переписки. А уж для души посвятить немного времени и написать доброму другу — уже порой и сил нет, тем более что он, добрый друг, подобный Вам, не осудит и в ЦК не пожалуется. Последнее же время была и еще одна «уважительная» причина не писать — ожидание переезда на новую квартиру,— перееду, мол, тогда и напишу, а так что ж — вводить в заблуждение насчет обратного адреса. И хоть я еще не полностью переехал (перевез только книги) и еще там заканчивается кое-какой ремонт, но пишу Вам уже с тем, чтобы получить ответ по новому моему адресу: М., Ж-240, Котельническая наб., 1/15, корп. «ВК», кв. 125. Телефон Б 7-42-00. Звоните, заходите.

Отзовитесь, дорогой Иван Сергеевич, хоть парой строчек. Имеете ли в виду встречать раннюю весну в Карачарове? Право, хотел бы (и это реально) заглянуть туда к Вам. Само собой — будучи в Москве, сигнализируйте любым способом,—буду рад душевно.

Поклон мой Лидии Ивановне.

Ваш *А. Твардовский*

7 июля 1962 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Мне очень приятно было узнать, что Вы согласились написать о «Жизни в лесу» Торо. Это книга редкая, хоть и наивная, ограниченная пределами утопических идей автора. Но там и критика буржуазного мира, и пафос физического человеческого здоровья в труде, и, главное, великолепная запись наблюдений природы, поразительная в деталях (это же середина XIX века!).

Словом, пишите. Но пусть это не отвлекает Вас от собственной работы, которую мы бы уже рады были получить от Вас.

Может быть, приедете в Москву? А нет — присылайте. Обнимаю Вас.

А. Твардовский

Москва, 7 ноября 1962 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Шлю Вам и Вашему дому, т. е. Лидии Ивановне и внуку, свой большой привет в утро праздника, до того как отправиться на Красную, посмотреть парад, потолкаться среди людей, озябнуть и, возвратившись, может быть (все зависит от М. И.), врезать маленькую и закусить, чего и Вам желаю.

В дополнение к тому, что я Вам уже говорил насчет Ваших дел в Гослитиздате, могу сообщить, что дело это решительно подвигается. Как мне сказал т. Черноуцан, Гослитиздат только и мечтает о том, чтобы издать Собрание сочинений Ив. С. Соколова-Микитова.

8000 двухтомника *нашлись* (в Ленинграде на складе). Их, по словам Владыкина, быстренько разошлют, а там и за новое издание, т. е. четырехтомное.

Посылаю Вам вырезочку из калининской газеты, чтобы дать Вам знать, что нам все известно и относительно Ваших розничных операций. На здоровье! Обнимаю Вас.

Ваш *А. Твардовский*

6 мая 1963 г.

Дорогой Иван Сергеевич, здравствуйте!

Не знаю, в Ленинграде ли Вы или уже в Карачарове, но пишу Вам все же в Ленинград. Кроме того, что давно Вас не слыхать и хотелось бы повидаться, поговорить о «всеконечном», имею к Вам дельце, которое и для Вас, надеюсь, составит некоторый интерес,— хотя бы в смысле дополнения несколькими страничками Вашего собрания, которое выйдет же наконец когда-нибудь! Речь идет о книжке американца Фарли Моуэта «Люди оленьего края». Не буду излагать ее содержание, одно скажу, что это прекрасная книга при всей ее эскизности, прочесть ее будет даже Вашему внуку полезно и интересно (я и думаю, что он Вам ее и прочтет вслух). Написать о ней, что вздумается, вперемежку с собственными воспоминаниями о северных краях, хорошенько изложить читателю, о чем, собственно, книга (конец ихалмютов), поцитируйте яркие места (их много). Словом,

дайте рецензию на 200—250 рублей, кои Вам не помешают.

Посылаю свой экземпляр книжки, чтобы Вам ее не искать по городу,— если сможете сохранить — хорошо, нет — ладно.

Обнимаю Вас крепко, дорогой Иван Сергеевич, кланяюсь Лидии Ивановне.

Ваш всегда *А. Твардовский*

Москва, 30 мая 1963 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Сообщаю для успокоения Ваших меркантильных чувств, что вчера видел Лесючевского [...]. Он сказал с твердостью, что в отношении исчисления Вам гонорара из 400 р. «все уже сделано» в результате Вашего разговора с ним. Хитрый старец, Вы умолчали, что уже сами договорились о 400 р., полагая, должно быть, что, если и я договорюсь, то будет уже из 800! Но Лесючевского нам с Вами не обойти. Словом, порядок.

Я долго собирался в Смоленск и уже совсем было собрался, а сегодня уезжаю — по велению директивных органов — в Италию недели на две. Таким образом, в Смоленск я поеду в *июне*. Может, вместе с Ив. С.?

Откликнитесь!

Ваш *А. Т.*

Поклон мой Розановым.

Москва, 1 ноября 1963 г.

Дорогой мой Иван Сергеевич!

Давно, давно я не видел Вас, не слышал Ваших речей, не нюхал дыма Вашей трубочки. А время свое дело знает, бежит, перескакивая через малые и большие рубежи дней, месяцев и т. д. Поломанным оказался мой и нынешний «творческий отпуск». Так, съездили мы с М. И. в Болгарию, побывали на курорте в Варне с недельку, объехали за 3—4 дня всю страну — вот и все, что касается отдыха. Сразу по приезде из Болгарии махнул в Смоленск на юбилей города, празднество, прямо сказать, несвоевременное. Вернулся с весьма сложными впечатлениями,— о них лучше при встрече. А тут

журнальные радости, то, се — и пошло-поехало. А тут опять возникла Америка, куда я должен ехать, хоть и охотушки моей нет. А тут начало разваливаться зубное хозяйство,— вот уж вторую неделю хожу, как на службу, а зубов не только не прибавляется покамест, а как раз даже убавляется,— обещают заменить эту убыль казенными, но все это весьма невесело.

Однако не все же мне плакаться Вам в Вашу продымленную кофту. Есть и такой факт этого периода, как разрешение и опубликование «Теркина на том свете», которого я достругивал, когда мы сидели с Вами в Карачарове. Правда, критика не балует его вниманием,— иные ждут, что этого уже распечатанного «Теркина» авось вновь запечатают, иные и рады бы, да прямых указаний нет. Впрочем, все же есть и критика, и в особенности есть почта, да какая — бяда! Отдельного издания еще нег, поэтому посылаю Вам новомирский оттиск, может быть, когда и заглянете в него.

Не собираетесь ли к нам? Сигнальте, я пробуду здесь, наверно, и праздники и, может быть, середину ноября. Очень хотелось бы посидеть с Вами, дорогой и добрый друг, поговорить на эсхатологические темы и т. п.

Поздравляю Вас, Лидию Ивановну и внука-грамотея с наступающим праздником. То, что получится у Вас об ихалмютах, присылайте. Нужно, чтобы попало хоть в декабрьскую книжку, а то в 64-м г. неловко будет откликаться на эту вещь 63-го г. издания.

Обнимаю Вас.

Ваш *А. Твардовский*

Барвиха, 4 декабря 1963 г.

Преславный государь, Иван Сергеевич!

Очень мне неловко, что отвечаю так не вдруг, с оттяжкой в две-три недели. Все собирался, откладывал до Барвихи, а тут досуга и покоя как раз нехватка. Набросились здесь на меня врачи и врачишки, как клопы на свежего человека. Давай им и крови, и мочи, и еще того хуже,— словом, все, как на том свете.

Но не буду вступать на маршаковский путь, не буду жаловаться, тем более что Вы этих радостей общения с медициной имеете сами, по-видимому, в достатке. Чувствую себя хорошо, хоть отдых мой очень неполный,

разорванный (журнал настигает меня и здесь, конечно), не говоря уже о невозможности серьезно втянуться в свою работу. Правда, на этот раз я и не имел задачи, подобной тем, с какими приезжал сюда раньше. Хотелось хотя бы вырваться на время из карусели, дать голове самой поочиститься и наладиться па общий строй.

Ваше осторожное предположение относительно Карачарова затронуло меня. Можно было бы подумать о первой половине января, если это сходится с Вашими намерениями и возможностями. Если надумаете — черкните на эту тему Бор. Петровичу. Как всегда, с отрадой вспоминаю о нашем с Вами прошлогоднем сидении в Карачарове, хоть и жаль мне, что Вы там больше были озабочены своей недвижимостью и потому не были, в сущности, свободны для полного отдыха. Ах, и у меня на шее эта недвижимость, которую то ли менять (кому она нужна!), то ли усовершенствовать, то ли что. Странное дело, но мне всерьез жаль расстаться с этой моей незадачливой халабудой. Однако это опять жалобный тон, оставим его.

Маршак, бедняга, слепнет,— катаракта. Он уже поднял на ноги всю медицинскую науку, самую передовую, но говорят, нужно ждать год, а потом можно сделать операцию. А сейчас он с трудом читает, что для него, конечно, мука. Хорошо еще, что собственные писанья он знает на память, а потому может обходиться кое-как. А все же жаль его,— одинок, стар, слаб при такой энергии и неуемной работоспособности.

Дома у меня очень натяженно. М. И. очень нездорова, только уж не поддается. Ольга беспокоит нас все более — головные боли, отсутствие аппетита, недосып, а школа ее муторная, объем заданий явно не по силам ей, а заикнись, что нужно уйти в отпуск на год — врачи настаивают,— ни в какую! Не знаю, не знаю. Опять съехал на жалобы, простите, пожалуйста.

Поклон мой Лидии Ивановне, привет внуку-секретарю.

Не считайте это письмо за письмо — это лишь для непрерывной связи, а там напишу чего-нибудь повеселее.

Очень хотел бы видеть Вас, хоть в углу дивана в редакции попыхивающим трубкой и снисходительно взирающим на наши хлопоты и суеты.

Обнимаю Вас, дорогой друг.

Ваш *А. Твардовский*

⟨Конец декабря 1963 г.⟩

Дорогой Иван Сергеевич, батюшка!

Должен Вас прежде всего огорчить: вышла 12-я книжка «Н. М.», в ней — рецензия на Харли Моуэта, — на две его книги сразу. Отчасти это произошло из-за моего длительного отсутствия, но главным образом из-за того, что считается нежелательным рецензировать прошлогодние книги,— журнал как бы живет тогда вчерашним днем. Но, дорогой Иван Сергеевич, есть тут доля и Вашей вины: нет и нет Вашей рецензии, откладывали, видит бог, с номера на номер. Но не будем считаться. Закончите все же как-нибудь ее и присылайте для оплаты 50%, т. к. она Вам была заказана.

Не слышу ни о Вас, ни от Вас ничего. Если Вас не завербовали надолго эскулапы, то, может быть, соберетесь в наши края? Не исключено, что мы бы с Вами рванули хоть не на долгий срок в то самое Конаково, где нету рису никакого. Захватили бы с собой малость.

Во всяком случае, очень прошу подать голос.

В начале марта, возможно, буду в Ленинграде. Но до той поры мы бы могли еще бог весть где побывать.

Мои кланяются Вам и Лидии Ивановне. М. И. с Олей собирались было в Ленинград (каникулы Оли), но М. И. прихворала.

Обнимаю Вас.

А. Т.

Москва, 24 февраля 1964 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Получил Ваше невеселое послание,— все же рад, что подали голос. Конечно, Ив. С., там Вам и не предполагалось особого веселья и, конечно, Вы по примеру прошлых лет вряд ли высидите там весь срок, но пусть Вас не смущает и досрочное освобождение. Постарайтесь все же как-нибудь доструганть рецензию на ихалмютов. Если обе книжки с Вами, захватите их. [...] Обязательно дайте знать, когда приедете в Москву.

Обнимаю Вас, дорогой друг.

Ваш *А. Твардовский*

М. И. в больнице, наверно, будут делать операцию. Мы с Ольгой строим свой быт самостоятельно. Она варит щи по самоучителю, но, таким образом, вынуждена и сама хлебать их. И то — хлеб!

А. Т.

20 октября 1964 г.

Дорогой мой Иван Сергеевич!

Что-то умолкли Вы, не подаете голоса, и я с грустью думаю, не обиделись ли Вы на меня в связи с предметом последнего нашего разговора? К. А. говорил мне, что Вы были в Москве, будто бы даже хотели со мной встретиться, но не дозвонились. Должен сказать, что нынешнее лето было для меня очень жестким — тут и журнальные трудности, и серия покойников, и многие другие обстоятельства. Это я к тому, что если я Вам не писал все это время, то лишь в силу отсутствия минутки покоя, подходящего настроения и множества обязательных писем и т. д.

Посылаю Вам прекрасную книжку индийского писателя Кеннета Андерсона, которую Вы прочтете, уверен, с большим удовольствием. Я знаю, что читать Вам трудно, но эта книжка стоит того, чтобы ее прослушать в чтении внука или Лидии Ивановны.

Это никак не «охотничьи» рассказы в том смысле, какой придается у нас этому слову, тут ни вранья, ни охотничьей спеси и похвальбы, хотя очевидно, что автор охотник первостатейный, более того, великий артист своего дела. Но я, например, впервые почувствовал Индию в покоряющей наглядности ее природы, быта ее «провинции», деревни, бедных и хороших людей, живущих своей бедной, вовсе не экзотической жизнью бок о бок с джунглями, с тиграми и пантерами, утаскивающими почтальонов и железнодорожников, и т. п. И потом, удивительно высока нравственная, человеческая основа этой охотничьей поэзии.

Если захотите, напишите нам рецензию-«коротышку», какие идут у нас в отделе «Коротко о книгах» — странички на две-три машинописи. Напомните в ней читателю, что Вы охотник и, следовательно, судите об этой книжке по праву. А не захочется, не понуждайте себя, ведь книжку я посылаю Вам не из крайней нужды в рецензии,

а чтобы доставить Вам хоть малое удовольствие. Но почему не соединить приятное с полезным?

Откликнитесь.

Ваш *А. Твардовский*

Пахра, 1 ноября 1966 г.

Дорогой Иван Сергеевич, батюшка!

Поздравляю Вас и Лидию Ивановну с 49-й годовщиной Октября. Не знаю даже, где Вы — в Ленинграде или Карачарове. Что-то давненько ничего от Вас не имею — не в узилище ли опять попали? Не дай бог! Во всяком случае, подайте какой-либо знак, что Вы и как? Не исключено, что соберусь как-нибудь тут в Ленинград.

Ваш всегда *А. Твардовский*

Пахра, 8 января 1967 г.

Ах, дорогой мой Иван Сергеевич!

Не сетуйте на меня, что не поздравил Вас нынче с Новым годом: как раз в канун этого года закружилась над журналом и над моей головой такая метелица (и до сих пор порошит), что я, вопреки своему обычаю, никого уж и не поздравлял,— ей-богу, не до того было.

Дела, словом, желто-г[...]го цвета, но входить в подробности не буду, — оставим это до встречи и соответствующего оснащения ее хотя бы малыми огневыми средствами.

Просит у меня некто Бахтин Влад. Соломонович «5—10 страничек об И. С. Соколове-Микитове» для юбилейного сборника, посвященного полувековому труду ленинградских литераторов, составителем которого он, Бахтин, является. Но видит бог, что я могу написать сейчас вдруг об И. С. сверх тех 5—10 страничек, что были написаны в свое время? Рекомендую ему обратиться к тем страничкам.

Пишет мне в новогоднем послании Б. П. Розанов, которому я как-то в конце прошлого года послал «Теркина», что он готов приветствовать нас с Вами на вверенной ему территории. Может быть, по теплым дням, как любите Вы говорить, соберемся?

Пишу Вам эту беспредметную писульку просто так — напомнить Вам о себе и хоть отчасти восполнить упущение перед Новым годом.

Будьте, дорогой Иван Сергеевич, не говорю — счастливы,— это дело не всегда доступное,— но будьте так же мудры и неподатливы унынию, как всегда. Обнимаю Вас. Лидии Ивановне мой низкий поклон.

Ваш *А. Твардовский*

18 апреля 1967 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо за «крохи» — их поглощает пятая книжка вместе с нашим приветствием.

«Крохи» хороши и, хотя грустноваты, обладают каким-то славным духом весны и юности.

Будьте здоровы. Спасибо за дельное восприятие критики (насчет бороды).

Обнимаю Вас.

А. Твардовский

Пахра, 2 августа 1967 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

От Лидии Ивановны знаю, что Вы в Карачарове и что пробудете там весь сентябрь. А написать Вам решил под впечатлением сна: будто бы мы с Вами заблудились в страшную зимнюю метель и набрели на скирду соломы в поле (из-под комбайна такие скирды остаются на зиму). Там было выщипано или мы сами сделали углубление, где мы засели, радуясь, что в затишке оказались, и сразу стало терпимее. Однако впереди ночь, дуть, и мести, и крутить не перестает, и мы решаем там ночевать, вернее, дожидаться рассвета. И Вы, Ив. Серг., будто бы говорите: «Что ж, А. Т., задремлем, а там будь что будет — встанем или не встанем». И хорошо помню, что от усталости или как, но не было страшно, что заснем и не встанем. И еще, помнится из того сна, что Вы мне все время напоминали, что нужно беречь ноги,— остальное ничего. И теперь я, когда почему-либо не засыпаю сразу, я призываю на помощь тот сон, как мы сидим, привалясь спи-

ной к теплой, непробиваемой вьюгой толще соломы, и задремываем, а там, мол, будь что будет.

Вот так, Иван Сергеевич, я и общаюсь с Вами на сон грядущий, и на душе у меня становится хорошо и спокойно,— все это оттого, что я Вас люблю и почитаю и, по правде, с Вами вместе не прочь был бы и на самом деле провести такую ночь под скирдой.

Дела мои со стороны журнала до крайности невеселы [...]. Но об этом лучше бы на словах. Давненько не видел Вас, о. Иоанн, не беседовал. Напишите мне, сколько еще там пробудете и не закатиться ли к Вам на денек-другой. А если будете в Москве, сигнализируйте.

Обнимаю Вас, дорогой друг. Л. И. мой поклон. М. И. и Оля шлют вам обоим свои приветы.

Ваш по гроб жизни *А. Твардовский*

Пахра, 19 декабря 1967 г.

Дорогой мой Иван Сергеевич!

Вот уж недели две знаю, что Вы с Лидией Ивановной переселились в столицу нашей родины, держу адрес в кармане, а все никак не выходит заехать. Когда еду в Москву, спешу туда (между прочим, я в отпуску, но это не мешает мне два-три раза в неделю ездить по делам журнала в город), еду обратно — спешу домой: чаще всего мы бываем с М. И., а значит, на даче никого, кроме запертой собаки, которая там воет, мочится и т. п.

К тому же к концу дня так устанешь, накуришься, что уж хочется до места. Но соберусь-таки, на днях соберусь, заеду.

Очень, очень рад Вашему переселению. Может быть, на первых порах и тоскливо маленько на новом месте, но, по правде, здесь Вам будет лучше во многих смыслах.

Давно Вас не видал, очень хочу посидеть с Вами постариковски, обсудить вопросы внутренней и внешней политики, а также науки и искусства. Разлюбезное дело. Только что закончил статью о Маршаке к его Собранию сочинений, мало сказать: гора с плеч,— так изнурил он меня.

Весь я в тяжких делах, всегда в неуправке с почтой, рукописями, верстками и т. д. Но, надеюсь, скоро будет небольшой просвет.

Черкните мне, пожалуйста, пару строк в подтверждение, что Вы действительно проживаете в г. Москве и когда Вас я верней застану дома.

Обнимаю.

Ваш *А. Твардовский*

Пахра, 28 декабря 1967 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Вашу «скоропись» я разбираю довольно свободно, так что пусть Вас и впредь не смущает некоторое изменение почерка. А письмо хорошее,— я рад, что Вы не теряете своей очаровательной способности смотреть на превратности жизни с неугасимым «почвенным» юмором.

Я почти уверен, что до Нового года сумею заглянуть на ваш 10-й или 15-й этаж, но на всякий случай примите это мое поздравление с наступающим. Очень хочу поговорить с Вами неторопливо, по-деревенски, без поглядывания на часы.

Лидии Ивановне — мой поклон, все мои приветствуют ее и Вас и шлют добрые пожелания.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 10 июля 1968 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Получил Ваше письмо, где Вы сообщаете о своих ночных бдениях и дневных недугах.

Рад хоть такой весточке от Вас и вдвойне рад, что имею возможность поздравить Вас с высокотехническим устройством для записи как дневных, так и ночных мыслей,— диктофоном, о каковом Вы уже уведомлены Воронковым,— дай бог ему здоровья!

Отрываясь от диктофона, Вы будете еще иметь возможность писать (было бы что!) еще и таким стилом, которым я пишу Вам эти строки, вывезенным мною из страны Италийской и по-басурмански *фломастером* называемым.

Мы с Лакшиным действительно собираемся к Вам нагрянуть в Карачарово, как только будет позади некий порог, перед которым сейчас у нас все остановилось.

Не взыщите за краткость, черкаю в суете редакционного дня, спеша хоть как-нибудь отозваться на Вашу весточку.

Обнимаю Вас. Поклон мой Лидии Ивановне и всем добрым людям, а недобрым — шиш.

Ваш *А. Твардовский*

Пахра, 25 декабря 1968 г.

Отец Сергий!

Позвольте поздравить Вас с матушкой Лидией Ивановной по случаю наступающего Нового года. Пусть он будет по всем показателям лучше старого.

Не гневайтесь, отче, что никак не соберусь навестить Вас в Вашей келье: приезжаю — спешу протолочь накопившуюся в журнале воду, а к концу дня бываю уже таким усталым и раскисшим, что уже не до гостеваний.

Но все же хочу еще в этом году постучаться к Вам.

Благословите.

Ваш смиренный *А. Твардовский*

Пахра, 28 апреля 1969 г.

Дорогой Иван Сергеевич, с праздником Вас и Лидию Ивановну!

Должен сказать, что при всем том, в каком невеселом положении узника полутемной одиночки застал я вас в последнее мое посещение, я, поверьте, не вынес какого-либо гнетущего впечатления. Право, наоборот, я увидел, что настоящий человеческий человек в любом состоянии способен сохранять достоинство и не быть некрасивым.

Я даже был как-то ободряюще пристыжен за себя, при гораздо меньших стеснениях природы поддающегося порой унынию и хандре. Словом, так держать, дорогая борода, Иван Сергеевич!

Буду рад навестить Вас сразу после праздников, которые буду проводить здесь, управляясь со своими садово-огородными заботами.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 3 ноября 1969 г.

Дорогие друзья Иван Сергеевич,
Лидия Ивановна!

Позвольте поздравить вас с праздником Октября и пожелать вам встретить его не в нéдугах, а добром здравии и благополучии, как, впрочем, и в будни не хворать.

Мне рассказывал В. Я. Лакшин о ваших мытарствах с переездом из Карачарова,— жаль, что вы не позвонили в редакцию,— все было бы в порядке (на будущее имейте в виду!).

Дорогой Иван Сергеевич, обнимаю Вас. До свиданья! Надеюсь до праздников увидеть Вас.

А. Твардовский

Пахра, 25 декабря 1969 г.

Дорогой мой Иван Сергеевич!

Поздравляю Вас с Лидией Ивановной по случаю Нового года и желаю наивозможного благополучия в телесном и душевном смысле. Полагаю, что Л. И. уже дома, но если, к сожалению, еще пребывает в узилище, передайте ей, пожалуйста, поклон и пожелание скорейшего выздоровления.

М. И. и Оля кланяются вам обоим. Обнимаю Вас, дорогой друг!

Ваш *А. Твардовский*

P. S. Пишу на моем редакционном бланке, т. к. не знаю ни дня, ни часа, когда утрачу эту респектабельную возможность, спешу насладиться, а впрочем, и карточки с картинкой под рукой нету.

А. Т.

ПИСЬМА В. В. ОВЕЧКИНУ

Москва, 23 января 1946 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Никаких новостей, интересующих нас совместно, не слышно. Надо полагать, что до поры и не будет слышно. Но слух о затее журнала распространился в литературных кругах Москвы. Мне даже звонили люди,— тут и пожелания, и одобрения, и любопытство, и корыстные соображения, и т. д.

Поэму («Лирическую хронику») «Дом у дороги» я худо ли, хорошо закончил. Не знаю, дотерпит ли она до своего журнала, но, по мнению М. В. Исаковского, это вещь как раз для такого органа, более всего для такого. Впрочем, может быть, это и не совсем уже так.

Желаю Вам всякого добра. Не отрывайтесь, пишите. Между прочим, чуть было не забыл Вам сказать, что с Ильичевым я говорил, основываясь на беседе с Вами и Фадеевым, который мне звонил перед своим отъездом к избирателям. Говорил в упор. И прямо-таки чудесное действие. Этот умный, осторожный и сдержанный человек заметно потеплел ко всей идее и заметно был рад, что такое предложение идет со стороны инициативной группы. Только бы его кандидатура понравилась наверху.

Вот и все покамест.

Жму еще раз руку.

Ваш *А. Твардовский*

2 января 1952 г. Телеграмма

Просим сообщить, над чем сейчас работаете, когда можно ожидать от Вас повесть или рассказ.

С приветом.

Твардовский

12 января 1952 г. Телеграмма

Спасибо, Валентин Владимирович, что быстро откликнулись. Повесть «Трактористы» включаем план журнала. Надеемся опубликовать ее текущем году. Высылаем на подпись договор. Приветом, пожеланием нового творческого успеха.

Твардовский

15 июля 1952 г. Телеграмма

Работа безусловно интересная, ценная. Будем печатать. Необходим Ваш приезд хотя бы на один день. Проезд редакция оплачивает.

Твардовский

17 июля 1952 г.

Уважаемый Валентин Владимирович!

Жаль, что Вы не можете приехать, но что поделаешь. Очерк написан очень хорошо, и наши замечания касаются главным образом мелочей.

На стр. 2 — предлагаем вычеркнуть слова «накинь на него оброть»... Ведь выше сказано, что конь силился оборвать уздечку, значит, он привязан.

На стр. 7 — предлагаем убрать фразу: «Этим словом колхозник заменил ставшее как бы старомодным слово — идейный». Она лишняя и ничего, в сущности, не объясняет.

На стр. 11 — вызывает сомнение упоминание о том, что Борзов взял такси. Предлагаем фразу: «Не звонил насчет машины, взял такси»,— выкинуть.

На стр. 12 — вычеркнуть слово «далеко». Фраза будет звучать так: «Но все же на девятую группу они не вытянули».

На стр. 17 — в фразе: «Они-то ведь знают, на чем булки растут» — предлагаем вставить после «ведь» слова «не хуже нас».

На стр. 19 — лишними представляются слова: «Ну что ж, дождемся партийной конференции...» Мы их хотим выкинуть.

На стр. 23 — мы хотим вычеркнуть фразу о директоре Палачеве. (Это просто дешевовато.)

На стр. 27 — в первой строке вместо «в старой деревне» хотим заменить «раньше», а во второй вместо «Были в селах» — «Конечно, были в каждом селе». Так получится яснее,— пестрота ведь была внутри села, но не между селами.

И последнее: в самой последней строке вычеркнуть слово «повесть».

Вот все замечания редакции.

Отправляем очерк в набор и ждем от Вас подтверждения, что Вы на эти поправки согласны.

С дружеским приветом главный редактор журнала «Новый мир»

А. Твардовский

P. S. По поводу отсрочки представления повести Вам надо прислать официальное заявление с точным указанием срока, до которого Вы просите отложить представление рукописи. Таковы неукоснительные правила бухгалтерии. Прошу Вас сделать это не откладывая.

Это письмо — плод коллективной работы (вещь читали, кроме меня, Тарасенков, Смирнов и др.,— всем очень-очень нравится), но замечания на 97 % мои. Я не настаиваю категорически на них, но думаю, что так будет лучше.

Еще одно: ждем, ждем всего нового, что выйдет из-под Вашего умного, серьезного, дельного пера. Крепко жму руку.

А. Т.

18 августа 1952 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

С Вашим очерком покамест все идет нормально, а то бы мы уже известили Вас. Мы надеемся, что ничего дурного и не случится.

Договорные деньги, конечно, дело, не касаемое очерка, а за очерк сегодня-завтра переведем.

Рассказов и Вас, дорогого автора, ждем с нетерпением.

Ваш *А. Твардовский*

31 декабря 1952 г. Телеграмма

Дорогой Валентин Владимирович, поздравляем Вас Новым годом, желаем успешно закончить повесть и дать в новом году читателям такие же дорогие подарки, как прошлом.

Твардовский

Москва, 30 января 1953 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Простите, что задержал с ответом на Ваши письма,— помешали разные суеты и хлопоты, загрузка, наконец, некоторое недомогание, душевное состояние, когда нет сил написать даже заявление об авансе. Словом, извините.

Ваше письмо относительно плана нового очерка — превосходное, оно просто взволновало меня. Вы — человек такой редкий среди литераторов — стоите у самой жизни с Вашим чутким ухом и зорким глазом, взыскательным умом и добрым сердцем. И это уже дает результаты.

Успех Ваших напечатанных очерков несомненен и все более подтверждается тут у нас. А то, что Вы собираетесь еще развернуть, обещает быть еще более значительным. Не остывайте к этому замыслу, не тороплю Вас, но не откладывайте на потом то, что надо делать, сколько позволяют силы, сейчас. Это письмо посылаю Вам в копии обратно — оно пригодится Вам, это черновой набросок плана, даже просто план работы,— план всегда есть черновик.

За теплые слова, относящиеся в этом письме ко мне лично,— спасибо, спасибо.

Теперь о публикации Маслова, о Вашем предложении устроить «переписку» с редакцией по поводу его стихов. Простите, не огорчайтесь, но мне кажется, это было бы не то — занимать читателя вопросами совершенства или несовершенства стихов начинающего поэта, стихов хоть и очень интересных, но слабых в собственно поэтическом смысле, по многим причинам было бы нехорошо. Два известных писателя, вместо того, скажут нам, чтобы в частном порядке помочь начинающему, разводят публичную переписку на страницах журнала с 130-тысячным тиражом по этому вопросу. Нет, не то и не то. Тут даже может дело выглянуть так, что не желание ли как-то нескромно выставиться подвигнуло этих авторов на эту затею, с виду как будто бы такую «общественную».

Ваше же сопровождение к стихам Маслова не удалось,— мы как-то тут не договорились. Оно-то и могло дать эти стихи как факт жизни, а не литературы, стихи как бы составили очерк человека, живущего там-то и там-то, и очерк жизни такой-то и такой-то. Но у Вас все это бегло, наспех и без упора на главное. Так что и без «переписки» это помещать в таком виде не следует. А в каком виде следует — мы еще поговорим с Вами при встрече,— это не так, оказывается, просто.

Теперь — что касается Вашей просьбы насчет моей телеграммы в райком. Опять же скажу прямо: это не то. Моя телеграмма в таком контексте — это удостоверение, что такой-то действительно является писателем, и т. п. Я по большому опыту знаю, когда это нужно делать, а когда нельзя. В данном случае — нельзя. Иное дело — на месте, к разговору Вам сказать то же самое на словах секретарю райкома. Но я лишен этой возможности. Не сочтите за «перестраховку», я не таковский, но поймите,

что это поставило бы всех заинтересованных в несколько неловкое, ложное положение.

Наконец, отзыв Ваш о Щеглове. Мы его ждем. Мы очень хотели бы довести дело до печатания пьесы, но у меня были серьезные сомнения, а что тут делать — не хватало еще одного глаза, Вашего именно, потому что в этом материале Вы — как рыба в воде.

Вот, кажется, и все, что хотел и должен был Вам написать вкратце.

Крепко жму Вашу руку, желаю доброго настроения в работе и света душевного.

Привет Вашей семье.

Ваш *А. Твардовский*

Москва, 20 февраля 1953 г.

Дорогой мой Валентин Владимирович!

Большое спасибо за Ваш совет относительно Троепольского, за письмо, которое заставило меня немедленно посмотреть верстку (я читал только рукопись) и решительно исключить оттуда всего «Прохора», который и раньше был у меня на подозрении, тревожил, но я, по грехам нашим, понадеялся на своих помощников, обещавших «выправить», «довести» и т. п.

Действительно, это доморощенное «щедринство» носит оттенок обывательского зубоскальства. Остальное, без этого «Прохора», выглядит, по-моему, вполне терпимо, а местами и вполне симпатично.

Вы, пожалуй, можете сами легко представить, какова моя нонешняя редакторская жизнь,— век живи, век учись. Не буду об этом.

Вот что я Вам хотел посоветовать: напишите (сейчас же!) письмо в секретариат о предоставлении Вам квартиры в Москве (предстоят какие-то получки). Не пугайтесь, я не хочу Вас переселить тотчас в Москву и впрячь в журнальную телегу. Но квартира вам в Москве не помеха,— живите хоть на Камчатке, а здесь она Вам нужна, дорогой В. В. (взрослые дети, наезды в Москву и т. д.). Как говорят: посоветуйтесь с женой. Она, хоть я ее не знаю (большой поклон ей), наверно, увидит ре-

зон этого дела. А отказа Вам не будет — в этом я почти уверен.

В ЦК говорят: Овечкин — хорошо, но сможете ли вы (редакция) держать с ним деловой контакт на расстоянии, не получится ли Шолохов № 2? Мы думаем, что нет. Многого от Вас не требуется, а такой порядок отношений, который сложился еще до Вашего вхождения в редакцию, нас вполне устраивает.

Желаю доброго здоровья. Пишите мне почаще, я очень люблю Ваши письма.

Крепко обнимаю.

А. Твардовский

15 июня 1953 г.

Дорогой наш Валентин Владимирович!

Мы вновь перечитали «Академика» (кстати, не лучше ли назвать «Не один в поле воин»?) и нашли, что в чтении вещь даже выигрывает по сравнению с авторским «исполнением». В ней, как уже и говорилось, очень много хорошего, она должна быть и будет напечатана. Для краткости обращаюсь прямо к вопросу о кремлевской сцене: ее необходимо опустить. Дело не только в прямых и недвусмысленных разъяснениях и указаниях, которые имеет редакция, но и по конкретному существу. Она — дань поверхностной «драмтрадиции», согласно которой такая сцена во всякой пьесе обязательна. Но вы можете не считаться с этим, посчитайтесь с тем, что сказано выше. Если бы Вы стали настаивать, ставить условием напечатания вещи сохранение этой сцены, мы вынуждены были бы, как это ни печально, отказаться от напечатания ее. При этом Вы и в др. журналах не смогли бы ее устроить, так как положение общее. Возможно, что все это я лучше мог бы изъяснить Вам на словах при встрече, поэтому, если можете, приезжайте на денек-другой (суточные — 26 р. $\times$ 2 = 52 р.), обговорим все и придем к окончательному выводу. С. С. полностью согласен со мной и к данному письму руку приложил.

А. Твардовский

Москва, 25 февраля 1954 г.

Дорогой друг, спасибо, что не забываешь. А я едва выбрал минутку, чтобы черкнуть тебе — заседаю, ты знаешь где. Там все очень серьезно, интересно — настолько, что не отпускает мысль ни на минуту в сторону. Об этом еще поговорим при встрече, как следует.

Ты здорово прав относительно Абрамова, и, представь, я уже несколько дней назад дал команду отложить ее на неопределенное время, в душе решив уже, что она не пойдет. Не велика честь выступать против Бабаевских в нынешней ситуации. Нужно другое.

Веду я себя хорошо — на пять с плюсом, чего и тебе желаю и не сомневаюсь, что так оно и есть. Жду, жду новых страниц. Махнуть бы тебе рассказ! А?

Моя Мария Илларионовна сейчас с присущей ей тщательностью читает твою книгу страница за страницей все — и старое, и новое, и восхищается, что с ней редко бывает в отношении современников: какой, мол, неподкупный глаз, какая трезвость (!) в оценке явлений, вдумчивость исследователя и взволнованность художника и т. п. Я, конечно, с этим не согласен, как ты знаешь.

С кн. 4 — благополучно. [...] пришлось сделать купюрку в главе, но без потерь в основном и главном.

Крепко обнимаю тебя. Желаю твоему перу нестись по бумаге легко и весело, впрочем, пусть даже трудно, но не нудно.

Привет твоей всей фамилии.

А. Твардовский

Москва, 2 мая 1954 г.

Дорогой друг Валентин Владимирович!

Вчера оформил мое телеграфное приветствие тебе и твоей семье (твое получил, спасибо, поклон супруге!), а сегодня был обрадован твоим письмецом. Обрадован не только твоей солидарностью в вопросе о 300-летии воссоединения, но и особенно твоим намерением поехать в Смоленск. Дело в том, что в моем плане — обязательная

поездка на Смоленщину *в мае*, и я очень хотел бы увязать ее с твоим посещением. Вот где мы вместе посмотрели бы кой-чего и побеседовали всласть, тем более что Доронин, с которым я познакомился в дни Пленума ЦК, человек, по-видимому, действительно незаурядный, серьезный, без партважничанья и отлично понимающий свою задачу,— дай ему бог! Доронину-то я и обещал приехать по теплым дням. И просто скажу: сейчас заниматься чем-нибудь другим помимо деревенского дела — все равно что, оправдываясь важностью своей роли в тылу, отсиживаться от фронта. И еще скажу: поездки на целинные земли, которые сейчас становятся «модными», меня менее влекут, чем поездка в трудный, не парадный и даже как бы ничем особенным не примечательный край [...] бедствия, осложненного последствиями войны, географией и т. п. Это для меня сейчас неотложнейшая потребность. Не могу сидеть в «Ташкенте», когда фронт под «Вязьмой» и когда знаю, что не хуже, а лучше многих «оперативников» смогу и разобраться в делах и пособить делу истолкованием положения. Словом, я непременно буду в Смоленске и области в *мае*, буду не на 2—3 дня, как ты предположил, а побольше, но я решительно не могу выехать немедленно, как ты предлагаешь, в первых числах мая. М. И. очень тоже обрадовалась, что мы могли бы с тобой поехать вместе (видишь, доверяет!). И у нее такое предложение, чтобы ты приехал тайно (без оповещения «света») в Москву, побыл бы со мной денька три на даче, а отсюда бы мы на машине и катанули в Смоленск. [...]

«Теркина» я вчерне перебелил уже. Теперь остается перебелить набело — и попытаемся его двинуть. [...]

Короче, я посылаю тебе это письмо одновременно с телеграммой, в которой прошу дождаться письма. Теперь сообрази и пойди мне навстречу: не хочу тебя одного пускать на Смоленщину — ревную, что ли, не хочу,— хочу вместе.

Уведомляй о твоем решении. Крепко жму руку, очень хочу тебя видеть. Еще раз привет фамилии.

Твой *А. Твардовский*

Москва, 24 мая 1954 г.

Дорогой друг Валентин Владимирович!

Получил долгожданное твое письмо, которое доставило мне большую радость, и не только потому, что в нем содержалось несколько строк, относящихся к моему «делу» (серьезность его не берусь здесь описывать, расскажу на словах), но и общим своим тоном, отношением к моей бедной «малой родине», любимой и незаменимой, твоими взглядами на будущее, твоими надеждами и намерениями написать нечто о ней. За все — спасибо.

Что касается моего «дела», то скажу тебе здесь одно: только развернувшаяся работа над загробным Теркиным удерживала меня от почти что отчаяния. [...] Друзья некоторые выжидательно примолкли, недруги возликовали было уже. Я рад бесконечно, что есть у меня друзья, которым не приходится сожалеть о дружбе со мной, и есть люди, в которых хочется верить и которых надо любить (я имею в виду, например, Доронина, который всего-то и видел меня один раз, когда я «цапкался» с С[...] у Исаковского, но в котором я и тогда уже угадал благорасположение к себе, а не к С[...]). Ах, жаль, что мы с тобой не увиделись в это трудное время, хотя оно еще продолжается (теперь, надо полагать, по личной линии оно пройдет, но по журнальной только по-настоящему начинается, кажется). Вот возьму однажды и гряну к тебе в Курск поговорить, отдохнуть хоть день от литературно-административной возни с Василиями Ивановичами Ивановыми и т. п.

Теркина закончил, [...] читал в редакции с привлечением актива «хороших и разных» — человек 15—20. Успех был полный и невероятный по единодушию. Присутствовавшие здесь Владыкин и Кузнецов изъявили решительное желание получить рукопись на предмет рассмотрения в «Правде»,— пусть из последнего ничего не выйдет, но интересно, что и эти тт. на минуту поддались общему гипнозу. Сегодня-завтра будет журнальная верстка «Теркина» — поэтому только не посылаю тебе машинописный экземпляр. Получишь — прочти, почеркай — сколько тебе угодно, покажи, кому найдешь нужным, но не пожалей 3 рубля — пусти телеграмму по прочтении — о первом общем впечатлении. Мне твой суд очень дорог, пусть даже он будет более сдержанным, чем иной чей-нибудь.

Будешь писать Доронину — напомни ему о моем «деле» — теперь уж мне легче тебя просить об этом, поскольку ты уже в общей картине «дела» не сомневаешься. Это будет (уже и была — по счастливому твоему приезду в это время в Смоленск) твоя неоценимая помощь в моей личной судьбе. Что же касается «помощи» вообще, в литературных делах, тут все в том, чтобы ты писал, писал, как линотип, чтобы умники из руководства Союза, обеспокоенные сейчас «противопоставлением» (!) Овечкина «всей» послевоенной литературе, поскорее увидели (впрочем, черт с ними: так ли важно, чтобы они что-нибудь увидели!).

Обнимаю тебя. Привет всей семье. Непременно так или иначе надо увидеться.

Твой *А. Твардовский*

Москва, 28 сентября 1954 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Когда ты уехал, я так и не знаю, кажется, долго еще был здесь, по слухам. Вчера получил вдруг письмо от В. Д. Фоменки, которому ты сообщил мой адрес. Между прочим, Фоменко свой адрес не указал, на конверте лишь обозначено: Краснодарский край. Что это — новое его местожительство? Впрочем, это не так важно, поскольку письмо его обычного тона и содержания, какими в последнее время отмечены письма, получаемые мною от разных людей: не унывайте, мол, трудитесь и т. п. Ей-богу, это скучно: все знают, что я не должен унывать, вернее сказать, предполагают как данность, что я унываю, и считают своим долгом высказаться в том духе, что унывать не следует. Может быть, и скорее всего так, что эти пожелания идут от доброй души и т. п., но дело это малоблагодарное.

Пишу же я тебе непосредственно вот с какой идеей. Я звонил Доронину сегодня, чтоб узнать, будет ли он в Смоленске в октябре, т. к. мне важно было бы застать его там во время моей поездки. Он обещал уточнить это (не знает еще) в первых числах октября и позвонить, при этом сказал, что и ты будто бы собирался быть в Смоленске около этого времени. Вот бы хорошо было — не весной, так осенью съехались бы богатыри.

Сообщи, пожалуйста, остается ли твое намерение в силе. Я-то так и так поеду, но было бы очень приятно, если бы совпало с твоим приездом.

Крепко обнимаю тебя, привет фамилии.

Твой *А. Твардовский*

Москва, 9 октября 1954 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Спасибо за скорый отклик. Очень рад твоему намерению приехать в Смоленск. Меня удерживает только отсутствие машины, которой я не могу купить до сих пор, хотя готов заплатить все, что просят. А без машины мне ехать в родные места не годится,— в плане у меня разнообразные поездки по родне и т. п., при этом всегда лучше иметь независимость в отношении колес — не ездить туда, куда не хочется, не выпрашивать всякий раз поездку, не применяться к «оказиям», которые мне хорошо известны по прежним временам. Но это техническое препятствие будет-таки на днях устранено. Доронин обещал позвонить, но что-то не звонил еще. Не хотелось бы приезжать в его отсутствие. Словом, так и так нужно подождать, что не страшно. Жду звонка из нового телефона, напоминаю мой: Г 1-79-13.

Привет супруге.

Твой *А. Твардовский*

Москва, 17 февраля 1956 г.

Дорогой Валентин!

За разными суетами не прочел тотчас по получении твою статью и тем лишил себя на несколько дней радости, какую испытал только сегодня.

Это так великолепно, нет, не то слово,— это благородно, умно, смело, честно. Я просто взволнован. Ради опубликования этой статьи я готов был бы вновь стать редактором, вновь быть снятым и хотя бы даже высеченным на площади.

И это при том, что ничего нового для меня в работе этой нет, как и для тысяч и тысяч других людей, только изложено это с таким знанием дела, уверенностью, убежденностью и прямотой, которая, как ты правильно сам сказал, уже сама по себе облегчает накипевшую боль души.

О многом хотелось бы поговорить на словах, надеюсь, что ты подъедешь в столицу. А до того, может быть, мне удастся что-нибудь в смысле ознакомления с этой штукой кого-нибудь. Правда, надежды невеликие, но все же...

Хожу на съезд (в качестве гостя, как и др., что не избраны были делегатами). В общем — обо всем можешь иметь полное представление по газетам. Кроме того, чего еще там не было, но будет.

Крепко обнимаю тебя, дорогой старик. Поклон всей фамилии.

Прости, пожалуйста, что отозвался так нескоро.

Твой *А. Твардовский*

Москва, 5 апреля 1956 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Я говорил с Полторацким относительно твоего открытого письма М. А. Шолохову. К сожалению, он не проявил к этому делу интереса, просто сказал, что это не в их «профиле».

Письмо твое хорошее, но мне лично жаль твоих сил, затраченных на то, чтобы доказывать вещи самоочевидные. [...]

Письмо относительно чистки вряд ли будет иметь успех. Я лично не сочувствую этой идее. Но нет возможности быть подробным в этом вопросе в письме. Это дело разговора — и не на один раз.

Как я себя чувствую в связи со всем, происходящим на белом свете? Опять же — это я, может быть, и мог бы изъяснить на бумаге, но не сейчас, когда в душе «все перевернулось и только укладывается», как говорил Л. Толстой. О многом можно было бы поговорить. Одно скажу, повторю, что нашему с тобой поколению не при-

ходится жаловаться на недостаток материала для обдумывания.

Крепко жму твою руку, часто вспоминаю тебя.
Привет супруге.

Твой *А. Твардовский*

Москва, 5 сентября 1957 г.

Дорогой Валентин!

Очень порадовался я твоему голосу, а то не слыхать и не слыхать,— как так и надо. Я жил это время жизнью довольно муторной и беспокойной, если не считать чудесного месяца в Коктебеле, где я был с женой и младшей дочкой. А тут пол-лета ушло на ремонт квартиры,— выделил и отделал квартиру для дочери семейной,— вступал во всевозможные плутни по добыче цемента и т. п., совал злато в руки всяческих стройдельцов, глотал пыль штукатурки в захламленной и перевернутой вверх дном квартире. А тут еще и на даче учинил одно преобразование, о коем уж не буду и распространяться. За всем этим кое-что и делал. Написал новую главу «Далей» — весьма серьезную. Когда отбелю — пришлю экземпляр. Несколько небольших стихотворений. Рвусь к прозе, и все откладывается, все недостает покоя души и пр., а годочки текут, как денежки. Ты уж, как говорится, вторую полсотню разменял, понимаешь меня — я трачу последние рублишки первой. А там оно пойдет еще быстрее. Внук мой уже делает первые шаги в стихосложении — ему около 2 лет. Вот так, дорогой старик, живем помаленьку.

Насчет твоего запроса о «беседах»: да, были две беседы общей сложности свыше 4 часов. Говорил я все, что обычно говорю с друзьями и что думаю наедине, словом, дорвался, но толку-то чуть... Об этом — при встрече.

Твоему замыслу («Без беллетристики») очень рад и верю, что получится здорово,— давай волю натуре. Не хочу наперед говорить, но уверен, что если отдаться этому дельному и деловому изложению, без обязательств

пейзажика, диаложцев и т. п. хреновины, то сама собой явится, проступит и «беллетристика», т. е. художество, ибо оно вовсе не обязательно является через посредство восходов и закатов и всяческих «он криво усмехнулся».

На юг, может быть, поеду в ноябре — в Ялту, там новый и, говорят, очень хороший, комфортабельный дом Литфонда, с теплыми коммунальностями и т. п. Пожилые джентльмены ценят такие вещи. Может, и ты соберешься? Неплохо бы можно было посидеть, потрудиться,— я грешным делом последние годы только в монастырях этого типа и работаю по-серьезному.

Буду рад видеть тебя в Москве, во Внукове (грибы есть).

Привет твоей фамилии.
Обнимаю.

А. Твардовский

3 октября 1958 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Большая просьба ознакомиться с этим проспектом и отвести или добавить какое-нибудь имя, если явится такое желание. В случае внесения изменений поставь, пожалуйста, редакцию в известность незамедлительно. Если же ничего не будет изменено в тексте, то можно не писать ничего.

Будь здоров и весел.

Твой *А. Твардовский*

1 декабря 1958 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Отзыв твой о рукописи Казакевича — краткий, но дельный и совпадает в основных положениях и в частностях с отзывами, наиболее заслуживающими вни-

мания (Е. Драбкиной, И. Саца и др.). Вещь, конечно, нуждается еще в серьезной работе, автор к этому относится разумно, без надутости,— словом, торопиться не будем, пусть хоть в апрельскую книжку попадет.

Теперь о тебе. Напиши-ка ты «Дневник писателя» для, например, февральской или даже мартовской книжки. Это как раз то, что нужно делать в периоды «неписанья» в широком смысле,— ты можешь отлично сделать «Дневник» из разнородных записей, зарисовок, наметок и предположений, не обязательно пронизанных насквозь единым стержнем. Очень часто, поверь, такие как бы «необязательные» записи, «кроки», как говорят художники, позволяют сказать больше, емче и выразительней, чем иные «обязательные», подчиненные строгим жанровым законам вещи. Сообрази-ка, право, да и захвати, как будешь ехать на съезд, с собой листа полтора-два таких заметок.

Очень прошу тебя подумать об этом.

Жму твою руку, жду.

А. Твардовский

Москва, 24 ноября 1959 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Страх как не хотелось бы мне огорчать тебя, но приходится: пьеса мне очень не понравилась. С моей общей отрицательной оценкой этой вещи ты, конечно, не согласишься и, я знаю твой характер, будешь ставить и продвигать в жизнь пьесу,— и давай тебе бог! — но я не могу не сказать хоть по частностям то, в чем убежден безусловно.

Не Овечкина это дело ставить и «разрешать» проблемы «любви пожилых» в духе какого-нибудь «сонета Петрарки». Должен заметить, между прочим, не силой, а слабостью художника является приравнение возраста своего героя к своему возрасту,— это панферовский путь. И не только панферовский. Неужели ты не заметил, что в литературе нашей, более всего в драматургии уже так заезжен этот пошловатый мотив страстей климактерического периода.

Поначалу я думал, ждал, что ты на этом (опять-таки до крайности заезженном) курортном фоне что-то готовишь, к чему-то ведешь,— ан нет, все по проторенной дорожке мнимой, фальшивой «драмы чувств». А уж когда дошло до «разрешения» «конфликта», когда седовласый герой отвергает любовь юной девушки, попросту обхамив и оскорбив ее,— и автор доволен его поведением! — тут уж я просто был опечален.

В начале слышались какие-то отголоски «районных будней», серьезной реальной жизни, но потом все ушло в «душеустройства» Александра Георгиевича и Надежды Матвеевны, в существование которых просто не веришь и от слов которых испытываешь стыд, тот самый, который Л. Н. Толстой называл «особым родом страдания». Право же, когда твоя героиня говорит, что эта курортная обстановка — место для коротких незамысловатых сближений, «а у нас *это* настоящее», то хочется зажмуриться от неловкости. Я уже не говорю о том, где ты видел 50-летних учительниц, бросающих свой огород и поросенка (или корову), чтобы ехать (на какие доходы!) в Крым устраивать сердечные дела, не имеющие, в сущности, реальной жизненной необходимости (как дети и т. п.).

Никто мне не докажет, что в пьесе можно вывести дурака и бюрократа раймасштаба, который таковым и является от первой до последней реплики, с которым ничего не случается, и это будет нужно и интересно.

Нельзя, конечно, просто запрещено уже характеризовать сибиряков таким сакраментальным речевым признаком, как словечко, «однако» — ни к селу.

Нельзя, рассуждая устами своих персонажей о строительстве городов в тайге, нести чушь насчет того, что оставленные у тротуаров и во дворах домов чащобные сосны или ели способны представить собой готовый парк (они просто умирают — из-за малой кроны, чувствительности к солнечному жару, зимним ветрам, не говоря уже о «травмах» при вторжении стройки в тайгу).

Словом, прости меня, я уже сошел на мелочи, стремясь удержаться в пределах «частностей», но мне не хотелось бы видеть на бумаге вышедшие из-под твоего серьезного пера такие «допущения» — вроде палки самшитовой, которую вырезал будто бы (ножом!) твой герой и обстру-

гивает ее, как ольховую или ивовую. А для чего? Для того только, чтобы мысленно замахнуться ею один раз на отрицательного Хинчука.

Мне будет очень жаль, если ты не захочешь ничего понять из этих моих (может быть, немного резких) слов, явившихся сразу по прочтении пьесы. Но я скажу честно: я не вижу, что ее можно как-нибудь улучшить, «дотянуть».

Если сможешь не сильно обижаться на меня, буду очень, очень рад.

Твой *А. Твардовский*

12 декабря 1960 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Очерки в «Сельской жизни» хороши и полезны, но воспроизводить их в «Новом мире» можно было бы лишь при добавлении к ним по крайней мере вдвое нового текста, тем более что автор — член редколлегии журнала.

Замечания твои по Эренбургу будут учтены и доведены до автора, но дело в том, что он в поездке и практически в отношении № 1 это малопродуктивно. Вообще же замечаний по нему можно было бы сделать и в десять раз больше, но учить Эренбурга поздно и невозможно, нужно считаться с таким, каким его бог зародил. Тем более что это — продолжение, а начало имеет успех у читателя, и все в целом имеет свою объективную ценность мемуарного свидетельства о пережитом при всем несовершенстве и порой претенциозности субъективного изложения. И, наконец, последнее: что ты можешь предложить в № 1 вместо этого или вместо Пановой, свое или чужое? Нету? Вот так-то обстоят дела!

Ждем от тебя нового в любом жанре.

Обнимаю тебя.

А. Твардовский

19 мая 1961 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

На этот раз должен тебя огорчить, а делать этого так не хотелось, что отчасти этим объясняется задержка с ответом,— в таких ведь случаях нет оснований спешить на телеграф.

Пьеса мне решительным образом не понравилась. Правда, может быть, кое-что можно отнести за счет незавершенности, о которой ты предупреждал меня в письме, но я сейчас говорю не о степени литературной отделанности вещи, а о том, что составляет ее существенное содержание.

Я тебе скажу прямо, что, по моему глубокому убеждению, нет необходимости жить в наши дни в провинции для того, чтобы писать пьесу из жизни актеров облтеатра. И не задача для серьезного писателя обличать средствами искусства директора Басова, стремясь к портретному сходству, в угоду невзыскательному вкусу людей, способных обнаружить это сходство («вот как прохватил нашего»). То, что именно это обстоятельство «узнавания» (не того «узнавания» в большом смысле, какое бывает в искусстве) обрадовало тебя, меня особенно огорчает. Я, например, не знаю курского Басова, и поэтому образ его не только не произвел впечатления «разорвавшейся бомбы», но попросту никакого впечатления не оставил. Иными словами, даже если касаться темы самого искусства, то изображение людей искусства (относительного к тому же) не лучшая форма для этого. Не тебе с твоим талантом и общественным темпераментом ограничивать себя такими задачами. Этак следующим этапом почему бы не быть роману из жизни областного отделения Союза писателей.

Мне очень нелегко говорить тебе — любимому и ценимому мною человеку в литературе — такие обидные и неприятные вещи, но мне еще тяжелее было бы обходиться в данном случае обиняками и «извитием словес».

По крайней мере, я буду знать, что не унизился во лжи перед лицом человека, которого уважаю. Словом, бог с ней — с пьесой, пусть она даже будет иметь успех в курском театре, пусть ты не сразу захочешь понять, что не твое это дело — такие «проблемные» очерки в лицах

из жизни искусства. Но мне жаль твоих сил, расходуемых не по назначению.

На днях прочел большой очерк Е. Дороша, к которому всегда относился весьма сдержанно, очерк, продолжающий его «Деревенские дневники», но на совершенно ином, несравненно более серьезном уровне, и невольно вспомнилось мне волнение, какое испытал от первого очерка твоих «Райбудней». У Дороша про все то, что стало *после*, т. е. в нынешнюю полосу деревенской жизни, и выявлено январским Пленумом, и про Рязань, и про Казань, и про загрязнение коровами улиц райцентра и т. п. И все очень здорово, достоверно, с сердечной болью — разумным взглядом на вещи. Очерк будет в № 7, получишь верстку, прочти, пожалуйста. Я это все, конечно, не к тому, чтобы «воздействовать» на тебя примером Е. Дороша, но к тому просто, что вот и с более скромными данными что может получаться, когда берешься за главное, насущное.

Не сердись, пожалуйста, мы с тобой уже в том возрасте, когда при всех взаимных частных несогласиях нужно блюсти добрые рабочие отношения.

Если новый вариант пьесы, по-твоему, значительно отличается от этого, давай, прочту еще раз, рад буду, если окажется, что на этот раз я ошибся, и пусть почитают остальные члены.

Твой *А. Твардовский*

29 мая 1961 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

К истинному моему сожалению, не могу изменить оценки твоей пьесы. Письма И. Соловьевой мне в этом не помогли, и, вообще говоря, они не показались мне такими значительными, как тебе. Возвращаю их.

Одновременно тебе пишут наличествующие в Москве члены редколлегии.

Будь здоров.

А. Твардовский

24 июля 1962 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Очень рад, что ты подаешь голос, интересуешься делами журнала.

Что касается «Сироты» А. Яшина, которой я, по правде, не читал, то никто этой вещи у нас в редакции не отвергал. Автору было сделано несколько существенных замечаний Е. Герасимовым и А. Кондратовичем, автор согласился с ними, взял рукопись для доработки и... передал ее в другую редакцию,— не знаю, после доработки или без оной. «Выскочка» также была в редакции, но она была действительно отклонена за полной несуразностью сюжета, автор не проявил желания, чтобы вещь была прочитана мною, видимо, согласился с оценкой ее другими редакторами (тем же Е. Герасимовым). Вот и все наши «потери», о которых ты так горько сетуешь. Может быть, ты имеешь в виду какие-нибудь еще наши «потери»? Я их не знаю.

Все это, конечно, не мешает тебе написать рецензию на «Сироту», мы будем рады ее напечатать. Присылай!

Будь здоров, это главное.

А. Твардовский

20 сентября 1962 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Твои замечания по очерку В. Гроссмана вполне основательны и совпадают с теми, что сделаны мною и другими товарищами из редколлегии при повторном (некоторыми в 3-й и 4-й раз) чтении этой вещи.

Ты сетуешь, что тебе не прислали в свое время рукопись очерка, и напрасно, так как мы вообще затрудняемся посылать «черновой» материал за пределы Москвы — это хлопотно и ненадежно в смысле сроков и т. д. Кроме того, мы не могли не учитывать в последние полгода состояния твоего здоровья, в частности, зрения. И, наконец, попрекая нас, ты не имеешь представления о том, что по рукописи уже была проделана двух- и трехъярусная работа, что рукопись эта была чуть ли не вдвое

больше, а несуразностей и даже политических неловкостей в ней было вчетверо против того, с чем ты имел дело, читая верстку. [...]

Что мы могли бы указать твое в проспекте на 1963 г.? Сообщи телеграфом.

Привет!

А. Твардовский

Москва, 28 февраля 1963 г.

Дорогой Валентин!

Вчера я так хорошо поговорил по телефону с Ефимом Борисовичем, он так меня порадовал сообщением о твоем нынешнем состоянии и самочувствии, что сегодня с утра (6 ч.) наконец сажусь за это письмецо до того, как броситься под колеса моей ужасной каждодневной мельницы,— даже для того, чтобы написать дружески и без фальши несколько строк, оказывается, нужен какой-то минимум душевного равновесия. Все это, конечно, не в оправдание того, что я так долго не отзывался на твое письмо (оно, кстати, пришло на другой день после моего отъезда в Карачарово к Ив. С. Соколову-Микитову, где я проживал жалкие остатки своего «творческого отпуска», добивал «Т. на том св.»). Не в оправдание, а в разъяснение. Я живу уже несколько месяцев в таком напряжении моих подорванных сил, с такими бросками из жары в холод и обратно, что труднее всего мне было быть внимательным к своим, к друзьям,— так велика была опасность броситься в жалобы на судьбу и пр. В этом смысле не один ты можешь на меня быть в претензии. Но в претензии ко мне столько людей, жаждущих не только прочтения их рукописи, но гораздо большего: пересмотра «дела», перемены жилья, устройства в больницу, назначения пенсии и т. д. Стоп! Кажется, уже пошло то, чего я меньше всего хотел бы допустить в письме к тебе. Вот так и живу. Однако, повторяю, вчерашний разговор с Ефимом Борисовичем меня порадовал. Одно только меня очень смущает: твой переезд в Ташкент. Что ты оттуда сбежишь, в этом нет никакого сомнения: жара, непривычная среда, отдаленность от Москвы, от друзей и врачей, в том числе от врачей-друзей — все это не шутки.

Но теперь об этом я веду речь лишь в том смысле, что, в случае твоего разочарования в Ташкенте, ты не должен забывать: запасные позиции всегда есть: Москва. Съезди, погости, отдохни, присмотрись, как там и что, а там и подъезжай в белокаменную: она, матушка, не выдаст, над виром потрясет, а в вир не бросит, как говорилось у меня на родине (правда, не о Москве). [...]

Конечно, и приусадебный участок — дело не столь обеспеченное при дурном характере владельца. Да уж как-нибудь!

Сообщаю: вчера сдал на машинку «Теркина». Мне страшно трудно было доводить его до ума, но сейчас я, так или иначе, обретаю в нем опору и спокойствие: я свое сделал. А будет это явлено «граду и миру» или нет, не моя уже забота, хотя я, конечно, сделаю все для того, чтобы оно было явлено. [...]

Прости, заговорил я тебя, а сказал так мало из того, что должен был бы сказать. Все новомирцы (они знали, что я тебе буду писать) шлют тебе свою сердечность и все добрые пожелания.

Обнимаю.

Твой А. Т.

Барвиха, ⟨17 декабря 1963 г.⟩

Дорогой мой Валентин!

Письмо твое двухмесячной давности я помню, командировку я тебе послал, а ответить, выходит, не собрался,— я столько пишу писем людям посторонним, иногда совсем чуждым мне, что очень часто именно друзьям отписать все откладываю, а порой и забываю. Прости, но жизнь моя даже здесь, в этом [...] монастыре, состоит из множества постоянно висящих надо мной обязательств, отписок от них и т. п.

Письмо твое (нынешнее, переданное мне вчера Кондратовичем) очень встревожило и опечалило меня. Дело не в твоих сетованиях по поводу материальных дел — это все поправимо (о командировке ты просто забудь, пенсия для тебя — дело почти автоматическое,— я все тут разузнаю, придумаем и еще что-нибудь). Но то, что ты говоришь о недостатке крови для писания — это все

вздор. Кому из нас, грешных, не приходила столько раз мысль о том, что, мол, «мог когда-то, а вот уж больше не могу»,— это законное и неизбежное чувство для каждого серьезного писателя,— оно было слишком знакомо и великим старикам, а не то что нам, дуракам. Бойся другого, когда вдруг попрет и станет все легко, как понос,— это в нашем возрасте бывает куда чаще. Словом, покамест писать трудно — все еще хорошо, более того, особенно трудно бывает как раз перед взятием новой высоты. Это я знаю отчасти и по собственному опыту.

Журнал завершает свой труднейший, пожалуй, самый трудный за все годы, год. И смотри: по неполным данным, подписка на 64-й г. увеличилась на одну треть примерно! Это [...] настоящая радость подтверждения того, что не зря хлопочем [...].

Не приехать ли тебе в Москву? Русская зима в полной красе, да и потереться тебе среди друзей неплохо бы,— я все же представляю, что ты там порядочно одинок. Подумай и черкни, мы тебя просто вызовем как члена редколлегии, оплатим расходы (пусть не в полном объеме, но не прохарчишься).

Очень рад, что тебе понравился Залыгин, это постройка серьезная, но в том виде, как ты читал вещь,— с нею еще не сунешься. Я вызывал сюда Залыгина, накачал его, как мог, он с охотой вернулся к вещи,— теперь ждем ее в окончательном виде.

О журнальных делах вообще не буду, а то невольно приходится впадать в жалобный тон. Жаловаться нечего, мы сами себе создаем эти трудности тем, чем можно гордиться. [...]

Будь здоров и тверд духом, мы еще, как говорится, увидим небо в алмазах. Делай не торопясь автобиографические заметки, не ставя себе обязательной задачи печатать немедленно. Пиши, наконец, дневник, описывай природу, погоду,— заведи тетрадь потолще.

Обнимаю тебя крепко, дорогой друг.
Поклон мой Екатерине Владимировне.

Твой *А. Твардовский*

Пахра, 4 ноября 1964 г.

Дорогой мой Валентин Владимирович!

[...] приехать я на праздник или в будни в Узбекистан не смогу,— никуда не езжу, на днях отказался от поездки с семьей в Италию и Францию, отказался от десятка настойчивых и почти обязательных предложений всякого юбилейного и т. п. порядка, совершенно не располагаю собой, хотя нахожусь в так называемом творческом отпуске и ничего не творю, кроме докладных записок, неотложной переписки и неотложного перед зимой ремонта дачи да всевозможных хлопот, не оставляющих меня ни на один день. Почему-то бесчисленное количество людей считает меня главным специалистом по квартирам, больницам, пенсиям и т. д., страшно преувеличивая мои возможности (они просто ничтожны) в этом отношении. Я уже не говорю о рукописях, о необходимости читать то, что читать бы не нужно, но без меня не может быть отклонено. Ты скажешь: а заместители, редакция? Со всех хватает. [...]. Словом, лучше не затевать объяснений на эту тему.

Собрался я жить за городом, чтобы не сойти совсем с ума от звонков, посещений и пр., переменил дачу и вот уже больше полугода трачу на нее не только деньги из сбережений прошлых лет, но нервы и силы, которых старые запасы еще меньше, чем денежные. Но все же нужно тянуть, надеяться на нормализацию дел в журнале и на возможность собственной работы. А иначе — что же? Самым главным и существенным в твоем письме являются признания о нелепости твоего переселения в жаркие и столь отдаленные места, что было ясно мне и многим другим и тогда, когда ты затеял эту негоцию. Но, может быть, верно, что каждый сходит с ума по-своему и что речь сейчас не о том, а о том, как бы тебе оттуда выбраться, не обижая никого, и, главное, каким образом, при чьей помощи. Я, конечно, попробую сделать все, что будет в моих малых силах, но должен сказать, что более трудного момента для такого мероприятия ты придумать не мог. [...] *Иные* возможности исключены с недавнего времени по понятным причинам. И, конечно, одних слов со стороны, что вот, мол, Овечкин хотел бы, нуждается в переезде в Москву (а куда еще?), мало. Нужно, во всяком случае, твое письмо с изложением всех обстоятельств и причин в Секретариат СП

СССР, чтобы существовал некий документ, который нужно так или иначе рассмотреть и что-то на нем начертать. Вот написал я письмо — и тебя не порадовал, и сам расстроился, а не посылать его — еще больше тебя обидеть невниманием. Можешь только поверить мне, что я не «отписываюсь» от тебя, а говорю, как оно есть на самом деле. Кругом пусто, пойти не к кому [...]. А сколько в этом году покойников, и сколько вины какой-то и обязательств перед их памятью, и какое бессилие что-то повернуть, исправить. [...] Но это уже мотивы, от которых переход к поздравлению с праздником может показаться слишком крутым. Однако не будем так уж предаваться печалям. Нужно жить и выполнять свои обязанности,— обычно повторяю я заключительные слова фадеевского «Разгрома».

Кланяюсь Екатерине Владимировне, и вся семья моя — тебе и ей, обнимаю тебя и желаю всего самого доброго, чего ты поистине достоин на этом свете.

Будь здоров и по возможности спокоен.

Твой *А. Твардовский*

3 марта 1965 г. Телеграмма

Дорогой Валентин Владимирович, спасибо за добрые слова привета. Сожалеем о твоем отсутствии на товарищеском вечере по случаю юбилея. Шлем свои наилучшие пожелания здоровья и творческих сил.

Твардовский

Кунцево, 31 мая 1965 г.

Дорогой мой Валентин Владимирович!

Я действительно виноват перед тобой — не ответил на последние письма, но я уже, кажется, объяснялся на тот счет, что для меня написать просто письмо в ответ на дружеское письмо — дело нелегкое. У меня *всегда* завал писем, на которые ответить нужно по долгу службы

(и никогда не успеваю, хотя С. Х. могла бы тебе показать, что от шестого до шестнадцатого тома моего посмертного собрания сочинений уже заполнены эпистолярной продукцией), а уж по долгу дружбы — все время откладываю на потом. Да и что напишешь? [...].

Конечно, неизбрание тебя делегатом съезда — [...], глупость несусветная. Твое присутствие украсило бы состав любой делегации. [...]

Мне только одно ясно, что сидеть там тебе уже ни к чему, а как выбраться (и куда), ума не приложу. А выбираться нужно.

Пишу тебе из кунцевской больницы, где пребываю уже третью неделю,— ноги, эндартериит, кислое дело — бальзам, повязки, на кои никакой обуви не надеть, новокаиновые блокады и т. п., а толку вроде не видать. Курить, говорят, нужно побольше, увы, я так и делаю. Третьего дня сняли с меня эту ужасную ватную (с вонючей мазью Вишневского) упаковку,— впервые вышел в парк подышать, а сегодня, может быть, опять накрутят, а может быть, даст бог — придумают что-нибудь другое, чтобы не сидеть мне в этой одиночной камере (еще спасибо, что одиночная).

Вот что я сейчас подумал: не попроситься ли тебе на первый случай сюда — в эту больницу, где есть, конечно, и терапевтическое, и прочие отделения (я в хирургическом, хотя при нынешнем уровне мед. науки до ампутации пальцев не дойдет). Тебе просто нужно переменить климат, а там, отдохнув, можно было бы предпринять некие шаги в направлении главной проблемы — переселения из жарких краев. Если согласен, напиши Воронкову,— он это может самолично провернуть, и я ему позвонил бы.

Обнимаю тебя.
Поклон Екатерине Владимировне.

Твой *А. Т.*

Барвиха, 27 июня 1965 г.

Дорогой Валентин!

Получил твое невеселое письмо, адресованное М. И. Насчет китайских иголок — бог с ними,— не склонен

увлекаться. Ноги так себе, особенно правая, но я уже вовсю хожу, гуляю, сегодня купался,— думаю, что ничего, хотя здесь еще никто не купался — не тот контингент. Жить здесь хорошо, но если бы все дни были как воскресенье, а то в будни много обязанностей (процедуры, посещения врача, то, се), день разорванный. Правда, ни к чему серьезному, требующему запаса покоя, я здесь не приступал, готовлю второе издание собрания сочинений, читаю и пишу всякую мелочь по журналу, в жизни которого весьма мало веселого (распространяться об этом неохота).

Конечно, не из-за больницы я считал целесообразным твой приезд в Москву, можно и без нее обойтись, но нужно как-то выехать из Ташкента. Нужно предстать собственной персоной, а так ждать у моря погоды (тем более что и меня там нет) малоперспективно.

Что я хотел бы тебе настоятельно посоветовать: если тебе позволяет мало-мальски здоровье читать верстки, не забывай написать рецензии, не стесняясь «внутренней» формой. Это единственная реальная возможность оплаты твоей работы как члена редколлегии. Ты это делаешь нерегулярно, часто тратишься на изложение своих мнений мимоходом в письмах частного назначения (мы и тогда можем оплачивать эти отзывы, но тут возможны и упущения по забывчивости, например, моей). Между прочим, если бы ты намахал как можешь несколько рецензий на крупные вещи, проходившие в этом полугодии (Эренбург, Конев, Семин — кто там еще?), то можно бы оплатить все это вкупе, и это составило бы приличную сумму.

Если соберешься в Москву, напиши, мы тебя вызовем, по крайней мере, дорогу и гостиницу оплатим и кое-какие суточные.

Не преувеличивай требовательности в отношении этих внутренних рецензий,— пиши, как пишешь в письмах,— страничку, другую набросай, что-нибудь процитируй, сделай резюме (печатать — не печатать) — вот и рецензия.

Поклон мой Екатерине Владимировне.
Обнимаю.

А. Твардовский

2 августа 1965 г.

Дорогой Валентин!

Очень огорчен переменой твоего адреса. Надеюсь все же, что современная медицина, рассматривающая инфаркт (тем более малый) как дело ей вполне подсудное, поставит тебя на ноги в ближайшие сроки.

П. Н. ты все же должен был написать даже из больницы, так мне кажется. Впрочем, смотри сам.

Вот какие у нас перемены. Провожаем на пенсию Е. Н. Герасимова, ввели в редколлегию И. А. Саца и Виноградова И. И. (критика).

Прозы, даже средне-высокохудожественной — острейшая нехватка. Старики мышей не ловят, молодые часто гоняются за бумажкой на ниточке.

Поправляйся и приезжай.

Обнимаю.

Привет и пожелания скорейшего выздоровления ото всех новомирцев.

Твой *А. Твардовский*

11 ноября 1965 г.

Дорогой мой Валентин Владимирович!

Прочитал твое последнее письмо, представил себе твое нынешнее действительно невеселое бытие в Ташкенте и не знаю, что придумать, что сказать тебе, чтобы ты повеселел хоть малость. Приезжай в Москву,— это первые слова, которые могли быть сказаны в данном случае, но нынешнее твое состояние исключает такое предложение, как ты сам об этом говоришь. Значит, не иначе, что подождать нужно более благоприятного времени. Знаю, что ждать бывает тошнее всего, но что еще предложить?

Еще я могу лишь напомнить тебе, что как-нибудь соберись с силами и напиши письмецо П. Н. [...],— пусть это дело будет сделано и, таким образом, будет ясна

хоть объективная сторона перспективы переезда, а тогда и субъективная, я уверен, улучшится.

И еще: не забывай посылать хоть крохотные рецензии по версткам журнала. Во-первых, замечания твои чаще всего бывают дельными и основательными, мы их всегда учитываем, а во-вторых — как-никак добавка к бюджету,— это не последнее дело в твоем нынешнем положении. Вот ты мне пишешь о Черниченко, а ты бы лучше это самое «чуть-чуть», может быть, пошире — направил в виде редакторского заключения по материалу,— оно бы и продуктивнее было.

Некоторые вопросы, которых ты касаешься в письме, удобнее было бы обговорить изустно, а некоторые просто ходом вещей выясняются из печати, прежде чем я смог бы тебе их объяснить.

Итак, нужно погодить, как говорит у Щедрина, кажется, Глумов. Будем годить.

Отдаю это письмецо переписать на машинке, зная, что тебе трудно читать мою «скоропись» с неизбежными — от дурной привычки — помарками.

Поклон мой Екатерине Владимировне.

М. И. кланяется ей и тебе.

Обнимаю тебя.

А. Твардовский

Москва, 14 января 1966 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Посылаю на прочтение вновь найденную поэму М. В. Исаковского,— вещь такая, что нужно всем читать *до*.

Сразу же сообщай свое мнение.

Все, кроме Марьямова, который еще не читал, решительно *за*.

Будь здоров, поклон Екатерине Владимировне.

А. Твардовский

28 февраля 1966 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Получил твое обстоятельное и дельное письмо по материалам № 3. Спасибо. Мне кажется, что в отношении Венжера ты «наволакиваешь», но у меня нет сил сейчас перечитывать, сопоставлять и т. п., тем более что все это уже в производстве и что ты все же за опубликование ее в данном виде.

«Генерала» я зарезал до того, как узнал твое мнение об этом рассказе.

С Троепольским придется погодить до теплых дней, когда природа-мать покажет, что прав он, а не инстанции, вынесшие уже постановление не в его пользу. Все это очень тяжело, но мало ли тяжелого, о чем ты можешь даже в своем отдалении от каждодневной жизни журнала догадываться. Поправляйся, приезжай, пиши и впредь таким же образом, т. е. чтобы письма твои шли как рецензии на верстки и в оплату.

Привет мой Екатерине Владимировне.

Обнимаю тебя.

А. Твардовский

22 марта 1966 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Мне очень трудно исчерпывающим образом отвечать на твои очень хорошие письма, носящие все же характер подробного вопросника к имеющему быть отчету о проделанной журналом работе за определенный период. Твой интерес понятен и ценен для нас, но это слишком большая нагрузка — всю нашу каждодневную «круговерть — то ли жизнь, то ли смерть» представить всякий раз в связном виде,— для этого нужен по крайней мере минимальный досуг, а его-то у меня и нету, тем более что я еще пытаюсь хотя бы делать вид, что и я писатель, т. е. человек, который пишет изредка что-нибудь и

помимо докладных, объяснительных записок, внутренних рецензий и всевозможной эпистолярии делового характера.

Чтобы не забыть. Найди один из недавних №№ «Литературной газеты», там обзор очерка, принадлежащий перу И. Винниченко. Этот гусь, говоря о «Районных буднях» как об очерке, положившем начало целому, так сказать, этапу в развитии советской литературы,— что правда, то правда,— сообщает, что очерк этот впервые был напечатан в «Правде», а уж потом, мол, и «Новый мир» подключился (упомянут-таки и «Новый мир»!). Ты думаешь, что Винниченко просто ошибся, запамятовал, где впервые были напечатаны «Райбудни». Как бы не так! Он отлично это знает, даже, пожалуй, знает, что очерк этот, предложенный тобой «Правде», был там отвергнут (при тогдашнем ее руководстве), об этом все знали в литературно-журналистском мире. Но он не преминул, конечно, переадресовать общеизвестную заслугу и честь «Нового мира» другому, более достойному органу печати. Это все одного плана вещи. [...] Между прочим, еще не поздно и весьма ценно для истории было бы тебе черкнуть в «Литературную газету» по поводу Винниченко: так-то, мол, и так, очерк был напечатан в «Новом мире», как это ни прискорбно. Конечно, это не будет опубликовано, но пусть будет подшито. Нам — копию.

Ты прав в отношении «дела Троепольского», но кто же у нас в редакции нуждается в агитации относительно необходимости «доводить дело до конца»? Нет таких. А всю сложность и многообразие трудностей, возникающих в связи с «доведением», ты себе и представить не можешь, а ведь нам не одного Троепольского «доводить». В настоящий момент, по крайней мере, 5—6 таких начатых журналом и не по его вине не доведенных до конца дел. И «его же не прейдеши»!

Вот приедешь в Москву — дня в три нахлебаешься нашей редакционной кутьи, будешь сдержаннее в своих запросах и о многом не будешь спрашивать без нужды, самому все будет ясно.

То, что ты старался и стараешься привлекать к журналу новых авторов,— самое доброе дело. Но не сетуй, если не всякий раз я отвечу относительно твоих протеже, а ответит Виноградов, Кондратович или еще кто, ибо 100% того, что поступает в редакцию, поступает на мое

имя с пометкой «лично», а иногда и обязательным условием, чтобы прочел только Т—й лично. Да еще часть этого потока направляется не в редакцию, а на квартиру редактора, словом, всего этого добра мне не перечитать бы одному и до второго пришествия,— как правило, я в рукописи читаю лишь то, что вызывает споры в редколлегии или уже имеет непосредственный интерес находки (самотек) или подарка (что-нибудь из-под пера нашего актива). Да и трудно предположить, чтобы у нас пропустили что-либо из столь редких находок или подарков, т. к. всякая очередная книжка вопиет о материале,— хоть сам ложись под машину,— мы буквально охотимся за всем, что мало-мальски сулит какую-нибудь надежду. Мы, т. е. известная тебе группа редакторов и их помощников — людей думающих, желающих и понимающих.

Александрова я не читал (см. копию письма А. И. Кондратовича Александрову).

О «Теркине» на сцене Театра сатиры что же я тебе могу написать? Разве что одно, что это действительно *явление*, но мне, отчасти виновнику этого явления (говорю так не из ложной скромности, а имея в виду блистательное мастерство режиссера, композитора и ведущего актера), быть подробным в характеристике его столь же неудобно, как и в освещении внешних обстоятельств отнюдь не споспешествующих этому явлений. Авось еще сам посмотришь,— лучше всего будет.

Написал все это и вижу, что, кажется, ничего толком не сообщил нашему иногороднему соредактору. [...].

Обнимаю тебя. Поклон Е. В. Мои редакционные и домашние народы приветствуют тебя.

А. Твардовский

Пахра, 25 сентября 1966 г.

Дорогой Валентин Владимирович!

Заглянул на днях в редакцию (я с 1.IX наконец-то в отпуску), среди почты твое большое письмо. Соответствующую часть его, переписав на машинке, превратили, как обычно, в рецензию, а по части, обращенной лично ко мне, вот что имею тебе сказать.

Первое, зря ты на меня набрасываешься за (и уже не в первый раз) эту несчастную командировочную сотню рублей, да еще обрушиваешь на меня свои претензии к организациям, подведомственным Союзу писателей. Право же, не нужно меня подозревать в злом умысле. Просто-напросто я, зная, что с деньжонками у тебя негусто, устроил эту командировку (я считаю, что ты вообще все время находишься в командировке, к тому же в сейсмическом районе). Деньги эти взять отнюдь не зазорно, особенно как подумаешь, сколько мошенников без всякого зазрения и без всяких литературных последствий пользуются этими «творческими» командировками. Пусть же и порядочному человеку — для дела — перепадет хоть малая толика. Так я считаю. Что же касается «отметок», то забудь об этом, этого не требуется. В свое время, когда это будет нужно, если будет нужно, я или любой из замов моих начертают: «Командировка выполнена»,— и все. Если же ты еще порадуешь нас какими-либо страничками из «Политотдела» или еще откуда,— так и говорить не о чем вообще. Но, повторяю, во всех случаях — это сущие пустяки.

Теперь о твоем приглашении приехать в Ташкент. Вот уже в третий раз мы отложили (путевки сдали обратно) поездку к теплому морю, куда М. И. просто требуется поехать и где мы не были уже столько лет. Нету полной уверенности, что выедем и первого октября — последний намеченный срок. Такая, брат, жизнь, чужую беду ногой разведу, а к своей ума не приложу. Словом, спасибо большое, но приехать сейчас не смогу ни один, ни с М. И.

Поклон мой Екатерине Владимировне.

Будь здоров, обнимаю тебя.

Твой *А. Т.*

13 января 1967 г. Телеграмма

Если позволяет здоровье, очень важно приехать тебе Москву. Все расходы по командировке будут оплачены.

Твардовский

29 января 1968 г. Срочная телеграмма

Ташкент

Овечкиным

Дорогая Екатерина Владимировна, Валентин, Валерий, примите глубокое соболезнование всей редакции и лично мое в связи с кончиной нашего дорогого друга и товарища Валентина Владимировича. Его добрая память навсегда остается с нами. Прощаемся с ним первой книжке журнала моим некрологом. Будьте тверды в этом большом испытании.

Ваш *Твардовский*

ПРИМЕЧАНИЯ

О ПИСЬМАХ ТВАРДОВСКОГО

Письма впервые появляются в Собрании сочинений А. Т. Твардовского, и шестой том, включающий часть эпистолярного наследия писателя, отнюдь не претендует на полноту количественную и тематическую. Одной из целей при отборе писем было восполнение и раскрытие биографии писателя. Написанная в сороковые годы «Автобиография» Твардовского была продолжена им лишь одним-двумя абзацами в годы шестидесятые — более к ней он не возвращался. Вот почему на первый эпистолярный том ложилась задача дополнить, пояснить или вскрыть те факты из жизни поэта, которые им самим освещены слишком бегло или которых он вовсе не касался. Вероятно, биографическая тема много теряет от отсутствия писем к родным и близким. Но время для них еще не подошло. Что же касается писем, вошедших в книгу, то и сами они, и пояснения к ним связывают события жизни Твардовского в последовательный ряд. Через эти эпистолярные свидетельства проходит «смоленский период», переезд в Москву, учеба в МИФЛИ, работа в издательстве «Советский писатель», участие в походе в Западную Белоруссию, финская кампания, Великая Отечественная война, работа в редакциях «Литературной газеты» и «Нового мира». Но на всех этапах жизненного пути незыблемой остается главная тема писем Твардовского: тема современной литературы.

Два слоя заметны с первого взгляда в эпистолярном наследии Твардовского: один из них — это многолетние собрания писем друзьям и близким (он представлен здесь именами М. Исаковского, С. Маршака, И. Соколова-Микитова, В. Овечкина) и другой — более мощный, образованный письмами-одиночками. В нем письма литераторам-профессионалам, чьи произведения печатались или отклонялись в «Новом мире» (К. Паустовскому,

Э. Казакевичу, В. Пановой, И. Эренбургу, К. Федину, Ф. Абрамову, В. Белову, В. Быкову и др.). Письма читателям, переводчикам, издательским работникам, деятелям искусств (чаще всего в связи с попытками использовать произведения Твардовского в театре, кино и других областях искусства). Немалую долю эпистолярного наследия писателя составляют письма учащимся. В них с особой отчетливостью звучит нравственно-воспитательная тема. Однако преобладающим материалом в пласте писем-одиночек являются ответы начинающим авторам, они, без преувеличения, прошивают всю обширную корреспонденцию Твардовского со времени «Страны Муравии». Впрочем, помощь молодым не ограничивалась только письмами. Уже в 1930 г. в течение нескольких месяцев Твардовский руководил литературным кружком на паровозостроительном заводе «Красный профинтерн» в городе Бежица; в 1934—1935 гг. в Смоленске вел работу в литконсультации; в военные годы отвечал на письма поэтов-фронтовиков, адресовавшихся в «Красноармейскую правду»; в послевоенные годы писал из редакции «Литературной газеты», где руководил отделом поэзии; ответы последующих лет идут главным образом из «Нового мира».

Письма Твардовского к начинающим представлены здесь лишь незначительной частью, в противном случае они потеснили бы другие материалы и придали бы книге несколько однозначный характер. И в то же время нельзя не принять во внимание непрерывности и основательности, с какою накапливался многолетний слой ответов начинающим. Да и можно ли не задуматься над вопросом: почему Твардовский писал эти письма? Почему он должен был написать их и раз, и два, и десять, и сто, и тысячу раз? Только в ЦГАЛИ хранится примерно две тысячи единиц «новомирского архива» Твардовского. Устойчивость внимания писателя к опытам начинающих авторов и массовость его переписки питаются от одних и тех же корней демократизма и народности, как и его литературно-эстетические взгляды. Но, наверно, сказалась в этом и память о собственных первых шагах, когда так необходимы и так дороги были проявления товарищеского интереса к работе или слово одобрения ее.

Конечно, среди писем-одиночек встречаются письма авторам, получившим от Твардовского более одного или двух писем. Это чаще всего те авторы, кого он печатал как редактор и на протяжении нескольких лет следил за их судьбами. Примером могут служить письма к Ю. Ефремову, И. Ганабину, М. Небогатову, Вл. Федорову, К. Ваншенкину. Однако всякий раз такие двукратные и многократные ответы Твардовского решали задачу вполне

конкретную, консультативную, в отличие от писем близким друзьям, где такая практическая цель не преследовалась.

Сейчас даже неполно представленная часть переписки даст возможность видеть, как изменялись требования Твардовского к начинающим авторам: преобладающие советы первых лет — о грамотности литературной, эстетической. Это одна из частностей, отразивших процесс культурного развития, происходившего в стране в послевоенные годы. Что же касается эстетических требований к творческой молодежи, то они исходят из единой концепции Твардовского и являются общими для всех слоев его переписки.

Начать, очевидно, следует с высказывания Твардовского о «необходимости произведения». Оно бывает обращено не только к начинающим, но и к авторам-профессионалам (письмо Вл. Федорову от 10 марта 1948 г.). Принцип необходимости (в противовес необязательности) произведения выкристаллизовался на основе аналогичного высказывания Л. Н. Толстого. Как собственное кредо изложен он Твардовским в стихотворении «Вся суть в одном-единственном завете...», которое вместе с такими стихами, как «Слово о словах», «Жить бы мне век соловьем-одиночкой...», «Не много надобно труда...», «Моим критикам», «О сущем», «Не хожен путь...» и др., выражает его взгляды на основы творчества и те побуждения, которыми движим поэт в своей работе. Необходимость высказывания — это жизненная сила и энергия, которая не может не выявить себя. Чем сильнее ее накал, тем выше гарантии рождения истинного произведения. Конечно, и с «накалом» — этим внутренним огнем, побуждающим поэта обратиться «к граду и миру», не все так просто. Твардовский отдает предпочтение автору «объективной темы», тому, кто приходит в литературу, имея свой застолбленный участок жизни, хочет рассказать о том, что по глубокому убеждению знает «лучше всех на свете». В письмах не раз встретится перефразированная цитата из Пушкина: «...с воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко не продвинется». Обращено это в первую очередь к начинающим не от жизни, а от себя, от мотивов, смутность которых говорит лишь о желании автора писать, но не о том, что же он хочет нам высказать. В плане современной «объективной темы» любовная лирика так же относилась Твардовским к литературе, с которой «далеко не продвинешься», хотя необходимо указать в его же наследии на статьи об Ахматовой и Блоке, вносящие существенные коррективы в одностороннее истолкование его взгляда на интимную поэзию. И здесь, по-видимому, для Твардовского все зависело от силы накала: оплаченная жизнью, болью и стойкостью и выраженная с большим человеческим достоинством личная тема неизбежно на-

ходит свои подобия в жизни других, становится «общечеловеческой», «объективной». Об этом же говорят и стихи последних лет самого Твардовского, и опубликованные им в «Новом мире» произведения таких разнохарактерных лириков, как О. Берггольц, М. Светлов, Е. Евтушенко, М. Алигер, А. Яшин. Что же касается начинающих, то, по мнению Твардовского, «объективная тема» позволяла вернее судить о творческом потенциале автора и являлась залогом неслучайного его появления в литературе.

Интерес в этом плане представляет письмо Твардовского Н. П. Яночкиной (18 июня 1962 г.). Высказав восхищение стойкостью и «победой над судьбой» своей землячки, Твардовский продолжает: «...личная тема выражена с большим достоинством, тактом и подлинным, не заемным из литературы чувством. И Вы правы в том, что этой теме дали прозвучать однажды и не повторяете всякий раз, как единственно занимающую Вас тему. Этим Вы, естественно, сузили бы диапазон своих поисков». По мысли поэта, даже эта трагически складывавшаяся судьба — сама тема для творчества — должна была найти себя именно в выходе за рамки своей исключительности.

Действительность как материал для художественного воплощения признавалась Твардовским главным образом в формах современной жизни, как тема сегодняшнего дня, которая несет в себе главные тенденции времени, волнует широкие массы, связана с насущными, жизненными интересами народа. Именно отсюда проистекает его неприятие некоторых произведений современников на сюжеты исторические, в особенности беллетризованных биографий известных людей (см. письма Н. Н. Арденсу от 17 августа 1959 г.; А. Т. Гаркуше от 12 апреля 1961 г.). Задача художника, полагал он, уловить и закрепить в слове и образе то, что происходит в жизни. Без этого закрепления, без подтверждения явления действительности литературой оно еще как бы не существует. И в то же время современная тема дает возможность автору наилучшим образом высказать себя философски и публицистически, если ему есть что сказать по существу.

В признании исключительного значения способности художника воспринимать движение современной жизни, понимать смысл исторических сдвигов, уменье оценить их прогрессивное значение и следовать им, преодолев иной раз внутреннее сопротивление ранее сложившихся собственных представлений, надо искать причины сложного отношения Твардовского к одному из его предшественников — Сергею Есенину. Считая его большим лирическим поэтом, наделенным глубокой искренностью чувств и любовью к русской природе, Твардовский не принимал его тяготения к про-

шлому и отсутствия живого интереса к нарождавшимся в деревне новым формам жизни. Уже в ранней юности счастливо встретил он поэта более близкого ему по восприятию жизни как старой, так и новой деревни. Именно поэзия Михаила Исаковского сыграла существенную роль в выработке эстетических воззрений Твардовского и, в частности, оценки им поэзии С. Есенина. Встречающиеся в письмах начинающим резкие замечания о Есенине, конечно, вызваны желанием удержать их от ненужных ошибок.

Отозвавшись на первое письмо своего корреспондента, отметив главнейшие недостатки стихов, Твардовский в дальнейшем отвечал лишь в том случае, если замечал поступательное движение в работе автора. Как правило, на повторных письмах стихотворцев, не продвигавшихся вперед, ставилась пометка: б/о — без ответа. Свою роль Твардовский полагал в помощи, которую *практически* должен реализовать сам молодой поэт. Брать его на иждивение — постоянно править его стихи, указывать на построчные недостатки — он не считал делом полезным. В готовности преодолеть трудности, пройти препоны «школы», добиться самостоятельности самостоятельно — в этом видел он залог формирования личности (без которой, как известно, не бывает лица поэзии). На это же рассчитана прямота, а порою и резкость его ответов. В свое время познавший сокрушительную силу, исходящую от великого имени, он знал и другое — силу бескорыстной любви к поэзии, ее непреклонную устремленность высказать себя людям. Он обращается к воле и настойчивости, а не к слабости и нерешительности вступающего в литературу. И как тут не вспомнить приписываемую ему одно время роль уничтожителя дарований, вслух высказывавшегося о необходимости «топить, как слепых котят», молодых поэтов, толпами устремившихся в редакции журналов и газет. Не прямота ли, с какою отвечал он молодым, легла в основу подобных окололитературных разговоров? Его письма свидетельствуют об ином отношении к тем, кто имел задатки и желание работать всерьез. Он выделяет и подчеркивает все самостоятельное и оригинальное, ободряет и поощряет автора к дальнейшей работе и поискам (см. письма А. В. Машкову от 8 апреля 1959 г., Л. В. Каширину от 13 марта 1967 г., А. Б. Г—ну от 13 апреля 1967 г.). И если не все его прогнозы сбывались в силу разных причин, которыми изобилует жизнь, если поэт вдруг умолкал или движение его к новым открытиям приостанавливалось, в том не было вины консультанта:

Послужи, Данила, честно,
Дальше дело не твое...

Критически смотрит Твардовский (не только в опытах начинающих, но и в работах литераторов-профессионалов) на всевозможные формальные эксперименты, не обогащающие содержания, а лишь обнаруживающие стремление автора к оригинальности (см. письма В. А. Ротту от 9 июня 1966 г., В. В. Кунину от 19 апреля 1968 г.). Столь же скептическим было его отношение к «приподыманию» жизни над нею самой (письмо от 13 марта 1967 г.). Употребляемые им в таких случаях термины «романтизм», «романтика» были равнозначны понятиям книжности и незнания жизни.

Можно отметить и ряд других замечаний, на которые должны были обратить внимание адресаты Твардовского. О значении избираемого «образца» — будь то стихотворение, которому подражает молодой поэт, или опыт писателя, которому он следует. Не менее существенно наблюдение Твардовского о скрытом значении «ровности» в творчестве, приводящей к творческой инерции, сдерживающей движение в глубину (письма от 24 января 1958 г., 24 августа 1959 г.). Собрать и привести в стройную систему подобные высказывания Твардовского не входит в задачу этих заметок уже в силу того, что основным материалом для построения такой эстетической концепции должно служить в первую очередь художественное наследие Твардовского, а также его статьи и выступления, составившие т. 5 наст. изд. Письма — материал важный, но лишь подкрепляющий и, как можно убедиться, *подтверждающий* то, что высказывалось Твардовским в его поэзии и прозе (сравните, например, главу «Литературный разговор» в поэме «За далью — даль» и письмо М. В. Исаковскому от 19 ноября 1952 г.).

При близком сходстве или совпадении темы, письма не повторяют буквально друг друга. Конкретность задачи, которую Твардовский всякий раз решал заново, имея дело с новым автором или новыми стихами,— пусть и мало было их своеобразие! — эта конкретность задачи обусловила варианты его ответов. Свой естественный, непринужденный тон, словарь, очищенный от специальной терминологии («все на русском языке»), чувство юмора, прорывающееся, когда к тому встречается повод,— все это способствует доступности писем самому широкому читателю. И с полным основанием можно заключить, что эпистолярный раздел в литературном наследии Твардовского отмечен его индивидуальностью не менее, чем художественные его произведения.

Переписка — одна из линий связи писателя с жизнью. Ее обратное влияние сказалось не только в том, что читательскими письмами вызваны такие важные для анализа творчества Твардовского документы, какими являются его статьи «О «Стране Муравии»,

«Как был написан «Василий Теркин», «О стихотворении «Ленин и печник», «О стихотворении «Я убит подо Ржевом». Быть может, самое главное ее значение в том, что она давала Твардовскому представление о состоянии «запасных» сил литературы, которые шли на смену силам действующим и были призваны заменить их в поступательном ходе жизни. И как знать, не сознанием ли ответственности за уровень этого «запаса» продиктованы многие требования, представляемые Твардовским молодым литераторам?

Материалы, включенные в настоящий том,— это прежде всего подлинники, фотокопии и ксерокопии писем Твардовского, переданные его адресатами и пополнившие его архив за то время, что прошло со дня смерти писателя. Часть материала составили черновики, сохранившиеся в домашнем архиве Твардовского, другую — материалы «новомирского архива», хранящегося в ЦГАЛИ в виде черновиков или машинописных копий его ответов из редакции журнала. «Новомирский архив» А. Т. Твардовского, переданный в ЦГАЛИ, имеет следующее обозначение: ф. 1702, оп. 9. Для сокращения в примечаниях указывается лишь единица хранения письма.

Всем, кто помог собрать эти письма воедино, семья А. Т. Твардовского выражает глубокую благодарность.

Ряд географических названий (Смоленск, Ленинград, Москва, Чистополь), а также названий журналов, газет, издательств («Красная новь», «Большевистский молодняк», «Литературная газета», «Советский писатель») и некоторые другие слова, которые в письмах Твардовского даны сокращенно, печатаются в тексте полностью.

Основные сокращения

А. Т.— А. Т. Твардовский

«НМ» — журнал «Новый мир»

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства

Архив А. Т.— часть личного архива писателя, хранящаяся у его наследников

Примечания к письмам разным адресатам и письма писателям-друзьям строятся несколько различно. В последнем случае примечания открываются небольшой преамбулой, а сведения о

том или ином лице, печатном органе и т. п. даются, как правило, лишь при первом упоминании без последующих ссылок.

Багрицкому Э. Г., 9 сентября 1933 г. (Стр. 7)

Эдуард Георгиевич Багрицкий (1895—1934) оказал существенную поддержку молодому Твардовскому: именно благодаря его рецензии увидела свет поэма Твардовского «Путь к социализму» (М., «Молодая гвардия», 1931). См. письмо от 17 сентября 1947 г. и примеч. к нему. Ответа на письмо А. Т. не последовало. Э. Г. Багрицкий был уже тяжело болен. В феврале 1934 г. его не стало. Книга стихов, о которой говорится в письме — итог работы последних трех-четырех лет,— была подготовлена Твардовским, но не увидела свет. Небольшая часть стихотворений из нее вошла позже в его «Сборник стихов» (Смоленск, Запгиз, 1935). Упоминаемая книжка «без обложки» — вторая поэма Твардовского — «Вступление» (Запгиз, 1933). Публиковалась впервые под заглавием «Путь Василия Петрова» (журн. «Наступление», Смоленск, 1932, май), а под заглавием «Вступление» — в журн. «ЛОКАФ», 1932, № 10. Имя Э. Г. Багрицкого в статьях и письмах Твардовского окрашено теплым, добрым отношением к его памяти. «НМ» печатал о поэте воспоминания С. Бондарина «Эдуард Багрицкий» (1961, № 4) и Н. Любимова «Поэтический факультет» (1965, № 11).

Подлинник. Архив Э. Багрицкого (ИМЛИ им. М. Горького).

Чуковскому К. И., 18 июня 1936 г. (Стр. 8)

Корней Иванович Чуковский (1882—1969) был первым известным писателем, отозвавшимся письмом на появление «Страны Муравии» в журн. «Красная новь». Не сохранившееся в архиве А. Т. письмо Чуковского, высоко оценившего художественные достоинства поэмы, было большой поддержкой для автора в пору, когда его товарищи-смоляне весьма сдержанно встретили поэму, а иные из них именовали ее не иначе как «кулацким произведением». См. упоминание об этом письме в ответе Твардовского Е. Ц. Чуковской от 14 сентября 1970 г. А. Т. благодарит за кн.: К. Чуковский. От двух до пяти (М., 1935) — и намеревается отдарить ее поэмой «Страна Муравия», которая была на выходе в смоленском издательстве. См. письмо от 27 апреля 1959 г.

Факсимильная публикация в кн.: «Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 36, М., «Книга», 1975, с. 108.

Беку А. А., 3 июля 1937 г. (Стр. 8)

Обращение к «незадачливым дачникам» (письмо адресовано в один из поселков Донбасса) имеет в виду Александра Альфредовича Бека (1903—1972) и его первую жену — критика и переводчицу Лидию Петровну Тоом (1890—1976), с которыми семья Твардов-

ских поддерживала дружеские отношения, завязавшиеся вскоре после переезда из Смоленска в Москву. В записках А. Бека, относящихся к 1938 г.— времени, когда он занимался сбором материала о знаменитой семье доменщиков Коробовых, есть высказывание, позволяющее отчасти понять его интерес к Твардовскому. Он пишет: «Ильей Коробовым я прямо увлечен, как Твардовским. Это таланты нового поколения» (Александр Бек. На своем веку. Роман-записки. М., «Советский писатель», 1976, с. 84). Метод работы Бека, способствовавший всестороннему знакомству с темой,— встречи, беседы, сбор документов,— импонировал Твардовскому. Вызывал его восхищение Бек-рассказчик: «Ах, если бы ты так писал»,— шутливо комментировал он устные рассказы Бека. В дальнейшем отношения обоих писателей поддерживались на почве сотрудничества в «НМ», где были напечатаны повести А. Бека: «Новый профиль» (1951, № 10); «Несколько дней» (1960, № 2, 3); «Резерв генерала Панфилова» (1960, № 12); «Такова должность» (1969, № 7); роман «Молодые люди» (1954, № 7, 8, 9 совместно с Н. Лойко); статьи (1959, № 3; 1967, № 11). Книги А. Бека «Мои герои» (М., 1967) и «Почтовая проза» (М., 1968) рецензировались в «НМ» (1967, № 10; 1969, № 9). Обращение в конце письма — «Ал. Ф.» — не описка: в 30-е, да и последующие годы Александр Альфредович был более известен ближайшему кругу друзей и знакомых под именем Александра Федоровича. Письма Твардовского А. А. Беку посылались на имя Александра Федоровича.

...экзамен по истории.— В 1936—1939 гг. Твардовский учился в Московском институте философии, литературы, истории (МИФЛИ). *Македонов* А. В.— См. примеч. к письму от 7 декабря 1959 г.

Подлинник. Личный архив А. А. Бека.

Аборскому А. И., 20 марта 1939 г. (Стр. 9)

Александр Иванович Аборский (р. 1911) — ашхабадский прозаик, знакомый Твардовскому с 1937 г. (см. записки А. Аборского «О Твардовском».— «Литературная Россия», 1974, 9 августа, № 32).

Стрельченко Вадим Константинович (1912—1942) — поэт, находился в то время в Туркмении. Занимался переводческой работой. Твардовскому была известна первая книга Стрельченко «Стихи товарища» (1937), на второй его сборник стихов — «Моя фотография» (1941) он писал рецензию для изд-ва «Советский писатель» (см. т. 5, с. 284—285). *Бурштын* (Б. Иринин).— См. примеч. к письму от 3 февраля 1948 г. *«Нужда»* и *«Акменгли»* — произведения Кемине (ок. 1770—1840), туркменского поэта-сатирика. *«Сельская хроника»* (1939) — сб. Твардовского, вышел в «Советском писателе».

Ксерокопия. Архив А. Т. Подлинник передан адресатом Литературному музею при Смоленском пединституте им. К. Маркса.

Евгеньеву-Максимову В. Е., 18 мая 1939 г. (Стр. 10)

Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов (1883—1955), литературовед, профессор Ленинградского университета, 5 мая 1939 г. писал Твардовскому:

«Уважаемый тов. Твардовский!

Ваши стихи свидетельствуют о любви их автора к Некрасову. Не откажите же в просьбе старому «некрасоведу», более 35 лет своей жизни отдавшему изучению жизни и творчества Некрасова.

На филфаке ЛГУ (бывшем ЛИФЛИ) под моим руководством работает семинар по изучению Некрасова. Один из студентов в своем докладе «Некрасов и современная поэзия» большое внимание уделил проблеме «Некрасов и Твардовский». Семинар уполномочил меня просить Вас написать нам: 1) о Вашем отношении к Некрасову и 2) о влиянии Некрасова на Вашу поэзию, если только Вы признаете наличность такого влияния.

С почтением *В. Евгеньев-Максимов»*.

Письмо Евгеньева-Максимова сопровождала записка профессора МИФЛИ — А. М. Еголина, у которого А. Т. слушал курс литературы XIX в.:

«Александр Трифонович!

С своей стороны прошу Вас уделить внимание просьбе профессора Владислава Евгеньевича Максимова. Напишите им письмецо, которое они будут читать на некрасовском семинаре Ленинградского университета.

С приветом *А. Еголин.*

P. S. Ваш семинарский доклад «Кому на Руси» я сдал в сборник лучших студенческих работ отличников МИФЛИ, который сейчас печатается. Редактор Е. И. Ковальчик.

А. Е.

10 мая 1939 г.» (Архив А. Т.)

Некрасова я узнал и полюбил...— См. ст. «Заветная книга» (т. 5, с. 12—14). *Такие сопоставления иногда делаются.*— Сближение «Твардовский — Некрасов» — постоянная, за редкими исключениями, тема критики 30-х годов, начиная с первых рецензий на «Страну Муравию» (см.: П. Выходцев. А. Т. Твардовский. Семинарий. Л., 1960, с. 26—28, 161—162).

О судьбе упомянутого А. М. Еголиным студенческого доклада Твардовского см. примеч. к письму от 4 марта 1969 г.

Черновик. Архив А. Т.

М и т р о ф а н о в у А. Г., ⟨*май 1939 г.*⟩ (Стр. 12)

Александр Георгиевич Митрофанов (1899—1951) — писатель, работник журн. «Красная новь», редактор книги Твардовского «Сельская хроника». Письмо Твардовского, по существу, представляет собой «внутреннюю рецензию» и свидетельствует о тесном сотрудничестве с журналом «Красная новь», членом редколлегии которого он вскоре стал (см. примеч. к письму от 19 февраля 1941 г.). Статья критика Г. М. Корабельникова «Стихи и песни М. Исаковского» была опубликована в № 7 «Красной нови» за 1939 г.

...статью М. Горького...— Имеется в виду «Рецензия» А. М. Горького на сб. Исаковского «Провода в соломе» («Известия», 1928, 27 января). *...два экзамена...*— последние выпускные экзамены в МИФЛИ.

Черновик. Архив А. Т.

Щ и п а ч е в у С. П., 8 марта 1940 г. (Стр. 12)

Степан Петрович Щипачев (1899—1980) впервые встретился с Твардовским в 1930 г. (см. заметку: С. Щ и п а ч е в. В редакции «Красноармейца».— «Лит. газ.», 1967, 6 сентября). Наряду с М. В. Исаковским (см. письмо к нему от 8 марта 1940 г.) и парторгом МИФЛИ Н. Т. Дорошевичем (см. о нем в примеч. к письму от 1 марта 1966 г.) рекомендовал Твардовского в кандидаты, а затем в члены партии. Был редактором книг Твардовского «Загорье» (1941) и «Стихи о войне» (1942), вышедших в «Советском писателе». Печатался в «НМ» на протяжении 1952—1964 гг.

...в нашей редакционной парторганизации.— Во время финской войны 1939—1940 гг. Твардовский работал в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины». *Вашенцев* Сергей Иванович (1897—1970) — писатель, работавший в той же газете. *Елена Викторовна* Златова (1906—1968) — жена С. П. Щипачева, литературный критик, автор одной из первых рецензий на «Страну Муравию» («Красная новь», 1936, № 7) и другие издания Твардовского 30-х годов (см. «Лит. газ.», 1939, № 1; 1941, № 13).

Подлинник. ЦГАЛИ, ф. 2179, оп. 1, ед. хр. 65.

В о л г и н о й Т. И., 9 января 1941 г. (Стр. 13)

Татьяна Ильинична Волгина (р. 1911) — писательница и переводчица, живэт на Украине. Твардовский готовил для «Советского писателя» ее первую книгу лирических стихотворений, выходу которой помешала война. Историю этого несостоявшегося издания рассказала Т. И. Волгина в своих воспоминаниях «Мой первый редактор» (Рукопись. Архив А. Т.).

Асеев Николай Николаевич (1889—1963) был одним из тех поэтов старшего поколения, которые приветствовали поэзию Твардовского, отчасти даже вопреки своим ранее сложившимся худо-

жественным представлениям и вкусам (см.: Н. Асеев. «Страна Муравия».— «Октябрь», 1937, № 2). Одним из первых откликнулся он и на поэму «Василий Теркин», хотя высказанное им замечание, что «это произведение могло бы относиться и ко всякой другой войне» (статья «О чувстве нового» в газ. «Литература и искусство», 1943, 3 апреля), подхваченное некоторыми критиками поэмы, было в дальнейшем основательно оспорено и уточнено. В «НМ» при Твардовском печатались стихи Асеева (1951, № 8; 1953, № 4), его «Поэма северных рек» (1951, № 3), статья «Жизнь слова» (1951, № 4), рецензии (1951, № 1, 5), а также статья Б. Сарнова «Высокое званье поэта (К 70-летию со дня рождения Н. Н. Асеева)» (1959, № 6), рецензировались его книги «Лад. Стихи последних лет» и «Зачем и кому нужна поэзия» (1962, № 4).

Ксерокопия, присланная адресатом в архив А. Т.

Ковальчик Е. И., 19 февраля 1941 г. (Стр. 13)

Евгения Ивановна Ковальчик (1907—1953) — литературовед, критик, ответственный секретарь «Красной нови» в 1941—1942 гг., фактически исполняла обязанности редактора журнала вплоть до его ликвидации в ноябре 1942 г. Печаталась в «НМ» в 1950 г.: ст. «Живая литература и мертвая схема» (№ 5), рецензия (№ 12).

Никитин Михаил Александрович (1902—1973) — писатель, автор ряда книг, в том числе «Путь на Север. Очерки Туруханского края» (М., 1929). В новом своем произведении, которое читал Твардовский, позднее вышедшем в изд-ве «Советский писатель» под назв. «Енисейская книга» (М., 1944), этот же материал был обработан в беллетристической форме. Отзыв о романе — возможно, первая «внутренняя рецензия» для журнала, написанная А. Т. в качестве члена редколлегии.

Черновик. Архив А. Т.

Волгиной Т. И., 15 июня 1941 г. (Стр. 14)

См. письмо от 9 января 1941 г.

Живу... далеко от города...— Летом 1941 г. семья Твардовских жила в д. Грязи Звенигородского р-на Московской обл. (см. т. 4, с. 225). *...напечатаем из этих стихотворений...*— Подразумевается журн. «Красная новь», где А. Т. вел отдел поэзии с февраля 1941 г. до отъезда на Юго-Западный фронт в июне 1941 г. *...Вас ругнули в «Правде»...*— В ст. А. Штейна «Против мещанской сентиментальности» («Правда», 1941, 8 июня) среди стихов других авторов критиковалось и стихотворение Т. Волгиной «Вечером» («Красная новь», 1941, № 3).

Ксерокопия. Архив А. Т.

Симонову К. М., 11 марта 1944 г. (Стр. 15)

Константин Михайлович Симонов (1915—1979) был знаком с Твардовским с 30-х годов; в 1938 г. напечатал в «Правде»

(20 ноября) статью «О стихах А. Твардовского». В 1971 г. возглавил Комиссию по литературному наследию Твардовского. Письмо К. М. Симонова от 8 марта 1944 г. было одним из первых писательских откликов в «теркинской почте»:

«Сегодня я прочел в только что вышедшем номере «Знамени» все вместе главы второй части «Василия Теркина». Мне как-то сейчас еще раз (хотя это думается мне и о первой части) представилось с полной ясностью, что это хорошо. Это то самое, за что ни в стихах, ни в прозе никто еще как следует, кроме тебя, не сумел и не посмел ухватиться... Пока что за войну, мне кажется, это самое существенное, что я прочел о войне (в стихах-то уже во всяком случае). Я верю, что так оно и останется и через год, и через два, и через три». Опубликовано в кн.: А. Твардовский. Василий Теркин... Письма читателей «Василия Теркина». М., «Современник», 1976, до этого (сокращенно) в воспоминаниях Симонова «Таким я его помню (Несколько глав из записей об А. Твардовском)» («Вопросы литературы», 1974, № 2; см. также в его кн. «Сегодня и давно», М., 1976), где впервые приведено и ответное письмо Твардовского. С 1946 г. поэма выходила без деления на части за исключением издания, выпущенного в том же году Военным издательством. Поэма (с цветными иллюстрациями худ. О. Верейского) печаталась в г. Лейпциге, и, пока издательство согласовывало вопрос, сносилось с типографией, книгу начали печатать и указание автора об устранении деления на части осталось неосуществленным. См. примеч. к письму от 26 сентября 1958 г.

...твою книжку стихов — гослитиздатовскую. — К. Симонов. Стихотворения (1936—1942). М., 1942.

Ксерокопия, переданная К. М. Симоновым в архив А. Т.

Иванову Т. Ф., 2 июня 1944 г. (Стр. 16)

Это один из немногих сохранившихся ответов Твардовского на письма фронтовиков, обращавшихся в газету 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда», где А. Т. по собственной инициативе выполнял и обязанности литературного консультанта. За малым исключением почти все отзывы не датированы. Следующие письма Твардовского — Г. И. Броневичу, О. А. Безрукову, сержанту В. Боброву, мл. сержанту Воробьеву, И. Новикову — относятся к концу 1944 — началу 1945 г.

Черновики на бланках «Красноармейской правды». Архив А. Т.

Гордиенко Ю. П, ⟨декабрь 1944 г.⟩ (Стр. 16)

Юрий Петрович Гордиенко (р. 1922) — поэт и переводчик. В письме составителю от 12 августа 1972 г. сообщал: «...доброе напутствие я получил от Александра Трифоновича еще в годы вой-

ны, впервые в узком кругу — в редакции нашей дивизионной газеты, куда он заехал, возвращаясь с переднего края, а потом в Каунасе, на совещании поэтов и писателей 3-го Белорусского фронта. Он был подполковником, я — сержантом. Эта дистанция в ранжире оставалась и в наших литературных отношениях. Но, будучи старшим товарищем, Твардовский умел ободрить, поддержать, продвинуть... Его поддержка и хлопоты привели меня в Москву, в Литинститут из далекой тогда Сибири. Одобренная им рукопись, вышедшая в свет в «Молодой гвардии»,— моя первая книжка. Это незабываемо». На упомянутом совещании (конец декабря 1944 г.) Твардовский делал доклад о фронтовой поэзии. Первая книжка стихов Ю. Гордиенко «Звезды на касках» (М., 1948) вызвала одобрительный отклик Твардовского (см.: Ю. Гордиенко. «Коси, коса, пока роса...».— В сб. «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978). В «НМ» печатались некоторые стихи Ю. Гордиенко (1952, № 1, 3; 1966, № 9, 12), переводы, рецензировался его сборник «Вчера и сегодня» (1950, № 10).

Ксерокопия; передана адресатом в архив А. Т.

Броневичу Г. А., ⟨1944—1945 гг.⟩ (Стр. 16)

См. примеч. к письму от 2 июня 1944 г.

Безрукову О. А., ⟨1944—1945 гг.⟩ (Стр. 17)

См. примеч. к письму от 2 июня 1944 г.

Сержанту В. Боброву и мл. сержанту Воробьеву, 1944—1945. (Стр. 18)

См. примеч. к письму от 2 июня 1944 г.

...живое или вымышленное лицо В. Теркин.— Этот вопрос многократно ставится в «теркинской почте» (см.: А. Твардовский. Василий Теркин... Письма читателей... М., 1976). Развернутый ответ на него дан в ст. «Как был написан «Василий Теркин» (см. т. 5, с. 101—102).

Новикову И. Н., ⟨1944—1945 гг.⟩ (Стр. 18)

См. примеч. к письму от 2 июня 1944 г.

Щербакову Н. А., 20 октября 1945 г. (Стр. 19)

Николай Александрович Щербаков (1903—1977) — поэт, сотрудник газеты ЛВО «На страже Родины»; ему принадлежит наибольшее число фельетонов и подписей под рисунками в коллективном цикле о похождениях Васи Теркина на фронте и в тылу у белофиннов (см. в ст. «Как был написан «Василий Теркин», т. 5, с. 103, 105—108). Участник Отечественной войны. Был ранен, попал в плен. Письмо Твардовского связано с возвращением Н. А. Щербакова домой, в Ленинград. Он наведался к А. Т., но тот был в Смоленске. По возвращении Твардовский немедленно написал Н. А. Щербакову и А. А. Прокофьеву (см. след. письмо). Н. А. Щербаков был устроен на журналистскую работу. В ответе

составителю от 17 ноября 1972 г. Н. Щербаков писал: «Думаю, что небезынтересна будет составленная и написанная рукой А. Твардовского характеристика моей работы в период войны с белофиннами. Оригинал характеристики находится в моем личном деле. Вот содержание этой особо дорогой для меня реликвии: «Боевая характеристика техника-интенданта 1-го ранга Щербакова Николая Александровича. Товарищ Щербаков уже много лет работает в газете ЛВО «На страже Родины», заведуя литературным отделом. Десятки и сотни стихотворений и фельетонов на темы из армейской жизни, сотни и, может быть, тысячи писем-ответов молодым авторам-красноармейцам, выявление многих талантливых поэтов-бойцов — таковы в общих чертах итоги добросовестной, горячей, инициативной работы тов. Щербакова. [...] Помимо всего этого, и собственная работа тов. Щербакова в дни войны получила большой размах. Он — основной автор стихотворных подписей к сериям рисунков о столь популярном у бойцов Действующей армии — Васе Теркине, ряда острых стихотворных фельетонов и юморесок. Работа товарища Щербакова по праву заслуживает отличной оценки». Твардовский дал боевую характеристику и другому сотруднику той же газеты ЛВО — С. И. Вашенцеву (см. примеч. к письму от 8 марта 1940 г.), обе в связи с представлением к награде. Ходатайства не были удовлетворены.

С Тихоновым поговорю... — Николай Семенович Тихонов (1896—1979), знавший Н. А. Щербакова по совместной работе в газете «На страже Родины», был председателем Правления Союза писателей СССР с января 1944 г.

Ксерокопия, полученная от адресата. Архив А. Т.

Прокофьеву А. А., 20 октября 1945 г. (Стр. 20)

Александр Андреевич Прокофьев (1900—1971) возглавлял в 1945—1948 и 1955—1965 гг. ленинградскую писательскую организацию. Содержание письма связано с предыдущим. См. также письмо от 16 января 1955 г.

Копия. Архив А. Т.

Кононову А. Т., ⟨январь — февраль 1946 г.⟩ (Стр. 20)

Александр Терентьевич Кононов (1895—1957) — писатель, автор ряда книг, в том числе многократно переиздававшихся «Рассказов о Ленине» (1939) и повести «Верное сердце», рецензировавшейся в «НМ» (1952, № 10); в то время главный редактор Детгиза (ныне изд-во «Детская литература»).

Кузнецов Василий Николаевич (1893—1953) — челябинский литератор, писавший преимущественно для детей. «Базар» (1938) — сказка-шутка в стихах, не раз, вплоть до 1972 г., переиздавалась в Челябинске; в Детгизе не выходила. Ее 4-е издание с надписью: «Александру Трифоновичу Твардовскому в знак памятной для

меня встречи в Коктебеле в 1939 г. Январь 1946 г. *В. Кузнецов»* — сохранилось в библиотеке Твардовского.

Черновик. Архив А. Т.

Ганабину И. В., 15 апреля 1947 г. (Стр. 21)

Иван Васильевич Ганабин (1922—1956) — поэт, уроженец дер. Коломаха Никологорского р-на Владимирской обл., впервые обратился к Твардовскому 19 мая 1946 г. из Таллина, где служил на флоте; это было взволнованное письмо о стихотворении «Я убит подо Ржевом», в тот день услышанном по радио. Письмо его о «Теркине» опубликовано в кн.: А. Твардовский. Василий Теркин... Письма читателей... М., 1976. Отозвался он и на присуждение поэме Твардовского «Дом у дороги» Государственной премии (статья в газ. «Красный балтиец», 22 июня 1947 г. под заглавием «Народный поэт»). В 1947 г. три стихотворения Ив. Ганабина: «Песня о кронштадтцах», «Не грусти, моряк, не надо...», «Всю ночь шел дождь» были опубликованы в «Лит. газ.» (26 апреля, № 17) с рекомендацией Твардовского, в то время (см. примеч. к письму от 26 декабря 1947 г.) руководившего в ней отделом поэзии:

«Сегодня «Литературная газета» предоставляет место стихотворениям молодого краснофлотского поэта Ивана Ганабина, выступающего в печати впервые, если не считать дивизионной многотиражки. Сержант Иван Ганабин родился в 1922 г., с 1941 г. служит на флоте. Писать начал в 1943 г. В его стихах, очень простых и непритязательных по форме, слышится неподдельная бодрость и здоровье, песенная энергия молодости и силы. Это позволяет ожидать от начинающего поэта успешной работы и в дальнейшем. *А. Твардовский».* После демобилизации Ганабин поступил в Литературный институт им. Горького и закончил его в 1953 г. Выпустил три книжки стихов: «Первый выход» (Иваново, 1950), «В дороге» (Владимир, 1951), «Сказ о матросском отпуске» (там же, 1953). Умер он от тяжелой неизлечимой болезни. В 1956 г. в «Советском писателе» вышла его книга «Стихотворения», редактором которой был сокурсник по институту и друг Ганабина — поэт К. Я. Ваншенкин. Им же написаны воспоминания о Ганабине в годы учебы в Литинституте (см. очерк «Два Ивана» в кн.: К. Ваншенкин. Повести и рассказы. М., 1976).

Подлинник, переданный семьей Ганабина в архив А. Т.

Федорову В. Д., 16 апреля 1947 г. (Стр. 21)

Василий Дмитриевич Федоров (р. 1918) — поэт, в 1947 г. был участником Первого совещания молодых писателей, тогда же показал Твардовскому начальный вариант своей поэмы «Марьевская летопись». Сохранился ответ Федорова: «За письмо Вам большое спасибо. Оно как раз о том, что мне хотелось услышать от Вас,

когда я был в Москве... Мне сейчас очень даже ясны недостатки моей работы... Вариант «композиции», который Вы читали, уже подвергся большим изменениям. Из нее убрано более 150 строк. Конечно, эпиграфы были убраны сразу же, как только я вернулся к ней. «Части» тоже убраны. Таким образом, по возможности убраны все претензии на поэму и на все прочее» (2 мая 1947 г., архив А. Т.). В переработанном виде поэма была опубликована в том же 1947 г., неоднократно переиздавалась. В 1951 г. в «НМ» (№ 8) был напечатан очерк Вас. Федорова «Кузнецкие сталевары».

Статья В. Д. Федорова «Веха русской поэзии. Александр Твардовский в его стихотворениях и поэмах» («Знамя», 1972, № 9) под измененным названием вошла в его Собрание сочинений (т. 3, М., 1975).

Копия. Архив А. Т.

Азарову В. Б., 17 сентября 1947 г. (Стр. 22)

Всеволод Борисович Азаров (р. 1913) — поэт, переводчик, автор литературоведческих работ; обнаружив в архиве ИМЛИ отзыв Э. Г. Багрицкого, ознакомил с ним Твардовского. «Мне кажется, что поэма Твардовского «Путь к социализму»,— писал Э. Багрицкий в изд-во «Молодая гвардия»,— единственное в настоящее время художественное произведение, в котором актуальная тема дана в настоящем поэтическом освещении. Абсолютная простота ее, разговорный язык, которым она написана, ритмическое разнообразие ее — все это делает поэму весьма понятной массовому читателю. «Путь к социализму» должен быть напечатан, ибо это первый опыт настоящего серьезного подхода поэта к теме сегодняшнего дня». Свое сообщение В. Б. Азаров сопроводил вопросами: «Сыграл ли отзыв Багрицкого какую-то роль в издании книги, встречались ли Вы тогда с ним лично?» (28 августа 1947 г. Архив А. Т.). Строки, которые А. Т. пытался восстановить по памяти,— из стихотворения Багрицкого «Весна, ветеринар и я» (1930):

Шаманит в сырых беседках
Оранжевая оса,
И жаворонки в клетках
Пробуют голоса...

Отзыв Багрицкого и выдержка из письма Твардовского приведены в статье В. Азарова «Багрицкий и современность» («НМ», 1948, № 7). Исследуя творческие взаимоотношения двух поэтов, автор пишет: «Багрицкий, первый рецензент поэмы Твардовского, в ту пору и сам сознательно вводил в свои стихи слова из повседневного обихода, перемежал песенные музыкальные строфы стихами, несшими на себе нагрузку прозы. Но не этой общностью поисков объясняется его напряженный интерес к произведению

Твардовского. Поэма «Путь к социализму» взволновала Багрицкого одушевленной талантом актуальностью, острой социальной направленностью...»

...я тогда вообще был в тяжелом положении... — В начале 1930 г. за стихотворение «Пчелы» Твардовский подвергся резкой проработке со стороны А. П. Селивановского, одного из ведущих критиков РАПП (ст. «Барчук или пролетарский поэт?», журн. «Рост», 1930, № 4), и был исключен из смоленской организации РАПП.

Подлинник, переданный В. Б. Азаровым в архив А. Т.

Т е л е ш о в у Н. Д., 9 октября 1947 г. (Стр. 23)

Николай Дмитриевич Телешов (1867—1957) — писатель-реалист, чье творчество началось еще в конце XIX в., рассказал о знакомстве с Твардовским, поводом которому послужила «бунинская открытка», в своей кн. «Записки писателя» (см.: Н. Д. Т е л е ш о в. Избр. соч., т. 3. М., 1956, с. 386—387). Письму своего друга Ивана Алексеевича Бунина (1870—1953) Н. Д. Телешов предпослал несколько собственных строк: «От Ив. Ал. Бунина я получил письмо, в котором он просит меня передать Вам о его восхищении Вашим талантом и Вашей книгой «Василий Теркин». Очень рад сообщить Вам об этом, т. к. и на меня лично эта книга произвела такое же высокое впечатление. Копию оценки Бунина прилагаю в его подлинных словах. Если все это будет Вам интересно, буду очень рад. Прошу принять мое искреннее уважение к Вам и мой товарищеский привет. *Н. Телешов»* (27 сентября 1947 г. Архив А. Т.). Далее Н. Д. Телешов воспроизводил письмо И. А. Бунина от 10 сентября 1947 г.: «Я только что прочитал книгу А. Твардовского («Василия Теркина») и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передай ему, при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом,— это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно пошлого слова! Возможно, что он останется автором только одной такой книги, начнет повторяться, писать хуже, но даже и это можно будет простить ему за «Теркина» («Письма И. А. Бунина Н. Д. Телешову (1941—1947)». Публикация А. К. Бабореко и А. Н. Телешова. «Исторический архив», 1962, № 2).

«Благодарю Вас за ответное письмо Ваше,— отозвался Н. Д. Телешов 14 октября 1947 г.,— очень радуюсь, что сообщение мое о впечатлении Бунина о Вашей прекрасной книге «Василий Теркин» Вы приняли не без удовольствия... О Вашей книге «Василий Тер-

кип» я сказал бы, что со времени ершовского «Конька-Горбунка» я не читал и не встречал в литературе такого простого, чисто народного языка, как у Вас в «Теркине». Честь Вам и слава за этот народный язык! В нем и «серьез», и юмор, и лирика» (архив А. Т.).

...из поездки в мой избирательный округ...— В 1947 г. Твардовский был избран депутатом Верховного Совета РСФСР по Вязниковскому избирательному округу Владимирской обл. *...такое дорогое для меня письмецо.*— Об отношении Твардовского к Бунину можно судить по письму от 18 мая 1939 г., а также по позднейшей статье «О Бунине» (т. 5, с. 56). В «НМ» печатались материалы, относящиеся к биографии писателя: «К автобиографии И. Бунина» (публикация А. Нинова, 1965, № 10); воспоминания В. Сухомлина «Гитлеровцы в Париже» (1965, № 11, 12); письма В. Н. Буниной (1969, № 3); см. также примеч. к письму от 18 апреля 1965 г.

Подлинник. ЦГАЛИ, архив Н. Д. Телешова, ф. 499, оп. 2, ед. хр. 110.

Животову, 26 декабря 1947 г. (Стр. 23)

Отзыв о стихах начинающего поэта, как и несколько следующих за ним (Каурову, Тарасову, Барышникову и др.), относится ко времени работы Твардовского в «Лит. газ.», членом редколлегии которой и заведующим отделом поэзии он был по решению ЦК КПСС утвержден 27 августа 1947 г. На этой работе находился вплоть до назначения в начале 1950 г. главным редактором «НМ». Сохранившиеся на бланках «Лит. газ.» копии ответов представляют ту часть работы, которую Твардовский выполнял не в редакции, а дома. Черновик. Архив А. Т.

Каурову, 3 февраля 1948 г. (Стр. 24)

См. примеч. к письму от 26 декабря 1947 г.

Председателем комиссии по работе с молодыми писателями СП СССР Твардовский был с 1947 г. по март 1948 г. *Наровчатов* Сергей Сергеевич (1919—1981) окончил МИФЛИ годом позже Твардовского; в «НМ» печатались некоторые его стихи (1950, № 8; 1967, № 7, 10; 1968, № 3; 1969, № 10), рецензия на «Стихи и поэмы» Б. Ручьева (1964, № 3); рецензировались два сборника самого Наровчатова (1964, № 12). Впоследствии — с конца 1974 г.— главный редактор «НМ». Автор нескольких статей о Твардовском: «За далью — даль» (К 60-летию Александра Твардовского)» («НМ», 1970, № 6); «Ради жизни на земле. Об одном стихотворении А. Твардовского» («Лит. газ.», 1975, 7 мая); «Через всю жизнь» («НМ», 1980, № 6).

Черновик. Архив А. Т.

Бурштыну Б. С., 3 февраля 1948 г. (Стр. 26)

Борис Сергеевич Бурштын (псевдоним — Б. Иринин; 1893—1964) — давний друг М. В. Исаковского и Твардовского по Смоленску, где он в 20-е и в начале 30-х годов в областной газ. «Рабочий путь» вел отдел «Театральная жизнь» (подписывался «Б. Б.»); автор воспоминаний о литературной жизни Смоленска 20-х годов (Б. Бурштын. Четыре года.— Журн. «Наступление», Смоленск, 1935, № 4—5, 8—9). Как переводчик (К. Хетагурова, И. Франко, Я. Коласа, А. Малышко и др.), пользовался поддержкой Твардовского (см. письмо от 20 марта 1939 г.). Некоторые его переводы печатались в «НМ». «...Напрасно ты занимаешься самоуничижением,— пишет Твардовский в ответ на сетования Бурштына, неудовлетворенного своей переводческой работой,— ты знаешь и должен знать, что я очень ценю твою литературную, т. е. переводческую работу, считаю, что это вообще незаурядное дело в зрелом возрасте обратиться к ней и утвердиться в ней настолько, что у тебя просто есть репутация отличного переводчика-профессионала. Ты не Маршак, чтобы я умолчал перед тобой (он просто старше тебя) о том, что переводческий труд — труд исполнительский, то есть как бы в некотором смысле вторичный, его трудно равнять с трудом, где происходит высекание искры из мертвого камня, не тронутого до тебя, хотя и в переводе можно достигать очень высоких потолков (Маршак), сближающих *почти* это дело с самостоятельным творчеством. Но ты не имел по началу своей деятельности выбора, ты должен был делать, что дают,— хорошо ли оно, по душе ли,— об этом не приходилось толковать. И в этом смысле ты не Маршак. Но, повторяю, прибедняться тебе нечего, слава богу» (Ялта, 10 января 1958 г. ЦГАЛИ, архив Б. С. Бурштына, ф. 2573, ед. хр. 83). Перевод «Нарспи» (1908) — поэмы классика чувашской литературы Константина Васильевича Иванова (1890—1915) — был выполнен Б. Бурштыном по договору с чувашским издательством к 40-летию ее первого издания. Рецензировать и редактировать новое издание было предложено Твардовскому. Когда работа Б. С. Бурштына была закончена, в изд-во «Советский писатель» прислал перевод (сделанный по собственному почину) чувашский писатель В. З. Иванов-Паймен (р. 1907). Твардовскому пришлось сопоставить оба перевода и рекомендовать лучший, каким он признал перевод Бурштына; поэма вышла в Чувашии в 1948 г. и в Москве (Гослитиздат) в 1950 г. Рецензию Твардовского на переводы Б. Иринина и В. Иванова-Паймена см. в журн. «Дружба народов», 1975, № 4. Публикация В. Долгова.

Кирьянов Сергей Леонидович (р. 1907) — критик. В апреле 1935 г. выступил в Смоленске с докладом «Творчество поэтов За-

падной области» («Наступление», 1935, № 6), где взял под защиту «честные хорошие книги» Твардовского от выдвигавшихся против них идеологических обвинений. Опубликовал ст. «Молодые поэты Западной области (об А. Твардовском и др.)» («Литературная учеба», 1935, № 6). В послевоенные годы заведовал редакцией литературы народов СССР в «Советском писателе».

Подлинник. ЦГАЛИ, ф. 2573, ед. хр. 33.

Тарасову, 4 февраля 1948 г. (Стр. 27)

См. примеч. к письму от 26 декабря 1947 г. Первое письмо Твардовского адресату не разыскано. Резкий тон ответа на вторичное письмо вызван желанием «подчеркнуть основной грех, главную тенденцию» в творчестве начинающего поэта, стремлением отвлечь его от заемных «есенинских» настроений. Суждения Твардовского о поэзии Есенина, содержащиеся в письме, нельзя отождествлять с его общей оценкой творчества поэта. Он высказался в свое время за включение «произведений этого выдающегося лирика» в школьные программы (см. т. 5, с. 343—344), и он же, не разделяя «барски-пренебрежительного» определения Буниным Есенина как поэта «писарского», определял поэтический дар Есенина как редкий, яркий и бесспорный (см. там же, с. 346—352). В 1965 г. в «НМ» (№ 10) были помещены воспоминания В. С. Чернявского «Встречи с Есениным», материалы, относящиеся к биографии (1962, № 6) и творчеству поэта (1959, № 12).

Черновик. Архив А. Т.

Ситникову Г. С., 25 февраля 1948 г. (Стр. 28)

Георгий Семенович Ситников — в то время председатель Свердловского облисполкома, в феврале 1947 г., одновременно с Твардовским, был избран депутатом Верховного Совета РСФСР, выступал на его первой сессии (20—26 июня; см. «Известия» 27 июня 1947 г.). Предположительно тогда и познакомился Твардовский с депутатом от Свердловской обл., имея в виду свою намеченную поездку на Урал. Она была осуществлена в 1948 г., после упоминаемой в письме второй сессии Верховного Совета, состоявшейся 10—17 марта. 2 апреля Твардовский выехал в Свердловск, а 28 апреля и 12 июня в «Лит. газ.» были опубликованы его очерки «В колхозе «Первое мая» и «О столице и провинции» — оба на материале этой поездки.

Черновик. Архив А. Т.

Федорову В. И., 10 марта 1948 г. (Стр. 28)

Владимир Иванович Федоров (р. 1925) — писатель, автор нескольких поэтических сборников и книги литературно-критических очерков «Бойцы моей земли (Встречи и раздумья)», М., 1973, среди которых есть и литературный портрет Твардовского («Хватка кузнеца»). Переписывался с Твардовским в 1948—1950 гг.; печатался

в «НМ», 1950, № 6, 12; 1951, № 4; 1953, № 2; в 60-е годы его проза критиковалась на страницах журнала («НМ», 1963, № 2; 1966, № 7). По свидетельству Вл. Федорова, Твардовский «лично отредактировал не только «Белгород», но и цикл «Современники» и поэмы «Любовь моя» и «Дунайская быль», которую я теперь посвящаю ему» (из предисловия к кн.: Вл. Федоров. Сердце Ивана. М., 1974).

...кировоградский сборничек — книга стихов русских и украинских поэтов «Под солнцем Родины» (Кировоград, 1948). *Постараюсь... выбрать что-нибудь для печати.*— Цикл стихов Вл. Федорова, рекомендованных Твардовским, был опубликован в «Смене» (1949, № 1).

Ксерокопия. Передана адресатом в архив А. Т.

Смирнову, 10 марта 1948 г. (Стр. 29)

Черновик. Архив А. Т.

Яцковскому, Ванюшкину и Ершову, 14 марта 1948 г. (Стр. 30)

Попытку отозваться на предложения читателей об экранизации поэмы Твардовский сделал в мае 1946 г., заключив договор на сценарий «Василий Теркин» с киностудией «Мосфильм» в лице известного кинорежиссера М. К. Калатозова (1903—1973) — создателя фильмов «Валерий Чкалов», «Летят журавли» и др. В интервью газ. «Вечерняя Москва» (10 июня 1946 г.) Твардовский так говорит о предстоящей работе: «Это не будет инсценировка поэмы... Я попытаюсь написать сценарий поэтического музыкального кинопроизведения». Однако, как видно из письма, не только сжатые сроки, обязывавшие сдать сценарий 20 сентября того же года, заставили поэта отказаться от этого замысла (см. письмо от 2 января 1958 г.). Экранизация «Василия Теркина» (для телевидения) была осуществлена в 1975 г. по спектаклю Театра им. Моссовета.

Черновик. Архив А. Т.

Барышникову, ⟨май 1948 г.⟩ (Стр. 30)

См. примеч. к письму от 26 декабря 1947 г.

«Русской женщине» — повторение заглавия стихотворения М. В. Исаковского («Да разве об этом расскажешь...», 1945).

Копия. Архив А. Т.

Павленко А. Ф., 9 октября 1948 г. (Стр. 31)

Анатолий Федорович Павленко (р. 1926) — автор двух сборников стихов, вышедших в Военном изд-ве: «Третья осень» (1961), «Шумите, тополя» (1969). Посылая стихи в «Лит. газ.», он сообщил некоторые биографические сведения: окончил на Украине школу-семилетку, работал два года в колхозе трактористом, в 1943 г. был призван в армию, получил тяжелую контузию. Писать стал в

1945 г. «В настоящее время служу в армии в звании старшего сержанта. В работе над стихами остро чувствую недостаток образования. Печатаюсь в газете Ленинградского военного округа. В феврале 1948 г. был делегатом съезда молодых писателей в Ленинграде... Прошу сообщить мне, смогу ли я поступить в Литературный институт им. Горького, имея семилетнее образование» (16 сентября 1948 г. Архив А. Т.). Не ответив на письмо Твардовского, Павленко вновь обращается к нему в 1962 г., после демобилизации из армии. Из новых его стихов Твардовский напечатал в «НМ» (1962, № 11) стихотворение «Большая Знаменка».

Светлов Михаил Аркадьевич (1903—1964) на протяжении многих лет поддерживал добрые отношения с Твардовским, который, относя его к числу «ярких и своеобразных талантов», вместе с тем отмечал несколько суженную, преимущественно городскую «почву» его поэзии (см. т. 5, с. 222). В 1929 г. Светлов, по свидетельству А. Т., напечатал в журн. «Октябрь» его стихи («Гостеприимство», см. т. 1, с. 23), сам иногда печатался в «НМ» (1952, № 5; 1959, № 2; 1964, № 6). К 60-летию со дня рождения М. А. Светлова в «НМ» была помещена статья З. Паперного «Романтика человечности» (1963, № 6); в 1965 (№ 5) и 1969 (№ 9) — публикации из его литературного наследия, рецензии на его книги.

Черновик. Архив А. Т.

Гафурову Б. Г., 20 марта 1949 г. (Стр. 33)

Бободжан Гафурович Гафуров (1908—1977) — в то время первый секретарь ЦК КП(б) Таджикистана, позже академик, директор Института востоковедения; автор научных трудов по истории таджикского народа; выступал в «НМ» (1958, № 10) как автор статьи «Форум писателей Азии и Африки». Б. Г. Гафуров писал Твардовскому: «За Вашим творчеством я слежу давно и основные Ваши произведения знаю и ценю. Недавно мне пришлось прочесть Ваш очерк «Из албанских записей». Этот очерк я отношу к числу наиболее удачных Ваших работ. Он написан хорошим языком, вдумчиво и ярко отражает действительность. К сожалению, приходится констатировать, что хороших очерков пока еще крайне мало появляется в нашей печати. Многие писатели забывают, что, сидя в московских квартирах, вдали от жизни, не соприкасаясь близко с творческим трудом и борьбой народа, нельзя создать настоящего художественного произведения, тем более очерка. Наглядным примером этому являются Ваши албанские записки. Они написаны со знанием жизни, под ярким впечатлением живых событий. Однако я должен сказать, что и Ваш очерк произвел на меня впечатление некоторой, я бы сказал, незаконченности, незавершенности. Надеюсь, что Вас не обидит моя откровенность»

(15 марта 1949 г. Архив А. Т.). Б. Гафуров имел в виду публикацию в журн. «Знамя», 1948, № 12: А. Твардовский. Из албанских записей.

...за недолгий срок моего пребывания в Албании...— Твардовский был в Албании с 22 июля по 10 августа на Конгрессе албано-советской дружбы.

Копия. Архив А. Т.

Рябининой А. П., 10 октября 1949 г. (Стр. 33)

Александра Петровна Рябинина в течение ряда лет возглавляла в Гослитиздате редакцию литератур народов СССР. Поэма литовского поэта Теофилиса Тильвитиса (1904—1969) «Уснине» (1949), с подстрочником которой ознакомился Твардовский, была напечатана в «НМ» (1950, № 12) под заглавием «На земле литовской», в авторизованном переводе М. Петровых. Автору присуждена Государственная премия (1951 г.).

В оставшиеся... до отъезда часы...— Отъезд на областную конференцию писателей в Чите (25—29 октября), где Твардовский вел семинар по поэзии и выступал с докладом на пленарном заседании. Стенограмма доклада опубликована Н. Дворниченко в журн. «Литературное обозрение» (1976, № 4).

Черновик. Архив А. Т.

Ефремову Ю. А., 25 декабря 1949 г. (Стр. 34)

Юрий Аркадьевич Ефремов (р. 1921) — ярославский поэт. Переписывался с Твардовским в 1947—1953 гг. Опубликовал стихи в «НМ» (1950, № 7; 1958, № 10). Автор нескольких сборников стихов, вышедших в Верхне-Волжском книжном изд-ве. О взаимоотношениях с Твардовским Ю. Ефремов рассказал в статье «Ответ товарищу С.» (газ. «Юность», Ярославль, 1974, 6 июня). В статье приводятся выдержки из писем А. Т.

Гатов Александр Борисович (1899—1972) — поэт, переводчик.

Подлинник, переданный Ю. А. Ефремовым в архив А. Т.

Михееву Г. М., 24 января 1951 г. (Стр. 34)

Г. М. Михеев спрашивал: «...Почему же Вы выбрали для своего (да и нашего) героя такое имя, за которым уже скрывается определенный тип и который уже описан в нашей русской литературе?» (20 января 1951 г. Архив А. Т.) Твардовский отвечал этому читателю в ст. «Как был написан «Василий Теркин» (т. 5, с. 104—105). Новые подробности того, как искали имя для Теркина финской поры, сообщает Д. Т. Хренков в своей книге «Дорогие спутники мои» (М., «Современник», 1975) в главе «Совет Твардовского».

Роман П. Д. Боборыкина (1836—1921) «Василий Теркин» вышел в 1892 г. *Тихонов* Н. С.— См. примеч. к письму от 20 ок-

тября 1945 г. *Саянов* Виссарион Михайлович (1903—1959) — ленинградский поэт и прозаик, автор многих книг.

Черновик. Архив А. Т.

Порману Р. Н., 3 февраля 1951 г. (Стр. 35)

Рем Николаевич Порман — в то время руководитель литературного кружка чистопольской школы № 1. Автор брошюры «Советские писатели в Татарии в годы Великой Отечественной войны» (изд. Гос. музея ТАССР, Казань, 1958), представляющей собою доклад, прочитанный автором на научно-краеведческой конференции в апреле 1957 г. В брошюре отмечено пребывание в г. Чистополе Л. М. Леонова, К. А. Федина, М. В. Исаковского, Б. Л. Пастернака, К. А. Тренева и др. советских писателей и посещение писателями-фронтовиками своих эвакуированных семей. В частности, отмечены приезды Твардовского в Чистополь в зиму 1942 и весной 1943 г.

...по причине переезда на другую квартиру.— Семья Твардовских переехала со второй московской квартиры (ул. Горького, д. 15, кв. 33), в которой проживала с конца 1940 г. до начала 1951 г., на Бородинскую наб. (теперь д. 1/7 по Кутузовскому пр-ту; на фасаде имеется мемориальная доска, отмечающая годы жизни Твардовского в этом доме). Первая московская квартира («проходнушка») была в Б. Могильцевском пер., д. 4, кв. 6, в районе Арбата. Здесь Твардовские жили с 1937 г. до конца 1940 г. Дом этот в настоящее время не существует.

Копия. Архив А. Т.

Войтко Н. А., 5 апреля 1951 г. (Стр. 36)

Однотипные вопросы о смысловом значении заглавия «Страны Муравии», исходившие главным образом из учительской и ученической среды, побудили автора на первых порах сделать стереотипный машинописный ответ, образчиком которого и является письмо от 5 апреля. Впоследствии была написана ст. «О «Стране Муравии», охватившая более широкий круг вопросов (см. т. 5, с. 31—34).

Копия. Архив А. Т.

Гуркину, 9 мая 1951 г. (Стр. 36)

«Ответ читателям «Василия Теркина» появился в этом же году, «НМ» № 11. Теперь печатается под заглавием «Как был написан «Василий Теркин» (Ответ читателям)».

Копия. Архив А. Т.

Дмитриеву Игорю, 9 мая 1951 г. (Стр. 36)

См. примеч. к письму от 5 апреля 1951 г. Стихотворение «Новая изба» (первое напечатанное стихотворение Твардовского) опубликовано в газ. «Смоленская деревня» 19 июня 1925 г.

Копия. Архив А. Т.

Ильину Я. И., 9 мая 1951 г. (Стр. 37)

Сведений о появлении работы Я. И. Ильина (г. Славянск, УССР) об М. В. Исаковском не выявлено.

...*книге В. Александрова*...— См. примеч. к письму от 22 сентября 1955 г.

Копия. Архив А. Т.

Массалитинову К. И., 17 мая 1951 г. (Стр. 37)

Константин Ираклиевич Массалитинов (1905—1979) — композитор, художественный руководитель и дирижер Воронежского народного хора, собиратель народных песен Воронежской обл., народный артист СССР. Обращение К. И. Массалитинова к Твардовскому было вызвано предстоящими гастролями хора на Сельскохозяйственной выставке в Москве. Сюита «В каменной степи», по замыслу композитора, должна была состоять из 7—10 песен для хора, представлявших прошлое и настоящее «Каменной степи». Очевидно, К. И. Массалитинов, зная о сотрудничестве Твардовского с хором им. Пятницкого в конце 30-х годов, не учел, что Твардовский никогда не писал текстов «по заказу» к музыкальным заготовкам, а недолгое его участие в работе этого коллектива было данью симпатии и к хору, и к его руководителю — В. Г. Захарову.

Сурков Алексей Александрович (1899—1983) нередко упоминается в письмах Твардовского как поэт и секретарь (в 1953 — 1959 гг.— первый секретарь) Правления СП СССР. Неоднократно высказывался о творчестве Твардовского, в том числе в статьях «Поэзия народа-победителя» («Лит. газ.», 1945, 17 мая), «Советский поэт» («Правда», 1947, 8 февраля), «Вровень с временем» («Лит. газ.», 1960, 21 июня). В «НМ» печатались его стихи (1950, № 1, 12; 1951, № 6, 9; 1959, № 2; 1967, № 10), статьи (1959, №3; 1964, № 3; 1965, № 12), статья-некролог об А. А. Ахматовой (1966, № 3), рецензировалась книга его стихов «Миру — мир!» (1950, № 6).

Копия. Архив А. Т.

Тарасенкову А. К., 20 июня 1951 г. (Стр. 38)

Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909—1956) — литературный критик, активно выступавший в печати в 30—50-е годы, автор многих критических работ, собранных в двухтомнике «Статьи о литературе» (М., 1958), и библиографического труда «Русские поэты XX века. 1900—1955» (М., 1966). Заместитель главного редактора журнала «Знамя», где Твардовский опубликовал, за малым исключением, почти все главы «Василия Теркина», поэму «Дом у дороги», стихи цикла «Из записной книжки» и очерки «Родина и чужбина»; в 1950—1953 гг.— заместитель главного редактора «НМ», где напечатал ряд статей (1951, № 2, 6; 1952, № 3, 8, 10,

11); собиратель уникальной по полноте библиотеки поэзии XX века, в которой имелись и «обязательные экземпляры» изданий Твардовского с его автографами. Тарасенков был давним — с конца 20-х годов — другом Твардовского (см. «А. К. Тарасенков», т. 5); писал о ранних его произведениях и о более позднем периоде его творчества (см. обобщающий очерк «Александр Твардовский» в кн.: А. Тарасенков. Статьи о литературе, т. 2). Не раз поддерживал Твардовского: в 1934 г. выступил со статьей «О загибах по-смоленски» («Лит. газ.», 18 августа); осенью 1935 г., ознакомив со «Страной Муравией» некоторых известных поэтов, способствовал ее обсуждению в Союзе писателей. Память обо всем этом чувствуется в дарственной надписи Твардовского на книге «Поэмы» (1947): «Анатолию Тарасенкову с признательностью за все доброе, что он сделал для автора этой книги и, главное, для автора предшествующих книг». В «НМ» были помещены очерк М. Белкиной (вдовы А. К. Тарасенкова) «Главная книга (История одной библиотеки)» (1966, № 11, предисловие А. Твардовского) и рецензия на кн.: Ан. Тарасенков. Русские поэты XX века. 1900—1955 (1967, № 8).

Барвиха — подмосковный санаторий. *XIII том Л. Толстого* — «Война и мир». Черновые редакции и варианты» (М., 1949, из 90-томного Собрания сочинений). *...стихи... отдал Симонову...* — Первый отрывок из поэмы Твардовского «За далью — даль» («Пора! Ударил отправленье...») был напечатан в «Лит. газ.» (1951, 21 июня), главным редактором которой был тогда К. М. Симонов.

Копия. Архив А. Т.

Бардиану, 20 июля 1951 г. (Стр. 39)

Начальник отдела художественного репертуара Армии и Флота ЦДСА полковник Бардиан писал Твардовскому, что в Воениздате, где печатался репертуарный сборник для художественной самодеятельности, цитируемая строфа из главы «В наступлении» вызвала замечания: «Считают, что бывалый солдат должен иметь больше, а не меньше власти над страхом» (17 июля 1951 г. Архив А. Т.).

Копия. Архив А. Т.

Бесединой Т. А., 29 июля 1951 г. (Стр. 39)

Тамара Алексеевна Беседина — в то время студентка ЛГУ, ученица В. Е. Евгеньева-Максимова. Опубликовала письмо Твардовского («Русская литература», 1977, № 4, с. 157) с таким пояснением: «Много лет назад, начиная заниматься изучением Некрасова, я написала статью «О некрасовских традициях в творчестве М. Исаковского и А. Твардовского» («Ученые записки Вологодского ГПИ», 1950, № 7). К. И. Чуковский, положительно оценивший статью, посоветовал мне послать ее М. В. Исаковскому и

А. Твардовскому, что я и сделала. Вскоре и почти одновременно они ответили мне». Далее она заключает: «Письмо А. Т. Твардовского интересно тем, что в нем, пусть и кратко, выражен определенный взгляд на роль традиций Пушкина и Некрасова в развитии советской поэзии».

Печатается по журнальной публикации.

Хахалину Л. А., 24 ноября 1951 г. (Стр. 40)

Лев Александрович Хахалин (р. 1910) — журналист, секретарь редакции газеты «Красноармейская правда», автор воспоминаний о Твардовском, напечатанных к 70-летию со дня его рождения (см. «Нева», 1980, № 6, «В походе», и сб. «Воспоминания об А. Твардовском». М., 1982). Москвич по рождению, он оказался в 1933 г. в Смоленске, где проходил военную службу, а после демобилизации остался работать литсотрудником в газете Западного округа «Красноармейская правда». В то время в ней довольно часто печатался молодой Твардовский. Хахалин участвовал в литературной жизни местной писательской организации, был слушателем первого чтения и обсуждения «Страны Муравии». После отъезда Твардовского из Смоленска в 1936 г. их в 1942 г. снова свела работа в «Красноармейской правде» — теперь фронтовой газете (сначала Западного, а после переименования в апреле 1944-го — 3-го Белорусского фронта). См. письмо от 8 июня 1969 г.

Машинописная копия, присланная Л. А. Хахалиным в архив А. Т.

Смирнову С. С., 6 октября 1952 г. (Стр. 40)

Сергей Сергеевич Смирнов (1915—1976) — писатель, автор документальных произведений о Великой Отечественной войне, был в 1950—1954 гг. заместителем главного редактора «НМ». Письмо Твардовского адресовано на Украину (дом отдыха «Буча»), где С. С. Смирнов проводил отпуск в работе над повестью «Сталинград на Днепре (К десятилетию Корсунь-Шевченковской битвы)» («НМ», 1954, № 2, 3). В «НМ» были напечатаны его рецензии (1951, № 1, 9; 1952, № 3, 5, 12); книга С. С. Смирнова «Рассказы о неизвестных героях» (М., 1963) рецензировалась в «НМ» (1963, № 7); его эпопея «Брестская крепость» (полное издание — 1964 г.) была представлена редакцией «НМ» (1964, № 9) на соискание Ленинской премии, которая и была ей присуждена в 1965 г. В связи с этим журнал напечатал статью В. Соколова «Свой жанр (О документальной прозе С. С. Смирнова)» (1965, № 6).

А. К.— Тарасенков (см. примеч. к письму от 20 июня 1951 г.). *...повесть Казакевича...*— «Сердце друга» (см. примеч. к письму от 5 февраля 1959 г.).

Копия. Архив А. Т.

Игнатьеву А. А., 10 января 1952 г. (Стр. 41)

Алексей Алексеевич Игнатьев (1877—1954) — генерал-лейтенант, бывший царский дипломат, вернувшийся в 1937 г. на Родину, оставил записки «Пятьдесят лет в строю». Такие люди, как А. А. Игнатьев или его однокашник по Пажескому корпусу Б. А. Энгельгардт (см. примеч. к письму от 22 июля 1958 г.), интересовали Твардовского драматичностью и событийностью их судеб, благодаря чему оставили они интересные свидетельства «о времени и о себе». Твардовский бывал в доме А. А. Игнатьева. Отношения их не были близкими, но были вполне дружественными.

Копия. Архив А. Т.

Рюрикову Б. С, 14 января 1953 г. (Стр. 41)

Борис Сергеевич Рюриков (1909—1969) — критик и публицист, был в то время редактором отдела литературы и искусства газеты «Правда», выступал в «НМ» (1951, № 7; 1952, № 4; 1953, № 7). Соприкасался с Твардовским и позднее — как главный редактор «Лит. газ.» (1953—1955), заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС (1955—1956). Кусок из поэмы «За далью — даль» под заглавием «Семь тысяч рек» опубликован в «Правде» 19 февраля 1953 г.

Черновик. Архив А. Т.

Лбовой Е. С., 23 августа 1953 г. (Стр. 41)

Елизавета Семеновна Лбова — читательница «Василия Теркина»; прислала растрогавший А. Т. подарок — связанные ею рукавички и домашние туфли.

Черновик. Архив А. Т.

Фадееву А. А., 14 января 1954 г. (Стр. 42)

Александр Александрович Фадеев (1901—1956) — генеральный секретарь и председатель Правления СП СССР (1946—1954), секретарь Правления в последующие годы, член ЦК КПСС (1939—1956), один из зачинателей советской литературы. С молодых лет Твардовский испытывал одушевленную любовь к автору «Разгрома» и «Последнего из удэге». «Подсказка» Фадеева послужила толчком к созданию поэмы «Страна Муравия» (см. «О «Стране Муравии», т. 5). Многие годы связывала его тесная дружба с Фадеевым, претерпевшая кризис в середине 50-х гг., но сохраненная А. Т. и после смерти Фадеева, о чем, в частности, говорят посвященные ему строки в поэме «За далью — даль», упоминания в статьях, выступлениях, письмах (см. т. 5, 6 по указателям). В «НМ» была напечатана одна из статей Фадеева (1953, № 4), помещены подборки его писем (1961, № 12; 1966, № 4; публикации С. Преображенского), а также статья М. Кузнецова «Новое издание «Молодой гвардии» (1952, № 2), рецензии на издания

материалов из архивов писателя (1960, № 2; 1961, № 5, 11). Высказывания Фадеева о творчестве Твардовского см. в его сб. «За тридцать лет», М., 1957.

Письмо информирует о неудавшемся предприятии: А. А. Фадеев, С. Я. Маршак и Твардовский задумали поселиться в одном доме отдыха, чтобы работать там, а вместе с тем иметь возможность общения друг с другом. Однако достать в срочном порядке три путевки в достаточно удобный для их целей дом отдыха не удалось.

Подлинник. Архив А. Т.

Горскому Г. Н. 19 января 1954 г. (Стр. 42)

Григорий Наумович Горский (р. 1911) — поэт, переводчик; живет в Риге. В архиве Твардовского сохранился его стихотворный отклик на появившиеся к этому времени в печати главы поэмы «За далью — даль». В «НМ» «Письмо» не печаталось; фрагмент из него (вариант заключительной главы) под заглавием «Поэту» см. в сборнике стихов Г. Горского «Книга любви» (Рига, 1962, с. 45).

Ксерокопия, полученная от адресата. Архив А. Т.

Кутову Н. Н., 12 сентября 1954 г. (Стр. 43)

Николай Николаевич Кутов (р. 1917) — поэт, автор нескольких стихотворных сборников, имел встречи с Твардовским, о чем написал (см. «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978, с. 202—205). Печатался в «НМ» в 1951 г. (№ 1) и 1952 г. (№ 8). А. Т. пишет о поэме Кутова «Новый день», не печатавшейся в журнале.

Копия. Архив А. Т.

Генальфу И. Д., 18 ноября 1954 г. (Стр. 44)

Подлинник. Архив А. Т.

Прокофьеву А. А., 16 января 1955 г. (Стр. 45)

См. письмо от 20 октября 1945 г. и примеч. к нему. «Новая вещь» — поэма Прокофьева «Юность» («НМ», 1955, № 1). Участие А. А. Прокофьева в «НМ» продолжалось до начала 60-х годов (1954, № 4; 1959, № 2, 8; 1960, № 11; 1961, № 7, 10); в 1961 г. в «НМ» была помещена статья о его творчестве (И. Дементьева. Приглашение к путешествию). О позднейшем отношении Прокофьева к позиции журнала свидетельствует его подпись под письмом одиннадцати писателей «Против чего выступает «Новый мир»?» («Огонек», 1969, № 30), в свою очередь вызвавшим со стороны «НМ» полемический отклик (см. «От редакции», «НМ», 1969, № 7). О Твардовском-поэте Прокофьев писал в статье «Поэт нашей эпохи» («Литература и жизнь», 1960, 19 апреля).

...у Браунов... подпортил вечер...— Во время семейной поездки в Ленинград А. Т. простудился, вследствие чего пребывание в

гостеприимной семье поэтов Николая Леопольдовича Брауна (1902—1975) и Марии Ивановны Комиссаровой (р. 1904) было кратким. *Настасья Васильевна* — жена Прокофьева.

Ксерокопия. Архив А. Т.

Шацких Ивану, 17 января 1955 г. (Стр. 46)

О каком именно стихотворении идет речь, не установлено. Мысль, выраженная в письме читателю, неоднократно звучит в лирике Твардовского 50-х и последующих годов: «Самому себе» («Пускай сегодняшний вчерашним...», 1952), «Мне памятно, как умирал мой дед...» (1954) и особенно в более позднем «Не знаю, как бы я любил...» (1957) (см. т. 3, с. 65, 66—67, 97).

Черновик. Архив А. Т.

Курелле Альфреду, 21 января 1955 г. (Стр. 46)

Альфред Курелла (1895—1975) — немецкий писатель, публицист и критик, общественный деятель, в последние годы — вице-президент Немецкой академии искусств (ГДР); много лет жил в СССР, с Твардовским познакомился в 1939 г. в подмосковном доме творчества Малеевка, некоторое время переписывался с ним. В переводе Куреллы «Страна Муравия» выходила дважды: в Москве в 1953 г. и в Берлине в 1954 г. Письмо А. Т. имеет в виду второе «собственно немецкое» издание.

Подлинник. Передан адресатом в архив А. Т.

Сиводедову В. Т., 7 апреля 1955 г. (Стр. 47)

Василий Тимофеевич Сиводедов (1905—1981) — товарищ Твардовского по Белохолмской школе второй ступени. С его младшим братом Георгием А. Т. учился в одном классе (см. письмо от 27 апреля 1968 г.). Комсомолец В. Т. Сиводедов был один из тех активистов, кто привлек внимание школьника Твардовского начитанностью, энтузиазмом и заинтересованностью в делах школьного коллектива и комсомольской ячейки. Как ученик академика И. К. Луппола, В. Т. Сиводедов разделил его судьбу. Судьба В. Т. Сиводедова в слиянии с другими, ей подобными, составила основу образа «друга детства» из поэмы «За далью — даль». В. Т. Сиводедов опубликовал воспоминания о Твардовском (см. «Письма и встречи», газета «Сельская жизнь» (Починок), № 124—127 за 16, 18, 20 и 23 октября 1979 г., см. также сб. «Воспоминания об А. Твардовском». М., 1982). В воспоминаниях приведены все шесть писем Твардовского к нему.

Печатается по публикации 16 октября 1979 г.

Радзюкевич А. М., 9 апреля 1955 г. (Стр. 48)

Поэма А. М. Радзюкевич опубликована с небольшими сокращениями в кн.: А. Твардовский. Василий Теркин... Письма читателей... с. 478—495, под заглавием «О жене Василия Теркина».

Черновик. Архив А. Т.

Рыленкову Н. И., 15 апреля 1955 г. (Стр. 51)

Николай Иванович Рыленков (1909—1969) знал Твардовского с конца 20-х годов, в 1927 г. в соавторстве с ним напечатал «Стихи о председателях сельсоветов» («Смоленская деревня», 29 декабря). Позже они совместно с С. А. Фикситым (см. письмо и примеч. к нему от 2 марта 1959 г.) выпустили сб. «Стихи о зажиточной жизни» (Смоленск, 1934). Присоединившись в 1935 г. к кампании критической «проработки» Твардовского в смоленской печати (см.: В. Горбатенков, И. Кац, Н. Рыленков. «Стих — это бомба и знамя».— «Большевистский молодняк». Смоленск, 1935, 14 апреля), Рыленков в дальнейшем опубликовал ряд статей о Твардовском, в которых высоко оценивалось его творчество (см. «Путь Александра Твардовского» в кн.: Н. Рыленков. Традиции и новаторство. М., 1962). Печатался в «НМ»: поэма «Пастух» (1950, № 9), стихи (1959, № 5; 1960, № 1), автобиографические записки «Ветер времени» (1963, № 8), ст. «Сокровища духовного опыта народа» (1967, № 11). Его книга «Стихи и поэмы» и повесть «Сказка моего детства» рецензировались в «НМ» (1952, № 11; 1962, № 10).

«Милый друг, мы с тобой старики...» — Строка из стихотворения А. Блока «Мы забыты, одни на земле...» (1913). *Соколов-Микитов* — см. примеч. к письмам ему в наст. т. *Ускорь... ремонт... гостиницы...*— шутливый намек на руководящее положение Рыленкова, многие годы возглавлявшего смоленскую писательскую организацию. *Евгения Антоновна* — жена Рыленкова.

Фотокопия, переданная Е. А. Рыленковой в архив А. Т.

Кулешову А. А., 1 сентября 1955 г. (Стр. 51)

Аркадий Александрович Кулешов (1914—1978), народный поэт Белоруссии, один из любимых друзей Твардовского, так вспоминал начало своего знакомства с ним: «В 30-е годы к нам (в Минск.— *М. Т.*) приезжали смоленские писатели, и главным и самым известным из них был М. В. Исаковский. Был в числе их и молодой тогда А. Т. Но первый наш разговор состоялся позднее. Это было весной, скорее всего в 1935 г. Я зашел в наш минский Дом литератора и вижу: сидит за столиком А. Т. и читает газету «Літаратура і мастацтва» и, вижу, читает отрывок моей поэмы «Горбун». Прочитал и говорит мне, что в нем плохи два места. То, где я пишу, что Анисима Шкроба в первые годы революции посещали эсеры, и другое, что он, т. е. Шкроб, имел «широкі кулаці зад». Первое плохо потому, что эсеры, мол, это не купцы, не лавочники и даже не попы, чтобы употреблять это

слово в собирательном смысле, а второе, мол, потому, что «широкі зад» — место общее и, мол, есть кулаки и без «широкого зада». Замечания, сделанные А. Т. по моей поэме «Горбун», произвели на меня сильное впечатление. Твардовский был для меня человеком малоизвестным, а замечания его я принял сразу и почувствовал, что они исходят от зрелого мастера» (письмо составителю 2 декабря 1976 г.). Своего рода продолжение этого письма можно увидеть в ответах А. А. Кулешова на анкету журнала «Юность»: «...По-настоящему, до конца я понял, что должен делать в литературе, когда прочел поэму Твардовского «Страна Муравия»... Как я благодарен тому, что встретил эту вещь в советской литературе. Захотелось свой накопленный опыт, наблюдения и размышления над народной жизнью сделать предметом искусства» («Юность», 1977, № 12).

Твардовский ценил поэзию Кулешова; см. в т. 1, с. 372—373 перевод его стихотворения «Крылья», а в т. 5 — две статьи о его творчестве. В «НМ» были опубликованы поэма Кулешова «Граница» (1953, № 8), ст. «Встречи с Лермонтовым» (1964, № 10), постоянно печатались его стихи (1951, № 3; 1954, № 10; 1959, № 4; 1962, № 4, 10; 1964, № 2; 1965, № 1; 1966, № 2; 1967, № 10). «НМ» поместил статью о творчестве А. Кулешова (Г. Березкин. Беседь впадает в океан, 1964, № 2); его сб. «Новая книга» рецензировался в «НМ» (1965, № 1) и был выдвинут редакцией на соискание Ленинской премии (1964, № 9). В 1966—1978 гг. Кулешов — член редколлегии «НМ». Памяти Твардовского он посвятил поэму «Варшавский шлях» (1973) (см. «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978). Сохранившаяся далеко не полностью переписка Твардовского и Кулешова опубликована в журн. «Неман», 1980, № 9.

...не намерен долго сердиться... — за причиненные хлопоты, которые предпринял Кулешов, подыскивая помещение для Твардовского, намеревавшегося приехать с семьей на озеро Нарочь, а затем передумавшего. *...заглянул в Тверскую губернию...* — Путешествие описано И. Соколовым-Микитовым в кн. «Давние встречи» (М., 1976), см. примеч. к письму Соколову-Микитову от 5 сентября 1955 г. *Пуща* — «повесть в стихах» А. Кулешова «Грозная пуща» («НМ», 1955, № 8). *Кс⟨ения⟩ Фед⟨оровна⟩* — жена Кулешова.

Фотокопия, присланная А. А. Кулешовым в архив А. Т.

Конасову, 5 сентября 1955 г. (Стр. 52)

В письме к читателю Твардовский вновь подтверждает точку зрения, высказанную им в ст. «Как был написан «Василий Теркин» (см. т. 5, с. 112), где он, в частности, оспаривал ту

схему зарождения поэтического произведения, которую Маяковский демонстрировал на примере стихотворения «Сергею Есенину» в ст. «Как делать стихи».

Черновик. Архив А. Т.

Пановой В. Ф., 12 сентября 1955 г. (Стр. 52)

Твардовский высоко ценил талант Веры Федоровны Пановой (1905—1973), многие свои произведения опубликовавшей на страницах «НМ»: романы «Времена года» (1953, № 11, 12) и «Сентиментальный роман» (1958, № 10, 11), зарисовки «Из американских встреч» (1964, № 7), киносценарий «Рабочий поселок» (1964, № 9), пьесы «Проводы белых ночей» (1961, № 2) и «Сколько лет, сколько зим!» (1966, № 7). Ее творчеству были посвящены в «НМ» статья Е. Стариковой «Герои Веры Пановой» (1965, № 3), рецензии (1950, № 5; 1960, № 2). Повесть «Сережа» напечатана в № 9 «НМ» за 1955 г. См. письмо от 11 сентября 1960 г.

Копия. Архив А. Т.

Леонову Л. М., 22 сентября 1955 г. (Стр. 53)

К секретарю Правления Союза писателей СССР Леониду Максимовичу Леонову (р. 1899), исполнявшему в то время обязанности председателя Правления Литфонда СССР, Твардовский обращается как председатель Комиссии по литературному наследию критика Владимира Борисовича Александрова (1898—1954). Критические работы В. Александрова, в том числе его статьи о поэмах «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», Твардовский выделял и ценил. При его содействии сборник работ В. Александрова «Люди и книги» (М., 1950) был переиздан в 1956 г. в несколько ином составе, включавшем и ст. «Три поэмы Твардовского». В. Александров активно сотрудничал в «НМ» (1950, № 5, 8; 1951, № 3, 5, 7; 1953, № 1); в 1963 г. (№ 2). журнал посмертно опубликовал его очерк «Фронтовые рукописи».

Черновик. Архив А. Т.

Небогатову М. А., 30 сентября 1955 г. (Стр. 54)

Михаил Александрович Небогатов (р. 1921) — поэт, в настоящее время проживает в г. Кемерово. Переписывался с Твардовским в 1955—1960 гг. Опубликовал ст. «Уроки Твардовского», в которой привел полностью четыре письма Твардовского к нему (см. газ. «Комсомолец Кузбасса», 1975, 20 февраля; альманах «Огни Кузбасса», 1976, № 4). См. письмо от 28 июля 1958 г.

...стихов в «Огоньке».— Цикл стихов Твардовского «Из лирики» (1955, № 43).

Печатается по публикации альманаха «Огни Кузбасса».

А в р а м у К., 1 декабря 1955 г. (Стр. 54)

К. Аврам, сотрудник румынской газеты «Защита Родины», опубликовал в ней отрывки из начатой поэмы «Раду Пинтя» — о румынском солдате мирных дней. Поэма вызвала в редакции товарищескую критику: указывали на то, что она рождается в условиях, которые не позволяют автору «развернуть тему», а герою не дадут «достаточной сферы действия». В письме, переведенном Ю. А. Кожевниковым, автор поэмы спрашивал, продолжать ли ему работу.

Черновик. Архив А. Т.

Г е р м а н о в у А., 14 апреля 1956 г. (Стр. 55)

Андрей Германов (1932—1981), болгарский поэт, переводчик, журналист, посылая на отзыв Твардовскому начало перевода «Страны Муравии», сообщал, что вчерне им переведены 13 глав поэмы: «Перевод делаю размером подлинника, сохраняя самые мелкие подробности: схему рифмовки, полные и неполные рифмы и т. д.» (10 января 1956 г., архив А. Т.). См. по этому поводу письмо Кроловой от 19 июня 1962 г., где А. Т. высказывает собственный взгляд на буквальный и свободный перевод. Работа Германова не была завершена. «Страна Муравия» выходила в Болгарии в переводе Н. Марангозова (София, изд-во «Култура», 1964). См. письмо от 19 июня 1962 г.

Черновик. Архив А. Т.

Б е л о в у Л. О., 18 сентября 1956 г. (Стр. 56)

Лука Осипович Белов — сотрудник Гослитиздата, один из составителей «Антологии русской советской поэзии в 2-х т. 1917—1957», М., 1957. Стихи, перечисленные Твардовским, вошли во второй том «Антологии». Стихотворение «Нет, жизнь меня не обделила...» позже было включено в главу «С самим собой» поэмы «За далью—даль».

Черновик. Архив А. Т.

К у д р е в а т ы х Л. А., 21 октября 1956 г. (Стр. 57)

Леонид Александрович Кудреватых (1906—1981) — писатель, журналист, в то время заместитель главного редактора журнала «Огонек». Несколько лет Твардовский и Кудреватых прожили под одной крышей дома «Известий». Л. А. Кудреватых — автор воспоминаний «Встречи с Александром Твардовским» (в его книге «Радость встреч», М., 1976). Письмо Твардовского включено автором в воспоминания. Четыре стихотворения Б. Шумилова (см. о нем в примеч. к письму от 17 апреля 1959 г.) и два стихотворения И. Корейши были напечатаны в № 52 «Огонька» за 1956 г. Подборка стихотворений В. И. Фирсова (р. 1937) появилась в «Огоньке» № 16 за 1958 г. В «НМ» его стихи были опубликованы

в № 8 за 1956 г., а также в 1958 г., № 8, и 1959 г., № 9. Позднее его произведения вызывали на страницах журнала полемический отклик (1965, № 8; 1966, № 6; 1969, № 5).

Ксерокопия, присланная Л. А. Кудреватых в архив А. Т.

Выходцеву П. С., 17 февраля 1957 г. (Стр. 58)

Петр Созонтович Выходцев (р. 1923) — ленинградский литературовед, автор монографии «Александр Твардовский» (М., 1958) и книги «А. Твардовский. Семинарий» (Л., 1960) — первой попытки собрать и систематизировать биобиблиографические сведения о Твардовском. В связи с работой над этими книгами встречался и переписывался с А. Т. (см.: П. Выходцев. Встречи и переписка с А. Т. Твардовским — в кн.: «Воспоминания об А. Твардовском» (1978), где приведены полностью или в извлечениях некоторые письма Твардовского. В более полном объеме публикация писем представлена в журн. «Русская литература» (1976, № 4) в ст. «Читатели «Василия Теркина»...», приводятся 17 писем А. Т. 1951—1959 г. В «НМ» была подвергнута критике кн. П. Выходцева «Поэты и время» (Л, 1967); см.: Ст. Рассадин. Независимо от степени таланта («НМ», 1969, № 5).

«Стихотворение неизвестного солдата»... — Твардовский сохранил открытку солдата со стихотворением, которое после его обработки печатается под заглавием «Стихотворение неизвестного бойца» (см. т. 2). Неразборчивая подпись вызывает предположение, что боец не рассчитывал на ответ («скоро мы вперед уйдем»). *...о нью-йоркском «Теркине»...* — См. т. 5, с. 140—142. *Лишнюю фотографую...* — Фотографии предоставлялись для кн. П. Выходцева «Александр Твардовский» (1958).

Ксерокопия, полученная от П. С. Выходцева. Архив А. Т.

Ферко Милану, 1 сентября 1957 г. (Стр. 59)

«Василий Теркин» в переводе Ферко Милана вышел в Братиславе в 1959 г. Отдельные главы в его переводах появлялись в чехословацкой периодике с 1955 г.

Черновик. Архив А. Т.

Туркову А. М., 12 декабря 1957 г. (Стр. 59)

Андрей Михайлович Турков (р. 1924) — критик и литературовед, автор ряда книг, в том числе кн. «Александр Твардовский» (М., 1960; 2-е изд.— 1970 г.) и многих статей о поэзии и прозе Твардовского, автор послесловия к т. 3 наст. изд. Опубликовал в «НМ» статьи (1952, № 7; 1958, № 10; 1959, № 3; 1961, № 4) и около трех десятков рецензий (1950—1969); кн. А. Туркова «Салтыков-Щедрин» рецензировалась в «НМ» (1965, № 2). Статья, о которой идет речь в письме, не печаталась. По сообщению автора, это был фрагмент его будущей книги о Твардов-

ском под заголовком (строкой Твардовского) «Мне дорог мир большой и трудный». Поэме «За далью — даль» в книге Туркова о Твардовском отведена отдельная глава.

Ксерокопия. Передана А. М. Турковым в архив А. Т.

Сацу И. А., 15 декабря 1957 г. (Стр. 60)

Игорь Александрович Сац (1903—1980) — искусствовед, литературный критик, переводчик, секретарь А. В. Луначарского (1923—1933 гг.), составитель и редактор ряда сборников А. В. Луначарского; в 1953—1954 гг. зав. отделом критики «НМ»; член редколлегии журнала с 1965 по 1970 г. В 60-х годах перевел с немецкого и французского книги современных философов (А. Хюбшера, Э. Иона, Г. Лея), автор статей о А. М. Горьком, М. А. Шолохове, А. П. Платонове, М. М. Зощенко, А. В. Луначарском, в том числе «О взглядах А. В. Луначарского на изобразительное искусство» («НМ», 1963, № 6); «А. В. Луначарский и советская литература» (совместно с А. Дементьевым, «НМ», 1966, № 12). Твардовский был в близких дружеских отношениях с И. А. Сацем, почему и счел возможным обратиться к нему относительно «Ароматных» — постоянных своих сигарет.

В отдел поэзии журнала «Советский воин», 23 декабря 1957 г. (Стр. 61)

Стихи А. И. Сметанина (капитана гвардейской Кантемировской дивизии во время войны) «Теркин — гость стрелковой роты» появились в «Советском воине» (1958, № 4) — бывшем журнале «Красноармеец», где в 1942—1945 гг. были напечатаны почти все главы «книги про бойца». Он и позже создавал вариации на тему «Теркина». Так, стихотворный репортаж подполковника А. И. Сметанина «Здравствуй, Теркин!» напечатан (1968, 1 мая) в специальном выпуске газеты ЛВО «На страже Родины», отмечавшей свое 50-летие.

За время пребывания в Ялте из «теркинской почты» было отобрано и переписано на машинке 108 писем-стихотворений. Твардовский предполагал издавать их со своим предисловием. Затем он стал колебаться относительно своей роли, решил, что предисловие лучше писать кому-нибудь из критиков — предположительно, П. Выходцеву или А. Туркову. Обменявшись с ними по этому вопросу письмами, Твардовский решил отложить издание «почты Теркина», как он выразился, «на потом», тем более что мнения критиков оказались прямо противоположными. Подборка «Стихи читателей «Василия Теркина» появилась в печати много позже («Литературное наследство», т. 78, кн. I, М., 1965, предисловие и публикация Ю. Буртина). Часть читательской почты — стихотворной и прозаической — составила раздел в уже упоминавшейся кн.: А. Твардовский. Василий Теркин... Письма

читателей... М., 1976. Стихотворение А. Сметанина вошло в оба эти издания.

Копия. Архив А. Т.

Редколлегии стенгазеты 9-го класса Пыржотской средней школы, 31 декабря 1957 г. (Стр. 62)

Адресовано в пос. Пыржоты Молдавской ССР.

«Школьная почта» Твардовского — письма педагогов и учащихся — стала увеличиваться по мере включения его произведений и особенно поэм «Василий Теркин» и «За далью — даль» в школьные программы. Высказывания Твардовского о литературе встречаются и в «школьной почте». Но его замечания воспитательного характера можно найти только в этой части его переписки. См. письма: воспитанникам яснополянского детдома № 1 от 21 апреля 1959 г.; Долбиловой Н. К. от 25 января 1961 г.; ученикам 10-го класса Телишской средней школы от 1 апреля 1963 г.; пионерам и школьникам интерната № 2 от 13 апреля 1964 г.; уральской средней школе № 532 от 16 ноября 1964 г.; ученикам Токмакской средней школы от 31 марта 1965 г.; членам клуба «Юные коммунары» от 11 июня 1968 г.; ученикам 7-го «В» класса Поршурской школы от 26 декабря 1968 г.; Котлову А. А. от 30 декабря 1968 г.; «Красным следопытам» от 21 января 1969 г.; Кипко Ю. В. от 7 июля 1970 г.

Черновик. Архив А. Т.

Михайлову Н. А., 2 января 1958 г. (Стр. 62)

Николай Александрович Михайлов (р. 1906), министр культуры СССР (1955—1960), обратился к Твардовскому с предложением создать сценарий по «Василию Теркину» (см. письмо от 14 марта 1948 г. и примеч. к нему).

Бабочкин Б. А.— см. примеч. к телеграмме от 27 марта 1964 г. *Чирков* Борис Петрович (1901—1982) — народный артист СССР, исполнитель главной роли в кинотрилогии «Юность Максима», «Выборгская сторона», «Возвращение Максима».

Черновик. Архив А. Т.

Выходцеву П. С., 6 января 1958 г. (Стр. 64)

См. примеч. к письму от 17 февраля 1957 г.

«Сталь» — роман «Как закалялась сталь» Н. А. Островского (1904—1936). О значении примера Н. Островского для начинающего писателя, в том числе для себя лично, Твардовский говорил позднее в речи на Всероссийском съезде учителей (см. т. 5, с. 344). *«Повесть»* — «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого (1908—1981). *На редакторов из «Советского писателя»...* — в этом изд-ве готовилась к печати книга П. Выходцева «Александр Твардовский» (1958).

Ксерокопия. Архив А. Т.

Смирнову В. А., 8 января 1958 г. (Стр. 64)

Василий Александрович Смирнов (1905—1979) — писатель, в то время секретарь Правления СП СССР. Телеграмма была оглашена на вечере, посвященном 80-летию со дня смерти Н. А. Некрасова, состоявшемся 8 января в зале им. Чайковского.

Черновик. Архив А. Т.

Абалкину Н. А., 9 января 1958 г. (Стр. 65)

Николай Александрович Абалкин (р. 1906) — критик, театровед, в то время заведовал отделом литературы и искусства газеты «Правда», эпизодически выступал в «НМ» (1952, № 9; 1953, № 5). В главке «Болдинская осень в Ялте» из очерка «Рядом с героями» («Литературная Россия», 1974, 22 ноября) рассказал о том периоде сотрудничества Твардовского в «Правде», когда он печатал на ее страницах стихи «сибирского цикла» и главу «Фронт и тыл» из поэмы «За далью — даль» — плоды пребывания писателя в ялтинском Доме творчества. В воспоминаниях использовал письма Твардовского.

«Разговор с Падуном» — «Правда», 1958, 19 января; *«От Иркутска до Братска»* — «Правда», 1958, 1 января.

Машинописная копия, полученная от адресата. Архив А. Т.

Членам технического совета..., 10 января 1958 г. (Стр. 65)

Намечавшаяся поездка в Сибирь в 1958 г. не состоялась. По возвращении в феврале из Ялты Твардовскому стало известно о предполагающемся (вторичном) назначении его редактором «НМ». В июне он принял журнал.

Черновик. Архив А. Т.

Федорову И. Ф., 21 января 1958 г. (Стр. 66)

Иван Филиппович Федоров (р. 1917) — поэт. Печатался также под именем Иван Левобережный. Постоянно проживает в Ростовской обл. (хутор Веселый). Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Автор сборников стихов, вышедших в Ростовском изд-ве: «Заря над Доном» (1958), «Ручей», (1963), «Тетива» (1966), «Поэзия Дона» (1968), «Донщина светлая моя» (1977).

Черновик. Архив А. Т.

Халифману И. А., 22 января 1958 г. (Стр. 67)

Иосиф Аронович Халифман (р. 1902) — автор известной книги «Пчелы» (1950), научно-популярных книг о муравьях, термитах, а также написанной совместно с Е. Н. Васильевой биографии выдающегося французского натуралиста Ж. А. Фабра, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» (1966); обращался к Твар-

довскому в связи с договорными недоразумениями, возникшими у него с изд-вом «Молодая гвардия». Суть их изложена в письме А. Т. от 31 января 1958 г.

...Роберта Шеннона из романа Кронина...— Арчибальд Джозеф Кронин (р. 1896) — английский писатель. Во второй половине 50-х годов у нас были переизданы многие его романы и сделаны новые переводы. Твардовский, вообще ценивший документально-биографический жанр, отмечал повести Кронина «Юные годы» (1957) и «Путь Шеннона» (1959). Героя этих повестей он упоминает в письме. *Заглавие... «мироприключенческое».*— Заглавие рукописи — «Пароль скрещенных антенн» — по-видимому, вызвало в памяти А. Т. интригующие заглавия «Мира приключений» (1910—1918) — популярного приложения к дореволюционному журналу «Природа и люди».

Ксерокопия, переданная И. А. Халифманом в архив А. Т.

Абалкину Н. А., 23 января 1958 г. (Стр. 69)

См. письма от 9 января и 12 февраля 1958 г. и примеч. к ним. Стихи Твардовского «Еще о Сибири» появились в «Правде» 9 февраля.

Машинописная копия, присланная адресатом.

Ваншенкину К. Я., 24 января 1958 г. (Стр. 69)

Константин Яковлевич Ваншенкин (р. 1925) — писатель, автор многих сборников стихов и прозы. В кн. К. Ваншенкина «Наброски к роману» (1973), «Повести и рассказы» (1976) имеются очерковые зарисовки Твардовского как поэта, редактора и человека (см. «Письмо Твардовского», «Перечитывая Твардовского», «Твардовский»). По сценарию К. Ваншенкина режиссером И. Гелейном поставлен документальный фильм «Детство Твардовского» (1980). Сб. «Волны» (М., 1957), о котором пишет А. Т., сохранился в библиотеке Твардовского и имеет пометки и замечания на полях, частью не вошедшие в ялтинское письмо, впервые опубликованное в альманахе «День поэзии. 1972» и сопровожденное таким признанием К. Ваншенкина: «...это одно из самых значительных писем, полученных мною в жизни. Оно заставило остановиться, задуматься, помогло посмотреть на себя со стороны».

Печатается по первой публикации.

Трубицыну В. А., 25 января 1958 г. (Стр. 70)

Твардовский подвергает разбору новую книгу стихов уфимского поэта Василия Андреевича Трубицына (р. 1917) «Отчий дом» (1957). Указание на «характер несамостоятельности» подразумевает следы непреодоленного влияния на автора поэзии Твардовского. Упомянутая в письме книга Твардовского из серии

«Библиотека советской поэзии» — «Избранные стихотворения» (М., Гослитиздат, 1958).

Черновик. Архив А Т.

Потемкину С. В., 31 января 1958 г. (Стр. 72)

См. письмо от 22 января 1958 г.

В Детгизе («Детская литература») книга И. Халифмана вышла в 1958 г. под заглавием «Пароль скрещенных антенн», в «Молодой гвардии» — в 1963 г. под заглавием «Муравьи». Оба издания рецензировались в «НМ» (1959, № 3 и 1964, № 2), так же, как и его книга «Отступившие в подземелье» (1961) — о термитах («НМ», 1962, № 4).

«Учение о лесе» (7-е изд., М.—Л., 1949) — труд Георгия Федоровича Морозова (1867—1920), русского ботаника и географа, основателя отечественной школы лесоведения. «Жизнь растения» (1878) — научно-популярная книга Климента Аркадьевича Тимирязева (1843—1920), многократно переиздававшаяся. *...зная Вас... в некое трудное время...* — После войны в «Молодой гвардии» вышли книги Твардовского: «Послевоенные стихи» (1952), «За далью — даль. Стихи 1945—1953» (1953), «Стихотворения и поэмы» (1954).

Черновик. Архив А. Т.

Абалкину Н. А., 12 февраля 1958 г. (Стр. 74)

См. письмо от 23 января 1958 г.

...еще один сибирский опус. — Стихотворение «Старожил» («Правда», 13 апреля 1958 г.); глава «Фронт и тыл» («За далью — даль») напечатана в «Правде» в день 40-й годовщины Советской Армии (23 февраля).

Копия, присланная адресатом в архив А. Т.

Добрину В. Б., 11 апреля 1958 г. (Стр. 75)

Участник Отечественной войны, майор медицинской службы хирург Владимир Борисович Добрин встречался с Твардовским в первые месяцы войны на Юго-Западном фронте; после войны профессор Добрин занимался преподавательской деятельностью в Читинском медицинском институте. Умер в 1960 г. Воспоминания его, в которых описывается встреча с Твардовским, опубликованы в альманахе «Сибирь» (1974, № 4 и 5) под заглавием «Ремонтный цех войны. Записки полевого хирурга». В № 5 альманаха «Сибирь» за 1975 г. опубликовано письмо (автограф) Твардовского Добрину. Публикация И. П. Файерштейн. Автобиографическое произведение Ольги Джигурды «Теплоход «Кахетия». Записки военного врача» печаталось в «Знамени» (1948, № 1 и 2). Отдельное издание — М., 1966 г. Неназванные записки об обороне Ханко — это воспоминания подполковника медицинской службы А. С. Коровина «163 дня на Ханко» (Военмориздат,

1945). Позже книга А. С. Коровина, продолженная записями о днях ленинградской блокады, дважды выходила в изд-ве «Советский писатель»: «Записки военного хирурга» (1948), «Салют на Неве» (1951).

Подлинник. Передан В. З. Добриной в архив А. Т.

Лакшину В. Я., 10 мая 1958 г. (Стр. 75)

Владимир Яковлевич Лакшин (р. 1933) — критик, литературовед, автор кн. «Толстой и Чехов» (1963), «Островский» (М., 1976), «Биография книги» (М., 1979). Постоянно печатался в «НМ» в 1958—1969 гг.; с 1962 по 1970 г. член редколлегии журнала. Неоднократно писал о Твардовском: «Новая лирика Твардовского» («День поэзии, 1971»), «Александр Твардовский о литературе» («Юность», 1972, № 10), «Книга особой судьбы» («Юность», 1976, № 12); ему же принадлежат мемуарные очерки о Твардовском: «Ненаписанная книга. К биографии А. Твардовского («Дружба народов», 1974, № 7), «Песня» (журн. «Памир», 1977, № 5), «Так было» («Октябрь», 1980, № 9), «Твардовский в кругу писателей» («Литературное обозрение», 1981, № 6). По сценарию В. Я. Лакшина поставлен телефильм «Дом Твардовского» (1981). Член Комиссии по литературному наследию Твардовского.

Ксерокопия. Передана адресатом в архив А. Т.

Тендрякову В. Ф., 22 июня 1958 г. (Стр. 76)

Владимир Федорович Тендряков (р. 1923), чей «своеобычный и яркий талант» отмечен «публицистической обнаженностью актуальных вопросов современности» (А. Твардовский. По случаю юбилея.— «НМ», 1965, № 1), в 50-х годах напечатал в «НМ» несколько вещей, обративших на себя внимание читателя: «Падение Ивана Чупрова» (1953, № 11), «Ненастье» (1954, № 2), «Не ко двору» (1954, № 6); постоянным автором журнала он оставался и в 60-е годы. На страницах «НМ» появились его повести: «Тройка, семерка, туз» (1960, № 3), «Суд» (1961, № 3), «Поденка — век короткий» (1965, № 5); а также «Рассказы радиста» (1963, № 9). Анализу творчества писателя были посвящены в «НМ» статьи И. Виноградова «Оптимистическая трагедия Родьки Гуляева» (1958, № 9), И. Соловьевой «Проблемы и проза (Заметки о творчестве В. Тендрякова)» (1962, № 7). Рассказ, послуживший темой письма, автором не печатался.

Нариньяни Семен Давыдович (1908—1974) — писатель-сатирик.

Копия. Архив А. Т.

Журавлеву Т. К., 30 июня 1958 г. (Стр. 78)

Вторично утвержденный в должности редактора «Нового мира» 19 июня 1958 г., Твардовский в первую очередь обратился к тем писателям, которых помнил по прежней работе в журнале (1950—1954 гг.). Тихон Кононович Журавлев (р. 1913) — рус-

ский писатель, проживающий в Татарии, автор имевшей успех повести «Комбайнеры» («НМ», 1953, № 7), отозвался на письмо А. Т.: «Только что вернулся в Казань. Но, к сожалению, больше года ничего не писал. Сейчас заканчиваю русскую повесть «Алексей Петрович» — не совхозную и не колхозную, о рядовом сапожнике. Постараюсь прислать ее к Новому году» (2 октября 1958 г. Архив А. Т.). Повесть не появилась в «Новом мире». В № 12 журнала за 1959 г. напечатан рассказ Т. Журавлева «Дед Харитон» — о старом охотнике.

Копия. Архив А. Т.

Берггольц О. Ф., 4 июля 1958 г. (Стр. 78)

Ольга Федоровна Берггольц (1910—1975) оставила яркие произведения о блокадном Ленинграде, судьбу которого она разделила. О. Ф. Берггольц связывали многолетние дружеские отношения с Твардовским, хотя доля ее участия в работе «НМ» скорее весома, нежели велика. Здесь опубликовала она части своей «главной книги» — «Дневные звезды»: «Поездка прошлого года» («Поездка в город детства») (1954, № 10), «Поход за Невскую заставу» (1959, № 7). С лирическими произведениями она выступала в «НМ» в 1961 и 1965 гг. Ее общая литературная позиция, неоднократные выступления в печати по актуальным вопросам развития советской литературы и ее статьи о поэзии Твардовского были для него поддержкой и сообщали «чувство локтя». Твардовский отмечал и ценил своеобразие подхода к его произведениям поэта-критика О. Берггольц (см. ее статьи о «Василии Теркине» — «Испытание миром» («Лит. газ.», 1945, 17 ноября), о поэме «За далью—даль» — «С Родиной в пути» («Литература и жизнь», 1961, 26 апреля), «О классических традициях в советской литературе», где отмечено влияние некрасовских традиций на творчество Твардовского («Лит. газ.», 1971, 8 декабря). В творчестве О. Берггольц Твардовский особо выделял ее «Дневные звезды». В ст. «Несколько слов к читателям «Нового мира» (1961, № 12, с. 253) он говорит о «лиризме изложения» и о «мужественном взгляде на собственный жизненный путь»; в ст. «По случаю юбилея» («НМ», 1965, № 1) он опять же с похвалой отзывается об этом произведении. В журнале рецензировались сб. стихов О. Берггольц «Узел» (1966, № 1) и ее «Избранные произведения в двух томах» (1967, № 10).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 12.

Энгельгардту Б. А., 22 июля 1958 г. (Стр. 79)

Борис Александрович Энгельгардт (1877—1962) принадлежал к высшей знати царской России. В качестве камер-пажа принимал участие в коронации Николая II; в 1913 г. избирался в

Государственную думу; во время первой мировой войны — начальник штаба гвардейского корпуса на фронте; сразу после Февральской революции короткое время исполнял обязанности военного коменданта Петрограда; в 1918 г. бежал на Украину и прошел весь путь армии Деникина до ее развала; с 1920 г. до 1941 г. жил в эмиграции, с 1946 г. — в советской Латвии. Воспоминания Б. А. Энгельгардта, отмеченные великолепным знанием жизни кругов, близких царскому дому, отразившие крушение режима и перипетии белого движения и гражданской войны на Украине, не могли не привлечь внимания Твардовского-редактора. Отмечая прочитанное в последнее время, он записал в рабочей тетради: «Из чтения — самое большое впечатлениие статья Т. Манна «Мое время». Записки Б. Энгельгардта. Интересно по объему материала от и до...» (12 октября 1955 г.). Записки Б. А. Энгельгардта, с которыми редакцию ознакомил упоминаемый в письме профессор МГУ историк П. А. Зайончковский (р. 1904), не появились в «НМ». Опубликованы после смерти автора в сокращенном виде под заглавием «Потонувший мир» (см. «Военно-исторический журнал», 1964, № 1, 5, 8, 9 и 10); отрывки в газ. «Неделя», 1964, № 15.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 13.

Небогатову М. А., 28 июля 1958 г. (Стр. 79)

См. письмо от 30 сентября 1955 г.

Твардовский отзывается о книжке стихов М. Небогатова «Моим землякам» (Кемерово, 1958). Рецензии на нее в «НМ» не было. См. письмо от 19 августа 1960 г.

По публикации альманаха «Огни Кузбасса».

Гитовичу А. И., 6 августа 1958 г. (Стр. 80)

Александр Ильич Гитович (1909—1966) — поэт, переводчик. Земляк Твардовского. Выступал в печати с середины 20-х годов. Его переводы из китайской классической поэзии печатались в № 10 «НМ» за 1953 г. Цикл, о котором пишет А. Т., опубликован («НМ», 1958, № 11), по-видимому, частично, то есть взяты стихи одного автора, а не «авторов», как обозначено в письме. См. следующее письмо.

Софья Григорьевна Караганова — старший редактор отдела поэзии «НМ».

Фотокопии писем переданы в архив А. Т. Сильвой Самойловной Гитович.

Гитовичу А. И., 17 августа 1958 г. (Стр. 80)

См. предыдущее письмо.

Полученная от А. Гитовича книга — «Из китайской и корейской поэзии» (М., 1958). Твардовский ожидал близкого выхода двух книг: «За далью — даль» («Советский писатель») и «Избран-

ные стихотворения» (Гослитиздат). Обе они вышли в 1958 г. «Огоньковская книжечка», которую он воздержался послать Гитовичу из-за ее малости,— «Стихи о Сибири» (1958). Статья о китайской и корейской поэзии, по-видимому, не была написана. Три стихотворения Гитовича опубликованы посмертно («НМ», 1967, № 4). В журнале получили положительную оценку «Стихи о Корее» (1950, № 8), «Зимние послания друзьям» и «Стихотворения» Гитовича (1967, № 2).

Фотокопия. Архив А. Т.

Колягтруку Н. Д., 25 сентября 1958 г. (Стр. 81)

Разбор повести Николая Дмитриевича Колягтрука (1909—1966) «Приморская сторона» Твардовский начинает с сопоставления ее с предыдущей повестью автора, которую кратко называет «Летопись». Судя по всему, это повесть «Черемшанские были», на которую Твардовский писал «внутреннюю рецензию» (см. т. 5, с. 289); «Черемшанские были» печатались в альманахе «Наш современник» (1958, № 4). Публикация повести «Приморская сторона» в периодике не выявлена.

...о Г. Веерте.— Георг Веерт (1822—1856) — немецкий поэт. *«Братья Ершовы»* (1958) — роман Всеволода Анисимовича Кочетова (1912—1973). Оценка этого романа дана в статье А. Дементьева «Заметки критика» («НМ», 1958, № 11). В «НМ» рецензировалась повесть Кочетова «Кому светит солнце» (1950, № 4), романы «Журбины» (1952, № 5) и «Секретарь обкома» (1962, № 1).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 12.

Симонову К. М., 26 сентября 1958 г. (Стр. 82)

См. письмо от 11 марта 1944 г.

В 1946—1970 гг. Симонов и Твардовский поочередно редактируют «НМ». Симонов с 1946 по 1950 г. и с конца 1954 по июнь 1958 г.; Твардовский с марта 1950 до августа 1954 г. и с июня 1958 по февраль 1970 г. В июне 1958 г. Симонов уезжает в Ташкент, где работает корреспондентом «Правды» по республикам Средней Азии и пишет роман «Живые и мертвые». Видимо, он обещал свое сотрудничество «НМ» — имя его значится в проспекте журнала на 1959 г. Но опубликован роман в «Знамени» (1959, № 4, 10—12). В записках о Твардовском «Таким я его помню» К. М. Симонов рассказал, почему не появился его роман в «НМ» (см. «Вопросы литературы», 1974, № 2, с. 187—189, и в кн.: К. Симонов. Сегодня и давно. Изд. 3-е. М., 1978, с. 167—169). В «НМ» при Твардовском печатались: роман Симонова «Товарищи по оружию» (1952, № 10—12), отдельные стихи и переводы (1961, № 5; 1965, № 3), статья «Читая Толстого (К столетию со дня выхода «Войны и мира»)»

(1969, № 12). См. также письмо от 8 июня 1969 г. Творчеству Симонова журнал посвятил статьи И. Виноградова «Во имя живых» (1960, № 6), Л. Лазарева «Военные романы К. Симонова» (1964, № 8) и А. Суркова «Большими дорогами жизни» (1965, № 12). С помощью К. М. Симонова выходили первые тома наст. изд., предваренного его вступительной статьей. Он был инициатором создания и наряду с народным артистом СССР М. Ульяновым участником документального фильма «Александр Твардовский» (1976), режиссер Д. Н. Чуковский.

Ксерокопия. Передана К. М. Симоновым в архив А. Т.

Сергееву В. А., 1 октября 1958 г. (Стр. 82)

Владимир Андреевич Сергеев (р. 1930) — поэт, живет в Барнауле. Окончил в 1954 г. отделение журналистики Ленинградского университета. Работал в газ. «Советская Чукотка». Первые стихи напечатал в журн. «Звезда» (1952). Впервые напечатался в «НМ» в 1954 г. (№ 7); автор нескольких сборников стихотворений и поэм. Цикл чукотских стихов В. Сергеева, о которых пишет А. Т., появился в «НМ» (1958, № 11); об очерке «Снова на Чукотке» («НМ», 1963, № 2) А. Т. в одном из писем отозвался как об «отличном». Твардовский был неофициальным (до сдачи рукописи в издательство) редактором сборника стихов В. Сергеева «Чукотская весна» («Советская Россия», 1961). После появления книги он дал о ней положительный отзыв (см. «НМ», 1961, № 8, разд. «Коротко о книгах», с. 282, подпись: А. Т.).

Александр Григорьевич Дементьев (см. письмо от 5 августа 1962 г.) знал В. Сергеева по Ленинградскому университету, где в 1948—1953 гг. руководил кафедрой советской литературы.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 13.

Буртину Ю. Г., 5 октября 1958 г. (Стр. 83)

Рецензия на роман Ф. Абрамова «Братья и сестры» (см. примеч. к письму от 29 августа 1967 г.) послужила началом постоянного сотрудничества критика Юрия Григорьевича Буртина (р. 1932) в «НМ», где им за годы 1959—1969 были опубликованы статьи (1961, № 7; 1968, № 1) и более десятка рецензий. Имя Буртина упоминает Твардовский в ст: «Несколько слов к читателям «Нового мира» («НМ», 1961, № 12) и «По случаю юбилея» («НМ», 1965, № 1). В 1967—1970 гг. Буртин — старший редактор отдела публицистики «НМ». Автор статей «Из наблюдений над стихом Твардовского» («Вопросы литературы», 1960, № 6); «Нестареющая правда» (сб. «Живая память поколений», М., 1965); «Три поэмы Твардовского» (послесловие к кн.: А. Твардовский. Страна Муравия. Василий Теркин. Дом у дороги. М., 1970) и послесловий к первым двум томам наст. изд.

Подлинник. Передан Ю. Г. Буртиным в архив А. Т.

Буравину А. Ф., 6 октября 1958 г. (Стр. 84)

Александр Федорович Буравин — рабочий Грибановского машиностроительного завода и, как он отрекомендовался Твардовскому, «читатель, до безумия любящий поэзию и в особенности «Василия Теркина». О его библиотеке, в которой имелись книги Твардовского с дарственными надписями, о его посещениях «НМ» и беседах с А. Т. писала газ. «Коммуна» (Воронеж), 1978, 29 декабря (см. заметку Ю. Николаева «Рабочий-книголюб»). Ст. «Письма фронтовиков о «Василии Теркине» («Знамя», 1944, № 1; без подписи) представляла собой первый обзор «теркинской почты», сделанный М. И. Твардовской по тем нескольким десяткам писем-отзывов, которые были получены к этому времени по домашнему адресу Твардовских.

Посланная книжечка — «Стихи о Сибири» («Правда», 1958).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 12.

Федину К. А., 8 октября 1958 г. (Стр. 84)

Константин Александрович Федин (1892—1977) — первый секретарь (с 1959 г.), а затем председатель Правления Союза писателей СССР; в 1941—1977 гг.— член редколлегии «НМ», на страницах которого напечатал роман «Костер» (1961, № 8—12; 1965, № 1, 5; 1967, № 2), а также ст. «К образу Ленина в литературе» (1959, № 4). В связи с 70-летием К. А. Федина в «НМ» (1962, № 2) были помещены отклики и воспоминания И. Соколова-Микитова, К. Паустовского и Г. Маркова; в 1967 г. (№ 2) рецензировался сборник «Творчество Константина Федина. Статьи. Сообщения... Документальные материалы». Статья о завершении в 1958 г. издания 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого не была написана К. А. Фединым; к творчеству Л. Н. Толстого журнал при Твардовском обращался из года в год, пожалуй, чаще, чем к кому-либо другому из классиков русской литературы. Можно указать на статьи М. Щеглова (1953, № 9), Э. Зайденшнур (1959, № 6; см. примеч. к письму от 1 апреля 1963 г.), В. Лакшина (1960, № 1), Б. Мейлаха (1960, № 10, 11); Н. Гудзия (1963, № 4), И. Золотусского (1968, № 6), К. Симонова (1969, № 12); рецензии на книги о Л. Н. Толстом, публикации его писем, воспоминаний о нем.

Подлинник. ЦГАЛИ, ед. хр. 13.

Эйхенбауму Б. М., 8 октября 1958 г. (Стр. 85)

Борис Михайлович Эйхенбаум (1886—1959) — историк литературы, автор фундаментальных работ о русской классике. Статья о Л. Н. Толстом, которую отклонили в отделе критики

«НМ» (о чем Твардовский выражает сожаление), не печаталась в «Вопросах литературы». Впервые появилась в журн. «Русская литература», 1959, № 4 (Б. Эйхенбаум. 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого (Критические заметки). На телеграмму, предварявшую письмо Твардовского, Б. М. Эйхенбаум ответил: «...Прежде всего должен откровенно признаться, что Ваша телеграмма меня обрадовала. История с моей статьей о 90-томном издании Толстого, написанной по заказу «Нового мира», принятой с похвалами, а затем (в связи с переменами в редколлегии), возвращенной мне назад, показалась мне странной... За последнее время я узнал, что вы этой статьи не читали... Я пал, очевидно, жертвой «междуцарствия»...» (2 октября 1958. Архив А. Т.). Позже в «НМ» (1969, № 11) высокую оценку получил сб. статей Б. М. Эйхенбаума «О поэзии».

А. Г. Дементьев — см. примеч. к письму от 5 августа 1962 г. В 1957—1958 гг. был главным редактором журнала «Вопросы литературы» и в течение нескольких последующих лет оставался членом его редколлегии.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 13.

Трофимову И. Т., 17 октября 1958 г. (Стр. 85)

Иван Трофимович Трофимов (р. 1921) — кандидат филологических наук, библиограф, земляк Твардовского, автор библиографических справочников «Писатели Смоленщины» (Смоленск, 1959; «Московский рабочий», 1973). Опубликовал два письма Твардовского к нему в смоленской газете «Рабочий путь» (1977, 28 января). См. письмо от 22 октября 1969 г.

Печатается по газетной публикации.

Захаровой Л. Н., 21 ноября 1958 г. (Стр. 86)

Учительница Лариса Никифоровна Захарова выступает в печати («Учительская газета», «Труд» и др.) с 1957 г. со стихами, рассказами и статьями. В 1970 г. ««Московский рабочий» выпустил сборник ее стихов «Радостно и больно». В «НМ» не печаталась.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 12.

Кожову М. М., 25 ноября 1958 г. (Стр. 87)

Михаил Михайлович Кожов (1891—1968) — в то время профессор Иркутского университета, директор биолого-географического института при нем и биологической станции на Байкале. Именно здесь в 1956 г. познакомился с ним Твардовский во время поездки на строительство Братской ГЭС. См. письмо от 20 декабря 1968 г.

...книжечку из огоньковской библиотечки... — А. Твардовский. Стихи о Сибири. М., «Правда», 1958. *Злобин* Анатолий

Павлович (р. 1923) — очеркист, в 50-е годы печатался в «НМ», много внимания уделял индустриальной теме Урала и Сибири. *...большая книга о Байкале.*— М. М. Кожов. Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал. Иркутск, 1958; сохранилась в библиотеке Твардовского. *Рецензия* — И. Зыков. Щедрый Байкал («НМ», 1959, № 7).

Ксерокопия. Прислана О. М. Кожовой в архив А. Т.

Паустовскому К. Г., 26 ноября 1958 г. (Стр. 88)

Константин Георгиевич Паустовский (1892—1968) предложил «НМ» четвертую книгу своей автобиографической «Повести о жизни» (1945—1963) — «Время больших ожиданий». См. письмо от 2 января 1959 г. и примеч. к нему.

Бабель Исаак Эммануилович (1894—1941) — писатель. На страницах «НМ» его образ воссоздан в шестой книге «Повести о жизни» Паустовского — «Книге скитаний» (1963, № 10, с. 73—78, 101—103), в мемуарах И. Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь» (кн. 3, 1961, № 9, с. 146—152). *Шенгели* Георгий Аркадьевич (1894—1956) — автор многочисленных сборников стихов и поэм на историко-революционные темы. Известен преимущественно работами в области техники стиха. *Багрицкий.*— См. примеч. к письму от 9 сентября 1933 г. *Адалис* Аделина Ефимовна (1900—1969) — поэтесса, прозаик, переводчик; автор первой рецензии на «Страну Муравию» («Лит. газ.», 1936, 24 мая).

Черновик, написанный рукой Твардовского (ЦГАЛИ, ед. хр. 13). Оригинал, помимо Твардовского, был подписан А. Г. Дементьевым.

Гудошникову Я. И., 28 ноября 1958 г. (Стр. 90)

Десятью годами ранее в альманахе «Литературный Воронеж» под рубрикой «Стихи молодых поэтов» были опубликованы два фрагмента Я. Гудошникова («Десант» и «Взрыв поезда»), объединенные общим заглавием: «Из поэмы «Повесть о земляке» (1948, № 1), и затем его поэма «Михаил Ферапонтов» (1948, № 3), включающая стихи, цитируемые в письме («Ночь. И зеленые трассы...»).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 12.

Цыпленкову С. Г., 1 декабря 1958 г. (Стр. 91)

См. примеч. к письму от 23 декабря 1957 г.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 13.

Бондарцу В. И., 10 декабря 1958 г. (Стр. 92)

Автобиографические «Записки из плена» Владимира Иосифовича Бондарца (1920—1959) были напечатаны в «НМ» (1959, № 9, 10). Редакция предпослала им следующее уведомление: «5 июня этого года в Ялте после долгой и тяжелой болезни умер автор публикуемых «Записок» — Владимир Иосифович Бондарец.

В 1942 г. он попал в фашистский плен. Человек большого мужества и честности, В. И. Бондарец и в плену продолжал доступными ему средствами бороться за свободу: он стал членом Боевого союза военнопленных. Плен не сломил его духа, но разрушил здоровье. Несколько последних лет Владимир Иосифович мужественно боролся с тяжелым недугом. Во время болезни он написал эти записки, начал работать над большим романом о военнопленных». Незаконченный роман В. Бондарца — «Военнопленные» вышел в изд-ве «Молодая гвардия» (1960).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 12.

Паустовскому К. Г., 2 января 1959 г. (Стр. 93)

См. письмо от 26 ноября 1958 г. Повесть «Время больших ожиданий» появилась в журн. «Октябрь» (1959, № 3—5). В небольшом предисловии автор предостерегает читателя от поисков того, «чего в ней заведомо нет». Он пишет: «...Эта повесть — не история... Поэтому в повести нет и не может быть всех событий, относящихся к месту и времени этой книги, т. е. к Одессе 1920—1921 г. ...Я не пытаюсь широко касаться тех людей, которых тогда глубоко не знал...» («Октябрь», 1959, № 3, с. 3). В этих словах есть понимание того, что хотела бы увидеть в рукописи редакция «НМ», но чего автор не смог вложить в свое произведение. Довольно скоро между автором и журналом восстановилась связь. Вот что ответил 2 октября 1961 г. К. Г. Паустовский на сделанное ему А. Г. Дементьевым от имени «НМ» предложение о сотрудничестве: «Был искренне рад получить от Вас письмо с предложением печататься в «Новом мире»... Что я могу обещать «Новому миру»? Седьмую книгу автобиографического цикла (шестая уже обещана «Знамени»). Я думаю закончить эту седьмую книгу к осени 1961 г. (явная описка: очевидно, имеется в виду осень следующего, 1962 г. — *М. Т.*). Кроме того, я могу обещать журналу путевые очерки по Италии, Польше и Франции (жанр «лирической географии»)... Конечно, может возникнуть неожиданный рассказ. Я тоже передам его Вам» (ЦГАЛИ, ед. хр. 51). Почти все, что перечислил К. Г. Паустовский, было опубликовано в «НМ»: «Дорожные записки» (о поездке в Италию) — 1962, № 5; «Третье свидание» (о поездке в Польшу) — 1963, № 6; «Книга скитаний» — шестая часть (седьмая не была написана) «Повести о жизни» и в ней страницы о посещении Франции (главка «Старинная карта») — 1963, № 10, 11. В 1962 г. вместе со словом от редколлегии по поводу кончины Э. Г. Казакевича, с некрологом «О человеке и друге» выступал К. Г. Паустовский («НМ», № 10). Творчество писателя рассматривалось в статье Г. Трефиловой «О стиле Паустовского» («НМ»,

1967, № 4), рецензировалась книга Паустовского «Наедине с осенью» («НМ», 1969, № 4).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 19.

Л а в р е н е в о й Е. М., 9 января 1959 г. (Стр. 94)

Письмо вдове скончавшегося 7 января прозаика и драматурга Бориса Андреевича Лавренева (1891—1959), члена редколлегии «НМ» с ноября 1954 г. В некрологе от редакции говорилось: «Работа Лавренева-редактора... отличалась теми же чертами партийности, высокой культуры, как и его творческий путь. Превыше всего он ставил интересы читателя и судил о произведениях нелицеприятно, требовательно, строго принципиально... Несмотря на свою болезнь, Лавренев принадлежал к числу наиболее деятельных членов редакционной коллегии «Нового мира» («НМ», 1959, № 2). В том же году в журнале (№ 4) появилась публикация из архива писателя, а в 1963 г. (№ 7) — страницы воспоминаний Б. Лавренева о Маяковском — «1913—1918». См. следующее письмо.

Л а в р е н е в о й Е. М., 12 января 1959 г. (Стр. 95)

Комиссию по литературному наследию Б. А. Лавренева возглавил писатель В. Н. Ажаев. Твардовский входил в нее в качестве члена комиссии.

Симашко (Шамис) Морис Давидович (р. 1924) — автор исторических повестей и романов, в том числе повестей «В черных песках» («НМ», 1958, № 10), «Искушение Фраги» («НМ», 1960, № 9); живет в Алма-Ате.

Копии обоих писем к Е. М. Лавреневой — ЦГАЛИ, ед. хр. 19.

Ш у м а к е в и ч у И. Р., 12 января 1959 г. (Стр. 95)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 19.

К о ж о в у М. М., 16 января 1959 г. (Стр. 97)

См. письмо от 25 ноября 1958 г. и примеч. к нему.

...в... очерк А. Злобиным... — «НМ», 1959, № 1 «На сибирской магистрали». В 9-й главке очерка описана встреча с М. М. Кожовым. В ответном письме от 10 марта он благодарил Твардовского за «вымарки». Статья для «НМ» Кожовым не была написана.

Ксерокопия. Архив А. Т.

К а з а к е в и ч у Э. Г., 5 февраля 1959 г. (Стр. 97)

Эммануил Генрихович Казакевич (1913—1962), автор повестей («Звезда», «Двое в степи») и романов о Великой Отечественной войне, к тому времени напечатал в «НМ» повесть «Сердце друга» (1953, № 1), очерки «Старые знакомые» (1951, № 1) и «В столице черной металлургии» (1959, № 1). В 1949 г. совершил совместную с Твардовским поездку в Забайкалье и на Дальний Восток, в 1951 г. — в Ясную Поляну (см. примеч. к

письму от 21 апреля 1959 г.). Письму от 5 апреля в Ялту, где в это время находился Казакевич, предшествовало письмо от 13 января (ЦГАЛИ, ед. хр. 19), подписанное, помимо Твардовского, остальными членами редколлегии: А. Дементьевым, С. Голубовым и Е. Герасимовым. В нем суммировались критические замечания и предложения, высказанные в ряде «внутренних рецензий» на повесть «Ленин в Разливе» (окончательное заглавие — «Синяя тетрадь»), и одновременно с общей положительной оценкой этого произведения выражалась готовность после определенной доработки опубликовать его па страницах «НМ». В 1959—1960 гг. автор продолжал работу над повестью, в 1961 г. она была напечатана в апрельском номере журн. «Октябрь»: «НМ» откликнулся на ее появление положительной рецензией В. Сурвилло «Вместе с народом» (1961, № 10); см. его же статью «Мысль художника (О повестях Эм. Казакевича)» в «НМ», 1966, № 1. В ноябре 1962 г. редколлегия «НМ» выдвигает повесть и рассказы «Приезд отца в гости к сыну» и «При свете дня» на Ленинскую премию. В редакционном представлении говорилось: «В повести «Синяя тетрадь» писатель по-новому и подлинно художественно осветил образ вождя партии Владимира Ильича Ленина» (ЦГАЛИ, ед. хр. 67). История с публикацией «Синей тетради», быть может, навлекла краткую тень на взаимоотношения Казакевича и Твардовского, но не изменила их глубокой, серьезной дружбы. Об этом со стороны Твардовского осталось такое свидетельство, как некролог «Памяти друга» («Лит. газ.», 1962, 27 сентября), вошедший в т. 5 (с. 263); об этом же в дневниковой записи 23 сентября 1962 г.: «Хочу попытаться написать о нем что-нибудь,— это просто долг и обязанность. Мне его очень недостает и будет недоставать, даже для того, чтобы поделиться нынешними мыслями о нем самом и многим другим». Об отношениях обоих писателей рассказывает М. Алигер в книге воспоминаний «Тропинка во ржи» (М., 1980, очерк под тем же заглавием), а также в сб. «Воспоминания о Э. Казакевиче», М., 1979 (М. Алигер. Последняя весна).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 19.

Инбер В. М., 5 февраля 1959 г. (Стр. 99)

Вера Михайловна Инбер (1890—1972) — поэт, прозаик. Высоко оценив выступление Твардовского на XXI съезде партии и отметив особо понравившиеся ей высказывания, В. М. Инбер писала ему: «В Вашей речи я нашла мысли необыкновенно мне близкие. Важные всем нам, пишущим... Выступая прошлой осенью на съезде узбекских писателей в Ташкенте, я говорила дословно так: «Действительность должна служить базой, основой,

на которую будет нанесен домысел писателя. Домысел, как додумыванье и дочувствование увиденного. В правильном соотношении увиденных фактов и домысливания писателя таится длительная, иногда вечная жизненность произведения. Литература — это «обогащенная действительность», подобно тому как бывает «обогащенная руда» (3 февраля 1959 г., архив А. Т.). Вероятно, оборот «обогащенная действительность» показался Твардовскому близким по смыслу понятию «приподымание действительности», против чего он высказывался, выступая на XXII съезде КПСС (см. т. 5). Об одной из форм — «романтической» — «улучшения» действительности говорил А. Т. в письме от 13 марта 1967 г. В. М. Инбер выступила в «Дневнике писателя» с очерком «Эхо в горах» («НМ», 1960, № 11).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 20.

Романенко В. Т., 7 февраля 1959 г. (Стр. 99)

Виктор Трофимович Романенко (1927—1980) — критик и литературовед, автор ряда книг на русском и украинском языках, статей о Твардовском: «В творческой мастерской Твардовского-критика» («Вопросы литературы», 1974, № 8); «Литература — дело трудное, суровое...» (в его книге «Призвание таланта», Киев, 1977); «Письма Твардовского» («Кодры», 1979, № 2). Здесь имеется справка относительно этого первого в их переписке письма: «...Работая в ту пору с начинающими авторами... я всякий раз остро ощущал нехватку рекомендательной литературы о писательском труде — достаточно авторитетной, популярной, а главное, основанной на личном опыте больших мастеров». Далее Романенко сообщает, что корреспонденцию, переделанную согласно совету, он постеснялся направить лично А. Т. и она затерялась в «самотеке» редакции («Кодры», с. 144—145).

Ксерокопии опубликованных им писем Романенко передал в архив А. Т.

Лейман В. Д., 7 февраля 1959 г. (Стр. 100)

В. Д. Лейман в письме от 7 февраля 1959 г. выражала удивление по поводу выдвижения романа Ф. И. Панферова (1896—1960) на соискание Ленинской премии, тогда как, по ее мнению, он был из тех произведений, которые имел в виду Твардовский, выступая на XXI съезде партии. Лейман цитирует это высказывание А. Т.: «Мы много, даже слишком много говорим о важности и первостепенной значимости современной темы в советской литературе, но не здесь ли и должен проявиться самый суровый и неподкупный спрос в отношении качества отображения всего того, что составляет душу эпохи, ее высокий порыв и величие ее свершений?!» (см. т. 5, с. 324).

...будучи не законченным произведением... — Роман «Раздумье» — вторая часть трилогии Панферова «Волга-матушка река». Ленинская премия автору не присуждалась.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 20.

Тарнягину А. Я., 7 февраля 1959 г. (Стр. 100)

Сведения о сборнике частушек, составлявшемся А. Тарнягиным, не выявлены.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 20.

Нелидовой-Фивейской Л. Я., 9 февраля 1959 г. (Стр. 101)

Лидия Яковлевна Нелидова-Фивейская (1894—1978) — балерина, писательница; состояла в браке с оперным дирижером Михаилом Михайловичем Фивейским (1880—1956), нижегородцем, с гимназических лет знавшим М. Горького. Отсюда связи Нелидовой-Фивейской с Е. П. Пешковой, передавшей ее произведение редакции «НМ». После революции М. М. Фивейский жил в Нью-Йорке, где руководил музыкальной студией. Л. Я. Фивейская вернулась на родину после кончины мужа. В «Воспоминаниях о Рахманинове» (изд. 3-е, т. 2, М., «Музыка», 1967) опубликованы записки Л. Я. Нелидовой-Фивейской о встречах с Рахманиновым в Америке и два письма к ней Шаляпина и Рахманинова.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 19.

Кузнецову В. А., 2 марта 1959 г. (Стр. 101)

Анкета адресата из г. Горький не сохранилась.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 21.

Котлову А. А., 2 марта 1959 г. (Стр. 102)

Алексей Александрович Котлов (1919—1977) — преподаватель литературы и директор Луховской средней школы (Мордовская АССР); в 1955—1970 гг. переписывался с Твардовским; о нем же говорит Твардовский в речи на Всероссийском съезде учителей (см. т. 5, с. 345), см. также И. Соболевский. Поэт пишет учителю («Советская Мордовия», 1960, 21 августа). В «НМ» А. А. Котлов напечатал две рецензии, тематически связанные с его родной Мордовией: на кн. проф. И. Д. Воронина «Достопримечательности Мордовии» («НМ», 1968, № 7) и на кн. Г. О. Сутеева «Скульптор Эрзя» («НМ», 1969, № 5).

...из поездки в ... некрасовские места... — Для встречи с избирателями. В марте 1959 г. Твардовский был избран депутатом Верховного Совета РСФСР (пятого созыва) по 714-му (сельскому) избирательному округу г. Ярославля. См. письма от 1 февраля 1965 г. и от 30 декабря 1968 г.

Это и др. письма Твардовского к нему А. А. Котлов передал в архив писателя в виде фотокопий.

Фиксину С. А., 2 марта 1959 г. (Стр. 103)

Сергей Андреевич Фиксин (1907—1978) — поэт, переводчик, земляк Твардовского, в 20—30-х годах печатавшийся с ним в одних областных изданиях (см. примеч. к письму от 15 апреля 1955 г.). После войны проживал во Фрунзе; переписывался с Твардовским в 1939—1970 гг.; в 1928 г., вскоре после переезда Твардовского в Смоленск, совершил с ним совместную поездку в Крым, позже рассказал о ней в воспоминаниях «Первая даль поэта» (опубликованы впервые в альманахе «Литературный Киргизстан» (1972, № 5; 1973, № 1; вошли в книгу «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978, 1982). В «НМ» С. Фиксин напечатал свои произведения дважды: в 1958 г., № 10, и в 1960 г., № 6.

...вернулся от своих избирателей. — См. примеч. к письму Котлову А. от 2 марта 1959 г.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 21.

Радькову И. Ф., 2 марта 1959 г. (Стр. 104)

Иосиф Федорович Радьков (1900—1979) — один из старейших селькоров Смоленщины, имя которого в 1924 г., после покушения на его жизнь, стало известно и за пределами Западной области. Судебный процесс над покушавшимся — неким Фролом Шуршаковым — освещался в газ. «Известия» (1924, 24 декабря: Г. Рыклин. Шуршаковщина), «Правда» (1925, 18 апреля: «Две осечки»). О более поздних годах его жизни писал М. Комиссаров («Селькор Радьков». — «Известия», 1974, 5 мая), и он же (совместно с В. Петровым) опубликовал вместо некролога статью «Всегда в гуще жизни» в починковской газете «Сельская новь» (1979, 5 мая). «Я тот самый Радьков,— пишет он Твардовскому 10 февраля 1959 г., — учитель, селькор смоленских газет с 1919 по 1937 год, который, как близкий сосед, однажды (в 1927 или 1928 г.) подвозил Вас со ст. Пересна до Станькова. (Вы ехали к родителям.) Хорошо помню Ваши, в то время 17—18-летнего юноши слова: «Я чувствую, что у меня отрастают крылья...» Искренне рад, что «крылья» у Вас отросли и Вы стали любимым поэтом нашего народа» (архив А. Т.).

Подлинник. Передан И. Ф. Радьковым в архив А. Т.

Кучерявенко В. Т., 3 марта 1959 г. (Стр. 105)

Василий Трофимович Кучерявенко (р. 1910) — писатель. Родился в Днепропетровске, в семье рабочего. В двадцать лет вступил в партию; по мобилизации комсомола в начале 30-х годов уехал на Дальний Восток. Первые произведения Кучерявенко — «Из колхозного фольклора» напечатаны в журн. «На рубеже» (1936). О них положительно отозвался А. М. Горький. В послевоенные годы стали появляться его рассказы, в основе

которых впечатления советского моряка: «На родине Джека Лондона», «В Америке», составившие кн. «На американском берегу». Очерк «В Америке» рецензировался в «НМ» (1950, № 10). В. Т. Кучерявенко является составителем кн. «Письма А. Фадеева дальневосточникам. А. Фадеев в воспоминаниях» (Владивосток, 1960), также рецензировавшейся в «НМ» (1961, № 5). В 1959 г. сопровождал Твардовского в поездке по Дальнему Востоку.

Относительно моих воспоминаний... — Воспоминаний об А. Фадееве (см. примеч. к письму от 14 января 1954 г.) Твардовский не написал.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 21.

Щеглову И. И., 6 марта 1959 г. (Стр. 105)

Иван Иосифович Щеглов (1902—1970) опубликовал в «НМ» пьесу «Лес дремучий» (1953, № 7). См. о ней высказывание члена редколлегии «НМ» В. Овечкина в примеч. к адресованному ему письму от 30 января 1953 г. и его рецензию в кн.: В. Овечкин. Статьи. Дневники. Письма. М., 1972, с. 123—125. Поэма «Никанор» не печаталась.

«Головокружение от успехов» — статья И. В. Сталина («Правда», 1930, 2 марта), осуждавшая перегибы в проведении коллективизации.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 21.

Раабу Гаральду, 9 марта 1959 г. (Стр. 106)

Посылая Твардовскому оттиск своей статьи «О роли народно-эпической традиции в поэме Твардовского «Василий Теркин» («Научный вестник Ростокского университета», 1958—1959. Общественно-научный и филологический раздел. Тетрадь 1) с надписью: «Великому советскому поэту А. Твардовскому от немецкого литературоведа. 5 февраля 1959 г.», доктор философии Гаральд Рааб сообщал в письме, написанном по-русски, что он читает лекции по истории русской и советской литературы в университетах Грейсфилда и Ростока. «...Давно уже,— пишет он,— я знаю и высоко ценю Вашу поэзию... К сожалению, не очень много из написанного Вами переведено на немецкий язык, хотя переводы А. Куреллы довольно хорошие. На днях мы проводим в нескольких колхозах нашего района вечера читки Вашей поэмы «Страна Муравия» в переводе А. Куреллы. Ведь и у нас идет коллективизация и некоторые проблемы советской действительности 30-х годов стоят также перед нашим сельским населением». В письме Г. Рааба идет речь о кн. П. Выходцева «Александр Твардовский» (М., 1958), ее же имеет в виду и А. Т. Адресату посылалась книжечка библиотечки «Огонька» «Стихи о Сибири», 1958 г.

Копия. Архив А. Т.

Машкову А. В., 8 апреля 1959 г. (Стр. 107)

Алексей Васильевич Машков (р. 1914) — поэт, родом со Смоленщины. Более двадцати лет работал на Севере; цикл его северных стихов был напечатан в «НМ» (1959, № 7). В 1960 г. в Смоленске вышел сборник стихов Машкова «Цветом яблонь».

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 22.

Резникову А. М., 8 апреля 1959 г. (Стр. 108)

Обзор читательских писем, вызванных выступлением Твардовского на XXI съезде партии, не был сделан. Повесть С. А. Снегова (р. 1910) «Взрыв» напечатана в «НМ» (1958, № 9). «Внутреннюю рецензию» А. Твардовского на эту повесть (носившую в рукописи заглавие «На шахте») см. в кн.: А. Твардовский. О литературе. М., «Современник», 1973.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 22.

Шеину Г. Г., 8 апреля 1959 г. (Стр. 109)

Б. А. Энгельгардт (см. примеч. к письму от 22 июля 1958 г.) рекомендовал редакции «НМ» роман Г. Шеина «Русь» в качестве «антипода» роману Б. Пастернака «Доктор Живаго». *И. А. Сац* — см. примеч. к письму от 15 декабря 1957 г. *Кондратович* Алексей Иванович (р. 1920) — литературный критик, работал в отделах критики (1952—1954 гг.) и прозы (1958—1966 гг.) «НМ», в 1961—1970 гг. — заместитель главного редактора журнала; опубликовал в нем статьи (1954, № 10; 1962, № 6), ряд рецензий. Автор кн. «Александр Твардовский. Поэзия и личность» (М., «Художественная литература», 1978), многих статей литературоведческого и мемуарного характера, в том числе «Дорогой мой поэт...» — о взаимоотношениях Твардовского с М. В. Исаковским («Молодая гвардия», 1980, № 1), «По следам Никиты Моргунка» («Литературная учеба», 1981, № 2), а также послесловия к т. 4 наст. Собр. соч.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 22.

Первомайскому Л. С., 10 апреля 1959 г. (Стр. 110)

Леонид Соломонович Первомайский (1908—1973) — украинский писатель, с которым Твардовский на протяжении многих лет поддерживал добрые отношения. Наряду со стихами (1951, № 2; 1960, № 10; 1970, № 2) и поэмой «На крутых берегах» (1954, № 1), напечатал в «НМ» рассказы: «Любисток» и «Дурень» (1959, № 7); «Катерина и ее новый дом» (1959, № 10).

Письмо опубликовано на украинском языке в сб. «Про Леоніда Первомайського» (Киев, 1978, с. 229).

Копия. Архив А. Т.

Трегубову А. Л., 13 апреля 1959 г. (Стр. 111)

Андрей Лукич Трегубов в течение ряда лет заведовал ре-

дакцией русской советской литературы изд-ва «Художественная литература», выпускавшей серию сборников «Библиотека советкой поэзии», членом редколлегии которой был Твардовский. Книга С. З. Галкина (1897—1960) «Стихотворения» издана в 1962 г.; в том же году вышла еще одна книга С. Галкина — «Стихи последних лет»; рецензировалась в «НМ» (1963, № 4).

Копия. Архив А. Т.

Оболенскому С. А., 13 апреля 1959 г. (Стр. 111)

Сергей Александрович Оболенский (ум. 1976) — ленинградский инженер, возглавлявший много лет ОКБ завода «Светлана». Перевел и написал ряд статей и пособий по электронике. Часть своей большой библиотеки (техническую литературу) завещал заводской библиотеке (см.: Т. Чесанова. Судьба коллекции. — «Ленинградская правда», 1976, 2 ноября). Переписывался с Твардовским в 1955—1959 гг.

...для Вас есть... и Бальмонт. — Твардовский, по-видимому, имеет в виду ложную «красивость», свойственную многим стихам К. Д. Бальмонта (1867—1942).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 22.

Шестерикову М. В., 13 апреля 1959 г. (Стр. 113)

Михаил Васильевич Шестериков (1906—1974) — поэт, очеркист, печатался с 1926 г. Участник Великой Отечественной войны. Поэма «Огонек моей юности» опубликована в «НМ» (1957, № 10).

Копия письма А. Т. и не возвращенная автору рукопись его поэмы «Катя» находятся в ЦГАЛИ, ед. хр. 22.

Шумилову Б. Х., 17 апреля 1959 г. (Стр. 114)

Борис Харлампиевич Шумилов после возвращения с фронта почти десять лет работал трактористом и одновременно учился: закончил десятилетку, а потом Литературный институт им. А. М. Горького; первое стихотворение опубликовал в 1953 г. Как поэт охарактеризован Твардовским в письме от 21 октября 1956 г.; напечатал в «НМ» циклы: «Стихи комбайнера» (1958, № 7), а в 1959 г. (№ 8) «Деревенские стихи». Выпустил в Горьком две книжки стихов: «Хромка» (1963) и «Жажда» (1966). Стихотворение «Трактористы» в «НМ» не печаталось.

«Не пора ль, Пантелей, ⟨постыдиться людей⟩...» и *«Эх, приятель, и ты, видно, горе видал...»* — начальные строки стихотворений И. С. Никитина (1824—1861) «Ссора» и «Бурлак».

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 23.

Воспитанникам яснополянского детдома № 1, 21 апреля 1959 г. (Стр. 115)

...по памяти первой нашей встречи... — Имеется в виду посещение Ясной Поляны в 1951 г. Тогда группа московских писате-

лей (и среди них А. Твардовский и Эм. Казакевич) вместе с делегацией китайских писателей, гостивших в СССР, посетили Музей-усадьбу Л. Н. Толстого и яснополянский детдом. Об этом визите сохранились записи в книге отзывов Дома-музея Л. Н. Толстого и в книге для посетителей детдома. Одна из записей гласит: «Вместе с китайскими друзьями поклонились праху великого писателя и приносим благодарность работникам Музея-усадьбы Л. Н. Толстого за их благородную работу. *А. Твардовский, Эм. Казакевич.* 13 ноября 1951 г.»; вторая запись: «Большое спасибо воспитателям, преподавателям, руководителям и воспитанникам спец. детдома Ясной Поляны за добрый, душевный прием, оказанный нашим гостям — китайским писателям и нам — советским писателям. *А. Твардовский, Эм. Казакевич.* 14 ноября 1951 г.». Выписки сделаны и присланы старшим научным сотрудником Музея-усадьбы Н. П. Пузиным.

Копия. Архив А. Т.

Конюхову Е. И., 21 апреля 1959 г. (Стр. 115)

Рассказ Твардовского «Печники» (т. 4, с. 452) впервые напечатан в «Огоньке» (1958, № 7), был отмечен премией журнала как лучший рассказ года; вопреки сомнению автора, выходил отдельным изданием в издательствах: «Советская Россия» (1959), Гослитиздат (1960). Включен в двухтомник «Советский рассказ», Б-ка всемирной литературы. М., 1975.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 23.

Олешнягову М. Ф., 21 апреля 1959 г. (Стр. 116)

Письмо М. Ф. Олешнягова Твардовскому опубликовано в кн.: А. Т. Твардовский. Василий Теркин... Письма читателей... М., 1976.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 23.

Машневу Л. А., 22 апреля 1959 г. (Стр. 116)

Леонид Александрович Машнев — в то время директор Дома-музея И. С. Никитина и А. В. Кольцова в Воронеже. Статья им не была написана.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 23.

Н—ову В. А., 22 апреля 1959 г. (Стр. 117)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 23.

Логинову И. М., 22 апреля 1959 г. (Стр. 118)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 23.

Чуковскому К. И., 27 апреля 1959 г. (Стр. 118)

См. примеч. к письму от 18 июня 1936 г. «Луначарский (Из воспоминаний)» — «НМ», 1959, № 11; в журнале были напечатаны многие статьи и мемуарные очерки К. И. Чуковского: «Щедрая дань» (1953, № 1), «От дилетантизма к науке (заметки текстолога)» (1954, № 2), «О соразмерности и сообразности» (1961, № 5), «Куприн», «Маршак» (1962, № 3, 11), полемическая рецензия «В за-

щиту Бернса» (1963, № 9). Творчеству Чуковского посвящались ст. Ст. Рассадина «Искусство быть самим собой» («НМ», 1967, № 7) и Е. Добина «Сюжетное мастерство критика» («НМ», 1970, № 3); в «НМ» рецензировались его книги: «Мастерство Некрасова» (1953, № 7) и «Люди и книги» (1958, № 11), а также кн. М. Петровского «Корней Чуковский» (1961, № 4); в № 10 за 1969 г. помещен некролог В. Каверина «Памяти К. И. Чуковского» и слово от редакции.

...перепаузить после Эренбурга... — сделать перерыв после публикации эссе И. Эренбурга «Перечитывая Чехова» («НМ», 1959, № 5, 6). Работа Чуковского «О Чехове» печаталась по частям в различных журналах и газетах, отдельное издание — в 1967 г. *...завернуть к Вам...* — Дорога на дачу Твардовского во Внуково проходила мимо Переделкина, где постоянно проживал К. И. Чуковский.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 23.

Петрову А. П., 25 мая 1959 г. (Стр. 119)

Александр Петрович Петров опубликовал 19 февраля 1976 г. в газете «Северная правда» (Кострома) два ответа Твардовского на оба свои обращения по поводу «Словаря классических рифм» (см. письмо от 28 апреля 1960 г.). Публикация сопровождена его пояснением: «Во второй половине 50-х годов... я вознамерился... составить словарь русских классических рифм. Работа шла. Но меня начали одолевать сомнения. Тогда я решил обратиться не к кому другому, как автору «Василия Теркина»... Ко времени получения ответа моя работа зашла слишком далеко, бросать не имело смысла. К тому же другой известный поэт, фамилию которого я опускаю, отнесся к идее создания словаря рифм весьма доброжелательно. С того времени прошло 16 лет. Сейчас я вижу ясно, как прав был А. Твардовский... В прошлом году я купил солидный «Оборотный словарь русского языка», который при желании может быть использован и в качестве словаря рифм. Но обращаться к нему мне не приходилось... Сейчас, когда литературное наследие А. Т. Твардовского систематизируется и изучается, я считаю не лишним опубликовать письма нашего любимого поэта. Эти письма представляют собой яркий пример отзывчивости большого поэта к незнакомому литератору».

Печатается по газетной публикации.

Пантюхову В. А., 19 июля 1959 г. (Стр. 119)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 24.

Бушко О. М., 1 августа 1959 г. (Стр. 120)

Олег Михайлович Бушко (р. 1924) — журналист. Пишет стихи, очерки. После окончания Литературного института работал в смоленской газ. «Рабочий путь». Первая книжка — «Начала»

(Смоленск, 1958). Стихотворения «Я упреков не слышал...» входит в сб. О. Бушко «Насущный хлеб» («Московский рабочий», 1965). Как сообщил автор, он учел замечания А. Т.· «Тема виноватости поставлена в связь с темой ответственности вернувшихся с войны». Стихотворение «Молоко» не печаталось. См. письмо от 27 июля 1966 г.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 25.

Чертовой Н. В., 12 августа 1959 г. (Стр. 122)

Надежда Васильевна Чертова (р. 1903) — писательница, автор многих романов, повестей, рассказов (см. ее «Избранные произведения в двух томах», М., 1975). «Очень прошу Вас прочесть рукопись моего романа «Шумят ливни»,— обращается Н. В. Чертова к Твардовскому. — Я так верю Вам как художнику, что любой Ваш отзыв будет для меня ценным и решающим. Готова к дополнительной работе над текстом, какой бы серьезной она, эта работа, ни оказалась. С искренним уважением *Н. Чертова»*. Роман, который рассматривает А. Т. в письме, вскоре — в 1960 г.— вышел в изд-ве «Советский писатель».

Подлинник письма Н. В. Чертовой и копия ответа А. Т. — ЦГАЛИ, ед. хр. 25.

Ардексу Н. Н., 17 августа 1959 г. (Стр. 125)

Николай Николаевич Арденс (1890—1974) — доктор филологических наук, литературовед, автор кн. «Творческий путь Л. Н. Толстого» (1962), «Достоевский и Толстой» (1970) и др. Рукопись, направленную в редакцию, автор сопроводил пояснением: «Речь идет о повести, написанной мною на основе моего романа «Ссыльный № 33» (24 июня 1959 г.). Замечания А. Т. относительно «биографического жанра» см. в следующем письме от 20 августа и в письме от 12 апреля 1961 г. Роман Н. Арденса выходил в изд-ве «Молодая гвардия» (1967) с послесловием М. Щеглова, в котором он по-иному, нежели Твардовский, говорит об этом произведении: «Попытка... воссоздать сложнейшую фигуру великого писателя в романе сама по себе вызывает невольное уважение».

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 25.

Волошину В. А., 20 августа 1959 г. (Стр. 125)

Столетие со дня рождения А. П. Чехова было отмечено в «НМ» (1960, № 1) статьями А. Анастасьева, В. Лакшина, Наталии Модзалевской, а также рецензией Г. Бялого на чеховский (68-й) том «Литературного наследства» («НМ», 1961, № 1).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 25.

Кочеткову В. И., 24 августа 1959 г. (Стр. 126)

Виктор Иванович Кочетков (р. 1924) — поэт, прозаик, переводчик, жил тогда в Кишиневе, откуда прислал Твардовскому

свой сборник стихов «Росный час» (1959). См. письмо от 15 сентября 1970 г.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 25.

Ушакову Н. Н., 25 августа 1959 г. (Стр. 127)

Твардовский отклоняет стихотворение Николая Николаевича Ушакова (1899—1973) «Старым вагонам» (опубликовано в альманахе «Наш современник», 1960, № 1). В ответном письме Н. Н. Ушаков выразил несогласие с доводами А. Т.: «Дорогой Александр Трифонович! Жалею, что стихотворение не понравилось, вместе с тем доволен резкой реакцией на него... С 20-х годов мы привыкли думать, что положительность героя определяется выпавшими на его долю неудобствами, жизнь же подвозит нас в стеклянном, я бы сказал, хрустальном автобусе к ТУ-104. Я взял на себя не слишком большую смелость сказать в 1959 г., что каждый из нас, не будучи барином, имеет право на комфорт и что комфорт — наш помощник в труде. Хотелось бы изменить и ходячее мнение о вагонном окошке. Вагонное окошко дает поэту возможность в краткие сроки видеть огромные и разные пространства и, значит, способствует максимальной концентрации и целеустремленности образов... Жаль, если я этого не доказал. Большое спасибо за дружеское откровенное высказывание, спасибо и за повод поспорить, ведь поэзия — спор. Остаюсь с самыми лучшими чувствами к «Новому миру» и его редактору. *Николай Ушаков.* Киев. 1.X.59» (архив А. Т.).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 25.

Кучерявенко В. Т., 26 августа 1959 г. (Стр. 128)

См. письмо от 3 марта 1959 г. и примеч. к нему. Памятник исследователю Дальнего Востока Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву (1872—1930) работы скульптора Г. И. Потапова, архитекторов И. И. Лялякиной и С. А. Попова, изображающий Арсеньева вместе с героем его книги — проводником Дерсу Узала, установлен в 1973 г. на сопке перед въездом в г. Арсеньев (быв. с. Семеновка). Сочинения В. К. Арсеньева в шести томах вышли во Владивостоке в 1947—1949 гг. Дневники в «НМ» не печатались. Опубликованы (к 100-летию со дня рождения В. К. Арсеньева) в журн. «Дальний Восток», 1972, № 8 и 9 («Из путевых дневников В. К. Арсеньева (1906)»). Относительно памятника А. Фадееву Твардовский 13 января 1960 г. обратился в Секретариат Правления Союза писателей СССР с официальным письмом, в котором в частности говорилось: «Во время моей поездки летом 1959 г. на Дальний Восток я побывал на родине Александра Александровича Фадеева в с. Чугуевке Чугуевского района Приморского края. При встрече с работниками райкома КПСС и в беседах с местными жителями сам собой встал вопрос о желательности установле-

ния в с. Чугуевке бронзового бюста А. А. Фадеева на площади перед вновь отстроенной школой имени писателя. Этой школе, между прочим, А. А. при жизни уделял много внимания, подарил ей библиотеку... Считаю необходимым поставить этот вопрос на рассмотрение Секретариата и высказываюсь решительно за возбуждение Союзом писателей ходатайства перед соответствующими инстанциями о сооружении памятника (бронзового бюста на постаменте) А. А. Фадееву в с. Чугуевке». Бюст Фадеева, выполненный скульптором В. Л. Зверевым, установлен в 1964 г. на территории дома-музея писателя.

Самунин Михаил Николаевич (1907—1974) — писатель-дальневосточник. Просьба А. Т. напомнить и уточнить фамилии и имена людей, с которыми он встречался в поездке по Дальнему Востоку, связана с намерением послать им в подарок свои книги. *Хорошее издание* «Василия Теркина» — М., Гослитиздат, 1959.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 25.

Хикмету Назыму, 31 августа 1959 г. (Стр. 128)

Назым Хикмет Ран (1902—1963) — турецкий революционный поэт, драматург, общественный деятель; жил в СССР с перерывами в 1921—1928 гг. и с 1951 г. до самой кончины. Имел советское гражданство, был членом Союза писателей. В 1950—1970 гг. имя Назыма Хикмета часто встречается на страницах «НМ»; в журнале печатались две пьесы Назыма Хикмета «Легенда о любви» (1952, № 12) и «А был ли Иван Иванович?» (1956, № 4); стихи (1950, № 4; 1952, № 4, 10; 1953, № 4; 1959, № 5; 1964, № 3); ст. «В Ташкенте» (1958, № 12), а также рецензия Н. Асеева на его сборник «Стихи» (1951, № 1) и ст. В. Сурвилло «В единое слово» (1963, № 10). Пьеса «Два упрямца» (совместно с В. В. Туляковой) опубликована в журн. «Театр» (1960, № 4).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 25.

Глазкову Н. И., 23 сентября 1959 г. (Стр. 129)

Николай Иванович Глазков (1919—1979) — поэт, автор лирических и сатирических стихов. Его «Василий Теркин на Луне» опубликован в журн. «Молодая гвардия», 1961, № 2.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 26.

Хватову В. В., 2 ноября 1959 г. (Стр. 130)

Василий Васильевич Хватов, в то время руководитель ансамбля народных инструментов Русского народного хора им. Пятницкого (руководители хора В. Г. Захаров и П. М. Казьмин) в 1959 г. готовил отдельное издание «Колхозной свадьбы» (В. Захаров. Колхозная свадьба. Слова А. Твардовского. Песни и пляски для русского народного хора в сопровождении фортепьяно или баяна. Под редакцией В. В. Хватова. Музгиз, 1960). Созданная на основе поэмы «Страна Муравия» и мотивов некоторых

других стихотворений Твардовского 30-х годов («Ивушка», «Дед Данила» и др.) композиция объединяет ряд песен: «Стоят столы кленовые...», «Березняк густой», «Жених-тракторист», «Горько пиво», «Песня об урожае», частушки и страдания; все они включались в репертуарные сборники хора им. Пятницкого: «Русские песни», выходившие в Москве и Ленинграде в 1944 г.

«Отшумела рожь густая» — одна из песен в композиции «Колхозная свадьба», входит в ряд сборников и в первое, четырехтомное Собрание сочинений Твардовского.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 27.

Ухсаю Я. Г., 25 ноября 1959 г. (Стр. 130)

Яков Гаврилович Ухсай (р. 1911) — народный поэт Чувашской АССР — познакомился с Твардовским в 1937 г.; их переписка (по сообщению Я. Г. Ухсая, сохранившаяся не полностью) охватывает 1938—1959 гг. Название книги Ухсая «Сельская хроника» (1937) было с разрешения автора взято Твардовским для его собственного сборника стихов (М., 1939). Первые произведения в столичной печати Ухсай опубликовал при поддержке Твардовского; в дальнейшем изредка печатался в «НМ» (1950, № 10; 1954, № 5; 1962, № 2). Автобиография Я. Ухсая, куда вкраплены и воспоминания о Твардовском, предназначалась для кн. «Стихи» («Библиотека советской поэзии», М., 1961). В сопроводительном письме он просил А. Т. ознакомиться с рукописью, «поскольку там есть,— сообщал он,— мои некоторые размышления о давних, мне дорогих, встречах с тобой. Вырви из бюджета своего времени несколько минут, просмотри и сообщи свое мнение — удобно ли мне так писать?» Автобиография была опубликована в альманахе «Дружба» (Чебоксары, 1970, № 8); в несколько ином варианте в издании: «Советские писатели. Автобиографии», т. IV, М., 1972. Большинство замечаний Твардовского здесь учтено. Я. Ухсаю принадлежит статья «Пристальное внимание к жизни (О творчестве А. Т. Твардовского)» («Литература и жизнь», 1961, 4 января).

...с К. Ивановым...— См. примеч. к письму Б. С. Бурштыну от 3 февраля 1948 г. *...хорошо насчет Кирсанова...*— Ухсай рассказывает о пережитом им в 30-е годы увлечении поэзией Семена Исааковича Кирсанова (1906—1972) и собственных попытках «сочинять по-кирсановски виртуозно, сногсшибательно», пока знакомство с гораздо более ранними предшественниками (Д. Минаев и др.) не убедило его в том, что они «владели искусством каламбура куда лучше и в мастерские строки вкладывали больший смысл» (см. «Советские писатели. Автобиографии», т. IV, с. 624). *Юрин* Михаил Парамонович (1893—1966) — писатель, автор нескольких сборников стихов, помог Я. Ухсаю поступить в Москов-

ский университет, поддержал материально. *На первом московском обсуждении...* — См. примеч. и письмо М. В. Исаковскому от 17 декабря 1935 г. *Пастернак.* — См. примеч. к письмам М. В. Исаковскому от 17 декабря 1935 г. и В. Н. Орлову от 13 января 1961 г. *Вера Инбер.* — См. примеч. к письму от 5 февраля 1959 г. *Асеев.* — См. примеч. к письму от 9 января 1941 г. *...уезжаю...* — См. письмо от 7 декабря 1959 г.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 27.

Попову А. И., ⟨ноябрь 1959 г.⟩ (Стр. 131)

Композиция по поэме «Василий Теркин» была подготовлена заслуженным артистом РСФСР Т. И. Лондоном и режиссером Драматического театра г. Дзержинска (Горьковская обл.) А. И. Князевым. При содействии министра культуры РСФСР А. И. Попова постановка была отменена, хотя театр и пытался убедить автора поэмы в целесообразности спектакля. См. телеграмму Твардовского в Дзержинск, декабрь 1959 г.

Копия. Архив А. Т.

Македонову А. В., 7 декабря 1959 г. (Стр. 132)

Адриан Владимирович Македонов (р. 1909) — критик, особенно близкий друг Твардовского в «смоленский период», один из прообразов «друга детства» («За далью — даль»); в 30-е годы один из ведущих критиков Смоленска. Пропагандировал творчество Твардовского: доклад «Поэтический участок областной литературы».— «Наступление», 1934, № 5—6; ст. «Как не надо критиковать (О творчестве А. Твардовского)». — «Наступление», 1934, № 9—10. Был незаконно репрессирован (см. письмо А. А. Беку от 3 июля 1937 г.); о выступлении Твардовского в его защиту см.: Н. Павлов. Вражеское охвостье в Союзе писателей.— «Большевистский молодняк». Смоленск, 1937, 30 августа; И. Жига. Что было в Смоленском отделении Союза писателей.— «Лит. газ.», 1937, 10 сентября. Автор кн.: «Очерки советской поэзии» (Смоленск, 1960); «Николай Заболоцкий» (Л., 1968), «Творческий путь Твардовского. Дома и дороги» (М., «Художественная литература», 1981). Македонову принадлежат вступительная статья к последнему прижизненному изданию Твардовского «Стихотворения. Поэмы» (М., «Художественная литература», 1971. «Библиотека Всемирной литературы»), ряд других статей о Твардовском, воспоминания о поэте («Будущий Твардовский» в кн.: «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1982).

Ошанин Лев Иванович (р. 1912), *Фатьянов* Алексей Иванович (1919—1959) — поэты. *...статья твоя...* — А. Македонов. Красота простоты (Еще об Исаковском) («НМ», 1960, № 1). *...по благовидному случаю...* — в связи с приближающимся 60-летием М. В. Исаковского.

Ксерокопия. Архив А. Т.

Юшкову, ⟨декабрь 1959 г.⟩ (Стр. 134)

См. письмо А. И. Попову (ноябрь 1959 г.). Телеграмма директору Драмтеатра г. Дзержинска Горьковской обл. является ответом на коллективную телеграмму Твардовскому работников театра с просьбой разрешить репетировать спектакль по инсценировке Т. И. Лондона.

Черновик. Архив А. Т.

Шмидт В. В., 13 января 1960 г. (Стр. 134)

Вера Владимировна Шмидт — в то время преподавательница русского языка в одной из средних школ г. Тарту. Писать стала в 30-е годы, студенткой Тартуского университета. В 1938 г. состоялось ее личное знакомство с И. А. Буниным, приезжавшим в Прибалтику; с ним В. В. Шмидт переписывалась ранее, посылала ему свои стихи. Впервые к Твардовскому она обратилась также по поводу своих стихов и в ответ получила это письмо. В другой раз она писала ему о своей переписке с Буниным. «Александр Трифонович просил выслать ему фотокопии писем, — поясняет она составителю, — что я и сделала. Он передал их Александру Кузьмичу Бабореко. Таким образом, мои воспоминания о встрече с И. А. Буниным и копии писем попали в «Литературное наследство» (24 мая 1976 г.). В настоящее время все четырнадцать писем И. А. Бунина к В. В. Шмидт (1937—1944 гг.) переданы ею в отдел рукописей Государственной биб-ки СССР им. В. И. Ленина. Часть писем и воспоминания В. Шмидт об И. А. Бунине опубликованы в «Литературном наследстве» (т. 84, кн. 2, М., 1973). См. также кн.: А. Бабореко. И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917). М., 1967, где имеются сообщения о В. В. Шмидт и ее взаимоотношениях с И. А. Буниным.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 37.

Бантя Еуджену, 14 апреля 1960 г. (Стр. 135)

Письмо адресовано начальнику Военного издательства вооруженных сил РНР полковнику Еуджену Бантя. Книга стихотворений А. Твардовского вышла в переводе на румынский в 1961 г. (Бухарест) под названием «Фронтовая хроника», повторившем заглавие сборника его стихов военных лет (М., «Советский писатель», 1945). В Англии Твардовский вместе с К. А. Фединым был с 25 марта по 10 апреля по приглашению Комитета по связям с СССР при Британском совете.

Копия. Архив А. Т.

Петрову А. П., 28 апреля 1960 г. (Стр. 135)

См. письмо от 25 мая 1959 г. и примеч. к нему.

Поступальской М. И., 3 мая 1960 г. (Стр. 136)

Повесть Марии Ивановны Поступальской (1901—1972) напечатана в «НМ» (1960, № 8) под заглавием «За окнами свет».

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 39.

Федосееву И. А., 3 мая 1960 г. (Стр. 136)

Федосеев Иван Александрович — столяр горьковских художественных мастерских, в свободное время занимался лепкой. В 1958 г. вылепил фигуру Василия Теркина, взяв за образец его изображение на картине Ю. М. Непринцева «Отдых после боя». Работа была выполнена в пластилине, потом переведена в гипс. В этом варианте она экспонировалась на выставке достижений Советского Союза в Нью-Йорке, а позже в Мехико и Гаване (см.: А. Куманов. Василий Теркин на Кубе.— «Горьковский рабочий», 1960, 10 февраля, и «Произведение самодеятельного скульптора» — Там же, 18 февраля 1958 г.). Для Твардовского И. А. Федосеев сделал копию своей скульптуры в гипсе. В 1978—1979 гг. он осуществил свою мечту — исполнил Теркина в мраморе.

Ксерокопия, присланная адресатом в архив А. Т.

Пышко Л., 3 мая 1960 г. (Стр. 137).

Сибирская Ока — левый приток Ангары. Читатель-сибиряк Л. Пышко обращался к Твардовскому со стихами-просьбой не писать о его родной реке, «как о сироте»:

Мне о ней — реке из леса —
Вспоминается тепло.
Ведь мое простое детство
Рядом с нею протекло...
Пусть на ней не те закаты,
Запах скошенной травы,
Но она не виновата,
Что не там родились Вы...

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 38.

Ибрагимову Ф. К., 26 мая 1960 г. (Стр. 137)

Очерк Твардовского «Красноармеец Саид Ибрагимов» был напечатан в газ. «Красная Армия» 22 июля 1941 г. Входит в кн.: А. Твардовский. Проза. Статьи. Письма («Известия», 1974).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 38.

Вайнбергу И. И., 26 мая 1960 г. (Стр. 138)

Иосиф Ирмович Вайнберг (р. 1921) — критик, литературовед, был редактором двух изданий кн. Твардовского «Статьи и

заметки о литературе», выходившей в изд-ве «Советский писатель» в 1961 и 1963 г.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 38.

Красникову А. Г., 4 июня 1960 г. (Стр. 138)

Адресат Твардовского известен читателю по его кн. «Родина и чужбина» (очерки «Бал» и «Комбат Красников»); последний из этих очерков впервые опубликован не в пятитомнике Твардовского, как ошибочно указано в примеч. к т. 4, с. 544, а в кн.: А. Твардовский. Родина и чужбина. Изд. 2-е. М., «Советский писатель», 1960; здесь же цитируется письмо А. Г. Красникова (май 1960 г.), ответом на которое явилось данное письмо.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 39.

Коллективу работников 248-го отделения связи г. Москвы, 27 июня 1960 г. (Стр. 139)

Орденом Ленина Твардовский был награжден 20 июня 1960 г. «в связи с пятидесятилетием со дня рождения» и «за выдающиеся заслуги в развитии советской литературы» («Правда», 1960, 21 июня).

Копия. Архив А. Т.

Козлову И. Т., 18 июля 1960 г. (Стр. 140)

Иван Тимофеевич Козлов (р. 1909) — критик, в то время главный редактор изд-ва «Советский писатель». Опубликовал в «НМ» одну из своих статей (1953, № 11), рецензии (1953, № 7; 1954, № 1, 4). Повесть Е. Марьенкова (см. примеч. к письму от 22 февраля 1967 г.) «Вдалеке от больших городов» не издавалась в Москве. Выходила в Смоленске в 1949 и 1962 гг.

Копия. Архив А. Т.

Бедрицкому Д. В., 23 июля 1960 г. (Стр. 140)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 40.

Румянцеву, 27 июля 1960 г. (Стр. 141)

В копии письма ленинградцу Румянцеву описка (возможно, устраненная в оригинале): вместо Мосгорисполкома следует читать Ленгорисполкома.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 40.

Петрову В., 5 августа 1960 г. (Стр. 143)

В период работы Твардовского в качестве главного редактора стихи В. Петрова в «НМ» не печатались.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 41.

Небогатову М. А., 19 августа 1960 г. (Стр. 144)

См. письма от 30 сентября 1955 г. и 28 июля 1958 г. Историю своей неопубликованной поэмы М. А. Небогатов рассказывает в статье «Уроки Твардовского»: «Мне приходилось работать в газете, в книжном издательстве, в радиокомитете. Было решено: напишу поэму о журналистах, никто как будто о них еще не

рассказывал — ни в стихах, ни в прозе. Работалось легко, с вдохновением. Но — увы: на этот раз подвела форма. А какова была эта форма, читатель поймет по ответу Твардовского» («Комсомолец Кузбасса», 1975, № 22, 20 февраля).

...лишь для «Казначейши» — произведения особого ряда. — В шутливо-сатирической поэме М. Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша» (1838) онегинская строфа используется как сознательный поэтический прием: «Пишу Онегина размером».

По журнальной публикации.

Р о м а н о в и ч у С. А., 19 августа 1960 г. (Стр. 144)

Заратустра (Заратуштра, Зороастр) — пророк, реформатор древнеиранской религии. *Катон* (Катон Старший; 234—149 гг. до н. э.) — консул в Древнем Риме.

Копия. Архив А. Т.

П а н о в о й В. Ф., 11 сентября 1960 г. (Стр. 146)

См. примеч. к письму от 12 сентября 1955 г.

Пьеса В. Ф. Пановой «Проводы белых ночей» печаталась в «НМ» (1961, № 12) без жанрового обозначения.

...мои молодые... — старшая дочь Твардовского Валентина Александровна с мужем и сыном (см. примеч. к письму от 8 июня 1969 г.).

Ксерокопия. Архив А. Т.

К р о т о в у И. М., 4 октября 1960 г. (Стр. 147)

«Поездка в Загорье» (1939) — стихотворение Твардовского (т. 1, с. 206).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 42.

А к с а к о в о й Т. А., 20 октября 1960 г. (Стр. 148)

Татьяна Александровна Аксакова дала такие пояснения к письму Твардовского: «Мое знакомство с ним произошло в середине 50-х годов, после того, как я встретила в московском Историческом музее его очень милую дочь (не помню сейчас ее имени). Мой отец — Александр Александрович Сиверс, работавший в этом музее, только что скончался, но мои еще не дописанные мемуары читались сотрудниками, и через посредство дочери (насколько я помню) часть их попала в руки Александра Трифоновича. С этого началось наше знакомство, и я, еще живя на реке Вятке, но бывая в Москве, неизменно заходила к нему в редакцию «Нового мира»... Судьба моих «Воспоминаний», охватывающих всю мою не совсем обычную жизнь с 90-х годов прошлого века до возвращения в 1967 г. на берега Невы, — вполне благополучна: они находятся на сохранении в рукописном отделе Ленинской библиотеки и (2-й экз.) — в фонде моего отца — в московском Историческом музее». Т. А. Аксаковой пе-

реведен (с английского) роман шведского писателя Акселя Мунте «Легенда о Сан-Микеле» (М., 1969).

...достаточно указать на книгу А. А. Игнатьева... — См. примеч. к письму от 10 января 1953 г. *Софья Ханановна* Минц — секретарь Твардовского в редакции «НМ».

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 42.

Лютову В. И., 9 ноября 1960 г. (Стр. 150)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 43.

Назарову Б., 9 ноября 1960 г. (Стр. 151)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 43.

К — ко В. Г., 13 ноября 1960 г. (Стр. 152)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 60.

Геворковой Э., 21 ноября 1960 г. (Стр. 153)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 43.

Ауэзову М. О., 19 декабря 1960 г. (Стр. 154)

Мухтар Омарханович Ауэзов (1897—1961) — казахский писатель. Появление повести «Выстрел на перевале» относится к концу 20-х годов: «Событие на Караш-Караш», журн. «Жана мектен» («Новая школа»), 1927, № 11—12; 1928, № 1—3. Кроме того, в 1936 г. повесть печаталась в газ. «Социалистический Казахстан» и в том же году вышла в Алма-Ате отдельным изданием. Вслед рукописи М. О. Ауэзов телеграфировал: «Дорогой Александр Трифонович! Сообщаю данные о представленной Вам моей рукописи. Повесть «Караш-Караш» переработана мною на семьдесят процентов, печаталась по-казахски в прошлом году впервые, как новая, в газете «Социалистик Казахстан». Первый давний вариант в счет не идет: по-казахски после 1933 г. не переиздавался, по-русски не переводился. Предоставленная Вам рукопись — первый перевод на русский язык. Сохраняя неизменное дружеское уважение к Вашему журналу, я был бы очень рад увидеть в нем одно из значительных моих произведений после «Абая». Если можно, в январе — юбилейном для Казахской республики месяце. С приветом *Ауэзов*». Твардовский ответил следующей телеграммой: «Дорогой Мухтар Омарханович! Возможность напечатания повести в первой книге исключена: номер целиком сверстан. Вопрос о возможности опубликования в журнале решу в ближайшие дни по прочтении рукописи. С глубоким уважением *Твардовский*». В переводе А. Пантиелева повесть напечатана в журн. «Дружба народов», 1961, № 7. В «НМ» печатались: ст. М. Ауэзова «Жизнь и творчество Абая» (1954, № 7) и рассказ «Серый Лютый» (1960, № 4).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 44.

Семенихину В. П., 19 декабря 1960 г. (Стр. 156)

Обилие откликов на выступление Твардовского на съезде учителей (см. т. 5, с. 335—345), включая полемический ответ журн. «Литература и школа» (см. статью его редактора Н. И. Кудряшова «Мысли после съезда», 1960, № 5), вызвало у А. Т. желание дать обзорную статью о методах изучения литературы в средней школе, способную вобрать наиболее ценные предложения его корреспондентов. Однако сложность проблемы и отсутствие «запаса покоя», необходимого для анализа индивидуальных решений и отбора всего положительного и наиболее пригодного для школьной практики, заставили его отказаться от этого намерения и искать автора, знакомого с проблемой во всей ее полноте. Статья В. П. Семенихина, учителя литературы из с. Бузовка Черкасской обл. (УССР), направленная против схоластического обучения и ориентации на заучивание, показалась ему отвечающей этой задаче. В архиве писателя сохранилось подготовленное им «уведомление», поясняющее причины появления статьи на страницах «НМ». Однако другие члены редколлегии журнала сочли статью растянутой и небезупречной в смысле практических предложений, что и отражено в ответе Твардовского. В ином варианте статья В. П. Семенихина «Учить и учиться разумно», вместе с двумя другими выступлениями, появилась в «НМ» в 1962 г. (№ 11). Еще раз и в более крупной подборке читательских выступлений журнал возвращался к школьному вопросу в 1963 г. (№ 9); во многих из них обсуждались темы, волновавшие учителя В. П. Семенихина.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 44.

Коваленко Б. И., 19 декабря 1960 г. (Стр. 157)

Борис Игнатьевич Коваленко (1890—1969) — профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР, крупный ученый в области дефектологии (тифлопедагогики), автор учебника «Тифлопедагогика». В 1924 г. руководил в Смоленске школой слепых. Твардовский знал его по урокам в Белохолмской школе второй ступени зимы 1923/24 г. Б. И. Коваленко не был здесь штатным учителем — он приезжал из Смоленска дважды в месяц на особые уроки литературы, проводившиеся чаще всего в форме «судов» над героями тех художественных произведений, которые стояли в программе старших классов. Прививал он также навыки литературного произношения, декламации, словом, многое делал для развития эстетического вкуса школьника. Вот что вспоминает В. Т. Сиводедов (см. примеч. к письму от 7 апреля 1955 г.) об уроках Б. И. Коваленко: «Судопроизводство было организовано по типу обычного народного суда. Был председатель (председательствовал всегда Б. И.), заседатели, прокурор и адво-

каты. Адвокаты назначались в зависимости от сложности содеянного обвиняемым. Вместо свидетелей выступали желающие выступить в прениях. Резюмировался процесс вынесением «приговора». Все это делалось с прицелом воспитать личность» («Из воспоминаний о Твардовском», рукопись, архив А. Т. В сокращенном варианте напечатана в газ. «Сельская новь» (Починок), 1979, 16—23 октября, № 124—127; входит в сб. «Воспоминания об А. Твардовском», 1982.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 44.

Орлову В. Н., 13 января 1961 г. (Стр. 158)

Владимир Николаевич Орлов (р. 1908) — ленинградский литературовед, автор многих книг о русской литературе, в том числе исследований жизни и творчества А. Блока. Его кн.: «Пути и судьбы. Литературные очерки» (М.—Л., 1963) положительно оценивалась в «НМ» (1964, № 4). Обращался к творчеству Твардовского: Вл. Орлов. Вторая встреча с Теркиным («Лит. газ.», 1963, 12 сентября). В 1956—1970 гг. был главным редактором серии «Библиотека поэта» («Советский писатель»), членом редколлегии которой Твардовский состоял с 1949 г. На более позднем этапе (1967 г.), когда рукопись сборника Мандельштама обрела вступительную статью и комментарии к стихам, А. Т. писал о ней так называемую «внутреннюю рецензию» (см. т. 5).

...в ...официальной записке.— Письмо в Гослитиздат (1960), в котором Твардовский предлагал предварять запланированные издательством подписные издания собраний сочинений выпуском избранных произведений тех же авторов, рассчитанных на более широкого читателя, и обращал внимание издательства на ряд «забытых» имен. В частности, об Осипе Эмильевиче Мандельштаме (1891—1938) там говорилось: «Почему не издать этого замечательного мастера русского стиха, отобрав лучшее из написанного им? Непонятно». В этом же письме указывалось на желательность таких же изданий книг Пастернака, Цветаевой, Гумилева. Книга О. Мандельштама «Стихотворения» вышла в Большой серии «Библиотека поэта» в 1973 г. с предисловием А. Л. Дымшица и примечаниями Н. И. Харджиева. *Цветаева* Марина Ивановна (1892—1941) — русская поэтесса; оценка ее творчества выразилась в заметке Твардовского (т. 5), публикациях на страницах «НМ» ее стихов (1965, № 3) и писем (1969, № 4), статьях о ее поэзии (1966, № 4) и прозе (1968, № 2). В «НМ» печатались воспоминания сестры поэтессы: Анастасия Цветаева. Из прошлого (1966, № 1, 2). *Гумилев* Николай Степанович (1886—1921) — русский поэт. *Пастернак* Борис Леонидович (1890—1960) неоднократно упоминается А. Т. как один из талантливейших по-

этов и мастеров перевода (см. т. 5 по указателю). В «НМ» (1965, № 1) помещена обширная публикация его стихов и прозы. *Андрей Белый* (Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) — поэт, прозаик, теоретик стиха.

Копия, присланная В. Н. Орловым в архив А. Т.

Гопнер С. И., 13 января 1961 г. (Стр. 160)

Серафима Ильинична Гоппер (1880—1966), член КПСС с 1903 г., доктор исторических наук, Герой Социалистического Труда, автор воспоминаний «В. И. Ленин в Париже» (см. кн.: «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине», т. I, М., 1956), пересылая Твардовскому записки Е. Д. Ворошиловой, сообщила: «Я знала Екатерину Давыдовну подростком, когда в одной и той же школе она училась, а я преподавала». Воспоминания Е. Д. Ворошиловой в «НМ» не печатались.

...чрезвычайно лестный для меня отзыв...—«Позвольте мне Вас приветствовать,— писала С. И. Гопнер Твардовскому,— как величайшего поэта нашего времени».

Подлинник цитированного письма и копия письма А. Т.— ЦГАЛИ, ед. хр. 55.

Долбиловой Н. К., 25 января 1961 г. (Стр. 161)

Педагог из г. Кривой Рог Нина Кузьминична Долбилова и позже обращалась за советом к Твардовскому. По сохранившимся в архиве А. Т. ее письмам видно, что он посылал в школу № 17, где она преподавала, книги и наглядные пособия.

Ксерокопия, присланная Н. К. Долбиловой в архив А. Т.

Радевски Христо, 3 февраля 1961 г. (Стр. 162)

Радевский (Радевски) Христо (р. 1903) — болгарский поэт и переводчик, редактор библиотеки «Съветски поети» (изд-во «Народна култура»), где в 1962 г. вышел сборник Твардовского «Избранные стихотворения» в переводах Андрея Германова. См. письмо от 19 июня 1962 г.

Копия. Архив А. Т.

Кучинскому Е. Ю., 26 февраля 1961 г. (Стр. 162)

Трудно сейчас объяснить, почему стихи ленинградца Евгения Юрьевича Кучинского, отобранные для печати редактором, не появились в журнале. Не повезло автору и с изданием сборника стихотворений в Лениздате. Рецензию С. Я. Маршака, рекомендовавшего его книгу к печати, в издательстве затеряли, через некоторое время возвратили рукопись. В 1960—1962 гг. подборки стихов Е. Кучинского печатались в журн. «Юность».

Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933) — поэт, которого, по собственному его признанию (см.: Е. Евтушенко. «Как будто это я лежу...».— «День поэзии, 1972»), Твардовский не

раз сурово критиковал, что, однако, не препятствовало его стихам появляться в «НМ» (1962—1969 гг.).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 55.

Гаркуше А. Т., 12 апреля 1961 г. (Стр. 163)

Посылая на отзыв Твардовскому свою «небольшую новеллу в стихах», писатель Александр Тимофеевич Гаркуша (Греков; р. 1922) предупреждал, что в ней изображен «не Шаляпин... это вообще о людях без родины». Поэма под названием «Самое родное» опубликована в сборниках автора «Земляне» (Орджоникидзе, 1963) и «Самое земное» (Волгоград, 1967). Под заглавием «Певец» в сб. «Озимь» (Краснодар, 1975).

Подлинник. Передан в архив А. Т. адресатом.

Сахно Ф. И., 12 апреля 1961 г. (Стр. 164)

В архиве Твардовского существуют копии еще двух ответов Феодосию Ивановичу Сахно на его просьбы, связанные с «внедрением» в жизнь «коммунистического метода пользования книгами». Как видно из писем, Твардовский не отказывал Ф. И. Сахно в книгах, но не поддерживал мероприятие, которое не считал разумным. Отдельное издание поэмы Т. Г. Шевченко «Гайдамаки» в переводе Твардовского выходило в Гослитиздате (М., 1961). См. письмо от 5 января 1962 г.

Копия. Архив А. Т.

Абрамову А. М., 17 апреля 1961 г. (Стр. 164)

Анатолий Михайлович Абрамов (р. 1917) — критик, литературовед, заведующий кафедрой советской литературы Воронежского университета. Среди написанного А. М. Абрамовым значительное место занимают работы о Твардовском: «В соавторстве с временем. О новых главах книги А. Твардовского «За далью — даль» («Подъем», 1953, № 5); «Маяк в океане поэзии» («Подъем», 1961, № 2); «О нравственном обеспечении коммунизма» («Подъем», 1963, № 5); «Об одном стихотворении («Я убит подо Ржевом» А. Твардовского)» («Наш современник», 1971, № 6); «А. Твардовский» («Подъем», 1972, № 6); «Масштаб поэзии — масштаб души» («Октябрь», 1976, № 10). Многие страницы отведены творчеству Твардовского в кн.: А. Абрамов. Лирика и эпос Великой Отечественной войны. Изд. 2-е. М., 1975. См. также брошюру: А. М. Абрамов. К 60-летию со дня рождения. Составитель О. М. Андреева. Воронеж, 1977. Письма читателей о поэме «За далью — даль» Твардовским не публиковались.

...переезд на новую квартиру... — В начале 1961 г. семья Твардовских переехала с Бородинской наб. (см. примеч. к письму от 3 февраля 1951 г.) на Котельническую наб. в высотный дом.

Ксерокопия передана А. М. Абрамовым в архив А. Т.

Методиеву Димитру, 17 апреля 1961 г. (Стр. 165)

Димитр Христов Методиев (р. 1922) — болгарский поэт, переводчик, общественный деятель. В его переводе «За далью — даль» вышла в 1961 г.: А. Твардовский. Шир след шир. Поема. София, изд-во «Народна култура». Первое знакомство Твардовского с Болгарией произошло в 1946 г., когда он в составе делегации посетил страну по приглашению Общества болгаро-советской дружбы. Вторая поездка — туристическая — состоялась в 1963 г.

...предложение чехов... — написать предисловие к поэме «За далью — даль» в переводе Ольги Машковой (1961, Прага).

Копия. Архив А. Т.

Владыкину И. И., 27 мая 1961 г. (Стр. 166)

См. письмо от 9 октября 1947 г. и примеч. к нему. В связи с работой над кандидатской диссертацией о творчестве Н. Д. Телешова Иван Иванович Владыкин писал Твардовскому: «По архивным материалам ЦГАЛИ я узнал, что между Вами и писателем Н. Д. Телешовым в конце 40-х — начале 50-х гг. велась переписка. Все то, что Вы писали Н. Д. Телешову, мне хорошо известно, но нет ли у Вас писем, которые Н. Д. Телешов не публиковал в «Записках писателя»?»

Воронков Константин Васильевич (р. 1911) был в 1959—1970 гг. секретарем Правления Союза писателей СССР. Автор сценической композиции по поэме «Василий Теркин», поставленной в 1961 г. Театром им. Моссовета.

Копия. Архив А. Т.

Разгону А. М., 29 мая 1961 г. (Стр. 167)

Аркадий Михайлович Разгон — журналист, начинавший военные годы солдатом, после ранения работал в одной из дивизионных газет 3-го Белорусского фронта. Письмо его было откликом на книгу Твардовского «Родина и чужбина» (2-е изд., 1960). В частности он отмечал, что события в Грюнвальде были ему известны и записаны «не совсем так», как в очерке Твардовского «Грюнвальдское преступление» (т. 4, с. 359). То, что Твардовский, видимо, намеревался вернуться к своему очерку, подтверждают сохраненные им сообщения других лиц о трагическом дне 4 февраля 1945 г. в Грюнвальде (см. примеч. к письму 24 мая 1963 г.). Собственная запись Твардовского предположительно сделана на основе рассказа В. Глотова (см.: В. Глотов. Поэт на фронте, — в его кн. «Встречи», Львов, 1980, с. 117—118); см. также письмо от 21 февраля 1968 г. и примеч. к нему.

Верейский Орест Георгиевич (р. 1915), народный художник РСФСР, автор широко известных иллюстраций к поэме «Василий Теркин», был одним из друзей Твардовского; сделал два портрета Твардовского в разные периоды его жизни. Один из них открывает «Книгу лирики» Твардовского (М., 1967); другой (1943)

включен в сб. Твардовского «Лирика» («Библиотека школьника», «Детская литература», М., 1972). Работа над этими портретами — основной мотив мемуарных записок О. Верейского о Твардовском — «К двум портретам» (см. в кн. «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978, 1982).

Копия. Архив А. Т.

Луначарской Н. А., 2 июня 1961 г. (Стр. 168)

Наталия Александровна Луначарская-Розенель родилась в г. Чернигове в 1902 г. В 1918 г. кончила театральные курсы Сладкопевцева-Бовшек, играла во фронтовом театре. В 1919 г. вышла замуж за командира 124-го бронедивизиона Красной Армии Льва Андреевича Розенеля, который вскоре был убит на фронте. По окончании гражданской войны переехала в Москву, где жили ее брат Илья Сац — композитор, и сестра Евгения — певица Большого театра. В 1922 г. стала женой А. В. Луначарского. С 1923 г. играла на сцене Малого театра, снималась в фильмах. Умерла в Москве в 1962 г. Очерк Н. А. Луначарской-Розенель «Луначарский-читатель» опубликован в «НМ» (1962, № 1); входит как отдельная глава в ее книгу «Память сердца» (М., «Искусство», 1962).

Сандро Моисси — (1880—1935) — известный немецкий актер (по национальности албанец). В 1924 и 1925 гг. приезжал на гастроли в Советский Союз. *Игорь Александрович* Сац — брат Н. А. Луначарской-Розенель (см. примеч. к письму от 15 декабря 1957 г.).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 57.

Фонской С. И., 29 июня 1961 г. (Стр. 169)

Серафима Ивановна Фонская (1897—1967) — бессменный, на протяжении тридцати лет, директор Дома творчества писателей в Голицыне (под Москвой), где жил несколько месяцев после возвращения из эмиграции А. И. Куприн. Об этом периоде его жизни рассказала С. И. Фонская в записках, предложенных «НМ». На письмо Твардовского она ответила: «...Я согласна с Вами во всем и сразу как-то поняла, что, действительно, не надо печатать эти строки... Пусть эти записки останутся где-то... сдайте их куда найдете нужным» (4 июля 1961 г.). Тем же числом — 4 июля — помечено письмо А. Т. директору Государственного литературного архива Н. И. Родионову: «Уважаемый Николай Иванович! Направляю страницы воспоминаний о последнем периоде жизни А. И. Куприна, которые не могли быть напечатаны в журнале, но, на мой взгляд, должны найти место в Вашем хранилище. Автор воспоминаний — директор Дома творчества Литфонда в Голицыне — Серафима Ивановна Фонская. Не откажите уведомить ее о принятии ее рукописи на хранение в Государственный литературный архив. С уважением *А. Твардовский*».

Записки о Куприне вошли в книгу С. И. Фонской «Дом в Голицыне» наряду с воспоминаниями об А. Фадееве, И. Катаеве, Э. Казакевиче, Б. Горбатове, Ю. Крымове и др. (М., 1967).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 57, 58.

Ч — о в у А. П., 4 июля 1961 г. (Стр. 170)

Копия. Архив А. Т.

А — н у Б., 20 июля 1961 г. (Стр. 170)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 58.

Фоменко В. Д., 8 августа 1961 г. (Стр. 172)

Владимир Дмитриевич Фоменко (р. 1911) — писатель, живущий в Ростове-на-Дону, на протяжении многих лет был в дружеских отношениях с Твардовским. Их переписка — небольшая по объему — охватывает 1952—1969 гг. В письме говорится об основном произведении В. Фоменко — романе «Память земли», первая книга которого была только что опубликована в «НМ» (1961, № 6, 7, 8). Книга вторая напечатана там же в 1970 г., после ухода Твардовского из журнала. Оценку романа Твардовским см. в его речи на XXII съезде КПСС (т. 4, с. 359—360). В «НМ» рецензировалась книга В. Фоменко «Человек в степи» (1958, № 10).

Ксерокопия, переданная В. Д. Фоменко в архив А. Т.

Мушта Галине, 10 августа 1961 г. (Стр. 173)

Галина Мушта — автор работы «А. Твардовский в красноармейской газете (К вопросу о роли работы над военным очерком в творческой эволюции поэта)» («Ученые записки Московского государственного института культуры», вып. 17, 1969).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 58.

Страшунской А. А., 10 августа 1961 г. (Стр. 174)

А. А. Страшунская была издательским редактором книги Твардовского «Избранные стихотворения и поэмы» (М., Гослитиздат, 1947). Находясь на пенсии и «живя за 56 километров от Москвы», она предполагала получить в редакции «НМ» какую-либо работу на дому.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 58.

Маргулису Е. С., 14 августа 1961 г. (Стр. 175)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 58.

Каюмову З., 14 августа 1961 г. (Стр. 176)

З. Каюмов из с. Татарское Горьковской обл. поздравил Твардовского с присуждением Ленинской премии за поэму «За далью — даль».

Копия. Архив А. Т.

Гаврилину, 14 августа 1961 г. (Стр. 177)

Твардовский вначале предполагал перевести денежную часть Ленинской премии на строительство школы в своих родных местах. Во время очередной поездки в Смоленск было решено

строить клуб. В том же 1961 г. был сделан проект, а в октябре 1962 г. состоялось открытие клуба на территории совхоза «Панской» (теперь «Починковский»), которому отошли земли бывшего хутора Загорье.

Копия. Архив А. Т.

Душковой-Лизанцевой К., 4 сентября 1961 г. (Стр. 177)

«Родина и чужбина» в сокращенном переводе Душковой-Лизанцевой вышла в 1963 г. (Военное изд-во, Прага).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 59.

Глебову А. Г., 4 сентября 1961 г. (Стр. 178)

Анатолий Глебович Глебов (1899—1964) — прозаик и драматург. В 20-е годы работал в «Крестьянской газете», что отразилось в его рассказе «Правдоха» («НМ», 1961, № 5). В газ. «Рабочий путь» (Смоленск, 1960, 31 июля) А. Глебов поместил статью «Бабушка Катя» — о Екатерине Михайловне Михайловой (1873—1942), колхознице со Смоленщины, авторе пяти пьес, расстрелянной фашистами за помощь партизанам и укрытие окруженцев. Уже в пожилом возрасте овладев грамотой, она записывала и ставила свои пьесы-хроники, сама играла в них. В 1936 г. на областной художественной олимпиаде в Смоленске, зрителями и слушателями которой были М. В. Исаковский и Твардовский (см. письмо М. В. Исаковскому от 14 июня 1936 г.), она выступала в своей пьесе «Пастушок». О театре Михайловой писала центральная печать: «Известия», 1935, 5 ноября; «Комсомольская правда», 1936, 14 января; «Правда», 1936, 4 марта. Наиболее полно о ней рассказано в статье В. Сухова «Драматург деревни Навилье» (журн. «Народное творчество», 1938, № 5). Здесь даны и фотографии Е. М. Михайловой. Позже А. Глебов написал о ней «документальный рассказ», вошедший в его книгу «Рассказы о сильных» (М., 1964) под заглавием «Бабушка Катя», датированный 1961—1964 гг.

Подлинник. ЦГАЛИ, архив А. Г. Глебова, ф. 2503, оп. 1, ед. хр. 523.

Завьяловой Т. Д., 5 сентября 1961 г. (Стр. 179)

Ответ вдове писателя Михаила Сергеевича Завьялова (1897—1938), возглавлявшего смоленскую писательскую организацию в период 1934—1937 гг. М. С. Завьялов был членом редколлегии смоленского журн. «Наступление» (1931—1936), в котором печаталась поэма «Вступление» («Путь Василия Петрова», 1932, май) и ряд других произведений Твардовского. В отчетном докладе на Первом съезде писателей Западной обл. (апрель 1934 г.) творчество Твардовского получило положительную оценку (см.: М. Завьялов. За большую культуру.— «Наступление»,

1934, № 5—6). Некоторые его произведения переиздавались: роман «Фрол Курганов» (1935) — в Смоленске в 1958 г.; пьеса «Веселая гора» — в Москве в 1965 г.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 59.

Никитину Е. И., 16 сентября 1961 г. (Стр. 179).

Евгений Иванович Никитин, в то время редактор газеты «Красный маяк» Палкинского р-на Псковской обл., коллектив которой выдвигал поэму «За далью — даль» на соискание Ленинской премии, писал Твардовскому: «Встреча с хорошей книгой поэта — это уже радостная встреча с самим поэтом. И все же от имени читателей нашей газеты выражаем надежду, что Вы в удобное для Вас время посетите наш Палкинский район» (ЦГАЛИ, ед. хр. 59). Отложенная встреча А. Т. с работниками «Красного маяка» не состоялась.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 59.

Козьмину М. Б., 20 сентября 1961 г. (Стр. 180)

Мстислав Борисович Козьмин (р. 1920) — литературовед, в 1950—1954 гг. неоднократно выступавший в «НМ» как рецензент, возглавлял в то время редакцию русской советской литературы Гослитиздата. Он уведомил Твардовского о том, что издательство намерено продолжить серию «Библиотека советской поэзии», и предложил сделать дополнения к списку, намеченному редакцией. Твардовский входил в редколлегию «Библиотеки».

...до... съезда.— XXII съезд КПСС проходил 17—31 октября 1961 г. *Боков* Виктор Федорович (р. 1914). В 1969 г. в «НМ» (№ 4) был помещен полемический отклик на книгу его стихов «Алевтина». *К. Ваншенкин.*— См. примеч. к письму от 24 января 1958 г. *Винокуров* Евгений Михайлович (р. 1925) печатался в «НМ» (1953, № 5; 1963, № 5); его сборники «Стихи о долге», «Признанья», «Лицо человеческое» рецензировались в «НМ» (1952, № 6; 1959, № 5; 1962, № 1). *Ручьев* Борис Александрович (1913—1973); в «НМ» положительно оценивалась его кн. «Стихи и поэмы» (1964, № 3). *Шефнер* Вадим Сергеевич (р. 1915) в 60-е годы постоянно печатался в «НМ» (1962, № 4; 1963, № 7, 11; 1966, № 11; 1968, № 7; 1969, № 12); сборники его стихов «Знаки земли», «Рядом с небом» и сборник повестей и рассказов «Запоздалый стрелок» рецензировались в «НМ» (1964, № 6; 1968, № 11). *Чивилихин* Анатолий Тимофеевич (1915—1957). Его поэма «Красная Горка» критиковалась в «НМ» Н. Асеевым (1951, № 5). Автор одной из первых рецензий на поэму «За далью — даль» («Взыскательность художника».— «Лит. газ.», 1953, 11 июля). *С. Наровчатов.* — См. примеч. к письму от 3 февраля 1948 г. *Орлов* Сергей Сергеевич (1921—1977) эпизодически печатался в «НМ» (1967, № 11; 1968, № 2); его кн. «Радуга в сте-

ни» рецензировалась в «НМ» Ю. Олешей (1952, № 12). *Коваленков* Александр Александрович (1911—1971).— Его книга «Хорошие, разные... Литературные портреты» вызвала в «НМ» полемический отклик (1966, № 11). *Казакова* Римма Федоровна (р. 1932) некоторое время печаталась в «НМ» (1958, № 8; 1959, № 2; 1960, № 2, 8; 1962, № 6). *Е. Евтушенко*.— См. примеч. к письму от 26 февраля 1961 г. *Корнилов* Борис Петрович (1907—1938). См. в «НМ» рецензию М. Луконина «Продолжение жизни» на его кн. «Стихотворения и поэмы» (1959, № 1). *Васильев* Павел Николаевич (1910—1937). *Федоров* Василий Дмитриевич.— См. примеч. к письму от 16 апреля 1947 г. *Рождественский* Всеволод Александрович (1895—1977). *Городецкий* Сергей Митрофанович (1884—1967). *Обрадович* Сергей Александрович (1892—1956). *Пришелец* (Антон Ильич Ходаков; 1893—1972). *Радимов* Павел Александрович (1887—1967). *Зенкевич* Михаил Александрович (1891—1973). *Решетов* Александр Ефимович (1909—1971). *Шубин* Павел Николаевич (1914—1951). *Тушнова* Вероника Михайловна (1915—1965) напечатала в «НМ» стихи (1960, № 7), рецензию на книгу стихов Р. Гамзатова «Высокие звезды» (1963, № 4). Ее книга лирики «Сто часов счастья» положительно оценивалась в «НМ» (1965, № 12). *Татьяничева* Людмила Константиновна (1915—1980).— В «НМ» была помещена рецензия на ее «Избранную лирику. 1940—1965» (1966, № 3). *Кустов* Павел Петрович (1907—1970). *Кудрейко* (Анатолий Алексеевич Зеленяк; р. 1907). *Н. Браун*.— См. примеч. к письму от 16 января 1955 г. *Климов* Дмитрий Александрович (1900—1979).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 59.

Мухиной-Петринской В. М., 4 ноября 1961 г. (Стр. 181)

Валентина Михайловна Мухина-Петринская (р. 1909) — писательница, пишет главным образом для юношества. Твардовский познакомился с нею в ялтинском Доме творчества в зиму 1958 г., ходатайствовал об улучшении жилищных условий реабилитированной писательницы. Ходатайство было удовлетворено.

Копия. Архив А. Т.

Соколову Е. Н., 4 ноября 1961 г. (Стр. 181)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 60.

Кубышкину М. П., 9 ноября 1961 г. (Стр. 182)

Михаил Павлович Кубышкин (р. 1908) — автор нескольких сборников стихов и рассказов. Проживал в районном центре Болотное Новосибирской обл. «В ту пору,— вспоминает он, —я писал что-то вроде поэмы — рассказ в стихах о том, как шла электрификация Транссибирской магистрали, где я работал землекопом. И вот небольшой отрывок я послал Твардовскому. Он ответил мне большим и хорошим, доброжелательным письмом,

указывая, как над стихами поработать; но журнал «Сибирские огни» принял всю эту поэму целиком и напечатание отрывка в «Новом мире» не состоялось» (М. Кубышкин. Как я был у Твардовского. Рукопись. Архив А. Т.). В сокращенном виде опубликована в сб. «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978). Поэма опубликована в журн. «Сибирские огни», 1961, № 10.

...нельзя новую строфу... делать того же «пола»... — В стихах, построенных на определенном чередовании мужских и женских рифм, не полагается нарушать это чередование.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 60.

Исакову И. С., 〈между 8 и 13 декабря〉 1961 г. (Стр. 183)

Иван (Ованес) Степанович Исаков (1894—1967) — адмирал флота Советского Союза, видный океанолог, военный историк. Начав морскую службу до первой мировой войны, прошел путь до заместителя Главнокомандующего советского Военно-Морского Флота (1946—1950 гг.). Вслед за статьей «Адмирал Нахимов» («НМ», 1952, № 7) и рецензиями на книги по истории русского флота (1953, № 1, 8), напечатал в «НМ» цикл «Невыдуманных рассказов» (1959, № 5, 9, 11; 1961, № 8; 1963, № 3; 1966, № 4, 11). Один из них — «Переводчик» — опубликован в «НМ» посмертно (1967, № 11), с предисловием от редакции. Посылая рассказ «Мешочники», И. С. Исаков писал Твардовскому: «Как-то Вы замечательно сказали мне: «Я ваш первый читатель!» Прошу, прочтите «Мешочников». Прочтите как читатель и скажите скупо, но как Твардовский, о впечатлении. Я все еще начинающий» (8 декабря 1961 г. Архив А. Т.). На письмо Твардовского И. С. Исаков ответил: «С большею частью Ваших оценок согласен. Спасибо! Всегда предпочитаю прямой дружеский разговор. «Спасать» этот рассказ не стоит. Когда у меня будет более удовлетворительный опус — попытаюсь предложить «Новому миру». Ваш *Исаков*» (13 декабря 1961 г. Архив А. Т.). Одобрительный отзыв о рассказах «старого военного моряка и ученого» И. С. Исакова содержится в ст. Твардовского «Несколько слов к читателям «Нового мира» (1961, № 12). См. также письмо от 26 декабря 1968 г. и примеч. к нему.

Копия. Архив А. Т.

Кулемкину А. Ф., 21 декабря 1961 г. (Стр. 185)

Александр Федорович Кулемкин — фольклорист; в 1924 г. окончил литературно-художественный институт (ВЛХИ) им. В. Я. Брюсова; считал себя учеником известного фольклориста и литературоведа Ю. М. Соколова; в 1959 г. в «Московском рабочем» вышел составленный им сб. «Русские частушки», включавший около пятисот частушек. Он напомнил Твардовскому: «В 1953 г. я обращался к Вам с письмом и был вызван в ре-

дакцию «Нового мира», где имел с Вами встречу 29 августа 1953 г. по вопросу об оказании мне помощи в публикации собранных народных песен. По Вашему предложению я отобрал несколько сот частушек, которые Вы имели намерение напечатать в журнале. Но так вышло, что Вы оставили редакционную работу». Суждения Твардовского совпадают с позицией «НМ», выраженной при обсуждении проблем современной фольклористики (см. ст. Н. Леонтьева «Волхование и шаманство» («НМ», 1953, № 8) и заметку «От редакции» («НМ», 1954, № 8).

Доронин Иван Иванович (1900—1978) — поэт и фольклорист. Печатался главным образом в 20-е и 30-е годы.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 77.

Бегишевой Е. М., 4 января 1962 г. (Стр. 186)

Матвеева Новелла Николаевна (р. 1934) — поэтесса. Первый ее сборник «Лирика» вышел в 1961 г.; неоднократно печаталась в «НМ» (1962, № 5, 12; 1963, № 9, 12; 1966, № 3; 1969, № 4); публиковались также ее переводы (1964, № 12; 1966, № 11), рецензии на книги ее стихов «Кораблик» и «Душа вещей» (1964, № 5; 1967, № 6).

Копия. Архив А. Т.

Сахно Ф. И., 5 января 1962 г. (Стр. 186)

См. письмо от 12 апреля 1961 г. и примеч. к нему.

Копия. Архив А. Т.

Максимову Н. И., 6 января 1962 г. (Стр. 187)

Николай Иванович Максимов (р. 1911), прозаик, драматург, автор романов из жизни переселенцев и коренного населения Дальнего Востока: «Поиски счастья» (1952), «Шуми, Амур» (1958) в своем письме напомнил А. Т., что в 1949 г. встречался с ним в в Хабаровске. Пьеса, которую отклоняет Твардовский,— «Земное тяготение», написана совместно с Л. Харламовой. Опубликована в литературно-художественном сб. «Сахалин» (1962).

Архангельская Ирина Павловна — старший редактор иностранного отдела «НМ».

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 77.

Митину М. Ф., 10 января 1962 г. (Стр. 187)

Ответ читателю из Магнитогорска. В стихотворном фельетоне С. Эйдлина «Перышкин почивает» («Правда», 1961, 12 ноября) выведен прохвост, спекулирующий памятью погибших на фронте:

...Чуть что, кричал: — Меня не троньте!
Бороться буду до конца!
Я сын погибшего на фронте
Орденоносного отца!

Копия. Архив А. Т.

Поликарпову Д. А., ⟨конец января 1962 г.⟩ (Стр. 188)

Дмитрий Алексеевич Поликарпов (1905—1965) — в то время заведующий Отделом культуры ЦК КПСС.

Голубов Сергей Николаевич (1894—1962), писатель, автор исторических романов «Солдатская слава» (1939), «Багратион» (1943) и др., член редколлегии «НМ» с 1955 г., умер 8 февраля. См. некролог от редакции «НМ», 1962, № 3. В «НМ» печаталась одна из его статей (1961, № 1), рецензировался его роман «Когда крепости не сдаются» (1954, № 4).

Черновик. Архив А. Т.

Савельеву М. П., 8 февраля 1962 г. (Стр. 188)

Михаил Петрович Савельев (р. 1929) — поэт, в то время сотрудник заводской многотиражки «Мартеновка», автор сб. стихов «Отчие росы» (Воениздат, 1977). По его собственному признанию, как поэт сформировался в литобъединении «Вальцовка» при московском заводе «Серп и молот»: «У нас,— пишет он,— по тому или иному поводу побывали в гостях, наверно, все замечательные поэты. Нередко и нас приглашали в Союз писателей... Когда я в первый раз увидел Александра Трифоновича, то он был загорелый, а в своих манерах — со спокойной обстоятельной суровостью... Я стоял в стороне и робел, так и не решился подойти близко к Александру Трифоновичу. Другая встреча была в обстановке менее официальной. Поэт был веселым, благодушным, ловко и умно шутил, хорошо было на него смотреть и чувствовать его широкую человеческую суть» (из письма составителю, 21 декабря 1977 г.).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 78.

Фризману Л. Г., 5 марта 1962 г. (Стр. 189)

Леонид Генрихович Фризман (р. 1935) — кандидат, ныне доктор филологических наук, профессор Харьковского педагогического института. Автор кн.: «Творческий путь Баратынского» (1966); «Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова» (1973); «Поэзия декабристов» (1974). В 1969—1970 годах опубликовал в «НМ» несколько рецензий под своим именем и под псевдонимами, преимущественно по разделу «Политика и наука». А. Т. отвечает на предложенную Л. Г. Фризманом статью «Пушкин и польское восстание 1830—1831 гг.», краткое содержание которой автор излагал ему в письме.

...в связи с моей речью о Пушкине.— Речь Твардовского на торжественном заседании в Большом театре, посвященном 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина, произнесенная 10 февраля 1962 г. (см. т. 5, с. 365) вызвала многочисленные отклики, обзор их не был сделан.

Фотокопия. Прислана адресатом в архив А. Т.

П о л о н с к о й К. А., 7 марта 1962 г. (Стр. 189)

Кира Александровна Полонская (р. 1898) — вдова Вячеслава Павловича Полонского (1886—1932) — критика, редактора «Нового мира» в 1926—1931 гг. В связи с приближавшимся 40-летием журнала на его страницах были опубликованы: переписка Полонского с А. М. Горьким, А. В. Луначарским, И. И. Скворцовым-Степановым (1964, № 5), а также воспоминания Н. Смирнова «Первые годы «Нового мира» (1964, № 7) и статья А. Дементьева и Н. Дикушиной «Пройденный путь (К 40-летию журнала «Новый мир»)» (1965, № 1), в которых уделялось много внимания работе Полонского-редактора. По-видимому, в тот же день — 7 марта 1962 г.— Твардовский направил в Секретариат Правления СП СССР письмо-ходатайство о переиздании работ В. П. Полонского. «В основу такого издания,— писал он,— могла быть взята книга В. П. Полонского «Литература замечательного десятилетия», вышедшая в 1927 г. и являющаяся как бы первым очерком истории советской литературы... Редактирование сборника лучших статей В. П. Полонского, а также написание предисловия мог бы взять на себя А. Г. Дементьев». Книга В. П. Полонского вышла в 1968 г. в изд-ве «Советский писатель». Составители: К. А. Полонская и А. Г. Дементьев. Вступительная статья А. Г. Дементьева.

Машинописные копии обоих писем в ЦГАЛИ, ед. хр. 78 и 93.

Ж у к о в у Г. А., 3 апреля 1962 г. (Стр. 189)

Георгий (Юрий) Александрович Жуков (р. 1908) — политический обозреватель газеты «Правда». В «НМ» был опубликован его очерк «Жизнь и смерть Патриса Лумумбы» (1962, № 11); входит в кн.: Ю. Ж у к о в. Эти семнадцать лет. М., 1963.

После... встречи на Пленуме... — Пленум ЦК КПСС по вопросам строительства и руководства сельским хозяйством проходил 5—9 марта 1962 г. Г. А. Жуков присутствовал на нем как член Центральной ревизионной комиссии, Твардовский — как кандидат в члены ЦК КПСС (1961—1966 гг). *...выехал... в Италию...* — Для участия в работе конгресса Европейского сообщества писателей во Флоренцию выезжала делегация советских писателей в составе: М. Бажана, В. Пановой, А. Суркова, Назыма Хикмета и А. Твардовского. *Жолио-Кюри* Фредерик (1900—1958) — французский физик, первый председатель Всемирного Совета Мира. *Лумумба* Патрис (1925—1961) — первый премьер-министр независимой Республики Конго (ныне Заир); злодейски убит. *Гизенга* Антуан (р. 1925) — в правительстве П. Лумумбы занимал пост заместителя премьер-министра; в 1962 г. был заключен в тюрьму.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 78.

М е й л а х у Б. С., 6 апреля 1962 г. (Стр. 191)

Борис Соломонович Мейлах (р. 1909), литературовед, профессор Ленинградского университета, посылая Твардовскому свою книгу «Художественное мышление Пушкина как творческий процесс» (1962), писал: «В течение последнего времени я стремлюсь организовать работу по изучению психологии творчества писателей, тонких особенностей творческого процесса. У нас в Ленинграде намечено для начала совещание писателей, литературоведов, деятелей искусств, которые наметят пути и задачи изучения этих сложных вопросов. Мне кажется, что организация такой работы, которая поможет выяснить, *как создается* поэтический образ, как соотносятся материал наблюдений и деятельность фантазии, как строится сюжет, каковы пути перевоплощения художника в создаваемые образы и т. п.,— очень важна и даст нашим писателям больше, чем сотни абстрактных и скучных назиданий» (29 марта 1962 г. Архив А. Т.). В 1960 г. Б. С. Мейлах поместил в «НМ» статью «Уход и смерть Льва Толстого» (№ 10, 11); в 1966 г. опубликовал (со своим послесловием) ст. Д. И. Менделеева «Какая же Академия нужна России?» (№ 12).

...«еще одного совещания»... — Слегка измененная цитата из стихотворения В. Маяковского «Прозаседавшиеся».

Черновик. Архив А. Т.

Миронову В. А., 18 мая 1962 г. (Стр. 192)

...первоисточник замысла стихотворения...— Книга «Творчество народов СССР» (М., «Правда», 1937) имелась в библиотеке Твардовского. Стихотворение «Ленин и печник» впервые опубликовано одновременно в газ. «Ленинградская правда» и «На страже Родины», 1940, 21 января; в журн. «Красная новь», 1940, № 4. См. статью «О стихотворении «Ленин и печник» (т. 5, с. 156—159).

Копия. Архив А. Т.

Березовской С., 31 мая 1962 г. (Стр. 192)

Копия. Архив А. Т.

Финкельштейну Е. А., 14 июня 1962 г. (Стр. 193)

Ответ читателю из г. Семипалатинска, доктору биологических наук, профессору Евгению Александровичу Финкельштейну на его отзыв о появившемся в «Правде» (5 мая 1962 г.) стихотворении Твардовского «Слово о словах».

Копия. Архив А. Т.

Федоровой М. И., 18 июня 1962 г. (Стр. 194)

Из письма вдовы якутского писателя Афанасия Игнатьевича Федорова (1928—1959) следует, что он был знаком с Твардовским («Встречался в 1957 г. на вечерах якутской литературы» в Москве). Вернувшись из ссылки, А. Федоров прожил четыре года и не успел закончить повесть «Неувядаемые ветви», получившую в Якутии премию в честь 40-летия Октября. В русском

переводе под заглавием «Неувядающие ветви» опубликована в журн. «Полярная звезда» (1964, № 6; 1965, № 1, 2). На русском языке в Якутске выходил сборник рассказов А. Федорова «Я не забуду тебя, Уренча» (1964), на якутском языке — двухтомник «Избранные произведения» (1961—1962).

Мордвинов Николай Егорович (Амма Аччыгыйа; р. 1906).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 79.

Алексееву А. Ф., 18 июня 1962 г. (Стр. 195)

Алексей Федорович Алексеев — заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Якутского университета. В 1966 г. опубликовал первую свою работу о Твардовском — «Проблема современности и тесной связи литературы с жизнью во взглядах Твардовского» («Труды Якутского университета», вып. 1); в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию «Литературно-критические взгляды А. Твардовского»; опубликовал ряд статей: «К вопросам языка в эстетике А. Твардовского» («Труды историко-филологического факультета», вып. 2, Якутск, 1969), «О принципах реализма в поэзии А. Твардовского» (в сб. «Проблемы идейности и мастерства художественной литературы». Томск, 1969); им написано послесловие к изданию «Василия Теркина» на якутском языке (Якутск, 1970), воспоминания: «Три встречи с Твардовским», в которых приведено данное письмо («Полярная звезда», 1979, № 5).

Печатается по журнальной публикации.

Николаеву Ю. И., 18 июня 1962 г. (Стр. 195)

Юрий Иванович Николаев (р. 1935) — поэт, автор нескольких сборников стихов, вышедших в Южно-Сахалинске. Поэма, которую подвергает разбору Твардовский — «Ради тех, кто живет»,— впервые включена Ю. Николаевым в его книгу «Начистоту» (1974). «Я еще и еще возвращался к ней,— пишет автор,— многое в ней, вплоть до сюжетных ходов, изменено». На вопрос: как было воспринято им письмо Твардовского, Ю. И. Николаев ответил: «...Я, во-первых, был глубоко благодарен Александру Трифоновичу (как благодарен ему поныне и «на всю оставшуюся жизнь») за то, что он нашел время ответить мне, и не просто ответить, а внимательно прочесть поэму, о чем свидетельствует целый ряд его пометок на полях рукописи... Во-вторых, я не мог уже тогда не признать справедливости подавляющего большинства его замечаний. С тех пор прошло 15 лет, и весь приобретенный мной литературный и житейский опыт только подтверждал истинность многих оценок Александра Трифоновича» (письмо составителю от 26 мая 1977 г.).

Долматовский Евгений Аронович (р. 1915) — поэт, автор многочисленных сборников стихов и песен. *Солоухин* Владимир Алексеевич (р. 1924) — поэт и прозаик. В «НМ» печатался его

перевод книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан» (1967, № 9—11), рецензировались его книги «Владимирские проселки» (1959, № 1), «Капля росы» (1960, № 7), «Свидание в Вязниках» (1964, № 11). В статье «Поэзия и время» («Лит. газ.», 1958, 17 июля) писал о творчестве Твардовского.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 79.

Я н о ч к и н о й Н. П., 18 июня 1962 г. (Стр. 197)

Нина Павловна Яночкина (р. 1932) — писательница. Живет и работает в Смоленске. В 1978 г. принята в Союз писателей. В изд-ве «Детская литература» вышли ее книги: «Красные подснежники» (1972), «Синее коромысло» (1975), «Кто умней? Рассказы для дошкольного возраста» (1980).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 79.

Г е р м а н о в у А., 19 июня 1962 г. (Стр. 199)

См. письмо от 14 апреля 1956 г.

...первого издания моей книжки... — Имеется в виду первое отдельное издание книги избранных стихотворений Твардовского: А. Т в а р д о в с к и. Избрани стихове. Пер. А. Германова. София, «Народна култура», 1962; второе издание — 1973 г. Переводы других произведений Твардовского в Болгарии осуществлялись ранее: «Василий Теркин» в 1946 г., «За далью — даль» в 1961 г. Полученная от А. Германова кн. «Работнически влак» (Варна, 1962) — его второй сборник стихов. Авторская надпись: «На Александър Твардовски с благодарност за истовата голема поэзия! *А. Германов*, 27 мая 1962 г. София».

Копия. Архив А. Т.

К р о л о в о й (Ч е х о с л о в а к и я), 19 июня 1962 г. (Стр. 199)

Ссылка на т. 4. Сочинений Твардовского подразумевает четырехтомное Собрание сочинений, выходившее в 1959—1960 гг. (М., Гослитиздат). Ссылка на т. 3 сочинений С. Маршака имеет в виду его четырехтомное Собрание сочинений (М., Гослитиздат, 1958—1960). В указанных изданиях напечатана статья Твардовского «Роберт Бернс в переводах Маршака» (1951) (см. письмо от 21 января 1970 г.), «поглощенная» его последующей статьей «О поэзии Маршака» (см. т. 5).

Копия. Архив. А. Т.

Д е м е н т ь е в у А. Г., 5 августа 1962 г. (Стр. 201)

Александр Григорьевич Дементьев (р. 1904), критик и литературовед, автор книг «Очерки по истории русской журналистики. 1840—1850 гг.» (М., 1951), «На новом этапе. Статьи о литературе» (М., 1965), «В. И. Ленин и советская литература» (М., 1977); соавтор неоднократно переиздававшегося учебника «Русская советская литература» для средней школы, ответственный редактор ряда изданий, в том числе четырехтомной

«Истории русской советской литературы» (изд. 2-е, М., 1967—1971) и двухтомных «Очерков русской советской журналистики» (М., 1966—1968), на протяжении многих лет был близок к Твардовскому. С 1953 по 1955 г. и с 1959 до конца 1966 г.— заместитель главного редактора «НМ»; опубликовал здесь ряд своих статей (1958, № 11; 1961, № 12; 1962, № 11; 1963, № 5; 1964, № 5, 11; 1966, № 10, 12; 1968, № 6, 7) и рецензий, в том числе ст. «О традициях и народности. Литературные заметки» (1969, № 4), ставшую поводом острой полемики, в которой «НМ» принял участие выступлением «От редакции» (1969, № 7); автор ст. «На всю жизнь. Твардовский о Некрасове» («Вопросы литературы», 1977, № 8), «Простите мне прямоту...» А. Твардовский и начинающие» («Литературная учеба», 1978, № 2), а также послесловия к т. 5 наст. Собр. соч. Является членом Комиссии по литературному наследию Твардовского. См. письмо от 17 октября 1968 г.

Воронский Александр Константинович (1884—1943) — литературный критик и писатель, член КПСС в 1904—1937 гг., первый редактор журнала «Красная новь» (1921—1927 гг.). В письме анализируется вступительная статья Дементьева «А. Воронский — критик» для кн.: А. Воронский. Литературно-критические статьи. М., 1963. Составители Г. А. Воронская и А. Г. Дементьев. В «НМ» (1964, № 8) была помещена глава из книги Воронского «Гоголь», письмо А. К. Воронского В. И. Ленину (1964, № 12), его воспоминания «Встречи и беседы с Максимом Горьким» (1966, № 6). *РАПП* (Российская ассоциация пролетарских писателей) — наиболее массовая из советских литературных организаций 20-х годов (1925—1932 гг.). *Авербах* Леопольд Леонидович (1903—1939) — критик, генеральный секретарь РАПП в 1926—1932 гг. *«Напостовство»* — от названия журн. «На посту» (1923—1925 гг.), термин, употреблявшийся в 20-е годы для обозначения догматизма и сектантства в литературе. *...об «интуициях» и «подсознательностях»...* — Имеется в виду переоценка роли интуиции в творческом процессе, полемически подчеркиваемой Воронским в противовес упрощенной рапповской трактовке идейности в искусстве.

Ксерокопия. Передана А. Г. Дементьевым в архив А. Т.

Данилюку Г. С., 3 января 1963 г. (Стр. 202)

Григорий Степанович Данилюк (р. 1897) — боец 1-го Богунского полка, сформированного Н. А. Щорсом. С 1919 г.— командир 2-го (389-го) Богунского полка. После Великой Отечественной войны — полковник в отставке. Его записки «В степях Украины», упоминаемые в письме как «первая часть» задуманной автобиографической вещи, входили в сборник воспоминаний участников

гражданской войны «Незабываемое» (М., Воениздат, 1961. Литературная запись М. А. Жохова).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 101.

Максимовой А. М., 3 января 1963 г. (Стр. 202)

Алиса Михайловна Максимова, вдова В. Е. Евгеньева-Максимова (см. примеч. к письму от 18 мая 1939 г.), писала Твардовскому: «Статья Владимира Евгеньевича, процитированная Орловым, была написана 45 лет назад (в то время, когда русская интеллигенция еще не сумела разобраться в событиях) и вскоре сделалась предметом постоянных сожалений ее автора. Владимир Евгеньевич перечеркнул ее уже в начале 20-х годов своими печатными и устными высказываниями на ту же тему и всей дальнейшей жизнью». В письмах обеих сторон имеется в виду книга В. Н. Орлова (см. примеч. к письму от 13 января 1961 г.) «Поэма Александра Блока «Двенадцать». Страница из истории советской литературы» (М., 1962). В обзоре оценок поэмы современниками критиковалась позиция Евгеньева-Максимова (без упоминания его имени).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 101.

Ходжаевой М. И., 9 января 1963 г. (Стр. 203)

Мария Ионикиевна Ходжаева — старый библиотечный работник, в настоящее время пенсионер и внештатный инструктор культурно-массового отдела ВЦСПС. В письме, сопровождавшем ее повесть «Все настоящее трудно», она писала А. Т.: «Возможно, никогда не решилась бы послать Вам эту рукопись, если б не Ваша речь на XXII съезде КПСС. Спасибо Вам за слова о читателе». Рукопись М. И. Ходжаевой обсуждалась на библиотечном совете завода «Динамо» им. С. М. Кирова. Мнения читателей о ней разделились, но все признавали необходимость доработки вещи. Повесть не печаталась.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 101.

Ковалевой М. В., 21 марта 1963 г. (Стр. 204)

В ответ М. В. Ковалева прислала Твардовскому письмо, полученное в 1928 г. ее матерью Е. М. Куфлик от Н. К. Крупской, в секретариате которой она работала ранее. Ознакомившись с письмом Н. К. Крупской (об увязке школьной программы с жизнью), Твардовский счел более целесообразным передать его редакции «Учительской газеты». Редактору газеты Н. М. Парфеновой он писал: «Уважаемая Надежда Михайловна! Направляю Вам неопубликованное письмо Н. К. Крупской, присланное в редакцию учительницей М. В. Ковалевой из г. Темир-Тау, матери которой оно было адресовано. По условиям журнала, в «Новом мире» письмо сможет быть напечатано очень нескоро, а для «Учительской газеты», как мне кажется, оно

представляет определенный интерес. Прошу Вас уведомить тов. Ковалеву о Вашем решении, но в любом случае обеспечить сохранность подлинника письма Н. К. Крупской. 24 мая 1963 г. *А. Твардовский»*. Письмо Н. К. Крупской (с краткой историей самого письма) было опубликовано в «Учительской газете» 2 июля 1963 г.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 102.

Зайденшнур Э. Е., 1 апреля 1963 г. (Стр. 205)

Эвелина Ефимовна Зайденшнур (р. 1902)—литературовед, старший научный сотрудник музея Л. Н. Толстого в Москве. Четыре тома «Войны и мира», присланные ею Твардовскому, сопровождены дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Александру Трифоновичу Твардовскому, благодаря которому стала возможной публикация освобожденного от ошибок текста «Войны и мира», посылаю эти книги с чувством искренней признательности. *Э. Зайденшнур,* 24 марта 1963 г.». Надпись эта имеет следующее основание. В 1959 г. Э. Е. Зайденшнур обратилась к Твардовскому с письмом, в котором выражала недоумение по поводу того, что в завершенном 90-томном Собрании сочинений Л. Н. Толстого выверены по рукописям все его произведения, *за исключением* «Войны и мира». Между тем, указывала Э. Е. Зайденшнур, за девяносто лет со времени выхода романа в его тексте накопилось много искажений и опечаток. В качестве иллюстрации в письме приводился ряд цитат из романа с явными бессмыслицами.

Редакция «НМ» предложила Э. Е. Зайденшнур изложить вопрос шире: в виде статьи текстологического плана. Так появилась в журнале ее статья «По поводу текста «Войны и мира» («НМ», 1959, № 6). Затем изд-во «Художественная литература», подготовлявшее к печати 20-томное Собрание сочинений Л. Н. Толстого, предложило Э. Е. Зайденшнур отредактировать роман в соответствии с последней редакцией автора. Роман вышел в 1961—1963 гг. С ее же примечаниями дана в «НМ» публикация писем Л. Н. Толстого (1963, № 3). Проблемы текстологии романа Толстого обсуждались также в статье Н. Гудзия «Что считать «каноническим» текстом «Войны и мира» («НМ», 1963, № 4).

Ксерокопия, переданная Э. Е. Зайденшнур в архив А. Т.

Почерняеву А. И., 1 апреля 1963 г. (Стр. 205)

...я их не сохраняю. — Не следует принимать это сообщение Твардовского буквально. Действительно, в его архиве почти нет черновиков и вариантов в общепринятом смысле, то есть набросков — строк и строф — на отдельных листах, клочках и другой попавшейся под руку, иногда уже чем-то записанной бума-

ге. Варианты Твардовского — это зафиксированный в его рабочих тетрадях ход, процесс работы над произведением, иногда сопровождаемый его автокомментарием: попутными раздумьями, сомнениями и новыми пробами. Работа могла быть им начата и на отдельном листе, но итог ее непременно заносился под точной датой в тетрадь. Если работа требовала новых усилий — пояснения, развития или сокращения отдельных мест, — она продлевалась иногда тут же в тетради, но, если автор чувствовал разрыв между замыслом и его реальным воплощением, текст вновь возвращался на листы. Так, в работе над отдельными главами поэмы «За далью — даль» серии переносов занимали иногда многие месяцы, даже годы. Вариант, записанный в тетрадь, предрешал уничтожение листа-черновика. Вот почему А. Т. до известной меры прав, говоря, что черновики у него не сохранялись. В настоящее время почти все, за малым исключением, варианты глав «Василия Теркина» опубликованы (см. «Василий Теркин», М., «Наука», 1976). Опубликована и часть вариантов поэмы «Страна Муравия» (см. «День поэзии. 1977», М., 1977).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 101.

Ученикам 10-го класса Телишской средней школы, 1 апреля 1963 г. (Стр. 206)

Копия. Архив А. Т.

Петеру Михаю, 24 апреля 1963 г. (Стр. 207)

Михай Петер — венгерский филолог, преподаватель Будапештского университета. Русским языком овладел во время стажировки в Ленинградском университете. Автор нескольких работ о поэтике Твардовского, в том числе присланной ему статьи «О стилистической эквивалентности художественного перевода (На материале венгерского перевода поэмы А. Твардовского «Василий Теркин»)» Studia Slavica. Akadémial Klado, Budapest, 1963. Автор анализирует перевод Ласло Кардаши (Будапешт, изд. 2-е, 1955). См. письмо от 13 июня 1966 г.

...книжечка Маршака.— С. Я. Маршак. Ради жизни на земле (Об А. Твардовском). М., 1961. *Ал. Григ.*— А. Г. Дементьев (см. примеч. к письму от 5 августа 1962 г.).

Ксерокопия, присланная адресатом в архив А. Т.

Ковалевой М. В., 24 апреля 1963 г. (Стр. 207)

См. письмо от 21 марта 1963 г. и примеч. к нему.

Н. К.— Надежда Константиновна Крупская.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 102.

В редакцию газеты «Военный врач», 24 мая 1963 г. (Стр. 208)

См. примеч. к письму от 29 мая 1961 г. Материалы, опубликованные редакцией газ. «Военный врач» и присланные Твар-

довскому, сохранились в архиве с пометкой его рукою: «Родина и чужбина». Это: 1. И. Карасев. Подвиг в Грюнвальде (23 февраля 1963 г.); 2. Письмо матери героя (Р. В. Арнольди) о ее сыне, дивизионном враче Д. Д. Арнольди, которого называет в очерке «Грюнвальдское преступление» Твардовский (1 апреля 1963 г.); 3. И. Карасев. Герой Грюнвальда — питомец академии (1 мая 1963 г.) — о воспитаннике Военно-Медицинской академии, командире медсанбата А. Я. Ковыршине, тоже упоминаемом в очерке Твардовского. В последней статье приведена выдержка из этого очерка.

Копия. Архив А. Т.

Котову М. П., 6 июля 1963 г. (Стр. 208)

Михаил Поликарпович Котов (1907—1972) — критик, автор книги «В мастерской стиха Твардовского. Статьи и заметки» (Саратов, 1963), ряда статей о творчестве Твардовского, а также посмертно опубликованных записок «Встречи и расставания. Из смоленских тетрадей» («Волга», 1974, № 1), в которых он вспоминает о своей работе редактором в Запгизе (Смоленск) и довольно подробно излагает историю первого смоленского издания поэмы «Страна Муравия». В записках приводится письмо Твардовского.

Печатается по журнальной публикации.

Бродович М. Я., 16 августа 1963 г. (Стр. 209)

Копия. Архив А. Т.

Киселю А. Т., 10 сентября 1963 г. (Стр. 210)

Александр Тарасович Кисель (1910—1970) — преподаватель литературы в 109-й школе г. Куйбышева. Он был организатором школьного музея, руководил литературным кружком, устраивал выставки на литературные темы, печатался в центральных газетах и журналах, вел переписку со многими советскими и зарубежными писателями. По сообщению вдовы, архив его сохраняется.

Фотография, на которой я, Луконин и Эм. Казакевич...— Помещена в сб. «Воспоминания об Э. Казакевиче» (М., 1979). Михаил Кузьмич Луконин (1918—1976) напечатал в «НМ» поэму «Дорога к миру» (1950, № 5), ряд стихотворений (1954, № 9; 1960, № 6; 1965, № 7; 1968, № 10). Его книга «Корни гор. Стихи о Грузии, переводы» рецензировалась в «НМ» (1968, № 9). *Эм. Казакевич.*— См. примеч. к письму от 5 февраля 1959 г.

Ксерокопия. Передана Г. А. Кисель-Гуняковой в архив А. Т.

В Секретариат Союза писателей СССР, 12 октября 1963 г. (Стр. 210)

Москвич А. Аникин ставил в своем письме вопрос о приведении в порядок рязанского мемориала С. Есенина.

Копия. Архив А. Т.

Хейфецу Б. С., 4 ноября 1963 г. (Стр. 210)

«Советская Родина» («Советиш Геймланд») — орган Союза писателей СССР, издается с 1961 г.

Копия. Архив А. Т.

Курочкину О. Р., 4 ноября 1963 г. (Стр. 211)

См. письмо от 23 декабря 1957 г. и примеч. к нему.

...о Теркине — старом и новом. — Поэмы «Василий Теркин» и «Теркин на том свете».

Копия. Архив А. Т.

Лисянскому М. С., 4 ноября 1963 г. (Стр. 212)

Марк Самойлович Лисянский (р. 1913) — поэт, печатается с 1940 г. Сотрудничал в «НМ» в конце 50-х годов. Опубликовал воспоминания «Письмо Александра Трифоновича» («Юность», 1980, № 6), где привел текст комментируемого письма. 1 марта 1970 г. М. С. Лисянский писал Твардовскому: «Только что прочитал в первом номере «Нового мира» Ваше письмо Михаилу Васильевичу. И захотелось Вам сказать, что Вы всю душу мне перевернули, я читал, и слезы душили меня, и мне было хорошо оттого, что есть на земле такая светлая дружба, такие высокие, чистые отношения двух поэтов. В этом прекрасном письме не только весь Исаковский, но и весь Твардовский. Спасибо за то, что Вы оба есть в нашей поэзии и в моей жизни» (архив А. Т.).

Евтушенко — см. примеч. к письму от 26 февраля 1961 г.

Печатается по тексту журнальной публикации.

Павлову И. В., 5 ноября 1963 г. (Стр. 213)

В приведенных строках — разночтение: строка «В их вместилися войне» во всех изданиях поэмы «Теркин на том свете» читается: «Все вместились в их войне» (т. 3, с. 351).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 101.

Плучеку В. Н., 16 ноября 1963 г. (Стр. 214)

Валентин Николаевич Плучек (р. 1909) — главный режиссер московского Театра сатиры, народный артист СССР (1974). Его книга «На сцене — Маяковский» рецензировалась в «НМ» (1963, № 8). Осуществил постановку «Теркин на том свете». Текст сценической композиции был отредактирован Твардовским. Режиссер спектакля Г. Зелинский. Музыка Р. Щедрина. Художники С. Алимов и М. Ромадин. Роль Василия Теркина исполнял народный артист СССР Анатолий Дмитриевич Папанов, роль друга Теркина — заслуженный артист РСФСР Борис Кузьмич Новиков. Премьера состоялась 6 февраля 1966 г. Спектакль шел весной и летом того же года. Оценка его Твардовским выражена

в «Реплике автора», адресованной критикам спектакля (см. т. 5, с. 144).

Копия. Архив А. Т.

Романовской Н. И., 4 декабря 1963 г. (Стр. 215)

Нина Ивановна Романовская — в то время учительница харьковской школы № 83.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 104.

Гречаному А. И., 18 декабря 1963 г. (Стр. 216)

Копия. Архив А. Т.

Синецкому В. К., 18 декабря 1963 г. (Стр. 216)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 101.

Порману Р. Н., 19 декабря 1963 г. (Стр. 217)

См. письмо от 3 февраля 1951 г. Р. Н. Порман опубликовал серию статей краеведческого характера: «Советские писатели в Казани в 1941—1945 гг.» («Казань в истории русской литературы», сб. 1, 1965), «Мы стали с тобой земляками» (альманах «Литературный Татарстан», 1958, № 13) и др. Наиболее отвечает характеру замечаний Твардовского последняя из названных работ. Не исключено, что она была представлена журналу дополненной и уточненной, т. к. Р. Н. Порман продолжал разрабатывать тему «эвакуационного периода» в биографиях советских писателей (Б. Пастернака, Л. Леонова, К. Тренева и др.).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 104.

Евстропову Н. Т., 23 декабря 1963 г. (Стр. 217)

Стихотворение «Отец и сын» — т. 2, с. 3. См. письмо от 9 августа 1967 г. и примеч. к нему.

Копия. Архив А. Т.

Соломатину И. И., 23 декабря 1963 г. (Стр. 218)

Заметка И. И. Соломатина «Мужество поэта (О близости мотивов в поэмах А. Твардовского «Дом у дороги» и «Теркин на том свете»)» была опубликована в газете «Вперед» Подгоренского р-на Воронежской обл. (1963, 15 декабря).

Копия. Архив А. Т.

Народному артисту СССР Бабочкину, 27 марта 1964 г. (Стр. 218)

Борис Андреевич Бабочкин (1904—1975) был наиболее любимым актером Твардовского, главным образом благодаря фильму «Чапаев», который он смотрел много раз. Очень ценил Твардовский режиссерские работы и театральные роли Б. А. Бабочкина, например, его Грознова в спектакле Малого театра «Правда — хорошо, а счастье — лучше» по пьесе А. Н. Островского. В «НМ» были напечатаны очерки Бабочкина «Месяц в Индии» (1958, № 9, 10) и «Немножко Франции» (1960, № 3), а также его записки «Через тридцать лет» (1964, № 11), посвященные истории

создания фильма «Чапаев» и встрече его зрителем 30-х годов (кстати, имеющей определенное сходство с тем, как был впоследствии принят читателем «Василий Теркин»). Б. А. Бабочкин читал по радио поэму «Теркин на том свете» и отзывался о Твардовском как о поэте, «стоящем на вершине современной поэзии» (см. «День поэзии. 1972», с. 188).

ЦГАЛИ, архив Б. А. Бабочкина, ф. 2655, ед. хр. 394.

Пионерам и школьникам интерната № 2 в г. Ижевске, 13 апреля 1964 г. (Стр. 218)

Черновик. Архив А. Т.

Сиводедову Г. Т., 27 апреля 1964 г. (Стр. 219)

Георгий Тимофеевич Сиводедов (1909—1978) — кандидат исторических наук, доцент Тульского педагогического института. Земляк и одноклассник Твардовского по Белохолмской школе в 1923/24 учебном году; брат В. Т. Сиводедова (см. письма от 7 апреля 1955 г. и 27 апреля 1968 г.). Отзыва на присланную книгу в «НМ» не было.

Подлинник, переданный Лидией Наумовной Сиводедовой в архив А. Т.

Волковой В. В., 27 апреля 1964 г. (Стр. 219)

Валентина Васильевна Волкова — директор Дома-музея В. И. Ленина в Горках, автор документальной книги «Ленин в Горках» («Московский рабочий», 1963). Ответ В. В. Волковой (8 мая 1964 г., архив А. Т.) не дал новых сведений о документальной основе рассказа и характере его записи. См. письмо от 6 октября 1967 г. и примеч. к нему.

...я читал не в этой роскошной книге... — Рассказ «Печник» входит также в сборник Детгиза «Рассказы о Ленине» (1939) с указанием, что записан со слов Алексея Михайловича Шурыгина в феврале 1937 г. в деревне Горки Подольского р-на Московской обл. *...в связи с... запросами читателей...* — К этому времени стихотворение «Ленин и печник» было переведено на многие языки народов Советского Союза: украинский, грузинский, армянский, башкирский, молдавский, туркменский, литовский, азербайджанский, казахский, узбекский, киргизский, адыгейский и др., и к Твардовскому шли разного рода читательские вопросы. Уже после публикации ст. «История одного стихотворения. Ответ на письма читателей» («Известия», 1967, 15 апреля; см. в т. 5, с. 156, «О стихотворении «Ленин и печник») Твардовский получил через редакцию газеты письмо П. П. Чурбакова от 6 октября 1967 г., содержащее новые детали истории с печником.

Копия. Архив А. Т.

Эренбургу И. Г., 19 мая 1964 г. (Стр. 220)

Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967) был автором «НМ», где, помимо литературно-критического эссе «Перечитывая Чехова» (1959, № 5, 6), опубликовал мемуарную кн. «Люди, годы, жизнь» (1960—1965). Книга подвергалась критике. «Редакция,— писал позже Твардовский, — уже имела случай заметить, что она не может не разделять с автором ответственности перед читателем. Однако до окончания публикации воспоминаний И. Эренбурга в журнале было бы неправомерно давать им здесь исчерпывающую оценку» («По случаю юбилея», «НМ», 1965, № 1). Часть шестая книги, о которой говорится в письме, увидела свет в № 1—4 «НМ» за 1965 г. Итоговая оценка книги и творчества писателя дана Твардовским в статье «И. Г. Эренбург» (см. т. 5, с. 279), которая вместе со статьей Бориса Полевого и редакционным предисловием составила некролог «Памяти Ильи Григорьевича Эренбурга» («НМ», 1967, № 9).

Образ Фадеева (см. письмо от 14 января 1954 г. и примеч. к нему) в журнальном варианте книги «Люди, годы, жизнь» дается отдельными штрихами; относительно специальной главы, ему посвященной, автор сделал следующее разъяснение: «В одной из предшествующих частей этой книги я обещал рассказать о Фадееве. ...Я выполнил обещание и написал об Александре Александровиче. Эту главу, как и некоторые другие страницы, я решил отложить до выхода книги отдельным изданием. Хочу, чтобы читатель, знакомясь с этими страницами, имел перед собой текст всей книги в целом» («НМ», 1965, № 2, с. 44—45). Опущенную в журнале главу 18-ю шестой книги см. в издании: Илья Эренбург. Собр. соч., т. 9. М., 1967, с. 596—606.

Копия. Архив А. Т.

Козлову Ф. С., 11 июня 1964 г. (Стр. 220)

...недавно опубликовал страницы своих воспоминаний... — Имеются в виду записки Н. Рыленкова «Ветер времени» («НМ», 1963, № 8). См. письмо от 15 апреля 1955 г. и примеч. к нему. *Шурыгин* Василий Федорович (1896—1965) — смоленский прозаик, автор сборников рассказов и повестей «На большак проселками» (1935), «Батарейцы» (1947), «Семнадцатая весна» (1963), вышедших в Смоленске, и «Октябрьские зарницы» («Московский рабочий», 1969), участник коллективного сб.: С. Курдов, А. Твардовский, В. Шурыгин. На стройке новой деревни. М.— Смоленск, 1930—1931. В 1933 г. Твардовский выступал на обсуждении творчества В. Шурыгина (см. «Наступление», 1933, № 10).

Копия. Архив А. Т.

Ивановой Т. Ф., 5 августа 1964 г. (Стр. 221)

Травкина Инесса Генриховна, начав свое сотрудничество в «НМ» письмом «Гармония внешняя и внутренняя» (1964, № 7), опубликовала затем (в 1965—1969 гг.) на страницах журнала ряд литературно-критических статей и рецензий.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 133.

Жирмунскому В. М., 14 августа 1964 г. (Стр. 222)

Виктор Максимович Жирмунский (1891—1971) — академик АН СССР (1966 г.), автор исследований в области теории стиха, фольклористики, зарубежной и русской филологии, выступал в «НМ» с предисловием к публикации «Уильям Блейк в переводах Маршака» («НМ», 1965, № 6) и со статьей «О творчестве Анны Ахматовой» (1969, № 6).

Копия. Архив А. Т.

Шейко А. И., 25 августа 1964 г. (Стр. 222)

Иванов Леонид Иванович (р. 1914) — сибирский писатель-очеркист; в «НМ» печатались его очерки в период 1959—1969 гг. Мемуарный очерк Л. Иванова «Городские беседы — деревенские проблемы» (см. в сб.: «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978, 1982). *В. Овечкин* — см. примеч. к письмам ему.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 133.

Романову В. П., 6 октября 1964 г. (Стр. 223)

Копия. Архив А. Т.

Уральской средней школе № 532, 11-й «А» класс, 16 ноября 1964 г. (Стр. 224)

Копия. Архив А. Т.

Котлову А. А., 1 февраля 1965 г. (Стр. 224)

См. примеч. к письму от 2 марта 1959 г. По сообщению А. А. Котлова, надпись на памятнике в Луховке сделана та, которую условно предложил Твардовский.

Ксерокопия. Архив А. Т.

Денисенко Г. И., 17 февраля 1965 г. (Стр. 225)

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 161.

Маквею Гордону, 31 марта 1965 г. (Стр. 226)

См. примеч. к письму от 4 февраля 1948 г.

Копия. Архив А. Т.

Гордеевой Л. Н., 31 марта 1965 г. (Стр. 226)

...книжечка, как раз та самая... — «Как был написан «Василий Теркин» (М., «Советская Россия», 1965).

Копия. Архив А. Т.

Блисковскому З. Д., 31 марта 1965 г. (Стр. 227)

Книги, присланные читателем «НМ» З. Д. Блисковским: В. Л. Дедлов. Панорама Сибири (Путевые заметки). СПб.,

1900; Джордж Кеннан. Сибирь, т. I и II. Перевод с немецкого. СПб., 1906. Обе книги с пометками А. Т. хранятся в его библиотеке.

Копия. Архив А. Т.

Несмеянову А. Н., 31 марта 1965 г. (Стр. 227)

Александр Николаевич Несмеянов (1899—1980) — выдающийся ученый-химик, президент АН СССР (1951—1961 гг). Очерк Н. Зыкова (1898—1967) «Дворец науки» («НМ», 1953, № 1) был приурочен к завершению строительства нового здания МГУ.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 161.

Ученикам Токмакской средней школы № 3, 31 марта 1965 г. (Стр. 228)

Копия. Архив А. Т.

Babореко А. К., 18 апреля 1965 г. (Стр. 229)

Александр Кузьмич Бабореко (р. 1913) — литературовед, автор кн. «И. А. Бунин. Материалы для биографии (с 1870 по 1917)». М., 1967. Опубликовал в периодике многие бунинские материалы — биографические и эпистолярные. Вел переписку с В. Н. Муромцевой-Буниной и секретарем И. А. Бунина Л. Ф. Зуровым. Предоставлял имевшиеся у него материалы Твардовскому в пору его работы над вступительной статьей к 9-томному Собранию сочинений И. А. Бунина (М., 1965—1967). См. также примеч. к письму В. В. Шмидт от 13 января 1960 г.

Спасибо за «Арсеньева»... — Роман Бунина «Жизнь Арсеньева» (1930) входит в однотомник: И. А. Бунин. Повести. Рассказы. Воспоминания. М., 1961. *Гослит* (Гослитиздат) — прежнее название (до 1963 г.) изд-ва «Художественная литература».

Ксерокопия передана адресатом в архив А. Т.

Миронову В. Б., 8 июня 1965 г. (Стр. 230)

В письме Герою Советского Союза учителю Вениамину Борисовичу Миронову сообщены сведения о наградах относительно 1965 г. А. Т. Твардовский был награжден тремя орденами Ленина (1939, 1960, 1967), орденом Красной Звезды (1940), орденами Отечественной войны первой и второй степени (1945, 1944), орденом Трудового Красного Знамени (1970), медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За оборону Москвы» и др. Его работа была отмечена Ленинской премией (1961, «За далью — даль»), четырьмя Государственными премиями: за поэмы «Страна Муравия» (1941), «Василий Теркин» (1946), «Дом у дороги» (1947) и за книгу «Из лирики этих лет» (1971).

Непринцев Юрий Михайлович (р. 1909), народный художник СССР (1965), создал картину «Отдых после боя» в 1951 г.

Копия. Архив А. Т.

Коваленко Е. Г., 8 июня 1965 г. (Стр. 230)

Верейский О. Г.— см. примеч. к письму от 29 мая 1961 г. *Баканов* Николай Александрович — военный журналист, сослуживец Твардовского по «Красноармейской правде», поддерживавший с ним дружеские отношения и позже. Отрывок из его воспоминаний («По Минскому на Запад») см. в кн. «Воспоминания об А. Твардовском» (М., 1978).

Копия. Архив А. Т.

Солнышкину П. Т., 25 июня 1965 г. (Стр. 231)

Петр Трофимович Солнышкин — земляк Твардовского, встречался с ним, когда учился в Смоленской совпартшколе. После войны изредка переписывался с А. Т., получал от него книги, фотографии. О Долорес Зильберберг он сообщил следующее. Она училась в 8-м классе Скопинской средней школы, когда осложнение после болезни приковало ее к постели. Девочка стала учиться заочно и в 1958 г., закончив с отличием среднюю школу, была принята на заочное отделение Института иностранных языков. Стихи Д. Зильберберг печатались в районной газете «Ленинское знамя» и областной молодежной газете, а в 1974 г. шесть ее стихотворений были опубликованы в альманахе «Родники» (М., «Молодая гвардия»).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 161.

Пич Еве-Марии, 26 июня 1965 г. (Стр. 231)

Статья Евы Пич в «НМ» не печаталась.

Хемниц — теперь Карл Маркс-Штадт (ГДР). *...нам, советским писателям...*— В составе делегации были К. А. Федин, П. А. Павленко, Н. С. Тихонов, Г. Леонидзе, А. Т. Твардовский. *...я лично очень люблю Т. Манна...* — См. т. 5 (по указателю имен).

Копия. Архив А. Т.

Макарову О. Б., 20 сентября 1965 г. (Стр. 232)

См. письмо Н. Д. Телешову от 9 октября 1947 г.

Копия. Архив А. Т.

Безрукову Л. М., 20 сентября 1965 г. (Стр. 233)

Леонид Михайлович Безруков (р. 1931) — писатель-горьковчанин, в настоящее время член Союза писателей. И в дальнейшем он присылал Твардовскому записи «речевых миниатюр», отразивших своеобразие современного языка колхозной деревни. После выхода книги таких записей (Л. Безруков. Дерево жизни. М., «Современник», 1973) можно судить, верна ли была

сделанная Твардовским характеристика «живой современной народной речи».

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 158.

Тереховой Е. Н., 11 ноября 1965 г. (Стр. 233)

Многолетняя читательница и корреспондентка Твардовского, отзывавшаяся на появление его новых произведений; в данном случае писала о цикле «Из новых стихов» («НМ», 1965, № 9).

Копия. Архив А. Т.

Келдышу М. В., 5 января 1966 г. (Стр. 234)

Мстислав Всеволодович Келдыш (1911—1978) — выдающийся ученый в области математики и механики, президент АН СССР в 1961—1975 гг. Статья Д. И. Менделеева «Какая же академия нужна в России?» напечатана («НМ», 1966, № 12) с предисловием академика Б. М. Кедрова и послесловием Б. С. Мейлаха (см. примеч. к письму от 6 апреля 1962 г.).

Копия. Архив А. Т.

М—р Ц. Г., 21 января 1966 г. (Стр. 234)

По сообщению адресата, анкета не использовалась. Обращение к Твардовскому вызвано желанием узнать его мнение о поэте, чье имя он нередко ставил рядом с Пушкиным, не высказываясь, однако, более подробно.

...анкета К. Чуковского относительно Некрасова... — Впервые печаталась в «Летописи Дома литераторов» (1921, № 3, с. 3). Здесь же приведены ответы А. Ахматовой, А. Блока, А. Белого. В кн. К. Чуковского «Некрасов. Статьи и материалы» (Л., «Кубуч», 1926) имеется раздел, составленный из ответов на анкету. В издании «Чукоккалы» (М., «Искусство». 1979) даны (факсимильно) ответы на анкету Ахматовой, Маяковского, Блока, Волошина. Твардовскому была известна рукописная «Чукоккала», которую ему не раз демонстрировал К. И. Чуковский в Переделкине. Говоря об «открытии Некрасова», Твардовский имел в виду не только анкету, но и статьи Чуковского о Некрасове 1910—1920-х гг.

Копия. Архив А. Т.

Леонидову Л. Д., 21 января 1966 г. (Стр. 235)

Леонид Давыдович Леонидов — русский эмигрант, антрепренер. Знакомство с ним Твардовского относится к «Дням русской поэзии» в Париже (см. примеч. к письму от 3 декабря 1965 г.).

Копия. Архив А. Т.

Чернову Ю. М., 15 февраля 1966 г. (Стр. 236)

Юрий Михайлович Чернов (р. 1924) — поэт, прозаик; автор нескольких сборников стихов, выходивших с 1944 г., и историче-

ских повестей: «Любимый цвет — красный» (1970), «Верное сердце Фрама» (1973), «Земля и звезды» (1975), «Судьба высокая «Авроры» (1980). Встречался на фронте с Твардовским в 1944 и 1945 гг., когда работал в армейской газете «Боевая тревога»; страничку воспоминаний об этих встречах см. в кн. «Воспоминания об А. Твардовском» (М., 1978). «Разумеется, у меня нет и не может быть возражений против публикации письма,— отозвался Ю. М. Чернов на вопрос составителя,— мне кажется, что мысли и замечания, высказанные в этом письме, наверняка будут интересны и полезны не только адресату. Я, например, с благодарностью воспринял замечания Александра Трифоновича, хотя и не все принял безоговорочно».

Копия. Архив А. Т.

Красильщику С. И., 1 марта 1966 г. (Стр. 237)

Семен Иосифович Красильщик (р. 1917) — окончил МИФЛИ двумя годами позже Твардовского. Мысль об увековечении памяти погибших на фронте выпускников МИФЛИ сборником воспоминаний возникла на апрельской встрече в 1964 г. ветеранов, бывших ифлийцев. Они организовали редколлегию, в которую вошли: Д. Самойлов, С. Наровчатов, В. Панков, С. Красильщик, Н. Немиров и С. Львов. Материал для сборника был собран, но сам сборник не издавался (см. подробнее: Сергей Львов. Памяти погибших.— Газ. «Московский университет», 1964, 9 мая, № 31). К. П. Полонская, доцент филологического факультета МГУ, сообщила, что ее муж, Николай Трофимович Дорошевич (р. 1907) был призван в армию в июле 1941 г., направлен в артиллерийско-зенитную школу. Участвовал в обороне Москвы, воевал на Ленинградском фронте. Последнее письмо от него — 28 февраля 1942 г. В извещении о гибели Дорошевича сказано: «Был тяжело ранен и скончался 5 марта 1942 г. Похоронен в лесу, в 500-х метрах северо-западнее с. Воскресенское, Старорусского района». Некоторые сведения о Н. Дорошевиче как редакторе стенгазеты МИФЛИ «Комсомолия» имеются в ст. М. Ашкинезера «Комсомолия» (газ. «Московский комсомолец», 1967, 10 апреля). См. примеч. к письму от 8 марта 1940 г.

Копия. Архив А. Т.

Косолапову В. А., 8 апреля 1966 г. (Стр. 238)

Валерий Алексеевич Косолапов (1910—1982) — в то время директор изд-ва «Художественная литература». 9 февраля 1970 г. решением Секретариата Союза писателей СССР введен в члены редколлегии «НМ», 1 марта того же года принял от Твардовского дела по руководству журналом; в 1970—1974 гг. — главный редактор «НМ». Первое посмертное издание сочинений С. Я. Маршака намечалось его сыном, И. С. Маршаком, в 12-ти томах, т. е.

увеличенное втрое против прижизненного издания. Твардовский опасался, что такое резкое увеличение объема издания снизит его художественные качества. Было принято компромиссное решение: Собрание сочинений С. Я. Маршака издавать в восьми томах (осуществлено в 1968—1972 гг.). В качестве послесловия к т. 5, завершавшему стихотворную часть издания, использована статья Твардовского «О поэзии Маршака» (1951—1967).

Копия. Архив А. Т.

Климовской М. А., 4 июня 1966 г. (Стр. 239)

Ответ студентке Якутского университета. Твардовский не осуществил намерение сопроводить поэму «Теркин на том свете» статьей, подобной его «Ответу читателям «Василия Теркина». Однако вокруг «Теркина на том свете» сгруппировался постепенно ряд его разъяснений, составивший в итоге автокомментарий к этому сочинению (см. «Содержание мнимое и действительное» и «Реплика автора» в т. 5, с. 143—147). Нередки беглые замечания о поэме в письмах Твардовского. См. письма от 5 ноября 1963 г. и от 18 декабря 1963 г.

...человечество, по Марксу, смеясь расстается со своим прошлым... — Из «Введения» к ст. К. Маркса «К критике гегелевской философии права» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1. М.— Л., 1928, с. 403; то же в другом переводе — Соч. Изд. 2-е, т. 1. М., 1955, с. 418). *Спектакль Театра сатиры...* — См. примеч. к письму от 16 ноября 1963 г.

Копия. Архив А. Т.

Быкову В. В., 8 июня 1966 г. (Стр. 239)

Василий Владимирович Быков (р. 1924) — белорусский писатель; с середины 60-х годов регулярно печатался в «НМ»: повести «Мертвым не больно» (1966, № 1, 2); «Атака с ходу» (1968, № 5); «Круглянский мост» (1969, № 3); при Твардовском готовилась к печати опубликованная уже после его ухода повесть В. Быкова «Сотников» (1970, № 5). Твардовский высоко ценил художнический дар В. Быкова и то направление, которое он получал в его книгах. Белорусский писатель оставил запись об одном письме, полученном от Твардовского в трудное для него время (см. сб. «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978).

Ксерокопия. Архив А. Т.

Белову В. И., 9 июня 1966 г. (Стр. 240)

Повесть Василия Ивановича Белова (р. 1933) «Привычное дело» («Север», 1966, № 1) так понравилась Твардовскому и его соредакторам, что одно время обсуждалась мысль о ее перепечатке. Поместив рецензию Е. Дороша «Иван Африканыч» (1966, № 8), «НМ» продолжил обсуждение повести в ст. И. Дедкова

«Страницы деревенской жизни» (1969, № 3). Ранние произведения Белова — повесть «Деревня Бердяйка» (1961) и рассказы, сведенные в сб. «Знойное лето» (Вологда, 1963),— получили сочувственный отклик в рецензии И. Борисовой «День за днем» («НМ», 1964, № 6). В «НМ» опубликованы повесть В. Белова «Плотницкие рассказы» (1968, № 7), рассказ «Мазурик» (1968, № 2) и цикл юмористических миниатюр «Бухтины вологодские (завиральные, в шести темах)» (1969, № 8).

...айтматовское повествование о коне и человеке... — Повесть «Прощай, Гульсары!» («НМ», 1966, № 3) киргизского писателя Чингиза Айтматова (р. 1928), постоянного автора «НМ» (1958—1970 гг.), члена редколлегии журнала с 1967 г.

Копия. Архив А. Т.

Ротту В. А., 9 июня 1966 г. (Стр. 241)

Копия. Архив А. Т.

Петеру Михаю, 13 июня 1966 г. (Стр. 242)

См. письмо от 24 апреля 1963 г. и примеч. к нему. Ст. Петера Михая «О рифме Твардовского (На материале его поэм)» опубликована в «Studia Slavica». Hung. XI, 1965.

Ксерокопия. Архив А. Т.

Работникам починковского Дома культуры, 18 июля 1966 г. (Стр. 242)

К. Воронков.— См. примеч. к письму от 27 мая 1961 г.

Копия. Архив А. Т.

Бушко О. М., 27 июля 1966 г. (Стр. 243)

См. письмо от 1 августа 1959 г. и примеч. к нему. «Хотя это письмо не венчает меня лаврами,— отвечал составителю этого тома О. М. Бушко,— не считаю себя вправе возражать против публикации... Речь идет о моей рукописи, представлявшей попытку прочитать глазами современника бумаги, оставшиеся после участника революции и гражданской войны — Михаила Иосифовича Бушко-Жук, прочитать глазами сына. Результатом этого письма явился серьезный пересмотр рукописи, продолжение работы над ней именно в направлении, указанном А. Т. ...Письма А. Т. были (для меня, по крайней мере) не письмами просто редактора, из которых автор узнавал, пойдет или не пойдет написанное, а письмами, определяющими отношение к творчеству (именно к творчеству, а не только к вещи, о которой идет речь в письме)» (6 мая 1974 г. Архив А. Т.). В газ. «Известия» О. Бушко напечатал свой переработанный очерк «Отцовские строки» (1967, 4 мая), отмеченный известинской премией юбилейного (50-летие Октября) конкурса на лучший очерк (см. «Известия», 1967, 10 ноября).

А. И. Кондратович — см. примеч. к письму Г. Г. Шеину от 8 апреля 1959 г. *«Солдатская правда»* — большевистская газета (апрель 1917 г.— март 1918 г.).

Копия. Архив А. Т.

Островски А., 9 декабря 1966 г. (Стр. 243)

Польское издание поэмы «За далью — даль» в переводе Леопольда Левина вышло в Варшаве в 1966 г.

Марьямов Александр Моисеевич (1909—1972) — прозаик и критик, заведующий отделом публицистики, член редколлегии «НМ» в 1959—1970 гг. Опубликовал на его страницах очерки (1959, № 6, 7, 9; 1964, № 11—12), рассказы (1965, № 2, 10), критические статьи (1962, № 1).

Копия. Архив. А. Т.

Ткаченко И. И., 9 декабря 1966 г. (Стр. 244)

Иван Иванович Ткаченко, руководитель школьной группы «красных следопытов» из с. Новая Калитва Воронежской обл., сообщил составителю: «...Я хотел уточнить судьбу Нади Кутаевой — медсестры, героини освобождения нашего села от гитлеровцев, которая, как уверяли в один голос ветераны боев за Калитву, «была воспета самим Твардовским». Заодно, бывший фронтовой журналист, я предложил редактору «Нового мира» сюжет очерка по истории нашего села. Дело в том, что еще в декабрьском (12) номере журнала за 1929 год был дан обстоятельный очерк А. В. Шестакова (впоследствии известного историка) о контрреволюционной деятельности калитвинской секции «федоровцев», остервенело боровшихся против коллективизации. Современная Калитва, ее бурная история и интереснейшая судьба давали прекраснейшие возможности для яркого публицистического изображения столкновения эпох и судеб... Жаль только, что мне так и не удалось воспользоваться рекомендациями чуткого, заботливого редактора...» (9 мая 1973 г.). Очерк «Надя Кутаева» из книги «Родина и чужбина» см. в т. 4, с. 232.

Черниченко Юрий Дмитриевич (р. 1929) — писатель, очеркист, постоянный автор «НМ» (1964—1969 гг.). См. примеч. к письму В. В. Овечкина от 15 апреля 1965 г. («Север», 1980, № 2). См. также мемуарный очерк Ю. Черниченко об А. Т. в сб. «Воспоминания об А. Твардовском». М., 1982. *И. Зыков.* — См. примеч. к письму от 31 марта 1965 г.

Фотокопия письма прислана И. И. Ткаченко в архив А. Т.

Кипко Ю. В., 9 декабря 1966 г. (Стр. 244)

См. письмо от 7 июля 1970 г. и примеч. к нему.

Михайлов Олег Николаевич (р. 1933) — критик и литературовед, автор нескольких книг, в том числе «Иван Алексеевич Бунин. Очерк творчества» (М., 1967), рецензировавшейся в

«НМ» (1968, № 1); в 1958—1967 гг. выступал в «НМ» как рецензент.

Копия. Архив А. Т.

Базилисскому А. И., 20 декабря 1966 г. (Стр. 245)

Твардовский останавливает внимание читателя на книге генерала А. А. Брусилова (1853—1926) — выдающегося русского полководца, оставившего записки о первой мировой войне «Мои воспоминания». Четвертое издание этой книги (М., 1946) имелось в библиотеке А. Т.

Копия. Архив А. Т.

Бахтину В. С., 11 января 1967 г. (Стр. 246)

Владимир Соломонович Бахтин (р. 1929) — литературовед, автор книги «Александр Прокофьев» (изд. 2-е, М.— Л., 1963), составитель сборников записанных им сказок («Сказки Ленинградской области», 1976) и сборника «Частушки» («Библиотека поэта». Большая серия. М., 1966) с его вступительной статьей и примечаниями. За присылку этой книги благодарит его Твардовский. «Период фабричного массового производства» частушек, в известной мере сказавшийся и на книге, подготовленной В. С. Бахтиным, освещен был в «НМ» в статье Ю. Буртина «О частушках» (1968, № 1). См. примеч. к письму от 5 октября 1958 г. Твардовский говорит о двух вариантах своего предисловия к сочинениям И. Соколова-Микитова: одно предваряло двухтомник (И. Соколов-Микитов. Соч. М., 1959), другим открывалась книга «По морям и лесам» (М., 1964). Замысел ленинградского сборника не был осуществлен.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 214.

Михалевичу А. Ю., 11 января 1967 г. (Стр. 246)

Анатолий Юрьевич Михалевич (р. 1931) — краевед-любитель из г. Канева. Собирал материал о Днепровской военной флотилии, героически погибшей в 1941 г. при обороне Киева и Канева. Позже он сообщил, что получил от М. А. Лифшица некоторые сведения, интересовавшие его.

...очерк об одном геройском старшине... — См.: А. Твардовский. Рассказ боцмана Щербины — газ. «Красная Армия» (Юго-Западный фронт), 28 августа 1941 г. Включен в кн.: А. Твардовский. Проза. Статьи. Письма. М., «Известия», 1974. *Голованивский* Савва Евсеевич (р. 1910) — украинский поэт и драматург. Его стихотворение «Песня о трех и одной» было переведено Твардовским (см. сб. «Гневное слово», М., 1942). *Лифшиц* Михаил Александрович (1905—1983) — философ, искусствовед, литературный критик, известный своими работами в области марксистской эстетики; был близко знаком Твардовскому.

В 1951—1964 гг. опубликовал ряд статей в «НМ», в том числе «В мире эстетики» («НМ», 1964, № 2).

Копия. Архив А. Т.

Кривенко И. С., 22 февраля 1967 г. (Стр. 247)

Иван Степанович Кривенко — командир полка Красной Армии времен гражданской войны, послуживший прообразом красного командира Кирвенко в автобиографической повести Е. Марьенкова «Огонь на Севере» (см. примеч. к следующему письму).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 251.

Марьенкову Е. М., 22 февраля 1967 г. (Стр. 247)

Ефрем Михайлович Марьенков (1898—1977) — писатель, в 1918 г.— боец Красной Армии, после окончания курсов краскомов — командир батальона. С 1925 г. работал в смоленских газетах. Один из первых помог Твардовскому обжиться в Смоленске после переезда из деревни в 1928 г. Об этом времени Марьенков оставил страничку воспоминаний «Чай с солью» (сб. «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978). В конце 20-х годов Марьенков приступает к работе над главной своей книгой — «Записки краскома». В 1937 г. «Записки» были подготовлены к печати в журн. «Знамя», но не вышли в свет, так как автор был в это время репрессирован. После реабилитации и возвращения к своей профессиональной работе Е. М. Марьенков пытался разыскать свою рукопись, но она была утеряна редакцией. Именно это имеет в виду А. Т., когда пишет: «Многотерпеливая его рукопись в иные годы и утрачивалась, и возобновлялась по памяти, и, пробиваясь в свет по частям и отрывкам, не получила того признания, какого по справедливости заслуживала». Возобновив рукопись, Е. М. Марьенков напечатал отдельными изданиями две части своей автобиографической повести: «Детство Алеши Боброва» (Смоленск, 1953; М., 1965), «На земле смоленской» (Смоленск, 1957; М., 1970). Повесть «Огонь на Севере (Записки краскома)» была опубликована в «НМ» (1966, № 11—12) с послесловием Твардовского (см. т. 5); отдельным изданием не выходила; не печаталась в полном виде и трилогия Е. Марьенкова. См. письмо от 11 марта 1969 г.

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 251.

Баруздину С. А., 9 марта 1967 г. (Стр. 247)

Сергей Алексеевич Баруздин (р. 1926) стал главным редактором журн. «Дружба народов» в 1966 г. Здесь были опубликованы некоторые материалы из литературного наследия А. Твардовского: стихи (1973, № 1), подборка писем Твардовского разным корреспондентам (первая публикация; 1973, № 5), переписка

Твардовского с М. В. Исаковским (1976, № 7—9); в серии «Библиотека «Дружбы народов» вышла кн.: А. Твардовский. Проза. Статьи. Письма. М., 1974.

Копия. Архив А. Т.

Жилкину Л. И., 9 марта 1967 г. (Стр. 248)

Очерк о колхозе «Восход» в журнале «Западная область» не обнаружен.

Копия. Архив А. Т.

Блиновой Е. М., 9 марта 1967 г. (Стр. 249)

Елизавета Максимовна Блинова — в 30-е годы редактор Смоленского издательства (Запгиз). В начале 30-х годов школьные учебники выпускались областными издательствами с учетом хозяйственной специфики края. Такой учебник в Западной области выходил в 1933 и 1934 гг. двумя стереотипными изданиями (Л. А. Соколова, Н. М. Оглоблина. Краевая книга для школ Западной области. 1 и 2 год обучения. Стихотворный текст А. Т. Твардовского, иллюстрации худ. Ф. Ф. Лабренца. Допущено Коллегией Наркомпроса РСФСР. Редакция и методическая обработка Блиновой Е. М.). В первый том Собрания сочинений А. Твардовского (пятитомное и шеститомное издания) из «Краевой книги» взяты стихи: «Разлив Днепра» и «Лес осенью». В 1936 г. Е. М. Блинова стала редактором Свердловского ГИЗа. К этому времени относится ее статья «Редактор и писатель», в которой она пишет о таком качестве, необходимом для редактора, как художественное чутье. Один из примеров взят ею из смоленской практики: «А. Твардовский сдал издательству Западной области сборник стихов. Редактор Виницкий сразу увидел, что поэт талантлив. Местные же критики считали, что талант Твардовского «раздувается», и протестовали против издания его книги. На областном съезде писателей в Смоленске критик К. Зелинский дал тон этому хору. Виницкий перенес целый ряд неприятностей, но упорно поддерживал молодого поэта. Недавно Твардовский написал поэму «Страна Муравия», которую критики, в том числе и Зелинский, не могли не признать талантливой» («Лит. газ.», 1936, 10 сентября). Какую книгу Е. М. Блинова присылала Твардовскому, не установлено.

Копия. Архив А. Т.

Исакович И. В., 9 марта 1967 г. (Стр. 249)

Ирина Владимировна Исакович в то время заведовала редакцией «Библиотеки поэта» в Ленинградском отделении изд-ва «Советский писатель». Твардовский был членом редколлегии «Библиотеки поэта» с 1949 г. «Октябрьское письмо» напечатано впервые в газ. «Красная Армия», 1941, 7 ноября; стих. «Отчиз-

не» — впервые в «Правде», 1945, 5 ноября. Оба включались в четырехтомное Собрание сочинений Твардовского (1959—1960); в пятитомное и шеститомное издания вошло лишь стихотворение «Отчизне». В сборнике «Октябрь в советской поэзии» («Библиотека поэта». Большая серия, изд. 2-е, Л., 1967) стоят стихи Твардовского: «Молодость», «О юности», «Дорога дорог» и глава 16-я из поэмы «Страна Муравия».

Копия. Архив А. Т.

Каширину Л. В., 13 марта 1967 г. (Стр. 250)

Леонид Васильевич Каширин (р. 1934) — в то время инженер московского завода «Наука». Окончил заочно Литературный институт им. М. Горького. Опубликовал в газетах и журналах ряд очерков и рассказов. Повесть «Ветка рябины» — о ней идет речь в письме — напечатана в журн. «Голоса молодых» (1966, № 8), издающемся на правах рукописи Литературным институтом. Рассказ Л. Каширина «Таня» напечатан в «НМ» (1971, № 4). «Нужно ли говорить,— писал Каширин составителю,— что означало для меня, рабочего парня, взявшего перо после токарного станка, мнение о моей пробе человека, стоявшего во главе советской литературы... Я верил и знал, что Александр Трифонович если и отругает, то все равно сориентирует, поможет разобраться и в самом себе, и в том, чем я занимаюсь». По признанию Л. Каширина, «короткое письмо Александра Трифоновича было равноценно задаче понять, в чем смысл бытия... Все слышанное о литературе вдруг пошатнулось и заставило крепко задуматься: что писать? Как писать? И вообще, нужно ли то, что ты делал до сего времени?» (9 июня 1976).

Копия. Архив А. Т.

Шинкубе Б. В., 16 марта 1967 г. (Стр. 250)

Баграт Васильевич Шинкуба (р. 1917) — народный поэт Абхазии, в 1958—1978 гг. — председатель Президиума Верховного Совета Абхазской АССР. Переводчик на абхазский язык многих художественных произведений русской и иностранной литературы. Печатался в «НМ»: стихи (1962, № 3), повесть «Чанта приехал» (1969, № 6). Глава из его поэмы «Песнь о скале» — ее анализирует Твардовский — опубликована в «НМ» (1967, № 5). Полностью поэма в переводе Р. Казаковой печаталась в журн. «Дружба народов», 1967, № 9. О дружеских взаимоотношениях Твардовского с Б. Н. Шинкубой и встречах с ним в Абхазии см.: К. Симонов. Таким я его помню (сб. «Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978, с. 345—347).

...завтра вылетаю в Рим... — На сессию Европейского сообщества писателей, посвященную обсуждению программы его рабо-

ты в 1967 г. *...обсуждение журнала на Секретариате Союза* писателей СССР состоялось 15 марта; с отчетом о работе журнала за последние годы выступил главный редактор «НМ» А. Твардовский (см. информацию в «Правде», 1967, 29 марта). *Ч. Айтматов.*— См. примеч. к письму от 9 июня 1966 г. *Дорош* Ефим Яковлевич (1908—1972) — писатель, автор очерковой книги «Деревенский дневник» (1956—1970), печатавшейся главным образом в «НМ». Оценку ее Твардовским см. в его речи на XXII съезде КПСС (т. 5). Член редколлегии и заведующий отделом прозы «НМ» в 1967—1970 гг. *Хитров* Михаил Николаевич (р. 1932) — член редколлегии и ответственный секретарь «НМ» в 1967—1970 гг. *Софья Григорьевна* Караганова.— См. примеч. к письму от 6 августа 1958 г. *Тамара Константиновна* — жена Б. В. Шинкубы.

Ксерокопия, переданная Б. В. Шинкубой в архив А. Т.

Поршневу Б. Ф., 16 марта 1967 г. (Стр. 252)

Борис Федорович Поршнев (1905—1972), доктор исторических и философских наук, рецензировал в «НМ» (1966, № 9) кн. Г. Шторма «Потаенный Радищев». Его собственная книга «Социальная психология и история» (М., 1966) получила в «НМ» положительный отклик (1967, № 1). Статья Поршнева на интригующую тему — о «снежном человеке», написанная на основе многих источников, обладала широкой информативностью, но не содержала безусловных доказательств. Под заглавием «Борьба за троглодитов (К гипотезе о существовании снежного человека)» появилась в журн. «Простор» (1968, № 4—7).

Копия. ЦГАЛИ, ед. хр. 251.

Шевелевой Г., Близнюку А., Виницкому Е., 3 апреля 1967 г. (Стр. 253)

Позже, ознакомившись с набросками «героико-романтической музыкальной комедии», Твардовский обратил внимание авторов на то, что у них «строфы и строки «Теркина» перемежаются репликами в прозе». Не получив явного поощрения от Твардовского, авторы прервали работу, не закончив ее.

Копия. Архив А. Т.

Г — ну А. Б., 13 апреля 1967 г. (Стр. 253)

А. Б. Г—ин обращался к Твардовскому с предложением издать «Биографический словарь деятелей отечественной истории и культуры».

Набоков Владимир Владимирович (1899—1977) — русский писатель-эмигрант, в чьем творчестве изысканность стиля сочеталась с духом элитарности. *Андроников* Ираклий Луарсабович (р. 1908) — автор своеобразных «устных рассказов» и литературо-

ведческих разысканий о Лермонтове и Пушкине, печатался в «НМ»: «Из жизни Остужева» (1959, № 6), статьи (1960, № 2, 11; 1962, № 9). Его кн. «Я хочу рассказать вам...» и «Лермонтов. Исследования и находки» рецензировались в «НМ» (1963, № 3; 1964, № 10). *«Темные аллеи»* — книга рассказов И. А. Бунина (см. его Собр. соч., т. 7. М., 1966).

Копия. Архив А. Т.

Илку Палу, 1 июня 1967 г. (Стр. 255)

Пал Илку — в то время министр культуры Венгерской Народной Республики. 8 мая 1967 г. от него было получено вторичное приглашение на Балатон — озеро и курорт, традиционное место отдыха в стране. «Я всегда с радостью вспоминаю,— писал Пал Илку Твардовскому,— нашу короткую встречу. Надеюсь, что и этим летом нам удастся встретиться и поговорить о наших общих делах». Поездка на Балатон не состоялась. Встречи с венгерскими товарищами были в марте 1967 г., во время поездки Твардовского в Италию (см. примеч. к письму от 16 марта 1967 г.).

Анатоль (Антал) *Гидаш* (1899—1980) — венгерский писатель. В «НМ» печатался его цикл «Стихи разных лет» (1960, № 12), рецензировались книги его стихов (1969, № 12) и прозы (1964, № 7). *...на нашем съезде.*— Четвертый съезд писателей СССР состоялся в мае 1967 г. *Ацел* Дёрдь — секретарь ЦК, член Политбюро Венгерской социалистической рабочей партии.

Черновик. Архив А. Т.

Семье Чмелевых, 2 июня 1967 г. (Стр. 255)

Позже от Чмелевых были получены еще два письма. В одном из них сообщалось, что «крестника» отправили в деревню к бабушке. Когда в 1970 г. Твардовский заболел, переписка прервалась.

Черновик. Архив А. Т.

Курсенко С. А., 15 июня 1967 г. (Стр. 256)

Копия. Архив А. Т.

Веровенко О. В., 9 августа 1967 г. (Стр. 256)

Олег Вячеславович Веровенко, учитель и краевед, заинтересовался судьбой героев стихотворения Твардовского «Отец и сын» («Отец и сын июльским днем...», 1941) — действительными лицами, чьи имена упомянуты в эпиграфе к стихотворению. Веровенко собрал некоторые биографические сведения об Иване Алексеевиче Трутневе — герое гражданской войны, комбриге Первой Конной, и его сыне Алексее, вступивших в строй в первые недели войны, когда отцу было уже за шестьдесят, а сыну только что исполнилось двадцать. Оба не вернулись с войны. Памятник полковнику Трутневу установлен на его мо-

гиле в г. Армавире, под стенами которого он был в последний раз тяжело ранен. Материалы, собранные об отце и сыне Трутневых, О. В. Веровенко опубликовал в газ. «Коммунист» (Саратов) 1 июля 1975 г., № 153.

Черновик. Архив А. Т.

Абрамову Ф. А., 29 августа 1967 г. (Стр. 256)

Федор Александрович Абрамов (1920—1983) начал свое сотрудничество в «НМ» статьей «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954, № 4); вместе с другими критическими выступлениями журнала (В. Померанцев. Об искренности в литературе, 1953, № 12; М. Лифшиц. Дневник Мариэтты Шагинян, 1954, № 2; М. Щеглов. «Русский лес» Леонида Леонова, 1954, № 4) она послужила причиной смещения Твардовского летом 1954 г.; см. «Об ошибках журнала «Новый мир» (Резолюция Президиума СП СССР)». — «Лит. газ.», 1954, 17 августа. Во второй период работы Твардовского в «НМ» здесь были напечатаны роман Ф. Абрамова «Две зимы и три лета», о котором идет речь в письме,— вторая книга тетралогии о Пряслиных (1958—1979), повесть «Пелагея» (1969, № 6), рассказы «Деревянные кони» и «Из рассказов Олены Даниловны» (1970, № 2). Роман Ф. Абрамова «Братья и сестры» (первая книга тетралогии) положительно оценивался в «НМ» (1959, № 4). Вот что сообщил Ф. А. Абрамов составителю: «Письмо это написано Александром Трифоновичем в 1967 г., после чего я еще почти год работал над романом. Александр Трифонович, похоже, остался доволен проделанной мною работой. Во всяком случае, год спустя, когда вторично обсуждали на редколлегии «Две зимы и три лета», с его стороны замечаний не было». Роман печатался в «НМ» в 1968 г., № 1, 2, 3, и в том же году был выдвинут редакцией на соискание Государственной премии СССР (см. «НМ» № 12). Премия была присуждена автору в 1975 г. за первые три книги романа под общим названием «Пряслины».

Копия. Архив А. Т.

Князеву К. А., 18 сентября 1967 г. (Стр. 261)

Константин Андреевич Князев — в то время директор Братской ГЭС им. 50-летия Октября, многолетний корреспондент Твардовского. Знакомство их состоялось на строительстве электростанции в 1956 г. Ст. К. А. Князева «Изобретения и предприимчивость», представляющая наблюдения и предложения хозяйственника, была напечатана в «НМ», 1968, № 4, в разделе «Из редакционной почты». См. письмо от 10 октября 1967 г.

Ксерокопия прислана К. А. Князевым в архив А. Т.

Ласкаржевскому Н. И., 25 сентября 1967 г. (Стр. 261)

Письмо Николая Иосифовича Ласкаржевского — племянника И. А. Бунина, сына Марии Алексеевны Буниной, по мужу Ласкаржевской, Твардовский направил в редакцию «Литературного наследства», сопроводив его следующими своими строками: «...Не могу судить насчет ценности материалов об И. А. Бунине, но, во всяком случае, речь идет о каких-то письмах Бунина, фотоальбоме, полном бунинской иконографии (300 фотографий), хотя допускаю, что там могут быть и вырезки из иллюстрированных журналов и т. п. Словом, не мне вам подсказывать, что старика этого нужно взять на учет (если это уже не сделано), может быть, послать к нему человека в Бобруйск?» По словам Ласкаржевского, семейным альбомом редакция «Литературного наследства» не заинтересовалась. Вместе с некоторыми другими семейными реликвиями альбом был передан Н. И. Ласкаржевским, уроженцем г. Ефремова Тульской обл., местному краеведческому музею.

Макашин С. А. (р. 1906) — литературовед, один из ведущих редакторов сборников «Литературное наследство» с их возникновения в 1931 г. Бунинский, 84-й том (кн. 1, 2) «Литературного наследства» вышел в 1973 г.

Черновик. Архив А. Т.

Чурбакову П. П., 6 октября 1967 г. (Стр. 261)

См. письмо от 27 апреля 1964 г. и примеч. к нему. В переадресованном редакцией «Известий» письме П. П. Чурбакова (от 18 мая 1967 г., архив А. Т.) сообщался вариант рассказа «Печник», в главном известный Твардовскому, но заинтересовавший его некоторыми новыми подробностями. Например, рассказывалось, что ремонтировал печник не голландскую печь, а камин. На вопросы Твардовского П. П. Чурбаков ответил 27 ноября 1967 г.; о себе сообщил, что родился в 1898 г., в Севастополь переехал в 1925 г., по профессии техник-строитель. «До войны укреплял Севастополь, во время войны — оборонял, а с 1946 г. работал по восстановлению города». Знакомство его с печником Бендериным произошло на московском рынке (Болотном). Проданный Бендериным картофель он отвез домой в Хамовники на его санях-розвальнях. Ехали через Красную площадь, где в это время строили Мавзолей Ленина. Оба письма П. П. Чурбакова вместе с читательским письмом В. Ф. Попова, сообщавшего Твардовскому, что эпизод с печником описан М. Зощенко в «Рассказах о Ленине», а также с отдельным изданием стихотворения («Ленин и печник». М., «Детская литература», 1966) были положены Твардовским в отдельную папку. Возможно, он

намеревался вернуться к своему «Ответу читателю», дополнить или уточнить его новыми данными.

Черновик. Архив А. Т.

Князеву К. А., 10 октября 1967 г. (Стр. 262)

См. письмо от 18 сентября 1967 г. и примеч. к нему.

В письме от 27 сентября К. А. Князев сообщал о своем товарище по работе: «Позавчера он нас угостил такими стихами Блока и Вашими, что мы все были изумлены, и я никогда не слышал даже художественного чтения, похожего по воздействию на слушателей, как его чтение (разумеется, на память), и под этим впечатлением пишу Вам. Душой, душой были наполнены Вами написанные стихи».

...Блока — одного из моих любимых поэтов.— См. «О Блоке» в т. 5, с. 23.

Ксерокопия. Архив А. Т.

Кулешову А. А., 28 декабря 1967 г. (Стр. 262)

См. письмо от 1 сентября 1955 г. и примеч. к нему. Сохранилась краткая запись рассказа Кулешова, сделанная Твардовским по свежему следу — во время их совместного пребывания в Барвихе (1964 г., вторая половина марта — первая половина апреля): «Оказывается, он с 11 лет остался сам по себе («один в хате»)... Так мальчик и доучивался в семилетке, «один в хате». Напустил к себе квартирантов-одноклассников, что-то вроде коммуны, а там техникум, стихи в печати...» (21 марта 1964 г.).

Фотокопия. Архив А. Т.

Громову В. А., 8 января 1968 г. (Стр. 263)

Владимир Алексеевич Громов (р. 1929) — критик и литературовед, доцент Орловского педагогического института, кандидат филологических наук, автор ряда статей и книг, главным образом о писателях Орловщины: «Писатели-орловцы» (1961), «Здравствуй, город Тургенева (Литературные очерки Орла)» (1967), «Н. А. Некрасов и писатели-орловцы» (1972) и др. О С. А. Фиксине см. примеч. к письму от 2 марта 1959 г.

Вырезку пересылаю М. В.— М. В. Исаковскому пересылалась ст. В. Громова «От сердца к сердцу» («Орловская правда», 1965, 2 января).

Черновик. Архив А. Т.

Волгиной Т. И., 5 февраля 1968 г. (Стр. 264)

См. письма от 9 января и 15 июня 1941 г. и примеч. к ним.

Ирина — дочь В. А. Твардовской (см. примеч. к письму от 8 июня 1969 г.). *...что-нибудь подходящее для «НМ».* — Произведения Т. И. Волгиной в «НМ» не печатались.

Ксерокопия. Архив А. Т.

Дому книги г. Жуковский, 21 февраля 1968 г. (Стр. 264)

В пригласительном письме Клуба любителей книги при «Доме книги» г. Жуковский Московской области в частности говорилось: «Читатели до сих пор с благодарностью и теплотой вспоминают Ваше посещение г. Жуковский и выступление при обсуждении поэмы «Василий Теркин». Выступление это, возможно зафиксированное в печати, пока не обнаружено, дата его не установлена.

Черновик. Архив А. Т.

Глотову В. И., 21 февраля 1968 г. (Стр. 265)

Василий Иванович Глотов (р. 1911) — поэт, фронтовой товарищ Твардовского. Печататься стал во время войны. По возвращении с фронта работал в одной из газет г. Львова. В 1980 г. выпустил сборник прозы («Встречи. Фронтовой дневник, очерки». Львов, «Каменяр»). В книгу входят воспоминания автора о Твардовском «Поэт на фронте», с некоторыми сокращениями печатавшиеся в сб.: «Воспоминания об А. Твардовском», 1978. Дважды опубликовал стихи в «НМ»: 1950, № 9, 1968, № 7. Переписки как таковой между Твардовским и В. И. Глотовым не было. Книга с дарственной надписью, изредка — встреча, но главное — «фронтовая память» поддерживали их отношения. Настоящее короткое письмецо — на открытке-оттиске портрета Василия Теркина работы О. Верейского. Известно, что именно В. И. Глотов служил натурой художнику для образа героя «Книги про бойца». Твардовский рекомендовал изд-ву «Советский писатель» сборник стихов В. Глотова «Пути и думы» (1961). Копия отзыва о рукописи — ЦГАЛИ, ед. хр. 63. На второе издание сборника (1962) он отозвался короткой рецензией в «НМ», подписанной «А. Т.» (1966, № 8). О существовании еще одного письма В. И. Глотову сообщила Р. Минкина — сотрудница Смоленского краеведческого музея, которому В. И. Глотов передал книгу «Василий Теркин» с дарственной надписью автора, его фотографии и письмо 1968 г. (январское, дата не указана) следующего содержания:

«Дорогой Василий Иванович!

Отобрал три маленьких стихотворения для «НМ» (№ 2). Надеюсь провести их через редколлегию: когда речь идет о рукописях моих друзей, естественно, я воздерживаюсь от преро-

гатив главного редактора. Что будет нового — присылай. Обнимаю тебя. Твой *Твардовский*» («Рабочий путь», 1974, 20 апреля). В письме идет речь о второй публикации В. И. Глотова в «НМ».

Ксерокопия. Передана В. И. Глотовым в архив А. Т.

Тимшину А. Т., 28 марта 1968 г. (Стр. 265)

Алексей Трофимович Тимшин — в то время заведующий отделом культуры и быта газ. «Социалистическая Якутия». Один из составителей сб. «Якутские друзья А. М. Горького» (Якутск, 1970), подготовлявшегося тогда к печати. Сборник целиком посвящался известному в Якутии общественному деятелю — «полурусскому-полуякуту» А. А. Семенову. Он и его жена Н. П. Семенова в течение многих лет переписывались и имели дружеские отношения с семьей А. М. Горького. В 1960 г. «Новый мир» (№ 11) дал публикацию о Семеновых, подготовленную научным сотрудником Архива А. М. Горького И. В. Дистлер. Эта публикация, включавшая очерк А. М. Горького «О единице», очерк А. Семенова «На Капри у Горького» и переписку Горького с Семеновым, целиком вошла в якутский сборник, а И. В. Дистлер стала вторым его составителем. По-видимому, ей принадлежало и предисловие, подписать которое отказался Твардовский.

Копия. Архив А. Т.

Соловьеву Г. А., 8 апреля 1968 г. (Стр. 266)

Соловьев Геннадий Арсентьевич (р. 1918) — литературовед, в то время заведующий редакцией литературоведения и критики изд-ва «Художественная литература».

Елена Феликсовна Усиевич (1893—1968) — дочь польского революционера Ф. Кона, член Коммунистической партии с 1915 г., литературный критик. Ей принадлежат работы об А. М. Горьком, В. Маяковском, о современной советской литературе, в том числе одна из первых статей о поэме «Страна Муравия» («Литературное обозрение», 1936, № 19). Елену Феликсовну Твардовский знал лично в течение многих лет. Он был председателем Комиссии по литературному наследию Е. Ф. Усиевич. Аналогичное письмо было направлено Твардовским изд-ву «Советский писатель». Подготовленные сборники избранных работ Е. Усиевич, отредактированные М. А. Лифшицем (см. примеч. к письму от 11 января 1967 г.) и просмотренные Комиссией по литературному наследию, пока не изданы.

Черновик. Архив А. Т.

Белику А. П., 9 апреля 1968 г. (Стр. 266)

Александр Петрович Белик — критик и литературовед, доктор философских наук, профессор, автор ряда книг и статей, в том

числе ст. «О некоторых ошибках в литературоведении» («Октябрь», 1950, № 2), критиковавшейся в печати (см. «Правда», 1950, 30 марта) за излишне прямолинейное понимание ленинского лозунга «Долой литераторов беспартийных!».

Лебедев Александр Александрович (р. 1928) — критик, литературовед, в 60-е годы напечатавший в «НМ» ряд статей (1962, № 3; 1964, № 11) и рецензий. В ст. «Судьба великого наследия («НМ», 1967, № 12) он, в частности, подвергал критике ст. А. Белика «Н. Г. Чернышевский о красоте в действительности» (в сб. «Из истории эстетической мысли нового времени», М., 1951) и его кн. «Эстетика Чернышевского» (М., 1961).

Копия. Архив А. Т.

Исакович И. В., 12 апреля 1968 г. (Стр. 267)

См. письмо от 9 марта 1967 г. и примеч. к нему. Двухтомная антология «Советская поэзия 20—30-х годов» вышла в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1970).

Паперный Зиновий Самойлович (р. 1919) — критик, литературовед, выступавший в «НМ» со статьями и рецензиями; автор ст. «Поэтическое слово у Твардовского» («Вопросы литературы», 1979, № 7); ст. «Две беседы» («Воспоминания об А. Твардовском». М., 1982). *Алтаузен* Джек (1907—1942) — поэт, погиб в бою под Харьковом. *...что делается с Мандельштамом?* — См. письмо от 13 января 1961 г. и «внутреннюю» рецензию (1967) в т. 5, с. 296.

Копия. Архив А. Т.

Кунину В. В., 19 апреля 1968 г. (Стр. 267)

Владимир Владимирович Кунин (р. 1927) — писатель-ленинградец, автор повести «Хроника пикирующего бомбардировщика», послужившей основой сценария одноименного фильма; автор сборников рассказов, в том числе и сб. «Лицо одушевленное» (1969), в который вошла повесть «Очень длинная неделя» («Неделя очень длинных дней»), в периодической печати не публиковавшаяся.

И. А. Сац. — См. примеч. к письму от 15 декабря 1957 г.

Черновик. Архив А. Т.

Каплану Б. С., 19 апреля 1968 г. (Стр. 268)

См. письмо от 10 июля 1968 г.

Копия. Архив А. Т.

Сиводедову Г. Т., 27 апреля 1968 г. (Стр. 268)

См. письмо от 7 апреля 1955 г. и примеч. к нему. Настоящее письмо в известной мере способствовало ошибке, допущенной Г. Т. Сиводедовым в заметке, опубликованной в «Литератур-

ной России» (1973, 27 июля). Отзываясь о биобиблиографическом справочнике И. Т. Трофимова «Писатели Смоленщины» (см. примеч. к письмам от 17 октября 1958 г. и 22 октября 1969 г.), Г. Т. Сиводедов довольно категорично заявил: «Довожу до сведения И. Т. Трофимова, что «Новая изба» не появилась в «Смоленской деревне» ни в 1924 г., ни позднее. Удостоверившись в этом, я в свое время обратился за разъяснением к Твардовскому». Далее он приводил письмо Твардовского от 27 апреля 1968 г. и делал вывод, что первой поэтической публикацией А. Т. было его стихотворение «Селькор» в «Смоленской деревне» за 3 января 1926 г. Ошибка была исправлена в № 36 «Литературной России». Сам Твардовский делает верную ссылку на первую публикацию стих. «Новая изба» («Крестьянская газета», 1925, 19 июля) в «Автобиографии» (т. 1, с. 22).

Подлинник. Архив А. Т.

Бреденко К. Е., 21 мая 1968 г. (Стр. 270)

Рукопись К. Е. Бреденко не обнаружена.

Черновик. Архив А. Т.

Яшину А. Я., 25 мая 1968 г. (Стр. 270)

Александр Яковлевич Яшин (1913—1968) сотрудничал в «НМ» как поэт и прозаик. Здесь он напечатал стихи (1951, № 11; 1958, № 9; 1962, № 7; 1963, № 3; 1964, № 6; 1968, № 1), очерковую повесть «Вологодская свадьба» (1962, № 12), рассказ «Угощаю рябиной» (1965, № 6); посмертно был опубликован цикл лирических миниатюр «Сладкий остров» (1969, № 12) с предисловием В. Белова. В «НМ» рецензировались книги стихов Яшина «Босиком по земле» (1966, № 2), «Бессонница» и «День творенья» (1969, № 10). Настоящее письмо Твардовского вошло в публикацию дневниковых записей А. Яшина «Бобришный угор» («Октябрь», 1980, № 1, 2), где неоднократно упоминается имя Твардовского и журн. «НМ». Вот одна из записей 1958 г.: «Был у Твардовского. Из 20 штук он выбрал 11 стихотворений. Нужна правка» («Октябрь», № 1, с. 155). Твардовский ценил творчество А. Яшина, быть может ставя его прозу несколько выше его стихов. «Отличный, полный поэзии очерк «Вологодская свадьба»,— отозвался он об этой вещи (см. «Правда», 1963, 12 мая, интервью Г. Шапиро).

Симонов К. М.— См. письма от 11 марта 1944 г., 26 сентября 1958 г. *Левитанский* Юрий Давыдович (р. 1922) — поэт, переводчик, сотрудничал в «НМ» (1959—1969 гг.).

Печатается по журнальной публикации.

Членам клуба «Юные коммунары», 11 июня 1968 г. (Стр. 271)

Копия. Архив А. Т.

Каплану Б. С., 10 июля 1968 г. (Стр. 271)

См. письмо от 19 апреля 1968 г. Подготовленная для исполнения на радио Б. С. Капланом инсценировка поэмы «Страна Муравия» вызвала резкий протест Твардовского вследствие перестройки текста и нарушения стихового строя произведения.

Копия. Архив А. Т.

Ермолаевой Л. И., Шушковскому Ю., 15 июля 1968 г. (Стр. 271)

«Документация» о «Далях»... — Предположительно афиша или извещение о постановке в омском Дворце нефтяников инсценированной поэмы «За далью — даль».

Копия. Архив А. Т.

Паустовской Т. А., 6 августа 1968 г. (Стр. 272)

См. примеч. к письму от 26 ноября 1958 г.

Копия. Архив А. Т.

Сытникову, 6 сентября 1968 г. (Стр. 272)

Костомаров Виталий Григорьевич (р. 1930) — директор Института русского языка им. А. С. Пушкина, Генеральный секретарь МАПРЯЛ.

Черновик. Архив А. Т.

Смоленскому обкому КПСС. Телеграмма, 27 сентября 1968 г. (Стр. 273)

Черновик. Архив А. Т.

Дементьеву А. Г., 17 октября 1968 г. (Стр. 273)

См. письмо от 5 августа 1962 г. и примеч. к нему.

...статья-то уже и в «НМ» напечатана так, и в первом томе Исаковского. — Соответственно имеются в виду: «НМ», 1967, № 8; М. Исаковский. Собрание сочинений в четырех томах. Вступительная статья А. Твардовского (М., 1968). *...не забывай захаживать в редакцию...* — А. Г. Дементьев в это время уже не работал в «НМ», но печатался в журнале и продолжал интересоваться его делами. *Лидия Гавриловна* — жена Дементьева.

Ксерокопия передана адресатом в архив А. Т.

Сиверскому Ю. И., 26 ноября 1968 г. (Стр. 274)

Эм. Казакевич — см. примеч. к письму от 5 февраля 1959 г. *Бакланов* Григорий Яковлевич (р. 1923) — писатель, одна из его военных повестей «Пядь земли» опубликована в «НМ» (1959, № 5, 6). Автор статьи «Заполненный товарищами берег...». «Книга про бойца» — книга о народе» («Литературная газета», 1967, 18 октября) и мемуарного очерка «Остановить мгновенье» в сб. «Воспоминания об А. Твардовском». М., 1978, 1982. *Быков В. В.* — см. письмо от 8 июня 1966 г. и примеч. к нему.

Черновик. Архив А. Т.

Мадзигон Т., 26 ноября 1968 г. (Стр. 274)

Поэтесса Т. М. Мадзигон в то время руководила студенческим литературным объединением при Казахском университете. В № 11 «НМ» за 1968 г. стихи Твардовского не печатались; цикл «Из новых стихотворений» был помещен в № 1 за 1969 г.

Черновик. Архив А. Т.

Колодиной Л., 18 декабря 1968 г. (Стр. 275)

Люда Колодина — в то время ученица и член краеведческого отряда 22-й школы г. Николаева (обл.), изучавшая историю сформированного в Николаеве 38-го комсомольского инженерно-саперного полка, солдатом которого был Иван Громак, герой одноименного стихотворения Твардовского (см. т. 2, с. 101),— спрашивала: «Где и как Вы познакомились с Громаком... или от кого Вы узнали о нем и при каких обстоятельствах?» За последние несколько лет найдены новые материалы об Иване Громаке. Он вернулся с войны, хотя дважды его родные получали извещения («похоронки») о его гибели, тяжелые ранения надолго выводили его из строя. В 1946 г. Ивану Громаку вручили сразу шесть боевых наград — орденов и медалей,— среди которых был орден Красного Знамени за смоленский бой, описанный Твардовским в стихах. О боевом эпизоде на высоте 244,3 под Смоленском (а точнее, у Ельни) сообщает корреспондент газ. «Советский патриот» Н. Клименко, беседовавший с И. Г. Громаком. Выяснилось, что немецкая дивизия, удерживавшая высоту, была той самой 197-й пехотной дивизией, солдаты которой казнили Зою Космодемьянскую. В планшете офицера, убитого Громаком, были обнаружены снимки казни Зои. Сам Громак, тяжело раненный в этом бою, узнал об этом лишь после войны. В последние годы И. Г. Громак работал инспектором Госстраха в г. Приморске (Запорожская обл.). Документы и материалы о нем вошли в экспозицию местного краеведческого музея. Подробнее об Иване Громаке см.: Валерий Громак. «Похоронен был дважды заживо» («Комсомольская правда», 1975, 27 июля); В. Худый. Иван Громак в дни войны и в дни мира («Советская культура», 1975, 29 июля); Н. Клименко. Поэтом воспетый («Советский патриот», Москва, 1977, 1 мая).

Черновик. Архив А. Т.

Ерошенкову Г. Г., 18 декабря 1968 г. (Стр. 275)

Г. Г. Ерошенков писал Твардовскому: «Уделите, пожалуйста, внимание моей поэме «Ляхово». Ведь это Ваши родные места. Возможно, Вы не знаете еще о ляховской трагедии. Что там произошло — вспомнить страшно». Эпиграфом к поэме стояло

следующее сообщение: «В апреле 1942 г. гитлеровские захватчики и их прислужники — изменники Родины, сожгли в деревне Ляхово Смоленской области все население. В огне погибло 44 грудных ребенка, 48 детей начального школьного возраста, 28 подростков, старики, женщины. Из 264 жителей деревни спаслось только двое: трехлетний ребенок, выброшенный матерью в кусты, и женщина, сумевшая выпрыгнуть из горящего здания через окно» (16 декабря 1968 г., архив А. Т.). В школе с. Ляхово (в 4—5 км от Загорья) Твардовский учился в 1920—1921 гг.

Черновик. Архив А. Т.

Петрову Е. А., 18 декабря 1968 г. (Стр. 276)

Евгений Александрович Петров — в то время директор изд-ва «Советская Россия». Книга В. Овечкина «Гости в Стукачах» вышла в серии «Земля родная» («Советская Россия», 1972). Составитель и автор предисловия М. М. Колосов.

Копия. Архив А. Т.

Кожовой О. М., 20 декабря 1968 г. (Стр. 277)

Ольга Михайловна Кожова — дочь М. М. Кожова (см. письма от 28 ноября 1958 г., 16 января 1959 г. и примеч. к ним).

Копия. Архив А. Т.

Ученикам 7-го «В» класса Поршурской средней школы, 26 декабря 1968 г. (Стр. 277)

Черновик. Архив А. Т.

Арутюняну А. О., 26 декабря 1968 г. (Стр. 278)

Ашот Осипович Арутюнян, доктор исторических наук, в то время начальник Архивного управления при Совете Министров Армянской ССР, обращаясь с просьбой к Твардовскому написать статью для сборника памяти адмирала И. С. Исакова (см. письмо от 8—13 декабря 1961 г.), пояснил: «...Мы гордимся своим земляком. Все, что им сделано для науки и флота, после тяжелого ранения и сверхчеловеческих мучений,— достойно восхищения... По предложению нашего уважаемого президента Академии наук Армянской ССР В. А. Амбарцумяна, у нас создается коллекция трудов и переписки И. С. Исакова, избранного почетным членом Академии. Одновременно мы готовим сборник документов и воспоминаний. Сборник будет издан к 75-летию со дня рождения И. С. Исакова под редакцией Амбарцумяна» (15 октября 1968 г., архив А. Т.).

...готовит к опубликованию дневники...— Записки И. Исакова «Каспий, 1920 год. Из дневника командира «Деятельного» были напечатаны в «НМ» в 1970 г. (№ 7, 8), уже при новой редколлегии. Книга «Адмирал флота Советского Союза Иван Степанович Исаков. Сборник документов и материалов», составители А. О. Арутюнян и О. С. Баликян, вышла в Ереване в 1975 г.

Черновик. Архив А. Т.

Поздняковой Г. И., 29 декабря 1968 г. (Стр. 278)

Генриэтта Ивановна Позднякова (р. 1929) — кандидат педагогических наук, в то время заведующая кафедрой детской литературы Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской. Автор ряда статей по вопросам детской и юношеской литературы (см. сб-ки «О литературе для детей» (М., 1975—1977). Г. И. Позднякова обращалась к Твардовскому в период работы над книгой очерков истории советской Ленинианы для детей и юношества (Г. Позднякова. Войти в мир Ленина. Л., 1973). В частности, здесь она проводила параллели между произведениями Твардовского начала 50-х годов («Жестокая память», «Их памяти», «Сыну погибшего воина», «Памяти Ленина») и поэмой «За далью — даль», рассматривая эти стихи как этюды к поэме.

Черновик. Архив А. Т.

Зеленину П. Т., 30 декабря 1968 г. (Стр. 279)

Петр Тимофеевич Зеленин — рабочий железорудного комбината (Керчь). «Вам пишет,— обращался он к Твардовскому,— брат Вашего однополчанина — Зеленина Ивана Тимофеевича, который участвовал вместе с Вами в боях в направлении населенного пункта Борки, в котором три раза подрывали белую церковь как ориентир немецкой артиллерии... Вы тогда пришли в 3-й взвод на пополнение и были на охране фугаса... Брат мой желает с Вами переписываться и даже встретиться...» (28 октября 1968 г., архив А. Т.).

Черновик. Архив А. Т.

Котлову А. А., 30 декабря 1968 г. (Стр. 279)

См. письма от 2 марта 1959 г. и 1 февраля 1965 г. Вот что ответил А. А. Котлов: «Статью прочитал дважды. Работа очень яркая, проблемная и нужная... Желание автора не исчерпывается только тем, чтобы произнести справедливый приговор отдельным докучным книжкам, так называемой «школьной эстетики»... Его беспокоит не один ложный шаг в современной педагогике, шаг к «ханжеству», «лицемерию», ощутимо беспокойство за то, чтобы воспитание в школе не превратилось в «насилие убеждением». Одновременно А. А. Котлов отмечал другое: «Большинство изданий по «школьной эстетике», критикуемых автором статьи, общеизвестно, но «директивную силу», как нам кажется, для самостоятельного директора школы, школьного инспектора, опытного учителя, они, к счастью, утеряли». Статья А. Лебедева (см. примеч. к письму от 9 апреля 1968 г.) не появилась в «НМ».

Ксерокопия. Архив А. Т.

Семенову Николаю, ‹1968 г.› (Стр. 280)

Профессор Симеон Стоянов Русакиев (р. 1910) — болгарский

литературовед, с 1967 г. заведующий кафедрой русской филологии Софийского университета, автор книг о В. В. Маяковском, Т. Г. Шевченко и др.

Черновик. Архив А. Т.

Симановичу Л. Г., 2 января 1969 г. (Стр. 280)

В ответном письме Леонид Георгиевич Симанович сообщил о себе: «Февральскую и Великую социалистическую революции,— пишет он,— мне довелось встретить в тогдашнем Петербурге. Единственный раз мне посчастливилось встретиться с Владимиром Ильичем и дважды с председателем воентройки Петроградского Совета Подвойским. Примерно в мае 1920 г. я был направлен на Западный польский фронт для борьбы с уланами пана Пилсудского. Как известно, Западным фронтом тогда командовал маршал Советского Союза М. Тухачевский... Я около четырех месяцев был вторым адъютантом Тухачевского» (12 января 1969 г., архив А. Т.). История «бунинской открытки», представляющей собой оттиск портрета Ив. Бунина с текстом письма Н. Д. Телешову на обороте, в изложении Л. Г. Симановича такова: «Являясь большим почитателем замечательного таланта Бунина, я еще в 1951 г. получил ее (открытку) в дар от известного таджикского поэта Мирзо Турсун-заде (я в те времена жил в Сталинабаде), хранил этот портрет Бунина 17 лет. И вот однажды, просматривая свои старые папки, обнаружил этот до известной степени исторический документ. И решил отправить его Вам на добрую память». Текст открытки И. А. Бунина: «15 сентября 1947 г. Нынче получил твое письмо от 7 сентября, дорогой Николай Дмитриевич, рад, что оно такое бодрое, счастливое! На днях писал тебе, с каким *редким* удовольствием прочел книгу Твардовского «Василий Теркин»; забыл прибавить, что недавно восхищен был еще одним рассказом К. Паустовского «Корчма на Брагинке». Сейчас пишу тебе на портрете старика Ив. Бунина, который вместе с Верой Николаевной от всей души обнимает тебя. *Ив. Бунин*» (опубликовано в журн. «Исторический архив», 1962, № 2); см. письмо от 9 октября 1947 г.

Копия. Архив А. Т.

«Красным следопытам», 21 января 1969 г. (Стр. 281)

По-видимому, «Красным следопытам» — ученикам 4-го класса «А» 232-й школы г. Ленинграда — были посланы страницы о Герое Советского Союза Григории Пулькине из уже подготовленного к публикации дневника Твардовского «С Карельского перешейка» («НМ», 1969, № 2; см. также т. 4, с. 194—196). Стихотворение «Григорий Пулькин» см. в т. 2, с. 9.

Черновик. Архив А. Т.

Тарасову А. Ф., 4 марта 1969 г. (Стр. 281)

Анатолий Федорович Тарасов — в то время директор Музея-усадьбы Н. А. Некрасова «Карабиха». Автор книги «Некрасов в Карабихе» (Ярославль, 1977). В письмо А. Т. вкралась ошибка: «заветная книга», хранившаяся у него,— 1914 г. издания и, наоборот, два тома Некрасова, подаренные Карабихе,— издания 1909 г. Позже, посылая в дар музею двухтомник Некрасова, А. Т. сопроводил книги точным пояснением: «Первый том этого издания совершенно соответствует (портрет, факсимиле, печать, буквицы и проч.) описанному мной в заметке «Заветная книга», только год издания здесь не 1914, а 1909». Заметка о некрасовском томе была опубликована к 75-летию со дня смерти Некрасова в газ. «Пионерская правда» (1953, № 3) под заглавием «Дорогая книга». Включена в т. 5 под заглавием «Заветная книга». Обмен письмами между А. Ф. Тарасовым и Твардовским по поводу его студенческой работы о «Кому на Руси жить хорошо» начался несколькими годами раньше. Твардовский не решался отдать работу музею. В 1966 г. он писал А. Ф. Тарасову: «Моя студенческая работа о Некрасове (о «Кому на Руси...») не была опубликована. Я ее читал (вернее, излагал по недостатку времени) на некрасовской сессии в ИФЛИ. Интереса она, честно говоря, сейчас не представляет никакого» (9 декабря 1966 г.). В 1969 г., посылая свой студенческий доклад в Карабиху (сам он выехать не мог), Твардовский писал: «Высылаю Вам рукопись моей студенческой работы о некрасовской поэме «Кому на Руси...». Рукопись правленая, и она у меня в единственном экземпляре. Может быть, Вы вернете ее по миновании в надобности, хотя, конечно, она не имеет никакого значения в научном смысле,— школярская работа, с простительной для школяра претензией на нечто» (23 декабря 1969 г., архив А. Т.). Последовало письмо А. Ф. Тарасова: «С самой искренней, сердечной благодарностью возвращаем Вам перепечатанный машинисткой текст Вашей студенческой работы о «Кому на Руси жить хорошо». Подлинник работы с Вашими правками мы убедительно просим Вас разрешить оставить в музее: он будет включен в экспозицию заключительного зала литературного отдела» (20 марта 1970 г., архив А. Т.). По многим причинам Твардовский не мог тогда сразу ответить А. Ф. Тарасову. А через некоторое время заболел. Работа его осталась в Карабихе. Теперь большая часть ее опубликована в сб. «О Некрасове». Статьи и материалы. Вып. IV. Ярославль, 1975. Публикация А. Ф. Тарасова.

Копия. Архив А. Т.

Марьенкову Е. М., 11 марта 1969 г. (Стр. 282)

См. письмо от 22 февраля 1967 г. Присланный Е. М. Марьенковым фрагмент из той части «Записок краскома», которая не печаталась в «НМ» («На станции Лелеквинской». Очерк), сохранился в архиве А. Т. с пометкой: «Часть чего-то не то напечатанного, не то подготовленного. Во всяком случае, я это читаю не в первый и даже не во второй раз. А. Т.»

Подлинник, переданный Е. М. Марьенковым в архив А. Т.

Манаеву А. М., 17 марта 1969 г. (Стр. 283)

Письмо А. М. Манаева автобиографического характера опубликовано в кн.: А. Твардовский. Василий Теркин... Письма читателей... Там же, вместо комментария, приведен ответ Твардовского. Книга, посланная адресату: П. Ф. Рощин. Александр Твардовский. М., «Просвещение», 1966 г.

Черновик. Архив А. Т.

Бубновой В. Д., 27 марта 1969 г. (Стр. 283)

Варвара Дмитриевна Бубнова (р. 1886) — заслуженный художник Грузинской ССР, заслуженный деятель искусств Абхазской АССР. Училась в Петербургской Академии художеств, была членом петербургского товарищества художников «Союз молодежи», участница отечественных и зарубежных (Япония, Франция, Америка) выставок. В 1958 г., после 36 лет, прожитых в Японии, вернулась в Советский Союз. Отдыхая в 1968 г. в Сухуми, Твардовский познакомился с В. Д. Бубновой и ее работами. Большая жизнь художницы заинтересовала его, и он посоветовал ей сделать записи о пережитом. В письме А. Т. выражает впечатление о начале ее записок. В. Д. Бубновой посвящена статья Б. Холопова «Светло и глубоко» (журн. «Дружба народов», 1976, № 6), иллюстрированная несколькими репродукциями ее работ. См. письмо от 28 октября 1969 г.

Ксерокопия, переданная адресатом в архив А. Т.

Хахалину Л. А., 8 июня 1969 г. (Стр. 284)

См. письмо от 24 ноября 1951 г. Записки Л. Хахалина «Сто трудных дней» напечатаны в сб. «Журналисты на войне», кн. 2. М., Воениздат, 1974. Автор пишет о боях на Смоленщине и работе в «Красноармейской правде». В записки включен и эпизод, который, возможно, послужил одним из сюжетных источников главы «Кто стрелял?» в «Книге про бойца»: «...Справа показались два «юнкерса». Они, видимо, отбомбились и на бреющем полете уходили от зенитного огня... Над нашими головами с ревом промчался первый «юнкерс». Когда приблизился второй, я крикнул: «Стреляйте!» Пять или шесть винтовок вскинулись вверх. Залп получился дружный. Не знаю, может быть, «юнкерс» уже подбили зенитки, но что было, то было. Сразу после на-

шего залпа бомбардировщик как-то завалился в воздухе, сделал «козла» и вдруг рухнул, выбросив в безоблачное голубое небо столб пыли и дыма» (с. 81). Случай этот не был тайной для Твардовского: это подтверждает его шутливый намек.

...две дочери, два зятя, два внука. — У старшей дочери А. Т., Валентины Александровны Твардовской (р. 1931), тогда кандидата, ныне доктора исторических наук, и ее мужа, инженера А. Н. Рубштейна, двое детей: сын Андрей и дочь Ирина; младшая, Ольга Александровна Твардовская (р. 1941), и ее муж В. А. Макушенко, оба театральные художники, имеют сына Алексея. *Орест Верейский* — см. примеч. к письму от 29 мая 1961 г.

Ксерокопия. Архив А. Т.

Кулиеву Кайсыну, 1 июля 1969 г. (Стр. 285)

Кайсын Шуваевич Кулиев (р. 1917) — балкарский поэт, автор многих поэтических сборников, был в дружеских отношениях с Твардовским. В 60-е годы его стихи, отмеченные, по характеристике Твардовского, «светлой и глубокой поэтической мыслью, изяществом традиционной и вместе смелой новаторской формы» («По случаю юбилея», «НМ», 1965, № 1), постоянно печатались в «НМ» (1961, № 12; 1963, № 10; 1964, № 2, 6; 1965, № 1, 10; 1966, № 1, 11; 1967, № 6, 9, 10; 1968, № 7; 1969, № 4; 1970, № 2). Критика «НМ» высоко оценивала творчество поэта (см. 1962, № 10; 1965, № 2). Воспоминания К. Кулиева о Твардовском «Быть самим собой» см. в «Дне поэзии. 1972» и под заглавием «Слово прощания» в сб. «Воспоминания об А. Твардовском» (М., 1978).

Христозов Николай — болгарский поэт, переводчик, в то время заместитель главного редактора журн. «Обзор».

Черновик. Архив А. Т.

Панкину Б. Д., 17 сентября 1969 г. (Стр. 285)

Борис Дмитриевич Панкин (р. 1931) — критик, в то время редактор газ. «Комсомольская правда»; под рубрикой «Обсуждаем произведения, выдвинутые на соискание Государственной премии СССР» опубликовал в «Комсомольской правде» (1969, 14 сентября) ст. «Живут Пряслины!» о романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» (см. письмо от 29 августа 1967 г. и примеч. к нему). Ему же принадлежит статья о Ф. Абрамове в Краткой Литературной энциклопедии, т. 9, М., 1978.

...предпочитая «филевскую прозу». — «Филевская проза» — название первой главы статьи Натальи Ильиной «Литература и массовый тираж (О некоторых выпусках «Роман-газеты»)» («НМ», 1969, № 1).

Копия. Архив А. Т.

Васильеву Н. Ф., 27 сентября 1969 г. (Стр. 286)

Николай Федорович Васильев (р. 1916) — в то время первый секретарь Белгородского обкома КПСС. Очерк Г. Лисичкина «Смелые решения» («НМ», 1968, № 9) рассказывал о преобразованиях в экономике колхозов Белгородчины и той поддержке, которую оказывал колхозам обком. От Н. Ф. Васильева было получено согласие выступить в журнале; он писал: «...пользуясь случаем, я очень благодарю Вас и Ваш коллектив за внимание и интерес, которые журнал проявляет к нашей работе по перестройке сельскохозяйственного производства и, в частности, по переводу животноводства на индустриальную основу» (3 октября 1969 г., архив А. Т.). Статья Н. Ф. Васильева намечалась в один из весенних номеров «НМ» (см. письмо от 23 октября 1969 г.).

Лисичкин Геннадий Степанович (р. 1929) — экономист, социолог, писатель-очеркист, в середине 60-х годов экономический обозреватель газ. «Правда», был в 1965—1970 гг. одним из основных авторов «НМ» по экономическим, в том числе аграрным вопросам.

Копия. Архив А. Т.

Ситникову В. И., 3 октября 1969 г. (Стр. 287)

Копия. Архив А. Т.

Трофимову И. Т., 22 октября 1969 г. (Стр. 287)

См. письмо от 17 октября 1958 г. И. Т. Трофимов готовил 2-е издание справочника «Писатели Смоленщины» (М., 1973) и обратился к Твардовскому по поводу возможных дополнений с его стороны.

Сергей Страдный (настоящая фамилия Смирнов, Сергей Андреевич (р. 1901) — поэт, руководитель литературной студии смоленского Пролеткульта. Умер в возрасте 20 лет. *Степан Курдов* — поэт, до середины 30-х годов печатался в смоленских газетах и коллективных сборниках, в которых участвовал и Твардовский.

Печатается по публикации в газете «Рабочий путь».

Васильеву Н. Ф., 23 октября 1969 г, (Стр. 288)

См. письмо от 27 сентября 1969 г.

Копия. Архив А. Т.

Нейкену Л. Л., 23 октября 1969 г. (Стр. 288)

Леопольд Леонидович Нейкен, житель г. Лахденпохья (Карельская АССР), обратился к Твардовскому в связи с «работой над литературной картой Карелии».

Чумандрин Михаил Федорович (1905—1940) — ленинградский прозаик и драматург. *Левин* Борис Михайлович (1899—1940) — прозаик, драматург, сценарист. *Диковский* Сергей Владимирович (1907—1940) — автор рассказов и повестей из жизни дальневосточников. *Отрада* (Турочкин) Николай Карпович (1918—1940)—

поэт, при жизни не печатался. *Копштейн* Арон Иосифович (1915—1940) — украинский поэт. Все перечисленные писатели погибли во время войны с Финляндией (1939/40 г.) *Лукницкий* Павел Николаевич (1900—1973) — прозаик и драматург.

Черновик. Архив А. Т.

Бубновой В. Д., 28 октября 1969 г. (Стр. 289)

См. письмо от 27 марта 1969 г. Первые наброски воспоминаний В. Д. Бубновой о ранних детских годах, семье и быте дореволюционной поры по стилю изложения обрадовали Твардовского. Он ответил ей словами похвалы и поощрения. Однако печатать начало записок при отсутствии в них событий общественного значения считал преждевременным. Дальше пошло слабее. Теоретические статьи В. Д. Бубновой по искусству Твардовский считал ценными, но предназначенными для профессионально подготовленного читателя. Статьи печатались в журн. «Декоративное искусство», «Творчество» и сб. «Искусство народов Африки» (М., 1975).

Ефим Яковлевич Дорош (см. примеч. к письму от 16 марта 1967 г.), сам автор ряда статей о живописи, вел переписку с В. Д. Бубновой.

Ксерокопия. Архив А. Т.

Тулину В. Ф., 22 ноября 1969 г. (Стр. 289)

Копия. Архив А. Т.

Клеймёновой Л., 12 декабря 1969 г. (Стр. 290)

Черновик. Архив А. Т.

Абашидзе И. В., 21 января 1970 г. (Стр. 290)

Ираклий Виссарионович Абашидзе (р. 1909), грузинский поэт и переводчик, был связан с Твардовским многолетними отношениями дружбы, бывал с ним в заграничных поездках (Италия, Париж). Написал записки о Твардовском (см. «Первая встреча». — «Литературная Грузия», 1976, № 5; вошли в «Воспоминания об А. Твардовском». М., 1982). В «НМ» печатались стихи И. Абашидзе (1952, № 7; 1960, № 12; 1968, № 8; 1969, № 11), рецензия на его кн. «По следам Руставели» (1966, № 10), ст. В. Огнева «Поэзия Ираклия Абашидзе» (1969, № 10).

...по поводу моего отсутствия на твоем вечере... — В связи с 60-летием со дня рождения И. В. Абашидзе в Центральном Доме литераторов 27 ноября 1969 г. устраивался большой творческий вечер поэта. Получил на него приглашение (с пометкой «Президиум») и Твардовский. Но в тот день он чувствовал недомогание, домашние уговорили его не идти на встречу. И. В. Абашидзе заметил отсутствие Твардовского и при ближайшей оказии постарался деликатно выяснить его причину.

Подлинник, присланный И. В. Абашидзе в архив А. Т.

Орлову С. А., 21 января 1970 г. (Стр. 292)

Серафим Андреевич Орлов (р. 1910) — литературовед и переводчик, профессор Горьковского университета. В «НМ» (1958, № 8) печаталась его статья «Вальтер Скотт в переписке с Денисом Давыдовым».

Первой рецензией Твардовского на переводы Маршака, в частности из Бернса, следует считать «внутреннюю» (предназначенную для изд-ва «Советский писатель») рецензию на кн. С. Маршака «Английские баллады и песни» (1941); она опубликована в журн. «Литературное обозрение», 1976, № 4. Вторая — «Роберт Бернс в переводах С. Маршака» — напечатана в «НМ» (1951, № 4). Это та, что «нравилась С. Я.» и была включена в т. 3 его Сочинений в 4-х томах (М., 1958—1960) как послесловие («О переводах С. Я. Маршака»). Именно она была, по выражению Твардовского, «поглощена» его статьей «О поэзии Маршака» («НМ», 1968, № 2). Статья завершает т. V восьмитомного Собрания сочинений (1968—1972) С. Я. Маршака, входит в т. 5 Сочинений Твардовского.

Гербелевская антология — «Английские поэты в биографиях и образцах. Составил Н. В. Гербель» (СПб., 1875).

Фотокопия, присланная С. А. Орловым в архив А. Т.

Буртину Ю. Г., 21 мая 1970 г. (Стр. 293)

См. письмо от 5 октября 1958 г. и примеч. к нему.

...только на днях узнал...— Мать адресата, Е. Т. Буртина, умерла 6 мая 1970 г. *«Нужно жить и выполнять свои обязанности».*— Слегка измененная заключительная фраза романа А. А. Фадеева «Разгром».

Подлинник, переданный адресатом в архив А. Т.

Туркову А. М., 5 июля 1970 г. (Стр. 293)

См. письмо от 12 декабря 1957 г. Статья в «Неделе»— А. Турков. Поэт народного подвига. К шестидесятилетию А. Твардовского (1970, № 25). Небольшая статья (без подписи) «Народный поэт» («Известия», 1960, 20 июня), приуроченная к 50-летию Твардовского, заканчивалась словами: «Мы ждем от Александра Твардовского еще многих книг. Но уже и сейчас имя его мы вправе назвать в числе величайших русских поэтов». Эти слова, принадлежность которых А. Туркову стала известна Твардовскому, имеет он в виду, употребив выражение «бабахнули».

...по поводу «волшебных изменений»...— Отголосок из А. А. Фета: «Ряд волшебных изменений милого лица» («Шепот, робкое дыханье...»).

Копия. Архив А. Т.

Кипко Ю. В., 7 июля 1970 г. (Стр. 294)

См. письмо от 9 декабря 1966 г. Юлия Витальевна Кипко — преподаватель русской литературы в средней школе № 5 г. Антра-

цита (Ворошиловградской обл.), кандидат филологических наук, руководитель школьного клуба интернациональной дружбы. Летом 1970 г., когда отмечалось 60-летие Твардовского, ребята большой шахтерской школы (1200 учащихся и 50 преподавателей) вместе с поздравлением прислали ему в подарок путеводитель по г. Антрациту и приглашение приехать в гости. В ответ они получили книгу поэм Твардовского из серии «Школьная библиотека» с его автографом. Это была уже вторая книга, посланная им школьникам г. Антрацита. «Шесть с лишним лет прошло,— пишет Ю. В. Кипко,— и трудно высчитать, которая сотня ребят обостренно воспринимает через этот факт не только поэзию А. Твардовского, но и приобщается к законам взаимной обязательности, «единству слова и дела», воспитывается в традициях щедрости сердца, душевной открытости и красоты». Письмо Твардовского опубликовано Ю. В. Кипко в «Ворошиловградской правде» (1976, 12 декабря). Ее статья «Учитель, воспитай ученика» о нравственном значении дружбы писателя со школой как духовной связи поколений напечатана в «Литературной России» (1976, 3 декабря).

Ксерокопия, присланная адресатом в архив А. Т.

Князеву К. А., 12 августа 1970 г. (Стр. 294)

См. письма от 18 сентября и 10 октября 1967 г. Все, что упоминается в письме как план на ближайшее время, не осуществилось. Твардовский вскоре заболел. Посылаемые книги — двухтомник Твардовского, выходивший к 60-летию автора (т. 1 — «Василий Теркин», т. 2 — «За далью — даль». Из лирики этих лет, М., 1970).

Ксерокопия. Архив А. Т.

Плескачевскому М. Г., 29 августа 1970 г. (Стр. 295)

Михаил Григорьевич Плескачевский (р. 1911) — двоюродный брат Твардовского со стороны матери. Журналист. После войны многие годы работал в одной из газет г. Баку. Переписывался с А. Т. с 30-х годов. В разделе «Коротко о книгах» («НМ», 1964, № 9) опубликовал рецензию на роман Леонида Гурунца «Шумит Воротан» (М., 1963).

Подлинник передан М. Г. Плескачевским в архив А. Т.

Чуковской Е. Ц., 14 сентября 1970 г. (Стр. 296)

Елена Цезаревна Чуковская обращалась к Твардовскому с просьбой написать воспоминания о ее деде К. И. Чуковском. В ответе он справляется о копии письма Корнея Ивановича с отзывом о «Стране Муравии» (см. примеч. к письму от 18 июня 1936 г.); о получении этого письма К. И. Чуковского упоминается в автографе на экземпляре первого издания поэмы «Страна Муравия»: «Корнею Ивановичу Чуковскому с горячей благодарностью

за письмо, которого я никогда не забуду. *А. Твардовский.* 27 июня 1936 г. Смоленск» (сообщено Е. Ц. Чуковской).

Копия. Архив А. Т.

Матвеевой В. А., 17 сентября 1970 г. (Стр. 296)

Одно из самых последних писем. Ответ на вопрос Веры Анисимовны Матвеевой: может ли она оставить у себя книгу, посланную Твардовским ее матери, которую она только что похоронила.

Подлинник, присланный В. А. Матвеевой в архив А. Т.

ПИСЬМА М. В. ИСАКОВСКОМУ

Знакомство Твардовского с Михаилом Васильевичем Исаковским (1900—1973) относится к 1926 г. Они оба упоминают об этом: один в статье об Исаковском (т. 5, с. 217), другой — в записках «Так пришел он в нашу жизнь» («Воспоминания об А. Твардовском», М., 1978, 1982, с. 55). Зимой 1926 г. в Смоленске проходил губернский съезд селькоров, делегатом которого от Пересняпской волости был комсомолец Твардовский. Здесь-то и увидел он впервые М. Исаковского, уже известного ему по стихам, печатавшимся в газете «Рабочий путь», штатного сотрудника этой газеты. Твардовский побывал у него в редакции, показал свои стихи, после чего они стали появляться на страницах газеты.

С переездом Твардовского в марте 1928 г. в Смоленск возникают более тесные отношения между двумя поэтами, членами одной писательской организации — Смоленской ассоциации пролетарских писателей (САПП). Мало говорить о влиянии в это время творчества Исаковского на формирование художественных взглядов молодого поэта из деревни. Влияние старшего отразилось с несомненностью и на характере Твардовского, еще не обладавшего достаточной собранностью и сосредоточенностью, необходимыми знаниями и культурой и, что более опасно, еще не представлявшего в полной мере всего их значения в писательском деле. Влиянию этому не могла не способствовать разница в годах и в литературном опыте: у Исаковского за плечами было десять лет литературной работы и такая, уже не первая, книга стихов, как «Провода в соломе» (1927), тогда как Твардовский в 1925 г. опубликовал лишь первое восьмистрочное стихотворение «Новая изба». Ощутимое вначале, различие это с годами сгладилось. И если дружба двух поэтов смогла длительно существовать, то произошло это не только из-за свойств характеров, но и по присущей обоим поэтам вере в одни исходные принципы, которым они следовали в своей работе и в своей жизни.

Сохранилось одно письмо Твардовского 1929 г. из Москвы, куда он выезжал в надежде найти там литературную работу. Оно вошло в упомянутые воспоминания Исаковского и психологически верно истолковано им. Основная же переписка между поэтами возникает в 30-е годы, когда Исаковский живет уже в Москве, а возвратившийся в начале 1930 года в Смоленск Твардовский сотрудничает в местных газетах и журналах. В 1936 г. Твардовский переезжает в Москву, и надобность в переписке устранилась. Она возобновлялась, когда кто-то из друзей покидал столицу на более или менее длительное время. Письма одной стороны, конечно, не отражают в должной полноте развитие отношений поэтов-земляков и лишь доносят излучение этой дружбы, что скромно, негромко жила вместе с ними и выдержала почти полувековой ход времени. Письма скрепили и отразили развитие связей поэтов, их взаимоучастие в судьбах друг друга, их взаимоподдержку, позволявшую выстоять под напором суровых событий времени и материальной необеспеченности начальных лет.

Твардовский не раз писал о творчестве Исаковского. Итоговая его статья «Поэзия Михаила Исаковского» вошла в т. 5 наст. изд. М. В. Исаковский не только любил сам, но и пропагандировал поэзию своего друга. В его статьях и многочисленных письмах начинающим поэтам не редкость встретить ссылку на стихи Твардовского, похвалу ясности и простоте его поэтической манеры. О том, каким горем была для Исаковского тяжелая болезнь друга, дает понять его декабрьское письмо 1970 г., в котором пожелание здоровья звучит как заклинание: «Будь же здоров, Саша, будь здоров!»

В архиве Твардовского хранятся подлинники его собственных писем к Исаковскому, переданные адресатом взамен ксерокопий, которые он собирался использовать в воспоминаниях об умершем друге. Из-за болезни намерение не было осуществлено. Хранится и корреспонденция Исаковского, за исключением писем первой половины 30-х годов, оставшихся вместе с материалами архива А. Т. в Смоленске и пропавших в дни войны. Переписка Твардовского и Исаковского опубликована в журн. «Дружба народов» (1976, № 7—9) и журн. «Неман» (Минск), 1977, № 2—4.

⟨И ю л ь 1932 г.⟩ (Стр. 298)

Письмо без даты (штемпельная дата отправления — 23 июля 1932 г.) сопровождает посылаемую Исаковскому поэму «Путь Василия Петрова», опубликованную в майском номере журн. «Наступление». Это вторая поэма Твардовского; в собрания сочинений не включалась.

«Наступление» — ежемесячный литературный журнал. Издавался в Смоленске в 1931—1936 гг. как орган Западной областной

ассоциации пролетарских писателей, затем — Смоленского отделения Союза писателей СССР. *«Земля Советская»* — литературный журнал, выходивший в Москве в 1929—1932 гг. *Виницкий* Н. А. — директор Западного областного издательства (Смоленск), в 1933—1934 гг. ответственный редактор «Наступления» (см. примеч. к письму Е. М. Блиновой от 9 марта 1967 г.). *Поэма третий месяц лежит в одном... журнале...* — в журн. «ЛОКАФ» (журнал Литературного объединения Красной Армии и Флота), где поэма была опубликована под заглавием «Вступление» (1932, № 10). В «Очерках истории русской советской журналистики (1933—1945)» (М., Наука, 1968) говорится: «Осенью 1932 г. заведующий критическим отделом «ЛОКАФа» А. Тарасенков и секретарь редакции А. Карцев, знакомясь с выходящими вне Москвы журналами, обратили внимание на поэму «Вступление» малоизвестного в то время поэта А. Твардовского. «Семен Борисович! — писал А. Карцев заместителю редактора (Рейзину. — *М. Т.*), — мы с Тарасенковым в восторге от этой поэмы, которая, правда, напечатана, но только в смоленском журнальчике, следовательно, почти рукопись» (с.342). Судя по письму Твардовского, информация эта не совсем точна. Скорее всего, «Путь Василия Петрова» еще весной 1932 г. был направлен непосредственно А. Тарасенкову (см. примеч. к адресованному ему письму от 20 июня 1951 г.), которого А. Т. знал с 1929 г. по встречам и выступлениям в литобъединениях Москвы (например, по кружку «Удар») и с которым он вел переписку по возвращении в Смоленск. *...по случаю перестройки...* — Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» коснулось и журналов, в том числе «ЛОКАФа», с января 1933 г. получившего название «Знамя».

26 января 1935 г. (Стр. 299)

Какие стихи посылал Исаковский и какую «эпопею» имеет в виду Твардовский — неясно. Скорее всего, «Страну Муравию», над которой он начал работать в 1934 г. Но не исключено, что уже возник у него замысел «женской поэмки» (см. примеч. к письму от 8 декабря 1935 г.). Для нее записывались частушки, народные песни.

Подписал я договоришко... — на «Сборник стихов» (Смоленск, 1935). *Новосельский* Владимир Николаевич — новый директор Смоленского издательства. *Ездили мы к Прасолову.* — В колхоз «Память Ленина» (Пречистенский р-н), председателем которого был Дмитрий Филиппович Прасолов. Этому колхозу и его председателю посвящены очерки Твардовского «От Управы — к Советам», «Заметки о колхозе «Память Ленина», «Рассказы о колхозе «Память Ленина» (см. т. 4). *Марьенков* — см. примеч. к адресованно-

му ему письму от 22 февраля 1967 г. *Осин* Дмитрий Дмитриевич (1906—1983) — поэт и прозаик. В 20—30-е годы одновременно с Твардовским участвовал в литературной жизни Смоленска, печатался в тех же местных изданиях. Автор первой статьи о творчестве А. Т. — «Александр Твардовский (Литературно-критический этюд)» (газ. «Юный товарищ», Смоленск, 1927, 27 апреля, № 30). В свою очередь, Твардовский выступал на обсуждении творчества Осина (см. «Наступление», 1935, № 2, с. 133). Несколько позже отношения их осложнились. В дальнейшем в «НМ» публиковались рассказы (1950, № 9; 1951, № 1, 5, 6, 11; 1952, № 2) и стихи Д. Осина (1952, № 5, 11; 1959, № 9; 1968, № 6). *...на том вечере (пятилетие колхоза)...* — См. об этом очерк Твардовского «Праздник» («Наступление», 1935, № 2, и в т. 4). *Приступаю снова к Никите* — о возобновлении работы над «Страной Муравией». *С литконсультацией тебе... тяжко...* — Исаковский вел литературную консультацию в изд-ве «Крестьянская газета». *Лидия Ивановна* — первая жена М. В. Исаковского; умерла в 1955 г.

18 февраля 1935 г. (Стр. 300)

Спасибо за книжку.— М. Исаковский. Что нужно знать начинающему колхозному поэту. М., «Крестьянская газета», 1934 (см. первое письмо от 5 июля 1935 г. и примеч. к нему). *Сторожа непременно пришли...*— Стихотворение Исаковского «География жизни» о колхозном стороже. *Маковский* Д. П.— редактор Запгиза. В библиотеке Твардовского есть его книга «Смоленск с древних времен до XX века» (Смоленск, 1948. В соавторстве с В. С. Соколовым) с надписью: «Александру Твардовскому — старому почетному смолянину с самыми лучшими пожеланиями, дружески. 25 февраля 1949 г.». Спор относительно приведенной строфы возник в связи с перепечаткой поэмы «Вступление» (отдельное издание — Запгиз, 1933) в составе кн.: А. Твардовский. Сборник стихов (1930—1935). Запгиз, 1935. *Горбатенков* В. А.— смоленский журналист и поэт, автор сборника стихов «Мужество» (Смолгиз, 1940); погиб на фронте. В 30-е годы сотрудник областной газ. «Большевистский молодняк», где был напечатан ряд разносных статей о раннем Твардовском: Ис. Кац. Против пошлости и мещанской вульгаризации (1934, 6 июня); В. Горбатенков. О творчестве т. Твардовского (1934, 17 июля); К. Критика должна быть бдительной (1934, 27 июля); К. Суровая большевистская критика — могучий рычаг преодоления ошибок (1934, 30 июля); В. Горбатенков, И. Кац, Н. Рыленков. «Стих — это бомба и знамя» (1935, 14 апреля); см. также выступление Горбатенкова на Первом съезде писателей Западной обл. («Наступление», 1934, № 5—6) и его ст. «Несколько замечаний о стихах А. Твардовского и литературных добродетелях» («На-

ступление», 1934, № 7). Левацко-рапповский характер этой критики, безосновательность выдвигавшихся Горбатенковым политических обвинений были вскрыты, в частности, в ст.: Я. Нисневич. Выше уровень литературной критики! (газ. «Рабочий путь», Смоленск, 1934, 27 июля); Ан. Тарасенков. О загибах посмоленски («Лит. газ.», 1934, 18 августа); С. Кирьянов. Молодые поэты Западной области («Литературная учеба», 1935, № 6). *Завьялов.*— См. примеч. к письму Завьяловой от 5 сентября 1961 г. *О поездке не забываю.* — Твардовский и Исаковский собирались съездить в Ельнинский и Всходский р-ны Смоленской обл.

25 февраля 1935 г. (Стр. 301)

Книга с автографом не сохранилась. По-видимому, речь идет об упоминавшейся в предыдущем письме брошюре «Что нужно знать начинающему колхозному поэту», сопровожденной теперь дарственной надписью. Стихотворение Исаковского, о котором говорится в письме, — «География жизни».

Стихи в Альманах надумал послать.— Какие стихи и в какой Альманах — не выяснено. *...сборник наш... вышел...*— Твардовский являлся составителем и одним из авторов сборника «Паэты Заходняй вобласці» (Минск, 1935), куда вошла его поэма «Вступление» (с сокращениями) в переводе С. Дорожного, два стихотворения Исаковского — «Ореховые палки» и «Поэма ухода» в переводе М. Хведоровича, а также стихи Н. Рыленкова, С. Фиксина, Д. Дворецкого.

25 апреля 1935 г. (Стр. 302)

Письмо (да еще спешное!)...— Запрос редакции «Красной нови» о поэме «Страна Муравия». После ознакомления с рукописью, работу над которой автор продолжал еще почти год, поэма была опубликована в этом журнале (1936, № 4). *...цитатой из Маркса.* — См. примеч. к письму М. А. Климовской от 4 июня 1966 г. *...в предисловии... напишу...*— Поэма печаталась без предисловия. О происхождении сюжета «Страны Муравии» автор рассказал в ст. «О «Стране Муравии» (см. т. 5). *...по созданию книги о людях наших колхозов.*— 24 февраля 1935 г. в «Лит. газ.» и 25 февраля в «Правде» была опубликована статья М. Горького о создании «Истории деревни». А. Т. немедленно воспринял эту идею и наметил для ее воплощения уже знакомый ему колхоз «Памяти Ленина», тогда один из лучших на Смоленщине. В этот раз обстоятельства нарушили его планы: после недели пребывания в колхозе ему пришлось вернуться в Смоленск — повестка вызывала его на студенческий лагерный сбор. И все же за неделю ему удалось сделать много записей, на основе которых был написан очерк «Озеро», а позже — рассказ «Пиджак» (см. т. 4). В рабочем

плане значился рассказ о Д. Ф. Прасолове. Видимо, А. Т. собирался за счет новых материалов дописать очерковый портрет этого незаурядного руководителя-самородка, начатый в заметках о колхозе «Память Ленина» (см. т. 4). *...послал ...свою «Плясовую».* — См. письмо от 10 июля 1935 г. и примеч. к нему. «Перепляс» посылался в «Известия», но не был напечатан. См. примеч. к письму от 29 ноября 1935 г.

29 апреля 1935 г. (Стр. 303)

Менск — Минск. *«Литгазета» сватает тебя...* — Письмо Исаковского не сохранилось, и поэтому нельзя уточнить, какое предложение он получил из «Лит. газ.». *«Словарь писателей»* — «Словарь советских писателей. 1917—1935» готовился к печати в изд-ве «Советский писатель». Отпечатанный план «Автобиографической справки» (анкету с вопросами относительно основных данных биографии и творческого пути) получил и Твардовский. Издание не было осуществлено.

7 мая 1935 г. (Стр. 304)

Рибшево — главная усадьба колхоза «Память Ленина». *...катался на лодке по огромному озеру...* — Тема созданного человеком озера как образ переустройства жизни в деревне составляет содержание очерка Твардовского «Озеро» (см. т. 4), датированного 1935 г., и стихотворения «Новое озеро» (см. т. 1), отнесенного автором к 1934 г. Дата эта вызывает сомнение. Из письма явствует, что «год назад», т. е. в 1934 г., озера не было. Запись в рабочей тетради подтверждает, что стихотворение связано с поездкой именно в Пречистенский р-н: «Рибшево. 7.V.35. Тишина у озера. Сторож на плотине (корытце с березовым соком). «Да здравствует 1 Мая» на притолоке сторожки». Затем, 21 марта 1936 г., появляется первый набросок стихотворения, сопровожденный примечанием: «Опыт пейзажа. Концовка не вышла». (Кончались стихи строфой о корытце с березовиком.) Второй вариант «Нового озера» вместе с набросками стихотворений: «Я иду и радуюсь...», «Есть обрыв, где я, играя...», «Кружились белые березки...» — записан 8 мая 1936 г. под общим заглавием: «Неудавшиеся стихи, наброски, начала». И, наконец, еще одна запись без даты, стоящая между заметками от 12 и 26 февраля 1937 г.: «Вылущил из тетради темки, наброски, из которых может что-нибудь получиться». В перечислении: «Станция Починок», «В поселке», «Шофер», «Новое озеро», «Матери». Появление (впервые) «Нового озера» в сб. Твардовского «Стихи» (М., «Советский писатель», 1937) подтверждает предположение, что стихотворение было завершено в 1937 г. и сразу, минуя периодику, пошло на пополнение новой книги. *...на легковой вроде «Антилопы».* — «Антилопа-Гну» — название автомобиля в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

⟨15—16 мая 1935 г.⟩ (Стр. 305)

Письмо написано на трех малых блокнотных листках. Датируется на основании записей Твардовского: 14 мая он записал, что получил письмо с сообщением о вызове райвоенкомата: «Завтра нужно выезжать». Выехал он в ночь под 16 мая. Отправлено письмо в Москву Исаковскому, по-видимому, со станции перед отъездом в Смоленск. Двухнедельный сбор в летних лагерях, с 18 мая по 1 июня, был рассчитан на прохождение довольно большой программы боевой подготовки, включавшей топографию, тактику, стрельбы, физкультуру. Описан в очерке Твардовского «В черте лагеря» («Рабочий путь», 1935, 5 июня, подписанный: «А. Т.»). А. Т. успешно сдал в лагерях нормы «ворошиловского стрелка» и получил грамоту.

30 мая 1935 г. (Стр. 305)

Посылка — папиросы. *Павел Васильев.* — См. примеч. к письму М. Б. Козьмину от 20 сентября 1961 г.

27 июня 1935 г. (Стр. 306)

Андреев С.— фотограф газ. «Рабочий путь». Вторая упомянутая в письме фамилия (или прозвище) незнакома. *Антропос* — реминисценция из рассказа А. П. Чехова «Человек в футляре», имеющая в виду Антропова — работника Запгиза. *...пришлю частушки...*— Во Всходском р-не, где гостили Исаковский и Твардовский, они записали довольно много частушек. Запись велась во время исполнения: две первые строки писал один, две последние — другой. По возвращении в Смоленск А. Т. свел тексты.

5 июля 1935 г. (первое) (Стр. 307)

Брошюру Исаковского «Что нужно знать начинающему колхозному поэту», представлявшую некоторые итоги его работы в качестве литературного консультанта изд-ва «Крестьянская газета» и переписки с начинающими поэтами, в Смоленске задумали приобрести как пособие для тех, кто будет обращаться в литературную консультацию Смоленской писательской организации. Достать нужное количество экземпляров не удалось, было решено переиздать брошюру в местном издательстве. В последующих письмах Твардовский информирует автора о ходе дела. Издание брошюры не состоялось.

5 июля 1935 г. (второе) (Стр. 308)

«Курсом теории литературы» и «Курсом поэтики» Твардовский в шутку называет все ту же брошюру Исаковского.

...хлопоты в «Колхознике». — О публикации отрывка из «Страны Муравии» «Перепляс». «Колхозник» — журнал, созданный по инициативе А. М. Горького, выходил с 1934 по 1939 г. *...возможность показать* «Страну Муравию» А. М. Горькому появилась у Исаковского благодаря его знакомству с Елизаветой Захаровной

Крючковой, заведующей редакцией «Колхозника» и женой секретаря Горького П. П. Крючкова. К тому же со времени своей «Рецензии» на книгу «Провода в соломе» (см. примеч. к письму А. Г. Митрофанову, май 1939 г.) Горький не терял Исаковского из виду: стихи его, предназначавшиеся для «Колхозника», неизменно одобрялись Горьким и печатались. Это обещало благоприятное отношение к ходатайству Исаковского о прочтении «Страны Муравии».

7 июля 1935 г. (Стр. 309)

Маковский Д. П. был в это время заместителем директора Смоленского издательства. *«Ненависть»* — стих. Исаковского, печаталось также под заглавиями «Кулаку» и «Враг». *...стал литконсультантом СП.*— К этой работе Твардовский относился очень серьезно. Результатом знакомства с произведениями начинающих сельских авторов явились его рецензии, опубликованные в «Рабочем пути» под рубрикой «Литературная консультация»: «Иван-Дурак» (1935, 3 сентября) и «Повесть П. Н. Прохорова» (1935, 1 ноября), подписанные инициалами «А. Т.» *Курдов.*— См. примеч. к письму И. Т. Трофимову от 22 октября 1969 г.

10 июля 1935 г. (Стр. 309)

...еще будет пролог.— Описка: имеется в виду эпилог. «Перепляс» посылался в «Известия» (см. письмо от 25 апреля 1935 г.). Молчание редакции примирило автора с мыслью, что стихи не пойдут. *Безыменский* Александр Ильич (1898—1973) обращался к колхозной теме в поэме «Ночь начальника Политотдела» (1934).

19 июля 1935 г. (Стр. 311)

«Большевистский молодняк».— Смоленская комсомольская газета; неоднократно меняла название. Сначала она называлась «Юный товарищ» («ЮТ»), в ней-то главным образом и печатался молодой Твардовский, позже стала называться «Большевистский молодняк», сейчас — «Смена».

24 июля 1935 г. (Стр. 312)

...читка поэмы, которую я думаю устроить в узком кругу...— Чтение «Страны Муравии» состоялось у Исаковского 30 или 31 июля (самое позднее — днем 1 августа): путевки в Хосту были с 3 августа. Помимо хозяина квартиры, присутствовали: А. Г. Митрофанов, А. К. Тарасенков (см. примеч. к адресованным им письмам от мая 1939 г. и 20 июня 1951 г.), историк Яков Захарович Черняк (1898—1955) и критик Марк Исаакович Серебрянский (1901—1941), один из первых, кто писал о Твардовском в центральной печати («Заметки о поэзии».— «Знамя», 1935, № 6; «Страна Муравия».— Там же, 1936, № 11). А. А. Суркова, по-видимому, не было: его имя не упомянуто в перечне лиц, высказывавшихся о поэме (см. примеч. к письму от 24 сентября 1935 г.)

19 сентября 1935 г. (Стр. 313)

Речь идет о поэме Исаковского «Четыре желания (Песни о жизни батрака Степана Тимофеевича)». Автор принял два из имеющихся в письме замечаний и соответственно исправил эти места: второе — о «кувшине радости» и пятое — об «окошечках глаз». Подзаголовок «На кладбище» он заменил на другой: «Весной на заре».

Македонов.—См. примеч. к адресованному ему письму от 7 декабря 1959 г.

24 сентября 1935 г. (Стр. 315)

...письмо со стишком.— М. Исаковский. Урок географии. *«День Мира»* — книга (вышла в 1937 г.), которая, по мысли А. М. Горького, высказанной на Первом съезде писателей (1934), должна была запечатлеть будничный день планеты Земля, «таким, как его отразила мировая пресса на своих страницах». Для осуществления этого замысла был намечен день 27 сентября 1935 г. Стихотворение «Урок географии» было опубликовано в «Рабочем пути» 28 сентября с эпиграфом: «Когда у нас день — в Америке ночь. (Из учебника географии)». *Призываюсь я 8 октября.* — См. письмо от 16 октября 1935 г. *Встретили меня в Смоленске...*— После возвращения из Хосты. *По поводу отзыва А...* — Имеется в виду весьма положительный отзыв А. М. Горького о поэме «Четыре желания», опубликованной в журн. «Колхозник», 1935, № 12. К сожалению, письмо Исаковского, излагавшее оценку А. М. Горького, видимо, утрачено. О взаимоотношениях с А. М. Горьким М. В. пишет в воспоминаниях: «А. М. Горький в моей литературной судьбе» (М. Исаковский. Собр. соч., т. 4. М., 1969; «Как Горький помогал мне».— В кн.: «М. Горький в воспоминаниях современников», М., 1955). *...читал еще Ефрему...*— Е. М. Марьенкову. См. примеч. к адресованному ему письму от 22 февраля 1967 г. *Кац* Исай — член редколлегии журн. «Наступление». *Насчет твоего предложения...* — Можно заключить, что предложение Исаковского имело в виду какую-то совместную поездку или работу, которую А. Т. предстояло согласовать с редакцией «Рабочего пути».

25 сентября 1935 г. (Стр. 316)

После чтения поэмы «Страна Муравия» у Исаковского (см. примеч. к письму от 24 июля 1935 г.) ему был оставлен экземпляр рукописи поэмы для передачи А. М. Горькому. Отзыв его стал известен Твардовскому уже 20—21 августа в Хосте из несохранившегося письма Исаковского. Заключение Горького было следующим: «Не надо писать так, чтобы читателю ясно видны были подражания то Некрасову, то Прокофьеву, то — набор частушек и т. д. Автор должен посмотреть на эти стихи, как на

черновики. Если он хочет серьезно работать в области литературы, он должен знать, что «поэмы» такого размера, т. е. в данном случае — длина — пишутся годами, а не по принципу:

«Тяп-ляп — может быть корабль», или:
«Сбил, сколотил — вот колесо!
Сел да поехал — ох, хорошо!
Оглянулся назад —
Одни спицы лежат».

Отношение к отзыву Горького отражено в записи Твардовского от 23 августа: «Подкосил дед, нужно признаться. Но уже прошло два дня. Обдумал, обчувствовал. Переживем. И да обратится сие несчастие на пользу нам. Слов нет, теперь для меня более явственны сырые места. А что продолжает оставаться хорошим, то, видимо, по-настоящему хорошо. Испытание, так сказать.

Все буду слышать: и восхищение, и такие отзывы, как «колесо», а работа будет продолжаться. Дед! Ты заострил лишь мое перо. И я докажу, что ты «ошибку давал».

Отзыв любимого современного писателя-классика, каким был А. М. Горький для Твардовского, быть может, потому не поверг его в смятение, что сам он сознательно относился к своей работе: достаточно трезво видел недоработки произведения, но знал и сильные его стороны. Серьезным противодействием резолюции А. М. Горького было то, что чтения поэмы в Москве у Исаковского и особенно в Хосте (11 августа), в котором приняли участие виднейшие литераторы того времени, придали автору уверенности. Вот сводное резюме выступлений слушателей поэмы, сделанное А. Т. 9 и 10 сентября уже в Смоленске.

«**Высказывания о поэме в Хосте и в Москве**

1. **В. Ф. Асмус.** Настоящее произведение. Между прочим, оно показывает, что поэт в силах показывать жуткие, трагические вещи, классовую борьбу без «рыкания» и оскаленных зубов. Инфантильность — местами.

2. **В. Луговской.** Твардовский говорит, что это не в моем, Луговского, духе. Никаких «духов» нет. Есть стихи хорошие и стихи плохие. Эти стихи по-настоящему нравятся мне. Мы должны благодарить т. Твардовского. Прекрасна глава «Тракторист». Свеж бытовой материал, представленный в поэме. Покупаю!

3. **Н. Рыкова.** Это вещь такого размаха, как «Мертвые души» и «Кому на Руси». Язык!

4. **М. Голодный.** Я ожидал, что будет хорошо, но представлял, что это будет примерно в 10 раз хуже. Ничего подобного в советской поэзии о колхозной деревне нет. Но нужно почитать глазами,

чтобы высказаться окончательно. Что слышал — это хорошее описание «темной» стороны. А этого мало. Ты меня понимаешь?

5. **Б. Левин.** Вещь настоящая. Свежи описания природы.

6. **М. Светлов.** Для меня не важно, что хочет скроить автор — сюртук ли, жилетку,— но сукно добротное. Моргунок меня не интересует, но все, что описывается по пути,— замечательно. Я сам бы так писал.

7. **Н. Дементьев.** Лучшие главы «Цыгане» и «Сталин». Слушается очень хорошо, а это не такое частое явление. Автор пренебрег массой поэтических предрассудков. Начало хуже. Поэму нужно вести до конца, до Кабардино-Балкарии, где встретится эта струя русского фольклора с восточным и должна дать небывалый гибрид.

8. **А. Г. Митрофанов.** Хорошо. Вначале мне казалось, что это «триптих» (и т. д.). Это не прокофьевское использование фольклора, а настоящее.

9. **Я. З. Черняк.** За хорошим, чего много в поэме, нельзя забывать, что покамест она идейно и композиционно повисает в воздухе. Дав *классическое* описание «мук», Твардовский еще не дал «разрешения». Свадьбой отделаться нельзя.

Какой-то критик. Теплое отношение к Моргунку — исторически оправданное чувство. Новая формация. И т. д.».

В сентябре на обратном пути в Смоленск Твардовский выписал себе в тетрадь замечания, сделанные А. М. Горьким на полях поэмы (их оказалось 67), и заключил их следующим примечанием: «Снято с экземпляра, остающегося в архиве редакции «Колхозника». 8 сентября 1935 г. в Москве». В настоящее время рукопись поэмы с отзывом Горького на ее титульном листе находится в Архиве А. М. Горького при Институте мировой литературы АН СССР.

28 сентября 1935 г. (Стр. 317)

«Последний луч на горизонте тонет...» — Вариант стихотворения Исаковского «У Мавзолея Ленина». *«...сюжет «мельника и попа»...*— Имеется в виду стихотворение Исаковского «Царь, поп и мельник». Сходный сюжет Твардовский усмотрел в английской народной балладе «Король и аббат» (перевод Ф. Миллера), входившей в принадлежавшую ему с 20-х годов хрестоматию Н. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1875). *...сказку «Еремин клад»* поэта Николая Ивановича Незлобина (1891—1951) выпустило в 1935 г. изд-во «Советский писатель». *...первый буду знать об этом сам.*— Мысль эту спустя тридцать лет Твардовский выразил в стихах «Не жди, когда полномочной...» (см. т. 3, с. 165). Слабо зачеркнутый в конце письма текст легко прочитывается: «Заодно посылаю тебе один

немолоденький стишок, который чем-то мне нравится. Если ты найдешь возможным показаться с этим стихом... Оставлена незачеркнутой строка: «Зачеркнутому — не верить!»

4 октября 1935 г. (Стр. 319)

...иду в комиссию — врачебную комиссию призывного участка.

16 октября 1935 г. (Стр. 320)

Книжку получил.— М. Исаковский. Стихи. Смоленск, 1935, с автографом: «А. Твардовскому — на дружбу. *М. Исаковский.* Москва, 13 октября 1935 г.». *Ермилов* Владимир Владимирович (1904—1965) — критик, литературовед, в 1932—1938 гг. главный редактор «Красной нови», где была напечатана «Страна Муравия» (1936, № 4); в 1946—1950 гг. — главный редактор «Лит. газ.», членом редколлегии которой Твардовский был с 1947 по 1950 г. Одним из первых писал о «Книге про бойца»: «Русский воин Василий Теркин» («Литература и искусство», 1942, 31 октября); в статье «Фальшивая проза» («Лит. газ», 1947, 20 декабря) подверг несправедливой критике книгу Твардовского «Родина и чужбина». *Осин сразил всех письмом Горького...*— Письмо Горького Д. Д. Осину опубликовано в кн.: А. М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 30, М., 1956, с. 407—408. *...поэма-частушка.*— Поэма Осина «Частушка» опубликована в журн. «Наступление», 1935, № 9. *Умер Кеша...*— Смоленский поэт Н. Навесский (Николай Александрович Вороновский), в 20-е годы часто выступавший в областной печати.

17 октября 1935 г. (Стр. 321)

...о постигшем тебя несчастье.— Болезнь в отсутствие жены, направленной на работу в один из районов Смоленщины. Исаковский выезжал к ней по выздоровлении. А. Т. останавливался в его комнате (см. письмо от 5 ноября 1935 г.).

⟨22 октября 1935 г.⟩ (Стр. 322)

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

Мандрик И.— в 1934—1935 гг. ответственный редактор журн. «Наступление». *...вышлю тебе свою книжку.*— «Сборник стихов» (1930—1935), Запгиз, 1935. *Письмо... Случевского* в архиве А. Т. не обнаружено. Предположительно — общий знакомый по Всходскому р-ну, родине Исаковского. *...об успехе твоей книжки...*— М. Исаковский. Стихи, 1935.

5 ноября 1935 г. (Стр. 323)

Записка оставлена на квартире Исаковского в день отъезда А. Т. из Москвы, куда он выезжал для заключения договора с «Красной новью». Имя Голодного (Михаила Семеновича Эпштейна; 1903—1949), в то время члена бюро московской секции поэтов, упомянуто в связи с хлопотами о переводе Л. И. Исаковской в Москву.

Марченков — Марченко Иван Александрович; в 1934—1936 гг. помощник секретаря СП СССР по творческим вопросам (сначала у А. С. Щербакова, потом — у В. П. Ставского); в 1935—1936 гг. был секретарем парткома СП.

9 ноября 1935 г. (Стр. 323)

В «Рабочем пути» 7 ноября опубликован перевод стихотворения белорусского поэта Андрея Ивановича Александровича (1906—1963) «Счастье быть большевиком». Поэму «Четыре желания» Твардовский прочил в сб. «Колхозная самодеятельность» (1936). В «Большевистском молодняке» она печаталась сначала отдельными песнями, затем, 7 ноября, была опубликована в той же газете полностью.

Каржанский Николай Семенович — журналист, знакомый М. В. Исаковского. Один из его очерков о Смоленске был напечатан в «Новом мире» (1927, № 2) и перепечатан в журн. «Москва» (1957, № 5) с предисловием Исаковского.

20 ноября 1935 г. (Стр. 324)

...письмо с песней.— Предположительно «Песня о Революции» или «Песня о Сталине», написанные Исаковским в это время. *...челюскинское стихотворение...* — А. Твардовский. На льдине (Для школьников). Запгиз, 1936. Включалось в «Сборник стихов» (1935). *...Уткина за границу не послали...*— Поэт Иосиф Павлович Уткин (1903—1944) не попал в состав советской делегации на Международном конгрессе писателей в защиту культуры (Париж, 21—25 июня 1935 г.), в которую вошли Б. Пастернак, Н. Тихонов, Я. Колас, М. Кольцов, А. Толстой и др. *Рыленков.*— См. примеч. к адресованному ему письму от 15 апреля 1955 г. *...пьеса Завьялова* «Седьмое чувство» (1935) была поставлена Смоленским театром к годовщине Октября. *Ефрем* — Е. М. Марьенков. *«Новый Минск»* — стихотворение А. Александровича («Правда», 1935, 15 ноября). В качестве переводчика указан М. Исаковский.

29 ноября 1935 г. (Стр. 326)

...высказать... обиду и возмущение. — Речь все еще идет о Л. И. Исаковской, которую не отзывают в Москву. *Локтев* Аркадий Николаевич (1895—1936) — член президиума Смоленского облисполкома, редактор журн. «Западная область»; под руководством Локтева Твардовский работал в качестве ответственного секретаря журнала в 1931—1932 гг. Черты характера А. Н. Локтева — его неослабевающее, несмотря на серьезное заболевание, стремление к самообразованию, чувство собственного достоинства и доброжелательно-уважительное отношение к сотрудникам и людям вообще — имели благотворное влияние на А. Т. Вот что писал он из Москвы в ответ на мое сообщение о кончине

А. П. Локтева: «...Я получил, кажется, все твои письма. Последнее — с потрясшим меня известием о смерти Аркадия Николаевича. Больно мне, как не помню уж когда было больно. Траурные сообщения в рамках читал, точно о себе. До того странно и больно видеть знакомое милое имя, заключенное в эти рамки. И мне жалко-жалко, что я, замотавшись как-то перед отъездом, не простился с ним, а он, вероятно, вспоминал меня, он очень меня любил, относился как к сыну, а мне, лишенному отеческого отношения, было это так дорого.

Умер, вообще говоря, чудесный человек, большевик не за страх, а за сердце, подлинно благородная и героическая (даже!) натура. У него была страшная, мучительная жажда жизни, но не животная, не страх смерти, а человеческая, благородная страсть к жизни для труда, для большой жизни» (13 августа 1936 г.). Добрая память об А. Н. Локтеве осталась у Твардовского на всю жизнь. *...Новосельский грозится...* — Отдельное издание поэмы «Страна Муравия» вышло в Смоленске в июне 1936 г. *Почему нет «Колхозника» с моим стихом?* — См. примеч. к письму от 5 июля 1935 г. Наверно, от Исаковского А. Т. было известно, что «Перепляс» принят и должен появиться в ноябрьском номере журн. «Колхозник». Однако стихи так и не были напечатаны. Машинописная пятистраничная рукопись «Перепляса», хранящаяся в Архиве А. М. Горького (Институт мировой литературы АН СССР), не имеет ссылки на связь со «Страной Муравией» и существует как запись законченного стихотворения с иным, чем в поэме, началом и концовкой.

Дымятся стежки по росе,
Под кожей кровь горит,
И будто нехотя совсем
Гармонь заговорит.

Дев-чо-ноч-ка хо-ро-шая,
Те-бя во-век не бро-шу я...

А ночь тиха,
Гармонь тиха, роняет тихий звук,
И вдруг замрет, собрав меха,
Рванет
И ахнет вдруг...
— Шире круг!..
Шире круг...

Описание пляски со всеми ее «выходами» — девушки, Тимофеевны, «батьки с сыном» — имеет незначительные разночтения с текстом главы 18 («Свадьба»). Концовка же представляет вариант окончания 17-й главы поэмы:

Хороша в ночи гармошка,
Хороша на свете жизнь.
По дорожкам да по стежкам
Тихо пары разошлись.

В ночь гармонь бредет куда-то,
Только слышится едва:

— В саду мята...
Да не примята...
Да не подкошенная...
Трава...

В рукописи две поправки А. М. Горького: в одном месте точка заменена восклицательным знаком, а в концовке слово *«подкошенная»* исправлено на *«подкошена»*. Слева в верхнем углу заглавной страницы написано рукой А. М. Горького: «Идет». Другим почерком, по-видимому, от редакции — «№ 11». Можно предположить, что принятая рукопись не увидела света в связи с отрицательным мнением Горького о «Стране Муравии», побудившим его пересмотреть собственное решение о «Переплясе». *На днях отдаю отрывок в «Рабочий путь».* — В газете были напечатаны два отрывка из «Страны Муравии»: «Фролов» (30 ноября 1935 г.) и «Последний поп» (1 января 1936 г.). *...к нашей льняной стахановке — Лобасовой.* — Очерк Твардовского о ней («Мастерица») был напечатан в «Рабочем пути» 9 января 1936 г. (см. т. 4, с. 140). *Зиборов Иван* (печатался также под псевдонимом И. Серебряный) — смоленский поэт, соавтор нескольких юношеских стихотворений Твардовского. В середине 30-х годов выехал из Смоленска.

8 декабря 1935 г. (Стр. 328)

Говорят, она будет награждена... — Софья Лобасова в 1936 г. была награждена орденом «Знак Почета». *...укрепило ... в мысли писать женскую поэмку. Кажется, она будет в песнях.* — В рабочей тетради Твардовского есть более определенная запись: «Катерина» — поэма *в песнях* (подчеркнуто А. Т.), а не в эпизодах, как «Муравия». Катерина — русская советская героическая женщина. Обдумать ее подругу. Производство — лен» (2 ноября 1936 г.). Еще в процессе работы над «Муравией» этот замысел предстал как тема особая, не входящая в поэму, хотя отголоски ее мы можем видеть в «отходах» поэмы — фрагментах, не вошедших в ее канонический текст.

Заготовки к «женской поэмке» шли одновременно с работой над «Страной Муравией». В рабочей тетради имеются записи нескольких народных песен: «Ветер пышет, пышет» (она же в обработке А. Т.); «Покинул я отцовский дом» и др. Замысел поэмы впоследствии перешел в замысел пьесы (остались на-

броски нескольких сцен), а поэма «разошлась» на стихотворения и миниатюры. Это в ближайшую очередь: «Катерина» и «Рассказ Матрены», но и «Встреча», «С одной красой пришла ты в мужний дом...», «Что он делал, что он думал...», «Кто ж тебя знал, друг ты ласковый мой...», «Не стареет твоя красота...», «Звезды, звезды, как мне быть...». Все это, очевидно, мотивы и «отщепы» неосуществленного большого замысла.

Как можно судить по записям, образ Катерины слагался из многих женских судеб: это и Софья Лобасова, и женщина — председатель колхоза со Смоленщины, рассказ о которой записан со слов фотографа «Рабочего пути» С. Андреева (А. Т. собирался побывать у нее), и ряд судеб и образов Загорья. В рабочей тетради Твардовского записаны также рассказ М. В. Исаковского о свадьбе его сестры и рассказ о судьбе моей двоюродной сестры.

Упоминание в письме поэмы «Четыре желания» да и некоторые другие детали позволяют предположить, что замысел «женской поэмки» («в песнях») оформился не без влияния этой поэмы Исаковского. То, что он (как и замысел пьесы) не был реализован, вряд ли можно объяснить одними лишь морально-физическими перегрузками, которые легли на А. Т. в ту пору: еще не вполне завершена двухлетняя работа над «Муравией», продолжаются поездки по районам и работа для газеты, самообразование после оставленной учебы в институте. Неосуществленность обоих замыслов, вероятно, следует связать главным образом с тем, что они возникли более под влиянием внешних обстоятельств, нежели из глубоко личной внутренней потребности, которая в творчестве Твардовского всегда имела решающее значение. Только однажды замысел, пришедший извне (сюжет «Муравии»), так совпал с внутренней готовностью автора, что был успешно осуществлен. Во всей дальнейшей работе писателя это уже не повторилось: ни одно предложение со стороны, как можно проследить по «теркинской» и иной почте, не использовано им в работе. Самый параллелизм и непоследовательность в работе над «женской поэмкой» и пьесой, колебания по поводу того, что чему предпочесть, свидетельствуют о неготовности автора к этой работе. Наверно, он интуитивно почувствовал это и оставил свои попытки до поэмы «Дом у дороги», где тема женщины — жены, матери — слилась с темой Родины в трагические дни войны. *Отрывок... из «Мужичка»...* — из стихотворения Твардовского «Мужичок горбатый». Посылался Исаковскому, вероятно, для ознакомления.

14 декабря 1935 г. (Стр. 329)

Спасибо за вырезку... — С рецензией философа и литературоведа Валентина Фердинандовича Асмуса (1894—1975) на «Сбор-

ник стихов» Твардовского (Смоленск, 1935), напечатанной в «Известиях» 12 декабря. Ему же принадлежит ст. «Александр Твардовский» («Знамя, 1939, № 7, 8). *...о книге в Гослитиздате.*— Вышла в 1936 г. без указания на серию: М. Исаковский. Избр. стихи. Дарственный экземпляр в библиотеке А. Т. с надписью: «А. Твардовскому — хоть стихи и старые, но зато переплет новый (сделан, наверно, из толстовки редактора). 10 ноября 1936 г.». Переплет книги из голубого тисненого сатина.

17 декабря 1935 г. (Стр. 330)

Обсуждение поэмы 21 декабря в Союзе писателей, организованное Областным отделом по работе с молодыми писателями и редакцией «Красной нови», прошло для автора очень успешно. Краткое сообщение о нем дала «Лит. газ.»: «Страна Муравия» А. Твардовского. «Большая творческая удача», «настоящее талантливое произведение», «произведение большого поэтического и социального звучания», «первая удача в колхозной поэзии» — так характеризовали участвовавшие в обсуждении товарищи: В. Ермилов, К. Зелинский, С. Швецов, Е. Трощенко, Б. Дайреджиев, Д. Мирский, М. Голодный, А. Тарасенков, В. Инбер, Б. Пастернак, В. Асмус, М. Завьялов и ряд других литераторов. «Поэма, по мнению т. Пастернака, исключительное явление в нашей поэзии. Характеризуя достоинства и некоторые недостатки поэмы, т. Ермилов отмечает подлинно народную традиционность ее, в лучшем смысле этого слова. Тов. Голодный объясняет достоинство поэмы, ее свежесть тем, что Твардовский, использовав народные поэтические традиции Некрасова, обогатил их современным фольклором, новым советским языком («Лит. газ.», 1935, 24 декабря, с. 6). Эту заметку дополняет письмо А. Т. ко мне, написанное после обсуждения: «Князь, пришедший с опозданием, но прочитавший поэму раньше, упрекнул меня только в одном: что я все же (!) покамест (!) несколько (!) уступаю Некрасову (!!!). Интересно (без шуток) его замечание о том, что моя поэма совершенно не страдает типичными недостатками советской поэзии. *Свои* недостатки *есть.* Но в целом оценка — высшая» (архив А. Т.). «Князь» — Д. П. Мирский (1890—1939), сын царского министра, в 1932 г. вернувшийся из эмиграции. Высказывания людей, принадлежащих как бы к иному слою отечественной культуры, особенно интересовали А. Т. *Долганенков* — сотрудник газ. «Большевистский молодняк». *...продукт творчества М. Гореловой.*— В «Рабочем пути», где я работала, была задумана беседа с Исаковским по вопросам литературы, конкретизированным как задачи писателей Смоленщины. Набросок такой беседы вместе с дополнительными вопросами к Исаковскому и

посылал А. Т. вместе со своим письмом. Исаковский дважды откладывал возвращение материала, который тем временем потерял интерес для газеты.

1 января 1936 г. (Стр. 330)

Смолин Владимир — литератор, в то время преподаватель Смоленского педагогического института.

16 марта 1936 г. (Стр. 330)

...статья Н. Славятинского... — Н. Славятинский. На литературных консультациях у Беранже («Литературная учеба», 1936, № 1). Цитата из письма Беранже к журналисту Кошуа-Лемеру от 8 января 1829 г. *Горестный стишок* — предположительно «Прощание». В рабочей тетради запись 16 марта: «Закончил «Прощание».

14 апреля 1936 г. (Стр. 332)

Поездка была предпринята с целью навестить семью (мать, отца, братьев и сестер), административно высланную весной 1931 г. на Северный Урал. Вскоре семья переехала в Смоленск (см. письмо от 23 июня).

11 мая 1936 г. (Стр. 332)

Вторая (см. примеч. к письму от 27 июня 1935 г.) поездка Твардовского и Исаковского в Ельнинский и Всходский районы состоялась 20 мая — 12 июня. Поэты принимали участие в вечерах сельской художественной самодеятельности — читали свои стихи. Присутствовали на отборочных концертах для предстоявшей районной олимпиады (об этом их коллективная заметка в газ. «Красные Всходы» (3 июня) — «Две олимпиады») и на самой районной олимпиаде (см. очерк Твардовского «Праздник песен».— «Рабочий путь», 18 июня). Выступали на совещании всходского райпартактива.

14 июня 1936 г. (Стр. 333)

Рецензия А. Адалис (см. примеч. к письму К. Г. Паустовскому от 26 ноября 1958 г.) «Страна Муравия» («Лит. газ.», 1936, 24 мая) была первым печатным откликом на поэму. При общей положительной оценке произведения рецензия носила довольно поверхностный характер и была во многом оспорена в последовавших вскоре более основательных журнальных статьях.

Конституция...— Речь идет о ее проекте, опубликованном для всенародного обсуждения. *Олимпиада...*— областная олимпиада, проходившая 17—20 июля в Смоленске. Твардовский и Исаковский присутствовали, но не писали о ней. *Семынин* Петр Андреевич (1909—1983) — московский поэт, опубликовал в «Известиях» 30 мая 1936 г. поэму «Сын» («Северная баллада»). *Ждал*

Ницера... — Дмитрий Генрихович Ницер — в то время первый секретарь Всходского райкома партии.

23 июня 1936 г. (Стр. 334)

18 июня скончался А. М. Горький. Вот запись А. Т., сделанная после похорон: «21 июня, 36. Вчера слушали в Доме искусств передачу с Красной площади. Мне, как, наверно, и всем, все время за музыкой, за всем тем, что происходило на площади, представлялась живая, воплощенная в его книгах жизнь А. М.

И когда под раскаты залпов-салютов ударил «Интернационал» перед замуровыванием урны (самое потрясающее — это боевая, призывная и мужественная музыка в последний момент — кто не зарыдал раньше — теперь зарыдает!), подумалось: вот и детство — хождение с бабушкой в лес, и житье в мальчиках, и на пароходе у повара Смурого, и казанский период, и Волга, и все скитания, и работа, не прекращавшаяся до самого последнего момента, все — кончилось.

Мне, как и всем опять же, кажется, что только я самым глубочайшим и сердечнейшим образом понимаю А. М.

Замечательно высказался мой милый Фадеев: «Склоним же наши знамена перед великим рабочим человеком Алексеем Максимовичем...» И все в целом написано лучше всех. Ближе всех других стоит А. Фадеев к тому месту, которое после А. М. долго будет незанятым».

19 октября 1939 г. (Стр. 335)

В сентябре — ноябре 1939 г. мобилизованный как рядовой Красной Армии, Твардовский участвовал в походе в Западную Белоруссию. Работал в армейской газ. «Часовой Родины», где опубликовал 12 оригинальных стихотворений, два очерка, переводы стихотворений Якуба Коласа «Радостная встреча», Янки Купалы «Освобожденному брату» и стихотворного выступления депутата Михася Мошары в Народном собрании Западной Белоруссии 23 октября 1939 г. За освещение в газ. «Часовой Родины» боевых действий 4-й армии А. Т. Твардовскому была объявлена благодарность начальника политуправления 4-й армии.

...лейтенант Горбатов — писатель Борис Леонтьевич Горбатов (1908—1954); его роман «Донбасс» был напечатан в «НМ» (1951, № 1—3). *...песенка твоя...* — стихи Исаковского «На восходе солнца». Напечатаны в газ. «Часовой Родины» 20 октября на месте передовой статьи и сопровождены редакционным примечанием

(как видно из письма, написанным Твардовским): «Эта песня поэта-орденоносца М. Исаковского (автора популярных песен «Катюша», «Вдоль деревни», «Комсомольская» и др.) положена на музыку композитором В. Г. Захаровым и будет исполняться русским народным хором им. Пятницкого. *Стихи Фиксина... я... включил в сборник...*— Стихотворение С. Фиксина (см. примеч. к адресованному ему письму от 2 марта 1959 г.) «Единокровные братья» было включено в сб. «Фронтовые стихи» (1939), изданный стараниями Твардовского в Брест-Литовске в частной типографии М. Таненбаума под грифом газ. «Часовой Родины». В числе авторов: Е. Долматовский, С. Кирсанов, П. Слесарев, И. Френкель. Из стихов самого Твардовского напечатаны: «Вчера и сегодня», «День пришел», «Вдовий флаг», «Их было трое» и написанное совместно с И. Френкелем стихотворение «Перед боем». На обложке сборника обозначена его цена. Но по воспоминаниям одного из участников похода — Н. А. Антонова (рукопись), книжечка эта раздавалась бесплатно на митингах и собраниях в городах и местечках Западной Белоруссии.

3 ноября 1939 г. (Стр. 337)

...благодарю тебя за исправление стихов.— Исаковский поправил первую строфу стихотворения Твардовского «Памяти лейтенанта Трубочкина» («Часовой Родины», 9 октября), которое в его редакции печаталось в журн. «Молодая гвардия» (1940, № 1). *«Встреча»* — стихотворение Исаковского, напечатано в «Часовом Родины», 5 ноября. Включено в его четырехтомное Собрание сочинений (т. 1, с. 354). Стихотворение «Наказ» в газете не печаталось. *...в Белостоке на собрании...*— 28 октября 1939 г. в г. Белостоке состоялось Народное собрание Западной Белоруссии, принявшее решение о воссоединении освобожденных областей с Советской Белоруссией.

3 марта 1940 г. (Стр. 338)

Письмо периода финской кампании. Мобилизованный в ноябре 1939 г., почти сразу по возвращении из Западной Белоруссии, Твардовский был назначен в газету Ленинградского военного округа «На страже Родины» в качестве писателя, уже имея звание батальонного комиссара. Отчислен в запас в марте 1940 г. По неполным данным, за время работы в газете опубликовал 35 стихотворений, 5 очерков, обзорную статью о стихах и прозе бойцов, писавших в газету, и стихотворный зачин к юмористической серии фельетонов и рисунков о Васе Теркине, послуживший отправной точкой для «настоящего», как он сам называл, «Василия Теркина».

Бурштын.— См. примеч. к адресованному ему письму от 3 февраля 1948 г. *Наталья Ивановна, Алик* — мать и племянник

Л. И. Исаковской. ...*одно из наших изданий.*— «Вася Теркин на фронте» (фронтовая библиотечка газ. «На страже Родины», Л., 1940) — отдельное издание стихотворных фельетонов о Васе Теркине, коллективной работы группы литераторов, сотрудничавших в газете в период финской войны (см. ст. «Как был написан «Василий Теркин», т. 5, с. 103—108).

8 марта 1940 г. (Стр. 339)

Твардовский стал кандидатом в члены ВКП(б) в 1938 г. (см. примеч. к письмам С. П. Щипачеву от 8 марта 1940 г. и С. И. Красильщику от 1 марта 1966 г.). При переходе из кандидатов в члены партии он вновь получил рекомендации от Исаковского и Щипачева. Третьим поручителем он называл Б. Л. Горбатова, работавшего тогда в редакции газ. «На страже Родины».

23 февраля 1941 г. (Стр. 340)

Поездка в Прибалтику вместе с В. С. Гроссманом для сбора материалов в связи с подготовкой очерка по истории 90-й дивизии, принимавшей участие в финской войне, была предпринята по заданию политуправления Московского военного округа. В архиве А. Т. сохранилось приглашение на совещание, созываемое 12 февраля ПУМВО, на котором разъяснялись задачи предстоявшей работы. В письме ко мне — тоже от 23 февраля — А. Т. сообщал: «...пишу из Таллина, еще не доехал до первого пункта, откуда начинать работу. Завтра едем (с Гроссманом) в Вильянди... Вся огромная работа — впереди. За 10 дней нужно сделать невероятное. Но работа предстоящая не пугает, скорее радует. Это самое важное, насущное, что сейчас можно сделать для Армии». А. Т. и В. С. Гроссман встречались с командирами и штабными работниками, изучали поступавшие в их распоряжение документы и вели записи. Для более широкого охвата материала тема была поделена ими, и каждый изучал свою часть. По возвращении в Москву материал был объединен, отредактирован и сдан.

26 февраля 1941 г. (Стр. 340)

«Песня об урожае». — См. примеч. к письму В. В. Хватову от 2 ноября 1959 г.

4 апреля 1941 г. (Стр. 341)

Письмо из ялтинского Дома творчества, куда Твардовский выехал для работы над поэмой «Василий Теркин», задуманной на основе впечатлений финской войны.

...*перевел поэмку... Франко.* — См. т. 1. *Кудашов* Василий Михайлович (1902—1941) — писатель. Родился в с. Кудрявщина Данковского р-на Липецкой обл., в крестьянской семье. В 20-е годы закончил редакционно-публицистическое отделение на фа-

культете литературы и искусства МГУ. Член партии с 1930 г. Печатался с середины 20-х годов. В 1931 г. вышел сборник его рассказов «Кому светит солнце». В 1934 г. роман «Последние мужики» (изд. 2-е—1939 г.), в 1941 г. роман «На поле Куликовом». На фронт ушел добровольцем. Работал в редакции газеты 32-й армии «Боевой путь». Погиб на Западном фронте. Школа на родине В. М. Кудашова, в которой он учился, носит его имя. На его родном доме — памятная доска. *Борис Сергеевич* — Бурштын.

8 апреля 1941 г. (Стр. 341)

...рад, что ты взялся переводить пьесу.— «Лесную песню» Леси Украинки для Ленинградского Большого драматического театра им. А. М. Горького. Отдельное издание — М., «Искусство», 1944. *...Семынину, которого грубо и глупо обругали...*— С 15 марта по 25 апреля 1941 г. в Союзе писателей проходила первая творческая конференция московских писателей. На ней обсуждались последние по времени работы поэтов, в том числе «Поэма о маляре» П. Семынина, опубликованная в «Лит. газ.» 31 декабря 1940 г. В день ее обсуждения — 3 апреля — в «Комсомольской правде» появилась статья М. Самойлова «Что здесь обсуждать?», вызвавшая неодобрение А. Т. Подводя 25 апреля итоги конференции, А. А. Фадеев обратил внимание ее участников на статью М. Самойлова и назвал ее «неправильной статьей». «Мне не понравилось, — сказал А. А. Фадеев,— что эта статья написана в тоне проработочных статей в самом дурном смысле этого слова» (см. в сб. «Александр Фадеев. Материалы и исследования». М., 1977, с. 74—75).

〈12 или 13 апреля 1941 г.〉 (Стр. 342)

Ковальчик — см. примеч. к адресованному ей письму от 19 февраля 1941 г. *Написал одну главу...*— В Ялте Твардовский работал над первыми набросками глав «Василия Теркина»: «Переправа» и «Поединок». *Я сниму свой перевод...*— А. Т. осуществил намерение снять свой перевод из И. Франко «По селам», отданный «Красной нови». В его архиве сохранилось письмо Е. И. Ковальчик, в котором она, между прочим, пишет: «телеграмма Ваша меня не порадовала, да и доставило много хлопот выдирать стихотворение из сданного номера. Почему Вы так решили? Ведь стихотворение это — самое колоритное» (17 апреля). Однако время для возвращения перевода Б. Иринина (Бурштына) тоже было упущено. Перевод его — И. Франко. К. П. («Милая девушка, вешняя ветка...») — появился в журн. «Смена» (1941, № 3). Перевод Твардовского впервые был опубликован уже после войны (см. Иван Франко. Избр. соч. М., 1948, т. 1, с. 319—326).

21 апреля 1941 г. (Стр. 343)

Каверин Вениамин Александрович (р. 1902).— В «НМ» при Твардовском были опубликованы: роман «Открытая книга. Часть третья. Доктор Власенкова» (1952, № 2—4), повести «Семь пар нечистых» (1962, № 2), «Косой дождь» (1962, № 10), «Школьный спектакль» (1968, № 12), рассказы (1960, № 8, 10), путевые очерки (1966, № 3), статьи и воспоминания (1964, № 10; 1965, № 9; 1966, № 11; 1969, № 1), некролог «Памяти К. И. Чуковского» (1969, № 10), а также статья Е. Волковой «Целеустремленность поисков (О творчестве В. Каверина)» (1967, № 9). *Шишков* Вячеслав Яковлевич (1873—1945) — автор известных романов «Угрюм-река» (1933), «Емельян Пугачев» (1938—1945). *Гехт* Семен Григорьевич (1903—1963) — прозаик, детский писатель. *Гайдар* Аркадий Петрович (1904—1941).— В «НМ» была напечатана статья его сестры Н. Поляковой «Каким был Гайдар» (1963, № 5), рецензировались книги о жизни и творчестве писателя (1952, № 1; 1962, № 5; 1969, № 10). *Дерман* Абрам Борисович (1880—1952) — литературовед, автор книг об А. П. Чехове и В. Г. Короленко. *Раскин* Александр Борисович (1914—1971) — писатель-сатирик; книга его пародий рецензировалась в «НМ» (1960, № 4). *Жаров* Александр Алексеевич (р. 1904) — поэт.

23 апреля 1941 г. (Стр. 345)

Ответ на юмористическое послание Исаковского, написанное между 17 и 20 апреля:

Любезный друг мой, Александр Твардовский,
Лауреат, поэт-орденоносец,
Член редколлегии почтенного журнала
И член комиссий разных юбилейных!
Я получил вчера твое посланье, —
Его мне подал Алик, мой племянник,
Когда лежал я утром на диване,
О переводах думая своих.
Я разорвал конверт спокойною рукою
И стал читать. Но стало вдруг тревожно:
Я по письму воочию увидел,
Что ты в большой находишься беде.
Как молодой, я соскочил с дивана,
Надел штаны, в ботинки сунул ноги,
Схватил пиджак и не забыл при этом
Наличность по карманам посчитать, —
Она была, как надобно, в порядке.
И зашагал я быстро вдоль бульвара
Знакомою дорогою на почту.
На почте бланк старательно заполнил,
Чтоб не случилось никакой ошибки,
И протянул приемщице в окно.

Она спросила: «Александр Твардовский?
Не тот ли это самый, что?..» — «Конечно, —
Ответил я, — а кто ж другой быть может?
Вы «молнией» ему переведите
Вот эти деньги в солнечную Ялту».
— Передавать начнем через минуту, —
Приемщица на это отвечала... 〈...〉

10 февраля 1942 г. (Стр. 347)

Это первое из уцелевших писем Исаковскому с Юго-Западного фронта, куда Твардовский был направлен для работы во фронтовой газ. «Красная Армия». Он выехал из Москвы 25 июня 1941 г., откомандирован в распоряжение ПУРа 21 апреля 1942 г. Таким образом, первые десять месяцев войны с ее тягчайшими впечатлениями были связаны у него с Украиной. В первое время переписка с друзьями и семьей налаживалась трудно: ряд городов, в том числе Киев, редакции пришлось оставлять. Под Каневом А. Т. выходил из окружения. Из Воронежа вскоре после того, как переписка наладилась, он был отозван в Москву, чтобы получить новое назначение — на Западный фронт. В этом причина паузы в переписке. Но не исключена и недоставка писем. О своей работе в газ. «Красная Армия» Твардовский рассказал в статье «Как был написан «Василий Теркин» (см. т. 5, с. 115—123); произведения этого времени см. в т. 2 и т. 4; часть очерков, печатавшихся в газ. «Красная Армия», включена в кн.: А. Твардовский. Проза. Статьи. Письма. (М., 1974). Стихи этого периода составили книжечку: А. Твардовский. Юго-Западный фронт (М., «Молодая гвардия», 1942).

Вот и прибыл я на место службы... — Имеется в виду возвращение в Воронеж после поездки в Москву, куда А. Т. выезжал по вызову, и заезда в Чистополь (Татарская АССР), где в годы войны проживала большая колония эвакуированных писательских семей, в том числе Исаковского и наша. *...стихотворение твое я передал Ковальчик...* — «Отцовский дом разграблен и разрушен...» («Красная повь», № 3—4, 1942). ... *оно пропало с моей полевой сумкой...* — В Москве, в клубе писателей у А. Т. была похищена сумка с записями о первых месяцах войны, письмами товарищам и рукописью Исаковского. Невосполнимой осталась утрата записной книжки. О ней Твардовский сожалел, когда стал работать над «Василием Теркиным».

17 мая 1942 г. (Стр. 348)

В начале письма идет перечисление выполненных Твардовским поручений Исаковского. С помощью домоуправа вскрывалась квартира М. В., чтобы найти необходимые документы для

получения причитавшегося ему гонорара за перевод «Лесной песни».

Хесин — сотрудник ВУАП (Всесоюзного управления по охране авторских прав). *...сообщение... от смоленских партизан...* — А. Т. получил известие о том, что партизаны нашли мою мать и племянника — круглого сироту — и вывезли их в безопасное место. В письме ко мне от 27 мая 1942 г. А. Т. цитирует из партизанского письма растрогавшие его слова: «Партизаны счастливы тем, что им пришлось оказать помощь семье писателя — своего земляка. Они шлют т. Твардовскому свой привет. *Жаткин*». *«Баллада о Москве»* напечатана в «Известиях», 1942, 17 мая. В собрания сочинений Твардовского не включалась. *Из твоей книжки...* — М. Исаковский. Новые стихи. М., «Советский писатель», 1942. Редактор А. Твардовский. А. Т. редактировал еще одну книжку Исаковского — «Наказ сыну». М., «Советский писатель», 1943. *Ярцев Г. А.* — в то время директор изд-ва «Советский писатель».

17 января 1943 г. (Стр. 349)

...относительно Кулешова. — Исаковский начал работу над переводом поэмы А. А. Кулешова (см. примеч. к адресованному ему письму от 1 сентября 1955 г.) «Знамя бригады». Замедленность переписки в условиях военного времени привела к решению, принятому во время первой читки поэмы, происходившей на квартире А. Т.: Исаковскому был отправлен первый вариант поэмы, и одновременно автор продолжал работу над текстом — сокращались длинноты, дорабатывались слабые места. Когда пришел перевод, А. Кулешов внес в него поправки. По свидетельству автора, поэма была сокращена против первого варианта примерно на 500 строк; напечатана в № 2—3 журн. «Знамя» за 1943 г.; статью Твардовского о ней («Известия», 1946, 1 февраля) см. в т. 5. *Захаров* Владимир Григорьевич (1901—1956) — композитор, музыкальный руководитель (с 1932 г.) Русского народного хора им. М. Е. Пятницкого, автор ряда популярных песен на слова Исаковского, в том числе упомянутой в письме «И кто его знает». См. примеч. к письму В. В. Хватову от 2 ноября 1959 г.

30 июля 1944 г. (Стр. 350)

...будь ты спокойнее относительно... вокальных совещаний... — Исаковский сообщал, что ему поручен доклад о песне, и делился сомнениями, справится ли он с этой задачей. Творческое совещание о песне (11—13 сентября) открылось докладом М. В. Исаковского «Песня в Великой Отечественной войне» (см. газ. «Литература и искусство», 1944, 16 сентября). В виде статьи «О советской песне» доклад М. В. Исаковского напечатан в

журн. «Октябрь», 1944, № 9. *Я... сделался... докладчиком...*— Об одном из фронтовых докладов Твардовского см. в примеч. к письму Ю. Гордиенко (декабрь 1944 г.)

26 марта 1945 г. (Стр. 351)

Письмо из Восточной Пруссии. После взятия Кенигсберга войска 3-го Белорусского фронта стояли «в сотнях километров от большой войны» за Берлин.

Редакционные огорчения...— В Воениздате готовилась книжечка стихов Твардовского «Возмездие». Редактор потребовал некоторых изменений в тексте стихов, которые и сделал Исаковский. В следующих изданиях автор восстановил свой текст. *Читал в «Правде» статью о тебе.*— Ю. Лукин. Стихи и песни Михаила Исаковского. 1945, 4 марта.

19 ноября 1952 г. (Стр. 353)

...жаль, что ты... огорчился...— Твардовский имеет в виду сообщение М. В. Исаковского о вечере в московском Доме ученых 14 ноября 1952 г., на котором в частности выступал С. Кирсанов со стихами «О простоте в литературном творчестве». М. В. расценил это выступление как продолжение полемики с творческими принципами Исаковского и Твардовского, начатой Кирсановым еще в 1949 г., во время дискуссии о традициях В. Маяковского в советской поэзии. Тогда же в статье «Заметки о поэзии» («Знамя», 1949, № 8) Исаковский отвечал «друзьям Кирсанова», изображавшим Твардовского как «традиционалиста» и «крестьянского поэта». Позднее с тех же позиций критиковал поэзию Исаковского и Твардовского (противопоставляя им того же Кирсанова) И. Сельвинский в статьях «Наболевший вопрос» («Лит. газ.», 1954, 19 октября) и «Углубить консолидацию» (там же, 1959, 8 января), что, в свою очередь, встретило решительные возражения со стороны ряда поэтов и критиков (см.: Н. Грибачев, С. Смирнов. Виолончелист получил канифоль.— «Лит. газ.», 1954, 21 октября; А. Яшин. Жизнь требует!— Там же, 13 ноября; В. Друзин. С устаревших позиций.— Там же, 1959, 8 января, и др.). Сложившееся с течением времени более глубокое понимание традиций и новаторства в поэзии (чему в немалой мере способствовал и творческий опыт Твардовского) положило конец спорам. Сам А. Т. не принимал участия в полемике и, как видно из данного письма, был озабочен более насущными вопросами литературной жизни. *...кепски...* — плохи (белорус.).

27 декабря 1957 г. (Стр. 353)

Мы живем хорошо, трудимся...— Два месяца, проведенных в ялтинском Доме творчества, оказались для А. Т. очень продуктивными. Здесь были ликвидированы обременявшие его «долги»:

закончен цикл стихов о Сибири для наполовину уже готовой «огоньковской книжечки» («Стихи о Сибири», 1958). Для нее были дописаны стихи «От Иркутска до Братска», «Еще о Сибири», «Старожил», «Разговор с Падуном»; дописан рассказ «Печники» («Огонек», 1958, 9 февраля), начало которого лежало несколько лет в «запаснике»; написана глава «Фронт и тыл», задуманная еще в пору работы над «Василием Теркиным», она теперь вошла в поэму «За далью — даль». Просмотрен и отобран материал для сборника прозы, в основу которого был взят цикл очерков «Родина и чужбина», дополненный более поздними очерками об Албании, Норвегии. Книга вышла в 1959 г. («Родина и чужбина», «Советский писатель»). Были закончены или написаны вчерне лирические стихи «Ты и я», «Вся суть в одном-единственном завете...», «О сущем», «Я полон веры несомненной...» и первая редакция большого стихотворения «Московское утро». Были продуманы и ближайшие планы в прозе, лирике, окончание «За далью — даль» (в том числе глава «Так это было»). Вся корреспонденция, приходившая в Ялту или пересылавшаяся из дому, содержалась в полном порядке: А. Т. отвечал на каждое письмо. Прочитаны были: А. С. Пушкин «История Петра», Т. Манн «Лотта в Веймаре», сочинения И. Соколова-Микитова — с прикидкой на предисловие к его книге, заказанное издательством. Состоялось выступление Твардовского у черноморских моряков — в севастопольском Доме офицера и на корабле. При всем том А. Т. ходил в кино, встречался с товарищами, гулял.

18 марта 1962 г. (Стр. 354)

...ты мне прислал такую открытку... — В архиве А. Т. сохранилась открытка, посланная Исаковским в октябре 1959 г. из княжества Монако, когда он был в туристической поездке. Твардовский посылает открытку из Италии, куда выезжал для участия в работе конгресса Европейского сообщества писателей, собиравшегося во Флоренции для обсуждения вопроса «Роль культуры в современном мире».

23 февраля 1969 г. (Стр. 354)

...прочел... продолжение «Страниц»... — Записки Исаковского «На Ельнинской земле» печатались в «НМ» (1969, № 4, 5, 8). Отдельное издание записок Исаковского в детиздатовском варианте было осуществлено в 1971 г. с послесловием А. Твардовского. В «НМ» опубликованы и некоторые стихи и переводы Исаковского. *...писать ты их начал по моим мудрым советам...* — В этом шутливом утверждении кроется истина. В период, когда стихи у Исаковского совсем не шли, А. Т. посоветовал ему писать автобиографические заметки, вроде тех, что уже были им опу-

бликованы («А. М. Горький в моей литературной судьбе» и др.). Хотя не без трудностей, работа пошла, и результатом ее явился рассказ о целом периоде жизни М. В. Исаковского, связанном с его «малой родиной» и первыми шагами в литературе. *Антонина Ивановна* — жена Исаковского.

3 ноября 1969 г. (Стр. 356)

А. Г. Дементьев написал большую рецензию. — Рецензия А. Дементьева (см. примеч. к адресованному ему письму от 5 августа 1962 г.) «Символ веры поэта» на кн. М. Исаковского «О поэтах, о стихах, о песнях» (М., 1968) была помещена в № 11 «НМ» за 1969 г.

ПИСЬМА С. Я. МАРШАКУ

Переписка Твардовского и Самуила Яковлевича Маршака (1887—1964), хотя и охватывает четверть века, не велика. Сохранилось 21 письмо Твардовского и 12 писем Маршака. С. Я. Маршак, как подлинный горожанин, покидал Москву лишь на время отдыха или, как в последние годы; для лечения. И вот тогда, если возникала надобность, писалось письмо. В обычное же время оба предпочитали встречу, дружескую беседу, а для делового вопроса — телефон. Подлинники писем остаются в архивах адресатов. Однако в свое время составитель этого тома и сын покойного С. Я. Маршака — И. С. Маршак — обменялись ксерокопиями уцелевших писем, и таким образом в архиве А. Т. и в архиве Маршака хранятся письма обеих сторон.

Знакомство писателей относится к 1937—1938 гг. и было вызвано интересом к автору поэмы «Страна Муравия», восхитившей Маршака, который и позже как-то по-особому выделял это произведение из всего написанного Твардовским. Появление С. Я. Маршака на творческом пути Твардовского пришлось на то время, когда сам он начинал тяготиться повествовательностью своих поэтических вещей и склонен был перейти к большей лапидарности и обобщенности лирического высказывания. И вот тут работа Маршака, поэта и переводчика, человека не только огромного литературного опыта, но и художественного чутья и вкуса, не прошла мимо его внимания. Являясь последователем и продолжателем классических начал русской литературы, Твардовский не мог не увидеть в работе старшего товарища эти начала, как бы перешедшие с ним из XIX в. в век XX. В точности его поэтического слова, в строгости и полноте его строфы Твардовский видел образец работы, характер которой сам стремился освоить и подчинить себе.

Разница в годах — огромная, почти четверть века — не вызывала неувязок во взаимоотношениях поэтов. Пристальная заинтересованность обоих в том, что они делали в литературе, объединяла и укрепляла их связи. Возникший взаимный интерес — вначале литературный — с годами укрепился, проникся взаимопониманием, тем более что в жизни у них были схожие радости и потери.

Один из наиболее деятельных авторов «НМ», Маршак регулярно печатался здесь при Твардовском с 1950 г. до самой своей кончины. Именно в «НМ» опубликовал он многие свои оригинальные стихотворения, переводы из Бернса, Петефи, Гейне, Родари, Блейка, критические статьи, воспоминания. Некоторые его вещи печатались в 1965 и 1966 гг. в журнале посмертно; в эти же годы были опубликованы в «НМ» воспоминания о нем Г. Зинченко и Л. Пантелеева. Твардовский неоднократно обращался к творчеству Маршака, всякий раз как бы заново всматриваясь в его работу, углубляя понимание ее и повышая ее оценку (см. последнюю его статью в т. 5, с. 160). Творчеству Твардовского, и в частности его поэмам, посвящена статья Маршака «Ради жизни на земле», выходившая отдельным изданием (1961) и включенная в Собрание сочинений Маршака (т. 7, М., «Художественная литература», 1971).

Переписка Твардовского и С. Я. Маршака опубликована в журн. «Литературное обозрение» (1978, № 3).

18 августа 1938 г. (Стр. 357)

...пришла «Литгазета»... — от 15 августа 1938 г., с первыми публикациями стихов шотландского поэта Роберта Бернса (1759—1796) в переводах С. Маршака. *...учился у какого-нибудь Краба...* — Джордж Крабб (1754—1834) — английский поэт, священник, изображавший повседневную жизнь своих прихожан, получивший от современников прозвище «поэта бедных». Замечание Твардовского отражает неудовлетворенность собственным поэтическим творчеством, преобладающей в нем повествовательностью. *...смогу писать лучше...* — Мысль эта выражена и в дарственной надписи А. Т. на кн. «Сельская хроника», включавшей стихи 1937—1938 гг.:

«С. Я. Маршаку
Почитай-ка, не прославиться —
Угодить тебе хочу,
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.
Не побрезгуй на подарочке.
А увидимся опять —
Выпьем мы по доброй чарочке...

(Н. А. Некрасов)

И придем к непреложному выводу, что дальше так мне писать нельзя,— надо лепше. *А. Твардовский*, 18 марта 1939 г., Москва». Прозаическое заключение надписи заменяет последнюю строку («И отправимся стрелять») из посвящения к поэме Н. А. Некрасова «Коробейники», обращенного к «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу» — крестьянину деревни Шоды Костромской губ., спутнику Некрасова в охотничьих походах. *Лепше* (лучше, красивее) — белорусское слово, известное на Смоленщине; употреблено отчасти для поддержки тона, предложенного некрасовским посвящением. *...занялся Тарасом Григорьевичем.* — См. примеч. к следующему письму. *...написал... два... стихотворения...* — стихотворение «Семья кузнеца» («Правда», 1938, 7 сентября), возникшее под впечатлением военных действий у озера Хасан, вызванных японским вторжением в тот район, и «Про теленка» («Красная новь», 1938, № 10). *Большое стихотворение*, задуманное и написанное в Ялте,— «За тысячу верст...» (альманах «Год двадцать второй», 1939). *Кумач* — поэт-песенник Василий Иванович Лебедев-Кумач (1898—1949).

8 октября 1938 г. (Стр. 358)

Элик — сын С. Я. Маршака Иммануэль Самойлович Маршак (1917—1977). *...в поэтическую хрестоматию...* — Твардовский и Маршак в это время готовили хрестоматии для школьников. По воспоминаниям Н. А. Михайлова, А. А. Фадеев, разделяя возмущение Маршака учебником «Родная речь», предложил ему исправить «общую беду». «Александр Александрович убедил Маршака, и тот со свойственным ему рвением взялся за составление хрестоматии. Он встречался с литераторами, звонил К. Чуковскому, А. Твардовскому, Л. Кассилю, А. Барто, листал сотни страниц сборников... Это был большой азартный труд, жаль, что война помешала довести эту работу до конца» (Н. Михайлов. Мастер. — «НМ», 1977, № 6). Твардовский был привлечен к работе как составитель поэтической части хрестоматии для школьников старшего возраста и как соавтор хрестоматии, предназначавшейся для младших классов (см. письмо Маршака от 25 ноября 1940 г.), которую составлял Маршак. В одном из писем ко мне (23 сентября 1938 г.) А. Т. писал о своей задаче: «...Меня очень занимает поэтическая хрестоматия... Нужно, так сказать, отобрать лучшие цветы в садах советской поэзии, многое вспомнить, откопать». *..у Вас берем «Двадцатилетнего»...* — «Двадцатилетний. Современная баллада» («Правда», 1937, 9 октября) позже печатается под названием «Рассказ о неизвестном герое». *...журнал стихов и поэтической критики* не был создан. *Кирсанов* — см. примеч. к письмам Я. Ухсаю от 25 ноября 1959 г. и к Исаковскому от 19 ноября

1952 г. *Асеев* — см. примеч. к письму Т. И. Волгиной от 9 января 1941 г. *Андроников* — см. примеч. к письму Г—ну А. Б. от 13 апреля 1967 г.

12 октября 1938 г. (Стр. 359)

Сын Твардовского Саша умер в возрасте полутора лет. *Бабушка* — Ирина Евдокимовна Горелова.

21 января 1939 г. (Стр. 360)

Собираюсь... готовиться к госэкзаменам... — См. примеч. к письму А. А. Беку от 3 июля 1937 г. 29 июня 1939 г. Твардовский получил диплом об окончании МИФЛИ. *...работаю... над одной вещицей...* — Твардовский работал над стихотворением «Ленин и печник» (см. в т. 5 ст. «О стихотворении «Ленин и печник»). *Федин К. А.* — См. примеч. к адресованному ему письму от 8 октября 1958 г.

27 мая 1940 г. (Стр. 361)

В Остафьеве (подмосковный дом отдыха, бывшее родовое имение поэта П. А. Вяземского) А. Т. начал доработку и отделку стихотворений «финского цикла», поставив себе задачу освободить их от налета поспешности — следствия работы в суровых военных условиях зимы 1939/40 г. Первоначально произведения новой военной темы он собирался включить в подготавливаемую книгу, которой дал название «Новый год». Основу ее составляли два цикла: один — стихи о поездке в Загорье и про деда Данилу (в последний входили и вновь написанные: «Дед Данила в лес идет» и «Зимний праздник»); другой — стихи с Карельского фронта. По завершении работы книга «Новый год» была разделена автором на два сборника: «Загорье» («Советский писатель», 1941) и «Фронтовые стихи» (Детиздат, 1941).

Не обижайся... за Кашубу. — См. примеч. к след. письму.

22 ноября 1940 г. (Стр. 361)

...стихи одной, совсем неизвестной, поэтессы... — Речь идет о Т. И. Волгиной. См. письма к ней от 9 января и 15 июня 1941 г. и от 5 февраля 1968 г. *...мои новые жилищные условия...* — Была получена двухкомнатная отдельная квартира (на семью из четырех человек), в которой А. Т. имел изолированную комнату. *...что я тебе сообщу относительно рассказов?* — В хрестоматию для младших школьников «Двенадцать месяцев» Твардовский пообещал дать два рассказа: один на колхозную тему, другой на основе записей финского периода. Военный рассказ — «Экипаж малышей» — был написан, но не отослан Маршаку: автор был им недоволен. В рассказе описывались боевые действия танкового экипажа, имевшего в части прозвище «экипаж малышей» и сумевшего заслужить звание «геройского»: командир машины — Даниил Диденко, башенный стрелок Евгений

Кривой, механик-водитель Арсений Крысюк получили звания Героя Советского Союза. Об «экипаже малышей» Твардовский писал в первоначальном варианте стихотворения «Танк» (см. т. 2, с. 29):

А за той за бронестенкой
Каждый — с виду паренек,
Командир сидит Диденко,
Да водитель, да стрелок.

. . . .

Мимо их висков вихрастых,
Возле их мальчишьих глаз,
Смерть в боях свистела часто
И минет ли в этот раз!

В дальнейшей работе над стихотворением А. Т. убрал признаки конкретного экипажа. Вторая приведенная строфа перешла в «Теркина» («Переправа»). Первоначальный вариант стихотворения был напечатан в газ. «На страже Родины» 30 ноября 1940 г. *Тамара Григорьевна* Габбе (1903—1960) — писательница, редактор детской редакции Ленинградского отделения Госиздата, где в 1924—1937 гг. работал С. Я. Маршак. Близкий и многолетний его друг. *...статейку о нашем Кашубе...*— Посылалась рецензия В. Викторова («Вечерняя Москва», 1940, 21 ноября) на записки С. Маршака и А. Твардовского «Герой и его мать» («Знамя», 1940, № 6—7), посвященные Герою Советского Союза генерал-майору В. Н. Кашубе — одному из командиров 35-й орденоносной танковой бригады, действовавшей на Карельском перешейке во время финской войны. *...для библиотеки «Огонек».* — Помимо рассказа матери, дополнявшего рассказ генерала Кашубы, предполагалась еще запись рассказа его сестры. Но начавшаяся уже работа Твардовского над «Теркиным» расхолаживала его ко всяким иным начинаниям, и огоньковская книжечка не состоялась.

〈Между 11 и 20 марта 1941 г.〉 (Стр. 362)

Письмо не датировано. Условная дата «начало 1941 г.» поставлена рукой И. С. Маршака. Приближенно его можно датировать временем между 11 и 20 марта 1941 г. 11 марта Твардовский возвратился в Москву из поездки в Прибалтику (см. примеч. к письму Е. И. Ковальчик от 19 февраля 1941 г.), 20 марта он встречался с Маршаком, о чем свидетельствует дневниковая запись: «21 марта 41-го. Вчера читал Маршаку главки «Теркина». Он был просто взволнован, но необходимо помнить, что это с ним бывает, а потом, он ничего, кроме «Муравии», не помнит. Одно важное его замечание: стихи свободные, без стремления к эффектам на каждой строчке. Помнить о деле, о том главном, что хочешь сказать, а «строчки сами собой будут

хороши...» По-видимому, письмо предваряло эту встречу: выраженное в нем желание «поговорить, посоветоваться» легко связывается с намерением А. Т. продолжить в Ялте (выехал 30 марта) работу над новой поэмой. *Ботинки получил.*— Такие же, как у С. Я. Маршака («генеральские»), ботинки с резинками вместо шнуровки, которые захотел иметь А. Т., были куплены ему в Ленинграде. За «подробностями» он отсылает С. Я. к его шоферу, который привозил ботинки. *Софья Михайловна* — жена Маршака.

1 апреля 1941 г. (Стр. 363)

Открытка, отправленная по дороге в Ялту.

Жаров — см. примеч. к письму М. В. Исаковскому от 21 апреля 1941 г. *Сурков* — см. примеч. к письму К. И. Массалитинову от 17 мая 1951 г. *Вас. Кудашов* — см. примеч. к письму М. В. Исаковскому от 4 апреля 1941 г.

22 декабря 1944 г. (Стр. 363)

Новогодняя открытка с обратным адресом полевой почты 55563. Войска 3-го Белорусского фронта находились в это время у границ Восточной Пруссии, штурм которой начался в середине января нового года. По-видимому, А. Т. удалось навестить в Смоленске по просьбе С. Я. Маршака его знакомых или родственников — семью Брауде.

16 июня 1957 г. (Стр. 364)

...невестка — жена И. С. Маршака Мария Андреевна. *...за суетами... околопленумских дней...*— В начале июня состоялся III пленум Правления Союза писателей СССР, на котором обсуждался вопрос об ошибках, допущенных редколлегией второго сборника «Литературная Москва» (1956). Затем прошел ряд собраний, в частности, общее собрание московских писателей, посвященное итогам III пленума. В докладе К. А. Федина отмечались не только ошибки сб. «Литературная Москва», но и журн. «Новый мир», «допускающего одностороннее изображение действительности» (журнал в то время редактировался К. М. Симоновым). *...не сумел послушать твои заметки...*— Очевидно, речь идет об уже начатой С. Я. Маршаком серии статей о литературном мастерстве. Они печатались в «НМ» годом позже (см. письма от 16 июня и 29 июля 1958 г.).

16 декабря 1957 г. (Стр. 364)

...по прошествии юбилейных тревог...— В сентябре 1957 г. С. Я. Маршаку исполнялось 70 лет. Секретариат Союза писателей вынес решение о создании юбилейной комиссии в составе: А. Т. Твардовский (председатель), Г. М. Марков (зам. председателя), В. П. Катаев, К. И. Чуковский, С. В. Михалков, которая должна была наметить и осуществить ряд мероприятий — вечеров, выступлений по радио и в концертных залах — по че-

ствованию С. Я. Маршака. В начале юбилейных торжеств А. Т. захворал и в них не участвовал.

22 декабря 1957 г. (Стр. 366)

...тревога за Валю...— старшую дочь, аспирантку МГУ, оставшуюся в Москве. *...юбилейная сессия* закончилась 2 декабря торжественным вечером в Колонном зале Дома Союзов. *Если вышел первый том...*— четырехтомного Собрания сочинений Маршака (1958—1960). Об этом издании он сообщает Твардовскому в письмах от 26 декабря 1957 г. и 4 января 1958 г.

7 января 1958 г. (Стр. 367)

...отмечать похвалой те посредственные стихи...— А. Т. имеет в виду свое стихотворение «От Иркутска до Братска» («Правда», 1958, 1 января), в котором была допущена опечатка. *Живу... в трудах и разумных удовольствиях...*— См. примеч. к письму М. В. Исаковскому от 27 декабря 1957 г.

12 января 1958 г. (Стр. 368)

Деньги, запрошенные Твардовским (суммы указаны в старом исчислении), понадобились для оплаты трех путевок, т. к. А. Т. решил продлить на месяц пребывание в ялтинском доме, а также на мою поездку в Москву к старшей дочери, положенной в больницу. Ольга, младшая дочь, школьница, имела годовой отпуск из-за болезни сердца, оставалась с А. Т. в Ялте.

Пузиков Александр Иванович (р. 1911) — литературовед, автор книг о французской литературе, главный редактор (с 1951 г.) изд-ва «Художественная литература» (Гослита).

⟨Июнь 1958 г.⟩ (Стр. 370)

Это недатированное письмецо А. Т. сопровождало гранки «Заметок о мастерстве» С. Я. Маршака. Работа над ними проходила частью в санатории «Барвиха». Этим объясняется просьба о пересылке гранок с «воскресной оказией» в Москву, где редакции проще было их получить у секретаря Маршака Розалии Ивановны. Поскольку материал, предназначенный для седьмой книжки журнала, в которой шли «Записки», был сдан в набор 13 июня, а содержание письма А. Т. говорит о срочности корректуры, оно написано близко к середине июня 1958 г.

16 июня 1958 г. (Стр. 370)

Речь идет о той части «Заметок о мастерстве», которые предназначались для № 7 «НМ». В первую публикацию (раздел «Дневник писателя») вошли ст.: «О талантливом читателе», «Выбор дороги», «Сказка, возбуждавшая народное чувство», «О звучании слова», «Свободный стих и свобода от стиха».

Калерия Николаевна Озерова — в то время старший редактор отдела критики «НМ». *Стихи мы не будем давать...*— Имеются в виду стихи С. Маршака «Из лирической тетради», которые

автор предлагал для следующего номера журнала, с тем чтобы иметь время для окончания цикла «Заметки о мастерстве». Редакция «НМ» спланировала иначе: продолжение статей дала через номер, а лирику — в № 12.

29 июля 1958 г. (Стр. 371)

Имеются в виду статьи второго цикла «Заметок о мастерстве», появившиеся в № 9 «НМ»: «Слово в строю», «Мысли в словах», «О поэзии познавательной книги». С. Я. Маршак принял во внимание замечания Твардовского-редактора и изъял из статьи «Мысли о словах» ту часть текста, которая касалась мастерства Твардовского-поэта. В книге «Воспитание словом» (1961) С. Я. Маршак отвел Твардовскому целую главу — «Ради жизни на земле».

Федору Ивановичу — Панферову (см. примеч. к письму В. Д. Лейман от 7 февраля 1959 г.), главному редактору журн. «Октябрь» (с 1932 г.).

3 февраля 1961 г. (Стр. 371)

В библиотеке С. Я. Маршака сохранилось до трех десятков изданий А. Твардовского, в том числе его четырехтомное Собрание сочинений («Художественная литература», 1959—1960). Надпись на первом томе: «Самуилу Яковлевичу Маршаку — старшему классику от младшего. *А. Твардовский*, 20 января 1960 г.». Письмо А. Т., по-видимому, сопровождало два последних, вышедших почти одновременно, тома собрания и полный комплект всего издания.

...книжку А. Туркова — А. Турков. Александр Твардовский. М., ГИХЛ, 1960.

14 февраля 1962 г. (Стр. 372)

...в Ленинском комитете... — Твардовский был введен в члены Комитета по Государственным премиям в феврале 1947 г. Членом Комитета по Ленинским премиям при Совете Министров СССР он был со дня его организации (1956 г.).

14 марта 1962 г. (Стр. 372)

Открытка из Флоренции, куда Твардовский выезжал для участия в работе конгресса Европейского сообщества писателей (см. письмо Г. А. Жукову от 3 апреля 1962 г. и примеч. к нему).

Узилище — так А. Т. вслед за И. С. Соколовым-Микитовым называл всякое лечебное заведение.

14 сентября 1962 г. (Стр. 372)

Письмо в Ялту. В 1961—1962 гг. Маршак по нескольку месяцев жил в Крыму (Тессели, Нижняя Ореанда, Ялта). Здесь он лечился и работал. «Четверостишия», над которыми, как видно из следующего письма, он продолжал работу в Ялте, на-

печатаны в «НМ», 1962, № 11 под заголовком «Десять четверостиший».

17 сентября 1962 г. (Стр. 373)

Перевод из В. Блейка печатался в «НМ» вместе с «Четверостишиями» и без каких-либо примечаний.

Твои замечания о молодой поэзии... — Неоконченная статья Маршака «Молодым поэтам» была посмертно опубликована в «НМ» (1965, № 9). *Копии стихов...*— машинопись «Четверостиший».

ПИСЬМА И. С. СОКОЛОВУ-МИКИТОВУ

Состоявшаяся в январе 1955 г., во время семейной поездки в Ленинград, встреча Твардовского с Иваном Сергеевичем Соколовым-Микитовым (1892—1975) была началом их дальнейших сердечных дружеских отношений, обогатившихся в течение пятнадцати лет многими личными встречами и перепиской.

Соколов-Микитов, как и С. Я. Маршак, принадлежал к старшему поколению писателей. Оба они пользовались и любовью, и уважением Твардовского. Однако отношение Твардовского к Соколову-Микитову несет в себе и чувство понимания той части поколения, которое в силу ряда обстоятельств пребывало в некоем отдалении от современной темы. Отношение это соединено с желанием поддержать товарища, удержать его в рабочем состоянии, использовать его способности на благо литературе. С. Я. Маршак, сохранявший до конца дней исключительную работоспособность и связь с сегодняшним днем, не вызывал такого отношения,— он в нем попросту не нуждался.

Твардовского глубоко затронула судьба Соколова-Микитова, привлек не только его художнический талант, но и в не меньшей степени его характер, человеческий тип. Ему нравился внешний облик писателя, свойственное ему чувство собственного достоинства, сдержанность и неторопливость в речах и поступках и тот исконный юмор, которым так привычно защищается русский человек от явлений неблагоприятных.

Впервые задумался Твардовский над судьбой этого художника вскоре после знакомства с ним и прочтения его книги «На теплой земле» (1954). Вот запись, сделанная по возвращении из Ленинграда: «19 января 1955 г. Соколов-Микитов — прелесть. Прочел там почти всю его книгу, говорил о ней с ним по телефону и при встрече. Главного не сказал — что он потерял, уйдя от

коллективизации в дальние охотничьи путешествия, в Заполярье, ледовые походы и т. п. Поэтому все меньше в очерках людей (кроме посредственных зарисовок полярников, эпроповцев, изъятых из большой социальной и исторической жизни) против набросков 20-х годов, где и мужики, и земля, и самогонщики, и всякая всячина первых лет революции в деревне. Можно допустить, что этому отходу от жизни способствовал тон и характер складывавшейся уже к этому времени литературы... Однако это все равно не прощается художнику — оттого он и грустен. Сам понимает, что жизнь прошла не на полную мощность. А писать умеет, слово чувствует, много в нем смоленского — в языке, фразеологии, пейзаже, типах; жаль даже, что я хорошо не знал его прежде».

Высказывание это — ключ и для понимания того, каким представлял себе Твардовский Соколова-Микитова, и для понимания дальнейшего его отношения к нему. Сам желавший перемен и приветствовавший их в коллективизированной деревне, Твардовский тем не менее сумел понять причины, по которым старший писатель уклонился от воспроизведения новых явлений деревенской жизни, боясь фальши, поступка против совести. Так восприняв эту судьбу, Твардовский постарался сделать все, что от него могло зависеть, чтобы поддержать и ободрить товарища своевременно сказанным добрым словом, сберечь и сохранить его светлое мироощущение для любимого труда. Особенно усилил он свое внимание, когда заметил некоторое привыкание Соколова-Микитова к хандре, его готовность смириться с утратой энергии и приспособиться к жизни тихой, без подъема и творческих волнений. Вот почему среди писем Твардовского начинают появляться письма-заказы, письма-просьбы о рецензиях и других материалах. На протяжении нескольких лет с чисто сыновней настойчивостью не дает Твардовский угасать творческим навыкам писателя Соколова-Микитова, поощряя, заинтересовывая и привлекая его к сотрудничеству в «НМ». Здесь, начиная с 1960 г., Соколов-Микитов напечатал почти все, что удавалось ему написать; его художественные произведения, очерки, воспоминания и рецензии постоянно, хотя и с неровными паузами, появлялись на страницах «НМ».

Оценка творчества Соколова-Микитова как «одного из самобытнейших и неподдельных талантов нашей литературы» дана в статье Твардовского «О родине большой и малой» (т. 5, с. 26). Записки о Твардовском, в которых Соколов-Микитов рассказал о совместно совершенной летом 1955 г. поездке на Петровские озера и привел отрывки из многих писем Твардовского, входят в его книгу «Давние встречи» (1976) и в сборник «Вос-

поминания об А. Твардовском» (1978). Сохранившиеся письма — 61 письмо Твардовского и 62 письма Соколова-Микитова — опубликованы в журн. «Север» (1978, № 4—6).

2 ноября 1953 г. (Стр. 374)

Это самое раннее из писем Твардовского к И. С. Соколову-Микитову предваряет их переписку, ставшую регулярной с 1955 г. и продолжавшуюся до 1970 г. В сопроводительном письме о посланной рукописи Соколов-Микитов писал: «Посылаю, как мы условились, маленькие «Рассказы о детстве» — так сказать на пробу. Хорошо понимаю, что эти рассказы — лирические по содержанию и повествующие о прошлых временах — могут и не подойти для журнала. Именно поэтому посылаю их на Ваше имя...» (27 октября 1953 г.— Архив А. Т.). «Рассказы о детстве» не печатались в «НМ». Впервые: в сборниках «Родной край», Калинин, 1954, вып. 6 и 7. Они представляли собой новые главки повести «Детство» и пополнили ее в книге «На теплой земле» (1954). Книга, подаренная Иваном Сергеевичем, сохранилась в библиотеке А. Т. Доброжелательная надпись на ней — как бы краткое письмецо от автора: «Дорогой Александр Трифонович! Желаю Вам всего лучшего, благодарю, крепко дружески жму руку. *И. Соколов-Микитов.* 1954 г. Москва. В тихий час загляните в эту книжку, в которой есть кое-что и о старой деревенской Смоленщине».

16 января 1955 г. (Стр. 374)

Прочел по приезде... — Имеется в виду возвращение из поездки в Ленинград с женой и дочерью Ольгой во время ее школьных каникул. Кратковременность встречи с Соколовым-Микитовым в семье поэта Н. Л. Брауна объясняется нездоровьем А. Т. (см. примеч. к письму А. А. Прокофьеву от 16 января 1955 г.).

...доброе и такое лестное письмо... — Из Ленинграда Соколов-Микитов писал Твардовскому: «Не мне говорить (Вам уже многие об этом говорили), как хороши, как народны, как чудесны стихи Ваши, как верен, народен и ясен язык. Мне Ваши стихи (да и проза Ваша) особенно понятны. Боже мой, сколько раз — еще в двадцатых годах, на Смоленщине, под елью в лесу, в деревенской избе — сиживал я с героем Вашим Моргунком...». В данном случае имеется в виду не персональный герой «Страны Муравии», а те реальные мужики, судьба которых воплощена в нем. Однако здесь же следует отметить невольную ошибку памяти Ивана Сергеевича: «Покойного друга моего Александра Трифоновича Твардовского впервые увидел я в начале 20-х годов в г. Смоленске... Там же я познакомился с молодым, но уже известным поэтом Исаковским, выпустившим свою первую книжку «Провода в соломе» («А. Т. Твардовский» в кн.: «Давние встречи».

М., 1976). Трудно представить встречу «в начале 20-х годов», когда Твардовскому было всего лишь 12—13 лет. Если исключить маловероятную встречу в Смоленске в 1926 г., когда А. Т. приезжал из деревни на совещание селькоров и встречался с Исаковским, но когда еще не было книги Исаковского «Провода в соломе», то ошибка проясняется таким образом: «Провода в соломе» вышли в 1927 г., Твардовский переехал в Смоленск в 1928 г. Очевидно, эта мимолетная встреча произошла либо в самом конце 20-х годов, либо в 30-е. Сам Иван Сергеевич считал началом подлинного знакомства с А. Т. 50-е годы. «Настоящее доброе знакомство с Твардовским установилось в начале пятидесятых годов, когда вышла моя книга «На теплой земле». Твардовский приезжал как-то в Ленинград, где я в то время жил... Твардовский много разговаривал со мною, хвалил мои рассказы. С этой давней ленинградской встречи завязалось наше близкое знакомство, перешедшее в дружбу» («Давние встречи»).

5 сентября 1955 г. (Стр. 375)

Твардовский навестил Соколова-Микитова на его даче в Карачарове (Конаковский р-н Калининской обл.) в августе. Тогда же была совершена поездка на северо-восток области — Петровские озера.

...книга Ваша (Избранное)... — Сборник И. Соколова-Микитова «Повести. Рассказы. Очерки». М., «Советский писатель», 1956. *Борис Петрович* Розанов — племянник И. С. Соколова-Микитова, директор местного дома отдыха.

11 октября 1955 г. (Стр. 376)

...после похорон у М. В... — М. В. Исаковский похоронил жену Лидию Ивановну Исаковскую 27 сентября 1955 г.

15 декабря 1955 г. (Стр. 376)

Твардовский выехал в Карачарово вместе с Соколовым-Микитовым, который ехал к себе на дачу из Ленинграда через Москву. Прожил он там неделю. Время это, проведенное вместе, особенно сблизившее их, А. Т. вспоминает и в своих более поздних письмах.

8 января 1956 г. (Стр. 377)

...дотянул я до пленума... — С 9-го по 16 января в Москве проходил пленум Правления Союза писателей СССР. *...труднейшую главку «Далей»...* — «Друг детства». *Маленький человек...* — внук Андрей. *Казакевич* — см. примеч. к адресованному ему письму от 5 февраля 1959 г.

2 февраля 1956 г. (Стр. 378)

...нужно закончить одну штуку... — По-видимому, речь идет о доработке той же главы «Друг детства», обещанной Э. Казакевичу для альманаха «Литературная Москва», где она и была на-

печатана (1956, вып. 1). *...мой эркер...* — Кабинет А. Т. в квартире на Кутузовском проспекте (д. 1/7) имел эркер в сторону Москвы-реки.

17 апреля 1956 г. (Стр. 378)

В санатории им. Горького в Подмосковье Твардовский пробыл с 10 апреля по 7 мая. Работал здесь над главой «Молодожены». Там же была начата глава «Так это было».

М. А. Лифшиц — см. примеч. к письму А. Ю. Михалевичу от 11 января 1967 г.

26 июля 1956 г. (Стр. 379)

Прибыл... из поездки... — Поездка в Сибирь (Братск, Ангара, Байкал) состоялась в июне—июле.

14 сентября 1956 г. (Стр. 380)

В Смоленск Твардовский выехал 21 сентября.

15 декабря 1956 г. (Стр. 381)

В начале письма А. Т. отзывается на жалобы Ивана Сергеевича по поводу трудной полосы жизни: «...Я что-то быстро дряхлею, часто впадаю в уныние... Давно и тяжело болеет внук, нервничает Лидия Ивановна. Я — естественно — хожу с распухшей головой» (12 декабря 1956 г.). В Дом творчества в Малеевке А. Т. выехал 22 октября с целью возобновить работу над «Теркиным на том свете». Работа эта, по его выражению, «не пошла». В начале 1957 г. он продолжил работу над поэмой «За далью — даль». *...огоньковскую книжечку.* — «За далью — даль (1955—1956)». Библиотека «Огонек», 1956, № 44.

14 февраля 1957 г. (Стр. 382)

Саша — внук Соколова-Микитова.

4 мая 1957 г. (Стр. 383)

...поедут в Коктебель... — См. след. письмо. *...поеду опять на Восток... либо... на Селигер...* — Эти наметки не осуществились. *Константин Александрович* — Федин (см. примеч. к адресованному ему письму от 8 октября 1958 г.).

10 июня 1957 г. (Стр. 383)

...на днях мне исполнилось 47 лет... — День рождения А. Т. долгое время отмечался в семье по метрике, т. е. по старому стилю (8 июня). *...рецензию на Вашу книгу...* — Н. Асанов. Человек обходит землю. — «Лит. газ.», 1957, 4 июня (о книге Соколова-Микитова «Повести. Рассказы. Очерки», М., 1956).

2 июля 1957 г. (Стр. 384)

В Коктебеле «завязалась» глава из «Далей» — «На Ангаре». Там же она была закончена. Опубликована в «Правде» 8 сентября 1957 г.

27 июля 1957 г. (Стр. 385)

К. А. Ф. — К. А. Федин. *...не близко ли у Вас 70?* — А. Т. опережает юбилейную дату на 5 лет.

10 ноября 1957 г. (Стр. 386)

Одесса увела Вас в одну сторону, а меня Италия в другую... — Иван Сергеевич писал: «В конце лета черт попутал меня схать в Одессу, отдыхать и лечиться на грязи. Там я ухитрился простудиться — получил воспаление тройничного нерва (есть такой)... Целый месяц лежал и ходил с распухшей и обвязанной головой, чуть не потерял левый глаз» (4 ноября 1957 г.). Выезд Твардовского в Италию был в связи с трехдневной дискуссией в Риме на тему «Поэзия нашего времени». *...кончится... только 18.XI...* — Вечер в Колонном зале состоялся 2 декабря (см. примеч. к письму С. Я. Маршаку от 16 декабря 1957 г.). *...мои молодые...* — старшая дочь Валентина Александровна с мужем. *...уеду, должно быть, к 1.XII.* — Путевки были даны с 15 декабря.

7 декабря 1957 г. (Стр. 388)

В письме от 25 ноября 1957 г. Иван Сергеевич спрашивал А. Т.: «Кто таков Солоухин? Недавно читал в «Новом мире» его владимирские очерки. Очень понравилось. Светло, молодо,— все видит, все слышит. И сахару мало». «Владимирские проселки» В. Солоухина (см. примеч. к письму Ю. И. Николаеву от 18 июня 1962 г.) печатались в «НМ», 1957, № 9, 10.

22 декабря 1957 г. (Стр. 390)

Собираюсь... написать Владыкину. — Григорий Иванович Владыкин (р. 1909) — в 1957—1962 гг. директор Гослитиздата.

2 января 1958 г. (Стр. 390)

О книжке в Детгизе Соколов-Микитов сообщал Твардовскому: «Это некоторые «избранные» рассказы из моей толстой книжки, которую Вы знаете («На теплой земле».— *М. Т.*). Редакция обращалась к К. А. Федину с просьбой написать к ней предисловие, но он отказался, ссылаясь на занятость и мое отрицательное отношение к книжным предисловиям. Детгизу нужно, повидимому, предисловие для некоторой «перестраховки», хоть никаких разлагательских проповедей в скромной моей книжке я не вижу... Разумеется, мне будет приятно, если Вы напишете для этой маленькой книжки, рассчитанной на подростков, несколько слов обо мне (1—2 страницы) (27 октября 1957 г.). Вскоре, однако, он уведомил А. Т.: «Московский Детгиз мне сообщил, что решается выпустить мою книжечку и без специального предисловия». Книжка вышла в 1959 г. («Голубые дни». М., Детгиз).

Здесь я... до 25 января... — А. Т. оставался в Ялте до 15 февраля (см. примеч. к письму С. Я. Маршаку от 12 января 1958 г.).

18 января 1958 г. (Стр. 392)

...предисловие для двухтомного издания...— И. Соколов-Микитов. Соч. в 2-х томах. М., Гослитиздат, 1959. Предисловие А. Твардовского «О родине большой и малой» (см. т. 5), *Я нашел... только... второй том издания 50-го г.* — Имеется в виду двухтомное издание: И. Соколов-Микитов. Избр. произв. М., Гослитиздат, 1950. На это И. С. ответил: «Книжку (2-й том издания 50-го г.), которую Вы достали в Ялте, лучше не читайте. Это плохая, неудачная книжка, не читайте и первый том того же издания. Если надобно, я попрошу прислать Вам книжку, которую однажды Вам подарил (1954). В ней больше деревенского и многое исправлено. Да и вообще не читайте некоторых писаний моих, написанных ради насущного черного хлеба. Я и сам их в руки не беру» (24 января 1958 г.).

19 января 1958 г. (Стр. 393)

Дочь Соколова-Микитова Ирина (1924—1940) умерла в одном из ялтинских санаториев. В очередном письме, выражая благодарность А. Т. за его хлопоты о могиле дочери, И. С. писал: «О том, что была для меня старшая дочь, Вы немного знаете. В ней собралось лучшее, что есть во мне, а мое худое — все отпало. И родилась она на Смоленской земле, в Кислове, и самое последнее воспоминание ее было о куличке-перевозчике, который летал и свистел над нашей рекою. Глаза у нее были мои... Любили ее подружки, знакомые, домработницы, да и красавица она была русская, в породу микитовских женщин, которые, по рассказам моего отца, везде были красивые (но не всегда счастливые)... Простите, что пишу об этом, личном, но Вам могу написать...» (26 января 1958 г.).

6 февраля 1958 г. (Стр. 394)

Ответом были телеграмма и письмо Соколова-Микитова от 9 февраля с выражением согласия и благодарности.

...о своем творчестве, об истоках и характере его — очень верно и толково.— А. Т. имеет в виду следующее место в письме Соколова-Микитова от 24 января: «Немногие критики и рецензенты (меня они не баловали, хотя и никогда не бранили), которые брались обо мне писать, почему-то считали необходимым называть меня «путешественником, исходившим землю», «охотником» и т. п. Все это незерно и несправедливо, так же как несправедливо подверстывать меня к Пришвину, к Паустовскому или даже к Арсеньеву. Вы, пожалуй, *первый* поняли (да вот во время оно понял Бунин), что душа моя в русской деревне. От усадебной тишины (ныне уже несуществующей) моя лирика, связывающая меня с «большаком» русской классической литературы: с Аксаковым и Тургеневым. Как-то Вы сами удачно проговорились, что

я — в моей писательской судьбе — как последняя береза на русском забытом большаке. Не велико выросло дерево, но все же росло у русского большака».

22 апреля 1958 г. (Стр. 395)

Поликарпов. — См. примеч. к адресованному ему письму (конец января 1962 г.). *С начальством гослитовским... встречусь...* — Ответ на просьбу Соколова-Микитова: «Если доведется Вам видеть в Москве кого-нибудь из гослитовского начальства — напомните (*ежели удобно придется к слову*) о книжечках моих, судьба которых все еще не определена» (12 апреля 1958 г.).

30 апреля 1958 г. (Стр. 396)

Вся канифоль насчет неприсуждения премий... — Твардовский отвечает на вопрос Соколова-Микитова: «Что произошло с Ленинскими премиями?» (27 апреля 1958 г.). В 1958 г. Ленинские премии по литературе не присуждались. Выдвинутые 34 кандидатуры и в том числе оставленные для тайного голосования 6 кандидатур (см. «Лит. газ.», 1958, 16 января и 18 февраля) не собрали необходимого числа голосов. Ленинские премии были присуждены лишь по разделу искусства (см. «Правда», 1958, 22 апреля). 24 апреля в «Правде» появилось письмо в редакцию, подписанное группой работников московского завода «Серп и молот» под заглавием «Достойно оценить достижения литературы и искусства (Почему не отмечены премиями выдающиеся произведения литературы, живописи и кино?)», где, в частности, говорилось: «Мы очень огорчены тем, что Комитет по Ленинским премиям в области литературы и искусства не счел возможным отметить Ленинскими премиями выдающиеся работы ряда писателей, художников, деятелей кино». Конкретно назывались рассказ М. Шолохова «Судьба человека», роман М. Стельмаха «Кровь людская — не водица» и поэма Твардовского «За далью — даль». В отличие от двух вышеназванных произведений, поэма Твардовского не выдвигалась на соискание Ленинской премии, поскольку была тогда еще не закончена. Сам же Твардовский, как видно из его письма, стоял в данном случае на позициях статута Комитета, членом которого он был. Позднее, когда поэма была завершена, она была удостоена Ленинской премии (1961 г.). М. Шолохову Ленинская премия была присуждена в 1960 г. за роман «Поднятая целина», М. Стельмаху — в 1961 г. за трилогию «Хлеб и соль», «Кровь людская — не водица», «Большая родня».

28 июня 1958 г. (Стр. 397)

Отзыв Соколова-Микитова о предисловии Твардовского был сдержанно-благожелательным: «Из Ленинграда мне прислали (прислал мой редактор Сидоров) Ваше предисловие к моему двухтомнику «на просмотр». Что могу сказать? Думаю, Вы напи-

сали как раз то, что нужно было написать и сказать. Ваше предисловие я показывал здесь новому академику, который сейчас гостит в Карачарове. Он сказал самое то, что думал я: ясно, просто, доброжелательно, а главное, взят тот верный тон, который нужен для предисловия к моим книжкам» (23 июня 1958 г.). *Новый академик* — К. А. Федин, избранный в действительные члены Академии наук СССР в июне 1958 г.

19 августа 1958 г. (Стр. 398)

Известив Ивана Сергеевича о намерении приехать, А. Т., однако, не выбрался в Карачарово.

9 октября 1958 г. (Стр. 399)

Ответ на письмо Ивана Сергеевича от 5 октября, в котором он писал: «Сижу в Карачарове в полном и пустынном одиночестве, даже в ушах звенит. Читаю, кипячу чаек, кое в чем ковыряюсь. Ох, скверная штука старость! То спина болит, то сны недобрые снятся, то вспоминается тяжкое. А тут еще наша осень, всегда такая печальная, грустная... точно кого-то хоронишь или провожаешь. И эти российские глушь, пустота, тень... А все же, ей-богу, и чудесна русская наша осень! (Так же, как чудесны наши грустные песни.) Вот третьего дня, на рассвете, прилетели к своим домикам скворцы, пели, совсем как весною. Видно, прощались.

«е. б. ж.» («если буду жив»), выражение Л. Н. Толстого, употребляемое им в дневниковых записях в таком сокращенном виде, встречается в письмах Твардовского и Соколова-Микитова.

10 октября 1958 г. (Стр. 400)

Рецензия И. С. Соколова-Микитова на отдельное издание книги В. Солоухина «Владимирские проселки» («Молодая гвардия», 1958) была напечатана в «НМ», 1959, № 1 под заглавием «У родной колыбели». Включена в т. 4 Собрания сочинений автора (1965—1966).

...в Вашем Монрепо... — то есть в тихом уголке, месте уединения (от фр. mon repos — мой отдых). Использовано М. Е. Салтыковым-Щедриным в заглавии его книги «Убежище Монрепо».

4 ноября 1958 г. (Стр. 400)

Рецензия Соколова-Микитова «Хозяин своей земли» на книгу И. Зыкова «Хозяин родины своей» (М., 1958) опубликована в № 4 «НМ» за 1959 г.

10 апреля 1959 г. (Стр. 401)

...получил письмо и книги... — Письмо Соколова-Микитова от 10 марта 1959 г., в котором он сообщал о предполагавшемся скором приезде в Москву в связи с III Съездом писателей СССР, сопровождало его Сочинения в двух томах (М., 1959, предисловие Твардовского) с дарственной надписью: «Дорогому Александру

Трифоновичу Твардовскому с признательностью и любовью. Март, 1959 г. *И. Соколов-Микитов». ...думаю, что все же это не «аксаковский» случай...*— «Ваше доброжелательное предположение, будто «аксаковскую» болезнь я придумал лишь в «художественном» смысле, к сожалению, не совсем справедливо,— отвечал И. С.— ...Диагноз оставили прежний, т. е. «подозрение на глаукому глаз» (14 апреля 1959 г.). *Очень рад, что Вы согласились написать нам об Аксакове С. Т.*— «Посылаю для «НМ» небольшую заметку о С. Т. Аксакове,— писал Соколов-Микитов 25 апреля,— как Вы просили. Простите, что опаздываю, помешала болезнь». Страницы Соколова-Микитова об Аксакове, которыми редакция «НМ» намеревалась отметить исполнявшееся 12 мая 1959 г. столетие со дня смерти писателя, из-за их опоздания не могли уже быть использованы. Они появились почти одновременно в нескольких изданиях: в «Огоньке» (№ 20) под заглавием «Любовь к земле, любовь к родине», в «Неве» (№ 5) — «Полная и нерушимая правдивость» и в «Лит. газ.» (12 мая) — «Жемчуга чистого слова». Эти небольшие заметки в переработанном виде составили позже статью, включенную в т. 4 Собрания сочинений автора под заглавием «Чистое слово» (с. 503).

3 августа 1959 г. (Стр. 401)

Поездка Твардовского на восток в июне — июле на этот раз была по маршруту: Братск — Иркутск — Владивосток, с посещением Байкала, а в Приморье — рудничных районов, пограничников и «фадеевских мест» (Чугуевка).

5 декабря 1959 г. (Стр. 402)

...делегация... выедет в январе...— Поездка делегации советских писателей в США планировалась спачала на ноябрь 1959 г. (постановление секретариата Правления СП СССР от 19 августа 1959 г.), а затем на январь 1960 г. Твардовский в Америку не выезжал (см. письмо от 12 февраля 1960 г.). *Рецензия Ваша пошла в набор.* — Отзыв И. С. Соколова-Микитова («НМ», 1960, № 2) на повесть Олега Волкова «В тихом краю».

17 декабря 1959 г. (Стр. 403)

Две последние недели декабря Твардовский провел в Малеевке, где возобновил работу над поэмой «Теркин на том свете». Когда необходимость поездки в Америку отпала (см. письмо от 12 февраля 1960 г.) и была получена путевка в Барвиху, он решил заканчивать более раннюю свою работу — «За далью — даль». За полтора месяца в Барвихе были доработаны некоторые старые главы поэмы и сделаны наброски новых глав: «Письмо с дороги» («Так это было»), «Москва — Сибирь» («К концу пути») и «До новой дали» (заключительная глава)

12 февраля 1960 г. (Стр. 404)

Старец-академик — К. А. Федин. *...обратиться к Е. А.* — К Екатерине Алексеевне Фурцевой (1910—1974), в то время члену Президиума ЦК КПСС. *...и дать в «НМ» для толстовского номера...* — В ответном письме (16 февраля 1960 г.) Соколов-Микитов выразил готовность попытаться «кое-что написать», но, видимо, не уложился в нужные сроки. Его воспоминания «В Ясной Поляне» впервые опубликованы в его книге «Давние встречи» (М., 1976). Они не датированы, возможно, что дописывались уже в более поздние годы. Но своим происхождением они, несомненно, обязаны «новомирскому» заказу 1960 г.

25 июля 1960 г. (Стр. 406)

Договор можем... заключить когда угодно... — В письме от 6 июля, на которое отвечает А. Т., Соколов-Микитов писал: «Как-то в беседе Вы сказали мне, что редакция «Нового мира» может заключить со мною предварительный договор на «Записки» и рассказы (летопись моей жизни), о которых я Вам говорил». Договор вскоре был оформлен.

20 сентября 1960 г. (Стр. 407)

...можно объявлять «Костер» в первой книге? — В проспекте «НМ» за 1959 г. был указан роман К. Федина «Костер» (3-я книга трилогии). Однако первая часть «Костра» появилась на страницах журнала лишь в 1961 г. (№ 8—12). Несмотря на договоренность с автором, роман не поступал в редакцию, в то время как фрагменты из него регулярно, начиная с 1956 г., публиковались в периодической печати — например, в «Огоньке» (1959, № 14), в «Лит. газ.» (1959, 15 августа), в «Правде» (1960, 15 мая, 14 августа, 4 и 8 сентября).

23 сентября 1960 г. (Стр. 407)

Ответ Ивана Сергеевича с припиской К. А. Федина в архиве А. Т. не найден.

7 июля 1962 г. (Стр. 409)

Предложение рецензировать книгу американского писателя Генри Дэвида Торо (1817—1862) Твардовский сделал сразу после прочтения этого произведения, только что переизданного (1962) в «Литературных памятниках». Книга эта со многими пометками А. Т. сохраняется в его библиотеке. Рецензия И. Соколова-Микитова «Жизнь в лесу» была напечатана в «НМ», 1962, № 9, включена в т. 4 Собрания сочинений автора.

Но пусть это не отвлекает Вас от собственной работы... — Твардовский имеет в виду записки И. Соколова-Микитова, на которые в 1960 г. он заключил договор с «НМ». Видимо, И. С. присылал А. Т. или привозил ему для ознакомления начало записок. «Тужусь кое-что нацарапать новое для «Нового мира»

в добавление к тому, что Вы прочитали,— пишет он 14 июня.— Одобрение Ваше, признаться, меня немножко ободрило (признаться, я сильно сомневался). Надеюсь, что «деревенских записей», кроме тех, что Вы уже видели, у меня наберется дополнительно около двух печатных листов... Что мне посоветуете? Либо отсрочить печатание всего целиком, либо печатать с продолжением, разбив на два номера журнала?» Был избран второй вариант: И. Соколов-Микитов. На своей земле. Записи давних лет. — «НМ», 1962, № 9, 10.

7 ноября 1962 г. (Стр. 410)

Собрание сочинений Соколова-Микитова в четырех томах было издано в 1965—1966 г. изд-вом «Художественная литература».

Черноуцан Игорь Сергеевич (р. 1918) — литературный критик, в 1951—1964 и 1967—1980 гг. ответственный работник Отдела культуры ЦК КПСС. *Посылаю Вам вырезочку...*— из калининской газеты «Смена», где 21 октября 1962 г. были напечатаны три небольших фрагмента публикации «На своей земле» из № 10 «НМ».

6 мая 1963 г. (Стр. 410)

Моуэт Фарли Мак-Гилл (р. 1921) — канадский писатель. Его первая книга «Люди Оленьего края» (1952) вышла в русском переводе в 1963 г. Соколов-Микитов ответил: «С большим удовольствием читаю (вернее сказать — читает мне внук) очень хорошую, правдивую, истинно человеческую книжечку о людях оленьего края, которую Вы прислали мне на отзыв. Постараюсь о ней кое-что написать» (1 июля 1963 г.). Но, как сообщает он в письме от 10 октября, «из-за глаз и некоторых других обстоятельств» работа над рецензией затянулась.

30 мая 1963 г. (Стр. 411)

Лесючевский Николай Васильевич (1908—1978) — в то время директор изд-ва «Советский писатель». *...сегодня уезжаю...* — Очередная поездка в Италию (Рим — Неаполь) по делам Европейского сообщества писателей.

1 ноября 1963 г. (Стр. 411)

...в Смоленск на юбилей...— В октябре исполнялась 1100-я годовщина основания города; Твардовский был приглашен на празднества. *Отдельного издания еще нет...*— В августе 1963 г. «Теркин на том свете» был опубликован в «Известиях» и в «НМ». Отдельное издание вышло в «Советском писателе» в конце 1963 г. *То, что получится у Вас об ихалмютах, присылайте.*— Напоминание о рецензии на книгу Моуэта. См. след. письмо и примеч. к нему.

⟨Конец декабря 1963 г.⟩ (Стр. 414)

В № 12 «НМ» была напечатана рецензия Н. Болотникова «Трагедия ихалмютов» на две книги Фарли Моуэта: «Люди Оленьего края» и «Отчаявшийся народ». Номер журнала подписан к печати 12 декабря. Таким образом, недатированное письмо А. Т. следует отнести к середине или второй половине декабря. Запоздавшую рецензию Соколов-Микитов опубликовал в журн. «Вокруг света» (1964, № 8), дополнив ее отзывом о второй книге Фарли Моуэта. В переработанном виде статья включена в т. 4 Собрания сочинений Соколова-Микитова (с. 516).

24 февраля 1964 г. (Стр. 414)

В письме из Малеевки 21 февраля 1964 г. Соколов-Микитов сообщал: «Живу в полном одиночестве среди неведомых мне и незнакомых людей. Пытаюсь кое-что нацарапать, но пока идет туго...» Жаловался Иван Сергеевич и на глаза. Теперь врачи определяли атрофию зрительного нерва.

...достругать рецензию...— Для получения 50% гонорара, как за заказанную журналом, но непошедшую.

20 октября 1964 г. (Стр. 415)

Речь идет о книге Кеннета Андерсона «Черная пантера из Шиванипали». Сокр. перевод с англ. Р. И. Котовской, М., «Наука», 1964 г. Рецензию Соколов-Микитов не написал, но книгу читал и хорошо отозвался о ней в письме к А. Т. от 30 октября 1964 г.

...серия покойников...— В апреле 1964 г. умер друг М. В. Исаковского Б. С. Бурштын, с которым и А. Т. был в близких отношениях (см. примеч. к адресованному ему письму от 3 февраля 1948 г.), в июле — С. Я. Маршак, в сентябре — В. С. Гроссман.

8 января 1967 г. (Стр. 416)

Бахтин В. С.— См. примеч. к адресованному ему письму от 11 января 1967 г.

18 апреля 1967 г. (Стр. 417)

«Крохи» были «поглощены» не пятым, а шестым номером «НМ». Это миниатюры И. Соколова-Микитова «Из записной книжки». Публикация в связи с исполняющимся 75-летием писателя сопровождалась приветствием от редакции. «...Исполненное душевного здоровья, проникнутое любовью к жизни, творчество Соколова-Микитова преемственно связано с классической русской традицией и неизменно находит себе широкий круг читателей. Редакция журнала «Новый мир» сердечно поздравляет Ивана Сергеевича Соколова-Микитова, своего старейшего автора и сотрудника, с семидесятипятилетием и желает ему многих лет жизни и здоровья на благо родной литературы».

...насчет бороды.— Тема эта несколько проясняется из письма Соколова-Микитова от 14 апреля 1967 г.: «По приказанию Вашему (эка, устыдили Вы меня при честном народе!) сползал в парикмахерскую, бороду маленько убавил. Стало как будто легче». Из того же письма можно понять, что И. С. посетил редакцию «НМ» («Душевно рад был повидаться с Вами, увидеть новомирских друзей...»), где, видимо, и выслушал дружественную критику за излишне отращенную бороду.

10 июля 1968 г. (Стр. 419)

...Воронковым...— См. примеч. к письму И. И. Владыкину от 27 мая 1961 г. *...с Лакшиным...* — См. примеч. к адресованному ему письму от 10 мая 1958 г.

ПИСЬМА В. В. ОВЕЧКИНУ

Почта Твардовского и В. В. Овечкина (1904—1968) имеет определенно выраженный характер переписки современников — представителей одного поколения, связанных не только единым временем, но и общими идейными взглядами.

Возникновение знакомства (сначала заочного), по-видимому, следует отнести к предвоенному периоду и журналу «Красная новь», возглавляемому в то время А. А. Фадеевым. Тогда в этом журнале регулярно выступали со стихами А. Твардовский, с прозой В. Овечкин, напечатавший здесь такие произведения, как «Прасковья Максимовна» (1939), «Без роду, без племени» (1940), «Гости в Стукачах» (1940) — рассказ, получивший весьма благожелательный отзыв А. Фадеева, «Старый машинист» (1941). Упрочившиеся в 1945—1946 гг. отношения писателей связаны с замыслом журнала для сельской интеллигенции «Советская Родина». Инициатива создания журнала принадлежала группе известных писателей: М. Шолохову, А. Фадееву, А. Твардовскому, П. Вершигоре, В. Овечкину, М. Исаковскому и была оформлена соответствующим письмом — программой журнала. О причинах, помешавших осуществить замысел, А. А. Фадеев сообщал В. Овечкину следующее: «Вопрос с журналом отложен на некоторые времена... Сейчас форсируют всевозможные научные, главным образом научно-технические журналы, что связано с проблемами четвертой пятилетки и, конечно, вопросами обороны. В силу этого происходит мобилизация бумажных ресурсов и полиграфии на развитие как популярной, так и «высокой» научной литературы, и против этого, конечно, трудно возразить» (20 июня 1946 г.) (Александр Фадеев. Письма. М., 1973, с. 226).

Казалось бы вполне благополучные, отношения Твардовского и Овечкина прерываются в 1948 г., после выступления В. Овеч-

кина на обсуждении прозы Твардовского «Родина и чужбина». Восстанавливаются они лишь в 1952 г. по почину Твардовского, обратившегося к Овечкину с предложением сотрудничать в «Новом мире» и получившего от него вскоре очерк «Районные будни».

Появление этого и последовавших за ним очерков Овечкина стало событием, имевшим принципиальное значение для литературы того периода. «Беллетристические подобия действительности», которые пародирует Твардовский в поэме «За далью — даль»:

Она и он передовые,
Мотор, запущенный впервые,
Парторг, буран, прорыв, аврал,
Министр в цехах и общий бал, —

усиливали потребность в литературе иных свойств и качеств. Твардовский чувствовал эту назревшую потребность и не упустил произведения, обошедшего перед тем многие московские редакции. «Районные будни» получили отклик в самых широких читательских кругах, затронули так, как давно не затрагивали многостраничные романы о колхозах. Вслед за Овечкиным в течение сравнительно короткого срока журнал вывел на свои страницы плеяду талантливых авторов, писавших о деревенских проблемах: В. Тендрякова, Г. Троепольского, С. Залыгина, позже присоединив к ним имена Е. Дороша, Л. Иванова, А. Яшина, Ю. Черниченко. С 1952 г. укрепляются дружеские связи Твардовского и Овечкина, уплотняется их переписка. Она поддерживается сначала авторским сотрудничеством Овечкина в «НМ», а с 1958 г. его активной и глубоко заинтересованной работой в журнале в качестве члена редколлегии.

При кажущейся и действительной неоднородности характеров Овечкина и Твардовского, обладали они общими свойствами, приобретенными главным образом «в пути». С первых проблесков новизны, отмеченных ими в коллективизированной деревне (у Овечкина в «Колхозных рассказах», 1935; у Твардовского в «Дневнике председателя колхоза», 1933, и «Стране Муравии», 1936), они шли — участники событий — дорогой своего поколения: через коллективизацию, Великую Отечественную, трудные послевоенные годы восстановления страны, болели событиями своей эпохи и писали о них. Если же искать общность взглядов в приложении к литературе, то она в понимании ее общественного назначения при полном сохранении за нею значения искусства. Именно в этом направлении работал каждый из них в меру своего дарования. Переписка отражает и несовпадение отдельных взглядов и особых вкусов, вполне естественное для крупных, отмеченных большим своеобразием характеров

Письма печатаются по подлинникам, переданным семьей Валентина Владимировича Овечкина в архив А. Т. Переписка Твардовского и Овечкина опубликована в журн. «Север», 1979, № 10; 1980, № 2.

23 января 1946 г. (Стр. 422)

В переписке Твардовского и Овечкина сохранилось полдесятка писем 1946 г. и среди них — это единственное от Твардовского. Письма 1946 г. важны уже в силу того, что документируют время сложившихся отношений писателей и, что еще более существенно, вскрывают те мотивы, которые поддерживали взаимный интерес друг к другу москвича Твардовского и сначала киевлянина, а потом таганрожца Овечкина. Знакомство писателей, по-видимому, следует отнести к началу 40-х годов, темой же писем 46-го года стала идея создания журнала для сельской интеллигенции — «Советская Родина». Текст письма-программы этого журнала, сохранившийся в архиве В. В. Овечкина, датированный 1 января 1946 г., подписанный М. Шолоховым, А. Фадеевым, А. Твардовским, П. Вершигорой, В. Овечкиным и М. Исаковским, по-видимому, не направлялся в соответствующие инстанции и не рассматривался.

Отмечая, что «наши так называемые толстые журналы («Октябрь», «Новый мир» и др.) делаются без учета специфических потребностей разных категорий читателей», инициаторы нового издания предлагали «организовать, в дополнение к существующим журналам, новый массовый журнал особого типа для села, рассчитанный на таких читателей, как районный партийный и советский актив, председатели сельсоветов, председатели колхозов, сельские учителя, врачи, агрономы и т. п. Такой журнал, печатающий лучшие художественные произведения советских писателей, большие проблемные очерки о новых процессах жизни села и яркую доходчивую публицистику, принес бы народу немалую пользу». В письме излагался проект журнала: его объем (10 печ. л.), разделы и рубрики, тематика, тираж (200 тыс. экз.).

«Дом у дороги» печатался в журн. «Знамя» (1946, № 5—6). *Ильичев* Леонид Федорович — в то время главный редактор газеты «Известия». Как во время войны, так и в первые послевоенные годы А. Т. много сотрудничал в «Известиях», где работали некоторые из его фронтовых товарищей: Н. А. Баканов, Л. А. Кудреватых, С. Б. Сутоцкий, В. В. Полторацкий. Имело значение и то, что, живя близко от редакции газеты (ул. Горького, 15), А. Т. часто заглядывал «на огонек» «Известий». Все это способствовало тому, что он хорошо был знаком с работой коллектива редакции. Не исключено, что именно от А. Т. исхо-

дило предложение (в «инициативной группе») кандидатуры Л. Ф. Ильичева.

2 и 12 января 1952 г. (Стр. 423)

Телеграммы эти — свидетельство инициативы редактора «Нового мира», проявленной для возрождения тех добрых отношений, которые уже существовали в середине 40-х годов, но были поколеблены после появления в 1947 г. «Родины и чужбины» и участия Овечкина в ее критике (см. об этом в мемуарном очерке Н. Атарова об Овечкине «Дальняя дорога», «НМ», 1973, № 9). Повесть «Трактористы», оттесненная новым творческим замыслом, осталась незаконченной и не печаталась в «НМ». Отрывок из нее под тем же заглавием печатался в «Огоньке» (1952, № 37, 38). Под заглавием «День тракториста» включается в сборники автора.

15 июля 1952 г. Телеграмма. (Стр. 423)

Речь идет об очерке «Районные будни».

17 июля 1952 г. (Стр. 423)

Тарасенков А. К.— см. примеч. к письму от 20 июня 1951 г. *Очерк* — «Районные будни» («Борзов и Мартынов») появился в № 9 «НМ», 1952 г. *Смирнов* С. С. — см. примеч. к письму от 6 октября 1952 г.

18 августа 1952 г. (Стр. 425)

По-видимому, было письмо Овечкина (в архивах А. Т. и «НМ» его не удалось обнаружить), беспокоившегося о судьбе «Районных будней». Беспокойство автора понятно: известно, что рукопись очерка он предложил «НМ» уже после того, как она была отклонена в ряде московских журналов.

Договорные деньги — аванс под повесть «Трактористы».

30 января 1953 г. (Стр. 425)

Ответ на большое, многостраничное письмо Овечкина от 11 января 1953 г., в котором он делился с Твардовским мыслями о положении в сельском хозяйстве и способах его улучшения. «Злюсь, нервничаю по-прежнему — от сознания того, что, видимо, все же главного не сказал. Шуму очерки наделали много (к этому времени, помимо «Районных будней», Овечкин опубликовал в «НМ», 1952, № 12, очерк «В одном колхозе», также имевший успех.— *М. Т.*), но шум-то литературный. Ось земная от этого ни на полградуса не сдвинулась. В колхозах все по-прежнему. Все же как-то идеалистически решал я вопросы вытягивания отстающих колхозов. Есть гениальный секретарь райкома, есть гениальный председатель колхоза — дело пойдет на лад. Но откуда же набраться их — гениев? Нужны, видимо, такие *организационные формы*, при которых допустимо пребы-

вание на руководящих постах и среднеспособных товарищей, не только гениев. В промышленности вреда от плохих и посредственных руководителей несравненно меньше, потому что там есть государственная гарантия в смысле заработка для рабочих: при любых обстоятельствах рабочий свою зарплату получит. Колхозники же, при настоящей системе оплаты труда, беззащитны от дураков... Один год оставить колхозников без хлеба, и вот уж материальная заинтересованность подорвана, дисциплина разболталась, колхоз пошел вниз. Начинается карусель по этому самому порочному кругу, который куда легче замкнуть, чем разорвать». Разрешение этих противоречий Овечкин видел тогда в превращении колхозов в государственные предприятия, последовательном подчинении их МТС, гарантированной оплате труда и т. п., — искал опору своим мыслям в недавно появившейся работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952).

...относительно плана нового очерка... — Продолжение очерков Овечкина печаталось в «Правде» («На переднем крае», 1953, 20 и 23 июня) и в «НМ» («В том же районе», 1954, № 3). *За теплые слова... спасибо, спасибо.* — Овечкин так отозвался о посланном ему двухтомнике сочинений Твардовского (М., Гослитиздат, 1951): «Снова перечитываю с наслаждением Ваши творения — и смеюсь, и плачу, и радуюсь тому, что есть у нас, в нашем советском хозяйстве, такая поэзия. До чего же Вы народный поэт, Александр Трифонович! Пишите, ради бога, еще и еще на радость всем русским людям! Новый год встретил в хорошем, светлом настроении. Да оно меня не покидало все дни с последней встречи с Вами. Самое радостное у меня за прошлый год — это встречи с Вами. Знал я до сих пор Твардовского как поэта, узнал и как человека. Богаче стал». *...о публикации Маслова...* — Евгений Кириллович Маслов — бывший фронтовик, председатель одного из колхозов Льговского района Курской области. Его портрет дает Ю. Капусто в очерке «Хлеборобы» («НМ», 1950, № 4). Будучи убежден в талантливости Е. Маслова, Валентин Владимирович хотел трудоустроить его таким образом, чтобы у него оставалось свободное время для литературной работы. Позже это удалось сделать: Е. К. Маслов стал работать в районной газете. Овечкин посылал стихи Е. Маслова с комментариями от себя, предлагая дополнить их редакционными примечаниями. *...отзыв Ваш о Щеглове.* — В портфеле редакции была пьеса И. И. Щеглова (см. письмо от 6 марта 1959 г.) «Лес дремучий». Посланная на отзыв Овечкину, она получила сначала его телеграфную оценку: «Пьесу прочитал. Здорово! Надо дотянуть. Посылаю замечания». На основании развернутой рецензии Овечкина (см. в его кн. «Статьи. Дневни-

ки. Письма», М., 1972, с. 123—125) пьеса была доработана автором и опубликована в «НМ», 1953, № 7.

20 февраля 1953 г. (Стр. 427)

На отзыв Овечкину посылались рассказы Гавриила Николаевича Троепольского (р. 1905) «Из записок агронома». Несмотря на то, что отзыв обо всем цикле был отрицательным, редакция опубликовала «Записки» («НМ», 1953, № 3, 8), принесшие автору известность. Очерк «Прохор семнадцатый, король жестянщиков» вошел во вторую часть публикации. Позже, в статье «По случаю юбилея», Твардовский, называя рассказы Троепольского вслед за исключительно высоко оцененными им «Районными буднями» Овечкина, отмечал: «Большой интерес и сочувствие вызвал Г. Троепольский смелыми поисками сатирической формы отражения колхозной жизни тех лет» («НМ», 1965, № 1). Сам Овечкин, выступая в 1955 г. на совещании литераторов — авторов произведений на сельские темы, уже по-иному подходил к работе Троепольского-сатирика: «Рассказы у Троепольского разные. Есть у него рассказы особого рода — сатирические, и есть не сатирические, так сказать, обыкновенные. Грешным делом, мне его обыкновенные рассказы нравятся больше, чем сатирические... При всех своих недостатках сатирические рассказы Троепольского все же значительное явление в нашей литературе» (доклад «Колхозная жизнь и литература» опубликован в кн.: В. Овечкин. Статьи. Дневники. Письма, с. 14—64). На страницах «НМ» печатались и другие произведения Троепольского: рассказы (1954, № 1, 4, 9), повести «Кандидат наук» (1958, № 12) и «В камышах» (1963, № 4, 10), публицистический очерк «О реках, почвах и прочем» (1965, № 1), а также его статья-некролог о В. В. Овечкине (1968, № 9).

Как видно из письма, Твардовский предполагал ввести В. В. Овечкина в редколлегию журнала. Это удалось осуществить при вторичном его вступлении в должность главного редактора «НМ» в 1958 г. Совет насчет квартиры был Овечкиным отвергнут: «...квартиру в Москве я просить не буду, ни к чему она мне. Квартира в Москве — это уже первый шаг туда, в секции, в комиссии» (5 марта 1953 г.).

...не получится ли Шолохов № 2? — М. А. Шолохов состоял членом редколлегии «НМ» с 1941 до 1954 г., но, живя вне Москвы, не мог принимать повседневного участия в работе журнала.

15 июня 1953 г. (Стр. 428)

...перечитали «Академика» — пьесу В. Овечкина и Г. Фиша «Народный академик» («НМ», 1953, № 10). Под «авторским исполнением» подразумевается чтение пьесы членам редколлегии

журнала. «*С. С.*» — С. С. Смирнов (см. примеч. к адресованному ему письму от 6 октября 1952 г.).

25 февраля 1954 г. (Стр. 429)

...заседаю, ты знаешь где. — Имеется в виду Пленум ЦК КПСС (23 февраля—2 марта), принявший постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». *...относительно Абрамова...* — Имеется в виду статья Ф. Абрамова (см. примеч. к адресованному ему письму от 29 августа 1967 г.) «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе (Литературные заметки)» («НМ», 1954, № 4). *С кн. 4 — благополучно.* — Очевидно, описка, и речь идет о № 3 «НМ», где печатались очерк В. Овечкина «В том же районе» (именно о нем он справлялся в письме от 22 февраля) и глава из поэмы «За далью — даль» — первый вариант главы о И. В. Сталине.

2 мая 1954 г. (Стр. 429)

Обрадован... солидарностью... — Овечкин и Твардовский решили ехать в Смоленскую область, а не в Киев, где 6 мая открылась декада русской литературы. Перед этим Твардовский участвовал в декаде украинской литературы в Москве. *Доронин* Павел Иванович — в 1954—1960 г. первый секретарь Смоленского обкома КПСС, автор брошюры «На земле Смоленской» (М., 1958), рецензировавшейся в «НМ» (1959, № 7). Овечкину Доронин был известен по Курской обл., где он до 1954 г. также был первым секретарем обкома партии. Черты личности Доронина вошли в характер главного героя «Районных будней» Мартынова.

24 мая 1954 г. (Стр. 431)

...несколько строк, относящихся к моему «делу»... — В связи с обменом партбилета Твардовский обращался в ЦК КПСС с заявлением по поводу своего социального происхождения для указания его в соответствующей графе учетной карточки: «При уточнении биографических данных в связи с обменом партдокументов я обратил внимание на то, что в графе «социальное происхождение» указано, что родители мои в пооктябрьское время были кулаками. В беседе с секретарем Краснопресненского РК КПСС и в письме, адресованном бюро РК, я просил изменить обозначение «кулаки», мотивируя эту просьбу, во-первых, несоответствием этого обозначения действительности, так как в хозяйстве моего отца, административно высланного в 1931 г. за невыполнение «твердого задания», никогда не применялся наемный труд, и, во-вторых, тем, что это обозначение противоречит утверждению многочисленных биографических справок в печати, что я сын крестьянина-кузнеца» (из копии заявления. Архив А. Т.). Одновременно он отправил письмо на имя первого секретаря

Смоленского обкома КПСС П. И. Доронина с просьбой выяснить этот вопрос по документам сельсовета и района, в котором проживала семья отца. Овечкин сообщал А. Т. из Смоленска: «Доронин при мне получил твое письмо. Читал его и я. Он дал указание в район, чтобы там разобрались с делом по-человечески, без формализма. И то, что ему сообщили уже из района, по-видимому, соответствует полностью изложенному тобою в письме. Ждет бумагу из района и будет звонить Фурцевой» (22 мая 1954 г.). *«Теркина» закончил... читал в редакции...* — В «НМ» было две читки первого варианта «Теркина на том свете»: 2-го или 3-го мая (сразу после возвращения из Барвихи, где поэма была «перебелена») — узкому редакционному кругу и 22 или 23 мая — литературному активу журнала («человек 15—20»). Оба чтения прошли успешно. В письме отмечено второе чтение. *Владыкин* Г. И.— См. примеч. к письму Соколову-Микитову от 22 декабря 1957 г. *Кузнецов* Михаил Матвеевич (1914—1980) — литературный критик. Одновременно с Твардовским (1939) окончил МИФЛИ, работал в «Правде», «Лит. газ.», печатал статьи в «НМ» (1952, № 2, 7; 1960, № 2, 9; 1961, № 10; 1962, № 10).

28 сентября 1954 г. (Стр. 432)

Совместная поездка на Смоленщину не состоялась: в октябре Овечкин уехал на месяц в Китай. Твардовскому пришлось поехать в Смоленск по другой причине: в связи со смертью брата Василия.

Фоменко В. Д. — См. адресованное ему письмо от 8 августа 1961 г. и примеч. к нему.

9 октября 1954 г. (Стр. 433)

А. Т. выехал в Смоленск 11 октября и пробыл там несколько дней.

17 февраля 1956 г. (Стр. 433)

Восхищение Твардовского вызвало предсъездовское письмо Овечкина в ЦК КПСС, по теме продолжавшее его статью «Об инициативе и талантах» («НМ», 1956, № 1) и озаглавленное «О планомерности, рывках, работе на сводку и гражданском мужестве».

Хожу на съезд...— XX съезд КПСС, проходивший 14—25 февраля.

5 апреля 1956 г. (Стр. 434)

В 1956 г. Овечкин направил несколько писем в руководящие органы по актуальным вопросам колхозной и партийной жизни. Письмо М. А. Шолохову было откликом на его выступление на XX съезде КПСС.

Полторацкий Виктор Васильевич (1907—1982) — поэт и прозаик, в то время главный редактор альманаха «Наш современник». *...«все перевернулось и только укладывается»...* — слегка измененные слова Левина из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» («...У нас теперь, когда все это переворотилось и только укладывается...»). Приведены В. И. Лениным в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха» (ПСС, т. 20, с. 100).

5 сентября 1957 г. (Стр. 435)

Написал новую главу «Далей»... — «На Ангаре». *...были две беседы*, проходившие в ЦК КПСС в связи с проектом организации писателей Российской Федерации. Первая состоялась 24-го, вторая — 31 июля 1957 г. Был затронут и более широкий круг актуальных вопросов литературного развития. *...замыслу («Без беллетристики») очень рад...* — Весь 1957 г. Овечкин работал над публицистическим очерком, задуманным на основе многочисленных читательских откликов, вызванных его «Районными буднями». К концу года было написано 125 страниц из предполагавшихся примерно 180. Очерк остался незаконченным и почти неизвестным читателю: только часть его — три небольших фрагмента: «О демагогии», «Хозяйское право советского человека» и «Меры приняты» — под общим заголовком «Без беллетристики» была опубликована на страницах «Журналиста» (1974, № 7).

3 октября 1958 г. (Стр. 436)

Сопроводительная записка к проспекту «НМ» на 1959 г. (опубликован в № 11 за 1958 г.).

1 декабря 1958 г. (Стр. 436)

Отзыв твой о рукописи Казакевича... — См. письмо Казакевичу от 5 февраля 1959 г. и примеч. к нему. *Драбкина* Елизавета Яковлевна (1901—1974) — писатель, автор кн. «Черные сухари» и др. *И. Сац* — см. примеч. к адресованному ему письму от 15 декабря 1957 г. *«Дневник писателя»* Овечкин для «НМ» не писал. *...как будешь ехать на съезд.* — Учредительный съезд писателей РСФСР проходил 7—13 декабря в Большом Кремлевском дворце.

24 ноября 1959 г. (Стр. 437)

Твардовский критикует очередную пьесу Овечкина «Летние дожди». Ставилась в Курском театре (1960 г.).

«Сонет Петрарки» (1957) — пьеса Николая Федоровича Погодина (1900—1962).

12 декабря 1960 г. (Стр. 439)

Очерки в «Сельской жизни»... — «Рассказ об одной поездке» (1960, 30 октября и 1—3 ноября) и «Еще об одной поездке (Проблемы зернового хозяйства Омской области)» (1960, 23 и 24 ноября) — результат поездки Овечкина в Сибирь и на Дальний Восток. *Замечания твои по Эренбургу...* — Замечания Овечки-

на в письме Твардовскому от 5 декабря 1960 г. по верстке кн. 2 мемуаров И. Г. Эренбурга (см. примеч. к адресованному ему письму от 19 мая 1964 г.) касались преимущественно оценок личности и поэзии Б. Л. Пастернака. Эти оценки, которые Овечкин посчитал завышенными, были в тексте сохранены (см. «НМ», 1961, № 2, с. 87—92). *...или вместо Пановой...* — В февральской книжке «НМ» (1961) печаталась пьеса «Проводы белых ночей» В. Пановой (см. письмо к ней от 11 сентября 1960 г.).

19 мая 1961 г. (Стр. 440)

Отзыв Твардовского на первый вариант пьесы В. Овечкина «Пусть это сбудется» (1961). Впервые опубликована в журн. «Нева» (1961, № 10). В ином варианте включалась в сб. пьес автора «Пусть это сбудется» (М., «Советский писатель», 1962).

...большой очерк Е. Дороша... — «Сухое лето. 1960» был напечатан в «НМ», 1961, № 7. О Е. Я. Дороше см. в примеч. к письму Б. В. Шинкубе от 16 марта 1967 г. *...выявлено январским Пленумом, и про Рязань, и про Казань...* — Январский (1961 г.) Пленум ЦК КПСС, приняв решение по сельскому хозяйству, критически оценил работу руководства Рязанской области.

29 мая 1961 г. (Стр. 441)

Овечкин присылал два письма к нему театрального и литературного критика Инны Натановны Соловьевой (р. 1927), чье сотрудничество в «НМ» (статьи — 1960, № 8; 1962, № 7; ряд рецензий) положительно оценивалось Твардовским. Соловьва писала о спектакле «Настя Колосова» в газ. «Советское искусство», 1951, 12 декабря — «Пьеса и ее прочтение». Со вторым вариантом новой пьесы Овечкина знакомились члены редколлегии: А. И. Кондратович, Е. Н. Герасимов. «Мы согласны с точкой зрения главного редактора, — писали они Овечкину 29 мая, — мы против напечатания пьесы в «Новом мире» (ЦГАЛИ, ф. 1702, ед. хр. 54).

24 июля 1962 г. (Стр. 442)

Повесть А. Яшина (см. примеч. к адресованному ему письму от 25 мая 1968 г.) «Сирота» печаталась в журн. «Москва» (1962, № 6). Овечкин писал о ней автору (21 июля 1964 г.) после выхода этого произведения отдельным изданием. В главной своей части письмо вошло в книгу Овечкина «Статьи. Дневники. Письма», с. 355. Рассказ «Выскочка» при жизни автора не печатался. Теперь опубликован в сб.: Александр Яшин. Повести и рассказы. Составитель З. К. Попова-Яшина. Архангельск, 1980.

Герасимов Евгений Николаевич (р. 1903) — в 1958—1965 гг. член редколлегии и заведующий отделом прозы «НМ», на стра-

ницах которого печатались его повести «Шелковый город» (1962, № 8), «Путешествие в Спас-на-Песках» (1967, № 12) и др.

20 сентября 1962 г. (Стр. 442)

Речь идет о записках Василия Семеновича Гроссмана (1905—1964) об Армении, где осенью 1961 г. он жил, переводя роман Р. Кочара «Дети большого дома». Овечкин так отозвался о записках В. Гроссмана: «Написаны они необычно, интересно, много в них теплоты, любви к Армении, но любовь какая-то странная. Скорее жалость, чем любовь. Автор мало увидел в Армении за те несколько месяцев, что прожил там. Мало завязал человеческих знакомств. «Заметки» следовало бы почистить, о чем и просить автора. А пока отложить их печатание» (18 сентября 1962 г.). Очерк В. Гроссмана в «НМ» не печатался: автор не согласился на последние поправки, которые просила внести редакция. Опубликован посмертно (неполностью): В. Гроссман. Добро вам. Из путевых заметок.— «Литературная Армения», 1965, № 6, 7. А. Т. встречался с Гроссманом на Юго-Западном фронте, дружил с ним в послевоенные годы. В «НМ» при Твардовском были напечатаны роман Гроссмана «За правое дело» (кн. 1; 1952, № 7—10), рассказы (1962, № 6; 1963, № 12); в № 9 за 1964 г. помещен некролог от редакции, в котором он назван «одним из ближайших сотрудников журнала».

28 февраля 1963 г. (Стр. 443)

Ефим Борисович Кравченко — главврач психо-неврологической больницы № 12 (Московская обл.). *...сдал на машинку «Теркина».*— Окончательный вариант поэмы «Теркин на том свете».

⟨17 декабря 1963 г.⟩ (Стр. 444)

Письмо это четко датировано Твардовским: «17. III. 1963 г.» Но поскольку являлось оно ответом на письмо Овечкина от 11 декабря 1963 г., возникло предположение об описке в указании года. И впервые оно публиковалось под датой: 17 марта 1964 г. («Север», 1980, № 2, с. 91). Помогло этой ошибке и то, что в марте 1964 г. А. Т. находился в Барвихе. Сейчас, благодаря найденной записи в рабочей тетради Твардовского, письмо датируется с исправлением его ошибки в указании месяца. Вот эта запись за 17 декабря 1963 г.: «...Крайне грустное письмо Овечкина: «писательство мое кончилось, всегда писал кровью, а она вроде вся вытекла». Пишу ответ». Упоминаемое в письме имя Кондратовича имеется и в записи Твардовского.

...даже здесь, в этом монастыре...— «Монастырями», «обителями», «узилищами» А. Т. называл санатории и др. лечебные учреждения. *...рад, что тебе понравился Залыгин...*— Речь идет о первом варианте повести Сергея Павловича Залыгина (р. 1913)

«На Иртыше», вскоре напечатанной в «НМ» (1964, № 2) и высоко ценимой Твардовским (см. статью «По случаю юбилея», «НМ», 1965, № 1, с. 12—13). На страницах «НМ» были опубликованы также романы Залыгина «Тропы Алтая» (1962, № 1—3) и «Соленая падь» (1967, № 4—6), рассказы, публицистические статьи, а также статья В. Сурвилло «Звенит труба Мещерякова (О творчестве С. П. Залыгина)» (1969, № 6). Выдвигался журналом на Государственную премию СССР. *Екатерина Владимировна* — жена Овечкина.

4 ноября 1964 г. (Стр. 446)

Ответ на приглашение Овечкина посетить Узбекистан в связи с празднованием 40-летия республики, которое должно было начаться 20 ноября.

...переменил дачу... — С 1964 г. Твардовский постоянно жил в дачном поселке на Пахре. *А сколько в этом году покойников...* — См. примеч. к письму И. С. Соколову-Микитову от 20 октября 1964 г.

3 марта 1965 г. (Стр. 447)

В 1965 г. исполнялось 40-летие журнала «Новый мир». Этой дате был посвящен специальный номер журнала со статьей Твардовского «По случаю юбилея» («НМ», 1965, № 1), а также товарищеский вечер в Центральном Доме журналиста.

31 мая 1965 г. (Стр. 447)

С. Х. — Минц. *...неизбрание тебя делегатом съезда...* — Второго съезда писателей РСФСР, состоявшегося 3—5 марта 1965 г. *Эндартериит* — заболевание периферических артерий, чаще всего ног. *...напиши Воронкову.* — См. примеч. к письму И. И. Владыкину от 27 мая 1961 г.

27 июня 1965 г. (Стр. 448)

Твардовский все более осознавал трудности жизни Овечкина в Ташкенте и искал способы помочь ему выехать оттуда, а также облегчить его материальное положение. Будучи внештатным членом редколлегии журнала, Овечкин не получал зарплаты. Пенсию — 100 рублей в месяц — он стал получать с середины 1964 г.; каких-либо значительных сбережений у него никогда не было. Все это заставляло Твардовского изыскивать источник облегчения материальных нужд товарища, тем более что, зная его характер, он не мог предложить ему помощь от себя лично. Поэтому не раз в письмах Твардовского встречаются напоминания о том, чтобы свои оценки прочитанных рукописей он оформлял как рецензии: они подлежали оплате на законных основаниях.

...готовлю второе издание...— Второе, пятитомное Собрание сочинений Твардовского выходило в 1966—1971 гг. в изд-ве «Художественная литература». *...крупные вещи... в этом полугодии (Эренбург, Конев, Семин...)...*— И. Эренбург. Люди. Годы. Жизнь, кн. 6 («НМ», 1965, № 1—4); И. Конев. Сорок пятый год. Страницы воспоминаний («НМ», 1965, № 5—7); Виталий Семин. Семеро в одном доме. Повесть («НМ», 1965, № 6).

2 августа 1965 г. (Стр. 450)

И. А. Сац — см. примеч. к адресованному ему письму от 15 декабря 1957 г. *Виноградов* Игорь Иванович (р. 1930) — критик, литературовед, один из постоянных авторов «НМ» в 1958—1970 гг., напечатавший на его страницах ряд статей и рецензий. Его работа одобрительно оценивалась Твардовским («НМ», 1961, № 12, с. 254; «НМ», 1965, № 1, с. 17). В качестве члена редколлегии (1965—1970 гг.) руководил сначала отделом прозы, а с 1967 г. отделом критики.

11 ноября 1965 г. (Стр. 450)

Овечкин писал А. Т.: «Вот уже месяц, как я вышел из больницы, но в Москву приехать смогу, вероятно, нескоро. Очень медленно поправляется здоровье» (19 октября 1965 г.). И здесь же: «Прочитал «Русскую пшеницу» Черниченко. Очень хорошая, по-моему, статья, поработал парень крепко над нею — как и над другими темами, за которые брался раньше».

Черниченко Юрий Дмитриевич (р. 1929) опубликовал в 1964—1969 гг. в «НМ» ряд проблемных очерков на сельскохозяйственные темы, в том числе «Кубань — Вологодчина» (1965, № 4), «Русская пшеница» (1965, № 11), «Помощник — промысел» (1966, № 8), которые отмечал Овечкин в своих письмах Твардовскому. *...нужно погодить... Будем годить.*— Почти точные цитаты из начальных страниц сатирического романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия».

14 января 1966 г. (Стр. 451)

...вновь найденную поэму М. В. Исаковского... — «Сказка о Правде». Поскольку А. Т. был как бы неофициальным редактором четырехтомного Собрания сочинений М. В. Исаковского — помогал ему в составлении и читал весь материал,— Исаковский послал ему «Сказку» для решения вопроса о включении или невключении ее в Собрание сочинений. Поэма была написана в 1945 г., но не печаталась. Твардовский решил дать ее в «НМ». «Сказка» обсуждалась на редколлегии журнала, высказавшейся за публикацию. Положительно ответил на письмо А. Т. и Овечкин. Однако в последнюю минуту Исаковский стал колебаться и

взял свое произведение. Не включил он «Сказку» и в Собрание сочинений. В сопроводительном письме Исаковского указывается на уже существовавшее знакомство Твардовского с Овечкиным в 1945 г.: «Сказку о Правде» я писал в 1945 г. Тогда же я прочел ее тебе. Тогда же я присутствовал на одном твоем разговоре с В. Овечкиным. Вы говорили о том, что хорошо бы начать издание толстого ежемесячного журнала для сельской интеллигенции. Ты, между прочим, сказал мне: «Вот в этом журнале мы обязательно поместили бы твою «Сказку»...» (10 января 1966 г. Архив А. Т.).

28 февраля 1966 г. (Стр. 452)

...в отношении Венжера...— Статья известного экономиста Владимира Григорьевича Венжера в «НМ» не появилась. В журнале рецензировалась книга В. Венжера «Использование закона стоимости в колхозном производстве» (М., 1965); см. Г. Лисичкин. Смелые размышления.— «НМ», 1966, № 1. *«Генерал»* (не печатался) — рассказ Владимира Ивановича Савченко (р. 1934), тогда начинающего писателя. В «НМ» был опубликован его рассказ «Письмо» (1966, № 4), а также несколько рецензий по разделу «Политика и наука». *С Троепольским придется погодить...*— Видимо, Овечкин напоминал Твардовскому о необходимости еще раз вернуться к теме, поднятой в очерке Г. Троепольского «О реках, почвах и прочем» («НМ», 1965, № 1). Осенью 1966 г. в «Правде» (4 и 5 сентября) появляются статьи Г. Троепольского «Сколько человеку воды нужно» и «Об осушении и «осушении» — отклик на решения майского Пленума ЦК КПСС по вопросам мелиорации и одновременно на читательские письма по поводу очерка «О реках, почвах и прочем». Из читательской почты Троепольский особо выделил письма ученых и специалистов, назвал новые факты непродуманной работы мелиораторов в Белоруссии и других местах, где работа «ради плана» кончалась губительно для рек и пойменных земель.

22 марта 1966 г. (Стр. 452)

К письму А. Т. приложил выписку цитаты из статьи И. Винниченко «Трудный жанр» («Лит. газ.», 1966, 15 марта): «Вспомним начало пятидесятых годов, когда в «Правде» появился острый проблемный очерк Валентина Овечкина «Районные будни». Высказанная здесь горькая правда о колхозной деревне тех лет, горячее стремление автора докопаться до самой сути сложных явлений жизни, во что бы то ни стало разрешить назревшие проблемы всколыхнули всю советскую общественность. Литературная критика повернулась лицом к очерку. «Новый мир» стал печатать «Очерк наших дней» на первых страницах

журнала (и притом самым крупным шрифтом!)». В ответном письме от 2 мая Овечкин сообщил, что послал в «Лит. газ.» письмо с указанием на ошибку. Газета исправила ее много лет спустя в статье того же автора, посвященной 75-летию со дня рождения В. В. Овечкина: «Очерком назвал свои «Будни», публикуя первые их главы в «Новом мире», а затем в «Правде», и сам Овечкин, хотя в дальнейшем, после завершения всего цикла, он и отмежевался от этого не совсем точного определения» («Лит. газ.», 1979, 27 июня, с. 5).

Александрова я не читал... — в письмах от 4 января и 14 марта 1966 г. Овечкин рекомендовал Твардовскому повесть ташкентского автора Вильяма Александровича Александрова «Годы детства». *О «Теркине» на сцене Театра сатиры...* — См. примеч. к письму В. Н. Плучеку от 16 ноября 1963 г.

25 сентября 1966 г. (Стр. 454)

«Политотдел» — колхоз близ Ташкента, в который неоднократно выезжал Овечкин и с которым были связаны его последние творческие планы. Еще на 1964 г. «НМ» обещал подписчикам повесть В. Овечкина «Двадцатые годы» — о становлении первых советских колхозов. В письмах Твардовскому отразилось изменение и усложнение замысла повести под влиянием знакомства Овечкина с хозяйством «Политотдела»: «Рассказ о «Политотделе» переплетается с моими воспоминаниями о нашей коммуне, где я председательствовал, о первых шагах колхозного движения... Наблюдая сегодня «Политотдел» (по моему убеждению — лучший колхоз в Советском Союзе), и бешено радуешься торжеству идеи коллективизации, и бешено злишься — почему не везде так? Ведь это же доступно всем... Но книга о «Политотделе» — работа большая, надолго». Работа эта осталась незаконченной.

М. И. Твардовская

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

[1] В указатель вошли имена, встречающиеся в текстах писем шестого тома. Курсивом выделены страницы, на которых помещены письма данному адресату.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА (1932—1970)

ПИСЬМА М. В. ИСАКОВСКОМУ

ПИСЬМА С. Я. МАРШАКУ

ПИСЬМА И. С. СОКОЛОВУ-МИКИТОВУ

ПИСЬМА В. В. ОВЕЧКИНУ

Твардовский А. Т.
Т26 **Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 6.** Письма (1932—1970)/Примеч. М. И. Твардовской; Под общ. ред. Ю. Буртина; Худож. Г. Чеховской.— М.: Худож. лит., 1983.—671 с.

В шестой том вошла часть эпистолярного наследия А. Т. Твардовского: письма к разным адресатам (1933—1970) и письма к писателям-друзьям—М. В. Исаковскому, С. Я. Маршаку, И. С. Соколову-Микитову, В. В. Овечкину (1932—1970).

Т $\frac{4702010200\text{-}269}{028(01)\text{-}83}$ подписное **Р2**

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ

Собрание сочинений в шести томах том VI

Редактор О. Новикова
Художественный редактор
Е. Ененко
Технические редакторы
В. Нефедова, Л. Ковнацкая
Корректоры
О. Стародубцева и М. Чупрова

ИБ № 2216
Сдано в набор 04.11.82. Подписано к печати 18.08.83 А13902. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 35,28. Усл.-кр. отт. 35,28. Уч.-изд. л. 37,48. Тираж 150 000 экз. Изд. № III-707. Заказ 452. Цена 2 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.